26.8
A79

ВОСПОМИНАНІЯ СЛѢПАГО.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖАКА АРАГО́.

ПЕРЕВОДЪ

П. А. КОРСАКОВА И ДР.

ИЗДАНІЕ В. МЕЖЕВИЧА И И. ПЕСОЦКАГО,

украшенное пятьюдесятью картинками, рисованными и литографированными въ Парижѣ.

—

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МБУ «ЦБС»
Ч-З. 5122.
Библиотека № 1 Окружная городобывающая
Инв. №
п. Нарьян

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1844.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 Февраля 1844.

Цензоръ *А. Очкинъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

Считаемъ излишнимъ говорить читателямъ нашимъ о побудительныхъ причинахъ, заставившихъ насъ издать эту книгу на русскомъ языкѣ. Вмѣсто всякаго предисловія, переведемъ статью остроумнаго Жанена, напечатанную въ «Journal des Débats», по выходѣ перваго изданія этой книги въ Парижѣ, состоявшаго изъ четырехъ томовъ.

«Некогда писать вступленія; попутный вѣтеръ дуетъ, корабль порывается изъ гавани, — намъ надобно облетѣть вокругъ свѣта; поѣдемъ-же! Едва мы успѣваемъ бросить послѣдній взглядъ прощанія и сожалѣнія на Тулонъ, на это первое завоеваніе воина - Бонапарте. Тулонъ составляетъ такую-же принадлежность моря, какъ крѣпостной ровъ — крѣпости, какъ ботъ — корабля. Но вотъ мы и въ открытомъ морѣ. Посмотрите! Мы тотчасъ-же попали на бурю. Да! всѣ наши желанія исполняются, какъ нельзя лучше; буря въ первый день путешествія, вездѣ громъ, вездѣ дождь. Но за этимъ вѣтромъ Барцелона, Балеарскіе острова, Испанія, Гибралтаръ. Мы останавливаемся въ Гибралтарѣ, на этой горѣ англійскихъ пушекъ, брошенной посреди моря. Между этими зіяющими жерлами стоитъ что-то похожее на городъ, населенный всякими неправдами, ворами, бандитами, контрабандистами, нищими и солдатами. Уѣдемъ пожалуста поскорѣе, и поклонимся хоть издали Тенерифскому Пику. Въ сорока льё эта высокая гора выказываетъ еще свое грозное чело въ небѣ. Черезъ экваторъ переѣзжаемъ мы со всѣми сумасбродными церемоніями веселыхъ матросовъ. Въ этотъ день, нашъ путешественникъ Жакъ Арагò, кровный братъ могущественнаго властителя Обсерваторіи, уже соскучившійся, что онъ ни съ кѣмъ не подружился, потому-что онъ веселый, любезный и откровенный товарищъ, пріобрѣтаетъ себѣ двухъ преданныхъ друзей, въ лицѣ двухъ старыхъ матросовъ, Пѣти и Маршэ. Вообразите себѣ двухъ старыхъ моряковъ, покрытыхъ жосткою кожею, съ желѣзными руками, рѣдкими волосами, впалыми глазами, подобраннымъ животомъ, перегорѣвшимъ желудкомъ, но

съ честнымъ сердцемъ и нѣжною душою. Маршэ, настоящій бандитъ, всегда готовый треснуть кулакомъ, дать пинка или укусить зубами, всегда готовый прибить, или быть битымъ, бѣшеный, ужасный пьяница, а если умѣютъ за него взяться, настоящій ягненокъ. Пёти, напротивъ того, хитрый, безпечный, насмѣшливый, острякъ, другъ Маршэ столько-же, какъ и Маршэ ему другъ. Между этими-то соленоводными Орестомъ и Пиладомъ путешественнику нашему сперва удалось помѣстить свою руку, потомъ голову, потомъ сердце, и въ добрый путь! Теперь, какъ у него уже есть два друга, то ему, вѣрно, не соскучиться. При томъ-же онъ молодъ, хорошъ собою, горячъ, храбръ; его живой и свѣтлый взглядъ обхватываетъ всю неизмѣримость пространства; онъ съ одинаковымъ дарованіемъ дѣйствуетъ кистью и перомъ, равно искусно играетъ на флажолетѣ и на гитарѣ, одинаково силенъ съ саблею въ рукѣ и со стаканчиками фокусниковъ: онъ музыкантъ, поэтъ, подъ-часъ влюбленъ, и, что̀ всего важнѣе, онъ получаетъ огромное жалованье — по шести сотъ франковъ въ годъ.

Итакъ вотъ что̀ мнѣ больше всего нравится въ этомъ путешествіи: это умные скачки наблюдательнаго взгляда, это кругосвѣтный обзоръ поэта, это то̀, что̀ наука о землѣ и морѣ, которая уже сдѣлалась такъ всесвѣтно знакома, какъ дѣтская азбука, уступаетъ мѣсто фантазіи, этому рѣдкому и счастливому качеству молодыхъ людей, влюбленныхъ и поэтовъ. Фантазія управляетъ всѣми дѣйствіями этого путешествія. Она повелѣваетъ бурямъ и ураганамъ; она назначаетъ часъ отъѣзда, часъ прибытія и время пребыванія. А какъ скоро фантазія на ходу, то берегитесь, кто-бы вы ни были, дикій или образованный человѣкъ, бѣлый или смуглый, мѣдноцвѣтный или чорный, владѣтель или невольникъ, морякъ или пѣшеходецъ: вы уже принадлежите этой знатной дамѣ, которую зовутъ поэзіею. Фантазія! Вотъ путешественникъ, какихъ я люблю. Онъ всѣмъ пользуется: и коляскою въ четыре лошади, и палкою пилигрима, и манежнымъ скакуномъ, и клячею земледѣльца, и шлюбкою, и военнымъ кораблемъ, и океаномъ, и ручейкомъ, бѣгущимъ на лугу; ему все годится, и даже орѣховая скорлупа королевы Титаніи, выѣденная зубами вѣкши. Подобному путешественнику, который приходитъ, уходитъ, останавливается на-угадъ, какъ вздумается, то безпечный, то неистовый, который всегда торопится уѣхать и съ такимъ-же нетерпѣніемъ хочетъ пріѣхать, и который однакоже безпрестанно повторяетъ эти слова изъ Евангелія: *Господи! намъ здѣсь хорошо, поставимъ три палатки*, — подобнымъ путешественникамъ надобно опустить повода и пустить ихъ гулять по волѣ. Не спрашивайте у нихъ ни порядка, ни методы, ни правильнаго движенія, ни учености, ни науки; у нихъ гораздо-лучше всего этого: у нихъ случай и вдохновеніе, у нихъ вѣрный глазъ, они умѣютъ угадывать и выбирать, они разсказываютъ живо и быстро; у нихъ рука смѣлая, голова гордая, взглядъ вѣр-

ный. Однимъ-словомъ, они ни въ чомъ не похожи на всѣ прошедшія и настоящія путешествія и путешественниковъ.

Таковъ путешественникъ, о которомъ я вамъ говорю. Онъ повинуется только самъ себѣ; онъ вовсе не заботится о томъ, чтобъ слѣдовать по стопамъ своихъ предмѣстниковъ. Съ этимъ свѣтомъ и людьми, которые мелькаютъ мимо его глазъ, онъ поступаетъ какъ-будто первый явился въ этотъ міръ, судитъ и рѣшаетъ безъ апелляціи. Онъ не опровергаетъ ничьего мнѣнія, не служитъ никому объясненіемъ, не ссылается ни на кого. Оттого-то въ этомъ путешествіи вокругъ свѣта столько любопытнаго, новаго, что я вамъ не умѣю и пересказать. Это неисчерпаемый источникъ разсказовъ то важныхъ, то ничтожныхъ. Вамъ поминутно являются тѣ-же имена, тѣже наблюденія, тѣже открытія. Послушайте, на-примѣръ, этого энтузіаста Арагò (они всѣ таковы, — и ученый тоже): вотъ онъ въ Бразиліи; земля плодородная, природа совершенно-особенная, тихій вѣтерокъ, божественное солнце, богато-рыбныя рѣки, воздухъ, наполненный птицами, деревья, покрытыя плодами, горы серебра и желѣза, ручьи, несущіе золотой песокъ, сила, здоровье, красота, мужество, высокія деревья, огромные памятники, — всё есть! Нашъ путешественникъ поетъ тотъ самый благодарственный гимнъ, который пѣли два Еврея, посланные въ Ханаанскую землю, когда они возвратились оттуда, согбенные подъ бременемъ винограда и хлѣбныхъ колосьевъ. Никогда вы не встрѣчали столь неутомимаго восторга. Только, если вы не любите исторій о неграхъ и невольникахъ, если васъ пугаютъ отвратительныя подробности о крови, палкахъ, невѣроятныхъ убійствахъ, необузданныхъ порокахъ, переверните нѣсколько страницъ этой книги. Тутъ есть цѣлая глава, наполненная этими ужасами.

А женщины! О! бразильскія дамы! Это огонь подъ прекрасною оболочкою смуглаго тѣла, гибкаго, свѣтлаго, роскошнаго. Они всегда покрыты жемчугомъ, рубинами, брилiантами, золотыми цѣпочками; прелестныя невольницы несутъ за ними длинные ихъ шлейфы. Онѣ живутъ горизонтальною жизнію. Безпечность, сонъ и любовь — вотъ ихъ жизнь.

Если имъ скучно, то онѣ призываютъ невольника. Лягъ тутъ! — Невольникъ повинуется, а милыя дамы, вооружась плетью, съ слоновою, рѣзною ручкою, выбираютъ съ улыбающеюся жестокостію самыя чувствительныя мѣста этого человѣческаго созданія, лежащаго у ногъ ихъ. Та, которая вырвала кровавымъ ремнемъ лучшій кусокъ чорнаго мяса, — та и выиграла.... Прибавьте къ этимъ прекраснымъ картинамъ монаховъ всѣхъ цвѣтовъ, церкви, оскверняемыя день и ночь всякаго рода любовными свиданіями, а въ лѣсахъ народъ людоѣдовъ. И однакоже нашъ счастливый путешественникъ встрѣчаетъ въ этихъ лѣсахъ, между людоѣдами, настоящихъ парижскихъ парижанокъ, прелестныхъ, щегольски-одѣтыхъ,

убранныхъ милыми ленточками, съ такими проницательными глазами, съ такими бѣлыми зубами. И онѣ пошли смотрѣть въ эти лѣса, какъ господа дикіе кушаютъ зажареннаго человѣка.

Онъ видѣлъ также Альбиносовъ съ красными глазами, бѣлыми волосами, видѣлъ Бутикудосовъ съ вытянутыми ушами, звѣрскихъ Тупинамбасовъ, кровожадныхъ Панкисеевъ, видѣлъ, дотрогивался до нихъ, говорилъ съ ними, и вышелъ живъ и цѣлъ изъ логовища этихъ вонючихъ и воющихъ звѣрей. Еще больше : онъ мечтаетъ о томъ, какъ-бы ихъ образовать, просвѣтить. Мечты Жака Арагò прекрасны, одушевлены чувствами благородства и человѣколюбія; пусть его мечтаетъ, тѣмъ болѣе, что паруса уже распущены. Сей-часъ онъ былъ въ Бразиліи, теперь на мысѣ Доброй-Надежды, подлѣ Камоэнсова гиганта Адамастора.

Городъ Капъ бѣлъ, чистъ, наряденъ. Видно, что тутъ были Голландцы; столько порядка, чистоты и симетріи. Но куда-же отправляется нашъ неустрашимый путникъ? За чѣмъ не остановиться въ этихъ гостепріимныхъ домикахъ, подъ благосклонною тѣнью пробковыхъ деревъ? Или этому человѣку нѣтъ нигдѣ покоя? Что тутъ за покой, что за пробковыя деревья! – Надобно сперва взойти на эту высокую гору, сѣсть тамъ на верху за *столъ*, прежде нежели облака не накрыли *скатерти*. Вотъ онъ лѣзетъ, не-смотря на солнце, и что-жъ онъ тамъ на верху находитъ? Парижанина, въ лакированныхъ сапогахъ, въ чорномъ сюртукѣ, въ желтыхъ перчаткахъ; Парижанина изъ балкона Большой Оперы, изъ кофейнаго дома Тортони. Вотъ счастье! Встрѣтить Парижанина между Альбиносами, Бутикудосами и Тупинамбасами! встрѣтить Парижанина на вершинѣ Столовой-горы, – а что еще больше – собственнаго сына Жоржа Кювье!

Пріѣхавъ въ Капъ и посидѣвъ на *скатерти* Столовой-горы, что дѣлать рыцарю Круглаго-стола? Больше нечего, какъ идти на охоту за львами. Тамъ охотятся за львами точно такъ, какъ у насъ за зайцами, съ тою разницею, что за львами можно охотиться во всякое время, а это большая выгода для охотниковъ. Левъ очень-хорошая дичина; самъ-же онъ лучше любитъ кушать негровъ, нежели бѣлыхъ: *«чтобъ я сталъ пить бѣлыхъ, эту дрянь, эту глупую породу! Для нихъ нечего и рта раскрывать!* Этотъ странный вкусъ льва придаетъ много смѣлости охотникамъ, хоть не многимъ бѣлымъ. Если вы бѣлый, то стоитъ вамъ взять съ собою на охоту негра; вы встрѣчаете льва, стрѣляете по немъ, промахнетесь, левъ бѣжитъ на васъ, и–съѣдаетъ негра. Покуда онъ оканчиваетъ въ кустахъ свой завтракъ, вы мѣтитесь хорошенько и стрѣляете навѣрное. Въ это время самымъ жестокимъ истребителемъ львовъ въ Капѣ былъ нѣкто Рувьеръ, Французъ. Рувьеръ былъ столько-же лакомъ до львовъ, сколько львы до негровъ. Для Рувьера всего пріятнѣе, когда ему скажутъ, что быки фыркаютъ и

бьютъ копытами. Это значитъ, левъ гдѣ-нибудь близко. Тогда Рувьеръ идетъ одинъ, — безъ негра, — и отыскиваетъ кровожаднаго звѣря. Онъ какъ кошка къ нему подкрадывается; онъ караулитъ его день и ночь. Если онъ найдетъ льва спящимъ, то, какъ благородный боецъ, разбудитъ его : Гей! вставай! проснись! и когда левъ выкажетъ изъ логовища свою голову, когда расправитъ свои когти, когда оскалитъ зубы и засверкаетъ глазами, тогда Рувьеръ нападаетъ на него лицомъ къ лицу. Это для него настоящее наслажденіе.

Что-же касается до Готтентотской Венеры, г. Арагò справедливо негодуетъ, что это поэтическое созданіе Грековъ придали отвратительному животному, называемому Готтентоткою. Между ними нѣтъ Веневъ. Грязнаго передника — не существуетъ; даже между Готтентотами это басня, какъ между-нами слухи о ярмаркахъ въ Сенъ-Клу. Если уже за моремъ искать Венеръ, то назовите мнѣ Мулатку. А! это другое дѣло! Мулатка! Вообразите себѣ чорный розанъ, окруженный розовыми шипами. Это магометово третье небо. Это огонь, поцѣлуй, — улыбка, — она бѣжитъ, летитъ, порхаетъ, покрытая прекрасною шалью, и наконецъ, о восторгъ восторговъ! о трепетъ трепетовъ! — это созданіе танцуетъ качучу, качучу негровъ. Это спиртъ, смѣшанный съ эѳиромъ.

Изрѣдка попадаются и кочующіе Китайцы, производящіе торговлю, но г. Арагò не любитъ Китайцевъ. Ему тошно смотрѣть на Китайцевъ. Онъ съ ними обходится, какъ бароны пятнадцатаго столѣтія обходились съ *Евреями*. Ахъ! если-бъ нашъ путешественникъ зналъ въ то время, что случится въ Китаѣ въ 1840 году; если-бъ онъ видѣлъ этихъ остриженныхъ Леонидовъ, этихъ узкоглазыхъ Спартанцевъ, этого великаго Кешена, жертвующаго своею жизнію — что я говорю? своею почотною пуговицею на проломѣ; если-бъ онъ видѣлъ всѣхъ этихъ героевъ, которые такъ смѣшны, когда нарисованы на ширмахъ, но которые такъ храбро защищали свою «небесную имперію» противу англійскихъ пушекъ, и умирали, не отступая ни шагу! Г. Арагò не забылъ-бы и тогда своего неизчерпаемаго сравненія. Онъ сказалъ-бы, что Китайцы 1830 года такіе-же древніе Леониды, съ тѣмъ-же мужествомъ, но которымъ не достаетъ только славы. А отъ-чего? Спросите у тѣхъ, которые раздаютъ славу : у поэтовъ, у историковъ, у Тацитовъ правительственныхъ мѣстъ и журналовъ.

Вы спрашиваете меня, существуютъ-ли еще людоѣды? Помилуйте, это общее правило. Кто говоритъ слово *человѣкъ*, тотъ называетъ болѣе или менѣе лютое животное, съ тою разницею, что людоѣдъ гораздо-больше любитъ мясо бѣлыхъ, нежели левъ. Такимъ-образомъ, въ одинъ жаркій день, когда солнце пекло самымъ жестокимъ образомъ, г. Арагò, сопутствуемый своими матросами, сошолъ на берегъ въ Бомбай, столицу людоѣдства. Островъ былъ наполненъ дикими, которые, казалось, говорили другъ-другу

тихо : *я слышу запахъ сѣжаго мяса*. Наши моряки со смѣлостію подошли къ этимъ разбойникамъ всѣхъ цвѣтовъ и, чтобъ начать свиданіе самымъ миролюбивымъ образомъ, г. Арагò начинаетъ играть на флейтѣ. Звуки музыки смягчали часто самые жестокіе сердцà. Но пословица говоритъ, что «у голоднаго брюха нѣтъ уха»; что-жъ должна сказать пословица людоѣда? — Когда Арагò увидѣлъ, что флейта его не дѣйствуетъ, онъ принялся играть на кастаньетахъ. Вы знаете этотъ милый инструментъ изъ чернаго дерева, который стучитъ и трещитъ подъ хорошенькими пальчиками нашихъ танцорокъ во-время качучи. О удивленіе! И кастаньеты не болѣе дѣйствуютъ надъ дикими, какъ флейта. «Вы, вѣрно, не умѣете играть на этомъ инструментѣ?», — скажутъ этимъ дикарямъ. «Мы еще не пробовали», — будутъ они отвѣчать. Однакоже начинаются разговоры, шутки, смѣхи, — иные-же и сердятся. Одинъ дикой сбиваетъ ударомъ кулака шляпу съ головы Арагò. Что-жъ г. Арагò? подбросилъ ее ногою къ верху, подставилъ голову и шляпа опять на головѣ. Дикіе хлопаютъ въ ладоши и смѣются. Но вотъ и предводитель ихъ, первый мастеръ въ людоѣдствѣ. Онъ слышалъ, что подданные его смѣются и хочетъ, чтобъ его заставили смѣяться. Нѣтъ ничего легче. Арагò тотчасъ принимается за эту обязанность. Дѣло ужъ не въ томъ, чтобъ играть на флейтѣ, или на кастаньетахъ, — онъ начинаетъ показывать фокусы. Всѣ превращенія Боско и Конта совершаются передъ глазами дикихъ. Можете вообразить себѣ ихъ удивленіе и страхъ. Цѣлыя десять минутъ дикіе воображаютъ себѣ, что видятъ передъ собою боговъ. Это-бы и хорошо! Но и у дикихъ есть логика. Если простые бѣлые люди такъ вкусны, то бѣлые боги должны быть еще вкуснѣе, — съ этою идеею всѣ сближаются къ штукарю, а ихъ было до ста человѣкъ высокихъ, длиннозубыхъ, съ чорными когтями, вооруженныхъ луками, стрѣлами, крюками, всѣ голодные, кровожадные... Истинное было чудо, что моряки спаслись отъ нихъ. И то правда, что эти лѣсные люди только за недѣлю передъ тѣмъ съѣли дюжину бѣлыхъ людей!

Самый знаменитый ученый и притомъ самый простой и снисходительный, Г. Гумбольдтъ, на котораго Жакъ Арагó часто ссылается, разсказывалъ однажды (съ этою тонкою улыбкою умныхъ людей, бросившихъ негодованіе противу человѣчества, какъ ношу слишкомъ тягостную), презабавный анекдотъ о людоѣдахъ. Онъ осматривалъ какую-то пустыню въ Новомъ-Свѣтѣ. Сидя однажды подлѣ высокаго здоровяка, недавно обращеннаго въ христіанскую вѣру, онъ спросилъ его между прочимъ: «Зналъ-ли ты Квебекскаго епископа?» — Какъ не знать, — отвѣчалъ дикой, — я ѣлъ его. — Г. Арагó будетъ очень сожалѣть, что онъ раньше не зналъ этого анекдота.

Изъ этого ужаснаго острова вѣтеръ (онъ называетъ это благопріят-

нымъ вѣтромъ) несетъ насъ къ Діэли, отвратительному уголку земнаго шара, наполненному Китайцами, Малайцами, дикими буйволами, убійственными лихорадками и змѣями-удавами. Правду сказать, всѣ эти описанія кустарниковъ, болѣзней, несчастій, разсказанныя самымъ веселымъ образомъ, кажется мнѣ, вовсе не служатъ достаточнымъ предлогомъ, чтобъ безъ нужды предпринимать эти трудныя странствованія. Что за надобность! Кто родился въ счастливомъ и многочисленномъ семействѣ, въ тихой Пиренейской деревнѣ, на лонѣ матери, которая васъ такъ любитъ и такъ плачетъ объ васъ; кто двадцать-пять лѣтъ прожилъ подъ прекраснымъ небомъ, на берегу извивающихся рѣкъ, на зеленѣющей землѣ, покрытой деревьями и цвѣтами, зачѣмъ предаваться опасностямъ на бурныхъ моряхъ, на сыпучихъ пескахъ, на солнцѣ, зараждающемъ губительныя болѣзни, въ степяхъ, наполненныхъ ядовитыми животными? Какъ! Подъ вашими глазами, подъ вашими ногами Франція, Италія, Германія, тысячи городовъ покорныхъ и вольныхъ, — а вы съ веселымъ духомъ ищете бурь, грозы, чумы, дикихъ. Дикой! Что это за слово? Дикой! это средина между безсмысленностію и кровожадностію, между человѣкомъ и звѣремъ. Дикой отъ начала до конца міра, все тоже безобразное созданіе, сидящее на корточкахъ у берега моря, котораго пространства онъ не знаетъ, — смотрящее на звѣзды неба, не обращая на нихъ никакого вниманія, преданное всегда всѣмъ склонностямъ скотскаго обжорства, безъ состраданія, безъ сердца, безъ любви, безъ дружбы, заставляющее презрѣнную свою самку служить себѣ на колѣнахъ, и продающее за бутылку рому сына, отца. За чѣмъ-же ѣздить къ этимъ созданіямъ, когда кто находится въ числѣ праздныхъ путешественниковъ, въ самомъ скромномъ разрядѣ людей? За чѣмъ утомлять душу и взоры, глядя на эти не-человѣческія рожи, на эти безсмысленныя улыбки, на взгляды безъ цѣли, на отвислые животы, на чорные зубы, на кровавыя когти?

Тоже можно сказать и о тѣхъ печальныхъ странахъ, безъ плодовъ и безъ цвѣтовъ, безъ ручейковъ и безъ зелени, безъ памятниковъ и безъ исторіи. Безплодныя земли, на которыя не ступала еще человѣческая нога, — и даже нога бѣднаго Пятницы изъ «Робинзона Крузое». На этихъ земляхъ Пиѳагоръ, послѣ кораблекрушенія, не могъ-бы сказать: «Ободритесь, друзья мои, я вижу слѣды человѣческіе.» — А если въ самомъ дѣлѣ люди никогда не вступали въ эти земли, если никогда поэзія и любовь, прекрасныя дѣвы и слава, свѣтскость и тихія страсти, не спускались съ небесъ въ эти страны, забытыя природою, зачѣмъ вы пришли искать всѣхъ этихъ бѣдствій, тогда-какъ могли наслаждаться счастьемъ въ прекраснѣйшей странѣ изъ всѣхъ пяти частей свѣта? Къ чему всѣ эти безполезные труды, эти мученія безъ результатовъ, это печальное странничество? Какъ! у васъ вся Италія, счастливая и блещущая подъ лучами солнца! Какъ! у

васъ Германія, задумчивая и созерцательная; у васъ Англія, эта обширный горнъ; у васъ вся Франція, обожаемое отечество; у васъ соборы, музеумы, театры, школы, академіи, рѣки, покоренныя послушнымъ паромъ, всѣ науки, всѣ художества, всѣ удовольствія, всѣ счастія, — а вы ѣдете съ тысячами опасностей на сушѣ и на водахъ, чтобъ видѣть Тиморъ, Раваккъ, Гухамъ, Хумату, Аганью, Тиніанъ, Сандвичевы острова, колючіе кустарники, голодъ, развратъ, убійство, бандитовъ, воровъ, людоѣдовъ и всякаго рода людей и вещей, проклятыхъ природою!... Признаюсь, я удивляюсь вашему мужеству, вашему самоотверженію. Я люблю энергію, силу и занимательность вашихъ описаній, но все-таки долженъ вамъ сказать, что искренно сожалѣю объ васъ за то, что вы взяли на себя обязанность безъ пользы пѣнить море и даже естественную исторію. Я сожалѣю, что вы истратили свою молодость на печальныя созерцанія. Когда вамъ небо дало рѣдкій умъ, я нахожу, что вы даромъ издержали свою жизнь. *Occupa portum*, *fortiter occupa portum!* — это изрѣченіе Горація, этого счастливаго поэта и счастливѣйшаго человѣка, приходитъ мнѣ на память на каждомъ шагу нашего путешественника по этимъ безлюднымъ странамъ, или населеннымъ такъ ужасно. — Замѣтьте притомъ, что въ этомъ длинномъ странствованіи, онъ испыталъ всѣ возможныя опасности: кораблекрушеніе, бури, наготу, голодъ, жажду, всякаго рода недостатки — тутъ все есть. Если-бы Жакъ Арагó нарочно путешествовалъ, чтобъ написать романическое странствованіе, онъ-бы не иначе совершилъ свой путь.

Между многими примѣчательными мѣстами въ его книгѣ, надобно упомянуть о всемъ III-мъ томѣ, *) въ которомъ содержится исторія Сандвичевыхъ острововъ. Здѣсь южное воодушевленіе автора достигло до высочайшей степени. Онъ былъ вездѣ, онъ видѣлъ все. Онъ даже отыскиваетъ развалинъ въ этихъ странахъ, гдѣ ничего не было основано. Онъ ищетъ тамъ исторію королей, королевъ и великихъ людей; кажется, въ случаѣ нужды, онъ сталъ-бы отыскивать конституціонную хартію.

Описаніе его Новой-Голландіи самое занимательное. Здѣсь вы находите вмѣстѣ и цвѣтущій городъ и неизмѣримыя степи, образованнаго и дикаго, чорныхъ змѣй, которыхъ укушеніе смертельно — и молодыхъ англійскихъ миссъ, которыхъ голубые глаза поражаютъ прямо въ сердце. Дикой Новой-Голландіи — самый отвратительной дикой изъ всѣхъ дикихъ. Образованность мало-по-малу его тѣснитъ, гонитъ, подавляетъ. Слава Богу! я знаю, что многіе филантропы плачутъ горькими слезами надъ дурнымъ обращеніемъ звѣрскихъ Европейцевъ съ этими бѣдными

*) Напомнимъ читателямъ, что первое изданіе Путешествія Жака Арагò состояло изъ четырехъ томовъ; въ нашемъ изданіи слова Жюль-Жанена относятся къ послѣднимъ главамъ перваго тома. *Изд.*

людоѣдами. Но пусть филантропы говорятъ свое, — а мы будемъ покуда строить города въ пустыняхъ. Впрочемъ, когда вы будете строить, берегитесь; можетъ-быть, дикой притаился и ждетъ только удобной минуты, чтобъ съѣсть васъ. «Вдругъ Ново-Зеландецъ бросился какъ тигръ (между двухъ армій, которыя только что хотѣли начать битву), вторгся въ средину изумленной толпы, свалилъ съ ногъ одного изъ воиновъ... Я не хотѣлъ быть зрителемъ ужаснаго пиршества.» — Напрасно! Г. Арагò на этотъ разъ не правъ. Если онъ пріѣхалъ изъ такой отдаленности, чтобъ все видѣть, почему-же не остаться при обѣдѣ дикаго, чтобъ сказать самому себѣ: «Вотъ за чѣмъ я путешествую».

Эти четыре тома *Путешествія вокругъ свѣта* наполнены разнообразностію, занимательностію, неожиданными происшествіями. Разговоры, разсказы, описанія, драматическая часть, поэзія, исторія подаютъ другъ другу руку на этомъ обширномъ полѣ дѣйствія, объемлющаго весь шаръ земной. Авторъ полонъ жизни, молодости, энтузіазма, мужества, — и захватилъ весь міръ путешественниковъ, чтобъ объѣхать его по своему. Это неучтиво, насильственно, не всегда и справедливо, — но все-таки пріятно и занимательно. Когда-же у него не достаетъ словъ, чтобъ растолковать что-нибудь, онъ беретъ карандашъ и рисуетъ. Изъ этого отдаленнаго странствованія онъ привезъ съ собою все возможное: черепы, одежды, лексиконы, портреты, пейзажи, пѣсни, военные крики, растенія, раковины, кости, звѣриныя шкуры, — и изъ всего этого составилъ онъ книгу. И если-бы знали вы, какую силу души надобно было имѣть этому бѣдному молодому человѣку, чтобъ въ продолженіе длинныхъ четырехъ томовъ вспомнить всѣ очарованія юности! Если-бъ знали вы, чего ему стòило найти опять въ своей головѣ, въ своемъ сердцѣ, лазурный блескъ моря, жгучій отблескъ небесъ, сіяніе бархатныхъ береговъ! Если-бъ вы знали, что этотъ всеобъемлющій взглядъ погасъ, можетъ-быть, навсегда! Если-бъ вы видѣли, какъ онъ теперь ощупью, опираясь на руку друга, съ палкою въ рукѣ, идетъ за какимъ-нибудь вѣрнымъ пуделемъ! Если-бъ вы чувствовали, что̀ значатъ четыре тома пейзажей, списанныхъ съ натуры слѣпцомъ, четыре тома воспоминаній, которые живутъ только въ воображеніи, когда самъ погруженъ въ вѣчную ночь, четыре тома счастливыхъ и поэтическихъ несчастій молодости, когда уже сдѣлаешься слѣпцомъ, идущимъ ощупью въ обширной пустотѣ! Вы удивились-бы, такъ-же какъ и я, этому свѣтлому слогу, этой превосходной методѣ, этому одушевленію, живости, страстямъ и чрезвычайной занимательности всей книги. Это истинный и трогательный романъ для тѣхъ, которые не оставляли тихаго уголка своей родины; это баснословная и увлекательная исторія для самыхъ смѣлыхъ и ученыхъ мореходцевъ.»

Въ заключеніе скажемъ, что переводъ Путешествія Араго, бо́льшею частію, принадлежитъ трудолюбивому перу умнаго литератора русскаго и отличнаго переводчика, *П. А. Корсакова*. Это былъ его предсмертный трудъ. Чего не успѣлъ онъ сдѣлать, докончили другіе.

В. Межевичъ. И. Песоцкій.

1844.
Ноябрь.

Здѣсь не одни воспоминанія, не одинъ общій массивный силуэтъ изученныхъ мною вещей и событій; здѣсь найдутся, въ самой строгой точности и подробности видѣннаго, всѣ отливы красокъ : это полное былое съ приключеніями каждаго дня, часъ за часомъ, — все былое, представляющееся потухшимъ глазамъ моимъ въ видѣ благословенія Божьяго.

Увы! чего-бы мнѣ пожелать для себя лучше?

Не видать ничего — значитъ ни о чомъ не жалѣть. Только обладавшіе понимаютъ утрату... а я... я столько утратилъ!

Но и то сказать, — живя однимъ былымъ, когда все настоящее мертво для радостей, когда будущее безцвѣтно, т. е. безнадежно, развѣ и это не жизнь? О! какъ печальна эта задача; не смѣю рѣшить ее : я такъ боюсь людскаго сожалѣнія.

Справедливо, однакоже, что мракъ очей не есть мракъ души и что, слыша голосъ мнѣ любезный, или пожимая дружескую руку, мнѣ иногда сдается, что я вижу небеса, которыхъ не суждено уже мнѣ видѣть въ сей жизни.

ЖАКЪ АРАГО́.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Найдется-ль человѣкъ, который-бы, не по одной обязанности, осмѣлился объѣхать кругомъ весь свѣтъ, т. е. избороздить его моря, сразиться съ бурями океана, ежеминутно переселяться изъ климата въ климатъ, смѣло противустать заразамъ, и наконецъ изучить нравы свирѣпѣйшихъ племенъ земныхъ?

Вотъ настоятельный вопросъ, который предложилъ я самому-себѣ, за нѣсколько дней до моего отъѣзда, и разрѣшилъ его не задумавшись: «У такого человѣка не должно быть на землѣ — ни друзей, ни семейства, ни будущности: ему нужна одна слава и деньги — во что-бъ ни стало».

Но во-первыхъ — что за слава объѣхать кругомъ весь свѣтъ? Во-вторыхъ — *много-ли* пользы можетъ принесть подобное путешествіе?

А вотъ я вамъ скажу:

Что до славы, я не гонюсь за ней. Что до богатства, оно мнѣ достанется, и спозаранку. Угодно-ль знать, каким образомъ:

Я отправляюсь къ министру и говорю ему: «Ваше превосходительство, у меня есть *имя*, *семейство*, а, вѣроятно, и *будущность* (три условія, о которыхъ я говорилъ вамъ выше); я писатель, рисовальщикъ, мыслитель, я человѣкъ съ душой и желѣзной волей. У васъ снаряжается путешествіе вокругъ свѣта: на какихъ условіяхъ примете вы меня въ эту экспедицію?»

Мнѣ отвѣчали такъ:

«Въ васъ есть именно всѣ тѣ качества, которыхъ ищемъ мы въ людяхъ, отправляемыхъ въ такія опасныя путешествія. У насъ нѣтъ рисовальщика; вы навезете намъ очерковъ, картинъ, простыхъ и акварельныхъ рисунковъ, портретовъ людей и изображеній вещей, которыя вамъ встрѣтятся на пути. Подобно Вернету, отцу, вы велите привязать себя къ палубѣ, чтобы изобразить живѣе всю ярость волнъ (дѣло едва сбыточное, между нами будь сказано). Вы навезете намъ письменныхъ замѣтокъ о нравахъ жителей многоостровій океаническихъ и за всѣ ваши усилія и труды, мы, великодушные покровители наукъ и художествъ, награждаемъ васъ *шестью-стами франковъ жалованья въ годъ*. — Много-ли, ваше

превосходительство? — Я сказалъ шесть-сотъ франковъ. — Не ошиблись-ли ваше превосходительство? — Мое превосходительство никогда не ошибается.

Это ослѣпило меня, побѣдило... Какъ устоять противъ такого соблазна! Я поспѣшилъ сказать роковое «да», чтобы кто другой не перебилъ у меня такого выгоднаго мѣста, и нѣсколько дней спустя, гордясь тѣмъ, что такъ удачно попалъ на дорогу къ обогащенію, отправился въ Тулонъ.

Что за блестящая перспектива открывалась передо мною! Сколько сберегу́ я изъ этого огромнаго жалованья въ три или четыре года моего плаванія! Я, который платилъ слугѣ моему ворое болѣе того, что̀ самому мнѣ теперь назначено отъ щедроты министра! Такія случайности рѣдки въ человѣческой жизни; звѣзда моя озарила меня своими блистательнѣйшими лучами, и я пустился за ней на-удалую.

О! если-бы Гюдени, Рокпланы, Изабэ, Біары и столько другихъ артистовъ цѣнили менѣе славу, чѣмъ богатства, сколько-бы новыхъ мастерскихъ произведеній подарили они тогда Франціи! А теперь что́? Ее надѣляютъ нѣсколькими страничками посредственности, да и тѣ еще стоили не одной капли пота!

Но такъ-какъ мнѣ, прежде всего, необходимо высказать всю правду, то долгомъ считаю прибавить, что, воротясь назадъ послѣ бѣдственнаго кораблекрушенія на пустынномъ берегу, и потерявъ при этомъ печальномъ случаѣ не только прекрасное собраніе оружія и костюмовъ всѣхъ странъ, посѣщенныхъ нами, но и всѣ свои зоологическія, ботаническія и минералогическія сокровища, даже бѣлье мое и платье, вещи, вѣроятно, не нужныя—если судить потому, что я предпочолъ имъ спасеніе ввѣренныхъ мнѣ работъ,—я получилъ за то̀ отъ правительства моего награды... *шесть-сотъ франковъ*. Я нарочно пишу это прописью, чтобы нельзя было ошибиться въ цифрахъ. — Впрочемъ, здѣсь кстати примолвить и то̀, что въ рапортѣ Института о результатахъ экспедиціи нашей, чисто-ученой, было именно сказано (извините меня за это напоминаніе) «что никогда еще не привозили изъ дальнихъ странствій такихъ вѣрныхъ и драгоцѣнныхъ альбомовъ». Вотъ, можетъ-статься, чѣмъ можно будетъ оправдать ту *высокую цифру* наградъ, которою оцѣнило труды мои наше щедрое министерство!

Послѣ такого искренняго сознанія въ моей любви къ богатствамъ, хочу окончить всю мою исповѣдь. Никакой ложный стыдъ не помѣшаетъ мнѣ быть откровеннымъ и я, не оборачиваясь назадъ, смѣло кидаюсь въ будущее.

ВОСПОМИНАНІЯ СЛѢПАГО.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВОКРУГЪ СВѢТА.

I.

ТУЛОНЪ.

Острова Балеарскіе. — Гибралтаръ.

Тулонъ городъ военный, укрѣпленный, одушевленный патріотическимъ чувствомъ; прекрасныя воспоминанія 89-го года возбуждаютъ его гордость; что-то воинственное, независимое проявляется на раскаленной физіономіи этого народонаселенія, когда оно, передъ разсвѣтомъ дня, рѣется на городскихъ набережныхъ и рынкахъ. Языкъ народа могучъ, отрывистъ, какъ горы, окружающія его городъ; ухватки его звѣрски, какъ *мистраль* (*) опустошающій его виноградники; любимые напѣвы его отзываются эхомъ бурь, порождаемыхъ Африканскимъ поморьемъ, налетающихъ разрушеніемъ на здѣшнюю гавань и рейдъ.

Если хотите заставить понять себя, по пріѣздѣ въ Тулонъ, откажитесь отъ чопорности обращенія внутреннихъ городовъ; если-же захотите понять туземца, то запаситесь прежде мѣстнымъ словаремъ, съ учеными примѣчаніями, безъ чего вамъ покажется, что вы, по-крайней-мѣрѣ, за тысячу льё отъ ближайшей образованной земли.

Здѣсь молодая дѣвушка не изъ дому выходитъ, а *поднимаетъ паруса, снаряжается въ море;* отецъ этой дѣвушки, усѣвшись въ кресло, *втягивается въ гавань* на разныя *галсы;* пріятель не просто подзываетъ къ себѣ пріятеля, а зоветъ его *на абордажъ;* если васъ кто толкнетъ на улицѣ, онъ попроситъ извинить его, что *сцѣпился съ вами;* на пути никто не останавливается, а *ложится въ дрейфъ;* задолжавшій шалупъ не бѣжитъ отъ запмодавца; ученикъ-мальчишка не ускользаетъ изъ школы, — оба они *лавируютъ на утёкъ, подтягиваютъ наставные паруса; ставятъ на бакштагъ* свои *бомъ-брамсели,* чтобы *обогнуть* непріятеля на ходу; и нако-

(*) Вѣтеръ, свирѣпствующій на Провансальскомъ поморьи.

нецъ, если вамъ, по-несчастью, вздумается потребовать *просто* для катанья по рейду *барказа* какого-нибудь портоваго лодочника, вы можете быть увѣрены, что съ васъ возмутъ вдвое противъ того, который, усѣвшись въ этотъ пловучій *деревянный башмакъ* *), скажетъ коротко: «На рейдъ, да *выстрѣливай* у меня *на вытеръ!*»

Я лично зналъ въ Тулонѣ одного капитана корабля, неуступавшаго въ военной славѣ ни кому изъ знаменитѣйшихъ моряковъ своего вѣка, который до-того привыкъ ежедневно *маневрировать* на своемъ суднѣ, что даже, сидя верхомъ на ослѣ, заставлялъ его *лавировать* по большой дорогѣ, если вѣтеръ былъ совершенно-противный и дулъ ему въ лицо.

Однажды *возникъ* его какъ-то заупрямился и привелъ его въ такой страшный гнѣвъ, что онъ закричалъ: «Ахъ ты подлецъ! не-ужели я не заставлю тебя слушаться *руля*, на всѣ *галсы*, когда я *приводилъ къ вѣтру* фрегаты и *трехдечные* суда!..» И съ этимъ словомъ, онъ принялся крутить и поворачивать бѣднаго осла, словно какой-нибудь ялъ или шлюбку.

Если прибавить къ говору жителей Тулона разнообразность ихъ бойкихъ и *говорящихъ* тѣлодвиженій, то вы, конечно, примете ихъ за людей, которые торопятся истратить всю свою *живучесть*, какъ-бы опасаясь, что имъ не удастся воспользоваться ею въ неугомонной своей жизни.

На каждой здѣшней улицѣ встрѣтите вы матросовъ, и на всѣхъ устахъ ругательныя слова; на каждой площади — пьяницъ, и драку во всѣхъ кабакахъ; вездѣ услышите вы грубыя, разладныя пѣсни, или офицеровъ, съ неловкою поступью, отъ привычки къ боковой и продольной качкѣ, бесѣдующихъ о Чили, Китаѣ или Бенгалахъ, какъ-бы иной разговаривалъ о ближней загородной дачѣ.

Чуть не забыли припомнить еще одно: унылый звукъ цѣпей каторжниковъ, который вовсе не-забавнымъ образомъ разгоняетъ вашъ смѣхъ, и поражаетъ васъ въ минуту веселости. Это самая отвратительная сторона картины. Открыть - ли вамъ, однакоже, истину? Изъ числа этихъ людей, невинныхъ или виноватыхъ, но заклейменныхъ обществомъ, есть иные, которыхъ пускаютъ бродить по городу въ ихъ гадкихъ *мундирахъ* и въ легонькихъ кандалахъ; и эти люди заходятъ въ иные домы, приняты въ семействахъ честныхъ гражданъ, садятся за столъ ихъ или за фортепьяно, учатъ по-французски молодыхъ дѣвочекъ, за глазами неосторожной матери или безъ-заботнаго отца!.. Все это видѣлъ я лично въ Тулонѣ, и нерѣдко самъ-себя спрашивалъ, какую *пользу* приносятъ нравственности подобныя попытки?

Тулонъ славится великолѣпнымъ своимъ арсеналомъ, и имъ обязанъ онъ щедротамъ Людовика XIV; рейдъ его просторенъ и безопасенъ. Онъ защищается фортомъ Ла-Мальгъ и другими укрѣпленіями, обстрѣливающими городъ и портъ. Городскія улицы прямы, чисты, ежедневно поливаются быстрыми протоками воды; на набережной, подъ балкономъ Ратуши, возбуждаютъ въ васъ невольное удивленіе двѣ каріатиды, два мастерскія изваянія Пюжѐ, которыя дотираетъ всесокрушающее время.

Когда все было готово къ отплытію нашему, велѣно было распустить паруса: и вотъ мы, сказавъ горестное «прости» друзьямъ и отчизнѣ, — вытягиваемся изъ гавани вдоль узкаго прохода (goulet), и *салютуемъ*, какъ то

---

*) Въ подлинникѣ сказано «sabot», (деревянный башмакъ): насмѣшка надъ тулонскими баркасами въ видѣ *деревяннаго башмака*, народной французской обуви, неизвѣстной у насъ въ Россіи.

дѣлали нѣкогда вѣжливые Англичане, когда дерзкій ихъ флотъ завистливо поглядывалъ на углубленіе рейда — могилы адмирала Латуша, котораго храбрые подвиги, вѣроятно, памятнѣе Англіи, чѣмъ намъ. Нѣтъ земли, гдѣ-бы не нашлось уваженія для всѣхъ родовъ знаменитости.

Наконецъ мы вышли въ то *море-бухточку*, которое *Понентинцы* (моряки Запада), привыкшіе къ дальнимъ плаваніямъ, прозвали въ насмѣшку: *цирюльничьимъ блюдомъ мореходовъ*. «Что за грязная лужа!» говорятъ они и теперь еще, когда вздумаютъ подразнить гордость *Левантинцовъ* (моряковъ Востока). «Здѣсь нельзя перемѣнить *галса*, *не уткнувшись бушпритомъ въ берегъ!*».. Понентинцы неправы; если валы Средиземнаго-моря обрисовываются въ короткихъ и мелкихъ размѣрахъ при повѣркѣ ихъ съ разливными и громадными волнами Атлантики и другихъ океановъ, то они не менѣе ихъ бурны и яростны: это нѣчто въ родѣ неистоваго бѣшенства, поворачивающаго всѣ внутренности, это быстрые прыжки шакала на легкую добычу. Нѣтъ сомнѣнія, что подводное соединеніе Альпъ и Пиринеевъ, между Ниццой и мысомъ Креусъ, есть первоначальная причина неугомонности здѣшняго моря, разбившаго столько кораблей и поглотившаго столько сокровищъ.

Жестокій урокъ данъ былъ нашимъ морякамъ и принудилъ ихъ выказать на-лицо всю неустрашимость свою передъ совмѣстниками: въ самую первую ночь послѣ отплытія нашего, насъ застигла одна изъ тѣхъ бурь Средиземнаго-моря, во-время которой гроза не умолкаетъ нигдѣ на горизонтѣ, а вѣтеръ, обѣгая кругомъ весь компасъ, заставляетъ кормчаго употреблять все искусство свое для спасенія корабля. Всѣ мы находились при своихъ мѣстахъ, а я вѣрнѣе всѣхъ прочихъ. Боковая и продольная качка до того истерзала меня, что я валялся на кубрикѣ, между кучею неуложенныхъ еще сундуковъ и чемодановъ: меня бросало то на *бакбордъ* (на лѣвую), то на *штирбордъ* (на правую сторону корабля): то лежу я у подножія каронады, то вдругъ несусь спереди назадъ. Безпокоясь о моей участи, слуга мой искалъ меня повсюду и не находилъ нигдѣ; не успѣвали ему указать мѣста, гдѣ чуть не растоптали меня, какъ меня внезапно откидывало оттуда въ три переверта. Наконецъ онъ нашолъ меня у кубричнаго люка (fosse-aux-lions). «Что это, куда вы это попали?» спросилъ онъ у меня жалобнымъ голосомъ, — бѣдняга самъ страдалъ тоже, — «что вы здѣсь дѣлаете? да васъ тутъ изотретъ всего подъ канатами.» Я могъ отвѣчать ему однимъ глубокимъ стономъ. «Вставайте, вставайте! продолжалъ онъ: гроза разразилась надъ нами, корабль весь въ огнѣ.» — Тѣмъ лучше, возразилъ я: мои страд... Тутъ новый толчокъ разлучилъ насъ опять. На слѣдующее утро, когда вѣтеръ и море утихли, онъ нашолъ меня, избитаго и истерзаннаго, между двумя бочками водки, куда меня занесло послѣ тысячи оборотовъ и перекатовъ, изъ которыхъ я вышелъ цѣлъ по какому-то чуду. О! безспорно, морская болѣзнь есть ужаснѣйшая изъ всѣхъ пытокъ! Никто не жалѣетъ объ васъ, никто васъ не утѣшаетъ; никто не подаетъ вамъ помощи, и когда судорожная хороховь васъ терзаетъ и убиваетъ, вамъ слышится только одинъ насмѣшливый хохотъ матросовъ-забавниковъ, которые отпускаютъ вамъ мимоходомъ свои насмѣшливыя шуточки, издѣваясь надъ уморительными ухватками, съ которыми вы пересчитываете свои невзгоды *). Въ эту пору

*) Въ подлинникѣ сказано chemises (рубашки) — шутка, непонятная въ русскомъ переводѣ.

мучительнѣйшихъ замираній, никакое чувство радости для васъ недоступно, самое чувство всякой другой боли, кромѣ морской болѣзни, не имѣетъ на васъ никакого вліянія; вы мертвы для всего, и помолились-бы о душѣ благодѣтельнаго сосѣда, который, схватя васъ за ноги, выбросилъ-бы за бортъ... Я кое-что поразвѣдалъ объ этомъ во-время четырехъ-лѣтняго нашего плаванія: не разъ пересчитывалъ я минуты этихъ несносныхъ мученій, когда насъ несло *фордевиндъ* или гнало на *буленяхъ* (на однихъ спастяхъ).

Время однако-же прояснилось поутру; море стихло; восточный попутный вѣтерокъ слегка кудрилъ его поверхность. Мы обогнули мысъ Креусъ, отдѣляющій Руссильонъ отъ Каталоніи. Передъ нами была Барселона и возвышавшійся надъ ней Монъ-Жуи, цитадель-защитница города, которая непремѣнно разгромитъ и его, при первомъ покушеніи хорошенько побунтовать. Съ помощію нашихъ подзорныхъ трубъ можно было разглядѣть рѣзенькихъ Катлонокъ, разгуливавшихъ по Рамблѣ, ручка-объ-ручку съ ихъ невинными и молоденькими духовниками. Но мы неслись въ открытое море, и берега Испаніи поникали и исчезали за горизонтомъ, искрясь послѣдними лучами желѣзоплавильнь Палафокскихъ, какъ волкана, сверкавшаго струями пламени въ темнотѣ ночи.

Тутъ вдругъ возникли передъ нами острова Балеарскіе, съ ихъ крутыми и чорными высями. Майорка, Минорка, Ивиса, Форментера и Кабрера, вѣроятно, не иное что, какъ костлявые обрывки, отторгнутые отъ материка какимъ-нибудь подводнымъ переворотомъ. Острова сіи, нѣкогда знаменитые своими искусными пращниками, такъ долго замедлявшими завоеванія Мавровъ, населены теперь потомками, недостойными своихъ предковъ.

Передъ нами Испанія, но Испанія XV столѣтія, т. е. все еще таже Испанія, жалкая, дряхлая, развращенная, униженная. Такъ умираютъ народы, такъ изглаживаются листы лѣтописей народа, непостигающаго, что искусствамъ, наукамъ и образованности нуженъ просторъ....

Въ Минркѣ есть безопасная и удобная гавань; Маршалъ Ришельё овладѣлъ ею, послѣ лихой схватки: въ числѣ завоеваній сего знаменитаго удальца, этотъ подвигъ есть одинъ изъ благороднѣйшихъ и славнѣйшихъ.

Возлѣ Минорки высовывается изъ моря лысый утесъ, на который, во-время войнъ Имперіи, Англичане высадили, безъ всякой помощи и почти безъ пропитанія, 12,000 Французовъ, взятыхъ въ плѣнъ по капитуляціи Генерала Дюпона. Отвратительные *понтоны* (тюремные суда) портсмоутскіе и фальмоутскіе обошли кругомъ всю землю, не уважнвъ даже и Св.-Елены, острова великихъ воспоминаній.

Тутъ-же, на Кабрерѣ, устроена была, во-время перваго вторженія Французовъ въ Испанію, астрономическая обсерваторія, для измѣренія градуса меридіана. Науку, которая основала свои ученыя станціи въ Валенсіи, Денін и другихъ мѣстахъ, преслѣдовали здѣсь, какъ преступленіе — подавшее сигналы непріятельскимъ войскамъ. Человѣкъ, которому Французскій-Институтъ поручилъ столь ученый трудъ, арестованъ былъ, какъ шпіонъ; его таскали изъ тюрьмы въ тюрьму, предали суду и приговорили къ смерти. Ускользнувъ изъ Паламоской темницы, онъ бѣжалъ въ Африку, долго скитался тамъ, какъ бѣглецъ, рачительно сберегая при себѣ драгоцѣнные результаты ввѣренныхъ ему ученыхъ работъ. Наконецъ, ему удалось воротиться на родину; по какому-то необыкновенному счастію, пробрался онъ, никѣмъ непримѣченный, посреди цѣлой англійской эскадры, блокировав-

шей тогда всѣ наши гавани и разсѣвавшей ужасъ на нашихъ берегахъ.

Человѣкъ сей, тогда еще дитя, назывался Франсуа Араго́.

Едва потеряли мы изъ виду Балеарскіе-острова, какъ прискорбное и болѣзненное зрѣлище вызвало всѣхъ насъ на палубу. Смерть поразила одного изъ нашихъ молодыхъ *гардемаринов* (élèves de marine), веселаго г. Пра-Бернона, милаго и много обѣщавшаго юношу. Увы! ему первому, столь-бодро вступавшему на поприще науки, назначено было начать тотъ рядъ горькихъ бѣдствій, которыя ожидали всѣхъ насъ въ-продолженіе нашей дальней кампаніи.

«Такъ-скоро!» говорили мы всѣ и во всѣхъ углахъ, и сердца наши сжимались, и глаза наши орошались слезами; мы еще непривычны были тогда къ ударамъ судьбы.

Передъ нами, въ батареѣ, на рамѣ, лежалъ трупъ, укачиваемый волнами. Два человѣка подходятъ къ нему, снимаютъ съ него мѣрку, вырѣзанную огромными ножницами изъ обрывка старой парусины, растянутой вдоль бортовъ. Одинъ хватаетъ его за голову, другой за ноги, и тяжолая ноша ихъ съ глухимъ шумомъ падаетъ въ гробъ; подходитъ третій съ двумя ядрами въ небольшомъ мѣшечкѣ, который привязываетъ онъ къ ногамъ отжившаго; и эти три человѣка преспокойно закуриваютъ сигары, закладываютъ табачныя жвачки за щеки и зашиваютъ парусину, обвернутую около трупа. Дѣло кончено... Поднимай теперь! И въ два оборота руки, по звуку боцманскаго свистка, мертвое тѣло вздернуто на палубу, и на минуту времени уложено возлѣ *драмъ-геда* (шлены у шпиля).

Все смолкло!.. Безмолвный экипажъ толпится въ носовой части судна; доска, на которой *кокъ* (поваръ) разсѣкаетъ мясную порцію экипажа, кладется на *пительсы* (сѣтки), и выставляется за бортъ, надъ переходчивыми волнами моря. Всѣ чела обнажены; аббатъ де-Келенъ, нашъ капелланъ, бросаетъ горсть земли на несчастнаго нашего друга, и по командѣ «спускай!», произнесенной лейтенантомъ корвета, доска повертывается, трупъ скользитъ, буравитъ море, водоворотная струя заливаетъ минутное углубленіе, судно летитъ впередъ, и — все кончено!

Когда человѣкъ умираетъ въ городѣ, друзья и пріятели провожаютъ его, слезы свидѣтельствуютъ о сожалѣніи ихъ; бренные останки усопшаго зарываются въ землю и его ближніе осыпаютъ цвѣтами могилу... Здѣсь дѣло дѣлается не такъ: человѣкъ умираетъ, волны разверзаютъ ему свои нѣдра и закрываютъ ихъ; остается одно воспоминаніе пороковъ или добродѣтелей покойника.

Все таже синева небесъ; все тотъ-же свѣжій и правильный береговой вѣтеръ; какъ вдругъ — сильное, неожиданное волненіе возвѣщаетъ намъ о жестокой борьбѣ Атлантики съ Средиземнымъ-моремъ, обливавшей свою слабую соперницу постояннымъ приливомъ. Насъ отталкивало назадъ теченіемъ, не-смотря на всѣ распущенные нами паруса; громадныя волны не давали намъ болѣе лиги ходу въ цѣлый день; на морѣ не разстояніе отдаляетъ: вы подлѣ меня, а мнѣ далеко до васъ. Челнокъ, выѣхавшій изъ Гибралтара, поспѣлъ-бы къ намъ въ нѣсколько минутъ, а мы бьемся цѣлые десять дней и не можемъ переѣхать шести миль, отдѣляющихъ насъ отъ мѣста нашей старой стоянки; тѣмъ не менѣе — зрѣлище чудесное и карандаши мои не гуляютъ. Проливъ у насъ прямо передъ глазами, на-лѣво отъ насъ *Обезьяньягора* (Mont-aux-singes), африканскій исполинъ, почти столь-же чорный, какъ дѣти, играющіе у его подножій; на-право безплодная скала Гибралтарская, которой сквозныя нѣдра скрываютъ сотни огнепныхъ жерлъ, гото-

выхъ изрыгнуть смерть на всѣ края горизонта. Два эти гранитныхъ столба, какъ-бы разорванные бѣшеными волнами Атлантики, превосходно напоминаютъ вамъ двухъ сфинксовъ или двухъ бронзовыхъ львовъ, стерегущихъ входъ въ наши царственные сады. Странное зрѣлище! Здѣсь, на полуденной оконечности Испаніи, видите вы военный городъ, неприступный для соединенныхъ эскадръ всего міра, – *городъ*, гдѣ развѣвается повелительный флагъ Великобританіи; тамъ, въ нѣсколькихъ лигахъ, Цеута, на берегахъ Африки, — Цеута, на которую такъ завистливо посматриваютъ Англичане, и которую не могутъ они отнять у Испанцевъ, побѣжденныхъ подъ Гибралтаромъ, въ станѣ Санъ-Рока и въ Алджезирасѣ. У людей всѣхъ странъ свѣта есть особенные часы, особенныя эпохи для неустрашимости ихъ и патріотизма!

Но вотъ вѣтеръ усиливается, теченіе уступаетъ; мы летимъ на всѣхъ парусахъ, и пользуясь свѣжестію и правильностію вѣтра, и опускаемъ якорь не-подалеку отъ города, выстроеннаго на скатахъ и при подошвѣ знаменитой горы, на которой Геркулесъ водрузилъ нѣкогда свои дерзостные столбы. Подъ покровительствомъ благоустроеннаго и прекрасно содержаннаго мола, мы готовимся съѣхать на берегъ, отсалютовавъ губернатора одиннадцатью выстрѣлами, которые были намъ отданы сполна, разъ за разомъ.

И у насъ есть свой консулъ въ Гибралтарѣ. Онъ, по-видимому, гордится, что флагъ его родины развѣвается здѣсь, на военномъ кораблѣ: «Это напоминаетъ мнѣ, говоритъ онъ, достопамятное морское сраженіе, въ которомъ нашъ адмиралъ Линоа, съ гораздо-мѣньшими силами, чѣмъ у Англичанъ, послѣ упорнаго и славнаго боя, овладѣлъ двумя ихъ линейными 74-хъ пушечными кораблями, не подалеку отъ мѣста вашей теперешней стоянки.»

Лордъ Даунъ былъ губернаторомъ крѣпости, и мы отправились съ визитомъ въ его отель, около которой стояло прекрасно-одѣтое и вооруженное войско. Въ пріемной залѣ, гдѣ мы дожидались Его Превосходительства, примѣтилъ я нѣсколько большихъ, прикрытыхъ газомъ картинъ; на одной изъ нихъ изображонъ былъ *такса* (барсучья собака) съ лицевой стороны, а на другой тотъ-же такъ съ боку; на третьей— *бульдогъ* (мордашка), на четвертой борзая собака, а на пятой — пудель. Въ прихожей, еще прежде того, обратилъ на себя мое вниманіе одинъ превосходный женскій портретъ, широко-написанный и до-половины покрытый паутиной. Я охотно-бы промѣнялъ пріемную залу на эту прихожую комнату.

Лордъ Даунъ принялъ насъ съ учтивой холодностью, и весьма жалѣлъ, что услалъ на эту пору своего повара на дачу; иначе-бы онъ очень-радъ былъ принять насъ у себя завтра. Онъ позволилъ намъ, впрочемъ, въ видѣ вознагражденія, осмотрѣть всѣ нагорныя баттареи, и, конечно, оказалъ намъ тѣмъ особую ласку: немногіе иностранцы пользуются подобною благосклонностію.

О! какъ величественъ видъ этихъ массъ громадныхъ утесовъ, между которыми прорванъ порохомъ широкій проходъ, въ которомъ, не прибѣгая къ покровительству естественнаго казамата, можно теперь разгуливать по весь ростъ, по тысячѣ извилинамъ, снизу доверху горы, въ совершенной безопасности отъ непріятельскихъ ядеръ и пуль! Въ каждой амбразурѣ стоитъ здѣсь, на прочномъ лафетѣ, по превосходно-отчищенному и блестящему орудію; каждый артиллеристъ здѣсь можетъ дѣйствовать сидя, не безпокоясь о перекрестныхъ огняхъ, направляемыхъ на укрѣпленія, выстроенныя здѣсь изъ

лавы и гранита. Если-бы непріятель ворвался даже въ городъ, его весьма-легко оттуда вытѣснить картечными выстрѣлами. Здѣсь, или должно овладѣть всѣмъ, или ни на что не надѣяться. Самая сдача нижнихъ подземныхъ укрѣпленій не обезпечила-бы взятія крѣпости, отъ-того, что подпущенная туда мина легко можетъ погребсти васъ подъ тысячами обломковъ гранита, бронзы и желѣза. Опасно не то, что вы видите; уголъ, за которымъ-бы вы полагали укрыться какъ за щитомъ, изрѣшоченъ весь небольшими амбразурами, запрятанными въ неровностяхъ скалы, гдѣ главнымъ актеромъ будетъ вражеское ружье, готовое убить васъ на-повалъ съ-права, съ-лѣва и съ-лица, прежде, чѣмъ вы надумаетесь, откуда смерть можетъ васъ постигнуть. Провожавшіе насъ офицеры гордились удивленіемъ нашимъ и какъ-бы говорили намъ, что никакая сила въ мірѣ не въ-состояніи отнять у нихъ этого больверка на Средиземномъ-морѣ, и наконецъ, что отечество ихъ, когда только захочетъ, можетъ, при помощи его, овладѣть всей торговлей Леванта. Господа эти позабыли, какъ кажется, Мальту и кратковременное пребываніе въ ней Бонапарте, въ достославную эпоху завоеваній нашихъ въ Египтѣ. Мы припомнили имъ объ этомъ безъ дальнихъ обиняковъ.

Скала Гибралтарская имѣетъ въ вышину 1340, а въ длину слишкомъ 6000 футовъ.

Городъ, находящійся подъ ея защитою, — невеликъ, тѣсенъ и неровенъ: въ немъ мало домовъ, отличающихся чистою и щеголеватою наружностію. Нѣкоторые изъ нихъ однакожъ довольно-красивы, въ-особенности тѣ, которые обращены лицомъ къ африканскому мысу; воздухъ въ нихъ менѣе удушливъ и почти всѣ они населены богатыми Англичанами.

Въ Гибралтарѣ случается до 12,000 *душъ*, если только можно назвать этимъ именемъ поколѣніе жалкихъ испанскихъ выродковъ, которые, за нѣсколько реаловъ, таскаютъ каждое утро огромные тюки; запрягаются, какъ вьючный скотъ, въ грузовыя телеги, и валяются весь остатокъ дня, заставляя давить на себѣ всякую нечисть, ихъ пожирающую. Подойдите къ нимъ ввечеру и предложите этимъ несчастнымъ какое-нибудь средство — употребить въ пользу избытокъ ихъ времни, они засмѣются вамъ въ глаза, запалятъ сигары свои, улягутся на груду камней и преспокойно заснутъ, причтя и этотъ день къ прочимъ такимъ-же днямъ, не заботясь о томъ, который за нимъ послѣдуетъ. Счастливые своей беззаботностью, они встанутъ на другой день съ солнечнымъ восходомъ и пойдутъ вымаливать для себя новыхъ занятій; когда-же дневное содержаніе ихъ будетъ выработано, предложите имъ хоть золотыя горы, и вы не выманите ихъ разстаться съ ихъ каменнымъ ложемъ или скамьею, на которыхъ они выказываютъ свою глупую спѣсь и унизительную лѣность.

Не-ужели можно назвать жителями Гибралтара космополитовъ-жидовъ, селящихся только тамъ, гдѣ они могутъ кого-нибудь надуть или надѣются добыть себѣ какую-нибудь безчестную поживу?

Здѣсь однакоже ихъ не мало: меня увѣряли, что эти скитальцы міра составляютъ одни двѣ трети здѣшняго населенія; что они одни пользуются здѣсь особеннымъ уваженіемъ и благосклонностію.... Бѣдный Гибралтаръ!

Въ военное время, гарнизонъ здѣсь усиливается по-мѣрѣ возникающихъ опасеній. Въ мирное время, число его зависитъ отъ произвола губернатора и политическаго расположенія умовъ. Если Кадиксу вздумается стряхнуть съ себя передъ солнцемъ свою старую, миролюбивую епанчу, если Малага вдругъ вздумаетъ проснуться отъ своего апа-

тическаго усыпленія, если въ Альджезирасѣ заходятъ дерзостные ряды герильясовъ, съ убійственнымъ *тролеблономъ* (ружьемъ) ихъ на плечѣ, — то и Гибралтаръ, въ свою очередь, выставитъ свой флагъ съ леопардомъ, красный гарнизонъ его залѣзетъ въ казематы свои и, давъ оттуда нѣсколько выстрѣловъ, объявитъ во всеуслышаніе, что онъ принимаетъ вызовъ на бой, и все снова умолкнетъ около британской горы.

Туземцы гибралтарскіе сохранили свой мѣстный костюмъ и обычаи. Иные, однакоже, одѣты по-англійски и, по-видимому, приняли всѣ манеры и тонъ своихъ обладателей. Почти всѣ туземныя женщины прикрываются красною мантильей, обшитой чернымъ бархатомъ и кружевами, и при всемъ неудобствѣ этой одежды, скрывающей щеголеватость ихъ таліи, они находятъ еще средство нравиться, драпируясь не хуже ни одной кокетливой, прелестной и несуевѣрной Андалузянки.

У жидовъ нѣтъ особенной постоянной одежды. Въ костюмѣ своемъ подражаютъ они довольно-искусно тому лицу, котораго намѣрены обмануть. Въ обращеніи съ Испанцемъ, надѣваютъ они епанчу; узкое, длинное и заостренное платье, если ведутъ дѣла съ Англичаниномъ; прикрываютъ чалмою голову, если избрали жертвою своей Турка.

Говорятъ, что торговля весьма-значительна въ Гибралтарѣ. Признаюсь, я что-то плохо этому вѣрю, судя по малочисленности судовъ, гніющихъ на здѣшнемъ рейдѣ, менѣе безопасномъ, но гораздо-обширнѣйшемъ, чѣмъ Тулонскій. Нѣтъ здѣсь ни роскоши, ни общественной жизни; каждый живетъ особнякомъ — у себя и для себя. Англичане учредили здѣсь однакожъ публичную библіотеку, въ которой собираются ихъ любители изящной литературы. Я заходилъ туда не разъ, и мнѣ не удалось ни съ кѣмъ встрѣтиться. Наконецъ отыскалъ я тамъ библіотекаря, Француза, да какого-то англійскаго полковника, разсматривавшаго карикатуры.

Полагаютъ, что алжирскому консулу удалось для себя украсить это мѣстопребываніе скуки, и онъ вездѣ выказываетъ азіятскую свою роскошь. Одинъ жидъ увѣрялъ меня, будто-бы одинъ домъ его обошолся ему въ 800,000 франковъ, и если-бы только ему вздумалось, онъ могъ-бы скупить не только всю гавань, весь городъ, но и всѣхъ его жителей.

— А какъ вы думаете: *продались-ли-бы ему* и жиды?—спросилъ я моего Еврея.

— Жиды торгуютъ всѣмъ, сударь!

Въ бытность нашу здѣсь, намъ сказывали, будто-бы вѣрные и вселюбезнѣйшіе подданные алжирскаго Дея, отрубили ему голову. Вѣсть эта не помѣшала нимало варварійскому консулу преспокойно продолжать свои дѣла и заниматься дипломатическою корреспонденціею: онъ только снялъ имя своего повелителя съ офиціальныхъ бумагъ, въ заголовкѣ которыхъ оно всегда красовалось.

Счастлива та страна, гдѣ кончина любимаго Государя почитается бѣдствіемъ общественнымъ!

II.

ТЕНЕРИФЪ.

Древняя Атлантида Платонова. — Гуанчи. — Нравы. — Шквалъ.

Между-тѣмъ, съ востока поднялся довольно-сильный и почти-порывистый вѣтеръ: мы поворотили по шпилю, съ обычными пѣснями и бранью, и часъ спустя, неслись уже по вѣтру въ проливъ, въ послѣдній разъ прощаясь взорами съ величественной массой гранита, изслѣдованной нами съ такимъ удовольствіемъ.

Судно наше шумно скользило между Европою и Африкою, этою невѣдомою Африкою, которую увидимъ мы позже на мысѣ Доброй-Надежды; сею прекрасною Европою, которую многимъ изъ насъ уже не суждено было увидѣть. Издали привѣтствовали мы рукою царства Фецъ и Марокко, которыхъ почва и обнаженные утесы рисовались, черпѣя подъ краснымъ и раскаленнымъ небомъ. Волненіе усиливалось, качка дѣлалась величественнѣе, движенія корвета принимали видъ болѣе важный, менѣе порывистый — мы вплыли уже въ Атлантическое-море.

Первый переваль отъ береговаго плаванія къ плаванію по открытому океану оставляетъ всегда въ душѣ какое-то особенное воспоминаніе. Тутъ начинается новая жизнь, возникаютъ новыя впечатлѣнія. Небо и море, шумъ вѣтровъ и ревъ волнъ, вотъ все, что̀ предоставлено тогда человѣку для сокращенія протяжныхъ часовъ, и когда вы, послѣ сутокъ благопріятнаго пути, протянете на картѣ небольшую черточку, означающую сорокъ или пятьдесятъ миль пройденныхъ вами, когда вы окинете взоромъ открывающуюся передъ вами безпредѣльность, вы почувствуете, что бодрость ваша готова потухнуть, изнеможеніе ослабляетъ жаръ пытливости вашей, и вы начинаете жалѣть о землѣ, о родинѣ, о друзьяхъ, которыхъ пламеннѣйшія желанія ваши отдать вамъ не могутъ. Но эти первыя сожалѣнія непродолжительны: и у моря есть свои радости и пиры, и у приваловъ есть свои утѣхи и упоеніе, и вскорѣ — вы смотрите уже не назадъ, а туда, туда, на край небосклона, въ надеждѣ увидѣть, не вынырнетъ-ли изъ волнъ скала, островъ, мысъ, материкъ, на который вамъ такъ нетерпѣливо хочется ступить, который вамъ хочется извѣдать. И вотъ, какъ-бы къ слову — передъ нами всплываетъ земля, растетъ въ самыхъ страшныхъ видахъ: это острова Канарскіе, Тенерифъ! «Приводи и бери на гитовы! Приваливай!» Якорь падаетъ на грунтъ лавы и битыхъ голышей. Мы въ Санта-Крузѣ.

Видите-ли, какъ я великодушенъ, какъ я не долго задержалъ васъ въ морѣ! Около корабля запорхало въ одно мгновеніе нѣсколько легкихъ лодочекъ, изъ которыхъ вырываются грубые и глухіе голоса, предлагающіе намъ свѣжую рыбу, апельсины и бананы. О! сколько прелести въ путешествіяхъ! Счастіе безпрестанно бокъ-о-бокъ съ катастрофою, изобиліе объ-руку съ недостаткомъ, и наконецъ — переходъ, почти внезапный, изъ атмосферы суровой и холодной къ голубому небу и благорастворенному климату. Но мы заходили въ Гибралтаръ; мы въ каран-

тинѣ, и мы не иначе производимъ покупки наши и вымѣны, какъ на предлинныхъ шестахъ. Вотъ еще одна изъ превратностей моря!

Какъ-бы то ни было, ночь тиха и пріятна. Алчба первыхъ лучей дня, заставляетъ всѣхъ насъ улечься на палубѣ, въ-ожиданіи, пока разкрасится африканскій востокъ.

Выси горъ, на которыхъ, подобно гнѣздамъ кондора, выстроены зубчатые бастіоны, багровѣютъ, пробуждаются: грозная и величественная панорама, представляющаяся взорамъ нашимъ, достойна особеннаго изученія. Поморье, съ какой-бы точки зрѣнія вы ни пытались его изслѣдовать — вездѣ шероховато, рѣзко, чешуйчато, изрыто неприглубыми бухтами, въ которыхъ отзывается протяжный гулъ прибоя. Повсюду острыя скалы, цѣлыя пирамиды, облпчающія подводныя потрясенія; а на обрывахъ *морновъ* (вулканическихъ утесовъ) рисуются горизонтальныя, змѣйчатыя, разноцвѣтныя слои, указующіе геологу постепенность ихъ образованія и почти самое время каждаго изверженія. Не надѣйтесь перевесть съ точностію эту грустную картину на полотно, но будьте увѣрены, что она тѣмъ-вѣрнѣе останется въ вашей памяти. На каждомъ шагу солнца сцена перемѣняется: тѣни этихъ естественныхъ колоколень, выстрѣливающихся въ пространство воздушное, мельчаютъ, вытягиваются въ длину, пересѣкаются, разбиваются, сталкиваются и вы еще не успѣли налюбоваться однимъ величественнымъ зрѣлищемъ, какъ новая картина затмѣваетъ его и заступаетъ его мѣсто.

Скажите мнѣ, что̀ дѣлаютъ въ Парижѣ столько великихъ художниковъ, спокойно запершись въ своихъ мастерскихъ? Кляну слабость мою и безсиліе, при видѣ столькихъ дикихъ и испогинскихъ картинъ. Гюденю и Рокплану должно быть такъ душно въ ихъ старой Европѣ...

За впечатлѣніями — исторія; и въ ней есть свой интересъ, своя драма.

Канарійскій Архипелагъ, извѣстный въ древности подъ именемъ *Счастливаго*, состоитъ изъ семи острововъ, изъ конхъ обширнѣйшіе: Канарія, Фуэртавентура и Тенерифъ. Послѣдній плодоноснѣе и населеннѣе прочихъ. На немъ сбирается ежегодно до восьми тысячь бочекъ вина, а вамъ извѣстно, что его выпиваютъ въ одномъ Парижѣ по двадцати тысячь въ годъ: стало-быть, можно полагать навѣрное, что не всѣ эти бочки заморскія.

Писатели XIV столѣтія увѣряли, — говоря о Тенерифѣ, по словамъ своихъ мореплавателей, — будто-бы тамъ и на окрестныхъ островахъ росли необычайной вышины деревья, поглощавшія всѣ испаренія атмосферы, и въ такомъ количествѣ, что сто́ило ихъ потрясти, дабы получать всегда чистую и благотворную воду. Во всякой истинѣ есть частица лжи; но я поговорю вамъ еще въ-послѣдствіи объ этомъ *деревѣ-странникѣ*, котораго одно имя напоминаетъ уже благодѣяніе, и, вѣрно, тогда вамъ не покажется страннымъ разсказъ о неимовѣрныхъ повѣствованіяхъ того времени, столь обильнаго великимъ.

Если вѣрить имъ, то островъ Пальма открытъ былъ двумя влюбленными; изгнанные изъ родины ихъ, Кадикса, они купили себѣ небольшое суденышко, пустили его на произволъ вѣтровъ и рѣшились не пережить другъ-друга. Долго носились они по зыби волнъ и наконецъ увидѣли островъ, къ которому пристали съ величайшимъ трудомъ: они назвали его *Пальмою*, по множеству покрывавшихъ его пальмовыхъ деревъ. Извѣстно, какого вѣроятія заслуживаютъ всѣ эти сказки о любовникахъ, и какъ укоротилась-бы исторія свѣта, если-бы выкинуть изъ нея

мечты необдуманнаго воображенія, всегда пристрастнаго къ чудесамъ.

Острова сіи чисто-волканическія, подобно всѣмъ островамъ здѣшняго океана. Народонаселеніе ихъ простирается до 140,000 жителей, изъ числа коихъ 64,000 считается на одномъ Тенерифѣ. Санта-Крузъ, мѣсто-пребываніе губернатора, не-смотря, что королевская *аудіенсія* (главное судилище) находится на островѣ Канаріи, есть небольшой городокъ, довольно-грязный, простирающійся отъ сѣвера къ югу. Не болѣе половины улицъ его кое-какъ вымощена. Испанцы, здѣсь поселившіеся, сохранили свои отечественныя нравы и привычки, за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣненій, вынужденныхъ климатомъ.

Края домовъ росписаны двумя чорными полосами, придающими имъ какой-то грустный видъ. Издали кажутся они бѣлымъ покровомъ съ похоронной бахрамой, надъ дѣвственнымъ гробомъ.

Рейдъ, открытый для всѣхъ вѣтровъ, кромѣ западнаго, столь рѣзкаго въ здѣшнихъ широтахъ, замѣчателенъ только своею неблагонадежностію, ибо грунтъ чрезвычайно-дуренъ, а побережье весьма-опасно. Мы нашли здѣсь два или три купеческихъ брига, французскихъ и американскихъ, наливавшихся водою, да съ полдюжины испанскихъ *пінокъ*, существованіе экипажа коихъ могло казаться загадкою. Вообразите себѣ полузгнившее судно, въ которое всажено два бревна, въ видѣ мачтъ, поддерживающихъ обломки рей, къ коимъ приклеено два лоскута разноцвѣтной парусины, едва надуваемой вѣтрами, играющими въ ея лохмотьяхъ: пришпильте на вершину ихъ клокъ красной рубахи или хвостъ *шарка* (аккулы), въ видѣ флага; закиньте на судно, такъ хорошо оснащенное, десятка четыре мохнатыхъ и бронзовидныхъ существъ, взбитыхъ одно на другое, существъ, которыя то прыгаютъ, то божутся и бранятся, стараясь какъ можно скорѣе переплыть разстояніе отъ мыса Бранко (бѣлаго), гдѣ они ловятъ рыбу — до Тенерифа, гдѣ они продаютъ ее; существъ, для пропитанія коихъ нужно нѣсколько овощей и комковъ тѣста изъ маисовой муки, и вы будете имѣть понятіе о нравахъ и жизни этихъ людей, совершенно-чуждыхъ обычаямъ всѣхъ прочихъ народовъ, людей, покорныхъ одному кодексу тѣхъ законовъ, который они сами для себя издали.

Выраженіе пріязни ихъ есть крикъ; ссоры ихъ — настоящее вступленіе; оружіе ихъ — ножи; мщеніе ихъ — кровь. На каждомъ такомъ суднѣ, выстроенномъ изъ развалинъ двадцати другихъ судовъ, находится по двѣ или по три женщины, желтыхъ, сухихъ, неопрятныхъ, оборванныхъ, составляющихъ общее достояніе всѣхъ этихъ людей. Онѣ спятъ между ими, хохочутъ, бранятся и божутся, разгуливаютъ по палубѣ и курятъ огромнѣйшія сигары; во-время бури, онѣ первыя въ дѣлѣ и самомъ трудномъ; не рѣдко, весь экипажъ былъ спасаемъ самоотверженіемъ ихъ и неустрашимостію. Тутъ увидите вы также и дѣтей, лежащихъ на узловатыхъ веревкахъ: нечувствительныя къ страхамъ ужасной жизни своей, дѣти эти называютъ *папеньками* своими всѣхъ матросовъ, и во-время качки, катаются по палубѣ въ числѣ боченковъ, набитыхъ рыбою, изъ-подъ которыхъ маменьки преспокойно вытаскиваютъ ихъ избитыми и растерзанными. Я нарочно велѣлъ свезти себя на одну изъ такихъ бѣдовыхъ пинкъ, на которой прибытіе мое составитъ эпоху и долго останется памятнымъ. Предчувствуя приволье, которое я могъ имъ доставить моимъ посѣщеніемъ, я запасся кое-какою одеждою для прикрытія ихъ наготы, и съ трудомъ докарабкался до этихъ смоляныхъ и желѣзныхъ людей: привѣтствовавъ ихъ на испан-

скомъ языкѣ и какъ могъ ласковѣе, я попросилъ у нихъ позволенія срисовать ихъ; они весьма-охотно дали на то согласіе, и ни одинъ натурщикъ въ нашихъ мастерскихъ не сиживалъ еще такъ беззаботно и неподвижно, какъ эти люди. Самъ Полоэ позавидовалъ-бы имъ. Одна изъ женщинъ, въ особенности, приняла на себя такой важный видъ, что мнѣ трудно было не расхохотаться. Окончивъ дѣло свое, я потребовалъ у нашего матроса, — несмѣвшаго дотронуться до этихъ несчастныхъ, изъѣденныхъ всякою нечистью, — узелка, ему вѣреннаго, и въ великодушномъ состраданіи, накинулъ платокъ и рубашку на одного изъ смотрѣвшихъ на меня ребятишекъ, — чуть бормотавшаго какую-то просьбу. Двумъ женщинамъ подарилъ я четыре, еще неразрѣзанные матрасовые платка, изъ коихъ они могли выкроить себѣ юпку, подарилъ имъ пару ножницъ и три или четыре чесательныхъ гребенки; прочимъ роздалъ я остатки моей походной пачки. Все это принято было съ живѣйшею признательностію, съ выраженіями нѣжности и преданности, тронувшими меня до глубины сердца. Всего-же болѣе поразилъ ихъ внезапною радостью развернутый мною образъ *Богородицы Всѣхъ-Скорбящихъ* (Mater dolorosa) *стоящей у подножія Креста*; они приняли его какъ святыню. Никогда не позабуду я порывовъ восторга, проявленнаго, при этомъ случаѣ, цѣлымъ ихъ экипажемъ! Это были—любовь, восхищеніе, изумленіе. Они готовы были принять и меня самого за существо неземное. Всѣ бросились цѣловать икону, потомъ, прикрѣпивъ ее къ низу мачты, всѣ кинулись на колѣна предъ образомъ, и сильнымъ, могучимъ голосомъ затянули латинскій гимнъ. И что это за латынь была, Боже упаси! Я думаю, что въ самомъ преисподнемъ котлѣ Луцифера не раздавалось еще ничего ужаснѣе: ни одинъ отверженецъ не ломался такими судорогами, не кривлялся съ такимъ неистовствомъ, и однакожъ— трепетанія эти выражали любовь; это изступленіе — набожный восторгъ; эти порывы — благоговѣніе къ святынѣ; а все вмѣстѣ — теплую вѣру. Какъ-же проклинаютъ, теперь, эти люди, если молитвы ихъ такъ выразительны и такъ пламенны? Упади я въ море, и всѣ они ринулись-бы спасать меня, посреди аккулъ и крокодиловъ....

При отъѣздѣ моемъ, ни одинъ изъ этихъ людей, даже ни одна женщина — не осмѣлились протянуть мнѣ заскорузлой руки своей; тутъ только догадались они, по уваженію, которое я внушилъ имъ, для чего я отвергъ сперва ихъ очаровательныя ласки! Вѣроятно, я показался имъ какимъ-нибудь царемъ свѣта, и они, конечно, пробредили обо мнѣ не одну ночь. Весь экипажъ, прощаясь со мной, сталъ на колѣни, и обѣщалъ ежедневно возносить благодарственныя молитвы къ Покровительницѣ всѣхъ скорбящихъ, за ниспосланіе имъ провозвѣстника, сострадательнаго и щедраго: всѣ они, по-видимому, усердно молились, ибо я не заплатилъ за посѣщеніе мое ни коростой, ни проказой.

Благопріятный морской вѣтръ далъ мнѣ возможность прокатиться на шлюбкѣ на сѣверъ и югъ отъ Санта-Круза.

Я воспользовался этимъ случаемъ и продолжалъ мои изслѣдованія и наблюденія. Ночь начинала спускаться съ горъ; благоухающія испаренія неслись ко мнѣ отъ беззащитнаго поморья, у котораго замиралъ прибой, въ разстояніи кабельтова отъ *мола* (крѣпостнаго вала). Причаливъ къ берегу, я рѣшился тайно проникнуть въ городъ, куда въѣздъ намъ былъ еще недозволенъ. Новый предметъ любопытства и изумленія! Тамъ, между волнами моря и широкимъ подножіемъ угасшаго жерла, встрѣтилъ я десятка три молоденькихъ дѣвочекъ, которыя, подъ покро-

вительствомъ своихъ маменекъ, просили у меня, какъ милостыни, тайнаго разговора. «Квартира ихъ не далеко, тамъ примутъ меня съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, накормятъ сладкими апельсинами, вкусными бананами; тамъ успокоюсь я отъ усталости.» И при этомъ, хватали онѣ меня за руки, дергали за платье, и не пускали меня воротиться на корабль, пока не удовлетворю я ихъ желаній. Любопытныя эти убѣжденія происходили съ криками, съ просьбами, съ угрозами и почти со слезами, и съ моей стороны было-бы очень-неучтиво не отвѣчать на такія лестныя приглашенія. Мнѣ легко было, если-бы захотѣлъ, довести этихъ молодыхъ дѣвушекъ до рукопашнаго боя, и это не хвастовство: онѣ напали-бы точно также на всякаго другаго! Увы! Самой старшей изъ нихъ не было и пятнадцати лѣтъ! Нищета, а не развратъ; недостатокъ, а не любостяжаніе, были всему виною: можетъ-быть также, и дѣйствіе знойнаго солнца, почти отвѣсно ихъ палившаго. Вотъ ихъ наружность: легонькій, открытый камзольчикъ, обнажающій кругленькіе плечики и загорѣлую грудку; камзольчикъ въ лохмотьяхъ или въ заплаткахъ, испещренный заново клочками разноцвѣтныхъ матерій; простая юбочка, перевязанная поясомъ и чуть доходящая до колѣнъ; волоса черные, какъ смоль, у однѣхъ распущенныя волнами, у другихъ подобранные на роговую или грубой рѣзьбы деревянную гребенку и, подъ этой гагатовой діадемой — ясное и широкое чело, большіе глаза, опушенные длинными, густыми рѣсницами; носъ немного сплюснутый; щочки пухленькія и румяныя; дивнообразованный ротикъ, съ рядомъ зубовъ ослѣпительной бѣлизны; и подъ всѣми этими лохмотьями, прикрывающими, но не скрывающими прелестныхъ формъ, перси, достойныя самыхъ страстныхъ живописныхъ *этюдовъ* какого-нибудь Давида или Прадье; юныя, кругленькія ручки; и все это — оживлено смѣлостью движеній, своеволіемъ походки, — настоящая живучесть, крутящаяся въ жилахъ! И прибавьте ко всему этому пламенность убѣжденія, безотвязность повторенныхъ приступовъ, тихую, восхитительную ночь, первую утомительность круго-свѣтнаго плаванія, неутолимую жажду изучить посѣщенный вами народъ.... Да! ни одно познаніе не дается даромъ; а для науки — я никогда не отказывался отъ извѣстныхъ пожертвованій....

Съ величайшимъ трудомъ собралъ я своихъ матросовъ; наконецъ, всѣ мы въ шлюпкѣ, и, облегченные отъ нѣсколькихъ частей нашей одежды, возвращаемся на свой корветъ, не смѣя слишкомъ хвастать своей поѣздкой и понесенными трудами.

По условію нашему, молоденькія островитянки, вѣроятно, ожидали насъ и на другой день; но это первое посѣщеніе было и послѣднимъ: карантинные уставы заслуживали уваженія, и съ насъ показалось достаточнымъ и того, что мы ихъ однажды нарушили столь-безразсудно и столь-преступно.

Простоявъ двое сутокъ на рейдѣ, мы наканунѣ видѣли еще знаменитый *пикъ*, какъ издалека и въ сомнительномъ небосклонѣ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ на него взобраться; но какъ онъ находился въ осми льe отъ Санта-Круза, и дорога туда была намъ неизвѣстна, то губернаторъ, вѣроятно, уладитъ для насъ всѣ трудности этого пути. Французъ, исправлявшій должность консула, увѣрялъ насъ, съ лукавою улыбкой, что губернаторъ оставитъ безъ отвѣта офиціяльную бумагу, написанную къ нему нашимъ командиромъ. Узнавъ еще въ Гибралтарѣ, что губернаторомъ здѣсь Генералъ Палафо (Palafox), мнѣ трудно было понять его молчаніе; но консулъ, назвавъ Дона Педро Л...., пояснилъ намъ другія причины. — Г. Гу-

бернаторъ не умѣетъ писать. — А секретарь его? — Читать не знаетъ. — Это другое дѣло! И такіе люди представляютъ цѣлую націю!

Теперь вопросъ: кто-же представляетъ насъ въ Тенерифѣ? Не наноситъ-ли оскорбленіе нашему флагу, то обидное молчаніе, которымъ намъ отвѣчаютъ?

Мы отправляемся дѣлать наблюденія наши въ лазаретъ, отстоящій въ полульё отъ города. Полоса мелкихъ камешковъ отдѣляетъ больныхъ отъ здоровыхъ. Гарнизонный солдатъ, съ оружіемъ на плечѣ, довольно-похожимъ на ружье, стоялъ тутъ на стражѣ общественной безопасности. Онъ ѣлъ, разгуливая, какой-то комокъ тѣста, который мялъ въ рукахъ. — Что ѣшь ты, пріятель? — Хлѣбъ! — (Я напрасно старался увѣриться въ томъ, что онъ не обманывалъ насъ). — Хорошъ-ли онъ? — Превосходенъ! Попробуйте. (Языкъ мой прильнулъ къ гортани). — А деньги? — Ихъ нѣтъ никогда. — Стало-быть тутъ не найдется его и на 10 реаловъ? — Я-бы обошолъ за нихъ цѣлый островъ. — Примешь ли отъ меня полупіастръ, чтобы выпить за мое здоровье? — Сумма слишкомъ значительна: подумаютъ, что я укралъ ее. — Возьми! — Ну, право, сударь, я побоялся, что вы отдумаете. Покорнѣйше благодарю!

Одинъ взглядъ нашего гренадера, заставилъ-бы отступить весь пикетъ, пришедшій смѣнять часоваго: это не Испанцы!

Посмотрѣвъ на два или на три неправильныя укрѣпленія, которыя такъ легко осыпать бомбами; взглянувъ на эту зубчатую стѣнку, господствующую надъ городомъ; узнавъ, что при помощи гребныхъ судовъ можно сдѣлать, безъ малѣйшаго затрудненія, высадку на любую часть островскаго поморья, — я невольно спросилъ себя, какъ могъ Адмиралъ Нельсонъ лишиться здѣсь руки, всѣхъ десантныхъ судовъ, знаменъ и лучшихъ своихъ солдатъ, и не овладѣть Санта-Крузомъ? Мнѣ кажется, что если отправить сюда котораго-нибудь изъ нашихъ адмираловъ, онъ не потеряетъ здѣсь ни судовъ, ни солдатъ, ни знаменъ, и мы овладѣли-бы островомъ.

Намъ суждено здѣсь выдержать осмидневный карантинъ. Пожалѣйте обо мнѣ, приговоренномъ къ бездѣйствію и покою! У меня предъ глазами дикая и суровая природа; вдали, для восшествія на него, снѣжный и волканическій пикъ; внутри острова, обычаи полуиспанскіе, полугуанчскіе, для срисовки, въ пользу нашей современной исторіи, и намъ запрещено все, по какой-то странной прихоти человѣка, которому мы дали всѣ обезпеченія на-счотъ здоровья туземцовъ, надъ которыми онъ владычествуетъ, какъ деревенскій школьный учитель. Попытаемся-же утѣшить себя розысканіями о постепенности событій, присоединившихъ эти острова къ Державѣ Испанской.

Жанъ де-Бетанкуръ, счастливый удалецъ, въ сообществѣ нѣсколькихъ Нормандцевъ и Гасконцевъ, завоевалъ, въ 1402 году, Лансероту, Фуэртавентуру и Гомеру. Попытки его были не такъ удачны на островахъ сосѣднихъ: Большая Канарія и Тенерифъ покорились не прежде, какъ восемдесятъ лѣтъ спустя, и стоили много крови, по случаю героическаго сопротивленія Гуанчей, первыхъ обитателей здѣшняго многоостровія. Король Французскій, занятой войнами своими съ Англіею, не могъ подать никакой помощи своему камергеру, о которомъ онъ вовсе забылъ, полагая его въ *аду*, отъ того, что островъ Тенерифъ назывался тогда *Инферно* (адъ), вѣроятно, отъ своего волкана. Одинъ Генрихъ III-й, король кастильскій, рѣшился дать ему нѣкоторую помощь, въ-слѣдъ зачѣмъ папа отправилъ къ нему епископа, признавъ его феодальнымъ королемъ Святаго-Престола и вассаломъ государя, кото

рый подалъ ему руку помощи, и короновалъ его.

Здѣсь кстати замѣтить, что величайшіе геніи всѣхъ временъ рѣдко находили поддержку на своей родинѣ, и что бо̀льшая часть открытій, которыми свѣтъ обязанъ смѣлости и постоянству, сдѣлались добычею покровителей чужеземныхъ. Одна смерть возвращаетъ человѣка великаго своей отчизнѣ.

Г. Бори де Сен-Венсанъ, въ огромномъ сочиненіи своемъ, изданномъ подъ скромнымъ заглавіемъ «Опыта о благополучныхъ островахъ (Essais sur les Iles Fortunées)» — надѣлилъ насъ полною исторіею пика Тенерифскаго, во всѣхъ его отношеніяхъ. Онъ перебралъ все, что̀ было до него писано, съ присовокупленіемъ собственныхъ своихъ сравнительныхъ и обдуманныхъ наблюденій, съ подробною росписью зоологическихъ, ботаническихъ и минералогическихъ произведеній Тенерифа. Онъ открылъ на этомъ островѣ и другихъ сосѣдственныхъ островахъ настоящую гору Атласъ древнихъ, Геспериды, и ихъ сады съ золотыми яблоками; Горгонъ и мѣстопребываніе царицы ихъ Медузы, Елисейскія-поля, острова Пурпуровые, и наконецъ, — древнюю Платонову Атлантиду, колыбель народа Атлантовъ, образовавшаго землю послѣ покоренія оной, народа, котораго всѣ памятники уничтожены волканическими изверженіями, истребившими и самую его память.

Г. Бори де Сен-Венсану можно, конечно, сдѣлать нѣкоторыя возраженія; но если онъ и ошибся, то никто краснорѣчивѣе его не ошибался.

Г. Гумбольдтъ (одна благосклонная дружба его ко мнѣ даетъ мнѣ смѣлость упомянуть его имя въ сихъ слабыхъ опытахъ), г. Гумбольдтъ посѣщалъ также пикъ Тенерифскій и его *кратеръ* (жерло); не значитъ-ли это — что въ семъ жерлѣ и пикѣ не осталось уже ничего сокровеннаго?

Какъ-бы то ни было, но губернаторъ — устыдясь, вѣроятно, своего упрямства, наконецъ освободилъ насъ отъ карантина, и намъ дозволено было осмотрѣть и изучить весь островъ. За то и мы, тронутые такимъ обязательнымъ и неожиданнымъ его великодушіемъ, подняли якорь и отправились... далѣе, привѣтствовавъ его на прощаньи пушечнымъ залпомъ! Простите, миленькія дѣвочки каменистаго поморья, прощайте пики испанскія, съ которыхъ несутся къ намъ шумные и веселые припѣвы!

Бѣлое чело пика освобождается отъ покрывающихъ его облаковъ, и онъ является намъ во всемъ своемъ величіи, грозный и владычественный; проходятъ сутки, и мы все еще видимъ его надъ горизонтомъ.

Вскорѣ изчезаютъ всѣ признаки земли: мы плывемъ по тихому, прекрасному морю. Здѣсь нѣтъ тѣхъ бурь, которыя обламываютъ мачты кораблей и разверзаютъ ихъ нѣдра; нѣтъ тѣхъ грозныхъ непогодъ, которыя такъ затрудняютъ плаваніе въ этихъ высокихъ широтахъ: ни утомительной качки, ни мучительнаго продольнаго нырянья; я пишу и рисую, какъ дома. Переходъ до Бразиліи будетъ слишкомъ не дологъ и преспокоенъ; нужды нѣтъ! должно быть готовымъ на все.

Но тамъ, тамъ, вдали отъ насъ, виднѣется бѣлая точка, сперва чуть примѣтная, потомъ больше и больше, и вотъ она развертывается какимъ-то обширнымъ саваномъ и будто сманиваетъ къ себѣ всѣ окрестныя облака. Небо подергивается мглою; нѣсколько молній змѣится по пространству воздушному; море, за минуту назадъ, покрытое морщиноватыми переливами, начинаетъ бурлить и клокотать, какъ кипящая влага. Удушливый жаръ палитъ насъ... ни одного вѣтерка, чтобы надуть

наши паруса, и корветъ нашъ, лишенный воздуха, начинаетъ кружиться самъ-собою. И вдругъ все море заволновалось... «*Приводи къ ветру! бери на гитовы! давай ходъ!..*» И мы летимъ, какъ спущенная стрѣла. Раздаются страшные перекаты грома, съ грознымъ рокотомъ разряжаются молніи, волна сталкивается съ волною, мачты трещатъ и гнутся; за нами гонится крутящійся смерчь, готовый разбить насъ въ дребезги; валы доходятъ до облаковъ и охватываютъ насъ отвсюду; дождь и градъ сѣкутъ насъ съ ужаснымъ шумомъ; смѣльчакъ матросъ, прильнувшій къ оконечности рея, не можетъ понять, кто окачиваетъ его и ломаетъ — волны морскія или хлябп небесныя? Ночь, глубокая ночь, безъ горизонта; ни звѣздочки на зенитѣ, ночь хладная, грозная въ самомъ безмолвіи, заступившемъ мѣсто борьбы стихій! Но вотъ — разоблачается небо; корветъ пошолъ своимъ прежнимъ, свободнымъ ходомъ; предметы зрѣнія проясняются, и солнце всплываетъ на лазоревую атмосферу....

Неужели мы выдержали бурю, встрѣтили ураганъ? Матросъ отвѣчаетъ съ улыбкою: «это просто былъ *шкваликъ!*» Очень-радъ! Милости просимъ, г. ураганъ! Я люблю сравненія!

III.

ОТЪ ОСТРОВОВЪ КАНАРСКИХЪ ДО ЭКВАТОРА.

Пойманный *шаркъ* (аккула). — Обрядъ перехода черезъ равноденственную черту.

Въ этихъ при-экваторныхъ широтахъ, гдѣ почти-всегда отвѣсное солнце имѣетъ такое сильное вліяніе на атмосферу, непогоды рѣдко бываютъ продолжительными. Вообще при переходѣ экватора, васъ напутствуютъ небольшіе порывы вѣтра, грозы, и послѣ шквала, небо вновь проясняется, синѣетъ. Буря прекратилась, щеголеватыя морскія птицы (damier), довѣрчиво порхая около нашихъ мачтъ, пророчествуетъ намъ спокойный день; свинки морскія, въ шумныхъ перескокахъ, не расплескиваютъ болѣе пѣнистыхъ волнъ своими шаловливыми прыжками; исполинскій китъ величественно вытягивается между двухъ водъ и выставляетъ намъ на показъ свой безконечный хребетъ, на который *альбатросъ* (водяная птица), наканунѣ еще прилетѣвшій изъ студеныхъ поднебесностей, рѣется съ быстротою стрѣлы, и столь-же мгновенно поднимается опять — искать себѣ вѣрнѣйшей пищи, между-тѣмъ-какъ корабль нашъ, качаясь на своемъ мѣдномъ килѣ, катится и ныряетъ съ волны на волну, противъ которыхъ руль его остается безъ силы.

— Шаркъ! кричитъ кто-то изъ нашихъ матросовъ. Шаркъ за кормою! И подлинно, чудовищная аккула, уже сторожитъ взоромъ добычу своей алчности —

обломки дерева, обрывки бѣлья и смолы, обыкновенно сбрасываемые въ море при очищеніи батарейной палубы. И такъ — вотъ эпизодъ нашего штилеваго плаванія, на однообразіе котораго начинали уже сыпаться проклятія и ругательства нашихъ нетерпѣливыхъ моряковъ.

Мгновенно спущенъ былъ за корму желѣзный *гарпунъ* (рыболовный крюкъ), прикрытый огромнымъ кускомъ соленаго жира, и прикрѣпленный узломъ къ толстому буксиру. Не прошло и двухъ минутъ, какъ *лоцманъ*, маленькая пищейная рыбка аккулы, указываетъ госпожѣ своей радостнымъ своимъ трепетомъ, что для нея готова уже удобная добыча. Прожорливое животное рѣется на приманку, и чтобъ вѣрнѣе въ нее вцѣпиться зубами, перевертывается на спину, яростно стискиваетъ въ пасти своей твердое желѣзо, котораго окопечности врѣзываются ей въ мясистыя части и выходятъ наружу сквозь верхнюю челюсть, обливъ ее кровью. Чудовище рвется, ныряетъ, изгибается, выплываетъ на поверхность воды, — все напрасно: оно уже наше, и вотъ — мы всѣ, заранѣе взвѣшивая эту добычу, исторгаемъ его изъ родной стихіи, и побѣжденный плѣнникъ нашъ, выброшенный на палубу, неистово бьется о борты. Рыбка-лоцманъ не покидаетъ его, и вѣрная добровольно-избранному ею хозяину, прицѣпляется къ его подбрюшью и великодушно готовится съ нимъ вмѣстѣ умереть.

Тутъ матросы наши, въ восторгѣ отъ своей счастливой добычи, берутся за топоры и принимаются за дѣло: съ радостными, ребяческими криками, разсѣкаютъ они аккулу, вовсе не ожидавши свѣжей рыбы къ обѣду. Въ два рубка, отдѣляетъ матросъ Маршэ туловище шарка отъ хвоста его, нѣсколько повыше послѣдняго плавательнаго пера, и въ туже минуту воткнуто въ пасть чудовища цѣлое весло, мгновенно раздробленное тремя рядами его твердыхъ, острыхъ и рѣзкихъ зубовъ. Опасно было подходить въ это время къ аккулѣ, которой быстрыя судороги едва-едва сдерживались каронадою съ прикрѣпленнымъ къ ней, туго-натянутымъ буксиромъ.

Чудовище было вздернуто на ютъ, гдѣ вскорѣ повѣсили его и распластали. Маршэ и Віаль исполнили это дѣло мастерски, какъ люди опытные, неумолимые мясники, они отвѣчали на порывистые трепетанія животнаго шутовскими ужимочками и прибаутками, отъ которыхъ помиралъ со-смѣху цѣлый экипажъ... Кишки и сердце уже были выпотрошены, оставалось цѣлымъ одно только туловище, изъ котораго каждый отрядъ отбиралъ глазомъ свою часть жира, а между-тѣмъ живучее чудовище все продолжало еще свои лихорадочные подергиванья. Часа два спустя послѣ этой операціи, сердце еще не переставало биться въ рукахъ нашихъ, и невольно раскрывало ихъ неожиданными потрясеніями, между-тѣмъ-какъ разрубленные куски животнаго, погруженные въ воду для сохраненія ихъ въ свѣжести, проявляли признаки жизни даже и на другой день.

Аккула эта имѣла двѣнадцать футовъ въ длину, была большой породы, и пытка, которой мы подвергли ее, должна были неминуемо привесть ее въ жесточайшую ярость и придать силу ея движеніямъ, которые въ высочайшей степени обличали ея страданія. Не вѣрьте, однакоже, тѣмъ нелѣпымъ баснямъ, что разсказываютъ вамъ о живыхъ аккулахъ, которыя, лежа на палубѣ, будто-бы — разламываютъ хвостами своими корабельные борты; это одно изъ тѣхъ иперболъ, въ которыхъ путешественники — домосѣды прибѣгаютъ къ чудесному, въ надеждѣ внушить довѣренность къ опасностямъ дальныхъ походовъ, совершенныхъ ими вокругъ своего домашняго очага.

Z-3.5122

Конечно, человѣка можетъ сбить съ ногъ такая аккула, вытащенная на палубу; но, повѣрьте мнѣ, что ярость ея и сила нисколько не опасны бортамъ корабля и его цѣлости.

Нѣсколько часовъ спустя, по наблюденіямъ нашимъ оказалось, что мы находились подъ экваторомъ, и происшедшее наканунѣ съ нами было забыто; всѣ начали приготовляться къ торжественно-шутовскому празднеству, освященному всемірнымъ обычаемъ земнородныхъ, — празднеству, отъ котораго самая важность экспедиціи нашей, въ высшей степени ученой, не въ-правѣ была насъ освободить. Ничто такъ не самовластно, какъ старинный обычай.

Переѣздъ черезъ экваторъ составляетъ эпоху въ жизни морехода. Онъ переносится въ новое полушаріе, новыя созвѣздія лучатся надъ нимъ въ небосклонѣ. Большая Медвѣдица тонетъ въ волнахъ, Южный-Крестъ паритъ во всемъ блескѣ своемъ надъ кораблемъ. Во-время первыхъ побѣдъ, одержанныхъ мореплавателями XIV вѣка, переходъ черезъ равноденственную линію былъ религіознымъ днемъ ужаса и славы; въ-послѣдствіи, онъ сдѣлался предметомъ презрѣнія и шутокъ. Мореходное искусство, обогащенное астрономіею, наукой точной и плодовитой, произнесло приговоръ свой надъ чудеснымъ, которымъ прикрашивались явленія, созданныя мечтою въ климатахъ, до-того неизвѣстныхъ. Съ-этихъ-поръ изчезла боязнь, и беззаботность пошла на-встрѣчу опасностямъ; убавя цѣну ихъ значительности, начали считать ихъ за ничто, и насмѣшка заступила мѣсто молитвы. Тѣмъ не менѣе оставалось еще много неодолѣнныхъ преградъ. Новыя борьбы ожидали атлетовъ—въ-послѣдствіи; побѣжденныя опасности придавали имъ бодрость, возбуждали ихъ радостные крики, тогда-какъ оставались еще: мысъ Доброй-Надежды, мысъ Горнъ и проливъ Магеллановъ, долженствовавшіе доказать Коломбамъ, Кабраламъ, Діасамъ-де-Солисъ, Васкамъ-де-Гама, что самыя бурныя моря еще были не початы, не побѣждены. — И вотъ какъ обязаны мы были первоначально одному страху обрядомъ, наблюдаемымъ нынѣ при переходѣ черезъ экваторъ, — обрядомъ, о которомъ слѣдуетъ мнѣ не много поговорить, какъ объ одномъ изъ *важнѣйшихъ* эпизодовъ нашего продолжительнаго похода.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что бо́льшая часть человѣческихъ вѣрованій *) суть чада боязни, и что, въ подкрѣпленіе или — лучше сказать — во вредъ святости ихъ догматовъ, жрецы разныхъ вѣръ, проповѣдывали ихъ языкомъ пытокъ. Въ Мексикѣ, прежде алтарей солнцу, созидались алтари змѣю; свирѣпый ягуаръ былъ богомъ Пайкисовъ, Мондрукусовъ, Бутикудосовъ; въ бо́льшей части океаническихъ многоостровій, въ Мадагаскарѣ и на порѣчьяхъ Ганга народъ боготворилъ... крокодила; идолы дикихъ островитянъ Равака и Вайгью, представленные съ разверзтою пастью и когтеобразными ногтями, не говорятъ-ли намъ, что ихъ чествуютъ не жертвами любви, а кровію и убійствомъ? Тоже можно сказать и о Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ, несмотря на частыя посѣщенія наши, еще недавно человѣческія жертвы приносились уродливымъ и срамнымъ кумирамъ, и теперь еще украшающимъ тамошніе *моràи*... Вездѣ боязнь, повсюду огонь и пытки, для умиренія гнѣва небеснаго... Увы! сколько есть еще и между *нами*, просвѣщенными людьми, **) такихъ священниковъ, которые полагаютъ, что Богу угодные

*) За исключеніемъ истиннаго православнаго Христіанства : оно — чадо любви небесной.
Пр. Перев.

**) Дѣло идетъ о Франціи и о тамошнемъ римскомъ католицизмѣ!
Пр. Перев.

бичеванія и казни, чѣмъ онміамы молитвъ!

Итакъ, разскажу вамъ, по долгу повѣствователя, нѣсколько подробностей объ обрядѣ моряковъ при переходѣ черезъ экваторъ, — церемоніи, въ которой каждый изъ насъ — охотой или неволей — обязанъ былъ играть свою роль.

Наканунѣ еще, необыкновенный шумъ въ батарейной палубѣ возвѣстилъ намъ, что герои предлежавшаго празднества хорошо изучили *житье-бытье* и обычаи *древнихъ*. По каронадамъ раздавалась стукотня молотковъ, подъ ударами конхъ выковывались изъ листоваго желѣза демонскія цѣпи, вѣнецъ монарха водъ, его скипетръ и безпощенный мечъ. Моряки поэты (и кто-же изъ нихъ чуждъ поэзіи?) *импровизировали* веселые и разгульные припѣвы, изъ которыхъ изгнано было съ презрѣніемъ всякое безстыдство, какъ тонкость имъ непонятная. У пѣтики на-веселѣ, есть свой восторгъ, своя особая энергія, скачущая въ припрыжку и съ связанными ногами черезъ всѣ приличія, пренебрегающая перифразами, называющая вещи по имени безъ ужимокъ... Полное собраніе матрозскихъ пѣсенъ было-бы, клянусь вамъ, изданіемъ любопытнымъ и поучительнымъ.

Но вотъ наступаетъ часъ, батарейная палуба опустѣла, верхній декъ населяется веселыми и ясными лицами. Еще мгновеніе, и захлестали бичи; раздаются трубные звуки; и вотъ — спускается съ марса забавникъ въ сапогахъ со шпорами, преважно подходитъ къ вахтенной *банкѣ* (скамьѣ, banc de quart) и повелительнымъ голосомъ требуетъ къ себѣ начальника экспедиціи.

— Чтобы *причаливалъ* ко мнѣ духомъ! прибавляетъ онъ: у меня есть до него, или, вѣрнѣе, у него есть до меня дѣло.

Вскорѣ самъ командиръ нашъ смиренно и подобострастно является въ парадномъ мундирѣ.

— Что тебѣ надобно? спрашиваетъ онъ посланнаго.

— Переговорить съ тобою.

— Слушаю.

— Зачѣмъ ты прибылъ во владѣнія экваторнаго короля?

— Для астрономическихъ наблюденій.

— Дурь!

— Для того, чтобы повѣрить уклоненія часовъ и опредѣлить уплощеніе земли во всемъ здѣшнемъ поясѣ.

— Какъ это плоско!

— Изучить нравы туземцовъ.

— Къ чорту — съ твоимъ изученіемъ нравовъ! А что оно принесетъ тебѣ?

— Славу.

— А слава эта даетъ ли вино, ромъ и водку?

— Не всегда.

— Если такъ, то я *плюю* на твою славу, какъ на высосанную жвачку табаку! Впрочемъ это дѣла ваши, штабныя *фри*, которыя пѣжитесь себѣ въ каютахъ, пока мы мокнемъ, какъ утки. Теперь пойдетъ рѣчь о другомъ. Мастеръ Фукъ, король экватора, самъ пишетъ къ тебѣ, а я только его посланецъ. Вотъ и письмо. Знаешь ты грамотѣ?

— Немножко...

— Смотри-же, *племянничекъ*, буду ждать твоего отвѣта.

Письмо было слѣдующаго содержанія.

«Капитанъ! я не прочь отъ того, «чтобы твоя орѣховая скорлупка плы«ла *передомъ*, если ты и твой *поскуд*«*ный* штабишка подчинитесь моимъ «государственнымъ уставамъ. Согла«сны?.. Тогда отдавай паруса, подни«май бинеты *) и сучи себѣ хоть по

*) Bonnettes — наставные паруса въ тихую погоду на французскихъ судахъ.

«двѣнадцати узловъ! Если нѣтъ, — «вертись по вѣтру и плыви на буле- «няхъ!

«*Подписано:* Фукъ, второй под- «штурманъ корвета, а нынѣ ко- «роль экватора.»

— Я знаю свои обязанности, и съ этихъ-поръ, — я подданный твоего государя.

— Прекрасно!.. Умѣешь-ли ты ходить на головѣ, вверхъ ногами?

— Поучусь.

— Ничего нѣтъ легче, если не носишь юбки. Ѣдалъ-ли ты тюленину и *глупышину* *) ?

— Нѣтъ еще.

— Такъ будешь ѣсть — отвѣчаю; наточи только прежде зубы: а тамъ, если вѣтеръ благопріятенъ, и ни одна скала не пересѣчетъ тебѣ пути; если корабль твой не потонетъ на морѣ и самъ ты не околѣешь, то ужъ конечно вернешься на родину : я тебѣ это пророчу.

— Благодаренъ за предсказаніе.

— Еще не все... а что-то больно жарко!

— Понимаю; чуть не забылъ... Эй! живо, — графинъ цѣженной воды посланнику!

— Шутишь что́-ли ты, надо мною?

— Такъ вина?

— Спасибо; сегодня я ничего не пью, кромѣ... хмѣльнаго.

— Вотъ-же тебѣ бутылка рому.

— И того лучше; но вѣдь ходятъ не объ одной ногѣ : надо двѣ!

— Вотъ и обѣ.

— Ну! это *по-нашенски*, *по-марсовому*. За это, вѣрно, воротишься домой. Прощай до утра!

Трубы играютъ тушь, торжествующій посолъ взлѣзаетъ на марсъ, гдѣ ждетъ его праздничный король, окруженный лучшими матросами, и между-тѣмъ-какъ нетерпѣливый и веселый народъ выбѣгаетъ на шканцы, и всѣ люди наши развѣсили уши и выпучили глаза, мастеръ Фукъ выливаетъ на нихъ цѣлый потопъ соленой воды, слабый обращикъ того наводненія, которое окатитъ ихъ на слѣдующій день. Что́ касается до насъ, особъ привилегированныхъ, то мы, стоя на ютѣ, гораздо-легче отдѣлываемся. Только плечи наши осыпаны градомъ мансовыхъ зеренъ и лущенаго сухаго гороха; и мы, по-неволѣ, должны тоже ретироваться, хотя впрочемъ — безъ дальнихъ ранъ и контузій.

Наступаетъ наконецъ и великій день торжества : изъ люковъ разукрашенной батарейной палубы вылезаетъ цѣлый шутовской маскарадъ, самый уродливый, самый нелѣпый, какого не набрасывало еще на полотно и воображеніе Каллота! Двѣ шкуры съ двухъ ободранныхъ наканунѣ барановъ служатъ королю вмѣсто багрянницы; чело его украшено вѣнцомъ, ограненныя картофелины нанизаны ожерельемъ около сухой его шеи. *Супруга* его, безобразнѣйшій изъ всѣхъ нашихъ матросовъ, прикрыта юбкою, которую сшили ему изъ пяти или шести разноцвѣтныхъ платковъ. Двѣ дыни, одна больше другой, на которыя зорятся глаза влюбленнаго супруга, вздуваются на его мохнатой и морщиноватой груди. Треугольная шляпа Г. Келена, нашего снисходительнаго капеллана, вѣнчаетъ тѣмя маклера (не знаю почему, но эти маклера суются повсюду). Король ѣдетъ на двухъ ослахъ, — о правѣ играть ролю ихъ довольно-долго спорились, и не прежде пріобрѣли его, какъ доказавъ блистательнымъ образомъ высокія способности свои и упрямство. Луциферъ, съ ястребиным клювомъ, съ заостренными рогами, тащитъ за собой длинную цѣпь,

*) Мясо пингвиновъ или глупышей, плавающей, но не летающей птицы.

подгоняемый ударами *бадинки*, футовъ трехъ въ длину и пальца въ два толщиною. Онъ какъ-бы порывается дать тягу, но, испугавшись священной воды, которою обливаетъ его жрецъ, нарочно избранный изъ записныхъ нашихъ пьяницъ, онъ грызетъ цѣпь свою, испускаетъ бѣшеный ревъ и толкаетъ пинками королевскую дочь, которая, бросясь на перси матери, яростно ихъ кусаетъ. Восьмеро вооруженныхъ солдатъ заключаютъ шествіе, усаживающееся на *банкахъ* (скамьяхъ), на табуретахъ и креслахъ, смотря по достоинству каждаго лица.

— Вы, вѣрно, озябли? спросили мы его экваторское величество, которое дрожало и стучало зубами.

— Къ-сожалѣнію нѣтъ! — отвѣчалъ мастеръ Фукъ: я, напротивъ-того, задыхаюсь подъ этой мѣховой толщей; но таковъ обычай: я принужденъ дрожать, а вся свита моя брать съ меня примѣръ, подъ опасеніемъ лишиться своего званія. Это глупо, согласенъ, но такъ заведено *встарину*: вѣроятно, старики были зябче насъ.

Между-тѣмъ, тронъ занятъ, великіе сановники преважно усаживаются на свои мѣста, около огромнаго боеваго чана, къ краю котораго прилажена на перевѣсъ сѣдалка, для посадки на нее страдальца. Полный экипажный списокъ въ рукахъ у маклера: онъ встаетъ и, громкимъ голосомъ, читаетъ имя, отечество и прозваніе каждаго изъ насъ. Прежде всѣхъ раздается имя командира.

— Корабль вашъ имѣлъ-ли честь по сѣщать наши владѣнія? спросилъ его король-заурядъ.

— Нѣтъ еще.

— Въ такомъ случаѣ, гренадеры, за дѣло!

При сихъ словахъ, четверо солдатъ, вооруженныхъ топорами, бросаются на бакъ и заносятъ топоры на срубку гальюна; двѣ золотыя монеты, брошенныя на блюдо, поставленное на столѣ, удерживаютъ стремленіе нападающихъ; съ довольнымъ видомъ расходятся они обратно по мѣстамъ: чертовскій этотъ металлъ вездѣ творитъ чудеса. Перекликаютъ по-имянно весь штабъ, и каждый, по-очереди, садится верхомъ на доску перевѣшенную надъ огромнымъ чаномъ, налитымъ до-половины соленою водою. Въ этомъ положеніи, обязанъ каждый положительно и безъ запинки отвѣчать на слѣдующую, освященную обычаемъ формулу, внятно и явственно перечитываемую маклеромъ:

«Въ какомъ-бы ты состояніи не находился, клянись передъ лицомъ его экваторскаго величества, никогда *не волочиться* за законною женой моряка!»

Паціентъ обязанъ отвѣчать: «*клянусь!*» подъ опасеніемъ облитія, и сверхъ-того, бросить въ тазъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, назначенныхъ для общаго пира на первомъ привалѣ, — пира, въ которомъ не существуетъ различія званій. Благоприличіе (необходимое и въ самыхъ шуточныхъ вещахъ), благоприличіе непозволяло окунуть совершенно ни одного изъ насъ; все дѣло кончилось тѣмъ, что каждому вспрыснуто было по нѣскольку капель воды за рукавъ, и, по-обычаю, сказано было слѣдующее: «окрещаю тебя!» Но, когда наступила очередь матросовъ, то ни одного изъ нихъ не пощадили. Погруженные въ чанъ съ водою, они вырывались отъ-туда съ неимовѣрными усиліями и уморительными кривляньями; выразительнѣйшія ругательства оглашали воздухъ, звуки хохота мѣшались съ бранью, кабацкія остроты сыпались перекрестнымъ огнемъ, и никто изъ страдальцевъ не смѣлъ сердиться. Это была потѣха шумная, неугомонная; восторженная, изступленная радость матросовъ, забывшихъ на это время,

что подъ ногами ихъ море, что надъ головами ихъ небеса, по прихоти или гнѣву которыхъ всѣ они могутъ быть изуродованы, поглощены – не сегодня, такъ завтра. Увы! часы этихъ шумныхъ восторговъ такъ рѣдки на кораблѣ, и я, не безъ прискорбія, замѣтилъ, что небосклонъ уже подергивался тучами и что какой-нибудь шквалъ или буря могли положить предѣлъ этой потѣшной церемоніи...

Вовсе неожиданный случай долженъ былъ, однакоже, продлить ощущенія сего дня. На одно имя, не разъ повторенное, не было о́тклика; пошли разспросы, началось смятеніе, безпокойство, повсемѣстные розыски, на марсахъ, подъ канатами; наконецъ спускаются въ батарейную палубу и узнаютъ, что какой-то профанъ, гордясь своимъ званіемъ *кока* (повара), рѣшился, во что́-бы ни стало, освободиться отъ всеобщей повинности. – Всѣ въ батарейную палубу! – Раздался грозный голосъ. Всѣ порты и люки ея кишатъ народомъ, батарея вся занята. – На верхъ, на верхъ!.. верхомъ на доску! нѣтъ ему помилованія! нѣтъ пощады! Выкупать его хорошенько!–кричатъ со всѣхъ сторонъ, – да такъ, чтобъ духъ заняло!

И подлинно, въ батарейной палубѣ находился герой, штабный кокъ, поклявшійся ни за что́ не принимать экваторнаго крещенія. Облитый по́томъ лобъ ко́ка прикрытъ былъ бѣлымъ колпакомъ его званія; на колпакѣ этомъ, какъ на шлемѣ, трепетали еще прильнувшія къ нему перышки – кровавая добыча его утреннихъ побѣдъ; глаза его багровѣли отъ гнѣва, челюсти судорожно скрежетали, посинѣлыя губы его, сжимались и дрожали; передникъ граціозно перекинутый черезъ плечо, драпировалъ его по-гречески; привѣшенный къ бедру его ножъ представлялъ видъ меча безъ ноженъ; въ правой рукѣ его вёртѣлъ, на которомъ нанизано было нѣсколько полуизжаренныхъ голубей, конхъ головы, обращенныя къ нападающимъ, какъ-бы грозили и имъ тою-же участью; нога его, обутая въ открытый туфель, упиралась въ каронаду; твердо рѣшась на сопротивленіе, онъ такъ обращаетъ рѣчь свою къ дерзновеннѣйшимъ изъ своихъ враговъ:

– Чего вы отъ меня хотите? что̀ привело васъ къ моему очагу?

– Воля нашего короля.

– Повинуйтесь ей, если вы его рабы; но я не подвластенъ ему и такой-же король у своего *пепелища*.

– И тебя, наравнѣ съ нами, слѣдуетъ окрестить.

– Я окрещенъ огнемъ, и съ меня довольно; не хочу креститься вашею водою.

– Законъ одинъ для всѣхъ.

– Я знаю одинъ законъ, самимъ мною составленный, и вы—просто ренегаты, отступившіе отъ вѣры истинной, для какой-то новой вѣры. Я здѣсь въ своихъ владѣніяхъ, въ своемъ государствѣ; эти печи, кострюли, вертѣла, лопаты, сковороды – мое оружіе, доказательство моихъ правъ, моей независимости. Что̀-же у меня общаго съ вами? Развѣ я какой-нибудь пѣтухъ, грязный крохоборъ вашихъ скучныхъ и скудныхъ пировъ? Развѣ я портилъ ваши рагу́? Нѣтъ. Развѣ я не докладывалъ пряностей въ ваши соусы, не дожаривалъ жаркого? Нѣтъ. Кто-же вамъ далъ право нападать на меня, слѣдить меня, травить меня какъ дикаго звѣря, ловить меня, какъ морскую свинью? Аккулы вы, ненасытные! О! я не побоюсь васъ, не буду клапяться вашимъ дурацкимъ колпакамъ, не стану на колѣни предъ скотами, и не дамъ себя крестить по-неволѣ! Сказавъ это, онъ воткнулъ свой острый вёртѣлъ въ корабельный бортъ, и вёртѣлъ съ ношею тощихъ голубей затрепеталъ отъ его воинственнаго гнѣва.

– Помпы впередъ! закричалъ Маршэ, своимъ грубымъ и могильнымъ голосомъ: насосы впередъ!

И тысячи быстрыхъ водометовъ окатили съ ногъ до головы, сзади и спереди, неустрашимаго кока, котораго соусы, получивъ значительное приращеніе, порядочно разжидѣли, не сдѣлавшись отъ-того хуже обыкновеннаго. Кокъ стоялъ, какъ прикованный къ своему почетному посту, какъ скала обуреваемая волнами, и вышелъ — если не побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ изъ этой остервененной борьбы, которую прекратилъ внезапно набѣжавшій на судно простный шквалъ.

Буря продолжалась нѣсколько часовъ; изступленіе матросовъ кончилось съ замолкшими вѣтрами; безмолвная и кроткая ночь простерлась надъ тихо-укачиваемымъ корветомъ, и мы очутились снова въ благополучномъ климатѣ *пасадныхъ* вѣтровъ, которые равномѣрно дуютъ въ обоихъ полушаріяхъ и должны сопутствовать намъ до самой Бразиліи.

IV.

МОРЕ.

Пёти. — Маршэ.

Чтобы не отступать отъ предначертанной мною программы, и по случаю тому, что правильный и однообразный вѣтеръ потихоньку гонитъ насъ теперь къ своей цѣли, что стихшее и прекрасное море не представляетъ намъ ни одного занимательнаго случая, которыми столь обилуютъ, и почти на каждомъ шагу, широты болѣе возвышенныя, въ дни грозныхъ бурь и опасностей, — позвольте мнѣ поговорить съ вами о нашемъ кораблѣ, объ экипажѣ нашемъ, живомъ, неустрашимомъ и удаломъ; въ особенности-же о двухъ матросахъ, сосредоточившихъ въ однихъ себѣ всѣ печали, всѣ превратности, всѣ бѣдствія морской жизни. Это не два исключенія, а два идеала: философія и нравственность могутъ почерпнуть множество драгоцѣнныхъ извѣстій изъ буйной ихъ жизни.

Одного зовутъ *Маршэ* (Marchais): онъ лучше всякаго вамъ разскажетъ, какъ устроены темницы и тюрьмы всѣхъ нашихъ портовыхъ городовъ. Никто лучше его не сумѣетъ завести ссору съ человѣкомъ самымъ миролюбивымъ; съ закрытыми глазами сведетъ онъ васъ въ любой кабакъ того мѣста, гдѣ онъ бывалъ; назоветъ вамъ по имени и по прозвищу всѣхъ трактирщиковъ и въ особенности всѣхъ служанокъ, за которыхъ онъ такъ часто, по дѣломъ или безъ всякой причины, заводилъ тысячи ссоръ, кончавшихся тысячами побоевъ и ранъ, отъ которыхъ остались у него заживленные шрамы. Палуба, тюрьма и кабакъ — больше ничего онъ не знаетъ; тутъ весь его міръ, всѣ предметы его поклоненія. Никто лучше его не прикладываетъ къ какой-нибудь тощей или одутловатой щекѣ *рукоцѣпстину о пяти листкахъ*, какъ онъ называетъ ее; ни

одинъ Бретонецъ или Нормандецъ не преподавалъ такихъ мастерскихъ уроковъ въ благородномъ художествѣ владѣть палкою или раздавать пинки. Мало заботится онъ о томъ, кто-его соперникъ — великанъ или карло, былобы только ему у кого выпибить глазъ, вывернуть челюсть, раздробить плечо, сплюснуть носъ. Ноги его суть два рога, покрытые чешуею; руки его двѣ шероховатыя уручины; смолистая и пѣгая кожа его испещрена множествомъ затянутыхъ ранъ и изрыта тысячью трещинъ. Когда сжатый кулакъ его, поднятый его чертовскою волею и рычагомъ жилистой руки, упадетъ на человѣческое тѣло, то непремѣнно произведетъ въ немъ прорывъ или переломъ. Кровь для него — прото теплая вода; что̀ значитъ боль — онъ не понимаетъ. Однажды, привязанный къ *нительсамъ* (корабельнымъ сѣткамъ), онъ при мнѣ получилъ сряду двадцать-пять каболочныхъ ударовъ, лихо отсчитанныхъ. Въ продолженіе этой операціи, я наблюдалъ нарочно его физіономію и не замѣтилъ на ней ничего болѣе, кромѣ презрѣнія и немного стыда. Онъ преспокойно жевалъ себѣ табачную жвачку, посматривая на перебѣгавшія волны, какъ ни въ чомъ не бывало. Пять минутъ спустя, онъ потягивалъ за здоровье Боцмана, который высѣкъ его, присланный мною стаканъ вина. За пенмѣніемъ зубовъ, Маршэ жуетъ теперь все одними деснами. Пятеро или шестеро Гибралтарскихъ Жидовъ выбили ему кусательные зубы, два другіе передніе зуба выпибены у него, въ Ріо-Жанейро, суковатой дубиной, распластавшей ему всю верхнюю губу; остальные повыскакали изъ гнѣздъ своихъ въ другихъ портахъ, гдѣ мы приставали; и когда вы начнете трунить надъ беззубіемъ его рта, онъ отвѣтитъ вамъ ругательной шуткой, и, вынувъ изъ кармана коробочку, докажетъ вамъ обломками тѣхъ зубовъ, которые у него уцѣлѣли еще отъ побоищъ и разныхъ крушеній, что онъ можетъ грызть лучше вашего. Если вамъ удалось оказать ему услугу, будьте покойны въ минуту опасности: Маршэ умретъ прежде васъ и за васъ. Упади я въ воду и оторви аккула у меня ногу, Маршэ, вѣрно, туда-же кинется съ ножомъ и готовъ побиться съ морскимъ чудовищемъ. Но если Маршэ на васъ сердитъ, берегитесь. Не потому, чтобы онъ могъ напасть на васъ, какъ предатель — сзади, но отъ-того, что, если вы ему равный, онъ не дастъ вамъ проступу, и при первомъ возраженіи вашемъ, опуститъ молотъ на наковальню. Маршэ настоящій волкъ морской, свинья морская, тюлень; не успѣли поднять якорь, какъ онъ начинаетъ уже ругаться надъ жизнію моряка, и не перестанетъ то-же дѣлать во весь походъ; будетъ ругаться и въ штиль и въ бурю, у самой пристани, и не успѣвъ ступить на берегъ, заводитъ новую пѣсню. Съ досадою начнетъ онъ спрашивать: неужели для того строятся корабли, чтобы люди ходили по ихъ коровьему помосту? За что̀ дозволено вѣтрамъ бурлить волны? За что̀ небо налило столько воды на землю? Маршэ не попроситъ у васъ ничего, но и не откажется, если вы дадите ему что-нибудь на вакхическую пирушку. Онъ не презираетъ бордоское вино, не прочь и отъ бургонскаго, съ ума сходитъ отъ русильйонскаго; но онъ дастъ изрубить себя за бутылку водки, и искрошить въ куски за штофъ рома. Не мѣшало-бы Гг. ученымъ изслѣдовать, что̀ за жидкость течетъ въ жилахъ у Маршэ: ужъ конечно — не кровь!

Вотъ вамъ и другой типъ моряка, обѣщанный мною — это *Пёти* (Petit).

Пёти—искривленный кругляшъ; лицо и руки у него красныя; волоса и брови красно-рыжіе. Маршэ прозвалъ его *морковкой*. Ростъ его пять футовъ съ однимъ дюймомъ, ни больше, ни меньше. Онъ

можетъ стоять на-вытяжку подъ палубой, не боясь задѣть лбомъ потолка, не опасаясь контузій, развѣ только подъ хмѣлькомъ, что̀ обыкновенно случается съ нимъ раза по два въ сутки; въ ходу, онъ похожъ на габарру въ качкѣ съ пузатыми боками и тихимъ слѣдомъ; шагахъ въ четырехъ, его можно принять за обрубокъ дерева, разгуливающій между четырьмя вмѣстительными знаками: такъ дуговаты ноги его и руки. Удовольствіе и счастіе—вещи непостижимыя для Пёти; природа его имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное; она, съ малолѣтства его, какъ-бы принесена на жертву горю и усталости. Вся жизнь его была постоянною борьбою съ людьми и стихіями. Теперь и онъ, какъ Маршэ, находится въ спискѣ матросовъ перваго разряда и не пойдетъ уже далѣе. Маршэ знаетъ грамотѣ, а Пёти ни аза въ-глаза не знаетъ, и онъ сгорѣлъ-бы со стыда, какъ самъ говоритъ, если-бы подумали, что онъ умѣетъ подписывать свое имя. Шесть лѣтъ былъ онъ юнгой на нѣсколькихъ купеческихъ судахъ, потомъ вышелъ въ матросы третьяго, тамъ втораго разряда, и дослужился теперь до своего маршальскаго жезла.

Пёти никогда не носилъ обуви до поступленія на нашъ корветъ, ни *великолѣпнаго* матросскаго платья, которое ему всегда ужасно *мѣшало*; никогда не допускалъ онъ бритвы дотрогиваться до своихъ щокъ, и никто еще не успѣлъ убѣлить его носить перчатки. Надъ тѣломъ его безспльно жало пчелъ и мустиковъ; ему ни по-чомъ и вся прочая неядовитая нечисть. Испещренная веснушками кожа его подобна жосткому пергаменту. Одутловатость его щокъ происходитъ не отъ простуды, а отъ табачныхъ жвачекъ, которыхъ лишеніе повредило-бы его крѣпкому здоровью, не вредя впрочемъ его живости, вмѣстѣ грустной и откровенной. На кораблѣ его всѣ любятъ болѣе, чѣмъ Маршэ, отъ-того, что въ пріязненныя сношенія съ этимъ, вмѣшивается всегда нѣсколько опасеній; и сверхъ-того Маршэ, не любя казаться смѣшнымъ, любитъ подтрунивать надъ другими: а Пёти, напротивъ, самъ первый готовъ смѣяться надъ ужимками и шуточками, которыми его преслѣдуютъ безпрерывно. Оба они, въ тихую погоду, большіе охотники лѣниться, на зло всѣмъ угрозамъ и *ленькамъ*; но поднимись погода, представься какая-нибудь опасность въ ходу, — о! тогда вы не налюбуетесь, глядя на смѣлость этихъ двухъ головорѣзовъ, прильнувшихъ къ концу мачты или рея; вы не наглядитесь на удальство, съ которымъ они — жертва разъяренныхъ стихій — вступаютъ съ ними въ отчаянную борьбу всѣми силами судорожно сжатыхъ своихъ пальцевъ; съ какимъ стоическимъ равнодушіемъ принимаютъ они на себя всплески соленыхъ волнъ и рѣзкость проливнаго дождя, обливающаго ихъ сверху: они считаютъ ихъ пенначе, какъ барышами своего проклятаго ремесла. Маршэ, на верху брамстенги, ни дать, ни взять — настоящій вампиръ, а Пёти, на рейкѣ, одинъ изъ тѣхъ уморительныхъ и фантастическихъ чертенятъ, которыми Калло населилъ свою знаменитую картину «Искушеніе Св. Антонія».

Маршэ, въ великолѣпномъ багажѣ своемъ, могъ насчитать до полудюжины рубашекъ, не считая двухъ брюкъ, трехъ куртокъ, двухъ паръ башмаковъ, одного казакина и пяти носковъ. Пёти-же, и въ лучшую свою пору, имѣлъ собственно не болѣе полуторыхъ рубашекъ, однихъ брюкъ (не много пониже колѣна), одного жилета о трехъ пуговкахъ на груди, одной куртки и кисета съ табакомъ, да сверхъ-того у него была еще одна пара латуневыхъ серегъ и перстенекъ съ волосами; вся-же прочая аммуниція его принадлежитъ казнѣ, и въ самыхъ горделивыхъ мечтахъ

его, ему никогда еще не приходило на мысль, чтобъ, по совершеніи похода, всѣ эти сокровища могли поступить ему въ подарокъ.

Вотъ каковы эти два человѣка. Счастливъ корабль, на которомъ есть подобные люди! Дорого-бы я далъ, еслибъ теперь, когда я пишу эти строки, могъ я имѣть при себѣ этихъ двухъ удалыхъ чудаковъ, моихъ походныхъ товарищей, раздѣлявшихъ со мной всѣ опасности нашего пути, къ которымъ такъ естественно приплетаются имена ихъ въ моемъ разсказѣ. Если кто-либо прочтетъ имъ эти строки, я увѣренъ, что на глазахъ Пети и Маршэ выступятъ слезы воспоминанія о моей къ нимъ пріязни, и что они, вѣрно, зайдутъ въ ближній кабакъ, выпить за прозрѣніе того, который такъ часто заставлялъ ихъ забывать о грустныхъ болѣзненныхъ дняхъ нашего долговременнаго плаванія.

Ночью, когда правильность пасатныхъ вѣтровъ оставляла на свободѣ матросскія руки, Маршэ и Пёти, отстаивая вахту свою, обыкновенно предводительствовали разсказнями на бакѣ, потѣшавшими всю братію на походѣ. Пёти гораздо-лучше разсказывалъ, чѣмъ Маршэ, вѣроятно отъ-того, что больше его перенесъ въ своей жизни; онъ въ такой степени обладалъ этимъ даромъ повѣствованія, что какъ-будто читалъ по книгѣ.

Въ длинные и тихіе тропическіе вечера, я любилъ, послѣ дневныхъ трудовъ, останавливаться возлѣ матросовъ, окружавшихъ товарища своего Пёти, когда онъ описывалъ имъ свое горе, нищету, и ужасы голода на гадкихъ портсмоутскихъ понтонахъ. Жалость была слушать! И при всемъ томъ, повѣствованіе прикрашено было такою простотою, что онъ всегда оканчивалъ его при громкомъ хохотѣ своей внимательной аудиторіи. Безобразіе историка было — особь-статья. Оно было уродливо, но не отвратительно. На него смотрѣли съ изумленіемъ, но не съ омерзѣніемъ, и никто-бы не удивился, узнавъ, что онъ могъ одержать побѣду: женщины такъ причудливы!

Его однажды сличили съ другимъ военно-плѣннымъ на англійскомъ понтонѣ, и всѣ превозгласили единодушно, что рожа Пёти была гораздо-безобразнѣе его соперника. Можно вообразить себѣ, сколько онъ вытерпѣлъ насмѣшекъ, сарказмовъ, толчковъ, на него направленныхъ, тѣмъ болѣе несносныхъ, что нападчикамъ было полное раздолье.

Проигравшись однажды, Пёти остался на цѣлую недѣлю безъ раціоновъ, и безъ того столько скудныхъ, что многіе несчастные плѣнники едва, едва не умирали съ голоду. Стало-быть и занять было не у кого. Въ такомъ критическомъ положеніи, догадливый Пёти принужденъ былъ прибѣгать къ тысячѣ продѣлокъ, бо́льшею частію, безуспѣшныхъ, и до-того истощалъ, что сталъ походить, по живописному выраженію его, на корабельную рейку.

Въ этой жестокой крайности, герой нашъ нашолъ, однакоже, средство выдти побѣдителемъ изъ борьбы съ своей бѣдственной участью. Онъ продалъ подкладку своей куртки, продалъ рубашку, галстухъ и лацканы рукавовъ, продалъ даже башмачныя подошвы, которыя замѣнилъ онъ переплетенными на-крестъ нитками, придерживавшими на ногахъ его передки. И такимъ образомъ обманулъ онъ бдительность своихъ надзирателей при еженедѣльномъ воскресномъ осмотрѣ понтона, гдѣ за продажу вещей строго наказывали. Стало-быть, бѣдный Пёти оставался почти нагишомъ, цѣлые полгода, въ продолженіе самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ, между-тѣмъ, какъ его считали довольно-тепло одѣтымъ; ему ни какъ не удавалось отыграть у своего товарища обогатившихъ его вещей. Пёти плавалъ, какъ свинья морская: онъ увѣрялъ,

что еслибы ему только подавали на воду его раціоны, то онъ готовъ хоть двѣ недѣли не приставать къ берегу. Однажды, самъ восемь, на гребномъ суднѣ, онъ никакъ не могъ, за волненіемъ, войти въ узкій проходъ (goulet) Тулонской гавани, и принужденъ былъ всю ночь бороться съ волнами; барказа ихъ опрокинуло на поворотѣ: вотъ бѣдные матросы — давай работать руками и ногами, противъ ужасныхъ, заливавшихъ ихъ волнъ: вѣтеръ былъ съ берегу, удалецъ Пёти беретъ курсъ къ островамъ Гіэрскимъ и всѣ они пускаются туда вплавь. Переѣздъ былъ далекъ и труденъ, но неустрашимый пловецъ не отчаявается въ своихъ силахъ; то на брюхѣ, то на спинѣ, послѣ пятичасовыхъ неимовѣрныхъ усилій, онъ доплываетъ до берега, и болѣзненно тащится къ батареѣ, на которой свѣтится огонекъ.

— Кто идетъ? кричитъ часовой. Пёти готовится отвѣчать, но силы его оставили, голосъ замеръ у него на губахъ. Кто идетъ? окликаютъ его вторично и въ третій разъ. Пёти поднимаетъ руку, дѣлаетъ дружеской знакъ, и подается впередъ, слабый и весь избитый. Раздался выстрѣлъ, свиснула пуля, и раненый Пёти падаетъ на-земь: пуля прострѣлила ему ногу. Но всего забавнѣе въ этомъ дѣлѣ, продолжаетъ Пёти, разсказывая свое бѣдственное приключеніе, — злодѣй тюлень, который такъ вѣрно въ меня прицѣлился, былъ мой двоюродный братъ: черезъ покровителей моихъ, я-же самъ опредѣлилъ его въ *береговые сторожа*, (garde-côtes)! — Подлецъ! сказалъ я ему: ты мастерски стережешь родимое поморье, но еще мастеровагѣе ломаешь ноги своей *родни*! *).

Бѣдный матросъ! дай Богъ тебѣ спокойную старость, и да вознаградитъ тебя небо за столько горя и бѣдствій на землѣ!

Разсказы Маршэ были всѣ залиты *красными чернилами*. Рукопашные бои, поединки, настоящія сраженія, бутылки, разбитыя о раскроенный черепъ, кровавыя побоища въ кабакахъ, буйныя схватки въ тюрьмахъ — одна и таже пѣсня: но за то описанія были пламенны, увлекательны: вамъ слышался самъ герой этихъ схватокъ, а не повѣствователь чужихъ подвиговъ. Но всего примѣчательнѣе въ этихъ разсказахъ было чистосердечіе ихъ: Маршэ никогда не лгалъ и съ одинаковою искренностью говорилъ о томъ, какъ онъ былъ и какъ его били. Что̀ касается до Пёти, то во всѣхъ разсказахъ его оттѣнивалась религіозность, хотя и довольно-странная: это была какая то смѣсь неполнаго благочестія и невѣжества, смиренія и насмѣшки. Въ нихъ проглядывала чистота правилъ, но былъ ощутителенъ и вредъ, нанесенный ему развратомъ свѣта, въ который онъ былъ заброшенъ. Онъ молился то небесамъ, то аду; сегодня призывалъ онъ Св. Франциска, а завтра Вельзевула и Люцифера. Молитва сдѣлалась для него привычкою; но молитва безъ мысли, безъ вѣры, безъ убѣжденія; онъ молился потому, что не забылъ еще какъ маливалась его мать, скрестя руки свои и поднявъ глаза къ небесамъ, стоя на колѣняхъ у его колыбели, если только у бѣднаго Пёти была когда-нибудь родимая колыбель!

Прежде, чѣмъ я разстанусь съ нимъ, и такъ-какъ мнѣ, можетъ-быть, не удастся въ другой разъ поговорить объ этомъ честномъ и бѣдномъ морякѣ, я передамъ вамъ одинъ изъ тысячи анекдо-

*) Этотъ каламбуръ нельзя было иначе перевести какъ перифразировавъ его. Въ подлинникѣ сказано: Gredin! tu gardes bien les *côtes*, *mais* tu brise encore mieux les cuisses. Слово *côte* значитъ вмѣстѣ и *берегъ* и *ребро*.

Пр. Перев.

товъ, имъ лично разсказанныхъ. Я писалъ его съ собственныхъ словъ самого Пёти :

«Дѣло было на берегу Бретани, ко-«гда я жилъ еще у моего добраго отца: «ему тогда минуло пятьдесятъ четыре «года, потому-что на слѣдующій ему «было уже ровно пятьдесятъ пять лѣтъ, «изъ коихъ женѣ его принадлежало «тридцать семь съ нѣсколькими мѣся-«цами. Наше существованіе походило «на *плоскій штиль* (calme plat) — какъ «жизнь устрицъ, которыхъ мы много «продавали, но мало ѣли, по той при-«чинѣ, что намъ нечѣмъ было ихъ под-«ливать, а это не такъ-то было намъ по-«нутру. Что̀ у Бога день, отецъ мой и я, «отчаливъ лодчонку нашу отъ берега, «пускались — съ удою или сѣтью въ ру-«кахъ — на ловлю рыбы, въ открытое «море. Однажды подъ-вечерокъ, когда «крючки наши нацапали намъ добрый «уловъ рыбы, вѣтеръ задулъ крѣпче «обыкновеннаго, и насъ вымочило на-«порядкахъ. Мало-по-малу вѣтеръ такъ «росъ, да росъ, что не только могъ со-«гнуть палецъ, но и выворотить быча-«чій рогъ; вѣтеръ рветъ себѣ да гро-«зитъ, и такъ прётъ на насъ, что-слу-«га покорный! И мы смекали уже-вотъ «вамъ матросское слово, что намъ не «сдобровать. Что̀ до меня — я подумалъ «тогда о бѣдной матушкѣ, которую не «надѣялся я больше увидѣть; онъ-же, «хозяинъ, вѣроятно, раздумывалъ о не-«бѣ, одѣтомъ въ чорныя тучи, какъ ду-«ша нашего Маршэ.» (Тутъ Маршэ, который слушалъ разскащика, далъ ему куда-то жестокій пинокъ). Пёти продолжалъ: «И вотъ—какъ разъ, огромнѣйшая «волна охватываетъ насъ съ конца по «конецъ и уноситъ, потомъ отбрасы-«ваетъ назадъ и мы падаемъ снова на «киль. О! это было настоящее чудо; и «если я когда-либо вѣровалъ въ Спаси-«теля Іисуса, то ужъ конечно въ эту «ночь. Тятинька мой сталъ на колѣни: «Мать Пресвятая Богородица! сказалъ «онъ: изведи насъ только отсюда и я «обѣщаю тебѣ къ завтрему восковую «свѣчу толщиною въ *бушпритъ семи-«десяти-четырехъ* пушечнаго кораб-«ля. — Тятинька, тятинька! сказалъ я «ему: ты что-то много обѣщаешь; «Бушпритъ не то, что четверная нитка. «— Молчи, *дурачина*! возразилъ мнѣ «отецъ: когда Святая-Дѣва избавитъ «насъ, я поставлю ей свѣчу толщиною «въ мизинецъ. И на-завтра мы преспо-«койно разъѣдали жареныхъ пискарей, «и только на слѣдующее утро, отецъ «мой вспомнилъ о своемъ обѣтѣ, и «умеръ потомъ, добрая душа — все раз-«думывая, какъ-бы его исполнить?»

«НРАВОУЧЕНІЕ.

«Видите-ли вы, псы — матросы, какъ «полезно, въ часъ гибели, давать обѣ-«ты Пресвятой-Дѣвѣ!» *)

---

*) Такая странная смѣсь худо понятой набожности западнаго католическаго фанатика, съ продѣлками невѣжественнаго плутоватаго Бретонца, не заставляетъ-ли насъ вспомнить о нашемъ православномъ правилѣ: «Покажи мнѣ вѣру отъ дѣлъ твоихъ!»

V.

ОТЪ ЭКВАТОРА ДО БРАЗИЛІИ.

Захожденіе солнца. — Ріо-Жанейро.

Мы переплыли всю Атлантику, отъ востока къ западу, и однообразіе нашего пути прерывалось весьма-немногими приключеніями, которыхъ не избѣгаетъ ни одинъ корабль въ продолженіе отдаленныхъ плаваній. Шквалы, смерчи, порывы вѣтра, штили и переселенія странствующихъ китовъ, разгуливающихъ по пространству своихъ владѣній; щеголеватый петрель, безпрерывно порхающій надъ головами внимательнаго экипажа, и простофиля глупышь, прилетавшій садиться на рею, беззаботно дававшій побивать себя оттуда, какъ будто-бы жизнь была ему въ тягость; и наконецъ альбатросъ, поэтически прозванный *вѣстникомъ бури* и *баріономъ мыса*, быстрый, какъ стрѣла, то появляющійся на зенитѣ, то играющій съ пѣнистою волною. Посмотрите, какъ онъ хлещетъ ее своимъ могучимъ крыломъ, какъ онъ вспрядываетъ однимъ леткомъ до областей Перуна, котораго грозный рокотъ — любимая его мелодія! Вотъ и *морская чайка* (goëland), искусный рыболовъ, неподвижно парящій на высотахъ воздушныхъ, и падающій, какъ кусокъ свинца, на добычу свою, подплывшую къ поверхности моря; смотрите далѣе, и вы увидите міріады морскихъ свиней, преслѣдующихъ цѣлыя легіоны летучихъ рыбъ, напархивающихъ на корабельныя русленя; пригожихъ *фрегатовъ* (родъ ласточки), гоняющихся за вѣтромъ; фосфорическихъ *медузъ*, освѣщающихъ собою пространство, и тысячи *моллюсковъ* (слизняковъ), столь разновидныхъ и замѣчательныхъ, что вы примете ихъ, то за крылатыхъ насѣкомыхъ, то за грозды винограда, то за букетъ цвѣтовъ. Все привлекаетъ вниманіе наблюдателя, въ этомъ благополучномъ пути, гдѣ изслѣдованія нисколько не опасны и неутомительны; въ пензелемъ или перомъ въ рукахъ, вы не замѣтите, какъ промчатся для васъ часы дневные. Ни что, однакоже, не возбуждаетъ у васъ такихъ трепетаній сердца въ груди, ни что столько не потрясаетъ душу вашу, ни что столько не обличаетъ присутствія Мірозадателя, какъ здѣшніе закаты солнца, послѣ знойнаго дня.

Тамъ, тамъ, въ океанѣ огня, на раскаленномъ небѣ, сверкаютъ фонтаны ослѣпительнаго свѣта, составляющіе очертанія самыхъ-странныхъ облаковъ, являющихся вамъ въ самыхъ-фантастическихъ образахъ, — то въ видѣ горъ съ обнаженными вершинами, то въ видѣ волкановъ съ разверзтымъ жерломъ и въ полнотѣ своихъ изверженій; волкановъ, исчерченныхъ потоками лавы, исчезающихъ и возрождающихся, по прихоти оптики, изумительной и непостижимой; и вдругъ увидите вы два враждебные войска, бѣшено-сразившіеся другъ съ другомъ; цѣлые билліоны искръ сыплются изъ

рядовъ ихъ при этомъ ужасномъ столкновеніи; потомъ развернутся передъ вами необозримыя равнины, поля, усѣянныя хлѣбомъ — пища ненасытнаго пламени; то безконечные города, съ ихъ куполами, колокольнями, минаретами, башнями, укрѣпленіями, и все это — какъ-бы построенное на огнѣ и изъ огня-же выстроенное, съ горящимъ угольемъ на вершинахъ; повсюду — небо и адъ, цѣлое необъятное море пламени, въ которомъ корабль вашъ готовъ погибнуть.

Могу завѣрить васъ, что это чудесное захожденіе солнца подъ тропическимъ небомъ, есть величественнѣйшее зрѣлище, когда-либо восхищавшее человѣка. Бури, ураганы, штили, кораблекрушенія могутъ изгладиться изъ памяти вашей, но вы никогда не позабудете прекрасныхъ закатовъ солнца подъ знойнымъ поясомъ; если всѣ бури вообще напоминаютъ вамъ одинъ и тотъ-же хаосъ; если всѣ штили отличаются однимъ и тѣмъ-же безвѣтріемъ, то, конечно, нѣтъ двухъ закатовъ солнца другъ другу подобныхъ: сегодняшній не похожъ на вчерашній, точно также, какъ этотъ не будетъ имѣть ничего общаго съ завтрашнимъ. Тутъ Богъ, во всемъ величіи, неизслѣдимый, вѣчный...

Сто разъ, конечно, первые мореплаватели, послѣдователи Коломба, столь дерзостно разгадавшаго новый свѣтъ, благоговѣя передъ сими величественными феноменами, воображали себя при концѣ пути своего. И мы также, не однажды вскрикивали: «Земля!» Но часъ спустя послѣ захожденія солнца, обаяніе изчезало, существенностью дѣлался одинъ горизонтъ, и мы—разочарованные — находили себя, по-прежнему, между небомъ и водою, поджидая новаго сильнѣйшаго вѣтра, для новой пищи нашему любопытству. Какъ-бы то ни было, если только вѣрна *обсерваціи*, и теченіе не окажется намъ противнымъ, мы непремѣнно, нынѣшнимъ-же утромъ, должны увидѣть передъ собою землю, открытую Португальцомъ Кабралемъ...

И подлинно, вотъ она! — «Земля!» кричитъ нашъ *ведетъ*, сидящій верхомъ на бушпритѣ: «земля впереди!» Всѣ выбѣгаютъ на палубу, всѣ глаза у зрительныхъ трубокъ, всѣ начинаютъ свои изслѣдованія на горизонтѣ; корветъ сѣчетъ волны: чуть примѣтная точка растетъ, растягивается въ изсѣченную форму, и вскорѣ разцвѣчивается; часы истомы прошли, и всѣ забываютъ о прежней скукѣ своей въ эти минуты восторга и упоенія. Мысъ Фріо уже поднялъ главу свою, какъ указатель пути въ Ріо: показавшаяся за нимъ земля, которую мы слѣдимъ при помощи слабаго вѣтерка, довольноровна, низменна, гладка, покрыта дѣвственнымъ и исполинскимъ прозябеніемъ. Около поморья порхали сухопутныя птицы, которыхъ слабыя и лѣнивыя крылья не позволяютъ имъ отлетать далеко отъ берегу. Мы радостно привѣтствовали этихъ добрыхъ гостей, приносившихъ намъ пріятныя вѣсти міра и успокоенія.

Ночью сдѣлали мы нѣсколько поворотовъ, не-смотря на благопріятныя предсказанія покровительственнаго неба, и на-зарѣ уже легли въ дрейфъ въ виду Ріо-Жанейро, царственной столицы, гдѣ надѣялись въ третій разъ стать на якорь.

Я рисую поморье, обличающее вездѣ дивное богатство, и съ усерднымъ благоговѣніемъ и точностію, стараюсь воспроизвести всѣ чудные и разнообразные вырѣзы берега. Входъ въ гавань обозначается двумя маленькими островками, изъ коихъ одинъ называется *Ронда* (круглый)—вѣроятно, *отъ-того*, что онъ четвероугольнаго вида и между островами, входъ совершенно безопасенъ. Вотъ и *Сахарная Голова*, скала крутая, острая, лишенная зеле-

ни; это ступня гиганта — сигнальный пунктъ для мореплавателя. Голова исполина — тамъ, на югѣ отъ гавани; голова, мастереки-обрисованная, съ открытымъ челомъ, съ волосами густыхъ лѣсовъ; единственное око этого Полифема — влажный вертепъ; носъ его — костяной пикъ, съ стиснутымъ подбородкомъ; потомъ тянется шея — широкая долина, тамъ перси — образуемыя утесомъ, обточеннымъ въ видѣ плеча и руки, наконецъ, каменный хребетъ, колѣно и нога, которой ступню мы уже описали; настоящій гигантъ, въ лежачемъ положеніи, болѣе или менѣе растянутый, смотря по относительному положенію корабля, но гигантъ, изваянный по всѣмъ правиламъ статуйщика: не могу не обратить вниманія капитановъ кораблей на счастливое положеніе этой цѣпи горъ, обозначающей съ такою точностію входъ въ эту необъятную гавань, которую указуетъ имъ ступня гиганта, вѣрнѣе всякаго маяка.

Радость у всѣхъ на лицахъ, жадность во всѣхъ глазахъ: всѣ на ногахъ — любопытные, внимательные, исключая Пёти и Маріэ: они одни преспокойно сидятъ на мачтахъ, и, пожимая плечами, смѣются надъ нашимъ нетерпѣніемъ и криками удивленія. Цѣлыя тучи бабочекъ, пестрѣющихъ тысячами цвѣтовъ, играютъ въ нашихъ снастяхъ, щеголяя другъ передъ другомъ своимъ разнообразіемъ, и сопротивляясь отталкивающему ихъ вѣтру: мы вносимъ ихъ съ собою въ заливъ, на берегу котораго они окрылились; мы оставляемъ ихъ неприкосновенными, подобно тѣмъ пташкамъ, которыхъ встрѣтили наканунѣ, и привѣтствуемъ бортъ о бортъ благословенную страну Бразиліи, въ которую Атлантика пробила входъ, какъ-бы для пріюта и отдыха судовъ, измученныхъ ея бурями.

Быстро проплывъ черезъ *гулетъ* или устье, мы вошли въ самый рейдъ: восхитительное зрѣлище! Ни великолѣпная Генуя, съ ея мраморными палатами и висячими садами; ни улыбающійся Неаполь, съ его прозрачными водами, его Везувіемъ и свѣжими виллами; ни богатая Венеція, съ ея мавританскимъ зодчествомъ, куполами и узорчатымъ чеканомъ; ни самый Босфоръ, съ его исполинскими главами, кіосками и подоблачными минаретами, — не представляли глазамъ человѣка такой величественной панорамы. Вправо, влѣво, впереди и сзади — вездѣ могучая природа выставляетъ, какъ на показъ, ежегодныя богатства, деревья вышины изумительной, веселые острова, насѣянные на этой массѣ чистыхъ водъ, надъ которыми порхаютъ цѣлыя міріады скиталицъ-бабочекъ, сѣрыхъ, желтыхъ, красныхъ, свѣтозарныхъ; выси неба, населенныя крикливыми попугаями и щеголеватыми параклитками, цѣлыми стаями морскихъ чаекъ, безчисленными роями колибри и боязливыхъ пташекъ-мушекъ, которыхъ-бы можно было принять за пчелъ, если-бы не измѣняли имъ золото, изумруды и яхонты ихъ блестящихъ перушекъ; нѣсколько бухтъ, увѣнчанныхъ церквями самой странной архитектуры; очаровательные пріюты жилищъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ, полузакрытыхъ садами пальмистовъ и зонтиками банановниковъ; прибавьте еще къ этому тысячи *байдарокъ*, снующихъ отъ одной *праи* (*) къ другой, и перебрасываемыхъ съ размаха единственнаго весла въ рукѣ негра-невольника, который для ободренія себя, реветъ какую-нибудь національную пѣсню; тутъ-же представятся вамъ цѣлые лѣса мачтъ, съ флагами всѣхъ странъ свѣта, огромный, прекрасный городъ,

*) Praia собственно значитъ берегъ, пристань.

Пр. Перев.

съ великолѣпнымъ водопроводомъ, надъ нимъ господствующимъ и наполняющимъ его свѣжею водою; а вдали — какъ непреодолимая грань противъ напора Атлантики—*Органныя горы* (montagnes des Orgues), съ ихъ стрѣльчатыми и правильными оконечностями, какъбы изсѣченными человѣческою рукою. О! какъ все это великолѣпно, величественно, лучезарно, неописуемо, изумительно!

Прибывъ въ страну незнакомую, невольно хочется все обозрѣть, все изучить, все узнать: рѣки, съ ихъ тайными богатствами, землю, съ ея невѣдомыми сокровищами, людей, съ ихъ обычаями. Боишься задохнуться, оробѣть, ждешь—не дождешься. Часы такъ быстро летятъ въ изслѣдованіяхъ и размышленіи...

Такъ вотъ Бразилія, страна обильнѣйшая изъ обильныхъ. Какая особенная, ущедренная природа! Для обогощенія себя, стóитъ только копнуть здѣсь землю; чтобы ожить, стóитъ только дохнуть здѣшнимъ воздухомъ, ибо вѣтръ, поднимаясь каждое утро съ моря, придаетъ вамъ новыя силы сносить дневной жаръ; а береговой вѣтеръ, прорываясь каждый вечеръ сквозь цѣпи внутреннихъ горъ, разгоняетъ и самую память объ удушьи здѣшняго климата.

Въ здѣшнихъ рѣкахъ черезъ-чуръ много рыбы, тучи птицъ кишатъ въ здѣшнемъ воздухѣ, сучья ломятся отъ плодовъ, за каждой травкой скользитъ по насѣкомому. Въ горахъ кроются цѣлыя груды драгоцѣнныхъ камней, дно ручьевъ отсвѣчивается наноснымъ золотымъ пескомъ и алмазами, которые въ блескѣ своемъ не уступаютъ Голькондскимъ. Въ Бразиліи нѣтъ и слуху о тѣхъ повальныхъ заразахъ, которыя вырываютъ въ другихъ мѣстахъ по десятой долѣ изъ населенія, и которыхъ самое воспоминаніе есть уже бѣдствіе для народа.

Если вамъ нравится безпечная, мирная жизнь, если вы полагаете все счастіе ваше въ покоѣ — привѣсьте койку вашу къ чешуйчатому стволу пальмиста, или выберите себѣ пріютъ на поморьѣ, о которое разбивается лѣнивая волна; но если вы боитесь однообразія наслажденій, непрерываемыхъ случайностями, оставайтесь лучше дома, старѣйтесь у себя; отъ-того, что въ Бразиліи, каждое утро прошедшаго дня есть точный образчикъ будущаго, и вамъ, вѣрно, покажется, что сегодняшнее облако, несущеся надъ вашей головою, есть именно то, которое вчера прикрывало васъ своей тѣнью или освѣжало своей росою.

Живучи въ Бразиліи, невольно подумаешь, что сильная, могучая природа, тяготѣющая надъ здѣшнею почвою, ни разу не измѣнялась еще въ-продолженіе вѣковъ. Она всегда равно зелена, радужна, весела; богатство цвѣтовъ ея приведетъ въ отчаяніе любую палитру; повсюду сладостное благоуханіе, вездѣ таинственное безмолвіе, проникающее душу и располагающее къ задумчивости; это настоящее благоденствіе, которое однакожъ не ослабляетъ васъ; это какой-то полусонъ, полудѣніе; жизнь тихо скользитъ по вашимъ нѣрамъ; вы упиваетесь воздухомъ и погружаетесь въ сладостную дремоту, какъ-бы послѣ утомительнаго дня; вы засыпаете при жужжаніи насѣкомыхъ и колибри, подъ звуки небеснаго концерта, замирающаго только съ закатомъ солнечнымъ.

Я, кажется, говорилъ уже вамъ о водопроводѣ, которыій, начинаясь отъ дѣвственной ступни Корковадо, спускается и змѣится съ холма на холмъ, напоя весь городъ водою, столь-же чистою, какъ и при ея истокѣ. Сегодня посѣтимъ его прежде всего, и выслѣдимъ во всѣхъ его извилинахъ.

Издали покажется онъ произведеніемъ Римлянъ, во дни ихъ величія;

но разсмотря его добросовѣстно, вы убѣдитесь, что это, просто, дѣло постоянства и пользы общественной: струя спущена на ближній холмъ посредствомъ двойнаго водопровода, о сорока-двухъ аркахъ въ верхнемъ ярусѣ; видъ сего зданія истинно монументаленъ! Начиная отъ монастыря Св. Терезіи, до разрытыхъ нѣдръ Корковадо — передъ вами тянется стѣна изъ плотно-смазанныхъ кирпичей и крупнаго камня, длиною въ полторы льё, вышиною въ четыре или пять футовъ; параллельно съ нею протянута другая стѣна, съ нею сплоченная, а между ними устроено желобоватое русло для стока воды. Мѣстами продѣланы въ стѣнахъ квадратные просѣты, а шаговъ на сто другъ отъ друга побочные бассейны, въ которые, для употребленія пѣшеходовъ и путешественниковъ, проведены водоносныя свинцовыя трубы. Кому извѣстна вполнѣ природная лѣность Бразильцевъ, тотъ, конечно, сознается, что этотъ водопроводъ есть произведеніе *грандіозное*, приносящее величайшую честь государю, въ царствованіе котораго оно создано.

Послѣ двухъ часовой ходьбы по мѣстоположеніямъ самымъ чуднымъ и живописнымъ, я дошолъ до конца зданія и отдохнулъ нѣсколько минутъ подъ навѣсомъ великолѣпной бертоллетіи (Bertholletia), осѣнявшей поверхность водъ, которыя, вырвавшись на волю изъ тѣсninъ могучаго прозябенія, струятся по гладкому и твердому туфу; здѣсь обыкновенно останавливаются всѣ любопытные посѣтители передъ восхожденіемъ своимъ на Корковадо. Вся здѣшняя видопись, больше чѣмъ гдѣ-либо, представляетъ одинъ изъ тѣхъ фантастическихъ кругозоровъ, угаданныхъ Клодъ-Лорренемъ, и такъ чудесно опоэтизированныхъ живописцемъ пространства — Мартенемъ.

Бѣда любить искусства въ Бразиліи, если не хотите ежечасно терзаться сознаніемъ своего безсилія. Пристыженные Гюдень, Изабэ, Рокпланъ, Дюпре, Каба (Cabat) изломали-бы здѣсь, съ отчаянія, свои кисти.

День клонился къ вечеру, и я, вмѣсто того, чтобы углубиться въ эту безобразную и сплошную массу зелени, простиравшейся надо мною, рѣшился отложить до утра предположенный мною назидательный походъ: спускаясь съ холма на холмъ, я отправился обратно въ городъ черезъ поля и кофейныя плантаціи, черезъ цѣлыя кущи банановика и обширныя апельсинныя рощи. Я уже сказывалъ вамъ, что вся Бразилія есть не что-иное, какъ безпредѣльный садъ.

Не прошло и получаса, какъ я попалъ въ безъисходный гороженикъ, посереди коего возвышался зеленый домикъ, окруженный шпалерникомъ, изъза котораго выглядывали богатѣйшіе цвѣты ослѣпительнаго блеска. Мнѣ захотѣлось пить; я подошолъ къ крыльцу и началъ кликать; отклика не было, и я, въ надеждѣ на снисходительность и ласку хозяина, не усомнился, что онъ проститъ мою нескромность, взялся за щеколду двери и отворилъ ее.

Каково было мое изумленіе! Великолѣпный портретъ, написанный масляными красками, въ богатой рамѣ, привлекъ мои взоры: это былъ портретъ французскаго генерала, котораго мундиръ украшался звѣздами, крестами Почотнаго-легіона и многихъ иностранныхъ орденовъ; въ правой рукѣ его было запечатанное письмо; а возлѣ него,—на столѣ, планъ крѣпости, гавани. Лицо ветерана гордо и спокойно рисовалось на широкой шолковой занавѣси зеленаго цвѣта. Во взглядѣ его выражался вопросъ, на челѣ его видны были слѣды глубокой думы, а легкое сжатіе губъ, съ немного-опущенными оконечностями ихъ, проявляло чувство презрѣнія, а частію — и досаду.

Вдали высились отуманенные верхи нѣсколькихъ мачтъ съ ихъ флагами.

Я хотѣлъ еще разъ повторить мой окликъ, какъ внезапно старикъ, только-что вошедшій, опершись о свой заступень, ударилъ меня по плечу.

— Что вамъ нужно?... И замѣтьте — слова эти произнесены были по-французски!

— Очень-кстати такъ и вы Французъ?

— А вы?...

— Голова, руки мои и сердце — принадлежатъ Франціи.... Чей это портретъ?

— Портретъ генерала, безчестно оклеветеннаго: онъ былъ нѣкогда адъютантомъ Императора и правителемъ областей въ обѣихъ полушаріяхъ.... Онъ былъ честнымъ блюстителемъ богатаго города, отданнаго подъ защиту чести его и вѣрной шпаги, которая виситъ теперь передъ вами, покрытая ржавчиной и праздная. Портретъ сей, залогъ пріязни Наполеона, есть изображеніе человѣка, который для того только живетъ еще, чтобы охранять память своего Императора; это генералъ Гогендорпъ, это я!...

Я крѣпко пожалъ руку воина и сѣлъ возлѣ него, на плетеномъ канапе. Боже! какъ изгнаніе измѣняетъ людей! Глаза храбраго защитника Гамбурга уже вполовину угасли; глубокія морщины избороздили его чело и тощія щоки; волоса его прорѣдѣли, лицо его похудѣло и загорѣло. Горе не пощадило въ немъ ничего, ни души, ни тѣла; высокая стройность его, выдержавшая столько бурь, проявляла оскудѣніе, но оскудѣніе благородное, не униженное; Гогендорпъ казался одною изъ тѣхъ достопамятныхъ и торжественныхъ развалинъ, передъ которою невольно обнажаешь чело....

Нѣсколько минутъ мы не смѣли нарушить молчанія: онъ — ожидая извѣстій, кто я, а я — выжидая какого-нибудь новаго знака довѣренности. Наконецъ, рѣшась разсѣять тягость преслѣдовавшихъ его воспоминаній, я сказалъ ему мое имя, объяснилъ цѣль посылки своей, случайности меня къ нему заведшей и попросилъ у него стаканъ воды.

— И вина, сударь, если прикажете; я торгую теперь виномъ, апельсинами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и угольемъ. Выдумали, будто-бы я расхитилъ весь банкъ, а мнѣ едва достало денегъ на переѣздъ въ Бразилію; распустили слухъ, будтобы я владѣю здѣсь огромнѣйшими плантаціями, повелѣваю тремя стами негровъ. Между-тѣмъ, весь мой штатъ заключается въ одномъ невольникѣ, Зингѣ, и если вы отойдете шаговъ на пятьдесятъ отъ домика, мною лично построеннаго, вы переступите уже за предѣлы моихъ владѣній; если блуза, прикрывающая плеча мои, почти нова еще, то она куплена на деньги, вырученныя за апельсинное вино моего издѣлія; если у меня башмаки на ногахъ, то ими обязанъ я доставкѣ въ городъ выжженнаго мною угольа; всякая торговля не есть-ли вымѣнъ нужнаго на избытки?... Требуйте-же отъ меня плохаго вина, банановъ; но не просите хлѣба, сударь: сегодня нѣтъ его у французскаго генерала.

Бѣдный изгнанникъ прочолъ во взорахъ моихъ все участіе, которое онъ внушалъ мнѣ, и благодарилъ меня за него, какъ за милость.

— Увидимся-ли мы, сударь, хоть еще разъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Не угодно-ли вамъ будетъ заглянуть въ записки, которыя я веду?...

— Отъ всей души.

— Я, пожалуй, ссужу васъ ими, сударь; имя ваше служитъ мнѣ порукой въ добросовѣстности вашей; воротясь во Францію, вы можете обнародовать ихъ, если найдете умѣстнымъ. Во-первыхъ, для меня всего нужнѣе убѣдить

свѣтъ, что я бѣденъ, несчастенъ, заточенъ, близокъ къ могилѣ, и наконецъ, что могу возродиться къ новой силѣ и юности, если-бы они понадобились опять моей отчизнѣ. Прощайте, сударь!

— Не такъ, генералъ, а до свиданія!

— Итакъ, до свиданія. Не забудьте-же вашего обѣта, я жду васъ. День вечереетъ, вотъ негръ мой, честный Зинга, единственный товарищъ моего уединенія. Я не могу даже предложить вамъ и койки: ступайте по этой тропинкѣ и удвойте шаги; негры невольники могутъ напасть на васъ, вдали отъ города.

Ночь застигла меня въ дорогѣ, ночь звѣздная, свѣжая, гармоническая своимъ безмолвіемъ и благоуханіями, только изрѣдка оглашаемая невнятными стонами морской птицы и постояннымъ шумомъ прибоя, замиравшаго у поморья.

Почти было часъ, когда я прибылъ на мѣсто высадки нашей — къ *дебаркадеру*, у котораго не видать было ни одного чолна. Я уже сбирался отправиться на Оувидорскую улицу, въ надеждѣ тамъ пріютиться, но былъ удержанъ пискливымъ крикомъ невольника. Бѣднякъ этотъ несъ корзинку съ двумя десятками пирожковъ: стоя одинъ одинешенекъ у высокаго фонтана противъ дворца, онъ напрасно тратилъ крики свои во всеобщемъ безмолвіи. Я подошолъ къ нему.

— Что ты тутъ продаешь?

— Пирожки. О! какъ-бы вы обязали меня, если-бы купили ихъ хоть двѣ пары.

— Почему-же именно двѣ пары?

— Отъ-того, что если я не допродамъ этихъ двухъ паръ, то мнѣ отсчитаютъ, при возвращеніи домой, двадцать-пять лозановъ.

— Но теперь такъ поздно, что у тебя никто не купитъ ни пирожка.

— Но вы будете столь добры и, вѣрно, купите.

— А если-бы купилъ все, что есть у тебя въ корзинкѣ?

— Тогда мнѣ дали-бы три дня пощады, и я помолился-бы за васъ Богу.

— Возьми-же, и молись за себя; ѣшь самъ свои пирожки и скажи хозяину, что ты ихъ распродалъ.

И бѣдный невольникъ могъ прожить цѣлыя трое сутокъ, не опасаясь плетей!

Прежде чѣмъ постучаться въ двери гостинницы Hotêl de France, гдѣ я намѣренъ былъ ночевать, я, обернувшись назадъ, увидѣлъ въ темнотѣ что-то похожее на привидѣніе, слѣдовавшее за мной по пятамъ.

— Кто идетъ? крикнулъ я громкимъ голосомъ.

— Это я, добрый баринъ, отвѣтили мнѣ: это я; я не упускалъ васъ изъ виду, разъѣдая свои пирожки; бѣглые негры могли напасть на васъ, но они, прежде васъ, убили-бы меня.

И послѣ этого, кто не сознается, что и въ добромъ дѣлѣ нѣтъ эгоизма?..

Совѣтую всѣмъ безпріютнымъ путешественникамъ, не ходить на ночлегъ въ Pio-Жанейрскій Hotêl de France, а гораздо-лучше прогуливаться вдоль поморья или по Прямой-улицѣ (Rue Droite). Въ этой знаменитой гостинницѣ *угостили* меня, вмѣсто кровати съ постелью, какимъ-то запачканнымъ, жосткимъ и узкимъ диваномъ, въ голой, безгардинной, обширной комнатѣ, даже безъ щитовъ отъ москитовъ; нѣсколько другихъ, столь-же покойныхъ диванъ, ожидали другихъ посѣтителей. Благодаря моему зажиточному виду и одеждѣ моей, довольно-приличной, ложе мое прикрыто было широкою скатертью, заклейменною соусами того дня, и хозяева, отвѣся мнѣ самый почтительный поклонъ, пожелали гостю своему доброй ночи. Мнѣ съ-полагоря было, на безсонницѣ, раздумывать о генералѣ Гогендорпѣ!

На другой день, порядочно измученный и изувѣченный комфортомъ бразильскаго ночлега, я воротился на корабль и попалъ въ свидѣтели довольно смѣшнаго обряда. Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ мы бросили якорь на рейдѣ, одинъ изъ офицеровъ нашихъ отправился на берегъ, чтобы условиться о *салютѣ*. Условливаться о салютѣ! «Я готовъ сдѣлать семь, девять, одиннадцать или двадцать-одинъ выстрѣлъ, но только съ тѣмъ, чтобы вы мнѣ ихъ отдали назадъ — выстрѣлъ за выстрѣлъ.» Это почти тоже, какъ если-бы вы, входя въ залу, сказали хозяину: «Я готовъ вамъ не только поклониться до полу, но бухнуть хоть въ ноги, если и вы, въ свою очередь, обѣщаете мнѣ тоже сдѣлать.» Надобно признаться, что обычай освятилъ много пустыхъ обрядовъ!

Какъ-бы то ни было, мы отсалютовали двадцатью-однимъ выстрѣломъ форты и царственную столицу; но тутъ, какъ на бѣду, одинъ матросъ нашъ, Мерлино, лазя по русленямъ, противъ стрѣлявшей каронады, задѣтъ былъ картузомъ, и изувѣченный до полу-смерти, сброшенъ былъ въ воду. Во мгновеніе ока, два товарища его Астье и Пёти кинулись за нимъ въ море; первый изъ нихъ, проворнѣе втораго, схватилъ Мерлино за волоса и вытащилъ на палубу; другой, въ отчаяніи отъ-того, что его предупредили, началъ бить себя кулаками въ лицо, осыпая самъ себя выразительнѣйшими эпитетами. Что касается до Мерлино, онъ лежалъ въ батарейной палубѣ, испуская болѣзненнѣйшіе стоны. Нѣсколько часовъ спустя, онъ умеръ. Астье и Пёти принялись пить за упокой души его. Послѣдней рѣчью умершаго была просьба къ казначею, дать, отъ имени его, по піастру каждому изъ двухъ великодушныхъ матросовъ.

На слѣдующее утро, отправился я къ нѣсколькимъ особамъ, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма, и разговорился о генералѣ Гогендорпѣ. Что за благородная душа! Какой неустрашимый воинъ! Сколько силы духа и твердости въ несчастіи! говорили всѣ Французы!

— Онъ, просто, дуракъ и глупецъ, прибавилъ одинъ благородный Бразилецъ.

— Это по-чему?...

— Повѣрите-ли вы, сударь, что ему предлагали почотное званіе въ войскахъ нашего всемилостивѣйшаго государя, и что онъ отказался отъ этой почести подъ смѣшнымъ предлогомъ, что оба государства могутъ когда-нибудь объявить другъ-другу войну и что тогда ему пришлось-бы измѣнить священному долгу признательности, или поднять мечъ на свою отчизну?

— И подлинно, возразилъ я, пожавъ плечами: онъ, точно, дуракъ и глупецъ, котораго вы, сударь, никогда не поймете.

Изъ дома г. Дюрана, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, я отправился въ *королевскую* *) капеллу, полюбовался тѣмъ мастерскимъ произведеніемъ, о которомъ Бразильцы говорятъ не иначе, какъ съ восторгомъ. Золото на паперти, золото на карзинахъ, въ куполѣ, на капителяхъ, на алтаряхъ, повсюду золото и самоцвѣтные камни, вездѣ топазы, изумруды, алмазы, повсюду богатства неисчислимыя.... Во всей этой церкви нѣтъ ни одного стула. Мужчины молятся стоя или на колѣнахъ, всѣ женщины, не исключая и щеголихъ, также на колѣнкахъ или на корточкахъ. По обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря королевской капеллы устроены двѣ просторныя ложи, въ которыхъ государь, принцы и верховные сановники присутствуютъ при

*) Нынѣ Императорскую....

Пр. Перев.

священнодѣйствіи. Въ этотъ день былъ великій праздникъ, и я съ величайшимъ трудомъ пробился въ средину церкви. Подъ ея сводами раздавалась музыка, вмѣстѣ важная и торжественная; самое гармоническое пѣніе оглашало всѣ внутренніе концы храма... Вругъ раздается нѣсколько пріятныхъ женскихъ голосовъ, и музыка принимаетъ какой-то свѣтскій, причудливый характеръ: всѣ заслушиваются этого пѣнія, какъ въ концертѣ. Всѣ лица обращаются къ хору; самъ наслѣдный Принцъ, готовый рукоплескать пѣвцамъ, бьетъ такту; Принцессы ободряютъ пѣвцовъ глазами и движеніемъ рукъ, и всеобщее браво едва не оглашаетъ внутренности храма.

Музыка этой мши была сочиненія... самого Донъ-Педро; женскіе голоса, исполнявшіе эту музыку, были голоса... кастратовъ. У одного изъ нихъ красовалась въ петлицѣ ленточка королевско-португальскаго ордена Христа.

Я вышелъ изъ королевской капеллы, какъ изъ торжественной бальной залы.

Испанія и Португалія родныя сестры по части религіозныхъ церемоній; въ духѣ обѣихъ націй есть какая-то смѣсь блачестія съ изувѣрствомъ, обѣ онѣ благоговѣютъ часто передъ пустяками, и гораздо-болѣе, чѣмъ передъ важными догматами религіи; обѣ съ слѣпою довѣренностью смотрятъ на человѣка, прикрытаго рясою, на собирателя милостыни, на капуцина, на пилигрима и на картезіанца *). Если-бы скрыжали ихъ лѣтописей не существовали для поученія народовъ, то вы легко могли-бы подумать, что только Мадридъ, Лисабонъ, и особенно Ріо, отведены для жительства достойнѣйшимъ провозвѣстникамъ вѣры и неустрашимѣйшимъ ея защитникамъ. Обратите взоры ваши на главный алтарь этой великолѣпной королевской капеллы, и посмотрите, какъ три десятка священниковъ, залитыхъ золотомъ, покрытыхъ шолкомъ и кружевами, преклоняя колѣна по условному звонку, лобзаютъ землю своими розовыми губами и столь-сильно бьютъ себя кулаками въ грудь, что звуки этихъ ударовъ раздаются на паперти.... Теперь не угодно-ли вамъ взглянуть на этихъ-же самыхъ людей на улицѣ, на публичномъ гульбищѣ, и вы увидите ихъ превращенными въ рѣзвыхъ мотыльковъ, которые, какъ-бы наскуча ролею своей ex officio, бойчѣе и рѣзвѣе всякого свѣтскаго щеголя гоняются за удовольствіями міра сего, вознаграждая себя такимъ образомъ за тяжкое воздержаніе, налагаемое на нихъ закономъ ихъ ордена, въ иномъ мѣстѣ.

Большей части монаховъ и священниковъ Бразиліи—не болѣе восмнадцати лѣтъ!

---

*) Если часть обвиненій сихъ и справедлива, то не рѣшено еще опытностью, какая изъ двухъ крайностей полезнѣе для блага народовъ? По мнѣнію нашему, всего спасительнѣе чистая Евангельская любовь къ Богу и къ ближнему, заповѣданная самимъ Спасителемъ міра.

Пр. Перев.

VI.

РІО-ЖАНЕЙРО.

Корковадо. — Продавецъ Негровъ.

Мнѣ хочется посвятить весь этотъ день сердечнымъ наслажденіямъ и любопытству. Генералъ Гогендорпъ, можетъ-быть, ожидаетъ меня съ обѣщанной ему провизіей. Небо прозрачно и ароматно. Свѣжій и быстрый вѣтеръ разгоняетъ облака, округленныя въ видѣ хлопьевъ снѣгу. Мнѣ прислуживаетъ широкоплечій негръ, неустрашимаго вида, но негръ этотъ смотритъ невольникомъ: ему извѣстно, что онъ мой до полуночи, что онъ запроданъ, отданъ въ-наймы, за нѣсколько серебряныхъ монетъ. Онъ не забываетъ, что если осмѣлится меня ослушаться, то завтра-же тѣло его, по одной моей жалобѣ будетъ исполосовано пятидесятью ударами узловатого ремня. Мы заключили контрактъ съ его хозяиномъ. Онъ мнѣ уступилъ свой товаръ, и я въ-правѣ располагать имъ.

О! чорный этотъ невольникъ не будетъ битъ завтра; развѣ я не знаю, что и негръ тотъ-же человѣкъ?

— Подъ силу-ли тебѣ будетъ снести этотъ узелъ? говорю я ему съ добродушіемъ.

— Я... хоть десять такихъ.

— Такъ ты не пожалуешься, если я навалю на тебя два такихъ узла.

— Мнѣ жаловаться! вотъ еще что! Пожалуйся я хоть *одинъ маленькій разочекъ*, мнѣ получить пятьдесятъ ударовъ батожья.

— Я никогда не давалъ ни одного батога невольнику.

— Вы не сказать правда.

— Да.

— Такъ вы не есть Бразилецъ.

— Нѣтъ.

— Тѣмъ-лучше.

Мы отправились въ дорогу, вдоль по водопроводу. Мой негръ скорѣе шолъ въ-припрыжку, чемъ бѣгомъ; его широкая грудь только пыхтѣла и обливалась струями пота подъ первыми лучами восходящаго солнца; мышцы его, рѣзко очерченныя, обличали натуру сильную и могучую. По-мѣрѣ-того, какъ мы теряли изъ виду городскія зданія, мой негръ сталъ дышать свободнѣе; его походка принимала характеръ независимости, совершенно соотвѣтственный той тропической растительности, которая прикрывала насъ своими обширными навѣсами, и казалось, что въ душѣ этого человѣка, огрубѣлаго подъ бичемъ, уже проростало сѣмя свободы.

— Зачѣмъ ты не поешь? говорю я ему.

— Господинъ хочетъ надсмѣхаться.

— Ни мало, пой, говорю я тебѣ.

— Я пѣть про себя, а не наружу. Хозяинъ нашъ запретилъ это, онъ хотѣть, чтобы мы никогда думать о родина.

— А я позволяю. Откуда ты?

— Изъ Анголы.

— Давно-ли ты въ Бразиліи?

– Давно, очень-давно.

– Который тебѣ годъ?

– Двадцать-два года.

– Хотѣлось-ли бы тебѣ возвратиться въ Анголу.

– Слишкомъ-далеко, я не доплыть до туда.

– Охотой-ли ты продался въ неволю?

– О! нѣтъ, отецъ мой продавалъ меня.

– Дорого-ли!

– Да цѣлой бочонокъ полной водка.

– Были-ли у тебя сестра или братъ?

– Да; я имѣй сестра и ее продавали со мною за десять кусковъ голубая матерія.

– Гдѣ твоя сестра?

– На облакахъ.

– Какъ такъ?

– Я ее задавить, когда пріѣзжалъ.

И Заэ, мой негръ, вдругъ остановился; красные глаза его окаменѣли, зубы его заскрипѣли, пальцы судорожно сжались.

– Ты задавилъ свою сестру, сказалъ ты мнѣ; а за что?

– Я её любилъ,–мы хотѣть жениться, у насъ сестра и братъ женятся. Когда мы пріѣхать въ Бразилію, насъ разлучили. Меня продать богатому человѣкъ, а ее монаху. Однажды я найти ее у ручья и замѣтилъ на ней болевые знаки розогъ, которые она получила наканунѣ. Я сожми ей рука и спроси, счастлива-ли она? Она покажи мнѣ свои изсѣченные плечи. «Завтра ты не страдать больше.» И завтра я выжидай хозяинъ отъ моя сестра на концѣ улица Альфадега. Четыре другіе попъ были съ нимъ; я не имѣй довольно сила ихъ убивать и войди въ домъ къ моя сестра... И она не страдать больше.

– Но это настоящее смертоубійство! Ну! если я донесу о томъ?

– Все-равно. Тогда пойти къ моя сестра.

Я успокоилъ Заэ и взялъ съ него клятву, что онъ не убѣжитъ, когда мы дойдемъ до Корковадо.

– Клянусь! сказалъ онъ съ видимымъ усиліемъ надъ собою: но я точно хотѣлъ сдѣлаться бѣглецъ. Бичь отъ мой хозяинъ такъ жестокъ!

– И такъ, ты не убѣжишь?

– Нѣтъ!

Я нашолъ генерала Гогендорпа нездоровымъ, въ постелѣ: онъ захворалъ горячкою и не имѣлъ въ домѣ своемъ никого, кромѣ вѣрнаго своего Зинги для присмотра за собой и обезпеченія своихъ жизненныхъ потребностей.

– Хорошо, сказалъ онъ, что вы вспомнили о бѣдномъ изгнанникѣ: вы принесли ему нѣсколько запасу и утѣшеніе дружбы. Само небо да вознаградитъ васъ за это!

– Обѣщаюсь посѣтить васъ еще не разъ, генералъ; сего-дня завернулъ я къ вамъ перелетной птицей, на пути къ хребту Корковадо, на который намѣренъ взобраться, чтобы взглянуть на наши дѣвственные лѣса, о величіи которыхъ мнѣ столько наговорили.

– Да, лѣса эти очаровательны, продолжалъ генералъ: на нихъ можно любоваться и изучать ихъ, но не описывать.

– Попытаюсь, однакоже.

– Кстати о лѣсахъ, – берегитесь въ нихъ бѣглыхъ негровъ; ихъ много шатается около Корковадо, и всѣ они чрезвычайно дерзки. Но у васъ, вѣроятно, есть съ собой надежные пистолеты, припугните ихъ; они страхъ какъ боятся огнестрѣльнаго оружія: выстрѣлъ для нихъ страшнѣе смерти. Будь я немного поздоровѣе, я-бы самъ отправился съ вами; мы-бы вперили взоры наши въ этотъ восточный небосклонъ, за которымъ находится наша разлучная родина, и испаренія родной почвы оживили-бы, можетъ-быть, мои исчезающія силы. Ступайте-же хоть одни,

милый другъ, и зайдите ко мнѣ на возвратномъ пути.

Заэ хотѣлъ-было слѣдовать за мною, но я запретилъ ему это, опасаясь, чтобы пустыни, въ которыя намѣревался я проникнуть, не возбудили въ немъ жажды независимости, столь свойственной каждому человѣку. Заэ немного на меня принадулся, но покорился необходимости; я поручилъ его Зингѣ и просилъ генерала, дозволить имъ кутнуть немного.

— Будьте покойны: это дѣло и безъ того неизбѣжное: оба они земляки — Ангольцы, и, вѣрно, напьются въ память своихъ тростниковыхъ хижинъ и дикой Африки.

Такъ вотъ они—эти дѣвственные лѣса, въ которые, какъ говорится, неиначе можно проникнуть, какъ при пособіи топора или пламени! Вооружимся рѣшимостью и пойдемъ впередъ безъ оглядки.

Вотъ источникъ, напояющій водопроводъ: гладко и серебристо течетъ онъ по широкому каменному ложу. Здѣсь самое начало восхожденія; довольно-торная стезя змѣится вокругъ горы и изчезаетъ на ея высяхъ. По-всему видно, что въ попытчикахъ взобраться на эти выси не было недостатка, но что опасность пути и усталость часто останавливали любопытныхъ; я хотѣлъ, однакожъ, все высмотрѣть, и ничто въ мірѣ не заставило-бы меня воротиться, пока не кончу дѣла. Отъ-времени-до-времени, я — съ топоромъ въ рукѣ — прокладывалъ себѣ прямую дорогу сквозь густую чащу самыхъ разнообразныхъ листьевъ, широкихъ, квадратныхъ, остроконечныхъ, узорчатыхъ, шероховатыхъ, вылощенныхъ; сквозь тму вѣтвей, которыя то скрещивались, то сращивались, то перевивались другъ съ другомъ, и все это сплетено было съ такою плотностію, что трудно было угадать, къ какому именно дереву принадлежала каждая вѣтвь. Ночь темнѣла, а между-тѣмъ солнце, огромное солнце Бразиліи, едва оканчивало еще вторую треть своего теченія. Надъ головой моей и по обѣ стороны отъ меня, густые своды зелени, не пропускавшіе ни одного солнечнаго луча, и, можетъ-быть, съ незапамятныхъ вѣковъ—вся эта почва, по которой скользила нога моя, не отсвѣчивалась лазурью небесною.

Я подвигался впередъ съ медленностью, приводившей меня въ отчаяніе; огромные слои опавшаго и полуистлѣвшаго листья, покрывая собою почву, осѣдали подо мною и поглощали меня до поясницы.

Истомленный и обезсилѣвшій, я прислушивался въ неподвижной задумчивости къ каждому шороху. По-временамъ, раздавался въ ушахъ моихъ пронзительный крикъ зеленой, щеголеватой параклитки, какъ-бы падавшій на меня съ высоты деревъ, въ видѣ поздравленія съ благополучнымъ прибытіемъ въ ея область; иногда слышался мнѣ жалобный голосъ унстити, этой хорошенькой обезьянки, столь опрятной, живой и *ласковой*... пока она не врѣзалась въ тѣло наше своими крючковатыми когтями, острыми, какъ иголка. Тутъ осыпаетъ васъ вдругъ какимъ-то тлѣніемъ полуизгнившей коры, слетѣвшимъ съ вѣковой древесной вершины, сперва на пероватую вѣтвь пальмиста, а съ нея уже тысячами каскадовъ, все ниже и ниже, вдоль по гладкому пню, до земной почвы, которую оно удобриваетъ и оплодотворяетъ. Пока вы, поднявъ глаза къ небу, стараетесь пробить взоромъ своимъ навѣсъ необъятнаго свода, васъ осѣняющаго, подъ ногами вашими вдругъ что-то зашелестило; если этотъ шелестъ повторяется — берегитесь: вы наступили на змѣю, вы разбудили ее, покойно спавшую на ея листвянномъ *ложѣ*, вы вспугнули ее своимъ прикосновеніемъ: да! можетъ-быть, въ первый разъ еще — наткнулась на нее нога человѣческая, дерзнув-

шая вступить въ ея невѣдомое и мирное приволье.

Здѣсь кстати мимоходомъ будетъ предостеречь читателя отъ преувеличеній въ описаніяхъ нѣкоторыхъ путешественниковъ по Бразиліи, которая, по сказкамъ этихъ господъ, есть страна изборожденная несмѣтнымъ множествамъ ядовитѣйшихъ гадовъ, будтобы не дозволяющихъ здѣсь безопасно ни нагуляться, ни отдохнуть. Безспорно, въ Бразиліи много пресмыкающихся, и многія изъ нихъ довольно, страшны, но я не слыхалъ здѣсь ни разу, чтобы угрызеніе ихъ причинило комулибо смерть и чтобы змѣи здѣшнія нападали на человѣка. Что до меня, то какъ часто ни скитался я, по самымъ пустыннымъ мѣстамъ сей могучей почвы, но какъ повѣствователь неложивый, обязанъ сознаться, не въ-осудъ тѣмъ ужаснымъ приключеніямъ, которыми пугали меня другіе странствователи, что со мной, къ сожалѣнію самолюбія моего, ничего подобнаго не случилось, и что есть даже мѣста въ самой Франціи, гдѣ гораздо-больше ехиднъ (vipères), чѣмъ змѣй въ Бразиліи. Прибавлю только одно, что множество уродливѣйшихъ ящерицъ населяетъ здѣсь почти всѣ развалины и ветхія жилища, что число ихъ несмѣтно, несмотря на безпощадную войну, которую здѣсь объявили имъ люди, большіе охотники до ихъ лакомаго мяса; но какъ ни безвредно сосѣдство этихъ животныхъ, оно довольно тягостно для любителей спокойствія и приволья; они живутъ съ ними безъ чиновъ и убѣгаютъ только тогда, когда слышатъ шумъ или видятъ человѣка въ движеніи.

Я продолжалъ свою просѣку и постоянно подавался все далѣе и далѣе въ чащу; чѣмъ скатъ поднимался круче, тѣмъ я усильнѣе боролся съ препятствіями; чѣмъ хаосъ, окружавшій меня, дѣлался гуще, тѣмъ ревностнѣе старался я сквозь него пробиться, нетерпѣливо желая выбраться на свѣтъ, достигнуть котораго я отнюдь не отчаявался. Какъ-бы то ни было, но послѣ часовой горячей борьбы съ терніями, съ суковатыми пнями, съ вѣтвями *пендануса* (pendanus) и тысячью другихъ разнородныхъ преградъ, какъ-бы выраставшихъ на каждомъ шагу, я почти былъ готовъ отступиться отъ своего предпріятія, какъ вдругъ неожиданный случай оживилъ бодрость мою и силы. Мнѣ послышались, не подалеку отъ меня, звуки нѣсколькихъ человѣческихъ голосовъ; я началъ прислушиваться, осмотрѣлъ пыжи моихъ пистолетовъ. Шумъ стихалъ мало-помалу; одушевясь рѣшимостью, я пошолъ прямо туда, откуда онъ происходилъ. Исполинская ліана, выросшая изъ-подъ корней огромнаго пня, къ которому я прислонился, извиваясь тысячами фестоновъ до вершинъ высочайшихъ деревьевъ, которые она опутывала своимъ кольчатымъ вѣнцомъ, помогла мнѣ на этотъ разъ. Я повисъ на ней и поползъ по ея извилинамъ, не касаясь земли, до одного просвѣта лѣснаго, гдѣ нѣсколько опрокинутыхъ вѣковыхъ деревъ, пораженныхъ грозою, свидѣтельствовали о проходѣ ея по этому мѣсту. Тутъ стояли неподвижно три женщины изъ высшаго круга, остановленныя двумя совершенно-нагими неграми, на тѣлодвиженія и угрозы которыхъ онѣ съ презрѣніемъ смотрѣли. Завидѣвъ меня, онѣ позвали на помощь. При появленіи моемъ, два негра отступили, и по видимому выжидали послѣдствій нашего совѣщанія.

За двѣ тысячи миль отъ роднаго края, въ дремучемъ, дикомъ лѣсу, дружба скоро завязывается.

— Одинъ здѣсь?

— Совершенно одинъ.

— Откуда вы?

— ИзъРіо.

— А прежде?

— Изъ Парижа.

— По какому-же случаю попали вы въ эти пустыни?

— Не простой случай завелъ насъ сюда, а желаніе видѣть, жажда познаній, изслѣдованій. Объѣхавъ Европу, намъ вздумалось посѣтить Америку; до Африки и до Азіи дойдетъ своя очередь: путешествовать, не значитъ-ли жить? А вы, сударь?

— И я, подобно вамъ, изъ Парижа; подобно вамъ жажда странствовать пожираетъ и меня; я началъ путешествіе кругомъ свѣта, но совершу-ли его?

— Эта-то неувѣренность и составляетъ истинное счастіе; когда предвидимъ развязку, то интересъ драмы исчезаетъ.

— Прекрасно! понимаю васъ, но и удивляюсь вамъ.

— Не оттого-ль, что мы женщины?

— Именно.

— Стало-быть, нѣтъ ни одного мужчины безъ предъубѣжденія и гордости?

— Всѣ женщины вообще такъ слабы и такъ трусливы!

— Тѣмъ лучше, мы будемъ изъятіемъ изъ общаго правила. Во всякомъ случаѣ, сударь, вы здѣсь очень-кстати; бѣглые негры составляютъ здѣсь довольно-значительную шайку; что дѣлать намъ, если они нападутъ на насъ?

— Продолжать путь нашъ вмѣстѣ, не заботясь объ нихъ; со мной пара превосходныхъ пистолетовъ.

— Ссудите меня вашимъ топоромъ!

— У меня есть кинжалъ.

— Очень-хорошо, пойдемте...

Три часа спустя, мы были на вершинѣ горы; парили надъ Ріо, надъ рейдомъ, надъ океаномъ, привѣтствовали руками плывшіе корабли, которые, съ выси, на которой мы стояли тогда, казались намъ какими-то шаловливыми мотыльками, заблудившимися въ пространствѣ...

Негры преслѣдовали насъ, однакожъ, до послѣдняго нашего привала, изрѣдка угрожали намъ, и довольно-близко, къ досадѣ нашей. Наскуча докучливостію ихъ, я прицѣлился въ одного изъ нихъ, изъ пистолета: онъ упалъ на колѣни и началъ просить пощады, а товарищи его разбѣжались и скрылись за толстыми древесными пнями.

— Послушай, сказалъ я ему: что тебѣ надобно?

— Мы голодны и озябли.

— Возьми-же, вотъ все, что мы можемъ вамъ дать — тебѣ и твоимъ товарищамъ; обирай и ступай!

Я подалъ ему жареную курицу, ломоть ветчины, большой кусокъ бѣлаго хлѣба, рубашку, жилетъ и подштанники, которыя изъ предосторожности взялъ съ собою и положилъ въ свой дорожный мѣшокъ.

— О! вы добрый баринъ! сказалъ невольникъ: спасибо!.. Вамъ не имѣть чего бояться!

Онъ ушолъ къ своимъ товарищамъ, и три громкихъ крика раздались въ воздухѣ; но это были клики признательности и восторга.

Часъ спустя, мы отправились въ дорогу, постоянно предшествуемые чорными, старавшимися служить намъ проводниками и облегчать путь. Еще до заката солнечнаго за Органныя-горы, мы пожали другъ-другу руки съ генераломъ Гогендорпомъ, которому стаканъ бордосскаго возвратилъ нѣсколько силы. Что касается до Заэ, онъ совершенно забылъ о своей родинѣ, о сестрѣ и о кровавой своей мести. Зинга и онъ угостили себя взаимно по-земляцки: апельсинное вино неуступало въ крѣпости руссильйонскому.

— Я не разстанусь съ вами, однакоже, сударыни, не узнавъ вашего имени, сказалъ я, обращаясь къ тремъ героинямъ-скиталицамъ, когда мы прибыли въ Ріо.

— Дюбюисонъ, отвѣчала мнѣ мать.

— До-свиданія, сударь.

— Но гдѣ?

— Можетъ-статься... въ Тибетѣ!

Правильный и прекрасный городъ, городъ почти европейскій, при подножіи дѣвственной и дикой горы, вещь довольно-любопытная для изслѣдованія! Живописецъ и моралистъ охотники до контрастовъ. Въ Ріо, всѣ улицы прямы, кромѣ такъ называемой «Прямой улицы.» Не осужденъ-ли я бичевать все смѣшное? Въ улицѣ «Оувидора», или *Великаго Судьи*, расположены, какъ нарочно, самые щеголеватые магазины парижскихъ модъ; не слѣдуетъ-ли изъ этого, что всѣ бразильскіе *фашіонебли* избрали ее мѣстомъ своихъ прогулокъ? — Вотъ вамъ и площадь «до Росіо», на которой выстроенъ публичный театръ. Въ-послѣдствіи я поговорю объ этомъ театрѣ и піесахъ, на немъ играемыхъ. Посереди той-же площади возвышается *прелестная... висѣлица*, о четырехъ перекладинахъ, украшенная гербомъ королевства, на которой вѣшаютъ только людей благородныхъ...

Тщеславіе на порогѣ уничтоженія! Привиллегія на краю гроба!

Нѣтъ! мнѣ лучше нравятся предметы веселые; пойдемъ далѣе! И вотъ, — посереди бѣлаго дня, меня кто-то схватываетъ за воротъ на заворотѣ въ сосѣднюю улицу, и спрашиваетъ, не обяжу-ли я его, согласясь *напутствовать одного маленькаго праведника на небо*?

— А что для этого нужно?

— Идти за мною.

— Иду.

И мы вошли въ довольно-порядочный домъ; всходимъ въ первый этажъ. Сотня зажженныхъ свѣчъ въ запертомъ покоѣ, озаряютъ маленькое блѣденькое личико, которое двѣ дамы украшаютъ цвѣтами, лентами и драгоцѣнными каменьями, между-тѣмъ-какъ одна молоденькая дѣвочка расписываетъ щочки его блестящими румянами, какъ то дѣлаютъ всѣ актеры передъ выходомъ своимъ на сцену; обезображенное чело младенца повязываютъ щеголеватымъ платочкомъ. Хозяинъ дома, подойдя ко мнѣ, цѣлуетъ мнѣ руку и подаетъ зажженную свѣчу.

Я присѣлъ на ряду съ другими, между групою богато-одѣтыхъ и тихо болтавшихъ женщинъ. Вскорѣ потомъ, весь поѣздъ двинулся въ ближнюю церковь. Прочли нѣсколько молитвъ, и гробъ, постоянно открытый, поставленъ былъ у главнаго алтаря; толпа разсѣялась. И такъ я *напутствовалъ* младенца на небо! Удовольствіе появлялось на всѣхъ лицахъ, всѣ глаза были сухи, и всѣ званные гости въ праздничныхъ нарядахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ числа приглашонныхъ, я велъ себя благочестивѣе прочихъ. Деньги открываютъ здѣсь храмы для всѣхъ усопшихъ, такъ, что въ религіозныхъ процессіяхъ живые здѣсь попираютъ умершихъ.

Дамы бразильскія одѣваются пышно, но безъ пріятности, безъ вкуса; уши ихъ, волоса и всѣ пальцы, окованы изумрудомъ, жемчугомъ и брилліантами, что̀ придаетъ особенный блескъ ихъ оливковому цвѣту лица. Всѣ онѣ ходятъ по улицамъ, одна за одной, шагахъ въ двухъ другъ отъ друга, какъ вереница журавлей на полетѣ; шествіе замыкается нѣсколькими босоногими, чисто одѣтыми невольницами, охраняющими безопасность послѣднихъ въ ряду. При малѣйшей преградѣ, чинъ шествія нарушается, и всегда нужно бываетъ нѣсколько минутъ промежутка между спокойствіемъ и движеніемъ, чтобы все привести опять въ прежній порядокъ: на-счотъ этого существуетъ здѣсь во всѣхъ фамиліяхъ самый строжайшій этикетъ.

Другаго рода *дамы* прогуливаются по ріоскимъ улицамъ и площадямъ, только ввечеру и въ извѣстные часы ночи; но эти *дамы*, расхаживая безъ всякой свиты и въ-одиночку, обыкновенно закутываются съ ногъ до головы въ чорную эпанчу, которою драпи-

руются на манеръ-Арабовъ въ перекидныхъ бурнусахъ. Щегольство-ли это? нисколько; это просто ловкая мѣра предосторожности: почти всѣ онѣ отвратительно безобразны. И разговоръ ихъ въ совершенной гармоніи съ ихъ правами. Изъ этого убѣдитесь вы, до какой степени Европа отсѣчивается въ Бразиліи, и какъ дѣятельно проявляется порокъ. Въ Ріо, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, дворянство гордится своей безпечностью и лѣнью: обыкновенное послѣдствіе ихъ — глупость и невѣжество! — Въ одномъ изъ здѣшнихъ салоновъ разглагольствовалъ какой-то грандъ съ золотымъ ключомъ за спиною: я завелъ было разговоръ о Камоенсѣ, послѣдней славѣ Португаліи, соперникѣ столькихъ славныхъ людей въ его родѣ.

— Гэ, гэ! отвѣчалъ мнѣ камергеръ: вашъ Наполеонъ тоже не бездѣлица и не уступитъ ни въ чомъ нашему Камоэнсу!

Рекомендательныя письма могутъ вамъ открыть двери всѣхъ именитѣйшихъ здѣшнихъ особъ, но весьма-рѣдко случается, чтобы послѣ перваго посѣщенія и нѣсколькихъ общихъ привѣтствій, васъ пригласили опять. Иностранцевъ угощаютъ въ Ріо не болѣе того, сколько нужно, дабы не сказать имъ въ глаза, что они надоѣли. Умѣрьте, впрочемъ, сожалѣнія ваши; нѣтъ ничего скучнѣе нарядпаго вечера въ Бразиліи. Спѣшу однакожъ прибавить, что у г. Марцелино-Гонзальвеса, одного изъ директоровъ банка и гранда первой степени, нашолъ я общество людей просвѣщенныхъ и любезныхъ, которыхъ хозяинъ дома, находящійся *нынѣ* *) въ Парижѣ, умѣлъ приспособить къ нравамъ и обычаямъ европейскимъ. Одна дама хозяйничала въ этомъ домѣ: она была Француженка, и хотѣла, по словамъ ея, переродить Бразилію. Никогда еще самонадѣянность женщины такъ далеко не заходила!

По выходѣ отъ Г. Марцелино-Гонзальвеса, я отправился къ Г. Р*** : двѣ его дочки, *премиленькія* дѣвушки, въ полулежачемъ положеніи на красивой китайской рогожкѣ, упражнялись въ довольно-миломъ занятіи: хлестали бичомъ нагаго невольника, запретивъ ему пошевельнуться. Щоки и бедра этого бѣдняка были всѣ истерзаны и окровавлены, а онъ не смѣлъ произнесть ни одного болѣзненнаго крика. Я готовился высказать этимъ *милымъ* особамъ все презрѣніе и ужасъ, которые внушало мнѣ поведеніе ихъ, какъ вдругъ вошедшій отецъ принялся журить ихъ довольно-строго, прося меня извинить ихъ *дѣтскую шалость:* такъ называлъ онъ *потѣху* любезныхъ своихъ дочекъ!

Едва удерживаю перо свое, чтобы не написало оно прозванія этихъ барышень: онѣ назывались Ровира...

Нигдѣ съ такою ужасною жестокостію не обращаются съ невольниками, какъ въ Бразиліи, а въ особенности женщины: онѣ отдаляются отъ Негровъ своихъ какъ отъ ядовитаго звѣря...

Но вотъ и королевскій дворецъ, прямо противъ дебаркадера: нѣтъ ни одного дома въ улицѣ Ришелье (въ Парижѣ), которому-бы онъ не уступилъ въ красѣ и великолѣпіи.

Вотъ экипажи короля, его принцовъ и министровъ, запряженные мулами: наши фіакры гораздо-легче на *ходу* и щеголеватѣе видомъ. Три столѣтія отдѣляютъ Бразилію отъ Европы, и однакоже, взглянувъ на здѣшнія парадныя кареты и упряжь, вы, можетъ-быть, отмѣните строгость вашего мнѣнія: искусства и роскошь Франціи и Англіи переплыли уже Атлантику и провоз-

*) Это писано еще до 1840 года.
Пр. Перев.

глашаютъ здѣсь свое владычественное могущество.

Испанская siesta *) есть настоящее благодѣяніе для Бразиліи. Посереди дня, одни иностранцы, одни прикащики и негры скитаются по дремлющему городу.

Вчера зашолъ я въ обширную залу, примыкающую къ одной церкви и госпиталю, нѣчто въ родѣ парижской morgue **), куда правительство велитъ складывать всѣ трупы, находимые поночамъ на улицахъ и поморьи. — «Никого нѣтъ», сказалъ, выходя оттуда, одинъ Бразилецъ, обращаясь къ сопутствовавшей ему дамѣ. — Войдя туда я увидѣлъ однакоже три трупа негровъ. У одного изъ нихъ былъ распоротъ ножомъ животъ; грудь другаго поражена была въ четырехъ мѣстахъ кинжаломъ; голова третьяго размозжена какимъ-нибудь молотомъ или суковатою уручиною. «Никого нѣтъ!» сказалъ Бразилецъ : стало-быть негръ — «*никто!*» и убійца негра можетъ здѣсь спать спокойно!

Вышедъ оттуда, я увидѣлъ передъ собой уединенный и мрачный домъ, около котораго смѣнялись часовые. Меня, иностранца, окликнули почотнымъ титломъ «свѣтлости (altezza)», и чей-то глухой голосъ сквозь двойную желѣзную рѣшотку попросилъ у меня милостыни. Въ-слѣдъ за симъ, спущена была ко мнѣ на шнурочкѣ кожаная мошна. Я опустилъ въ нее нѣсколько монетъ, но не зналъ того, что нужно было дернуть за шнурокъ, чтобы извѣстить несчастнаго объ исполненіи его просьбы. Что же вышло? Одинъ изъ смѣнныхъ солдатъ подкрался къ мошнѣ, осмотрѣлъ ее, вынулъ оттуда часть моего подаянія и подалъ условный знакъ. Обличенная мошня поднялась въ свое мѣсто. Раздосадованный, я хотѣлъ было вступиться за несчастнаго и потребовать за него удовлетворенія. «Прочь! закричалъ часовой : прочь! не велѣно подходить къ тюрьмѣ по два раза! — Итакъ я самъ, не знавъ того, подалъ милостыню ворамъ!..

По близости оттуда сидѣли на корточкахъ нѣсколько невольниковъ, подъ крѣпкой стражей, вѣроятно, во ожиданіи своей очереди. Нѣсколькимъ другимъ, привязаннымъ къ столбу, уже отсчитывали въ двѣ руки ременные удары; кровь страдальцовъ лилась въ нарочно для того выкопанный ровъ; усталые палачи очередовались другъ съ другомъ, по-мѣрѣ свѣженія новыхъ жертвъ. Я былъ безсиленъ отвратить отъ нихъ эти наказанія, вѣроятно, получаемыя невольниками по требованію сострадательнаго ихъ господина, который не имѣлъ духу сдѣлаться самъ ихъ палачомъ. Съ грустью въ душѣ, удалился я отъ этого лобнаго мѣста.

Въ прорѣхи образованности довольно-часто капаютъ слезы и кровь.

Но я уже слишкомъ заговорился о хозяевахъ и рабахъ, о палачахъ и жертвахъ, а между-тѣмъ позабылъ вамъ разсказать, откуда и какими средствами добываются просвѣщеннымъ обществомъ эти чернокожіе и курчавые люди, какъ-бы нарочно для того созданные, чтобы имъ рыться въ землѣ и умирать подъ плетью. Слушайте, слушайте!

Я могу вамъ поразсказать о томъ много и во всѣхъ родахъ. Да! я высмотрѣлъ въ самомалѣйшихъ ея подробностяхъ одну изъ тѣхъ ужасныхъ и плачевныхъ могилъ, гдѣ раздавалось столько горя, гдѣ истощалось еще болѣе смѣлости; га! страшно было смотрѣть на этотъ ужасъ, болѣзненно отдавался онъ въ душѣ, волновалъ и леденилъ кровь на сердцѣ!

По одному кораблю, который славился еще роскошью, вы посудите о

*) Полуденный сонъ.

**) Такъ называется складочное мѣсто безданныхъ мертвецовъ и утопшихъ. *Пр. Пер.*

другихъ; по тому, съ которымъ я говорилъ, капитану, котораго мнѣ рекомендовали, какъ одного изъ великодушнѣйшихъ, сострадательнѣйшихъ, вы угадаете и всѣхъ прочихъ. Корабль его, трехмачтовый, поднимающій до 350 топновъ грузу, огроменъ, тяжолъ на ходу, грязенъ, вонючь; такелажъ его въ жалкомъ положеніи; мачты испещрены разными красками; неопрятный декъ его запачканъ и пережженъ сигарочными окурками, усѣянъ веревочными опилками, весельными обломками и обрывками парусовъ. На каждомъ борту его по четыре каронады, а между каронадъ сушатся желтыя рогожки, заклейменныя широкими кровяными пятнами, въ которыхъ запеклись клочья чорныхъ курчавыхъ волосъ. На кормѣ *развѣвается* *) королевско-португальскій флагъ, возвѣщающій всѣмъ и каждому, что корабль сей плаваетъ подъ высокимъ покровительствомъ своего двора.

Меня пригласили на палубу и предложили спуститься внизъ. Кубрикъ низокъ и душенъ, шероховатъ для ногъ и опасенъ для головы; толстые пробои и огромныя кольца крѣпко привинчены гайками ко всѣмъ наклонностямъ и безпрестанно грозятъ разбить лобъ проходящимъ. Тутъ-то спятъ, сбитые другъ на друга, лежа подъ вонючими шерстяными одѣялами, или повѣшенные въ запачканныхъ и дыравыхъ койкахъ, десятка полтора или два матросовъ, настоящая пѣна бродягъ и негодяевъ цѣлаго міра. Атмосфера этого несчастнаго кубрика *душитъ* васъ и стѣсняетъ вамъ грудь; и однакожъ кубрикъ этотъ можетъ назваться мѣстомъ успокоенія, жилищемъ роскоши, будуаромъ корабельнымъ, парадною залою, тайникомъ разврата, когда капитану этого судна удастся вымѣнять въ Анголѣ нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ, добытыхъ имъ за кусокъ какой-нибудь матеріи, за бочонокъ водки или нѣсколько сотенъ сигаръ.

Въ трюмѣ все симетрически устроено, все тщательно улажено: порядокъ изумительный, который-бы принесъ честь любимому декоратёру или зодчему. Огромнѣйшая желѣзная полоса, плотно и твердо впущенная въ корабельные борты, снабжена преудобными кольцами для заклепанія въ нихъ по одной ногѣ невольника. Каждый, такимъ образомъ заклепанный, можетъ свободно вставать, садиться, ложиться на ящикахъ или на бочкахъ; можетъ даже, безъ особыхъ усилій, поворачиваться направо, на-лѣво; можетъ разговаривать, прислуживать своему сосѣду, не возбуждая гнѣва хозяина судна. Конечно, въ тюрьмѣ этой не свѣтло; воздухъ въ ней убійственный; но къ-чему воздухъ и свѣтъ для могучей груди, для рысьихъ глазъ, которые видятъ и во тьмѣ кромѣшной? И сверхъ-того, что значитъ воздухъ, свѣтъ, голубое небо, горизонтъ, серебристыя звѣзды, широкое теплотворное солнце? Все это роскошь жизни. Всѣ-ли люди рождены ими наслаждаться, и сверхъ-того, развѣ можно назвать людьми всѣхъ этихъ несчастливцевъ, которыхъ вы приковали къ этой желѣзной полосѣ, заклепали въ эти желѣзныя кольца? Разумѣется, нѣтъ: они, просто, звѣри дикіе, шакалы, исторгнутые изъ дикихъ степей для населенія, для обогащенія страны образованной и благодатной. Неправда-ли, что правосудно и даже честно сажать ихъ на цѣпь, увѣчить, раздроблять?..

По одному или по два раза въ часъ, самъ капитанъ или лейтенантъ его, шкиперъ или подшкиперъ, вооруженные длиннымъ и узловатымъ ленькомъ, ходятъ въ этотъ стогъ нечистотъ и осматриваютъ кандалы. Если онъ примѣтитъ хотя малѣйшую попытку осво-

*) Все это теперь сдѣлалось преданіемъ, благодаря великодушію всѣхъ европейскихъ державъ, приступившихъ къ человѣколюбивѣйшему изъ союзовъ. *Пр. Перев.*

бодиться, если услышитъ о намѣреніи это сдѣлать, ленекъ засвиститъ въ воздухѣ, голыя лядвіи и спина виновнаго изполосуются красными рубцами, и кровь его брызнетъ волнами на ближняго сосѣда. По окончаніи этой операціи и по данному знаку, всѣ негры обязаны затянуть національную пѣсню, нѣчто въ родѣ концерта голодныхъ волковъ; горе тому, чья грудь не вздуется для прославленія своей радости и благополучія.

Такимъ-то образомъ усовершаются нравы, возстановляется владычество и преклоняется рабство.

Но вотъ бьетъ часъ обѣда, и хотя негры, просто, невольники, но и этимъ бѣднякамъ не льзя жить, если не накормить ихъ. Скажу болѣе, накормить ихъ надо вдоволь, чтобы поддержать силы ихъ въ этихъ пыткахъ. Хозяева ихъ очень-хорошо это понимаютъ, и вотъ посмотрите сами, съ какою великодушною, сострадательною нѣжностію надѣляютъ они каждаго изъ своихъ узниковъ полною горстію маніоновой муки, и подносятъ къ каждымъ запекшимся губамъ огромную лоханку превосходно-сгнившей солодковатой воды, на которую каждый изъ этихъ несчастныхъ бросается съ жадностію. Вотъ и все : обрядъ этотъ повторяется дважды въ день. Теперь посудите сами, лишилось-ли въ этомъ случаѣ человѣчество коренныхъ своихъ правъ?

Сверхъ-того, каждому невольнику, по очереди, предоставляется возможность всходить на палубу, прогуляться по ней между двумя матросами, взглянуть на лазоревое и чистое небо, способствующее плаванію корабля, полюбоваться на прозрачныя и фосфорическія волны, его укачивающія, на отдаленный небосклонъ, въ которомъ исчезла его родина, и на другой горизонтъ, менѣе отдаленный, гдѣ для него начнется новая жизнь покоя и счастія.

Я сказалъ уже, что осмотръ трюма происходитъ по одному или по нѣскольку разъ ежечасно. Если звукъ хорохоли извѣщаетъ хозяина судна о предсмертныхъ судорогахъ котораго-нибудь изъ *пассажировъ*, его вырываютъ тогда изъ живой могилы, оцѣпляютъ веревкою поперекъ бедеръ, вздергиваютъ на блокѣ, спускаютъ на палубу, какъ тюкъ товара, и раскладываютъ на одну изъ тѣхъ жолтыхъ рогожь, о которыхъ упомянуто выше. Послѣ этихъ первыхъ попеченій о страждущемъ, корабельная качка перекидываетъ туда и сюда это чорное привидѣніе, терзаемое болью, или вовсе безчувственное. Въ послѣднемъ случаѣ, матросъ, которому оно попадается подъ ноги, отталкиваетъ его на прежнее мѣсто. Четверть часа спустя, весь экипажъ, посвистывая и попѣвая, внимательно любуется, перевесясь за бортъ, надъ бездной, какъ акула схватываетъ свою добычу, и разсчитываетъ на гулянкахъ, во сколько минутъ можетъ это чудовище разгрызть и проглотить человѣка... Теперь вы видите сами, что и на морѣ есть свои разсѣянія и праздничныя потѣхи!

Между-тѣмъ, во-время продолжительнаго плаванія подобнаго судна, случаются съ нимъ и другія приключенія, еще болѣе драматическія : иногда встрѣчается съ нимъ военный корабль, посланный въ погоню за покупщиками и продавцами негровъ; корабль этотъ, распустя всѣ паруса свои, ложится передъ нимъ въ дрейфъ, и окликаетъ проклятое судно, для котораго нѣтъ довольно молній у неба! Что-жъ потомъ? Капитанъ въ отчаяніи, и если видитъ, что ему не избыть отъ погони, велитъ вытаскивать на палубу всѣ свои бочки, набиваетъ ихъ невольниками, закупориваетъ и кидаетъ въ море. И эта потѣха стоитъ другой!

Потомъ, приплывъ въ извѣстную гавань, капитанъ отправляется къ своему патрону (судохозяину).

— Ну, что?

— Мнѣ задали гонку, и я принужденъ былъ разгрузиться.

— Дѣлать нечего, готовьтесь въ новый походъ съ первымъ попутнымъ вѣтромъ; у насъ теперь большой недостатокъ въ товарѣ!

VII.

РІО-ЖАНЕЙРО.

Библіотека. — Невольники. — Подробности.

Въ Ріо-Жанейро есть королевская библіотека, огромная, прекрасная, богатая лучшими произведеніями словесности, наукъ и философіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Мнѣ, однакожь, съ трудомъ ее указали, оттого, что туда почти никто не заглядываетъ и ни одинъ Бразилецъ ея не знаетъ. Я посѣщалъ ее дважды и въ оба раза встрѣчалъ тамъ одного директора, молодаго учтиваго монаха, всегда говорившаго съ презрѣніемъ о Монтескьё, Руссо, Монтанѣ, Вольтерѣ, Паскалѣ, д'Аламберѣ и Дидро. Директоръ этотъ отъ-души вѣрилъ въ астрологію, а въ астрономію вовсе не вѣрилъ: такъ я и полагалъ...

Въ одной изъ залъ, примыкавшихъ къ публичной залѣ, находится нѣсколько привиллегированныхъ полокъ, гдѣ покоятся безъ малѣйшихъ потрясеній 2,500 томовъ, превосходно переплетенныхъ и замкнутыхъ въ щеголеватыхъ стекольчатыхъ шкафахъ.

— Это, сказалъ мнѣ монахъ, частная библіотека нашего милостивѣйшаго Инфанта Донъ Мигуэля, будущаго Государя Бразильскаго.

— А часто онъ здѣсь бываетъ?

— Никогда.

— Чему-же учится вашъ инфантъ?

— Что онъ сынъ короля, своего родителя.

— Не много-же!

— Очень-много; иные забываютъ объ этомъ!!

Изъ библіотеки отправился я въ музей. *Директоръ* (слово это и здѣсь и въ Португаліи теперь очень въ модѣ) показалъ мнѣ съ горделивымъ радушіемъ нѣсколько залъ сего обширнаго зданія, и выказалъ мнѣ повѣренныя ему сокровища. Когда я предложилъ ему нѣсколько экземпляровъ европейскихъ насѣкомыхъ и бабочекъ, недостававшихъ въ его собраніи, онъ великодушно поднесъ мнѣ на обмѣнъ множество мѣстныхъ *особей*, довольно рѣдкихъ даже и въ его бразильскихъ картонахъ: онъ готовъ былъ обидѣться, еслибы я продолжалъ упорствовать въ моемъ первоначальномъ отказѣ. Къ-сожалѣнію, я позабылъ имя этого скромнаго ученаго, у котораго иностранцы пользуются столь благосклоннымъ почотомъ, и котораго умная бесѣда есть истинная находка въ сей полудикой странѣ.

Подъ личнымъ покровительствомъ короля, предположено было учредить въ Бразиліи національный институтъ, на однихъ основаніяхъ съ институтомъ

Французскимъ. Многіе члены уже были назначены, а въ числѣ ихъ, нѣсколько ученыхъ и артистовъ парижскихъ. Одинъ изъ нихъ Г. Тонѐ (Taunay) живописецъ съ прекраснымъ дарованіемъ, *подобно древнимъ провозвѣстникамъ*, пріѣхалъ-было сюда проповѣдывать въ пустынѣ любовь къ изящнымъ искусствамъ. Лишенный бодрости и пристыженный безплодіемъ своихъ усилій, онъ удалился, вскорѣ потомъ, въ здѣшнія горы, къ подножію очаровательнаго водопада Тижукскаго (Tijuka), гдѣ дѣятельная и остроумная его кисть продолжаетъ надѣлять его родину заманчивыми изображеніями туземныхъ видовъ и характерическихъ мѣстностей, столь уважаемыхъ любителями подъ техническимъ названіемъ tableaux de genre.

Другой художникъ, скульпторъ по таланту, артистъ по душѣ и рѣзцу, обманутый въ своихъ надеждахъ, вскорѣ окончилъ здѣсь труженическую жизнь свою, ознаменованную успѣхами. Въ Бразиліи оцѣняли изваянія его по величинѣ ихъ объема, и я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, какъ даровитый этотъ ваятель, въ порывѣ негодованія, собственнымъ молоткомъ своимъ, готовъ былъ разбить въ дребезги превосходный бюстъ Камоэнса, за то, что изобразилъ поэта, согласно исторіи, кривоглазымъ, между-тѣмъ-какъ отъ него требовали, чтобы онъ представилъ его съ обоими глазами и такъ, чтобы одинъ глазъ непремѣнно соотвѣтствовалъ другому.

Въ Ріосскомъ Институтѣ не было еще ни одного засѣданія, и все умерло въ Бразиліи для людей съ талантомъ, предполагавшихъ здѣсь создать новый храмъ искусствъ, наукъ и художествъ. Не-ужели Бразилія не поймете никогда, что въ этомъ именно и заключается истинная народная слава?

Во всемъ Ріо не найдете вы ни одной картинной галереи, ни у старинныхъ дворянъ, ни у богатѣйшихъ вельможъ: только изрѣдка нѣсколько иллюминованныхъ гравюръ украшаютъ огромныя залы дворцовъ, и что̀ это за гравюры, великій Боже! Ромео, Павелъ и Виргинія, Кора, Амазилли, Атала и Шактасъ... Все это гонитъ васъ изъ города и заставляетъ прятаться въ вѣчные, окружающіе его лѣса.

Надо однакожъ кончить свое дѣло и довершить изслѣдованіе здѣшней столицы, готовой сдѣлаться прекраснымъ и цвѣтущимъ городомъ. Я пишу не похвальную рѣчь, а исторію.

Если Ріо-Жанейро не чествуетъ изящныхъ искусствъ, то за то городъ сей занимается спекуляціями и торговлею: всѣхъ пріѣзжающихъ сюда капиталистовъ принимаютъ въ Ріо-Жанейро, какъ людей, надѣляющихъ здѣшній край новыми богатствами.

Вотъ улица, гдѣ геній торговли водрузилъ свой владычественный *кадуцей*. Она называется Вальонскою; это настоящій базаръ, для всѣхъ открытый; сборное мѣсто всѣхъ богатствъ, безпрестанная и непрерывная ярмарка; родъ площади или форума, или стана — какъ угодно; это также и мѣсто размышленій... Войдемте: — Самъ *товаръ* здѣсь кричитъ, поетъ, реветъ, чтобы привлечь на себя вниманіе ваше; самъ служитъ себѣ вывѣскою, кокетничаетъ и охорашивается, не-смотря на отвратительность свою и нечистоту; товару этому наскучила его лавка, пренебреженіе ваше наводитъ на него грусть и думу, и если онъ не заслуживаетъ предпочтенія вашего, то, по крайности, заслужитъ ваше вниманіе.

Въ низменномъ, вонючемъ сараѣ вбито въ землю и прибито къ стѣнамъ нѣсколько чорныхъ и сальныхъ скамеекъ. На этихъ скамьяхъ усажены нагіе, совершенно нагіе, мужчины, женщины, дѣти, а иногда и старики, ожидающіе своихъ покупателей. Когда они появляются въ дверяхъ, весь этотъ гаремъ,

по знаку хозяина, вскакиваетъ, начинаетъ размахивать руками, зашевелится, закривляется, зареветъ свои дикія пѣсни, въ доказательство того, что у него есть легкія и что онъ чудесно понимаетъ, что̀ значитъ неволя. Горе тому, кто не старается выказать себя передъ товарищами! бичъ готовъ исполосовать его бедра и разбросать по воздуху клочки его чорнаго мяса.

Но я уже сказалъ вамъ, что каждый здѣсь мастерски вышколенъ и чудесно знаетъ свое дѣло.

Замолчимъ, однакоже; начинаются переговоры, заключается торгъ.

— Го! пстъ! сюда, какъ тебя...

И *что-то* встаетъ; это что-то — существо двуглазое, однолобое: у него есть своя часть мозга, свое сердце, какъ у васъ и у меня... виноватъ, ошибся: въ груди его пѣтъ сердца; но все прочее въ совершенной полнотѣ.

— Взгляните-ка на *это!* (Такъ говоритъ хозяинъ).

— *Это* не дурно.

— Впередъ!

И *это* идетъ впередъ.

— Бѣги теперь!

И *это* бѣжитъ не хуже андалузскаго рысака.

—Голову вверхъ! развертывайся! трепещи! смѣйся! кричи! показывай зубы!

— Хорошо, хорошо! а что̀ сто̀итъ?

— Шесть квадруплей.

— Возьми пять. А кстати: была-ли оспа?

— Разумѣется: посмотрите сами.

И подлинно, нѣсколько блѣдныхъ лоснящихся пятнышекъ, мѣстами испещряющихъ чернокожаго, свидѣтельствуютъ, по крайней-мѣрѣ, о томъ, что раскаленное желѣзо, прикасавшееся къ тѣлу чорнаго, оставило на немъ нѣсколько шрамовъ и ямочекъ, совершенно успокоивающихъ неопытнаго покупщика.

— Хорошо. Вотъ твои квадрупли.

Является новый покупатель — монахъ.

— Го! вставай теперь ты, выступай, прыгай! (Ну — точно, какъ въ первый разъ)!

— Не дурна̀, молода, зубы ослѣпительные; но...

— Милостивѣйшій государь! будьте покойны, я отвѣчаю вамъ, что...

— Три унціи золота требовалъ ты? вотъ они.

— И благословеніе ваше?

— Вотъ и оно!

— Гей! пойте вы, прочіе!

Пѣсня струится каскадомъ, два покупщика выходятъ, подталкивая ногой свое пріобрѣтеніе. Хозяинъ прячетъ свое золото въ кожаную мошну и становится опять въ дверяхъ — зазывать новыхъ охотниковъ: вотъ вамъ, въ миніатюрѣ, рынокъ негровъ въ Бразиліи.

Завтра по-утру идете вы въ церковь, и увидите на колѣняхъ, предъ главнымъ алтаремъ, двухъ негровъ, одѣтыхъ въ бѣлыя кисейныя туники, перетянутыхъ поясомъ изъ розовыхъ или голубыхъ лентъ, съ цвѣтами на головахъ... Выступаетъ священникъ, молча спрыскиваетъ обѣ головы нѣсколькими каплями воды, и, ухмыляясь, уходитъ; два негра окрещены... ни больше, ни меньше. Въ странѣ, о которой я вамъ разсказываю, бытъ негровъ-невольниковъ самый жалкій изъ цѣлаго міра; работа здѣсь самая тяжкая, наказанія самыя жестокія: чуть-чуть не сказалъ я — самыя безчеловѣчныя. А между тѣмъ, въ Санъ-Доминго, Мартиникѣ, Иль-де-Франсѣ и Бурбонѣ кричали гораздо-болѣе, оттого именно, что тамъ негры не разъ бунтовали. Въ одной только Бразиліи невольники безмолвны, спокойны, подъ узловатымъ бичомъ. Они не понимаютъ еще, что чѣмъ страна обширнѣе и обильнѣе пустынями, тѣмъ она способнѣе для искателя свободы. Но пробѣй и для здѣшняго края часъ мести, исторгнись

изъ одной сильной груди негра крикъ ненависти и смерти, и Бразилія можетъ точно также, какъ и другія колоніи, огласиться своими воплями Варѳоломеевской-ночи или Сицилійскихъ-вечерень.

Между-тѣмъ посмотрите на этого человѣка, который идетъ мимо съ желѣзнымъ кольцомъ, къ которому прикрѣплена вертикально шпага изъ того-же металла. Кольцо это плотно охватываетъ шею прохожаго: это невольникъ, который хотѣлъ убѣжать и котораго хозяинъ выказываетъ его бродягою! Все это въ порядкѣ!

Вотъ и другой, котораго лицо покрыто желѣзною маскою; въ ней пробито два отверзтія для глазъ; маска эта заперта сзади крѣпкимъ замкомъ. Несчастный грызъ землю и камни, когда не въ-силахъ былъ сносить бичеваній: онъ искупитъ вину своего самоубійства подъ бичомъ.

Еще одинъ (я самъ его видѣлъ, самъ слышалъ его), привязанный къ лѣстницѣ, выдержалъ полсотни батаговъ, изъ которыхъ самый легкій вырывалъ у него клокъ кожи. Ни одна жалоба не измѣнила ему подъ наказаніемъ, ни одинъ вопль не вырвался въ обвиненіе его палачей. Когда приговоръ былъ исполненъ, негръ протянулъ руки, зѣвнулъ, какъ-бы пробужденный отъ спокойнаго сна, и сказалъ, улыбаясь: «Признаюсь, я никакъ не могъ заснуть!»

Вотъ и четвертый: онъ громко считаетъ удары, имъ получаемые, и въ заключеніе пересчитываетъ ихъ еще разъ, какъ-бы не вѣря существованію пытки!

И всѣ эти люди — невольники!

Въ Ріо считается до 130,000 жителей, пять шестыхъ—купленные невольники; покупщики ихъ тоже товаръ продажный.

Благородный Бразилецъ ѣхалъ верхомъ на лошади по узкой дорогѣ, но такой однако-же, на которой могли разъѣхаться два экипажа. Невольникъ, завидя его издали, спѣшитъ почтительно посторониться.

— Перепрыгни за канаву!

— Вашей милости мѣста довольно.

— Скачи, говорю тебѣ.

— Неужели мнѣ сломить ногу?

— Что? ты не хочешь перескочить?

И вотъ великій, благородный сеньйоръ, человѣкъ — однимъ словомъ — слезаетъ съ коня и хлещетъ бичомъ своимъ по лицу другаго человѣка, — виноватъ — не человѣка, а негра, невольника, животнаго. Приведенное въ бѣшенство, это *животное* бросается на *человѣка* — зачинщика, и клеймитъ щоку его одною изъ тѣхъ полповѣсныхъ оплеухъ, которыми мщеніе или презрѣніе опозориваетъ подлеца или грубіяна. Потомъ перепрыгиваетъ за канаву и исчезаетъ въ плантаціи сахарнаго тростника. Бѣлый Бразилецъ возвращается въ свои палаты, съ окровавленной скулою; черный возвращается въ домъ своего помѣщика, котораго онъ былъ любимцемъ, и разсказываетъ ему, что, вздумавъ разнять двухъ дравшихся невольниковъ, получилъ отъ одного изъ нихъ нѣсколько ударовъ хлыстомъ, глубоко искрестившихъ его лицо.

Мѣсяцъ спустя, передъ самымъ дворцомъ, пришедшій за водой негръ съ бадьею на плечѣ, ожидалъ своей очереди у водоема. Двое бразильскихъ господъ проходятъ мимо въ молчаніи, какъ то въ обычаѣ у здѣшнихъ гуляльщиковъ.

— Прощайте, маркизъ.

— До свиданія, виконтъ.

Нѣсколько минутъ спустя, одинъ изъ этихъ вельможныхъ гостей стучится у дверей одного столяра.

— Ты хозяинъ этого дома?

— Да, ваше велемочіе.

— Къ тебѣ вошолъ негръ; не твой-ли онъ?

— Не тотъ-ли, что принесъ воду?

— Онъ самый : а знаешь-ли ты, что это молодецъ хоть-куда?

— Мало этого, сеньйоръ; онъ моя правая рука: вѣренъ, честенъ, онъ надзираетъ у меня за дѣтьми и я покоенъ.

— А мнѣ хотѣлось-бы его купить у тебя.

— Онъ не продажный, хотябъ вы мнѣ дали за него пятьдесятъ квадруплей.

— А если-бы я предложилъ тебѣ вдвое?

— Все таки-бы не продалъ.

— Полтораста.

— Никакъ.

— Если такъ, — не возмешь-ли трехъ сотъ?

— Послушайте сударь : вы мнѣ предлагаете цѣлое состояніе, больше моего собственнаго... согласенъ.

— Стало-быть мы сторговались?

— Сторговались.

— Клянись Евангеліемъ.

— Клянусь.

— Иди-же за деньгами, и подай мнѣ моего негра.

Столяръ кличитъ негра Байбэ.

— Ты больше не мой, говоритъ онъ ему : вотъ твой господинъ; онъ купилъ тебя. Байбэ взглядываетъ на своего новаго хозяина, опускаетъ голову, скрещаетъ на груди руки, и, идучи за нимъ, шепчетъ :

— Завтра, я буду *ничей!*

На завтра, столяръ, вымѣтая пыль изъ дому, видитъ передъ дверьми своими трупъ. Байбэ точно *ничей*. Бичъ благороднаго сеньйора освободилъ его на-вѣки. Сеньйора этого зовутъ Азеведо; слышите-ли, читатели — Азеведо?.. Я сказалъ ему однажды въ-глаза мое мнѣніе объ его поступкѣ, и записываю его... потому-что я... не продажный невольникъ!

И что-же! все, что я ни разсказывалъ вамъ про бѣлыхъ и чорныхъ, все это происходитъ подъ скипетромъ добрѣйшаго государя, Іоанна VI, родителя Инфантовъ Д. Педро и Д. Мигуэля!

Но дослушайте : вотъ вамъ еще хорошенькая исторійка, которую не мѣшаетъ разсказать.

Въ Прямой улицѣ, жилъ былъ одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, обогатившійся съ изумительною скоростію. Множество чорныхъ невольниковъ, которыхъ онъ обучилъ своему мастерству, пріобрѣли въ немъ такую славную ловкость и знаніе дѣла, что могли соперничать съ лучшими нашими брильянщиками; за то покупатели явились къ нему толпами, а съ ними вмѣстѣ и ихъ квадрупли. Число этихъ невольниковъ прибывало съ каждымъ новымъ годомъ, и всѣ, послѣ тяжкой науки, въ которой плеть была главнѣйшимъ наставникомъ, привязывались къ дому хозяина.

Только одинъ бѣднякъ Галубахъ, молодой, плосколобый, девятнадцатилѣтній Мозамбикецъ, съ дугообразными ногами, съ руками широкими, какъ лопата, не могъ понять никакъ употребленія ни одного искусственнаго орудія, а тѣмъ еще менѣе цѣну украшеній. Ременная плеть была безсильна противъ этого грубаго смысла, который хотѣлъ, но не могъ принять ни одного луча наружнаго свѣта. Утомленный и раздосадованный хозяинъ рѣшился прибѣгнуть къ другому средству : каждое утро призывалъ онъ къ себѣ этого несчастнаго; завинтивъ въ тиски его пальцы, онъ оскаблivалъ ихъ напилкомъ : душа разрывалась отъ криковъ сего страдальца. Обвернувъ руку свою старой тряпицей, бѣдный невольникъ садился у воротъ хозяйскаго дома и зазывалъ, по приказу господина своего, всѣхъ нерѣшительныхъ покупщиковъ; съ каждымъ днемъ истерзанные пальцы несчастнаго дѣлались короче, а боль въ нихъ ужаснѣе. Пытка эта продолжалась уже съ мѣсяцъ, безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ малѣйшей жалобы со стороны Галубаха. Стра-

дать и страдать!.. ему казалось это назначеніемъ его жизни, и онъ безмолвно и терпѣливо выжидалъ будущаго. Часъ операціи наступилъ и тиски уже оскаливали свои зубья.

— Гей! сюда, крикнулъ хозяинъ.

Галубахъ подошолъ и сталъ развязывать истерзанную свою руку.

— Нѣтъ, не эту, а другую.

— О! сеньйоръ!..

— Другую, говорю я!

— Умилосердитесь, сжальтесь!..

Невольникъ упалъ на колѣни, и въ первый разъ всѣ члены его затрепетали, сквозь кровавыя слезы глазъ его, сыпались искры.

— Ужъ не плачешь-ли ты? спросилъ хозяинъ, толкнувъ его ногою.

— Нѣтъ, не плачу, вскричалъ невольникъ, вставъ внѣ себя : а убиваю!

Онъ бросился на напилокъ, столь жестоко его изувѣчившій, схватилъ его, поднялъ и вонзилъ въ глазъ безчеловѣчнаго своего хозяина : острый напилокъ пробилъ ему голову насквозь и вышелъ окровавленный изъ затылка.

Ни одинъ негръ не пошевельнулся; ни одна рука не подвиглась на сопротивленіе мстителю.

Галубахъ мелькнулъ молніею за двери и пустился по дорогѣ къ замку Св. Христофора. Прибѣжавъ на большой дворъ королевскихъ чертоговъ, онъ бросился на колѣни и закричалъ :

— Пощадите, пощадите, пощадите!

Король, бывшій тогда на балконѣ, услышалъ вопль и велѣлъ одному изъ камергеровъ своихъ подозвать къ себѣ негра. Почти ползкомъ дотащился онъ по ступенямъ лѣстницы къ монаршимъ стопамъ.

— Чего ты требуешь? спросилъ его Іоаннъ VI.

— Пощады!

— Но что же ты сдѣлалъ?

— Убилъ человѣка.

— Несчастный! за что-же?

— Взгляните сами.

И негръ развязалъ свою истерзанную руку.

— Сейчасъ-же перевяжите раны этого человѣка и представьте его ко мнѣ.

— Откуда ты?

— Изъ Прямой улицы.

— У кого ты тамъ жилъ?

— У золотыхъ дѣлъ мастера Р***.

— Что-же ты ему сдѣлалъ?

— Ничего. Я былъ неловокъ, и за это — вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ онъ опиливалъ мнѣ пальцы на лѣвой рукѣ. Сегодня вздумалъ было опиливать ихъ и на правой... Я убилъ его.

— Пошлите за свидѣтелями, сказалъ Король.

Отправленный экипажъ воротился вскорѣ въ замокъ Св. Христофора съ нѣсколькими невольниками убитаго мастера; всѣ, единогласно, оправдываютъ негра; всѣ говорятъ съ негодованіемъ о свирѣпости своего хозяина.

— Довольно, сказалъ Монархъ. Есть-ли у этого хозяина жена или дѣти?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше. Какъ зовутъ тебя?

— Галубахъ.

— Галубагъ, продолжаетъ Іоаннъ VI: эти негры и всѣ другіе, оставшіеся въ хозяйской мастерской, теперь твои : я отдаю ихъ тебѣ; богатства твоего нечестиваго хозяина — дарю я тоже тебѣ; ступай, будь справедливъ, никогда не свирѣпствуй и помни, какъ ты самъ наказалъ безчеловѣчнаго.

Я часто видалъ Галубаха во-время прогулокъ моихъ по Прямой улицѣ; любовь и признательность невольниковъ окружаетъ его; онъ управляетъ ими безъ помощи бича; спитъ съ ними и между ними; ежегодно освобождаетъ по одному изъ лучшихъ своихъ рабочихъ, отличившемуся передъ другими трудолюбіемъ и честностію... Послѣ

вытерпѣнныхъ имъ мукъ, можетъ-ли онъ не быть человѣколюбивымъ?

Въ другой разъ Король, проѣзжая по улицѣ брильянщиковъ, приказалъ остановиться передъ магазиномъ, откуда послышались ему жалобные вопли.

— Позовите ко мнѣ хозяина дома, сказалъ онъ двумъ работавшимъ неграмъ.

— Сейчасъ, Государь.

Вышедшій хозяинъ падаетъ на колѣна.

— Что это за крики?

— Крики невольницы, которую я велѣлъ высѣчь.

— За что?

— За покражу нѣсколькихъ кусковъ сахару.

— Къ скольким ударамъ приговорилъ ты ее?

— Къ полутораста ударамъ.

— Сколько ихъ отсчитано?

— Восемдесятъ два.

— Прости ей остальные.

— Воля Вашего Величества будетъ исполнена.

— Благодарю тебя.

И карета поѣхала далѣе. На поворотѣ въ другую улицу, Король, усомнясь въ добросовѣстности купца, приказалъ одному изъ свиты своей удостовѣриться, точно-ли исполнена была его воля. Жалобные вопли все еще продолжались. Іоаннъ VI воротился назадъ, вытребовалъ къ себѣ хозяина и невольницу.

— Ты свободна, сказалъ онъ молоденькой негритянкѣ, совершенно избитой и истерзанной бичами: благословляй удары, полученные тобою. А ты, негодный, осмѣлившійся такъ подло обмануть меня, благодари за то, что я, наказывая тебя, ограничился однимъ освобожденіемъ изувѣченной тобою невольницы...

Таковъ Іоаннъ VI, благородный, великодушный, истинный король — человѣкъ. Посудите теперь о немъ въ другомъ случаѣ.

На кунеческомъ суднѣ, плывшемъ въ Бахію, взбунтовался экипажъ и правитъ къ берегу; шкиперъ, лейтенантъ его и суперкарго выброшены за бортъ; матрозы распродаютъ обманомъ весь грузъ, состоявшій изъ негровъ, невольниковъ и освобожденныхъ. Преступленіе виновныхъ доказано; всѣ они пересланы въ Ріо-Жанейро и приговорены къ висѣлицѣ.

Въ день исполненія приговора, его представляютъ на утвержденіе Короля; но монархъ сей отказывается конфирмовать его, подъ тѣмъ предлогомъ, что если узнаютъ въ Европѣ о томъ, что въ Ріо повѣсятъ въ одинъ день осмерыхъ преступниковъ, то могутъ подумать, что вся Бразилія населена одними извергами.

— Но такъ какъ примѣръ казни злодѣевъ необходимъ, продолжаетъ Король: то я вычеркиваю четыре имени, и пусть четверо остальныхъ преступниковъ расплатятся за всѣхъ.

Сказавъ это, Король берется за перо, и, готовясь подписать приговоръ, еще разъ одумывается и добавляетъ:

— Отчего-же четверо? развѣ недовольно и двоихъ?.. да, да, вычеркнемъ еще двухъ изъ списка... но, теперь, кто завѣритъ, что эти двое виноватѣе прочихъ? Не справедливѣе-ли будетъ, продолжаетъ онъ, если я помилую и этихъ? Конечно, помилуемъ лучше всѣхъ и сошлемъ ихъ въ Президіи...

Однажды, принесли новую сентенцію къ подписанію того-же монарха.

— Государь, умилосердитесь! воскликнулъ у ногъ его человѣкъ, называвшійся Пріоромъ-милосердія: именемъ души вашей и душъ родителей вашихъ, молю васъ о пощадѣ!

Осужденный былъ схваченъ въ то время, когда онъ упивался кровію своей жертвы, священника, уже однажды по-

милованный за убійство беременной женщины...

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Графъ досъ Аркосъ : не давайте пощады, Государь... Извергъ этотъ совершилъ ужасное преступленіе...

— Только одно, воскликнулъ король: но развѣ это уже не второе?

— Нѣтъ, Государь, только одно : въ другомъ виноваты вы; вамъ не слѣдовало щадить такого злодѣя.

Негра повѣсили, и Графъ досъ Аркосъ остался по прежнему въ милости у своего монарха.

Не слѣдуетъ-ли мнѣ здѣсь сознаться, что земляки мои, поселившіеся въ Бразиліи, не уступаютъ въ безчеловѣчіи туземцамъ?

Я самъ былъ не разъ свидѣтелемъ, какъ прелестныя и свѣженькія модистки наши Оувидорской улицы, собственными своими ручками истязали своихъ невольницъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ихъ страданія и умоляющіе вопли. Извините меня, сударыни, если я предаю и васъ публичному осужденію : довольно съ васъ и того, что не называю васъ.

Англичане человѣколюбивѣе всѣхъ обращаются съ своими невольниками, и здѣсь не рѣдко случалось, что когда плантажистъ Англичанинъ, въ награду за усердіе и преданность къ себѣ, давалъ свободу невольнику, то невольникъ его отказывался отъ свободы.

Гуляя по городу, я зашолъ однажды на площадь Росіо, на которой выстроенъ королевскій театръ. Читаю на афишѣ : *Заира*; комедія, три интермедіи, и *Психея*, балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ великолѣпнымъ спектаклемъ. — Прекрасно! будетъ чѣмъ потѣшиться за мои деньги... О Вольтеръ! прости своего каррикатурнаго переводчика!.. На Оросманѣ чалма, увѣнчанная двадцатью-пятью или тридцатью разноцвѣтными перьями; за поясомъ у него двѣ огромныя часовыя цѣпочки, болтающіяся до полулядвеи; чудовищныя подвѣски ихъ производятъ шумъ, подобный брякотнѣ цѣлой связки ключей какой-нибудь монастырской привратницы. Исполинскія запястья украшаютъ обѣ жилистыя его руки; прелестныя, щеголеватыя бакенбардики, оттѣняя его щоки, ласкаются съ двумя уголками его устъ. Кусокъ матеріи, накинутый ему на плечи, не похожъ ни на плащъ, ни на казакинъ, ни на дорожную епанчу, ни на англійскій *пальто*; въ немъ есть, однако-же, кое-что изъ всѣхъ четырехъ родовъ этой верхней одежды, но ему нѣтъ имени ни на какомъ языкѣ. Это, просто, пугало кисти любаго смѣльчака каррикатурщика. Орозманъ этотъ говоритъ и размахиваетъ руками. — Отведите меня скорѣй на галеры!

Вотъ и Заира, Нерестанъ, Шатильонъ, Лузиньянъ : всѣ они поклялись осмѣять великаго поэта... въ ложахъ раздаются рукоплесканія... Чего-же лучше? И я туда-же за ложами: — Браво, брависсимо!—Къ чему выставлять себя? За трагедіей слѣдуетъ комедія и фарсы... По-моему, фарсъ былъ уже сыгранъ.

Г. и г-жа Туссень, парижскіе танцовщики, бѣжавшіе съ театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ, здѣсь — первые сюжеты; они пользуются всевозможными успѣхами, женщина въ особенности пріобрѣла здѣсь право на заслуженыя похвалы. Но кромѣ ихъ здѣсь есть еще одна молоденькая Испаночка, съ строгимъ челомъ, съ тоненькимъ и гибкимъ станомъ, какъ бамбуковый стебелекъ, которой-бы, клянусь вамъ, позавидовалъ и самъ Парижъ. Если вѣрить слухамъ, она превыше всѣхъ обольщеній : никакая діадема не въ состояніи ослѣпить ее. По всему видно, что сеньйора Долоресъ прибыла сюда не со сцены Парижской-Оперы.

Второй актъ балета «Психея» происходитъ въ пасти Цербера, и смѣю увѣ-

рить васъ, все это чрезвычайно-любопытно. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ: мнѣ лучше нравятся наши канатные плясуны.

Имена Эсхила, Софокла, Еврипида начертаны на занавѣсѣ аванъ-сцены: вотъ все, что̀ есть изъ Эсхила, Софокла и Еврипида на театрѣ ріоскомъ.

Какъ ни суди, а въ Бразиліи только два сословія людей — то́, которое бьетъ, и то́, котораго бьютъ. Первое могущественнѣе другаго, ибо пользуется нравственной силой, и по тому еще, что гораздо его предусмотрительнѣе: раздѣливъ рабовъ своихъ на категоріи, оно перемѣшало невольниковъ своихъ Ангольцевъ съ Кафрами и Мозамбикцами, заклятыми врагами между собою. Этой-то мѣрѣ предосторожности обязано спокойствіемъ своимъ Королевство Бразильское, едва-ли не обширнѣйшее всей Европы.

Но уменьшись когда-нибудь или исчезни эта взаимная ненависть чорныхъ кастъ, кто поручится — что̀ будетъ съ Бразиліею и съ ея изнѣженными обитателями, когда пробужденная месть и любовь къ свободѣ пройдутъ по этой странѣ, вооруженныя огнемъ и мечомъ? Для возмутившагося негра пощада не существуетъ; попадись онъ въ плѣнъ, его ожидаетъ вѣрная смерть; онъ знаетъ это, стало-быть, ему придется убивать, чтобы не быть убитымъ.

Трикратное горе грозитъ Бразиліи, если только раздастся набатъ, съ одной колокольни ея на другую, отъ полудикихъ мѣстечекъ, до царственныхъ городовъ!

О! не говорите мнѣ, будто-бы негръ родился для рабства, будто-бы одной угрозы и боли довольно, чтобы удержать его въ повиновеніи и вѣрности къ своему господину. Не увѣряйте меня, будто-бы ему не знакомы ни дружба, ни любовь, ни уваженіе, ни самопожертвованіе, — вы солжете передъ лицомъ своей совѣсти; оба мы съ вами знаемъ и понимаемъ, чего можно ожидать отъ этихъ желѣзныхъ людей подъ ихъ гебеновой кожей, когда всѣмъ извѣстно, до какой степени каждое благодѣяніе врѣзывается въ ихъ память. И здѣсь, точно также, какъ на островахъ Бурбонѣ и Иль-де-Франсѣ, какъ въ Столовой-Губѣ (на Мысѣ Доброй Надежды), какъ въ Индіи, я не рѣдко странствовалъ подъ прикрытіемъ однихъ этихъ людей, которыхъ такъ часто называютъ подлецами, измѣнниками, коноводами: и что̀-же? ни въ одномъ изъ многолѣтнихъ походовъ моихъ не имѣлъ я нужды прибѣгать къ наказанію, именно отъ-того, что я ни разу не показалъ имъ, что опасаюсь ихъ. Надежнѣйшая защита колонистовъ заключается въ человѣколюбіи ихъ, но многіе-ли постигли это?

Тѣ изъ нихъ, которые не чужды еще угрызеній совѣсти, и стараются оправдать жесткость своихъ взысканій съ невольниковъ, обвиняютъ не столько сердце этихъ людей, чѣмъ ихъ смышленость. Странное извиненіе въ виду ежедневныхъ событій, обличающихъ несправедливость побочной ихъ философіи, этого порожденія эгоизма ихъ и боязни!

Бразилія считаетъ въ числѣ своихъ епископовъ одного ангольскаго уроженца, доказавшаго на-дѣлѣ и свои высокія дарованія, и свою тысячекратно-испытанную добродѣтель; епископъ сей причтенъ былъ къ лику святыхъ римско-католической церкви и позлащенное изваяніе его стоитъ еще и теперь въ ріоской королевской капеллѣ.

Ученики изъ негровъ, съ небольшими изъятіями, почти всѣ чрезвычайноловки, и превращаются весьма-скоро въ отличныхъ искусниковъ и ремесленниковъ; ничему однакожъ не выучиваются они такъ скоро, какъ чужеземнымъ языкамъ; довольно — часто встрѣчаются негры, говорящіе весьма-правильно на четырехъ или пяти

разныхъ нарѣчіяхъ. Я самъ зналъ одного негра, г. Тилье, если не ошибаюсь, который былъ корреспондентомъ Французскаго-Института и которому обязаны мы едва-ли не лучшими морскими картами острововъ Бурбона, Иль-де-Франса и Мадагаскара.

Какихъ-же вамъ лучше доказательствъ въ защиту моего мнѣнія? — Но тамъ, гдѣ звѣрство повелѣваетъ, гдѣ жестокость караетъ, — разсудокъ безсиленъ надъ палачами. Сколькимъ-же вѣкамъ варварства еще нужно протечь, чтобы человѣчество возвратило свои утраченныя права?

Въ одной Бразиліи вдвое больше духовныхъ, чѣмъ въ Испаніи и Португаліи, вмѣстѣ взятыхъ. Щеголеватость костюма ихъ ослѣпляетъ взоры: низкіе соблазнители, они не рѣдко втираются въ семейства и вносятъ туда безпорядки и развратъ. Повѣрите-ли, если я вамъ скажу, что одна молодая женщина, бывшая наложницею недавно умершаго каноника, не устыдилась публично бить челомъ о его наслѣдствѣ и выиграла свой процессъ въ трибуналѣ юстиціи? Такіе случаи здѣсь довольно-часты.

Что сказать вамъ о здѣшнихъ процессіяхъ и обрядахъ? Народъ толпится, толкается по всѣмъ площадямъ, самымъ неприличнымъ образомъ, безъ всякаго благоговѣнія, оглашая воздухъ бѣшеными звѣрскими криками, какъ на воловьихъ бояхъ... Передъ нимъ тянется цѣлый строй монаховъ, сѣрыхъ, бѣлыхъ, черныхъ; ряды капуциновъ, обутыхъ и разутыхъ, множество огромныхъ изображеній и изваяній предметовъ вѣрованія, едва сдерживаемыхъ могучими плечами носильщиковъ; тьма людей въ маскахъ, какъ-бы пародирующихъ священнѣйшія событія; цѣлые сонмы набожныхъ дѣвъ, отирающихъ лики изваяній угодниковъ, цѣлое страданіе Св. Лаврентія, въ лицахъ, съ рѣшоткою, на которой онъ былъ сожженъ; люди, одѣтые Св. Винцентіемъ, съ крестомъ, на которомъ онъ замученъ; Св. Маргаритою, съ зубчатымъ колесомъ, на которомъ она испустила духъ; и въ заключеніе всего—разныя мистеріи римскаго католицизма, представленныя въ видахъ самыхъ непристойныхъ! Сердце сжимается при такомъ злоупотребленіи народнаго вѣрованія, и въ душѣ возникаетъ невольный вопросъ, долго-ли будетъ кощунство нѣсколькихъ ругаться надъ благочестіемъ многихъ? *)

Приведемъ еще нѣсколько фактовъ, чтобы придать разсказу нашему болѣе логической силы.

Одинъ бразильскій патеръ, довольно-долго морочившій легковѣрныхъ своихъ прихожанъ, передъ которыми огласились только двѣ или три сердечныя связи, увидѣлъ себя соперникомъ нѣкоего Фехтмейстера Монье, съ которымъ я, послѣ, гдѣ-то столкнулся. Не смѣя, трусости-ради, напасть явно на своего соперника, патеръ рѣшился сбыть его съ рукъ кинжаломъ убійцы. Пока Монье заходилъ къ одному купцу на улицѣ Брильянщиковъ, неистовый ревнивецъ подзываетъ къ себѣ одного посвистывавшаго негра.

— Хочешь-ли ты заслужить нѣсколько крузадъ?

— Охотно, сеньйоръ.

— Въ этотъ домъ вошолъ высокій и статный мужчина во французской шляпѣ и синемъ фракѣ; ты понимаешь?

— Понимаю.

— Коль-скоро онъ выйдетъ оттуда, ты бросишься на него и поразишь его ножомъ.

---

*) Если все это говоритъ природный римскій католикъ, то какъ-же намъ, не осуждая никого, въ свою очередь не порадоваться, что православное исповѣданіе наше, уклонясь отъ всѣхъ побочныхъ излишествъ, такъ христіански сближаетъ насъ съ истинами Божіими, и тѣмъ самымъ заставляетъ насъ благоговѣть предъ ихъ святынею?

Пр. Перев.

— У меня нѣтъ ножа.

— Возьми, — лезвіе превосходное!

— А мои шесть крузадъ?

— Когда кончишь дѣло: я подожду тебя.

По-сказанному, какъ по-писанному, чернякъ нашъ прячется за уголъ въ засаду. Человѣкъ высокаго роста выходитъ изъ указаннаго магазина, и въ ту-же минуту его берутъ за горло и вонзаютъ ему ножъ прямо въ сердце: человѣкъ тутъ-же и умираетъ. Убійца спѣшитъ къ своему патеру, для полученія *заработанныхъ* денегъ.

— Мерзавецъ, говоритъ ему *подрядчикъ* убійствъ; ты ошибся: человѣкъ, котораго ты убилъ, не тотъ, на котораго я указалъ тебѣ, убирайся: я не дамъ тебѣ ничего!

Взбѣшонный негръ объявилъ о себѣ собравшейся толпѣ, и донесъ на своего соблазнителя. Ихъ обоихъ схватили и предали суду. Негра осудили на *вѣчную каторгу* въ рудники; а патера приговорили... къ *двухъ-недѣльной ссылкѣ* на восхитительный островокъ, служащій украшеніемъ ріоскому рейду...

Если-бы кто осмѣлился приговорить здѣсь къ смерти какого-нибудь патера, тотъ, вѣрно-бы, возмутилъ противъ себя все Бразильское Королевство. Суевѣріе здѣсь сильнѣе законовъ.

Но я не кончилъ еще.

Монахъ, извѣстный во всей Бразиліи своими изступленными проповѣдями и блистательными успѣхами въ дѣлахъ вовсе *недуховныхъ*, сходилъ однажды съ паперти, осажденной множествомъ женщинъ, гдѣ звучный голосъ его только-что отгремѣлъ противъ равнодушія нѣкоторыхъ къ духовнымъ обрядамъ. Каждый, припавъ къ ногамъ его, торопился прильнуть губами къ его протянутой рукѣ. Подхваченный толпою, я скоро очутился въ возможности воспользоваться этимъ преимуществомъ, до котораго я, впрочемъ, не добивался. Рука всѣмъ любезнаго патера протянулась и ко мнѣ; но мнѣ не разсудилось за благо поцѣловать ее, и я отворотился. Это движеніе до того озлобило бѣшеную толпу, что она, конечно, разорвала-бы меня въ клочки, если-бы меня не спасъ отъ ея неистовства добрый пріятель мой Маркизъ де Са***: довольно-грубо втолкнувъ меня въ свой домъ, онъ обѣщалъ толпѣ этихъ изувѣровъ, что я завтраже буду преданъ суду и получу достойное наказаніе.

Невѣжество и фанатизмъ всегда были зиждителями рабства.

VIII.

РІО-ЖАНЕЙРО.

Вильеганьйонъ. — Брильянтовый жезлъ. — Дуэль между Паулистомъ и наполеоновскимъ Полковникомъ.

Не-смотря на плохое состояніе своихъ укрѣпленій, Ріо-Жанейро можетъ почесться военнымъ городомъ; самая мѣстность этихъ укрѣпленій обезпечиваетъ уже столицу Бразиліи отъ всякаго внезапнаго нападенія. Гулетъ защищаютъ два форта Лагэ (Lage) и Св. Креста (Santa Cruz), ощетиненные рядомъ пушекъ, которыхъ перекрестный огонь крайне затруднитъ проходъ непріятельскаго флота. Миновавъ гулетъ, вы столкнетесь съ новою цитаделью — фортомъ Вильеганьйонъ. Этимъ именемъ онъ обязанъ геройскому подвигу молодаго Баска, осмѣлившагося заклеймить позоромъ одну неслыханную жестокость.

Поссорясь за что-то съ Бразильцами, экипажъ одного Баіонскаго корабля, недавно прибывшаго въ Ріо, былъ окруженъ, захваченъ въ полонъ и сосланъ на одинъ маленькой островокъ, гдѣ теперь выстроена упомянутая мною цитадель. Начался уголовный процесъ, и все баскіе матросы осуждены были на смерть и перевѣшаны, *не какъ Французы*, гласилъ приговоръ, *а какъ еретики*.

При извѣстіи объ этомъ безчеловѣчіи, Вильеганьйонъ, дворянинъ баіонскій, обратился съ просьбою о возмездіи къ французскому королю. Не всѣ короли однакоже берутъ къ сердцу обиды подданныхъ; иные даже позабываютъ объ нихъ. Наскуча напрасно жаловаться, Вильеганьйонъ, собираетъ у себя въ домѣ нѣсколькихъ друзей и передаетъ имъ свое великодушное негодованіе.

— Идете-ли въ походъ со мною? спросилъ онъ своихъ пріятелей: кровь братій нашихъ зоветъ насъ въ Бразилію, — готовы-ли вы? Я вооружаю бригъ, и иду.

— Всѣ съ тобою! вскричали его товарищи.

— Такъ завтра-же и въ походъ!

— Завтра!

Вильегальйонъ переплываетъ Атлантику, останавливается передъ самымъ Ріо, какъ волкъ, жадно стерегущій свою добычу; онъ проникаетъ въ рейдъ, и выстрѣлъ за выстрѣломъ салютуетъ гулетъ. Потомъ внимательно и нетерпѣливо подходитъ на кабельтовъ къ тому островку, гдѣ принесены были въ жертву его товарищи. Наступаетъ ночь.

— Къ оружію! говоритъ онъ храбрецамъ своимъ, удалымъ товарищамъ: къ оружію! Вотъ военный бразильскій бригъ; вѣроятно, экипажъ его многочисленъ; но намъ-ли его пугаться? Всѣ гребныя суда на воду! а бригъ — на абордажъ!

— На абордажъ!

Веслы на водѣ, удалые гребутъ во всю мочь, и легкія суда ихъ скользятъ къ бразильскому бригу.

— Отваливай! кричатъ имъ оттуда.

—Успѣемъ, отвѣчаетъ Вильеганьйонъ, стоя на рулѣ перваго барказа.

— Отваливай!

И крикъ смущенія пролетаетъ по бричнымъ палубамъ.

Но Вильегальйонъ и его головорѣзы уже сцѣпились; безмолвно кидаются они въ порты и на русленя; пистолеты молчатъ; но удары сыплются градомъ: нападающіе ниспровергаютъ все, рубятъ, колятъ и убиваютъ всѣхъ, саблями, пиками, топорами. Это не сраженіе, а просто — бойня, рѣзня.

—Не перебейте всѣхъ, кричитъ Вильеганьйонъ, весь облитый кровью: вяжите остальныхъ и скорѣе на берегъ!

Приказъ исполненъ. Десятеро бразильскихъ матросовъ свезены на островской берегъ; всѣ осуждены и перевѣшены. Вильеганьйонъ велитъ прибить на висѣлицахъ слѣдующую краткую надпись: *Повѣшены не какъ еретики, а какъ убійцы!*

Вильеганьйонъ возвращается на свое судно; береговой вѣтеръ способствуетъ его отплытію; якорный канатъ перерубленъ; бригъ распускаетъ паруса и уходитъ. Но въ серединѣ гулета, его застигаетъ штиль; чтобъ не удариться о берегъ, онъ опускаетъ запасный якорь. Но сигналъ уже поданъ въ гавани и въ городѣ. Поставленныя висѣлицы разгласили уже о неслыханномъ подвигѣ Виллеганьйона; тысячи военныхъ гребныхъ судовъ бороздятъ уже рейдъ, и баіонскій бригъ, окружонный ими, приглашается къ сдачѣ. Вильеганьйонъ отвѣчаетъ ружейнымъ огнемъ и картечью; завязывается отчаяннѣйшій бой; многолюдство одолѣваетъ храбрость.

Всѣ товарищи Вильеганьйона пали съ оружіемъ въ рукахъ: онъ одинъ, котораго велѣли щадить, одинъ онъ, весь пробитый ударами и распростертый на палубѣ, возвращается къ жизни. Его запираютъ въ подземную, смрадную тюрьму, живую могилу, нарочно для него выкопанную на островѣ его кроваваго возмездія, и несчастный кончаетъ жизнь въ ужаснѣйшихъ истязаніяхъ...

Фортъ Вильеганьйонъ такъ былъ названъ въ память храбраго баіонскаго дворянина, за котораго тогдашняя французская политика не посмѣла даже отмстить...

Надъ островами Крысьимъ и Змѣинымъ господствуютъ также крѣпкія баттареи, которыя не легко сбить, а въ самомъ углубленіи рейда, на о. Губернатора, величиною съ островъ Св. Елены, возвышаются другія баттареи, заслоняющія великолѣпный берегъ, ихъ окружающій.

Дюгэ-Труэнь, непріязненно вошедшій на всѣхъ парусахъ своихъ въ Ріо-Жанейрскій рейдъ, совершилъ здѣсь блестящее дѣло, память котораго морскія наши лѣтописи сохранили, какъ драгоцѣнность. Достославно отмстивъ за умерщвленіе экипажа капитана Дюклёра, великій адмиралъ сей собралъ и привезъ съ собою во Францію 27,000,000 контрибуціи, наложенной имъ на городъ. Деньги за кровь, — вотъ то возмездіе, которымъ часто довольствуются за оскорбленія, по дипломатической части.

Исторія Бразиліи, со дня ея открытія, можетъ быть заключена между двумя эпохами. Эпоха первая — заведеніе первыхъ осѣдлостей спекуляторами, платившими пошлину Португальцамъ. Эпоха вторая — прибытіе въ Ріо Іоанна VI, удалившагося изъ Лиссабона, отъ побѣдоносныхъ французскихъ войскъ. На плодоносной здѣшней почвѣ создано было нѣсколько городовъ, и деревень; на ней основали также и королевскую столицу. Португальское высшее дворянство послѣдовало сюда за Домомъ Браганцскимъ. Съ-этихъ-поръ открылась необычайная дѣятельность въ пріискахъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которые струятъ здѣсь съ собою здѣшнія рѣки и источники. За

то землепашество, промышленость, искусства и науки тамъ совершенно остановились, и ничто еще не предвѣщаетъ, чтобъ Бразилія затѣяла переродиться во всеобщей банѣ просвѣщенія и славы.

Типъ характера Бразильца есть *безхарактерность*. Ему нужды нѣтъ какъ живется, лишь-бы жилось! Избѣгать боли — для него все. Бразилецъ не любитъ потрясеній; ему нуженъ покой: разбудите его, и онъ — съ ногъ долой! Мнѣ кажется, что ему легче выдержать недѣлю тюремнаго заключенія, чѣмъ пройти въ одни сутки четыре или пять миль: жесточе наказанія для него нельзя выдумать! Единственный способъ вывесть его изъ этой нравственной летаргіи есть упрекъ въ этой сонливости...

Взгляните на этотъ общественный садъ, почти всегда пустой; на это прелестное гульбище вдоль водопровода, никѣмъ не посѣщаемое, на эти безконечные, великолѣпные лѣса, тайники столькихъ сокровищъ, которыя могли-бы удесятерить руки людей, болѣе дѣятельныхъ; на эти чистыя, многорыбныя воды, такъ уныло протекающія по странамъ еще полудикимъ; на эти тысячи вредоносныхъ животныхъ, осаждающихъ человѣческія жилища, и которыхъ такъ легко было-бы истребить или отогнать отъ нихъ; на эти кочевыя, жестокія племена, нагоняющія ужасъ на жителей у воротъ ихъ главнѣйшихъ городовъ; и потомъ скажите — не обличаетъ-ли все это преступной бездѣйственности Бразильцевъ? Теперь, попытайтесь указать имъ на послѣдствія столь постыднаго равнодушія, — они вамъ насмѣются въ глаза; лѣнивая память ихъ проснется на минуту и изобразитъ вамъ картину недавняго былаго: чѣмъ была Бразилія до завоеванія оной; и чело ихъ, всегда безцвѣтное, покроется какимъ-то румянцемъ скромности, какъ будто-бы слава Діасовъ, Кабраловъ, Альбукерковъ была ихъ личною славою; какъ будто-бы завоеванія предковъ ихъ были плодами ихъ собственныхъ трудовъ, ихъ настоящей заботливости.

— Во всѣхъ направленіяхъ этой обширной части Новаго-Свѣта, на равнинахъ ея, въ нѣдрахъ горъ, вдоль береговъ морскихъ, говорилъ мнѣ одинъ Бразилецъ, мы обладали цвѣтущими городами, населенными посадами, просторными, безопасными гаванями, привлекавшими къ намъ промышленниковъ Европы. Они ѣхали къ дикарямъ, и вездѣ находили людей образованныхъ; они изумлены были мѣстнымъ богатствомъ, обширною торговлею городовъ, и уѣзжали отъ насъ съ полнымъ сознаніемъ нашей славы и общественнаго благосостоянія.

Такъ выражаются почти всѣ нынѣшніе Бразильцы; наслушавшись ихъ, можно подумать, что они-то и обогатили свою Бразилію!

Горькая насмѣшка! Будто они не понимаютъ, что лучшая часть ихъ необъятнаго края едва имъ знакома, и если на дальнихъ разстояніяхъ встрѣчаются кое-гдѣ ихъ осѣдлости, проявляющія путешественнику слѣды первоначальной общежительности, то какъ безпредѣльно еще пространство, отдѣляющее ихъ другъ отъ друга, и все пространство это еще совершенно впустѣ! Но развѣ эти ослѣпленные и тщеславные люди забыли о томъ, что обоюдныя сообщенія между областями ихъ бываютъ не только затруднительны, но и невозможны во-время разлитія рѣкъ и потоковъ, опустошающихъ все подолье тѣхъ областей, что наводненія эти ниспровергаютъ слабые оплоты, имъ противупоставленные? Они скрываютъ отъ насъ, что изъ Бахіи въ Ріо, между двумя главнѣйшими городами Бразиліи, не иначе путешествуютъ, какъ пѣшкомъ или на мулахъ, и что большая торная дорога между этими горо-

дами едва только назначена. Они умалчиваютъ о томъ, что путешественникъ, странствующій по ихъ отчизнѣ, принужденъ таскать за собою повсюду необходимѣйшіе жизненные припасы, что онъ принужденъ брать съ собой проводниками невольниковъ, людей часто неблагонадежныхъ, на походѣ своемъ сквозь лѣса дремучіе, или степи необозримыя.

Ни одной гостинницы нѣтъ на этихъ дорогахъ, ни малѣйшей защиты отъ нападеній дикарей людоѣдовъ; ни какого спасенія, кромѣ своей личной храбрости отъ свирѣпости бабровъ и ягуаровъ; никакого другаго обезпеченія отъ невѣрности проводника, кромѣ приманки обѣщаннаго награжденія, не всегда достаточной, или страха наказаній, мѣры почти всегда неблагонадежной. Они слишкомъ близки къ свободѣ, чтобы не возгнушаться своей неволею: люди эти, столь робкіе, столь пресмыкающіеся въ городахъ, совершенно измѣняются посреди лѣсовъ: въ нихъ пробуждается надежда возвратить отнятую у нихъ свободу.

Убѣжденный въ томъ, что Бразилія будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, послѣднимъ нашимъ приваломъ, послѣ всѣхъ нашихъ удалыхъ походовъ, я поговорю тогда съ вами объ этомъ Браганцскомъ домѣ, осужденномъ къ своей нынѣшней скитальческой жизни. По мнѣнію моему, несправедливо было-бы судить о немъ по тѣмъ переворотамъ и катастрофамъ, которыя преслѣдуютъ его въ обоихъ полушаріяхъ. Я поразскажу вамъ тогда кое-что о характерѣ Іоанна VI, сего добродушнаго и слабаго государя, которому — онъ самъ это мнѣ сказывалъ—воздвиженіе громоотвода казалось всегда не иначе, какъ посягательствомъ на всемогущество божіе. Я поговорю съ вами о пылкой юности Донъ Мигуэля, и о восторженной запальчивости брата его, Донъ Педро, отъѣздъ котораго надѣлилъ Бразилію небольшой частицею вольности, и избавилъ ее отъ многихъ прихотей правителя необузданнаго. Тогда объясню я вамъ и всю горькую, страдальческую жизнь сестры Маріи-Луизы-Леопольдины, особы возвышеннаго характера и высшаго образованія, которая столь бѣдственно окончила жизнь свою, покинутая и забытая своимъ царственнымъ супругомъ. Представлю вамъ вѣрную картину нравовъ сего изнѣженнаго двора, въ которомъ развратъ доходилъ иногда до цинизма...

Спѣшу скорѣе раздѣлаться съ этой столицей, гдѣ пороки Европы брызжутъ со-всѣхъ сторонъ; не хочу однакожъ уѣхать изъ Ріо, не разсказавъ вамъ одного драматическаго приключенія, оставившаго въ памяти моей довольно-глубокія воспоминанія.

Въ-послѣдствіи, окину я взоромъ и дикарей, попирающихъ безпредѣльныя равнины сего необъятнаго государства, и сведу васъ оттуда, однимъ прыжкомъ, на мысъ Доброй Надежды, предназначенный для нашей ближайшей якорной стоянки.

Бригъ ирландскій «Амелія», послѣ благополучнаго плаванія, только что прибылъ на ріоскій рейдъ: онъ остановился на якорѣ между фортомъ Вильеганьйонъ и Бота-Фого, великолѣпною бухтою, около которой возвышаются щеголеватыя жилища почти всѣхъ европейскихъ консуловъ. Рейдъ былъ спокоенъ, въ воздухѣ ни вѣтринки, поверхность водъ была почти неподвижною и весь экипажъ «Амеліи» спалъ на кубрикѣ. Одинъ только матросъ, опершись на *пительсы* (сѣтки) и пользуясь послѣднимъ мерцаніемъ луны на западѣ, осматривалъ жадными глазами прелесть окружавшихъ его мѣстоположеній.

Вдругъ, легкая лодка, отдѣлясь отъ безмолвнаго поморья, проскальзываетъ на рейдъ; матросъ слѣдитъ ее взорами; ему кажется, что нѣсколько негровъ

насильственно схватываютъ увлеченную ими женщину или дѣвушку, ему слышатся отчаянныя вопли несчастной. Джонъ Беклеръ, (такъ назывался матросъ), въ испугѣ за нее, удвоиваетъ вниманіе. Лодка остановилась, — раздается глухой шумъ, — пучина разверзлась и снова закрылась, — плескъ веселъ, мало-по-малу, изчезаетъ въ отдаленіи.

Джонъ Беклеръ подозрѣваетъ какое-нибудь злодѣйство; онъ не долго раздумываетъ: человѣколюбіе воодушевляетъ его рѣшимость. Онъ бросается въ море, сильною рукой разсѣкаетъ волны и приплываетъ къ мѣсту, гдѣ останавливалась лодка; бурчаніе бездны служитъ ему указателемъ; онъ ныряетъ и руки его дотрогиваются до платья; вцѣпясь въ него зубами своими, и напутствуемый приливомъ, онъ плыветъ съ нимъ вмѣстѣ къ берегу, не упуская драгоцѣнной своей добычи. Борьба была продолжительна и трудна; но Джонъ Беклеръ выходитъ изъ нея побѣдителемъ: ноги его нащупываютъ дно, и прибой выкидываетъ его, измученнаго и почти безъ чувствъ, на поморье.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ приходитъ въ себя, и тогда только открывается, что онъ спасъ одинъ трупъ, котораго истерзанныя щоки, шея и уши, были облиты кровію. Но, вотъ — едва примѣтное содроганіе молодой дѣвушки оживляетъ бодрость и надежды матроса; онъ громко кличетъ кого-нибудь на помощь; собственнымъ дыханіемъ своимъ старается согрѣть спасенное имъ дитя; никто, однакожъ, не слышитъ его, ни чей голосъ ему не отвѣчаетъ. Не-смотря на усталость свою, онъ готовъ уже взвалить себѣ на плечи полумертвую дѣвочку, какъ до него доходятъ шумные крики.

Къ нему спѣшитъ отчаянная женщина, послѣдуемая дюжиною невольниковъ съ зажжонными факелами; толпа эта вскорѣ окружаетъ его. При видѣ окровавленной дѣвочки женщина падаетъ и обмираетъ. Разъяренные негры схватываютъ за горло честнаго Джона и готовы раздробить его о голыши поморья, какъ вдругъ рѣется къ нему полицейскій чиновникъ.

— Кто ты таковъ?

— Джонъ Беклеръ, отвѣчаетъ онъ по-англійски, угадывая вопросъ, сдѣланный ему по-португальски.

— Хорошо, я самъ говорю по-англійски. По какому случаю очутился здѣсь съ тобою этотъ избитый и полумертвый ребенокъ?

Джонъ разсказываетъ, какъ было дѣло: все, что онъ видѣлъ и что онъ дѣлалъ.

— Давно-ли ты прибылъ въ Бразилію?

— Вчерашняго дня.

— На какомъ кораблѣ?

— На Амеліи.

— Но этотъ корабль въ карантинѣ.

— Точно такъ.

— Ступай за мною.

Г-жу де С*** отвели домой; а ея дочь, столь чудеснымъ образомъ возвращенная къ жизни, разсказала ей всѣ насилія, которыхъ она была жертвою: она объяснила, какъ нѣсколько негровъ, ринувшись на нее, увлекли съ собою въ лодку, и заглушая вопли страдалицы, оборвали съ нея запястья, серьги и ожерелье, и бросили ее въ воду.

Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости показаній матроса, и въ великодушномъ его самопожертвованіи.

Г-жа де С*** отправляется къ судьѣ, у котораго Джонъ былъ въ допросѣ. Она кидается на шею избавителя, осыпаетъ его нѣжнѣйшими изъявленіями признательности, желаетъ расплатиться за его подвигъ, хочетъ увлечь его съ собою.

— Никакъ нельзя, сударыня, исполнить желанія ваши; человѣкъ этотъ

былъ въ карантинѣ; онъ нарушилъ законы всеобщей безопасности и долженъ быть преданъ суду.

— Если такъ, сударь, вскричала Г-жа С***, то я обращусь къ самому Королю; матросъ этотъ спасъ дочь мою и заслужилъ награду, а не тюремное заключеніе. Сей-часъ же иду къ Королю.

На другой день г-жа де С*** обнимала колѣни Іоанна VI-го, разсказывая ему подробности ужаснаго умысла, котораго дочь ея чуть не сдѣлалась жертвою и подвигъ неустрашимаго матроса, избавившаго ее отъ погибели. Король отвѣчалъ г-жѣ де С*** самымъ благосклоннымъ образомъ, обѣщалъ покровительство свое великодушному спасителю ея дитяти, и отпустилъ ее съ обычною своею милостію.

Нѣсколько дней спустя, обнародованъ былъ приговоръ верховнаго суда, по которому Джонъ Беклеръ, ирландскій матросъ, осуждался *на смерть* (!!!) за нарушеніе карантинныхъ постановленій...

Благодаря усиленному заступленію богатой фамиліи де С***, пагубный приговоръ сей остался безъ исполненія; тѣмъ не менѣе — честный матросъ Джонъ подверженъ былъ десяти-лѣтней ссылкѣ въ *Минашъ - Жераишъ* (Minas - Géraes), рудокопную область внутренней Бразиліи!

Джонъ Беклеръ покорился своей участи, и вскорѣ потомъ отправился въ-слѣдъ за вьючными мулами, по непроѣзднымъ и каменистымъ дорогамъ въ западныя края Бразиліи. Онъ слѣдовалъ туда бокъ-о-бокъ съ тѣми самыми убійцами-неграми, которыхъ осудили на каторгу за истерзаніе ушей и шеи спасенной имъ дѣвушки, и покражу драгоцѣнностей, ее украшавшихъ. Только случайность могла приковать къ одной цѣпи избавителя съ убійцами: но какова-же и случайность!

Передавая губернатору Минашъ-Жераиша своихъ узниковъ, начальникъ конвоя сказалъ: «Я долженъ прибавить, что вамъ приказано именемъ Короля, обратить на осужденнаго Джона Беклера все вниманіе ваше и усладить ссылку его всѣми попеченіями, которыя заслуживаетъ другъ, попавшій въ несчастіе. Ему велѣно присматривать за работами каторжниковъ подъ вашимъ надзоромъ и ѣсть за вашимъ столомъ.»

Все это было прописано въ королевскомъ рескриптѣ на имя губернатора.

Проходили мѣсяцы, и Джонъ, которому обѣщано было скорое освобожденіе изъ его ссылки, все еще томился и замиралъ въ тѣхъ пустыняхъ, которыя разрывались каторжникомъ и рабомъ, въ пользу казны королевской. Онъ однажды сказалъ себѣ: «По возвращеніи въ Бразилію, а оттуда на мою родину, что̀ принесу съ собою — кромѣ почотнаго подвига, за который я сюда сосланъ? Почему-жъ бы не наказать мнѣ этихъ людей, которые опозорили меня такимъ варварскимъ образомъ? Да и что̀ за бѣда для нихъ, если я исполню то̀, о чомъ задумалъ? Неужели одна похищенная капля убавитъ глубину и обиліе моря? Да, да — само небо внушаетъ меня: ему извѣстно, что я прибылъ въ Бразилію съ тою цѣлью, чтобы извлечь семейство мое изъ нищеты; да совершится-же воля небесная!»

Каждый вечеръ, на закатѣ солнечномъ, Джонъ взлѣзалъ на *вакòи* (родъ пальмиста), у подножія коего была выстроена его хижина, разсказывая своему начальнику, уже сдѣлавшемуся его другомъ, что лазилъ на дерево для того, чтобы подышать воздухомъ болѣе свѣжимъ, и чтобы скорѣй узнать о прибытіи конвоя, съ которымъ надѣялся воротиться въ Ріо.

Но что̀-же дѣлалъ тамъ Джонъ? Невѣрный блюститель ему довѣреннаго, онъ при всякомъ удачномъ похищеніи драгоцѣннаго камня, пряталъ покражу свою въ надрѣзы, сдѣланные ножомъ за

выпуклостями пальмиста, который служилъ ему вмѣсто обсерваторіи. Никто и не подозрѣвалъ этихъ похищеній. Цѣлыхъ три мѣсяца повторялъ онъ свои продѣлки; цѣлое независимое состояніе спрятано было въ его завѣтномъ тайникѣ.

И вотъ приходитъ королевскій указъ: Джону позволено воротиться въ Ріо, и онъ можетъ отправиться туда на предбудущій день.

Хитрый и догадливый матросъ начинаетъ жаловаться, что биши *), (микроскопическія насѣкомыя, прилипающія къ кожѣ и глубоко въ нее впивающіяся) проѣли ему широкую рану на пятѣ. Ему предлагаютъ самыя радушныя пособія, поздравляютъ его съ освобожденіемъ изъ ссылки, и, по слабости здоровья его, даютъ ему всѣ средства для безопаснаго переѣзда въ Ріо. Въ распоряженіе его назначенъ особый мулъ, но какъ въ непроѣздныхъ мѣстахъ пути ему придется и спѣшиваться, и тогда нужно будетъ опираться на палку, то онъ проситъ позволенія срѣзать для опоры своей гибкую вѣтвь пальмиста, на что охотно соглашаются. Въ послѣдній разъ взлѣзаетъ онъ на свое любимое дерево, срѣзаетъ ту самую вѣтвь, въ которой спрятаны его алмазы, и счастіе будущности его упрочено.

Съ какою безпокойною заботливостью берегъ матросъ драгоцѣнную опору свою! Съ какимъ благополучіемъ ковылялъ онъ на одну ногу, какъ благодарилъ онъ въ душѣ тѣхъ досадныхъ и вредоносныхъ насѣкомыхъ, которымъ такъ добровольно предаются на жертву негры, наскучившіе своей неволею!

Но вотъ онъ прибылъ и въ Ріо; въ нетерпѣніи своемъ скорѣе попасть въ Европу, онъ не рѣшается даже навѣстить и рэдителей спасенной имъ дѣвушки, опасаясь, чтобы они не задержали его на нѣсколько дней. Датское судно готовилось къ отплытію въ слѣдующее воскресенье. Джонъ Беклеръ нанимаетъ себѣ до-тѣхъ-поръ чуланчикъ въ окрестностяхъ церкви Пресвятой-Дѣвы Канделарійской.

Напротивъ квартиры его жила красивенькая мулатка, которой онъ посылаетъ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ. Одно презрѣніе было на нихъ отвѣтомъ. И подлинно, матросъ былъ въ такомъ жалкомъ нарядѣ, по которому мудрено было догадаться объ его щедрости; это подстрекнуло его тщеславіе и на другой-же день онъ пускается на Королевскую площадь, искать охотника, который-бы рѣшился купить у него потихоньку два или три алмаза. Охотникъ скоро нашолся, и, заключивъ съ нимъ торгъ, Беклеръ накупилъ себѣ, немедля, самаго щегольскаго платья, и принялся снова преслѣдовать хорошенькую мулатку. Вѣрная обычаямъ своей касты, она сдѣлалась поблагосклоннѣе къ своему обожателю, и наконецъ — склонилась на его страстныя предложенія.

Довѣрчивый матросъ попался вскорѣ въ сѣти мнимыхъ доказательствъ любви своей прелестной добычи, и получивъ отъ нея торжественный обѣтъ — сопутствовать ему въ Европу, гдѣ предполагалъ онъ обвѣнчаться съ нею, Джонъ Беклеръ разсказалъ ей всѣ приключенія удалой своей жизни, объявилъ причину ссылки своей и открылъ ей свои сокровища, запрятанныя въ драгоцѣнной его палкѣ.

Еще сутки и они скажутъ прости Бразиліи. И вотъ — кто-то стучится въ двери.

— Именемъ Короля, отоприте!

— Не отпирай, шепчетъ ему мулатка.

— Именемъ Короля, повторяетъ тотъ же голосъ — и дверь выломана. Нѣжную

*) Въ бывшей Испанской Америкѣ насѣкомое это называется nigua.

Пр. Перев.

парочку влюбленныхъ берутъ подъ стражу и немедленно отводятъ къ судьѣ.

— Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ онъ у мулатки.

— Заэ, вольная мулатка.

— Хорошо; а тебя?

— Джонъ Беклеръ, Ирландецъ, приговоренный нѣкогда къ ссылкѣ въ *президіи* *), за то, что съ опасностью жизни моей спасъ дѣвушку, которую негры бросили въ море.

— Помню; это былъ благородный подвигъ, продолжалъ судья. Теперь посмотримъ, было-ли послѣдующее поведеніе твое столь-же похвально. Подай мнѣ трость, на которую ты опираешься.

Трость подана, открыта, тщательно обыскана, и алмазы посыпались изъ нея на коверъ.

— Пропалъ я, сказалъ Беклеръ своей подругѣ: теперь мы на-вѣкъ погибли; насъ разлучатъ навсегда.

— Преступленіе твое явно доказано, сказалъ судья: законъ коротокъ и ясенъ; тебя снова сошлютъ въ президіи и на всю жизнь; половина покражи твоей принадлежитъ особѣ, сдѣлавшей на тебя доносъ.

— Но кто-жъ она?

— Я, отвѣчала съ улыбкою мулатка: мнѣ не хотѣлось разстаться съ Бразиліей, — я не люблю Европы.

Беклеръ поднялъ глаза къ небу, — отправленъ въ тюрьму, а оттуда сосланъ опять въ Минашъ-Жераишъ, гдѣ и умеръ подъ ударами суковатой палки своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Что-же касается до *прелестной* и *благородной* мулатки, какъ здѣсь называютъ ее, она завела теперь на улицѣ галантерейщиковъ (Rue des Orfévres), очаровательный модный магазинъ, съ китайскими рѣдкостями, и весело разсказываетъ, кому угодно слушать, исторію друга своего Джона Беклера, а съ тѣмъ вмѣстѣ и первоначальную причину своего нынѣшняго благосостоянія, которое теперь въ самомъ блестящемъ видѣ. Въ нашемъ краю цивилизаціи и успѣховъ мамзель Заэ, вѣроятно, сидѣла-бы уже за конторкою и выторговала себѣ экипажъ, каменный домъ и лакеевъ; но Бразилія еще не дошла до нашего совершенства: она еще страна полудикая...

Въ странствованіи, похожемъ на наше, порядокъ и симметрія могли-бы служить упрекомъ писателю, и нагнать на читателей его скуку. И потому-то я, убѣдясь въ основательности этого двойственнаго нареканія, мечусь туда и сюда, рыскаю изъ города въ лѣсъ, переношусь изъ плодоносной долины на голый утесъ, отъ образованнаго рабства — къ дикой свободѣ.

За досугомъ дѣло не станетъ; послушаемъ-же любопытныхъ разсказовъ:

Изъ всѣхъ *капитаній* или капитанствъ (провинцій), составляющихъ въ совокупности съ неизслѣдованными пустынями необъятное Королевство Бразильское, примѣчательнѣе всѣхъ прочихъ и достойнѣе изслѣдованія путешественника есть, безъ сомнѣнія, капитанія Св. Павла, тѣмъ болѣе, что Паулисты собственно не принадлежатъ ни одной странѣ міра, — или, если угодно — суть общая добыча. Я разскажу вамъ въ-послѣдствіи, говоря о *Гаучосахъ*, откуда и какъ получили они эту жажду независимости, заставляющую ихъ презирать опасностями и побуждающую ихъ, никѣмъ непокоренныхъ, стремиться въ лѣса непроходимые и въ степи необозримыя, гдѣ они водружаютъ кочевье свое, какъ независимые владѣльцы.

Если Паулистъ дастъ знать Лаплат-

*) Такъ называются мѣстечки въ отдаленныхъ областяхъ португало-испанскихъ колоній въ Америкѣ.

Пр. Перев.

скому Гаучò, что ему нужно безъ отлагательства потолковать съ нимъ о важномъ дѣлѣ; если онъ назначитъ ему мѣстомъ сходки одинъ изъ тѣхъ дремучихъ и вѣковыхъ лѣсовъ, о которыхъ я упоминалъ уже, хотя-бы тò было миляхъ въ трехъ-стахъ отъ поморья и миляхъ въ шести-стахъ отъ Ріо или Монтевидео; если онъ изберетъ мѣстомъ свиданія съ нимъ подножіе какой-нибудь исполинской бертолеттіи, — въ извѣстный день и часъ... вы можете быть увѣрены, что оба эти человѣка пожмутъ тамъ другъ-другу руку и непремѣнно туда явятся на срокъ... а знаете-ли, какъ они попадутъ туда?... Проводниками ихъ будутъ — шумъ или свѣжесть вѣтра, теченіе звѣздъ... Ихъ не остановятъ въ пути ни змѣи, ни ягуары, о которыхъ они столько-же много заботятся, какъ о крикѣ попугая или о хохотѣ какого-нибудь *уистити* *).

И при всемъ томъ Паулистъ не иное что̀, какъ переродившійся Гаучò: это американскій тигръ въ сравненіи съ тигромъ бенгальскимъ; это нашъ столичный щоголь, рядомъ съ грубымъ контрабандистомъ хребта Пиренейскаго.

Паулистъ одѣтъ почти также, какъ и Гаучò, но уже съ нѣкоторыми измѣненіями, съ прикрасами, съ *фіоритурами*, если смѣю такъ выразиться: онъ близокъ уже къ кокетству. Широкополая поярковая шляпа его, подвязанная подъ бороду бархатной лентой, выдѣлана изъ тонкаго войлока; шоколаднаго, синяго или бѣлаго цвѣта *пончо* **) съ дырою, для просова въ нее головы, сшита изъ гораздо-лучшаго сукна, чѣмъ у Гаучò; что̀-же касается до замшеваго исподняго платья, до пояса и обуви Паулиста, то они выложены премиленькими узорцами изъ разноцвѣтныхъ снурковъ, самаго заманчиваго вида. Не таковъ Гаучò — человѣкъ истинно желѣзный и смоляной; сухащавый, малорослый, дикій, неустрашимый, какъ левъ, — подобно ему неукротимый. И его опишу я вамъ въ свою очередь, когда изучу его хорошенько въ его степяхъ, ознакомлюсь съ его нравами и самоуправными обычаями. О! повѣрьте мнѣ, Гаучò этотъ — прелюбопытная вещь!

Нѣтъ ни одного иностранца, прибывшаго въ Бразилію, который-бы не поторопился взглянуть на коннаго Паулиста, вооружоннаго его страшнымъ *ласо* *). Первоначальные завоеватели Америки разсказывали такія дивныя вещи объ этихъ людяхъ, объ ихъ дерзости и ловкости, что едва вѣрится; вы готовы въ томъ усомниться даже и тогда, какъ истинное событіе затрепещетъ у васъ у самихъ передъ глазами. А вотъ, послушайте:

Одинъ полковникъ старой Императорской (Наполеоновской) гвардіи, несчастный изгнанникъ, прибывшій въ Ріо, объявилъ во всеуслышаніе тѣмъ особамъ, которыя разсказывали ему про удальство Паулистовъ, что онъ, сѣвъ на коня и вооружонный своею пикою, готовъ ссадить съ лошади не только одного, но двухъ, но трехъ, любыхъ *человѣческихъ арканщиковъ*, какъ онъ ихъ называлъ шутя.

— Берегитесь, полковникъ, часто возражали ему: ваша удаль и ловкость конечно велики, но услышь васъ какой-нибудь Паулистъ, онъ-бы, вѣрно, не отказался отъ вызова.

— А я-то, неужели вы думаете —

---

*) Такъ называется особенная порода небольшихъ бразильскихъ обезьянъ. Кличка эта дана имъ по ихъ крику.

**) Poncho — родъ сплошной, круглой бурки или епанчи у южныхъ Американцовъ.

Пр. Перев.

*) Laso — арканъ съ мертвою петлею.

Пр. Перев.

что я предлагаю все это въ надеждѣ на отказъ?

— Мы такъ любимъ васъ, что не станемъ разглашать подобныхъ вещей.

— Если такъ, я самъ начну аттаку, и завтра-же обнародую свой вызовъ.

И подлинно, на слѣдующій-же день вызовъ полковника напечатанъ былъ въ газетахъ, и онъ того-же дня принялъ слѣдующій, прелюбопытный визитъ.

— Вы-ли, полковникъ, публиковали вчера статью въ журналахъ?

— Я, сударь; а развѣ она васъ интересуетъ?

— Я Паулистъ.

— Возможно-ли? Такъ вы принимаете мое предложеніе?

— А почему-же не такъ?

— Но вы не выше пяти футовъ ростомъ.

— А въ васъ и шести нѣтъ.

— Развѣ этого мало?

— Нѣтъ, полковникъ.

— Я не зналъ еще что *рѣка Гарона* течетъ и въ Бразиліи.

— Пожайлуста не говорите мнѣ объ вашихъ рѣкахъ; наши рѣки больше въ ширину, чѣмъ ваши въ длину.

— Тѣмъ больше чести вашимъ рѣкамъ, и все тутъ.

— Я пришолъ къ вамъ не хвастать ими, а удостовѣриться на дѣлѣ, согласны-ли вы испытать вашу пику противъ моего аркана.

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Когда же схватка?

— Сегодни ввечеру.

— Нѣтъ; а послѣ завтра, если угодно — противъ замка Св. Христофора, чтобы развеселить народъ.

— Согласенъ.

— Я нарочно поторопился, хоть и молоденекъ немножко, и именно отъ того, полковникъ, что хотѣлъ избавить васъ отъ несчастія.

— Какое великодушіе!

— Если кто-либо изъ моихъ товарищей явится къ вамъ послѣ меня, вы, конечно, ему откажете?

— Самой-собой разумѣется.

— И такъ, полковникъ, до послѣ-завтра, до девяти часовъ.

— До послѣ-завтра, сеньойръ...

— Хосе Пиньяда.

Странность поединка собрала вокругъ Св. Христофора безчисленную толпу; часть двора съѣхалась тоже на мѣсто схватки, и изъ среды сей густой толпы, бѣшено бушевавшей на ступеняхъ помоста, вырывался единственный крикъ: за Паулиста! Сто піастровъ за Паулиста! Тысяча піастровъ! Двѣ тысячи піастровъ! Пять тысячь *патакъ* противъ улана... А за улана — никто!

Урочный часъ пробилъ, воинственная музыка возвѣщаетъ о поединщикахъ. Полковникъ, съ пикой въ рукѣ, выѣзжаетъ первый на поприще, на великолѣпномъ буромъ конѣ, и возбуждаетъ всеобщій крикъ удивленія; никто однако-же не смѣетъ держать за него закладъ. Но вотъ и Паулистъ, коротенькой, слабенькой, съёженный, съ маленькими глазками, сыплющими потоки искръ изъ подъ широкихъ полей пояркової шляпы. Лошадка его тоже невелика; ножки ея тонки, но исчерчены всѣ живучими мускулами. Паулистъ и она останавливаются у въѣзда въ циркъ: Хосе Пиньяда пожимаетъ руки у цѣлої дюжины своихъ товарищей, закусившихъ съ досады и почти въ бѣшенствѣ губы свои: такъ показался имъ дерзкимъ вызовъ полковника. Поздоровавшись съ своими, Пиньяда тихимъ шагомъ пускается на своего соперника, котораго привѣтствуетъ наклоненіемъ головы...

— Это Хосе! это Хосе! раздается въ толпѣ... а жаль что не Фернандо, не Антоніо, не Педро; но, такъ и быть... пять тысячь патакъ за Хосе!

— Полковникъ, вотъ и я къ вашимъ услугамъ.

— Признаюсь, сеньойръ, я чуть было не усумнился въ точности вашей.

— Паулиста еще никто не дожидался; девяти часовъ еще не пробило.

— А вы — безъ сѣдла?

— Не нужно; при мнѣ мой арканъ.

— Если такъ, то и я замѣню желѣзо пики моей кожанымъ *тампономъ* (затычкою).

— Къ-чему это?

— Иначе я могъ-бы васъ убить.

— Пустое! чтобы убить человѣка, надобно его тронуть, а вамъ до меня и не дотронуться!

— Такъ вы все еще шутите?

— О! всегда, — даже и передъ тигромъ.

Но трубы дали сигналъ — и безпокойная толпа нетерпѣливо ждетъ послѣдствія схватки. Молчаніе! Взгляните на Паулиста; посмотрите, какъ крутится, прядаетъ, извивается по змѣиному и взбрасываетъ жилистыя ноги свои его конь; онъ слушается не только узды или шпоровъ своего хозяина, но его голоса и дыханія. Подобно ему, воспламеняется и самъ Хосе; карликъ сдѣлался великаномъ; съ этихъ-поръ можно было угадать побѣдителя; самъ полковникъ приходитъ въ изумленіе.

Соперники готовы ринуться впередъ; полковникъ уставляетъ свое копье, Паулистъ размахиваетъ надъ головою противника смертоноснымъ своимъ арканомъ, образующимъ двѣ, три мертвыя петли... А га! вскрикиваетъ онъ двукратно, по своей воинственной привычкѣ: а га! и оба бросаются другъ на друга. Уланъ даетъ промахъ; Паулистъ соскользнулъ почти подъ брюхо своей лошади: но онъ не хочетъ полонить улана; на первый разъ, онъ рѣшается пощадить его. Опять бросаются другъ на друга оба: арканъ закинутъ, полковникъ сдернутъ съ сѣдла, и волочится въ прахѣ, безсильный вырваться изъ опутавшихъ его петель. Хотятъ рукоплескать побѣдителю, но Паулистъ даетъ почувствовать знакомъ, что люди великодушные такъ не поступаютъ, и самъ, своей рукой, поднимаетъ съ земли своего соперника.

— Извините неловкость мою, полковникъ; я васъ слишкомъ-круто сорвалъ съ сѣдла, — въ другой разъ буду неосторожнѣе.

— Вы захватили меня въ-расплохъ, отвѣчалъ полковникъ.

— Такъ и есть; мы всѣхъ въ-расплохъ захватываемъ.

— А вотъ посмотримъ еще.

— Посмотримъ.

Они снова разъѣхались на противуположныя края арены; и пустились сперва тихимъ шагомъ...

— А га! закричалъ Паулистъ. А га! Такъ горло-жъ теперь! — И конь его помчался какъ стрѣла. И въ этотъ второй разъ полковникъ былъ сброшенъ на землю; но Хосе, подскочивъ къ нему, не допустилъ его удавиться и самъ снялъ опять съ него петлю.

— Дѣло что-то не ладится, полковникъ, право не ладится, говорилъ Паулистъ: а все отъ-того что я не успѣлъ позавтракать, оттого-то и рука дрожитъ. Не угодно-ли попытаться и въ третій разъ: если прикажите, я оцѣплю васъ за правую руку, или — пожалуй — хоть за лѣвую ногу...

— Нѣтъ, уже будетъ съ меня, отвѣчалъ побѣжденный полковникъ, изувѣченный и запыленный; довольно: теперь повѣрю всему, что объ васъ толкуютъ.

— Вы еще ничего не видали, полковникъ; то-ли-бы дѣло, если-бы съ вами схватился кто-либо изъ этой дюжинки нашихъ головорѣзовъ, передъ которыми я просто — дитя.

— Не придутъ-ли и они ко мнѣ позавтракать вмѣстѣ съ вами?

— Берегитесь, вы еще ихъ не знаете: того и гляди, что нагрянутъ; что до

меня, то я-бы попросилъ у васъ одного — вашей дружбы!

— Вы пріобрѣли на нее полное право, какъ ни изувѣчилъ меня вашъ арканъ.

— А вѣдь я вовсе не такъ крѣпко его затягивалъ.

Съ этого дня полковникъ не провозглашалъ болѣе ни одного вызова Паулистамъ, но самъ переѣхалъ къ нимъ на житье, переселился въ ихъ уединенныя степи, и тамъ, бросивъ съ презрѣніемъ свою любимую пику, онъ самъ вскорѣ сдѣлался искуснымъ *арканщикомъ* людей.

IX.

БРАЗИЛІЯ.

Пёти и Маршэ. — Ссора. — Дикари. — Смерть Лаборда. — Мысъ Доброй Надежды.

Горячій разговоръ завязался на большомъ баркасѣ нашемъ, готовомъ къ отвалу на берегъ. Полагаю, что вамъ не нужно называть собесѣдниковъ; вы уже, вѣрно, ихъ угадали, если я только изобразилъ съ нѣкоторою точностію ихъ главныя отличительныя черты.

— Я уже сказалъ тебѣ, что ты отправишься ко мнѣ на попойку.

— Вотъ тебѣ матросское мое слово, что не пойду.

— Образумься, дружище, и повѣрь мнѣ, что подъ-часъ не дурно и поостеречься.

— Еще лучше будетъ, если мы пойдемъ вмѣстѣ, я знаю тебя вдоль и поперекъ.

— Кажись — нѣтъ.

— Ужъ навѣрное — да!

— Послушай: мнѣ нуженъ конвойный, который-бы могъ *плыть* со мной *однимъ галсомъ*; если ты *дашь ходу*, пріѣхавъ на берегъ, а я *подтяну паруса*, то *пущу* въ тебя *боковой залпъ*, и ты *пойдешь* у меня, какъ ключь *ко дну*.

— Жаль будетъ, однакожъ, если мнѣ бѣдному и маленькому 18-ти-пушечному корвету придется столкнуться съ 74-хъ-пушечнымъ кораблемъ.

— Очень-радъ, что ты *спускаешь флагъ*... въ противномъ случаѣ... но довольно.

— То-то зададутъ мнѣ *драшку!*

Два офицера отправлялись со мной въ Бота-Фого; мы усѣлись на синіе ковры съ красными каймами; весла, поднятыя сперва вертикально въ рукахъ гребцовъ, упали вдругъ на воду, какъ одно *рубило*, погрузились въ нее своими широко-загнутыми загребами; жилистыя руки моряковъ налегли на весла и перерѣзали валъ прибоя... Могучій проводникъ поднялся рѣзко и горизонтально, прыснулъ въ воздухъ міріадами фосфорическихъ перловъ, мѣрно засвисталъ, какъ Брегетовъ маятникъ, и черезъ нѣсколько секундъ мы были уже на берегу. У каждаго изъ насъ было свое дѣло, и мы разстались, сговорясь собраться къ вечеру на пристань. Два лихихъ гребца, которымъ

мы болѣе другихъ товарищей ихъ обязаны были быстротой нашего переѣзда, уговорили меня выхлопотать имъ позволеніе сходить въ городъ.

— За-чѣмъ?

— Полюбоваться городомъ.

— Не нужно, вы надѣлаете тамъ проказъ.

— У насъ нѣтъ ни гроша.

— Тѣмъ-хуже.

— Тѣмъ-хуже? Но когда нѣтъ ни гроша въ карманѣ, въ кабакъ не ходятъ; кто не заходитъ въ кабакъ, тотъ не пьетъ; кто не пьетъ,—не дурачится. Хоть вы и мастеръ рисовать, а лучше не разсудите.

— А ты, какова тебѣ кажется выходка твоего товарища?

— И я подтверждаю слова его: онъ точно говорилъ дѣло; другаго сказать не приходится: онъ-бы просто меня... приплюснулъ.

— Хорошо, ступайте, только чуръ не шалить; позволеніе дано; но не забудьте воротиться къ вечеру на пристань.

— Ровно въ пять часовъ, мы къ ней *причàлимъ*. Что́ за щирый морякъ этотъ господинъ! а смотришь — не куритъ, не жуетъ жвачки! этакая жалость!

Если вы въ описаніи этого переговора не узнали любимцевъ моихъ Маршэ и Пёти, то увѣренъ, что назовете ихъ по имени, когда прочтете остальное.

Выѣхавъ со мной изъ Тулона, эти два исключительныя существа долженствовали еще разъ увидѣть родину свою послѣ столькихъ трудовъ и опасностей; какъ-же мнѣ пропустить ихъ въ моихъ разсказахъ, съ которыми они такъ тѣсно связаны оба: я увѣренъ, что воспоминанія объ нихъ не повредятъ нисколько важности описываемыхъ мною предметовъ. Въ каждой драмѣ есть своя забавная сторона: смѣшное всегда уживается съ безпокойствомъ душевныхъ потрясеній! Что́ до меня, то я охотно забывалъ ихъ проказы, во уваженіе той священной пріязни, той безпредѣльной преданности, которой дали они мнѣ столько блистательныхъ доказательствъ. Впрочемъ здѣсь дѣло идетъ о сущей бездѣлицѣ, о простой потѣхѣ. Маршэ былъ охотникъ выказываться въ драматическихъ сценахъ, и не забылъ того на другой день, что́ случилось съ нимъ наканунѣ.

Окончивъ дневные походы свои, я возвращался назадъ, порядочно усталый; возлѣ самой пристани увидѣлъ я добряка моего Пёти: онъ казался печаленъ, на глазахъ у него были слезы, рубашка разорвана, руки окровавлены.

— Негодяй! закричалъ я ему издали: что́ съ тобой случилось?

— Со мной случилось то́, что меня — какъ водится — приколотили.

— Но кто-же именно?

— Да они, прочіе другіе.

— А Маршэ, вѣрно, былъ въ числѣ ихъ?

— На этотъ разъ, нѣтъ; ему еще больше меня досталось; истинный удалецъ!

— Но по какому случаю?

— А я почомъ вѣдаю? Зайдешь въ кабакъ, выпьешь, заплатить нечѣмъ; отвѣсишь поклонъ хозяевамъ, поздороваешься или распростишься съ ними, смотря по времени; а тутъ тебя ну — толочь, да рубить — вотъ и все!

— Но, мерзавцы вы! какъ-же не заплатить за то́, что́ берете?

— А чѣмъ прикажете? Бразильцы эти настоящіе псы, скряги, морскіе разбойники; подавай имъ за все наличные; рукопашной монетѣ ходу нѣтъ, а у насъ только и было, что кулаки.

— Такъ васъ прибили?

— На-порядкахъ.

— А много ихъ было?

— Туча темная: десятка два или три:

одинъ Маршэ *разспастилъ* ихъ штукъ четырнадцать или пятнадцать.

— Ну, такъ и есть! а гдѣ онъ теперь?

— По обычаю своему, отдыхаетъ въ тѣни. Цѣлая толпа солдатъ снесла его туда, за невозможностью собственныхъ ногъ оказать ему эту услугу.

— И, вѣрно, онъ весь израненъ?

— Онъ? нѣтъ! Ему только раскроили лобъ, вывихнули плечо и раздробили скулу.

— Сведи-же меня въ тюрьму, въ которую его посадили.

— А какъ и меня туда-же запрячутъ?

— Такъ хоть укажи мнѣ куда идти.

— Возьмите-же съ собой этотъ выбитый коренной зубъ, который онъ мнѣ отдалъ подъ сохраненіе: пусть приложитъ и его къ другимъ таковымъ-же, по обычаю, въ свою трутницу.

Послѣ такихъ ясныхъ указаній, которые передалъ мнѣ Пёти, я отправился въ ближайшую караульню за королевскимъ дворцомъ, гдѣ, вѣроятно, извѣстны были всѣ подробности этой схватки, и обратился съ распросами о ней къ начальнику военнаго пòста, еще въ полномъ пылу досады за ту жестокую катку, которую два головорѣза наши задали двадцати человѣкамъ его команды. Не-смотря на это, мнѣ удалось успокоить его моимъ искреннимъ сожалѣніемъ о случившемся; я просилъ его умилосердиться надъ арестантомъ, на что онъ довольно-ласково согласился. Удовлетворивъ шинкаря, я воротился въ караульню за блажникомъ Маршэ, который спалъ глубокимъ сномъ на сырой землѣ, и мнѣ его передали съ рукъ на руки.

— Все тотъ-же негодяй? сказалъ я ему строгимъ голосомъ.

— Все тотъ-же.

— Все тотъ-же пьяница, буянъ?

— Все тотъ-же.

— Не уже-ли ты никогда не исправишься?

— Никогда. Человѣкъ созданъ на то, чтобъ пить, а вино на то, чтобы его пили: каждому свое.

— Но вино покупаютъ, а не воруютъ, здѣсь, какъ и вездѣ.

— Я не воръ, чортъ возьми! я не кралъ вина, хотѣлъ заплатить за него, и навѣрно-бы заплатилъ; да въ карманѣ-то у меня *никого* не случилось.

— Я за тебя расплатился, старый хрычь.

— Ахъ, вы мой добрый господинъ Араго! въ васъ одинъ только недостатокъ.

— Какой?

— Не смѣю высказать.

— Пустое! высказывай.

— Вы разсердитесь.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ что: вы не любите ни вина, ни водки. А знаете-ли, что это пятно для честнаго человѣка, просто — срамъ, униженіе!

— Маршэ, я предсказываю тебѣ, что ты кончишь вѣкъ свой въ тюрьмѣ.

— А мнѣ что за дѣло? тюрьма стóитъ брюха аккулы. Пойдемте скорѣе; эта длинная бразильская рожа, съ ея начетверо *обрасопленой* шляпой приводитъ меня въ безуміе.

— Если-бы онъ разумѣлъ по французски, то тебѣ-бы не миновать тюрьмы: офицеръ этотъ хлопоталъ о тебѣ самъ.

— Не уже-ли? онъ однакожъ больно смахиваетъ на ханжу.

Я увелъ своего негодяя на пристань, гдѣ мы нашли и Пёти, ожидавшаго барказа; при видѣ товарища, Маршэ снова вздурился; онъ было бросился на него, но, разглядѣвъ, какъ онъ былъ оборванъ, остановился и протянулъ ему руку.

— Дѣло на-порядкахъ, промолвилъ онъ: ты именно таковъ, какимъ я желалъ тебя видѣть; уцѣлѣй, однакожъ, рубашка твоя, не будь самъ ты растре-

панъ, то я-бы самъ размололъ тебя подъ кулакомъ. А мой зубъ?

— У меня его нѣтъ.

— У тебя его нѣтъ? ахъ, ты подлецъ!

— Я отдалъ его г. Арагò.

— Дѣйствительно такъ, вотъ онъ.

— Ступай-же и ты къ товарищамъ, и не будь о тебѣ вспомину! Вотъ вамъ рука моя, г. Арагò, случись только Віаль на ту пору съ нами, мы-бы по-свойски отдѣлали наскакавшую на насъ лягушечью сволочь.

— А между тѣмъ, чтобы не потрепали тебя еще разъ на сушѣ, ступай-ка вмѣстѣ съ другомъ своимъ Пёти на причаливающій барказъ, а я препоручу васъ обоихъ кому слѣдуетъ.

— Слушаемъ, сударь, слушаемъ: вино этихъ собакъ больно плохо... не такъ ли, Пёти?

— Какъ-бы не такъ! Будь у насъ еще хоть бутылочка...

— А! слова нѣтъ...

— Завтра получите вы ее, если только не напроказите.

— О чомъ тутъ говорить! все высказано.

Я нарочно разсказываю объ этой дракѣ, потому - что въ одномъ высшемъ кругу составленъ былъ противъ матросовъ Уранiи тайный заговоръ, на которомъ рѣшено было отколотить ихъ, когда они съѣдутъ на берегъ. Послѣ чего, приготовясь заранѣе къ отпору, Пёти, Маршэ, Віаль, Левекъ и другіе, не иначе пускались въ удалыя прогулки свои, какъ рука объ-руку. Ничтожныя стычки производятъ нерѣдко значительныя послѣдствія, и часто глупая чернь поджигаетъ неудовольствія сильныхъ.

Отъ царской столицы Бразилiи до ея пустынь — одинъ только жагъ. Перейдемъ-же его.

До-сихъ-поръ, государи Европы, занимаясь покореніемъ дикихъ странъ, не подумали еще, что лучшее средство овладѣть ими есть заселеніе ихъ. Первыя попытки начаты были съ такими незначительными средствами, что онѣ остались почти всенеудачными. Необдуманность эта произвела еще и другое зло. Скука, изнуреніе, перемѣнный климатъ, истребляли часть экипажей; остальная часть ихъ, упавшая духомъ, лишенная бодрости, сражалась съ туземцами и старалась только избѣжать смерти. Люди становились безплодными жертвами, повсюду лилась кровь, и жалкіе остатки многоцѣнной экспедиціи возвращались домой, завоевавъ нѣсколько кусочковъ золота и безполезную минутную славу. Сочтя всѣ жертвы, которыми куплена Америка, невольно ужаснешься и спросишь себя, неужели эта богатая часть свѣта обведена вся неприступными твердынями и населена народомъ непобѣдимымъ?

Бразилiя, подобно прочимъ странамъ сего материка, имѣла свои фазы гоненій, жестокостей и убійствъ. Цѣлыя племена ея истреблены до послѣдняго человѣка; цѣлыя націи исчезли съ лица земли бразильской; другихъ принудили удалиться на выси горъ, укрыться въ лѣса дремучіе, отдѣлиться отъ своихъ послѣдователей необозримыми степями, потоками и рѣками. Съ-этихъ-поръ опасность европейскихъ переселенцовъ сдѣлалась гораздо дѣйствительнѣе прежняго. Люди безчеловѣчные населили весь край; народныя пѣсни ихъ отзывались какими-то завываніями или бранным крикомъ; пиршества ихъ сдѣлались сценами ужаса, на которыхъ люди — звѣри пожирали человѣческіе трупы; заздравными чашами ихъ были окровавленные черепы непріятелей, побѣжденныхъ въ битвахъ. Изъ среды этихъ грозныхъ племенъ, отличались неистовствомъ своимъ и неустрашимостію ужасные Тупинамбасы, и когда Педральвецъ прибылъ въ Бразилiю, почти всѣ берега имъ принадлежали. Имя этого племени происходитъ отъ

слова *Тупанъ*, что̀ означаетъ на ихъ нарѣчіи «громъ» — символъ ихъ могущества и силы.

Тупинамбасы, какъ почти всѣ дикари, расписывали себѣ разными красками все тѣло и *татуировали* его разными насѣчками. Народоначальниковъ и полуначальниковъ ихъ узнавали по особымъ узорамъ. Они питались охотой и рыбной ловлей и упивались влагою *какуина*, приготовленной самымъ отвратительнымъ образомъ, если вѣрить сказанію г. де-ла Кондамина. Религія ихъ заключалась въ немногихъ догматахъ : они признавали два верховныя существа, изъ коихъ одно призывали за себя, а другое противъ своихъ непріятелей. При рожденіи сына, отецъ давалъ ему первый урокъ варварства, напѣвая гимнъ въ честь воителей, наиболѣе отличившихся въ бояхъ. Потомъ, говорилъ : «Взгляни на сей лукъ, на эту палицу : вотъ оружія твои на противниковъ; неустрашимостью своей обязанъ ты будешь доставлять намъ средства пожирать ихъ растерзанные члены, когда мы не въ силахъ будемъ сами сражаться съ ними. Пусть пожрутъ тебя, если лишишься побѣды; не хочу, чтобы сынъ мой сдѣлался трусомъ». Послѣ этого увѣщанія, повторяемаго въ ежедневныхъ урокахъ, ребенку давали имя какого-нибудь оружія, животнаго или прозябенія, и онъ почти съ дѣтства слѣдовалъ за отцомъ своимъ на войну, гдѣ еще лучше и положительнѣе получалъ уроки варварства на дѣлѣ.

Погребальные обряды ихъ отличались чудесною пышностью, и женщины, обыкновенно столь жестокія у людоѣдовъ, обнаруживали при этомъ случаѣ выразительнѣйшую чувствительность своего пола. Онѣ рвали на себѣ волосы, терзали грудь, увѣчили члены, и испускали неистовѣйшія завыванія. «Онъ умеръ» кричали онѣ: «умеръ тотъ, кто кормилъ насъ столь часто мясомъ враговъ, онъ умеръ!» И трупъ покойника, орошенный слезами, покрытый лобзаніями, опускался въ могилу, гдѣ окладывали его жертвоприношеніями, плодами, рыбою, дичью, маньйоковою мукою и оружіемъ побѣжденныхъ.

При первомъ оскорбленіи отъ сосѣдей, старики сего племени созывали воиновъ, воодушевляли ихъ мщеніемъ, и въ длинныхъ рѣчахъ своихъ припоминали подвиги предковъ. Первая стычка всегда бывала ужасна. Еще издали, начинали они грозить своимъ непріятелямъ, поднимая на нихъ оружіе. За тѣмъ сыпались съ обѣихъ сторонъ обиднѣйшія ругательства, и когда взаимное бѣшенство доходило до-нельзя, противники неистово бросались другъ на друга, поражали враговъ своими палицами и впивались зубами въ ихъ тѣло. Нерѣдко израненный воинъ, подползая къ трупу противника, бросался грызть его съ алчностію хищнаго звѣря, и умиралъ отъ радости, удовлетворя свою месть.

Во всѣхъ стычкахъ съ врагами обоюдно старались захватывать ихъ, какъ можно болѣе въ плѣнъ; потомъ уводили съ собой этихъ плѣнниковъ, какъ трофей побѣды. Воротясь во свояси съ своими жертвами, утонченные эти варвары откармливали ихъ на убой; имъ предоставлялось право выбирать себѣ въ это время подругъ; но дѣло кончалось почти всегда тѣмъ, что несчастныхъ рѣзали для людоѣдскихъ пирушекъ, какъ бойную скотину. Черепы ихъ развѣшивались въ жилищахъ тѣхъ, кому плѣнники доставались. Это были кровавые архивы, разсказывавшіе потомкамъ о славныхъ подвигахъ ихъ предковъ.

Оружіемъ ихъ были огромныя палицы и луки, длиною въ пять и шесть футовъ, а мускійскія орудія — дудочки, высверленныя изъ ножныхъ и ручныхъ непріятельскихъ *костей*. Кромѣ изображеній, которыми расписано было

тѣло Тупинамбасовъ, они просѣкали себѣ нижнюю губу, и вкладывали въ прорѣзъ ея кусочекъ старательно обточеннаго дерева. Женщины избавлены были отъ сего глупаго обычая, и передъ туалетомъ своимъ, т. е. до размазки своего тѣла разными мастями и красками, онѣ не разъ плѣняли чужеземцевъ, и тѣмъ оправдывали привязанность къ нимъ туземныхъ мужей.

Мундруки, передавшіе имя свое цѣлой области, суть опаснѣйшіе изъ дикарей Бразиліи. Другіе племена называютъ ихъ Пайкисэ, т. е. *головорѣзами*, оттого, что эти туземцы обыкновенно отсѣкаютъ головы своихъ полоненныхъ непріятелей, бальзамируютъ ихъ и тѣмъ сохраняютъ на лицахъ жертвъ своего варварства то самое выраженіе, съ которымъ голова жертвы отдѣлялась отъ ея туловища. Этими-то ужасными трофеями украшаютъ они свои хижины, и тотъ, у кого ихъ наберется до десяти, можетъ быть избранъ въ начальники.

Безчеловѣчіе этихъ дикарей, и понынѣ еще скрывающихся въ лѣсахъ, таково, что отъ нихъ нѣтъ пощады ни полу, ни возрасту. Спасаясь отъ нихъ, множество другихъ туземныхъ племянъ принуждено было отдаться подъ покровительство португальскихъ переселенцевъ, впрочемъ не всегда ихъ защищающихъ отъ нападеній противниковъ. Татуированье ихъ лицъ достойно удивленія.

Арарасы суть довольно-значительное племя, почти столь-же грозное, какъ и Мундруки, только менѣе воинственное. У нихъ есть оружіе называемое *эсгараратана* (esgararatane) — родъ *сарбакана* или продушнаго ствола, сплетеннаго изъ двухъ кусковъ дерева и обвитаго бичевками изъ банановыхъ коряныхъ нитей. Сарбакана эта иногда бываетъ длиной футовъ въ пять, а устье ея, совершенно круглое, не болѣе десяти или двѣнадцати линій въ поперечникѣ. Изъ этого ствола выдуваются ядовитыя стрѣлы, длиною въ нѣсколько дюймовъ и окриленныя вмѣсто перьевъ клочкомъ хлопчатой бумаги, который съ нѣкоторымъ трудомъ входитъ въ дуло. Прежде чѣмъ пустить стрѣлу свою въ какое-нибудь живое существо, Арарасы обмакиваютъ кончикъ ея въ густой сокъ ядовитыхъ растеній. Увѣряютъ, что пораженіе сего лѣзвѣя всегда смертоносно и что Арарасы суть единственное племя Бразиліи, употребляющее такія отравленныя стрѣлы.

Юмасы, Маугесы, Паммасы, Паритинтины и множество другихъ племенъ кочуютъ еще по обширнымъ краямъ Бразиліи, и убійственно воюютъ между собою.

Но изъ всѣхъ этихъ дикихъ поколѣній, любопытнѣйшее всѣхъ для изслѣдованія есть, безъ сомнѣнія, племя Бутикудосовъ, племя воинственное, смѣлое, независимое, племя людоѣдовъ, свободно подходящее къ воротамъ столицы, куда, изъ презрѣнія къ ней, никогда хотѣло оно войдти. Свѣжій воздухъ, просторъ и опасности, вотъ все, чего требуетъ, желаетъ и чѣмъ пользуется вполнѣ каждый Бутикудо.

Игры этого народа суть образецъ ловкости. Я не разъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ эти необыкновенные люди, описавъ на землѣ кругъ около десяти футовъ въ діаметрѣ, помѣстясь въ его центрѣ, пускали въ вертикальномъ направленіи стрѣлу, улетавшую изъ виду и падавшую всегда внутри круга.

Бутикудо совершенно нагъ. Цвѣтъ кожи его вохреннокрасноватый. Волоса его длинны и гладки. Подобно Тупинамбасамъ и Бутикудосы оттягиваютъ ушной хрящъ свой до плечь, втыкаютъ въ нижнюю губу кусокъ твердаго дерева съ нарѣзками, и губа эта отвѣшивается до подбородка.

Бутикудо есть, конечно, самый храбрый, самый смышленый, самый удалой дикарь въ цѣломъ свѣтѣ. Ни одинъ

Малаецъ съ своимъ *кришемъ* (кинжаломъ), ни одинъ Гебеецъ съ своимъ *караккоресомъ* (сагассоres), Зеландецъ, съ его каменнымъ головоломомъ, Каролинецъ, съ его узорчатою палицею, ни самый людоѣдъ—Омбаецъ, у котораго я самъ едва уцѣлѣлъ, не могутъ сравняться съ Бутикудомъ, вооруженнымъ стрѣлами и лукомъ или мѣшочкомъ камешковъ.

Есть цѣлые лѣса, дубравы дремучія и вѣковыя, пустыни неизмѣримыя, есть выси недосягаемыя, въ которыхъ скитается Бутикудо; въ этихъ обширныхъ кочевьяхъ, пріютѣ Бутикудосовъ, живутъ они раздольно и безопасно. Не успѣетъ пробѣжать въ сотнѣ шаговъ мимо жилища его одинъ изъ тѣхъ мелкихъ, но хищныхъ звѣрковъ, кои прячутся въ бразильскихъ пустыняхъ, какъ онъ становится уже добычею зоркаго Бутикудо; двуструнный лукъ его уже вытянутъ и мѣткій камень поразилъ его жертву; показался-ли ягуаръ, готовый прянуть на вѣрную добычу, бѣда ему, если Бутикудо заслышалъ его унылую воркотню: зубчатая стрѣла тотчасъ засвищетъ, а за нею вторая, третья, и всѣ три вонзятся во внутренности ягуара.

Луки Бутикудосовъ вышиною отъ семи до восьми футовъ, а стрѣлы бываютъ иногда длиною въ восемь и девять. Онѣ легки, не оперены, вооружены остріемъ, костянымъ или изъ дерева, закаленнаго на огнѣ. Лукъ о двухъ тетивахъ или двуструнный, точно также, какъ и первый, выдѣланъ изъ бамбука. У той части оконечности лука сего, гдѣ тетивы прикрѣплены къ нему, кусокъ дерева, толщиною въ палецъ, отдѣляетъ ихъ одну отъ другой. На серединѣ этой двойной тетивы привязана къ нимъ мелкая сѣточка, къ которой прижимается большимъ и указательнымъ пальцами пращника метательный камешекъ: изъ этого можно посудить, сколько искусства и ловкости нужно имѣть пращнику, чтобы пущенный камень не задѣлъ въ полётѣ своемъ лучнаго древка, находящагося на одномъ планѣ съ тетивами своими.

Посѣтивъ однажды кочевье Бутикудосовъ въ Праіа-Гранде, я просилъ начальника этихъ удалыхъ смѣльчаковъ, дать мнѣ образчикъ дивной ихъ ловкости, о которой разсказываютъ столько чудесъ. И во-стѣ шагахъ, ни больше, ни меньше, изъ двѣнадцати спущенныхъ имъ съ быстротою стрѣлы камней, онъ до десяти разъ попадалъ въ мою взброшенную шляпу, и совершенно разстрѣлялъ ее, а два остальные камня отъ того не попали въ нее, что ихъ разорвало въ полётѣ. Кошка, сторожившая кого-то на мосту, ведущемъ къ церкви *Богородицы въ-путь-шествующихъ*, была убита на-повалъ тринадцатымъ пращнымъ камнемъ, и Бутикудо-стрѣлецъ, которому я поспѣшилъ принесть мои поздравленія, пожавъ плечами, обернулся ко мнѣ спиной, дабы не принять отъ меня предложенной ему благодарности.

Преданность Бутикудосовъ подлинно чудесна; вотъ и доказательства: Русскій повѣренный въ дѣлахъ, господинъ Лансдорфъ, желая усилить свое несчотное и богатое собраніе бразильскихъ рѣдкостей, предложилъ извѣстному нашимъ читателямъ начальнику вымѣнять у него на небольшое число оружія одинъ туземный черепъ. Но начальникъ, котораго учтивость превзошла всѣ его надежды, прислалъ къ нему своего собственнаго сына, съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «*Вотъ вамъ и черепъ, — обдѣлывайте его, какъ вамъ угодно.*

Ребенокъ призрѣнъ былъ у г. Лансдорфа со всѣмъ вниманіемъ, котораго заслуживало его несчастное положеніе. Бѣдняжка, девяти или десятилѣтній мальчикъ, ожидалъ ежедневно, что ему отрубятъ голову, и никакъ не постигалъ, изъ какихъ видовъ съ нимъ обращались такъ человѣколюбиво?

Я часто бралъ съ собой этого мальчика въ разные походы, и увѣренъ, что ни на какомъ языкѣ не найдется приличныхъ словъ для выраженія неустрашимости, ловкости и проворства, доказанныхъ имъ на дѣлѣ. Есть вещи, которыя не ловко разсказывать; есть люди, которые тогда только повѣрятъ чудесамъ, когда сами бываютъ свидѣтелями ихъ.

Кромѣ того, есть еще въ югозападной части Бразиліи цѣлое племя Альбиносовъ, людей жалкихъ, слабыхъ, нездоровыхъ, ясно видящихъ только ночью или послѣ заката солнечнаго. Кожа ихъ, рѣсницы, брови и волоса совершенно бѣлые; глаза и ногти ихъ розоваго цвѣта; люди эти неспособны ни къ какой образованности или нравственнымъ успѣхамъ. Таже почва питаетъ и другихъ *бѣловолосыхъ*, которыхъ Франческо д'Азара называетъ Меладосами; люди эти также неуклюжи и безсильны. Мнѣ самому случилось встрѣтить въ Ріо женщину полубѣлую, получорную, съ пѣгими широкими пятнами на кожѣ, какъ у ягуара. Женщина эта, вѣроятно, была изъ одной семьи съ *аемъ* или тихоходомъ: она ѣла и жила, вотъ и все.

Альбиносы живутъ по сосѣдству съ Бутикудосами. Гг. Философы, растолкуйте эту противуположность!

Окончивъ наши астрономическія наблюденія, мы подняли паруса, напутствуемые урывчатымъ вѣтромъ, быстро вынесшимъ насъ изъ гулета, и вскорѣ обширные лѣса Бразиліи исчезли въ темно-лиловой дали; *лежачій великанъ*, какъ смѣлый водолазъ, нырнулъ въ волны, и мы скоро очутились опять лицомъ къ лицу съ вѣтрами, небомъ и моремъ. И любопытство притупляется, подобно всѣмъ прихотямъ, всѣмъ страстямъ человѣческимъ; вотъ по чему и не должно предаваться ему слишкомъ-неограниченно: я испыталъ это на себѣ, и, не жалѣя, разстаюсь съ обильной почвой, открытой Альваресомъ Кабралемъ, и такъ небрежно допрашиваемой нынѣшнимъ поколѣніемъ Португальцевъ.

Безплодныя завоеванія народовъ обращаются для нихъ скорѣе въ позоръ, чѣмъ въ славу.

Береговой вѣтеръ свѣжѣетъ. Вотъ еще анекдотъ о Бразиліи, еще одинъ и послѣдній взглядъ на людей, которые бороздятъ ее.

Всего любопытнѣе, — а это замѣтилъ уже не одинъ посѣтитель сего безпредѣльнаго государства, половина коего неизвѣдана еще и понынѣ, — всего любопытнѣе, повторяю я, разнообразіе нравовъ дикарей, здѣсь кочующихъ. Всѣ они, за исключеніемъ Альбиносовъ, жестокіе, безчеловѣчные людоѣды; почти всѣ ведутъ кочевую жизнь, безъ законовъ, безъ вѣры: или создаютъ себѣ боговъ по однимъ прихотямъ; всѣ вообще отличаются возрастающею алчбою хищенія и разрушенія, и не-смотря на то, между племенами ихъ существуютъ довольно-рѣзкіе оттѣнки, подающіе надежду, что племена сіи, или по крайности нѣкоторыя изъ нихъ, могутъ воспользоваться въ будущности благодѣяніями образованности, какъ ни лѣниво дѣйствуетъ она на непокорную человѣческую нравственность.

Возьмемъ для примѣра хоть Бутикудосовъ: люди эти отличаются отъ всѣхъ *враговъ* своихъ (а кто здѣсь не враждуетъ?) совершеннымъ отсутствіемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ дружбы и семейственности, столь могучихъ и священныхъ для самыхъ дикихъ народовъ въ мірѣ. Между Бутикудосами нѣтъ ни пріязни братской, ни любви материнской или сыновней. Они родятся, живутъ, оттягиваютъ уши ребенку, прочикаютъ его нижнюю губу, втыкаютъ въ нее толстый кусокъ дерева, вмѣсто столика для будущихъ обѣдовъ; вооружаютъ ребенка стрѣлометнымъ или камнеметательнымъ лукомъ,

указываютъ ему на дремучій лѣсъ или дикую пустыню и говорятъ: «Вотъ твое раздолье, ступай, ищи сраженій и воюй со всякимъ живымъ существомъ, которое дерзнетъ противустать тебѣ!» По смерти, его никто не оплакиваетъ; его не погребаютъ; племя его лишается одного своего члена, и — дѣло съ концомъ!

У Тупинамбасовъ, напротивъ, не взирая на то, что они, если можно, еще безчеловѣчнѣе Бутикудосовъ и Паикисовъ, — проявлялись не разъ слѣды чувствъ любви столь истинной, столь неистовой, столь восторженно-выраженной, что она принимала видъ героическаго порыва, такъ что она, какъбы оправдывала и самые ужасы мести, служившія ей послѣдствіемъ.

Кровопролитная война завязалась между Паикисами и Тупинамбасами; въ одномъ изъ тѣхъ побоищъ, гдѣ зубы и ногти этихъ звѣрообразныхъ дикарей начали разыгрывать роль свою, наравнѣ со стрѣлами и палицами, нѣсколько обоюдныхъ начальниковъ пали, а два свирѣпыя племени все еще безъ устали продолжали воевать. Во-время послѣдней ихъ схватки, одна женщина примѣтила, какъ враги побѣдители, убившіе ея мужа, разметывали обрывки тѣла его по долинѣ. Это воспламеняетъ въ ней жажду мести неслыханной; она въ ночи сообщаетъ мысль свою землякамъ; они одобряютъ ее и ободряютъ.

— Пронзите мнѣ спину, лядвеи, грудь, говоритъ она: выколите мнѣ одинъ глазъ, отсѣките два пальца на лѣвой рукѣ, дайте волю, и я отплачу за своего мужа. Воля ея исполнена, несчастная изуродована, — и не испустила ни одного болѣзненнаго вопля, не огласила воздухъ ни одной жалобой.

— Прощайте, вскрикнула она, когда все было кончено. Если можно, то, спустя пятнадцать солнечныхъ восходовъ, нападите на враговъ, именно въ этотъ часъ, и я клянусь, что число прежнихъ противниковъ вашихъ значительно уменьшится.

Она бросается вонъ изъ стана, бѣжитъ, и, вся облитая своею кровью, прибѣгаетъ къ Паикисамъ, расположившимся не подалеку оттуда, на становищѣ, готовымъ къ новой схваткѣ на слѣдующее утро. Завидѣвъ ихъ огни, она бросается, приводитъ въ смущеніе своими криками, и падаетъ къ ногамъ вождя, испуская болѣзненныя стенанія.

Всѣ окружаютъ ее, распрашиваютъ, и хитрая Тупинамба, прерывистымъ голосомъ, говоритъ имъ, что начальники ея племени обрекли ее на смерть за то, что она молилась объ успѣхѣ оружія Паикисовъ; что, не-смотря на угрозы своихъ одноплеменниковъ, она осмѣлилась ихъ ослушаться, что ее привязали къ столбу и предали пыткамъ, которыми привыкли у нихъ терзать своихъ плѣнныхъ непріятелей; что мучители ея, въ надеждѣ лучшихъ успѣховъ на слѣдующее утро, всѣ заснули, а между-тѣмъ она, пользуясь временемъ усыпленія ихъ, бѣжала искать пріюта у тѣхъ, за которыхъ произносила она свои пламенные обѣты.

При видѣ ранъ этой женщины, изъ которыхъ многія глубоко проникли ей въ тѣло, Паикисы не могли усомниться въ истинѣ ея разсказа, и спѣшили помочь ей, столь жестоко за нихъ пострадавшей. Вскорѣ женщина эта, оправясь отъ ранъ, могла уже раздѣлять всѣ труды Паикисовъ. Неусыпная, предусмотрительная на стражѣ около ихъ стана, она съ дѣятельностію оберегала его, по-видимому, всегда готовая подать первый крикъ тревоги. Одинъ изъ вождей избралъ ее себѣ въ жены, и новая эта жена осыпаетъ его знаками признательности и любви... Однажды, съ наступленіемъ ночи, весь станъ приходитъ въ смятеніе; главнѣйшіе предводители его просыпаются отъ

припадковъ ужаснѣйшей боли; безпокойство ихъ усиливается, они катаются по землѣ; непостижимая болѣзнь начинаетъ ломать ихъ; всѣ они въ жесточайшихъ судорогахъ; и когда молодая Тупинамба удостовѣряется, что ядъ, ею приготовленный, и такъ удачно розданный, даетъ ей возможность перечесть его жертвы, она, радостно вспрянувъ, убѣгаетъ изъ стана, произноситъ громкій условный крикъ, повторенный отголоскомъ ближней дубравы, и Паикисы, захваченные въ-расплохъ, во-время болѣзненной агоніи, изрублены и перебиты Тупинамбасами, предувѣдомленными заранѣе о часѣ и днѣ убійства.

Будемъ надѣяться, для блага человѣчества, что эти свирѣпыя племена не замедлятъ взаимно истребить себя, и, какъ гіена и тигръ, исчезнутъ нѣкогда съ лица земли.

Вмѣсто-того, что-бы направить курсъ нашъ къ Столовой-Губѣ, южной оконечности Африки, мы отправились въ высшія широты, на поискъ вѣтровъ, болѣе перемѣнныхъ, оставя отъ себя влѣвѣ тотъ *священный утесъ*, тотъ волканическій островъ, съ его великими воспоминаніями и безмолвною долиною, гдѣ угасла прекраснѣйшая звѣзда, такъ ярко блиставшая на *нашемъ* горизонтѣ.

— Привѣтствую тебя, островъ Св. Елены! Привѣтствую васъ, три плакучія ивы, и по-нынѣ еще сѣтующія о безсмертномъ мертвецѣ, замкнутомъ въ гробѣ желѣзномъ! *)

Мысли наши приняли оборотъ грустный и мрачный; умственные взоры наши обращались къ славному былому, столь глубоко начерченному на стольких исполинскихъ памятникахъ, — какъ вдругъ плачевное зрѣлище поразило нѣжнѣйшія наши чувства.

Разсказывая о несчастіи, мы проливаемъ бальзамъ на наши раны; горе наше всегда облегчается слезами.

Никого такъ не любили у насъ товарищи на корветѣ, какъ Теодора Лаборда, никто такъ не былъ счастливъ этою всеобщею любовію; вскорѣ надѣялся онъ обнять свою мать, ожидавшую его на островѣ Св. Маврикія (островѣ Бурбонѣ). Молодой, но уже опытный и неустрашимый, офицеръ этотъ игралъ блестящую роль въ Уэссанскомъ сраженіи и въ другой морской битвѣ Таматавской губы (на островѣ Мадагаскарѣ), гдѣ флотъ французскій такъ похвально поддержалъ честь своего флага.

Лабордъ былъ на вахтѣ. Румпель какъ-то зацѣпился; онъ приказалъ его освободить; но когда онъ самъ наклонялся при этомъ къ палубѣ, у него порвалась въ груди жила. На другой день, послѣ завтрака, у него хлынула горломъ кровь; онъ привсталъ и сказалъ намъ: — Черезъ недѣлю, друзья мои, приглашаю васъ къ себѣ на погребенье.

Несчастливецъ прочолъ участь свою въ книгѣ судебъ.

— Однакожъ, прибавилъ онъ послѣ перваго припадка, это ужасно! ужасно умереть въ виду цѣлаго поприща опасностей и славы! И тѣмъ ужаснѣе, продолжалъ онъ, подавая намъ руки, когда покидаешь друзей, о которыхъ жалѣешь, семейство, которое оплакиваешь; а смерть — какъ тутъ — готова схватить свою добычу! Не правда-ли, что и вы меня не забудете, поговорите обо мнѣ, когда меня не станетъ? Не такъли, мои добрые товарищи? Обѣщайте мнѣ это; пріязнь ваша такъ отрадна, а я такъ нуждаюсь теперь въ утѣшеніи! Бѣдный отецъ мой такъ близко, онъ ждетъ меня; разскажите ему, какъ онъ былъ мнѣ дорогъ... какъ я любилъ

*) Теперь тамъ нѣтъ болѣе Наполеонова праха: Франція, которой онъ завѣщалъ его, уже получила свое наслѣдство...

Пр. Перев.

его... Спасибо вамъ, докторъ, спасибо... Завтра... завтра... я не проснусь уже болѣе... ничто меня не разбудитъ... Повернись я, и меня не станетъ въ одно мгновеніе... И вотъ, страданія мои умножаются, пора кончить... Простите, друзья, простите!..

Онъ повернулся еще разъ и прожилъ еще четверть часа; въ продолженіе этого времени онъ скликалъ всѣхъ насъ къ себѣ. Восходящее солнце озарило первымъ лучомъ своимъ портъ, у котораго лежала голова Лаборда.

— Чу! Пушечный выстрѣлъ! сказалъ онъ, задергивая занавѣску.

На слѣдующее утро, корабельныя реи искривились, сырая доска была выпущена за нительсы (сѣтки), безмолвіе горести господствовало на палубѣ, аббатъ (капелланъ) де-Келенъ произнесъ краткую молитву надъ кускомъ парусины, въ которой завернутъ былъ трупъ, и корабль сбросилъ съ себя грузъ честнаго человѣка, неустрашимаго моряка...

Послѣ сорокадневнаго, довольно-скучнаго плаванія, безъ штилей и бурь, волненіе сдѣлалось глубже и медленнѣе; чудовищные киты начали пускать въ воздухъ быстрые фонтаны воды, и астрономическія наблюденія, согласныя съ примѣтами матросовъ, не иначе дѣлающихъ свои наблюденія, какъ по теченію волнъ, извѣщали насъ, что мы должны быть въ окрестностяхъ мыса Доброй-Надежды. Тамъ Америка, здѣсь Африка и все это — одинъ переходъ! Признаюсь, такъ любилъ-бы я всегда путешествовать!

Но вотъ и берегъ, къ которому ночное волненіе принесло насъ. Но великій Боже! что за противуположность? Въ Бразиліи все веселья, многорыбныя струи; здѣсь воды свинцоваго цвѣта и тусклыя. Въ Америкѣ безконечные, вѣчные лѣса; въ Африкѣ, огромныя массы утесовъ, прорытыхъ и истерзанныхъ постояннымъ буйствомъ валовъ морскихъ; и ни травинки на этихъ голыхъ утесахъ, ни одного слѣда произрастенія, даже и вдали: это какой-то необозримый хаосъ обломковъ лавы, цѣлая картина фантастическихъ ужасовъ; въ Бразиліи—повсемѣстная жизнь; на мысѣ Доброй-Надежды повсюдная смерть. Не дурно: такое путешествіе мнѣ по вкусу!

О! какъ поэтически помѣстилъ Камоэнсъ своего грознаго Адамастора на одной изъ сихъ мрачныхъ, безмолвныхъ скалъ, у подножія коихъ погрязло столько раздробленныхъ корабельныхъ труповъ! Сколько воплей тутъ было задушено; сколькихъ предсмертныхъ судорогъ были свидѣтелями эти утесы, съ тѣхъ-поръ, какъ Васко де Гама окрестилъ эту оконечность Африки приличнымъ именемъ «мыса бурь».

Часъ спустя послѣ восхода солнечнаго, подулъ свѣжій, упорный вѣтеръ. Мы взяли курсъ къ Столовой-Губѣ и опустили якорь посреди рейда на каменномъ днѣ, усыпанномъ мелкими раковинами. Карандашъ мой и кисти не гуляли, и картоны мои обогащались изображеніями величественныхъ и гигантскихъ пейзажей.

По-мѣрѣ-того, какъ мы подавались впередъ въ нашемъ опасномъ плаваніи, я почувствовалъ необходимость собраться съ мыслями и ограничить пылъ моего воображенія, которымъ на бѣду мою надѣлила меня судьба: безпрестанно старался я подчинить его строгому разсудку. Поэтъ не годится для ученаго похода; въ отношеніи къ странствованіямъ нѣтъ ничего бѣднѣе, какъ богатство чувствъ; надобно всегда умѣть кстати вычеркивать самого себя изъ картинъ, которыя мы обязаны развертывать предъ глазами другихъ. Если-бы нравственное изображеніе самого путешественника стояло всегда въ началѣ издаваемой имъ книги, всегобы легче было отличить ложь отъ истины, и лѣтопись земель и народовъ

была-бы рѣзче и положительнѣе. Прошу извинить меня за мой слогъ, но не прошу извиненія въ вѣрности разсказа: описываю видѣнное не *нынѣшними* *), а прежними глазами; пишу не воображеніемъ. Ищу вѣры, не похвалы. Но развѣ восторгъ не простителенъ и въ наблюдателѣ? Сколько есть сценъ, великихъ, драматическихъ, которымъ сочувствуетъ и сердце наше и разумъ! Если истина выходитъ, по-видимому, изъ общей колеи, то это часто зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой повѣствователь смотрѣлъ на нее.

Вотъ мы и на рейдѣ Капскомъ: теперь, прошу покорно остаться равнодушнымъ къ величественной и дикой панорамѣ, развернувшейся передъ испуганнымъ вашимъ взоромъ! На-право исполинскія массы чорныхъ лавинъ, обнаженныхъ и такъ вычурно вырѣзанныхъ, что сама мертвая природа сей части Африки какъ-бы принимаетъ видъ жизни кипящей и прядающей во внутреннихъ ея пустыняхъ. Вотъ Хребетъ-Льва, въ который водружонъ развѣвающійся флагъ Великобританіи: нѣсколько далѣе, хребетъ сей постепенно понижается, потомъ вдругъ опять возникаетъ и образуетъ площадь широкую, ровную и столь правильную, что ее прозвали Столомъ, съ вершины коего вѣтры буйно рѣются и рыщутъ по Океану, вздуваютъ его и отталкиваютъ, разметая, подобно пѣнѣ морской, дерзновенныя суда, повѣренныя ему фортуной. «Скатерть накрыта», говорятъ моряки, когда клубистые облака, сорвавшись съ такъ-называемой Чортовой-Головы — насупротивъ Хребта-Львинаго, начнутъ сталкиваться, отдѣляться и тучиться на вершинѣ площади. «Скатерть накрыта! руби канаты и держи въ море!...» Напрасныя усилія! Урагану необходимы жертвы, и если изъ десяти судовъ, стоявшихъ на якорѣ, одно спаслось, значитъ, что Небо умилосердилось, и буря дозволила хоть одному голосу подать вѣсть о бѣдствіи прочихъ.

Чортова-Голова отдѣлена отъ главной площади глубокимъ и узкимъ пролетомъ, изъ котораго вырываются гибельные шквалы, отталкиваемые тѣсносжатыми скалами, которыя были расколоты ими въ буйныхъ порывахъ.

Судите теперь о разнообразіи метеорологическихъ феноменовъ, которые сосредоточиваются на этомъ бѣдственномъ рейдѣ! Я видѣлъ здѣсь самъ, какъ два корабля, одинъ выходившій, другой входившій — неслись на всѣхъ парусахъ, почти бортъ о бортъ, гонимые оба попутными вѣтрами! *) Можно вообразить себѣ, какъ шумна бываетъ схватка этихъ двухъ противныхъ вѣтровъ, когда они, свернувъ съ параллелей своихъ, столкнутся между собою и начнутъ ужаснѣйшую борьбу за оспориваемое ими пространство! Въ-лѣво отъ Чортовой Головы, почва уравнивается, вдаваясь въ африканскія пустыни, описываетъ широкую параболу, по направленію къ Слоновой-рѣкѣ, и въ разстояніи девяти льё (около 40 верстъ) оттуда, постепенно возвышается опять къ поморью, въ видѣ оплота противъ напора Атлантики.

Почти въ равномъ разстояніи отъ Львинаго-Хребта и Чортовой-Головы, у подножія Столовой-Горы, выстроенъ Капстадтъ, свѣжій, бѣлый, веселый, какъ городъ отдѣлываемый на щегольскую ногу. Передъ каждымъ домомъ терраса, а подъ уступомъ ея рядъ деревьевъ, для ежедневной прогулки хозяекъ; городскія улицы широки, правильны, опрятны, просторны; вездѣ благоухаетъ Голландіею, первою

*) Авторъ въ-послѣдствіи ослѣпъ совершенно. *Пр. Перев.*

*) См. примѣчанія въ концѣ книги.

устроительницею этой, нѣкогда цвѣтущей, осѣдлости, доставшейся, по праву войны, въ чужія руки.

На-лѣво отъ города, въ виду пристани и великолѣпной казармы, раскидывается обширное и печальное Марсополе, котораго сосны, наклоненныя почти къ почвѣ, свидѣтельствуютъ о частомъ посѣщеніи ихъ ураганомъ. Грустно смотрѣть на эти деревья!

Нѣсколько укрѣпленій, хорошо расположенныхъ, защищаютъ городъ, еще лучше обороняемый затруднительностью высадки. Въ мирное время, гарнизонъ его простирается до 4000 человѣкъ; въ военное усиливается по мѣрѣ опасеній. Не изъ Европы, однакоже, раздастся первый выстрѣлъ, долженствующій вырвать эту колонію изъ рукъ Англичанъ: нападеніе послѣдуетъ изъ внутренней Африки, изъ страны воинственныхъ Кафровъ и другихъ неустрашимыхъ племенъ, обвивающихъ городъ и частныя владѣнія колонистовъ обширною сѣтью и безпрестанно ихъ обрѣзающихъ или разоряющихъ. Будущее Англичанъ здѣсь грозно и грустно.

Я не изъ числа тѣхъ, которые, прибывъ въ страну, достойную любопытства, торопятся узнать, что̀ въ ней есть примѣчательнаго, и съ жадностію на него стремятся. Въ отдаленныхъ походахъ моихъ, люблю я именно то̀, чѣмъ пренебрегаютъ умы поверхностные, именно то̀, что̀ немногіе изъ путешественниковъ избираютъ предметомъ своихъ думъ: не Европы ищу я на югѣ Африки...

Безплодная и дикая гора нависла здѣсь надо мною: ее первую намѣренъ я посѣтить. Кто знаетъ, что̀ завтра случится? Ураганъ, которымъ она теперь чревата, не легко-ли можетъ насъ выгнать отсюда, не давъ и одуматься? Взлѣземъ-же скорѣе на этотъ столъ, пока буря не *накрыла* на немъ своей *скатерти!*

Чуть-наклоненною плоскостью ведетъ здѣсь дорога по полямъ, къ подножію каменныхъ скалъ; небольшія канавки и полноводные ручейки пересѣкаютъ ее до-туда; но здѣсь гибнетъ и замираетъ уже всякое прозябеніе; гора поднимается почти отвѣсно, и узенькая тропинка, обличающая слѣды посѣтителей, едва приметная, исчезаетъ вскорѣ посреди хаоса костлявыхъ утесовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какія опасности ожидаютъ изслѣдователя на ихъ высяхъ. Чувство нерѣшительности передъ борьбою мнѣ здѣсь понятно; но въ виду опасностей я почерпаю новую бодрость, и ничто въ мірѣ не заставило-бы меня оборотить имъ тылъ. Со мной превосходное двуствольное ружье, пара пистолестовъ, сабля, ягташъ, памятная книжка, карандаши. Довольно для обороны; почему знать — не дрогнутъ-ли тигры и Кафры передъ плохими очерками артиста заурядъ? На всякій случай, я обращусь однакоже къ моему огниву и другому оружію: они, вѣроятно, будутъ лучшими моими союзниками.

Дорога все становилась круче и круче, въ-продолженіе этихъ размышленій, которыя выражались не рѣдко вслухъ; раскаленное солнце истощало силы мои, но не бодрость.

Я продолжалъ карабкаться на крутую плоскость и часто останавливался для отдыха, за какимъ-нибудь выгибомъ утесовъ, вовсе не заботясь о томъ, рано-ли, поздно-ли доберусь до вершины. Жаръ былъ несносный: Реомюровъ термометръ, въ сѣверной тѣни, безъ рефракціи, показывалъ $30^{7}/_{10}°$; а я, по недогадливости своей, взялъ съ собой только одну тыквенную бутылку воды, уже выпитую; и ни одно журчаніе родника не подавало надежды на утоленіе будущей жажды. Все это, однакожъ, не остановило меня: я продолжалъ лѣзть выше и выше, не-смотря на то, что задыхался отъ усталости.

На двухъ третяхъ пути моего, въ минуту бездѣйствія и покоя, раздался за мною грохотъ обрыва. Я началъ прислушиваться, второй ударъ послѣдовалъ за первымъ, за вторымъ третій — все ближе и ближе. Ни шелестинки въ воздухѣ, ни искры жизни въ природѣ; тутъ только понялъ я, что вблизи отъ меня былъ непріятель: какой-нибудь тигръ или бѣглый негръ. Я приготовился къ оборонѣ: зарядилъ двумя пулями ружье и осторожно засѣлъ въ своемъ временномъ пріютѣ; потомъ, какъ-бы устыдясь своей робости, я тишкомъ обогнулъ скалу, меня заслонявшую, выставилъ голову впередъ и началъ высматривать, откуда грозила мнѣ опасность?

— Прочь! закричалъ мнѣ голосъ, не безъ умысла усиленный: прочь, или ты погибъ!..

И подлинно, я увидѣлъ прицѣлившагося въ меня человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые даже и съ перваго взгляда не слишкомъ страшны и гораздо-готовѣе подать вамъ руку, чѣмъ вступить съ вами въ бой.

— Прочь-же и ты, въ свою очередь! возразилъ я ему, направляя на него дуло одного изъ моихъ пистолетовъ: чего тебѣ надобно?

— Ничего.

— Я такъ и думалъ.

И мы потихоньку сходились.

Дорожный костюмъ его былъ довольно-страненъ. Маленькая шляпка изъ тонкаго поярку, щеголевато вычищенная, была надѣта имъ на бекрень; на шеѣ у него былъ шолковый галстухъ, завязанный à la Colin, какъ у театральныхъ простачковъ. Синій фракъ его, сшитый Штаубомъ или Лафитомъ, былъ новъ и въ обтяжку, какъ носили тогда по послѣдней модѣ; панталоны были изъ козьей шерсти; тонкіе башмачки, работы Закоскаго, и шолковые чулки, довершали его нарядъ. Его можно было принять за франта изъ Торгоніевой кофейни, только-что воротившагося съ прогулки въ *тильбюри* (таратайкѣ), и я, смотря на его щеголеватый костюмъ, никакъ не могъ удержаться отъ смѣха, между-тѣмъ-какъ и онъ, въ свою очередь, дѣлалъ тоже, глядя на мою, еще болѣе странную одежду. Толстые башмаки, со штифлетами, широкіе холщевые брюки, безъ помочей, синяя рубашка съ открытымъ воротомъ, руки безъ перчатокъ, огромная соломенная шляпа на головѣ, при полномъ вооруженіи — таковъ былъ человѣкъ, представившійся моему противнику. Прибавьте ко всему этому голосъ слабый, лицо нѣжное и румяное съ одной стороны, а съ другой — органъ довольно-грубый, и соотвѣтственный ему цвѣтъ лица.

Послѣ первыхъ безмолвныхъ освѣдомленій другъ о другѣ, бесѣда наша возобновилась и я первый сказалъ:

— Знаете-ли вы, что вы меня порядочно напугали?

— А знаете-ли вы, что вы запугали меня не на-шутку?

— За то, теперь, вы поуспокоились?

— Ну, да; а вы?

— Я? не совсѣмъ еще; вы, просто, ужасны!

И я покатился со-смѣху.

— Но куда-же вы такъ расфрантились? спросилъ я, усаживаясь у его ногъ.

— А вотъ видите-ли, сударь, здѣсь только и ходу, что вверхъ да внизъ: такъ вотъ я вздумалъ-было вскарабкаться вверхъ.

— И я тоже, — въ походъ!

Я взялъ его подъ-руку, и мы принялись помогать другъ-другу во-время нашего тягостнаго восхожденія.

— Бригъ, на которомъ я прибылъ, еще съ-утра бросилъ якорь на Капскомъ рейдѣ. Капитана зовутъ Гюаромъ; черезъ нѣсколько дней онъ намѣревался отправиться въ Калькутту... Этимъ ограничилась довѣренность мо-

его товарища, перерывавшаго разсказъ свой глубокими вздохами и жалобными криками, къ которымъ вынуждала его острота камней, разсѣянныхъ на пути.

— Я долженъ вамъ замѣтить, сударь, что въ такой походъ не пускаются въ бальныхъ башмачкахъ, говорилъ я въ отвѣтъ на каждое изъ его стенаній: вамъ слѣдовало-бы догадаться, что на Столовой-Горѣ не разостлано ни мягкихъ ковровъ, ни гладкихъ паркетовъ; не лечиться-ли отъ съумазбродства ѣдете вы въ Калькутту?

— Я ѣду туда, какъ натуралистъ, отправленный Королемъ, отвѣчалъ онъ.

По-мѣрѣ продолженія нашего пути затрудненія увеличивались: мой спутникъ часто просилъ меня надъ нимъ сжалиться, и горько умолялъ меня не покидать его.

— Смѣлѣе! вскричалъ я ему, обогнавъ его: ободритесь, не унывайте! скоро дойдемъ.

— Вотъ уже часа съ два, какъ вы мнѣ это твердите.

— Смѣлѣе! вотъ я и дошолъ.

Нѣсколько минутъ спустя, оба мы были уже на площадкѣ... Я, первый, чуть не задохшійся, весь изломанный, но на ногахъ. Онъ, второй, полумертвый, въ разстяжку на каменной глади.

Ничто въ мірѣ не могло быть величественнѣе той картины, надъ которою я парилъ тогда взорами. Подъ ногами моими было все, что только есть великаго, грознаго, поэтическаго, ужасающаго въ природѣ. По сторонамъ — море, усѣянное судами, цѣлый городъ, сверкавшій зданіями, крутыя дикія горы, необозримыя степи, гдѣ глазъ теряется въ безпредѣльной дали. Мы взлѣзли и стали во весь ростъ на высочайшій камень этой возвышенной плоскости, прозванный китайскою гробницею, и гордясь своимъ завоеваніемъ, мы присѣли и вскорѣ потомъ, веселость, утраченная нами во-время борьбы съ препятствіями, пробудилась снова.

— Не постигаю, сударь, сказалъ мнѣ мой новый пріятель: почему не сказали вы мнѣ вашего имени?

— А почему-же и вы не объявили мнѣ, какъ васъ зовутъ?

— Я ожидалъ съ вашей стороны довѣренности, но мнѣ кажется не имѣю въ ней нужды.

— Отчего-жъ такъ?

— Я гдѣ-то васъ видѣлъ, знаю васъ.

— И мнѣ тоже сдается; смотря на васъ, я начинаю припоминать...

— Не изъ Парижа-ли вы?

— Разумѣется, я объѣзжаю свѣтъ на *Уранiи*.

— Не обѣдали-ль вы, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ своимъ, у г. Кювье?

— Да.

— Стало-быть, вы у насъ обѣдали: я сынъ его жены.

— Г. Дювошель?

— Г. Араго!...

И мы братски обняли другъ-друга.

— Съ-этихъ-поръ будемте съ вами — на *ты*... Закусимъ вмѣстѣ!

— Я только-что хотѣлъ предложить...

— Я умираю съ голоду.

— А я развѣ нѣтъ?

— Что, однакоже, если-бы какому-нибудь льву вздумалось къ намъ пожаловать?

— Мы пригласимъ и его.

— Не согласится.

— А вотъ увидимъ: покажите-ка, что у васъ въ кисетѣ? продолжалъ я.

— О томъ-же прошу взаимно.

— Увы! осталось только одно яблоко.

— А у меня одинъ сухарь.

— Все пополамъ!

Такъ и сдѣлано.

— Нѣтъ-ли хоть на глотокъ вина?

— Ни капельки. А у васъ нѣтъ-ли хоть воды?

— Ни слезинки.

— Никогда не забуду приглашенія вашего; но что ни говори, а у отчима

вашего гораздо-сытнѣе обѣдаютъ въ парижскомъ Ботаническомъ-Саду.

Поговоря между собой по-дружески около получаса, мы спустились съ горы, и чтобы скорѣе сойти съ нея, рѣшились соскользнуть съ нея по камушкамъ: иногда въ одинъ раскатъ, перескользали мы довольно-значительно пространство. Толстые башмаки мои, совершенно пробившіеся, сказали мнѣ вѣчное прости при подошвѣ горы; платье мое, все въ лохмотьяхъ, заставило меня, по-неволѣ, обождать, пока свечеряетъ передъ обратнымъ вступленіемъ въ городъ. Что-же до г. Дювошеля, на немъ не осталось клочка живаго, ни фрака, ни шолковыхъ чулокъ, ни шляпы, ни башмаковъ. Щеголь нашъ переодѣлся Кафромъ. За то онъ былъ на вершинѣ горы.

Увы! не прошло и двухъ лѣтъ потомъ, какъ бѣдный натуралистъ скончался въ Калькутѣ.

Путешествія эти — настоящіе прожоры!

X.

МЫСЪ ДОБРОЙ-НАДЕЖДЫ.

Львиная охота. — Подробности.

Раскажемъ-же еще нѣсколько событій, если ихъ логика столь краснорѣчива. Люди и эпохи не должны-бы имѣть другихъ историковъ: одни только событія могутъ передавать съ точностью физіономію народа, а тутъ по-крайней-мѣрѣ всякій можетъ безопасно заимствовать, что ему нужно для просвѣщенія своей совѣсти и ума. Вотъ единственная книга, которая никогда не обманывала.

Когда люди впервые прибыли сюда для основанія своихъ осѣдлостей, они нашли только жосткую, безплодную почву, прикрытую ордами кочующихъ дикарей. Огнестрѣльныя орудія заставили скоро замолчать условную силу дротиковъ и кистеней. Туземцы удалились во внутренность сего края, а корабли-скитальцы нашли здѣсь пріютъ для наливки свѣжею водою и доставленія себѣ свѣжихъ припасовъ, на половинѣ пути изъ Европы въ Восточную-Индію. Доселѣ-поръ все было чистымъ барышомъ для торговли и просвѣщенія; но къ-сожалѣнію этимъ и заключилось осуществленіе мысли, столь исполинской въ-началѣ и столь ничтожной въ-послѣдствіи, мысли — нравственнаго завоеванія южной Африки! Испанскіе піастры и англійскія гинеи обогатили колонистовъ и отбили у нихъ охоту развивать дальше свою промышленость и успѣхи образованія: вѣка прошли по Губѣ-Столовой, осѣдлости чисто европейской, а цѣлый кряжъ земли, едва не прилегавшій къ городу, оставался въ пустѣ, а цѣлыя орды бродячихъ племенъ, прикочевывавшихъ почти къ самому городу, оставались по-прежнему дикими и неукротимыми. И между тѣмъ, сколько славы представлялъ подвигъ по-

коренія страны, гдѣ кровь человѣческая могла проливаться не иначе, какъ подъ владычествомъ законовъ и правосудія? Вообще говоря, торговля — плохой возродитель!

Въ краю, если смѣю такъ выразиться, испещренномъ присутствіемъ двадцати различныхъ племенъ, пусть извинятъ меня, если стану продолжать путь мой въ припрыжку — съ холма въ долъ, изъ дома въ шалашъ, изъ неизмѣримаго храма природы въ какую-нибудь протестантскую залу. Главнѣйшая цѣль моя — не позабыть ничего; порядокъ и симметрія въ разсказѣ плохо-бы согласовались съ разнообразіемъ картинъ, развивающихся у меня передъ глазами.

Говоря вообще, Капстадтъ представляетъ взорамъ наблюдателя видъ довольно-странный, разладный, поразительный, отталкивающій. Въ немъ дышешь воздухомъ неопредѣленнымъ: всѣ касты рабовъ, занятыхъ здѣсь земледѣліемъ и прислугой въ домахъ, отличаются рѣзкостію своего характера. Готтентотъ, Кафръ, Мозамбикецъ, Малгашъ, враги непримиримые, толкутся здѣсь все въ одномъ мѣстѣ, грозятъ другъ-другу, схватываются между собой на перекресткахъ, и вы здѣсь нерѣдко встрѣтите между двумя чорными, слюнявыми, гадкими рожами, силуэтъ бѣленькой, щеголеватой, молоденькой Англичаночки, какъ ликъ небеснаго существа, бѣгло очерченный между обликами двухъ демоновъ; тутъ, вамъ послышатся пѣсни, или вѣрнѣе сказать, какая-то дикая воркотня, тамъ — неистовыя пляски, отъ которыхъ глаза прочь воротятся; звѣрскіе крики, мусикійскія орудія, торжественно выточенныя изъ обломковъ костей или морскихъ раковинъ, и все это въ какомъ-то тѣсномъ хаосѣ, и все это, вмѣстѣ взятое, образуетъ родъ колоніи, родъ осѣдлости грязной, оскотинившейся, развращенной.

И вотъ, — взгляните сюда, — только посторонитесь, близко глядѣть опасно. Передъ вами ѣдетъ безконечная тележища, длиною съ два омнибуса, тяжолая, раздробляющая дорогу: въ телегѣ этой есть спальня, постель и кухня; въ нее запряжено по-парно 12, 14, 16, а гораздо-чаще того до полуторы дюжины буйволовъ, которые не рѣдко мчатся вскачь по неровнымъ каменистымъ дорогамъ; за ними крутятся облака пыли и цѣлыя тучи мелкаго хвощу, затемняющія воздухъ; впереди этого поѣзда заныхавшійся Готтентотъ кричитъ всѣмъ встрѣчнымъ — «поди!» — На козлахъ усаженъ Кафръ; внимательно наклонясь впередъ, онъ твердою рукой держитъ возжи, между-тѣмъ-какъ другой такой-же невольникъ, вооруженный бичомъ, кнутовище котораго не длиннѣе двухъ футовъ, а плеть футовъ въ шестьдесятъ, подстрекаетъ ею горячность упряжныхъ буйволовъ; удары его такъ мѣтки, что если-бы какое-нибудь насѣкомое прильнуло къ шеѣ или къ бедрамъ этихъ животныхъ, то онъ однимъ ударомъ бича расхлеснетъ его во мгновеніе ока, надъ тѣми каплями крови, которое оно выпустило своимъ жаломъ. Рѣшительно увѣряю, что такой кафрскій Автомедонъ указалъ-бы дѣло свое любому Автомедону Греціи, о которомъ Гомеръ наговорилъ намъ столько чудесныхъ вещей.

Если-бы Кафры, Малгаши, Мозамбикцы могли стакнуться между собою, то весь Капстадтъ обратился-бы въ груду развалинъ, и пришлось-бы строить опять новую осѣдлость. Зная это, Европейцы стараются всѣми мѣрами поддерживать взаимный и кровоместническій духъ ненависти этихъ племенъ, обращающійся только во вредъ тѣхъ, кого онъ воодушевляетъ.

Я приставалъ въ Капстадтѣ у одного часоваго мастера, по имени Рувьера. У этого часовщика былъ родной братъ, котораго вся жизнь, посвященная опа-

сностямъ, объясняетъ намъ всѣ попытки Бутеновъ, Мунго-Парковъ, Ландеровъ и другихъ изслѣдователей, стольже неустрашимыхъ. Лишь только этотъ удалецъ, г. Рувьеръ, здѣсь ступитъ на улицу, все ему кланяется, все останавливается. Войдетъ-ли онъ въ чью гостиную, всѣ встаютъ съ уваженіемъ, а бо́льшая часть съ признательностью, оттого, что почти каждому онъ успѣлъ оказать какую-нибудь значительную услугу. Нѣтъ ни одного крушенія на Капскомъ рейдѣ, въ которомъ-бы г. Рувьеръ не спасъ какихъ-нибудь полезныхъ обломковъ, или нѣсколькихъ моряковъ, и все это въ яру прибоя и съ опасностью собственной своей жизни. Я наслышался о немъ столько чудеснаго, что рѣшился удостовѣриться въ истинѣ этихъ разсказовъ; вскорѣ, однакоже, убѣдился я, что въ нихъ не было ни малѣйшаго преувеличенія и что всѣ дивные подвиги, приписываемые г. Рувьеру, были настоящіе факты.

Судьба свела меня съ нимъ въ одной гостиной, и я воспользовался ея случайностію.

— Позвольте спросить васъ, сударь, сказалъ я ему послѣ первыхъ пустыхъ привѣтствій: вѣрите-ли вы въ великодушіе льва?

— Да, отвѣчалъ онъ мнѣ: левъ бываетъ великодушенъ, но только съ Европейцами.

Отвѣтъ его заставилъ меня улыбнуться; онъ примѣтилъ это, и продолжалъ важнымъ голосомъ:

— Это не шутка, а фактъ, который, однакожъ, требуетъ объясненія. Европейцы одѣты, а почти всѣ невольники ходятъ нагишомъ. У этихъ левъ тотчасъ-же видитъ, чѣмъ ему поживиться, у другихъ — мясо прикрыто платьемъ и приманки у нихъ онъ не видитъ. Впрочемъ — то́, что́ я назвалъ великодушіемъ, скорѣе-бы можно назвать презрѣніемъ, отсутствіемъ жадности; да къ тому-же еще — сытый левъ никого не умерщвляетъ. Левъ переѣлъ на свой вѣкъ гораздо-менѣе Европейцевъ, чѣмъ Кафровъ и Малгашей; воспоминаніе о послѣднемъ пирѣ его еще свѣжо, оно подстрекаетъ его; ему сто́итъ увидѣть подъ когтями своими голую грудь, ощупать ее зубами, и грудь эта будетъ растерзана.

— Понимаю.

Какъ-бы то ни было, но, мнѣ кажется, эти слова Рувьера отзываются отчасти и благодарностію, и вотъ что́ возбудило ее.

Отъ береговъ Столовой-Губы, онъ отправился однажды къ Фалсъ-Бэйскому поморью, и — по обычаю своему — одинъ: слѣдуя вдоль извилинъ берега, онъ взялъ съ собою надежное ружье, которое заряжалъ всегда двумя чугунными пулями; кромѣ того, у него была за поясомъ пара пистолетовъ, а за спиною, на перевѣсъ, большая рогатина въ видѣ трезубца, насаженнаго на длинное древко. Въ этомъ всеоружіи, Рувьеръ не усомнился-бы обойти круго́мъ цѣлый свѣтъ. Путешествіе его продолжалось уже нѣсколько часовъ, какъ вдругъ послышался ему глухой продолжительный шумъ, возбудившій его вниманіе; почуявъ опасность, Рувьеръ обыкновенно говорилъ слѣдующее:

— Не плошай, удалецъ, и дай тебѣ Богъ только волю!

Шумъ приближался: это было рыканіе льва; когда ему вздумается обмануть своего врага на-сторожѣ, онъ принимается рыть землю могучими когтями своими и начинаетъ ревѣть. Рыкъ этотъ повторяется вдали разными отголосками, и путешественникъ не знаетъ, въ которой сторонѣ его непріятель. Осмотрѣвъ всѣ пыжи, Рувьеръ, внимательно прислушиваясь и поглядывая, продолжалъ путь свой, въ полной увѣренности, что до схватки не далеко.

И подлинно, дикіе утесы, вдоль которыхъ онъ шолъ, глухо огласились

прыжками ужаснаго царя ихъ окрестностей : чудовищный левъ, загородивъ дорогу, по которой спѣшилъ Рувьеръ, какъ-бы вызывалъ его на битву.

— Чортъ-бы его побралъ! прошепталъ тихо охотникъ : и какъ онъ тученъ... съ нимъ не-легко будетъ справиться... Видъ такого противника заставляетъ его отступить.

Левъ слѣдитъ его мѣрными шагами. Рувьеръ останавливается и левъ тоже... . Но вдругъ неистовый звѣрь испускаетъ новый рыкъ, начинаетъ хлестать хвостомъ своимъ бедра, отпрядываетъ и исчезаетъ въ извилинахъ утесовъ.

— Левъ этотъ добрый малый, лучше, нежели я ожидалъ! бормочетъ г. Рувьеръ себѣ подъ-носъ: но поторопимся достичь до плота, — благоразуміе того требуетъ.

Не успѣлъ онъ этого вымолвить, какъ левъ ему снова на-встрѣчу, и во второй разъ загораживаетъ ему дорогу.

— Видно, пришлось играть въ горѣлки, продолжалъ Рувьеръ: конецъ будетъ плохой... Онъ отступаетъ еще разъ; нетерпѣливое животное приближается къ нему, поджигая его къ схваткѣ съ собою, подобно маленькой собачонкѣ, запгрывающей съ своимъ хозяиномъ. Г. Рувьеръ, раззадорясь въ этой игрѣ, не прочь отъ сраженія : отстегиваетъ отъ перевязи трезубецъ, но начинщикомъ быть не хочетъ. Въ третій разъ раздается рыканіе льва, и левъ, повторяя и въ этотъ разъ свою прежнюю продѣлку, опять скрывается за утесы, и снова загораживаетъ колонисту его дальнѣйшій путь.

— Если такъ,—посмотримъ-же и мы!

Рувьеръ прислоняется къ одной навѣсшей скалѣ, становится на колѣно, у ногъ его пистолетъ, палецъ на куркѣ ружья : въ этотъ разъ онъ не пятится уже отъ своего противника.

Противникъ этотъ щетинится, поднимаетъ гриву, разѣваетъ задыхающуюся пасть, бѣснуется, ложится, вспрядываетъ и какъ-бы говоритъ человѣку : « Рази, стрѣляй! » Спокойный взоръ г. Рувьера какъ-бы вонзается въ пылающій глазъ льва; пять или шесть шаговъ разстоянія отдѣляютъ ихъ другъ отъ друга : съ минуту времени кажутся они оба двумя отдыхающими пріятелями...

— Что хочешь дѣлай, а я все-таки не начну! ворчитъ г. Рувьеръ.

Кто объяснитъ теперь, какія чувства воодушевляли льва въ ту минуту? Выдержавъ эту борьбу терпѣнія, нерѣшенія и неустрашимости, но безъ боя, ужасное четвероногое, зарычавъ еще громче прежняго, отпрядываетъ, какъ стрѣла, и исчезаетъ въ глубинѣ пустыни.

— Вы, вѣрно, ожидали своего послѣдняго часа? спросилъ я г. Рувьера.

— Я такъ мало ожидалъ его, отвѣчалъ онъ, что въ ту самую минуту, когда почуялъ на себѣ дыханіе льва, я говорилъ самъ-себѣ : « Друзья мои порядочно удивятся, когда я разскажу имъ этотъ случай.

И, замѣтьте, истина словъ г. Рувьера не подвержена здѣсь никакому сомнѣнію, подъ опасеніемъ быть *побиту каменьемъ* и всеобщаго презрѣнія со стороны его согражданъ.

— Онъ немного прихрамываетъ, сказалъ я одному жителю Капа, указывая на Рувьера.

— Это слѣдствіе схватки его съ небольшимъ тигромъ, который повредилъ ему ногу.

— А это плечо выше другаго?

— Слѣдствіе удара волны о берегъ, когда онъ спасалъ молодую утопленницу.

— А этотъ шрамъ на щекѣ?

— Пропоротъ рогомъ буйвола, напугавшаго цѣлый рынокъ и усмиреннаго имъ съ опасностію собственной своей жизни.

— А эти два недостающіе пальца на лѣвой его рукѣ?

— Онъ самъ отсѣкъ ихъ себѣ, укушенный бѣшеною собакою, отъ которой уже многіе пострадали... Постойте, однакожъ: не хочетъ-ли онъ уйти? Посмотримте хорошенько!

Г. Рувьеръ точно всталъ съ мѣста и раскланивался; все общество встало тоже, осыпая его самыми ласковыми привѣтствіями; всѣ приглашали его къ себѣ на слѣдующіе дни, и ни одинъ не упустилъ случая пожать ему руку. Хлѣбникъ Рувьеръ есть самый честнѣйшій человѣкъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ.

На утро сей бесѣды и вечеринки, я встрѣтилъ г. Рувьера у французскаго консула, гдѣ его, бѣднаго хлѣбника, принимали съ отличнымъ уваженіемъ. Я просилъ у него новыхъ подробностей отважной его жизни.

— Въ другой разъ! отвѣчалъ онъ мнѣ. До-сихъ-поръ, я вамъ только разсказывалъ бездѣльныя свои потѣхи. Схватки мои со стихіями были гораздо-горячѣе борьбы моей съ нашими звѣрями. Я самъ буду радъ отдохнуть на воспоминаніяхъ былаго, чтобы придать себѣ силъ для настоящаго и приготовить себѣ отрадъ для будущаго. Обѣщаюсь поразсказать вамъ еще много любопытныхъ вещей...

— Правда-ли, что вы въ усадьбахъ вашихъ гораздо-больше страшитесь посѣщеній тигра, чѣмъ льва?

— Пустое! одинъ левъ гораздо-опаснѣе трехъ тигровъ. Кто изъ насъ не ходилъ, почти не приготовясь, на тигра? Охота львиная дѣло другое: это уже не игрушка! Если вы любопытны видѣть ее, то вотъ вамъ рука моя—вы ее увидите! Это цѣлая драма въ дѣйствіи, кровавая драма. Прибывъ издалека, не мѣшаетъ запастись новинками для разсказовъ на родинѣ; если угодно, то милости просимъ на охоту противъ царя звѣрей.

Приготовленія къ ней не шуточныя; начальникъ экспедиціи долженъ выбрать на помощь себѣ неустрашимыхъ и усердныхъ невольниковъ; цѣлую упряжь дюжихъ буйволовъ, телегу съ бойницами для прикрытія стрѣлковъ, если-бы вмѣсто одного непріятеля ихъ явилось нѣсколько, на бѣду охотниковъ.

У г. Рувьера рука была легка; онъ занялся приготовленіемъ путевыхъ запасовъ: въ одно доброе утро, передъ разсвѣтомъ дня, караванъ, состоявшій изъ четырнадцати Европейцевъ и колонистовъ, изъ семнадцати Кафровъ и Готтентотовъ, отправился въ походъ по дорогамъ едва примѣтнымъ. Но Кафръ, проводникъ каравана, былъ самый ловкій парень въ цѣлой осѣдлости, и мы беззаботно и весело отправились въ путь.

Около полудня, всѣ мы прибыли, безъ особенныхъ приключеній, на мызу г. Кларка, который такъ радушно принимаетъ своихъ гостей. Въ три часа пустились мы далѣе, и очутились въ странѣ, поросшей густымъ кустарникомъ: видъ ея былъ совершенно-дикій. Слоновая рѣка была отъ насъ вправо; отъ-времени-до-времени, мы охотились за бегемотами, населяющими эти мѣста. Ввечеру достигли мы до богатой плантаціи, принадлежащей г. Андрю, который принялъ г. Рувьера, какъ праздничнаго гостя и лучшаго друга: по словамъ г. Андрю, уже нѣсколько недѣль, какъ не было ни слуху, ни духу въ его околицѣ о тиграхъ, носорогахъ и львахъ.

— Такъ поѣдемъ-же далѣе, сказалъ нашъ начальникъ: мнѣ нужна жертва, хоть какой-нибудь левъ — будь онъ смиреѣе агнца.

Роздыхъ нашъ былъ непродолжителенъ и буйволы опять пошли впередъ своимъ быстрымъ и шумнымъ ходомъ. Вскорѣ, видъ почвы перемѣнился: она сдѣлалась песчаною; жаръ былъ несносный, и мы проводили по цѣлымъ часамъ въ растяжку на тюфякахъ.

— Спите и почивайте, говорилъ намъ г. Рувьеръ: я разбужу васъ, когда придетъ пора, и тогда вамъ будетъ уже не до сна.

Въ эту ночь мы останавливались у широкой лужи стоячей воды, спокойно выжидая разсвѣта дневнаго. По-утру произошла тревога, прервавшая нашъ сонъ; но г. Рувьеръ, бросивъ наблюдательный взоръ на буйволовъ, успокоилъ насъ.

— Здѣсь нѣтъ ни тигра, ни льва, сказалъ онъ: буйволы это знаютъ; шумъ, вами слышанный, вѣрно, произошолъ отъ какого-нибудь обвала, отъ паденія дерева въ ближнемъ лѣсу, или отъ какого-нибудь лопнувшаго метеора. Въ дорогу!..

На третій день, мы сидѣли уже за столомъ у г. Андерсона, какъ вдругъ Готтентотъ невольникъ прибѣжалъ къ намъ съ извѣстіемъ, что кто-то слышалъ рыканіе льва.

— Милости просимъ, сказалъ Рувьеръ. Къ оружію! Друзья мои, скорѣе запрягать и слушать внимательно, что́бы я ни приказалъ.

Другіе невольники прибѣжали съ подтвержденіемъ первой вѣсти, и, не-смотря на убѣжденія г. Андерсона, отказавшагося намъ сопутствовать, мы всѣ отправились къ лѣсу, гдѣ, по мнѣнію г. Рувьера, скрывался свирѣпый звѣрь. Нѣсколько невольниковъ нашего хозяина - плантажиста добровольно присоединились къ нашему маленькому каравану и, хорошо зная мѣстность, они были на-облаву, съ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь выгнать звѣря на открытое мѣсто. Мы сдѣлали привалъ у прогалины, опушенной лѣсомъ съ одной стороны, а съ другой — крутыми утесами, гдѣ мы были замкнутыми, какъ въ циркѣ.

— Само собой разумѣется, друзья мои, что я одинъ буду раздавать приказы и всѣ вы должны мнѣ слѣпо повиноваться: безъ этого ни одинъ изъ насъ не воротится въ Капстадтъ, сказалъ намъ г. Рувьеръ, по временамъ закусывая губу и поправляя волоса. Непріятель близокъ, поставьте здѣсь буйволовъ и телегу, тутъ — становитесь всѣ въ одинъ рядъ, сзади — Готтентоты съ запасными ружьями и огнестрѣльнымъ снарядомъ для будущихъ зарядовъ. Я стану шага на два впереди всего фронта. Но Бога-ради, не спѣшите ко мнѣ на помощь на случай опасности, и стойте сомкнувшись рука съ рукой, какъ въ шеренгѣ, или смерть ваша... Молчать!.. я слышу его... Посмотрите-ка теперь на бѣдныхъ буйволовъ нашихъ!

И подлинно, когда вдали раздался крикъ, вьючныя животныя наши прижались другъ къ другу, какъ-бы желая застѣнить себя взаимно, — мордами вмѣстѣ, задами врознь, чтобы не видать того, что́ около нихъ можетъ случиться.

— Ага! сказалъ Рувьеръ, потирая руки: гость нашъ близокъ. Надо принять его по-сосѣдски.

Второй крикъ раздался еще ближе.

— Чортъ возьми! продолжалъ нашъ безстрашный начальникъ: какъ онъ торопится! видно силенъ, какъ-разъ здѣсь будетъ... Я говорилъ вамъ... Поздороваемся!

Догадливость и отвага Рувьера были истинно чудесны. Левъ показывался уже изъ лѣсу, но, увидѣвъ насъ, вдругъ пріостановился, потомъ сдѣлалъ къ намъ нѣсколько шаговъ и легъ.

— Онъ знаетъ свое дѣло, продолжалъ неустрашимый хлѣбникъ: по всему видно, что этотъ бой для него не первый; подойдемъ-же къ нему, чтобы поднять его. Всѣ за мной, шагъ за шагомъ.

Левъ всталъ и сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ намъ на-встрѣчу.

— Вѣрнѣе прицѣливайтесь, сказалъ намъ Рувьеръ, припавъ на одно колѣно: не дайте промаха и по командѣ моей: разъ, два, три — палить... Слушать! разъ, два, три!

Приказъ былъ исполненъ въ точности. Мы дали залпъ и выхватили изъ рукъ невольниковъ запасныя ружья. Левъ сдѣлалъ страшный прыжокъ, не сходя съ мѣста и клочья шерсти его взвились на воздухъ.

— Какъ живуща эта шельма! сказалъ Рувьеръ: ни какъ не убьешь съ-разу!

Но рыкъ лютаго звѣря дѣлался короче и перерывался протяжными вздохами; онъ билъ себя яростно хвостомъ по бедрамъ; багровый языкъ его судорожно лизалъ длинную шерсть его морщиноватаго лица, а пламенные зрачки дико и бѣшено двигались въ своихъ вѣкахъ. Никто изъ насъ — ни слова, но всѣ не спускали съ глазъ грознаго противника, хотя насъ было тогда — двадцать на одного.

— Не правда-ли, сказалъ намъ шопотомъ г. Рувьеръ, оборотясь къ намъ и какъ-бы слѣдя за нашимъ смущеніемъ: не правда-ли, что сердце трепетно бьется? Ободритесь, однакоже, мы съ нимъ справимся.

Кровь льва лилась ручьями и обагряла вокругъ его землю.

— Еще одинъ залпъ! продолжалъ Рувьеръ: но смотрите, чтобы всѣ выстрѣлы были въ голову, или какъ можно къ ней ближе.

Мы готовы были дать залпъ, какъ одинъ изъ нашихъ уронилъ ружье; наклонясь за нимъ, онъ открылъ обнаженную грудь стоявшаго за нимъ Готтентота. При видѣ ея, страшный звѣрь яростно вспрянулъ, какъ-бы застигнутый головокруженіемъ; ноздри его начали раздуваться и сжиматься съ невѣроятною быстротою; онъ вытянулся во всю длину, съёжился, потомъ замоталъ чудовищной головой своей вправо, влѣво, выбирая добычу, которая ему по вкусу, которая ему нужна, которую онъ непремѣнно получитъ.

— Однимъ человѣкомъ меньше, пробормоталъ Рувьеръ.

— Я человѣкъ мертвый, сказалъ по своему Готтентотъ.

Тутъ левъ, обрамленный въ свою гриву, бросается какъ стрѣла, перескакиваетъ черезъ Рувьера, сидѣвшаго на корточкахъ, и, опрокинувъ семерыхъ или восьмерыхъ охотниковъ, схватываетъ несчастнаго Готтентота, уноситъ его шаговъ за десять, и, прижавъ лапой къ землѣ, какъ-бы раздумываетъ, пощадить-ли его или растерзать.

Всѣ мы сдѣлали полуоборотъ.

— Готовы-ли вы? спросилъ Рувьеръ, снова занявшій постъ свой впереди плутонга.

— Да.

— Пали, друзья!

Левъ свалился, но снова вспрянулъ почти въ тоже мгновеніе. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по Готтентоту, какъ котъ, играющій съ пойманною мышью. Въ это время Рувьеръ, одинъ одинёшенекъ, подошолъ къ разъяренному звѣрю и сказалъ бѣдной жертвѣ: — Не шевелись!

И почти приложивъ дуло ко лбу льва, онъ выстрѣлилъ по немъ изъ двухъ пистолетовъ разомъ. Звѣрь произнесъ страшный предсмертный рыкъ, раскрылъ свою пасть передъ нами и съ трескомъ впился зубами въ грудь Готтентота... Нѣсколько минутъ спустя, передъ нами лежали два трупа, одинъ на другомъ.

— Вы, кажется, еще не совсѣмъ успокоились, сказалъ намъ Рувьеръ довольно-развязнымъ тономъ: и я понимаю васъ. Не легко управляться съ такими противниками. Счастье еще, что мы отдѣлались одной жертвой — не болѣе.

Эта схватка со львомъ почти тоже, что борьба съ бурями: жаль было-бы не потягаться съ ними, а какъ побываешь у нихъ въ рукахъ, то не разъ подумаешь, начинать-ли новую схватку?

Обратный путь нашъ въ Капстадтъ не представлялъ ничего особеннаго: на

другой день г. Рувьеръ былъ уже на *молѣ* (платина) и раздумывалъ, гдѣ-бы ему лучше занять свое мѣсто? Ему не спалось во всю ночь; барометръ обѣщалъ сильную бурю. По-счастію, дѣло обошлось безъ бѣдствій, ураганъ пронесся скоро, и благородный Рувьеръ могъ порядочно выспаться въ слѣдующую ночь.

Въ свѣтѣ часто сталкиваешься съ людьми до того избалованными, что все прочее кажется вамъ созданнымъ для развлеченія ихъ, для потребы ихъ или для потѣхи. Ничто не поперечитъ имъ, ничто не удивляетъ этихъ людей въ ихъ орлиномъ полетѣ. Важнѣйшія событія въ жизни кажутся имъ весьма-естественными послѣдствіями, за которыя свѣтъ исключительно имъ обязанъ; всякую выгоду считаютъ они своею собственностью, и были-бы въ отчаяніи не воспользоваться ею. Все, что потрясаетъ толпу, не производитъ на нихъ никакого дѣйствія; по мнѣнію ихъ, всегда есть нѣчто за предѣлами самыхъ ужасныхъ событій, и они почли-бы себя за безчестье, если-бы имъ не удалось играть первыя роли въ какомъ-нибудь переворотѣ. Люди эти таковы, что въ состояніи дать пинка самому Везувію или Этнѣ, во-время ихъ досадныхъ изверженій; новые Ксерксы, они готовы высѣчь розгами самое море, и не шутя разсердиться на могущество урагана, ихъ осиливающаго, или на неистовство Океана, ихъ отталкивающаго. Кровь кипитъ у нихъ въ жилахъ; не гордясь и не ослабѣвая, они воображаютъ себѣ, что и земля трясется только для того, чтобы испытать ихъ твердость; если ихъ послушать, то и молнія сверкаетъ и громъ гремитъ для того только, чтобы поразить ихъ. *Это на зло мнѣ!* восклицаютъ они при каждой грозящей имъ опасности. За то они всегда готовы встрѣтить ее, отразить ее. Для лучшаго изученія этихъ желѣзныхъ, волканическихъ людей, посмотрите на нихъ, когда сонъ ихъ одолѣетъ. И въ самомъ снѣ они клокочутъ жизнію, жизнію особенной и имъ однимъ сродной, неспещренной случайностями, жизнью переполняющей ихъ и извергающейся наружу, какъ растопленная лава или кипящая сѣра горы Котопахи; вы, вѣрно, приняли-бы ихъ за преступниковъ, преслѣдуемыхъ своею совѣстью, если-бы не отразилось, на широкомъ челѣ ихъ, нѣчто великое, спокойное, или нѣчто важное и сверхъ-естественное въ силѣ и правильности ихъ біющихся жилъ; не такъ проявляется злодѣйство, не таковъ сонъ гіенны.

Рувьеръ есть существо исключительнаго рода, одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ упоминалъ я выше, въ нѣсколькихъ нравственныхъ и физическихъ очеркахъ этого типа. И не зная его, вы, вѣрно, остановитесь, когда онъ попадется вамъ на встрѣчу; а между-тѣмъ, вамъ извѣстно уже, что ростъ и сложеніе этого человѣка гораздо-ниже и слабѣе обыкновеннаго.

— Но, сказалъ я ему однажды, въ негодованіи на его скромное превосходство: не ужели ни разу въ жизни своей ничего вы не пугались?

— Не безъ того.

— Наконецъ!.. Но часто-ли это случалось съ вами?

— Не разъ.

— Когда-жъ на-примѣръ?

— Когда разсудокъ не поспѣвалъ ко мнѣ на помощь. У всѣхъ земнородныхъ бывали свои минуты храбрости и трусости.

— Какъ, и вы могли струсить, и вы тоже?

— И я точно также, какъ всякой другой.

— О! разскажите мнѣ это, прошу васъ покорнѣйше.

— Разсказъ не дологъ: Я отправился на одну отдаленную отъ города плантацію, къ одному знакомцу, который, мимоходомъ будь сказано, самый жал-

кій трусъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Если дерзость наша бываетъ часто недостаткомъ, то трусость — всегда несчастіе. Не слѣдуйте моему примѣру: вы истощитесь; не берите примѣра съ пріятеля моего: жизнь ваша сдѣлалась-бы несноснымъ бременемъ. Продолжаю. Когда я выходилъ, вооруженный съ ногъ до головы, изъ плантаціи моего друга, онъ часто говаривалъ мнѣ: — Любезный Рувьеръ, пистолеты ваши могутъ васъ поранить. Будьте осторожны. — Его пугало именно то, что должно-бы его успокоить. Но всѣ трусы немного сродни подлецамъ... Простите за отступленіе! Сей-часъ кончу. Отойдя немного подальше обыкновеннаго отъ плантаціи, я услышалъ однажды глухой и правильный шумъ, выходившій изъ пещеры, мимо которой мнѣ слѣдовало проходить. Оказалось, что это было смрадное дыханіе львицы, вѣроятно, изтомленной своими дневными походами... О! тутъ, признаюсь вамъ, я поступилъ совершенно противъ моего обычая, и, вѣрно, поступилъ-бы иначе, если-бы хоть далъ себѣ время размыслить. Подкравшись къ сонной львицѣ и приставя ей дуло ко лбу, я убилъ ее на повалъ, всадивъ ей три пули въ голову. Она не дрогнула болѣе.

— И вы называете это подлостью?

— Какъ-же иначе могъ-бы я назвать мое нападеніе? сонныхъ не бьютъ, а прежде аттаки будятъ. Убить соннаго непріятеля!

— Но если непріятель этотъ — львица?

— Можете повторять мнѣ тоже, что слышалъ я и отъ другихъ, но все-таки мнѣ нѣтъ извиненія передъ самимъ собою. За то, чуть-чуть было тутъ-же не лишился жизни и я, во всей силѣ лѣтъ; встревоженный выстрѣломъ, изъ сосѣдняго лѣса, выбѣжалъ левъ, и если-бы ко мнѣ, на ту пору, не подоспѣла помощь изъ плантаціи моего друга, то, вѣроятно, мнѣ не удалось-бы разсказать вамъ этихъ небольшихъ подробностей жизни моей, которой не разъ я пользовался гораздо похвальнѣе.

Если-бы во-время пребыванія моего въ Капстадтѣ, мнѣ вздумалось разговориться о Рувьерѣ съ Маршэ, съ которымъ я васъ уже ознакомилъ, то я увѣренъ, что между этими двумя людьми не обошлось-бы безъ какого-нибудь ужаснаго вызова, или борьбы на смерть, въ которой-бы одинъ изъ нихъ палъ. Въ-послѣдствіи, когда я описывалъ моему матросу этого колониста, первый посмотрѣлъ на меня съ такимъ негодованіемъ, какъ будто-бы я полагалъ тѣмъ унизить его самолюбіе, и соскочивъ съ своего мѣста, онъ сказалъ мнѣ съ обычною его грубостью: *Надѣюсь, что мы на возвратномъ пути зайдемъ еще разъ на Мысъ, и тогда перевѣдаемся мы и съ Рувьеромъ.*

Подводный утесъ, о который разбился нашъ прекрасный фрегатъ, не допустилъ насъ зайти въ Столовую-Губу. Маршэ крайне жалѣлъ объ этомъ.

Черезъ нѣсколько дней мы снимаемся съ якоря: употребимъ-же эти дни въ пользу. Въ Капстадтѣ есть своя библіотека, и если въ ней мало книгъ, въ томъ виноватѣе всѣхъ крысы, ихъ пожирающія. По слухамъ, до меня дошедшимъ, библіотекарь человѣкъ съ большимъ вѣсомъ: и подлинно, онъ вѣситъ, по крайности — три квинтала.

Капскій театръ — настоящая игрушечка по особенной чистотѣ его и... безвкусію. На немъ, по-большой части, играютъ наши бульварныя піесы въ англійскихъ переводахъ. Я здѣсь видѣлъ *Жокриса, атамана разбойниковъ*, и *Желѣзную руку или преступную супругу*. Модный авторъ, Скрибъ здѣшней колоніи, — нѣкто «Игнаціи Бонифаціи», едва знающій, что такое полустишіе, и который, вѣроятно, не слыхалъ еще никогда о *стеченіи гласныхъ* (hyatus).

На всемъ мысѣ Доброй-Надежды нѣтъ ни одной католической церкви, но за то храмъ лютеранскаго вѣроисповѣданія необозримо великъ и отличается правильнымъ и строгимъ архитектонизмомъ. Я былъ и въ Констансѣ. Погреба, гдѣ хранится драгоцѣнная влага (вино), суть настоящіе чертоги, а бочки, которыя имъ налиты, украшены чудесною рѣзьбою кафрскихъ и готтентотскихъ художниковъ. Вся эта часть колоніи достойна любопытства и изученія, не-смотря на то, что довольно-безопасна.

Компанейскій садъ, столь превозносимый моими предшественниками, вовсе недостоинъ той славы, которою онъ пользуется въ Европѣ. Одинъ звѣринецъ его достоинъ примѣчанія. Удивительный королевскій тигръ, исполинскій левъ, отличный носорогъ и нѣсколько строусовъ, составляютъ все его богатство. Въ аллеяхъ сада видѣлъ я разгуливавшаго на свободѣ зебра, по видимому, чрезвычайно-ручнаго. Стало-быть, мнѣ позволено будетъ уличить во лжи натуралистовъ, увѣрявшихъ, будто-бы зебръ есть животное неукротимое.

Изо всѣхъ племенъ, граничащихъ съ колоніею мыса Доброй-Надежды, Кафры — самое неугомонное племя. За то оно болѣе другихъ озабочиваетъ бдительность здѣшняго правительства. Способъ ихъ вести войну дѣйствительно ужасенъ: скрываясь за стадами буйволовъ, пріученныхъ ими къ ярму, они, схватившись за ихъ хвосты, пускаются за ними съ крикомъ на своихъ противниковъ, и можно себѣ вообразить, какой безпорядокъ производитъ подобная аттака въ рядахъ самыхъ плотно выстроенныхъ батальйоновъ!

Оружіе ихъ состоитъ изъ неоперенныхъ стрѣлъ съ желѣзнымъ жаломъ, всегда ядовитымъ; вблизи, они употребляютъ кистень или булаву изъ твердаго дерева или изъ камня, и каждый изъ ихъ ударовъ наноситъ смерть непріятелю.

Тигровая и львиная охота ихъ заключаетъ въ себѣ менѣе драматическаго, но она, можетъ-быть, гораздо-удивительнѣе методы, принятой г-мъ Рувьеромъ. Стоя у подхода къ пропасти, они кладутъ на землю загнившій остатокъ какого-нибудь животнаго, и какъ скоро услышатъ хрипѣніе тигра, визжаніе гіенны или ревъ льва, то, цѣпляясь за извилины отвѣснаго утеса, приводятъ въ движеніе, посредствомъ веревки или длиннаго шеста, родъ чучелы, отъ которой находятся въ трехъ или четырехъ саженяхъ. Лютое животное устремляется на чучелу, желающую какъ-бы оспоривать у него добычу, и падаетъ на дно пропасти, гдѣ другіе, заранѣе поставленные, Кафры добиваютъ его тотчасъ послѣ паденія.

Г. Рувьеръ отзывается объ этой охотѣ съ величайшимъ пренебреженіемъ.

Я разговаривалъ здѣсь съ нѣкоторыми лицами о знаменитой готтентотской Венерѣ, которая уже давно посѣщала Парижъ. Явленіе это почиталось тоже рѣдкимъ и въ здѣшнихъ странахъ; Готтентоты смѣются надъ нимъ точно также, какъ и мы насмѣхались.

Я не скажу вамъ ничего о нарѣчіи Кафровъ; не возможно передать на языкъ нашъ щелкотни ихъ почти при каждомъ словѣ; она подобна звуку, употребляемому у насъ, когда хотятъ понудить осла къ скорѣйшей ходьбѣ. Сверхъ того, тѣлодвиженія ихъ составляютъ, вѣроятно, нѣкоторую часть ихъ словаря; ничего не можетъ быть забавнѣе толпы Кафровъ, занятыхъ между собой живымъ разговоромъ. Но что всего покажется удивительнѣе въ правахъ этихъ людей, столь-свирѣпыхъ, это доступность ихъ къ прелестямъ музыки; въ особенности звукъ нашей флейты приводилъ ихъ въ восхищеніе, которое трудно описать.

Всѣ эти подробности покажутся весьма-слабыми очерками въ сравненіи съ описаніемъ львиной охоты, производимой Рувьеромъ; но я обязанъ въ точности стараться исполнить долгъ правдиваго повѣствователя. Жизнь, подобно океану, имѣетъ свой штиль (тишину) и свои бури.

По обыкновенію моему, я послѣдній оставляю землю и перехожу на *гитир-бордъ* (правую сторону), русскаго корабля, который только-что бросилъ якорь. Онъ находится подъ начальствомъ г-на Коцебу, сына знаменитаго литератора. Послѣ трехъ-лѣтняго тягостнаго плаванія, онъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта... Итакъ вы видите, что и изъ него ворочаются...

XI.

ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСЪ.

Пожаръ. — Ураганъ. — Подробности. — Замбала. — Качуча. — Пляски. — Празднества чорныхъ. — Овальный столъ.

Мнѣ весьма-часто говаривали: какъ вы счастливы, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта!

— Ну что-же господа, отъ васъ зависитъ быть столь-же счастливыми; вамъ стóитъ только пуститься въ него, какъ я.

— Оно такъ, но для этого надо собраться въ путь.

— Въ этомъ-то все и дѣло! Вамъ-бы желательно было воротиться, не двигаясь съ мѣста. Вещь, просто, невозможная. Эти дальныя поѣздки не требуютъ большаго мужества. Какъ скоро вы рѣшились сѣсть на корабль, отплывшій подъ парусами къ антиподамъ Парижа, вы по необходимости должны уже на немъ ѣхать: запаситесь только... терпѣніемъ. Человѣкъ легко привыкаетъ ко всему, къ опасностямъ, къ лишеніямъ и нищетѣ. Претерпѣвъ десять бурь, безъ страха встрѣтите и одиннадцатую; а если вамъ однажды предстояла опасность попасть на зубы къ людоѣдамъ, то зубы ихъ не наводятъ уже на васъ никакого ужаса. Впрочемъ, стóитъ только немного посовѣтоваться съ разсудкомъ, и вы легко усмотрите, что это безконечное путешествіе, которое представляютъ себѣ столь ужаснымъ, ни мало неопасно. Кто изъ Парижанъ, пользующійся хорошимъ состояніемъ и свободнымъ временемъ, не былъ хотя однажды въ Гаврѣ? Разстояніе отъ Гавра до Тенерифа, въ два или, по большей мѣрѣ, въ три раза длиннѣе пояса женщины средняго стана: не успѣете осмотрѣться, какъ будете уже тамъ. Отъ Тенерифа до Бразиліи прогуливаешься, какъ по аллеѣ Елисейскихъ-полей. Согласенъ, что эта аллея нѣсколько пошире обыкновенной. Отъ Бразиліи до Мыса частію перемѣнные, а частію постоянные вѣтры перенесутъ васъ, подобно сильному паровозу. Иль-де-Франсъ въ двухъ шагахъ отъ мыса; потомъ островъ Бурбонъ, какъ добрый сосѣдъ, подающій ему руку, потомъ, сложа руки и ноги, вы совершаете переѣздъ въ нѣсколько тысячъ льё, къ за-

падным берегамъ Новой-Голландіи: тамъ въѣзжаете въ Тихій-Океанъ, названный такъ, вѣроятно, въ насмѣшку; послѣ него мысъ Горнъ и плавучіе льды южнаго полюса, наконецъ Ріо-де-ла Плата, и вы дома, гдѣ ожидаютъ васъ друзья за столомъ, братья въ гавани, а старушка мать въ своей деревушкѣ. О! эта минута заставитъ васъ забыть тысячи миновавшихъ бѣдствій. Но вы скажете: Парижъ такъ прекрасенъ! — Ну, умирайте-же въ немъ и поучайтесь жизни изъ книгъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что Океанъ бываетъ часто не въ духѣ, Африка страна знойная, острова Малайскіе вовсе небезопасны, Китайское море чрезвычайно-бурно, скорбутъ и кровавый поносъ посѣтителей весьма-безпокойны, земля Панусовъ раскалена, какъ печь, а Огненная-земля холодна, какъ ледъ. Также доказано, что тифоны (смерчи) могутъ застигнуть васъ и заставить кружиться въ воздухѣ, что полуоткрытый киль корабля не рѣдко ударяется о подводные рифы, и что тогда... Но вѣдь не всякая почтовая коляска предохранитъ васъ, въ скорой ѣздѣ, отъ глубокой колеи или рвовъ, окружающихъ дорогу; кромѣ-того, на васъ иногда валятся кирпичи и трубы въ самыхъ большихъ городахъ, и ежели хорошенько раздумать, то почва Парижа и Лондона не рѣдко бываетъ опаснѣе самыхъ волнъ Атлантическаго или Индѣйскаго океановъ. Итакъ пустимся-же лучше въ море, друзья мои! Чѣмъ больше видишь различныхъ народовъ, тѣмъ достойнѣе можешь носить названіе человѣка. Смерть преслѣдуетъ однихъ трусовъ.

А удовольствіе разсказывать, неужели вы считаете его столь-ничтожнымъ, что не хотите ничѣмъ для него пожертвовать? Увы! если какое-нибудь удовольствіе доступно еще сердцу слѣпаго, то утѣшительнѣе всего увѣренность, что его слушаютъ; итакъ, продолжаю.

Сѣверо-восточные вѣтры, застигшіе насъ при отъѣздѣ изъ Столовой Губы, сопровождали насъ въ-даль, и черезъ нѣсколько часовъ мы очутились на ужасной иголочной мели, свидѣтельницѣ столькихъ кораблекрушеній. Волны чудовищныя! Но какъ скоро вы проплыли нѣсколько на-востокъ, то замѣтите, безъ большей опытности, что въѣзжаете въ новый океанъ: такъ волна становится широка и величественна. Но какъ я никогда не слыхивалъ ни отъ одного моряка, чтобъ кто-нибудь обогнулъ мысъ Доброй-Надежды на всѣхъ парусахъ, то и у насъ не обошлось безъ того-же: въ виду Мозамбикскаго канала насъ настигъ конецъ урагана, заставившій убрать всѣ паруса, и прогнавшій насъ къ высшимъ широтамъ. Впрочемъ переѣздъ былъ не дологъ. По прошествіи двадцати дней, мы увидѣли на горизонтѣ верхушку быстро-возвышающагося конуса; и вскорѣ потомъ показались окружающія его, подобно покорнымъ данникамъ, другія вершины страннаго и разнообразнаго вида. Это былъ островъ, и островъ сей оказался: Иль-де-Франсомъ *).

Когда земля приняла правильный видъ и рѣзко отдѣлилась отъ моря, мы тотчасъ-же навели наши подзорныя трубы на высочайшія оконечности поморья, въ надеждѣ отыскать на нихъ сладостныя воспоминанія первыхъ нашихъ чтеній. Намъ нетерпѣливо хотѣлось обозрѣть скорѣе эти поэтическія мѣстоположенія, столь-прославленныя изящнымъ перомъ Бернарденъ-де-Сенъ Пьера. Увы! скоро печаль и задумчивость одолѣла насъ всѣхъ на палубѣ. *Названіе* острова (Ile de France, Французскій островъ) и *англійскій* флагъ

*) Другое имя островъ Св. Маврикія.

находятся здѣсь, такъ сказать, одно возлѣ другаго, и мы смирились передъ владычествомъ Англичанъ, господствующихъ въ столькихъ частяхъ земнаго шара. Виды здѣсь разнообразнѣе, можетъ-быть, даже очаровательнѣе, нежели на Мысѣ Доброй-Надежды, но за то гораздо менѣе величественны. Цѣлый этотъ островъ былъ извергнутъ моремъ въ день гнѣва Господня, но ускользнулъ отъ водъ въ новомъ и свѣжемъ убранствѣ, котораго не находимъ въ Африкѣ, хотя этотъ Иль-де-Франсъ и кажется обломкомъ оной, подобно Бурбону, островамъ Сешельскимъ и Мадагаскару.

Мы подвигались впередъ, напутствуемые постояннымъ свѣжимъ вѣтромъ, такъ-что въ скоромъ времени могли уже срисовывать счастливыя мѣста, столь усладительно описанныя Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеромъ... Гору Сигналовъ (Le Morne des Signaux), благоуханныя равнины Миссини и Пудръ-д'Ора въ облачномъ небѣ; Питтерботъ, гору столь любопытную, что никакая другая въ мірѣ не можетъ съ ней сравниться, за исключеніемъ, можетъ-быть, только Маладеты, самой возвышенной и самой неудобоприступной изъ всѣхъ снѣжныхъ вершинъ Пиринеевъ. Представьте себѣ правильный и обнаженный крутой конусъ на узенькомъ основаніи, надъ которымъ кружится родъ волчка изъ лавы. Взглянувъ на него, вы, вѣрно, подумаете, что первый порывъ бури сорветъ его съ его гранитнаго пьедестала, и онъ, низвергнутый въ пропасть, раздавитъ при своемъ паденіи всѣ очаровательныя плантаціи, разбросанныя у его подножія.

Не-смотря на это, одинъ отважный матросъ водрузилъ на главѣ Питербота троецвѣтное знамя Франціи; чтобъ повѣрить этому, однакожъ, не мѣшалобы быть личнымъ свидѣтелемъ подобныхъ чудесъ постоянства и смѣлости.

Не прошло еще году, какъ мы покинули Тулонъ, но со всѣмъ тѣмъ я не въ состояніи описать вамъ того пріятнаго впечатлѣнія, которое поразило меня, когда, на проходѣ мимо брандвахты, достигли до ушей нашихъ звуки французскаго языка. И въ-самомъ-дѣлѣ, — не странное-ли зрѣлище проявляетъ страна, гдѣ все французское — нравы, одежда и чувства, и гдѣ, въ тоже самое время, на всѣхъ укрѣпленіяхъ развѣвается изображеніе англійскаго властительнаго леопарда! По трактату 1814 года, Иль-де-Франсъ достался Англичанамъ и названъ островомъ Св. Маврикія, между-тѣмъ-какъ его сосѣдъ, островъ Бурбонъ, которымъ Англичане завладѣли нѣсколько прежде того, былъ намъ возвращенъ. При всякомъ размѣнѣ леопардъ умѣлъ всегда надѣлять себя львинымъ участкомъ.

Здѣсь пристаютъ обыкновенно между Ямою-Самохваловъ (le Trou-Fanfaron) и Башнею-Хвастуновъ (Tour-des-Blagueurs); это послѣднее названіе дано какъ-бы въ насмѣшку старому зданію, построенному на полосѣ земли, выдавшейся въ гавань, оттого, что оно служило всегда сборнымъ мѣстомъ для праздныхъ молодыхъ островитянъ, которые, при входѣ каждаго новаго судна, предавались тутъ шаловливымъ бесѣдамъ о прибывшихъ корабляхъ. Не знаю по какой причинѣ названъ Ямою-Самохваловъ (Trou-Fanfaron) закрытый бассейнъ, который служитъ теперь мѣстомъ тембировки и починки судовъ.

Противъ *дебаркадера* (мѣста высадки) возвышается дворецъ правительства, построенный изъ чернаго дерева, и заключающій въ себѣ три главныхъ зданія, сжатыхъ между собою, узкихъ, лишонныхъ воздуха и безъ всякаго вкуса. Настоящій курятникъ!

Разскажу вамъ въ-послѣдствіи, что называется здѣсь городомъ Портъ-Луи; теперь-же выду на берегъ и по обыкно-

венію моему, вооружась карандашами, приготовлюсь обозрѣть мѣстности, названіе конхъ мнѣ памятны. Я никогда не беру проводника, и потому именно, что истинное удовольствіе изслѣдователя состоитъ въ ходьбѣ безъ цѣли, наавось, чрезъ овраги, источники и потоки, не прося ни у кого помощи. Въ продолженіе этой прогулки, я слѣдовалъ за теченіемъ ручейка, сбивая съ деревьевъ камушками украшавшіе ихъ *ямъ-розы* (jam-rosa), плоды кисловатые и прохладительные; нѣжные бананы, висѣвшіе кистями и прикрытые огромными зонтиками, подъ которыми они зрѣютъ; сладкій ананасъ, гойяву и много другихъ различныхъ колоніальныхъ плодовъ, столь превосходныхъ, сначала не совсѣмъ вкусныхъ, но безъ которыхъ въ-послѣдствіи вамъ нельзя уже обойтись. Такого рода скитальческая жизнь мнѣ всегда нравилась и постоянно утѣшала и просвѣщала меня со дня моего отъѣзда. Въ этотъ разъ однакожъ я долженъ былъ отказаться отъ моей обычной методы, и вотъ по какому случаю: только-что я вышелъ изъ лодки на берегъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ подошолъ ко мнѣ одинъ изъ обывателей, человѣкъ прекрасной наружности съ услужливымъ видомъ; онъ учтиво мнѣ поклонился.

— Вы, безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, принадлежите къ штабу офицеровъ корвета, который бросилъ якорь на рейдѣ.

— Да, сударь.

— Вы не имѣете здѣсь корреспондентовъ?

— Нѣтъ.

— Ни квартиры?

— Нѣтъ; а вы, сударь, видно, содержите здѣсь гостинницу, въ которой можно имѣть меблированныя комнаты и общій столъ?

— Почти такъ.

— Я васъ не понимаю.

Я негоціантъ, банкиръ острова. Какъ скоро приплываетъ французскій корабль, я посѣщаю гавань, и почитаю себя счастливымъ, когда не получаю отказа на приглашеніе за-просто у меня отобѣдать. Вѣроятно, вы уже давно не садились за столъ; не угодно-ли вамъ сдѣлать мнѣ удовольствіе и честь раздѣлить мою трапезу.

— Весьма было-бы дурно съ моей стороны отказываться отъ столь лестнаго предложенія.

— Въ такомъ случаѣ, мой паланкинъ и негры невольники къ вашимъ услугамъ.

— Если позволите, я предпочолъ-бы идти пѣшкомъ.

— Какъ вамъ угодно. Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ предложить вамъ мою руку.

— Принимаю съ благородностію.

Мы отправились въ путь; проходя по улицамъ и базарамъ, я замѣтилъ что всѣ, какъ купцы въ своихъ конторахъ, такъ пѣшіе и конные, торопливо и почтительно кланялись моему новому пріятелю, что̀ внушило и мнѣ высокое о немъ понятіе.

— Я нахожу вашъ городъ не много унылымъ.

— Вы посѣтили его въ несчастное время; не торопитесь, однакожъ, окончательно судить объ немъ, г-нъ Араго.

— А почему вы меня знаете?

— Я слышалъ, какъ одинъ изъ матросовъ на трюмѣ назвалъ васъ по имени, а имя это уже нѣсколько разъ доходило и до насъ.

— Позвольте-жъ и мнѣ узнать, кто вы?

— Имя мое туземное, и вѣроятно, здѣсь-же и исчезнетъ: меня зовутъ Томи Пито.

Мы вошли въ комнату.

— Милости просимъ, сказалъ мнѣ, протягивая руку, хозяинъ, старикъ добродушной наружности: мы тотчасъ

садимся за столъ; однакожъ Томи могъ-бы пригласить не однихъ только васъ.

— Я поторопился представить вамъ г-на Арагò.

Въ обширной, прохладной и красиво-убранной гостиной, которую украшали нѣсколько хорошихъ картинъ, писанныхъ масляными красками, въ кругу любезнаго семейства, состоявшаго изъ живописцевъ, литераторовъ и поэтовъ, лились въ увлекательномъ избыткѣ остроумныя шутки; молодыя и полныя жизни дамы и дѣвицы играли одна на фортепіано, другая на арфѣ, третья пѣла, и все это дѣлалось безъ жеманства, безъ самолюбія, съ непритворною веселостію, съ нѣкотораго рода простодушіемъ, которое уничтожало всякую мысль о личномъ превосходствѣ.

На этотъ разъ я позабылъ мои отважныя странствованія; лѣса, утесы, каскады, пропасти отложены въ сторону, и я сперва по-маленьку, потомъ вполнѣ предался очарованію прелестнаго вечера, который зашолъ далеко за полночь.

— Теперь, когда сонъ и усталость могутъ одолѣть васъ, сказалъ мнѣ г. Томи, отправьтесь отдохнуть. Вотъ уединенная и удаленная отъ шума бесѣдка; въ ней находится шкапъ, въ которомъ вы найдете утреннее и вечернее перемѣнное платье, мягкую постель съ кисейной занавѣской отъ москитовъ, безъ которой вамъ не удалось-бы заснуть. Посѣщая почаще эту бесѣдку, вы одолжите меня; въ противномъ случаѣ я разсержусь не на-шутку. Мы всегда завтракаемъ въ десять часовъ, обѣдаемъ въ шесть; вечеромъ пьемъ чай и занимаемся музыкой; надѣемся видѣться съ вами каждый день.

— Сколько милостей за одинъ разъ!

— Вы ошибаетесь: это, просто, эгоизмъ. Мы такъ любимъ говорить про Францію! Какую прислугу желаете вы имѣть, мужскую или женскую?

— Все-равно.

— Вижу, что не все-равно, и сейчасъ-же распоряжусь; немного поздно, прощайте! Завтра я познакомлю васъ съ моими искренними друзьями, и вы увидите, что напрасно считаютъ три тысячи пятьсотъ льё отъ Парижа до Иль-де-Франса.

Чѣмъ больше я путешествую, тѣмъ рѣзче обозначаются для меня нравственныя качества, различающія людей между собою. Физическіе оттѣнки ускользаютъ иногда отъ взоровъ наблюдателя; но нравы и привычки ясно доказываютъ вліяніе почвы и климата на родъ человѣческій.

Нравственныя качества креола имѣютъ большое сходство, если можно только употребить такое сравненіе, съ богатствомъ и разнообразіемъ благоухающаго произрастенія, которое окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и усыпляетъ его. Креолъ надменъ до дерзости, щедръ до расточительности, храбръ до безразсудства. Владычествующая въ немъ страсть есть свобода, о которой онъ начинаетъ уже думать въ то время, когда не можетъ еще оцѣнить счастія и бѣдствій, которыя она съ собою приноситъ. Заключенный, такъ сказать, въ тѣсныхъ предѣлахъ своего острова, креолъ какъ-бы задыхается подъ вліяніемъ свѣжаго, прохладнаго вѣтра; необозримое море, окружающее его со всѣхъ сторонъ, кажется ему нестерпимой преградой. Берегитесь, однакожъ, съ пренебреженіемъ отозваться объ этихъ прекрасныхъ плантаціяхъ кофе, объ этихъ поляхъ сахарнаго тростника, столь привлекательныхъ, или о пышной тропической растительности, которую онъ желаетъ покинуть; тогда, вмѣсто отвѣта, онъ скажетъ вамъ: Я страстно люблю мой островъ; всѣ мои радости сосредоточены въ этихъ хижинахъ, разбросанныхъ подъ тѣнію пальмъ, въ обозрѣніи работъ моихъ невольниковъ; съ чѣмъ можетъ сравниться прелесть,

которую я чувствую, когда засыпаю на шелковистой цыновкѣ дорожнаго паланкина, укачиваемый моими сильными и покрытыми потомъ неграми, подъ звуки однообразныхъ ихъ пѣсенъ? Если вы станете, минуту спустя, говорить о переворотахъ, которымъ подвержена ученая и образованная Европа, и напомните ему благотворное ихъ дѣйствіе, онъ вздыхаетъ, пренебрегаетъ всѣмъ его окружающимъ, говоритъ о будущемъ своемъ отъѣздѣ, но спѣшитъ однакожъ прибавить, что сердце его не участвуетъ въ этихъ предположеніяхъ переселенія, и что, если онъ удаляется на нѣкоторое время, то это только для того, чтобы тѣмъ лучше научиться цѣнить плодотворную свою страну, которую считаетъ за истинное свое отечество.

Я предоставляю болѣе меня глубокомысленнымъ изслѣдователямъ рѣшить вопросъ — нравственная-ли сила имѣетъ вліяніе на физическія качества креола, или эти послѣднія, по благой предусмотрительности Провидѣнія, уничтожаютъ все, что̀ заключаются страннаго, эксцентрическаго въ его характерѣ? Увы! къ-сожалѣнію, предпринимаютъ большія путешествія болѣе изъ суетности, нежели изъ любви къ наукѣ.

Всѣ вообще креолы худощавы; ихъ тѣлосложеніе носитъ на себѣ отпечатокъ страданія, какой-то мягкости и изнѣженности. Глядя на нихъ, кажется, видишь людей, которые рѣшились провести цѣлую жизнь ни о чомъ не думая, и которые погибнутъ отъ первой невзгоды. Ураганы, коимъ подвержена эта страна, питаютъ въ нихъ ненависть ко всѣмъ сильнымъ ощущеніямъ; замѣтенъ даже въ самыхъ пылкихъ страстяхъ ихъ нѣкоторый оттѣнокъ злополучія и неумолимаго рока, которому они обязаны очень-многими побѣдами. Женщины берутъ такое участіе въ несчастіяхъ, что часто и почти всегда, для насъ очень-выгодно жаловаться при нихъ на судьбу.

Креолъ не любитъ ходить пѣшкомъ; малѣйшій переходъ его ужасаетъ, и безъ паланкина онъ ни за что̀ не выйдетъ изъ своихъ прохладныхъ комнатъ. Онъ любитъ музыку, ставитъ ее выше всѣхъ удовольствій; но онъ любитъ тихую, печальную и чувствительную музыку. Онъ полагаетъ, что гармонія имѣетъ цѣлію утолять печаль. Звуки веселыхъ припѣвовъ досаждаютъ ему, и если онъ приказываетъ пѣть невольникамъ, которые носятъ его въ паланкинѣ, то развѣ потому, что однозвучныя малгашскія и мозамбикскія пѣсни усыпляютъ его.

Креолы Иль-де-Франса и Бурбона служатъ самыми любопытными типами для изслѣдованія, не столько рѣзкими своими чертами, которыя образуютъ изъ нихъ народъ внѣ всякаго сравненія, какъ по едва замѣтнымъ оттѣнкамъ, которые ихъ отличаютъ. Мартиника, Гваделупа, Сенъ-Доминго слишкомъ близки къ своей метрополіи; Франція и Европа отражаются, такъ сказать, въ ихъ саванахъ. Но Иль-де-Франсъ является взору физіолога облеченный въ свой первоначальный характеръ; что̀ касается до меня, я, какъ историкъ поверхностный и суетный, показываю только путь, которымъ должны слѣдовать болѣе искусные изслѣдователи.

Одно всегда горестно поражало меня въ колоніяхъ: это совершенная безчувственность креола въ назначеніи наказанія негру, котораго онъ считаетъ виновнымъ. Онъ приказываетъ дать ему двадцать-пять или тридцать ударовъ бамбуковою тростью съ тѣмъ-же самымъ хладнокровіемъ, какъ-бы онъ говорилъ ему: Я доволенъ тобою. Потомъ, когда, привязанный канатомъ къ рѣшоткѣ, негръ кричитъ подъ ударами, креолъ не обращаетъ вниманія

на его вопли и преспокойно куритъ свою сигару.

На это онъ мнѣ отвѣчаетъ, что то, что я называю жестокостію и варварствомъ, на-самомъ-дѣлѣ человѣколюбіе и снисходительность.

— Что-бы вы сдѣлали во Франціи, сказалъ мнѣ однажды г. Пито, о которомъ мнѣ вспоминать такъ пріятно : что-бы вы сдѣлали съ слугою, который, разломавъ замокъ, укралъ-бы у васъ бѣлье или деньги? Вы посадили-бы его въ тюрьму, потомъ, когда докажется справедливость вашего показанія, одинъ изъ присяжныхъ (jury) присудитъ его къ шести-лѣтнему заключенію, и это, какъ мнѣ помнится, по вашему своду законовъ составляетъ самую меньшую степень назначеннаго наказанія. Если кто изъ негровъ окажется здѣсь виновнымъ въ подобномъ проступкѣ, то мы, жестокіе въ мщеніи, отсылаемъ его къ завѣдывающему нашими помѣстьями, который, для примѣра, отводитъ его на базаръ или, если это случилось съ нимъ въ первый разъ, на уединенный дворъ; тамъ даютъ ему сорокъ или пятьдесятъ ударовъ бамбуковою тростью и все кончено. Наказаніе продолжилось по самой большей мѣрѣ четверть часа.

— Вы имѣете однакоже право продолжить оное, и приказать дать, вмѣсто пятидесяти, шесть-сотъ ударовъ.

— Ни чуть : мы наказываемъ, но не лишаемъ жизни.

— Мнѣ случалось бывать въ странахъ, гдѣ убивали невольниковъ.

— Атлантическій океанъ, отдѣляющій насъ отъ Бразиліи, обширенъ; этого еще мало, возразилъ съ горячностію г. Пито (мнѣніе наше о жестокости колонистовъ приводило его въ негодованіе): извѣстны-ли вамъ нравы, обычаи, законы той страны, воспоминаніе которой сопровождаетъ въ неволю этихъ людей, этихъ негровъ, возбуждающихъ въ васъ столько участія? Безъ всякаго сомнѣнія нѣтъ, потому-что иначе состояніе негровъ на островѣ не показалось-бы вамъ такимъ плачевнымъ, какъ вы его себѣ воображаете. Негръ, который усердно работаетъ, невольникъ только на время; за все, что онъ дѣлаетъ сверхъ положеннаго, ему назначена плата. Когда онъ соберетъ достаточную сумму денегъ, то выкупается и дѣлается свободнымъ. Не далѣе вчерашняго дня, одинъ изъ невольниковъ, пятидесяти лѣтъ т. е. старикъ, пришолъ ко мнѣ.

— Господинъ, сказалъ онъ : у меня есть піастры, я пришолъ выкупить одного невольника.

— Кого это?

— Моего старшаго сына.

— Отчего-же ты самъ не выкупаешься?

— Потому, что я уже старъ и не долго буду въ состояніи работать: тогда вы обязаны кормить меня, а сынъ мой, получивши свободу, будетъ ходить за мной, если я занемогу. Когда я заработаю другіе піастры, то выкуплю моего младшаго сына, и спокойно умру, окруженный дѣтьми.

Отеческая нѣжность стараго невольника нашла отголосокъ въ сердцѣ г. Пито, который, вмѣсто одного, освободилъ обоихъ его сыновей за одну и туже цѣну.

Въ цѣломъ мірѣ не сыщется колоніи, въ которой-бы обходились съ неграми съ бо́льшею кротостію и человѣколюбіемъ, какъ здѣсь. Хозяева ни-чуть не запрещаютъ имъ скакать, прыгать по улицамъ, или повторять въ полголоса странные припѣвы пѣсенъ ихъ отечества; во всѣхъ плантаціяхъ и мастерскихъ суббота каждой недѣли есть день посвященный веселію. Я не въ состояніи разсказать вамъ, что́ здѣсь понимаютъ подъ названіемъ *шика*, *шега* или *ямпсе́*, передѣланнаго во Франціи въ качучу, безъ того, чтобъ не опустить густаго покрывала на нѣкоторыя явленія этой картины. Если нѣтъ ничего безправственнаго для дѣйствующихъ

лицъ этихъ бѣшеныхъ плясокъ, гдѣ всѣ страсти души выражаются неистовыми и судорожными тѣлодвиженіями, то для насъ, умѣющихъ цѣнить благодѣтельное вліяніе просвѣщенія, они покажутся безнравственными.

Изъ всего сказаннаго выше, легко понять, отчего мало бѣглыхъ негровъ на островѣ, хотя имъ легко было-бы скрыться отъ всѣхъ поисковъ на многихъ вершинахъ высокихъ и неудобоприступныхъ горъ; безъ всякаго сомнѣнія, доброта и снисходительность хозяевъ-господъ суть лучшія поруки вѣрности рабовъ-невольниковъ, которые очень-хорошо знаютъ, что лѣса и горы не доставятъ имъ менѣе жосткаго ложа, прозрачнѣйшей воды, или кукурузы чище той, которую они получаютъ каждый день въ своихъ хижинахъ.

По старинному обыкновенію, которое превратилось въ законъ, каждый пойманный бѣглый негръ получалъ двадцать-пять бамбуковыхъ ударовъ; въ случаѣ втораго побѣга, пятдесятъ, а въ третій разъ сто: никогда наказаніе не превышало послѣдняго числа. Но если скрывшійся негръ былъ отысканъ стараніемъ другаго невольника, то этотъ получалъ четыре піастра въ награду. Что-же случилось? Два мошенника сговорившись между-собою, бросали жребій, кому изъ двухъ сдѣлаться бѣглецомъ; по окончаніи положеннаго наказанія, они дѣлились деньгами, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней крѣпкіе напитки заставляли ихъ забывать неволю и африканскія или мозамбикскія степи.

Кстати, говоря о наказаніяхъ, которымъ подвергаютъ негровъ, надо разсказать вамъ странное происшествіе, героемъ коего губернаторъ острова.

Онъ прибылъ сюда съ похвальными понятіями о человѣколюбіи, съ которыми каждый Европеецъ посѣщаетъ колоніи, и отъ которыхъ почти всѣ отказываются весьма-скоро. Едва успѣвъ помѣститься въ своемъ дворцѣ, онъ послалъ пригласить къ себѣ этого-же самаго г. Пито, вамъ уже знакомаго, какъ почтнѣйшаго гражданина острова. Я опишу разговоръ ихъ, который пересказалъ мнѣ въ-послѣдствіи мой другъ-пріятель Пито.

— Вашъ островъ очень-малъ.

— Не-смотря на это онъ еще не весь обработанъ.

— Мы позаботимся объ этомъ. Ваши деревянные домы, кажется мнѣ, очень опасны въ случаѣ пожара.

— Каменные задавили-бы насъ при своемъ паденіи во-время перваго урагана.

— Мы позаботимся объ этомъ. Мнѣ очень-странно, что у васъ не случается болѣе возмущеній невольниковъ.

— Мы стараемся какъ можно улучшить ихъ состояніе.

— Меня увѣряли, что каждый годъ здѣсь умираетъ очень-много негровъ подъ плетью.

—Напротивъ, ни одинъ не умираетъ; у меня тысяча двѣсти человѣкъ въ различныхъ моихъ поселеніяхъ, и всѣ они смѣются, поютъ, — здоровы и забываютъ свою дикую Африку.

— Мы позаботимся и объ этомъ. Однакожъ я не хочу, чтобъ наказывали невольниковъ за маловажные проступки, какъ это бывало до-сихъ-поръ, восьмью-стами ударами ленька; я знаю, что большая часть колонистовъ даютъ по тысячи леньковъ, а иногда и болѣе. Впередъ удовольствуются четырьмястами ударами, и я издамъ на-счотъ этого строгое постановленіе.

— Генералъ, вы будете причиною возмущенія.

— Мы позаботимся и объ этомъ.

— Негры никогда на это не согласятся, они всѣ убѣгутъ въ лѣса.

— Такъ развѣ имъ пріятно, когда ихъ терзаютъ?

— Генералъ, наказаніе негра за боль-

шое преступленіе никогда не превышаетъ ста бамбуковыхъ ударовъ.

— Ста ударовъ?

— Да, генералъ.

— Вы шутите!

— Точно такъ.

— И эти бездѣльники кричатъ, и эти разбойники смѣютъ жаловаться! роптать! Ахъ злодѣи, мы позаботимся объ этомъ!.. Впрочемъ, благодарю васъ, г. Пито, за полезныя свѣдѣнія, которыя вы мнѣ сообщили; завтра, по окончаніи опыта, который я предполагаю сдѣлать, я дамъ вамъ знать окончательное мое рѣшеніе касательно исправительнаго уложенія невольниковъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на другое утро г. губернаторъ велѣлъ позвать къ себѣ въ спальню четырехъ негровъ и спросилъ ихъ:

— Кто изъ васъ наказывалъ когда-нибудь невольника?

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали: я!

— Ты, кажется, всѣхъ сильнѣе, сказалъ онъ тому, который стоялъ съ правой стороны: вотъ что я хочу, что я приказываю, подъ опасеніемъ быть до смерти засѣчену. Вы привяжете меня здѣсь къ ножкѣ моей кровати этой веревкой; вы привяжите меня такъ, чтобъ я не могъ отвязаться; потомъ дадите мнѣ пятнадцать бамбуковыхъ ударовъ какъ-бы провинившемуся невольнику. Поняли?

— Но, ваша свѣтлость...

— Если вы еще пикнете, то я прикажу васъ порядочно отколотить. Какъ скоро я буду крѣпко привязанъ и наказаніе начнется, берегитесь обращать вниманіе на мои просьбы, или остановиться прежде окончанія пятнадцати ударовъ, иначе — я васъ продержу шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Невольники должны были нехотя повиноваться. Они привязали какъ можно крѣпче генерала къ постели, и бамбукъ пошелъ гулять по его спинѣ. Послѣ перваго удара губернаторъ страшно закричалъ, по второму старался разорвать свои узы, по третьему грозилъ—предать смерти сильнаго невольника, который однакожъ наносилъ не слишкомъ жестокіе удары, но очень-хорошо помнилъ сдѣланную ему угрозу. Бѣдный генералъ стоналъ, клялся, вылъ, говорилъ, что велитъ отрубить голову четыремъ этимъ невольникамъ, что предастъ городъ пламени; ни что не помогало, онъ получилъ пятнадцать ударовъ, ни больше, ни меньше, и, едва его отвязали, упалъ на полъ.

— Я ударялъ однакожъ не очень-сильно, сказалъ ему негръ.

— Какъ-же бьешь ты, злодѣй?

— Если господинъ прикажетъ, то тотчасъ увидитъ.

— Нѣтъ, клянусь, съ меня и такъ достаточно.

Два дня спустя, какъ скоро былъ въ состояніи сидѣть, онъ написалъ къ г. Пито записку слѣдующаго содержанія.

«Вы правы, милостивый государь: «пятдесятъ бамбуковыхъ ударовъ у«жасное наказаніе, потому-что пят«надцать только не позволятъ мнѣ, по«крайней-мѣрѣ, съ недѣлю сѣсть на ло«шадь. Парижане клевещутъ на васъ; «вы лучше ихъ; они васъ не сто́ятъ».

Не задолго до нашего пріѣзда, Иль-де-Франсъ посѣтили три бѣдствія, — пожаръ, ураганъ и губернаторъ. Въ одну ночь тысяча-пятьсотъ семнадцать домовъ лучшей и богатѣйшей части города сдѣлались жертвою пламени. Огромные магазины, великолѣпнѣйшія собранія предметовъ естественной исторіи, принадлежащихъ всѣмъ частямъ свѣта, богатѣйшая библіотека въ цѣлой Индіи, нѣсколько огромныхъ дворцовъ, маклерскихъ конторъ, все было уничтожено въ нѣсколько часовъ. Здѣсь подтверждаю я рѣшительно, хотя-бы долженъ былъ за это подвергнуться всенародному изобличенію во лжи со стороны нѣкоторыхъ англійскихъ жур-

наловъ, что солдаты гарнизона, во-время всеобщаго безпорядка, по приказу своихъ начальниковъ, препятствовали великодушному порыву народонаселенія — спасать что́ можно, ломали пожарныя трубы, и угрожали мщеніемъ всѣмъ гражданамъ, которые оказывали болѣе другихъ ревности. Самая гнусная алчность служила основаніемъ этимъ ненавистнымъ мѣрамъ, потому-что всѣ товары, которые пожирало пламя, были произведеніемъ французскихъ фабрикъ.

Бѣдствіе, причиненное пожаромъ, было, безъ-сомнѣнія, велико; но ураганъ, который вскорѣ за нимъ послѣдовалъ, имѣлъ еще гибельнѣйшія послѣдствія, какъ-будто судьба считала недостаточнымъ ударъ, который нанесла колоніи.

Ураганъ!... Попробуйте начать разсказывать въ Европѣ объ ужасныхъ дѣйствіяхъ урагана на Антильскихъ островахъ, въ Сенъ-Доминго, на Иль-де-Франсѣ или Бурбонѣ, — едва-ли кто вамъ повѣритъ. Вы осмѣливаетесь совсѣмъ тѣмъ однакожъ описывать нѣкоторую только часть истины, дѣйствительности: такъ кажется она вамъ сверхъ-естественною, вамъ, очевидцу несчастнаго происшествія, со страхомъ взирающему на окружающій васъ хаосъ по окончаніи страшнаго воздушнаго явленія. Возможно-ли требовать отъ жителя странъ спокойныхъ и однообразныхъ безусловной довѣренности, если вполнѣ убѣждаетесь въ возможности подобныхъ смятеній только въ то́ время, когда сами уже нѣсколько разъ были жертвою этого неожиданнаго столкновенія всѣхъ стихій, когда повтореніе того-же самаго феномена лишило васъ сокровищъ, или поразило сердце ваше потерями самыми драгоцѣнными?

Сперва слышится глухой, невнятный гулъ, но не замѣтно еще никакого движенія въ пространствѣ. Море спокойно и небо ясно. Вскорѣ во́ды начинаютъ волноваться, какъ будто закипая отъ подземнаго огня; потомъ, солнце блѣднѣетъ и принимаетъ неопредѣленный видъ, хотя въ воздухѣ не видно никакихъ испареній. Верхніе листья на деревьяхъ начинаютъ дрожать съ какимъ-то свистомъ; ручьи клокочутъ, животныя безпокойно вспридываютъ въ своихъ логовищахъ или останавливаются на дорогахъ; смрадный сѣрный запахъ душитъ васъ; вамъ не жарко, а вы покрыты жгучимъ потомъ; какая-то невыразимая тягость вами овладѣваетъ, какая-то тоска, причину которой вы, къ-сожалѣнію, знаете. Улицы опустѣли: кой-гдѣ испуганная мать спѣшитъ по нимъ, отыскивая свое дитя, съ которымъ только-что разсталась. Въ опечаленныхъ семействахъ никто ничего не говоритъ другъ-другу; всѣ запираются, загораживаются; собираютъ въ кучу мебели, чтобъ положить преграду стремительному, неукротимому вѣтру, который уноситъ, ломаетъ, истребляетъ, обезображиваетъ, крутитъ деревья, домы, корабли и самый океанъ, волнуетъ его во всѣ стороны, гонитъ и разноситъ по произволу.

Туманъ превращается въ совершенный густой мракъ, то поднимающійся съ земли, то осѣдающій съ неба. Красныя молніи бороздятъ по всѣмъ направленіямъ мрачные небеса, отчего вся природа принимаетъ оттѣнокъ мѣднаго цвѣта. Мертвенная тишина воцаряется на пораженномъ островѣ. Грустныя семейства толпятся въ слезахъ, около защитъ своихъ, менѣе подверженныхъ опасности. Тогда трескучій раскатъ грома, подобный тысячи выстрѣловъ, разражается въ воздухѣ, какъ-бы вызывая на бой всѣ стихіи. По этому грозному сигналу, потоки выступаютъ изъ береговъ и разливаются по долинѣ. Огромныя деревья сталкиваются въ воздухѣ съ раздробленными мачтами и

разрушенными домами. Вся атмосфера въ огнѣ, земля дрожитъ, вздувается и опадаетъ. Корабли, стоящіе въ гавани, разбиваются о береговыя скалы; въ въ одинъ моментъ вѣтеръ нѣсколько разъ перемѣняетъ свое направленіе: шквалъ былъ съ сѣвера, — минуту спустя, онъ дуетъ съ юга, и вихрь, который взвился отъ востока къ западу, крутится вдругъ въ противоположную сторону и довершаетъ начатое шквалomъ опустошеніе.

Но что̀ значатъ описанія, всегда блѣдныя и несовершенныя, въ сравненіи съ дѣйствительностію? Событія заключаютъ въ себѣ другаго рода краснорѣчіе, говорятъ гораздо сильнѣе.

Въ Миниссѣ, загородномъ домѣ г-жи Моннеронъ, вихрь сорвалъ крышу съ домика, въ которомъ жили двѣ молодыя дѣвицы, и бросилъ ее къ ногамъ ихъ въ то самое время, когда они искали убѣжища въ замкѣ. Безъ скорой помощи одной негритянки они лишились-бы жизни.

Въ части города, называемой Мòка, семейство г. Сюффильда, директора почтъ, выходило изъ своего дома: въ тоже мгновеніе домъ повалился и развалинами своими задавилъ ребенка, въ глазахъ родителей, которые были изранены.

На Трехъ-Островкахъ (Trois-Ilos) г-ну Ланне показалось, что его жилище поднято шквалomъ на воздухъ; онъ торопится выдти изъ него съ женою и дѣтьми; въ эту минуту домъ точно уносится вихремъ; старшій сынъ г. Ланне и негръ, его несшій, задавлены, а другіе двое дѣтей ранены. Строеніе упало въ ста футахъ отъ своего фундамента; вѣтеръ развѣялъ его обломки; мебели, вещи — все исчезло; въ-послѣдствіи бѣлье, платье, тюфяки были отысканы на разстояніи сотъ за шесть туазовъ.

Одинъ изъ жителей острова, осмѣлившійся выдти во-время бури, внезапно подхваченный вихремъ на большомъ городскомъ базарѣ и перебрасываемый отъ столба къ столбу, былъ весь изломанъ въ этихъ безчисленныхъ перелетахъ. На дворѣ такъ-называемаго Малабарскаго-лагеря, вѣтеръ, ворвавшись туда съ яростію и подхватя цѣлую груду огромныхъ досокъ, швырнулъ ихъ вверхъ, какъ колоду картъ, и разбросалъ ихъ далеко, по лѣсу и горамъ.

Театральная зала, обширное крестообразное строеніе, снесена была фута на четыре отъ своего фундамента, и совсѣмъ тѣмъ однакожь не упала во-время бури, какъ-будто для того, чтобъ служить доказательствомъ ея жесткости и своевольствъ.

Долженъ-ли я еще прибавить, хотя, вѣроятно, не всѣ мнѣ повѣрятъ, что во многихъ домахъ запоры нѣсколькихъ желѣзныхъ рѣшотокъ согнуты и скручены были въ видѣ винтовъ? О! это, безъ сомнѣнія, рѣдкое явленіе, и кажется невѣроятнымъ; но у несчастія хорошая память: жители Пуэнтъ-а-Питра (Pointe-à-Pitre) и Французскаго Мыса (Cap-Français), подобно живущимъ въ той странѣ, которую я описываю, скажутъ вамъ, что они были свидѣтелями еще ужаснѣйшихъ произшествій, случаевъ, болѣе непостижимыхъ.

Тогда только позволительно сомнѣваться въ справедливости какого-либо описанія, когда оно доставляетъ собою славу или выгоду повѣствователю. Ртуть въ барометрѣ опустилась на восемь линій ниже двадцати-семи дюймовъ; никто не запомнитъ на Иль-де Франсѣ, чтобъ барометръ упадалъ такъ низко...

Печальное зрѣлище поражаетъ васъ, когда бросите взоръ на разоренную окрестность, какъ скоро вѣтеръ утихнетъ и буря прекратитъ свои опустошенія. Каждый оставляетъ свое убѣжище; всѣ пожимаютъ другъ-другу руки, отыскиваютъ одинъ другаго, разстаются для новыхъ сердечныхъ

изліяній, и весьма-рѣдко случается, чтобы въ нѣдрахъ бо́льшаго числа семействъ не оплакивали потерю какого-нибудь предмета своей любви. Куда дѣвались красивыя плантаціи, огромныя и исполинскія пальмовыя аллеи, поля сахарнаго тростника, столь привлекательныя, густыя и долговѣчныя? Вѣтеръ на пути своемъ все преодолѣлъ, все уравнялъ. Горе той странѣ, гдѣ владычествуетъ ураганъ!

Эта страна, какъ, помнится, я ужъ говорилъ вамъ, показалась мнѣ страною романтиковъ; ландшафты здѣсь плѣнительны и полны вдохновенія; но вотъ въ добавокъ еще преданія, которыми я въ особенности люблю разнообразить исторію вселенной. Нѣсколько важныхъ происшествій, нѣсколько историческихъ и необыкновенныхъ событій какъ-бы подкрѣпляютъ мое мнѣніе.

Весьма-многіе знавали на Иль-де-Франсе невѣстку царя Петра, которая, боясь быть замѣшанною въ обвинительномъ актѣ ея мужа, и страшась подвергнуться одинаковой съ нимъ участи, ушла изъ Россіи и удалилась въ Парижъ, гдѣ она долго жила въ глубокой неизвѣстности. Тутъ она вышла за мужъ въ-послѣдствіи за какого-то г. де-Молдака или Малдака, служившаго фельдфебелемъ въ одномъ изъ полковъ, посланныхъ на Иль-де-Франсъ и который вскорѣ послѣ своего пріѣзда былъ произведенъ, по приказанію Двора королевскаго, въ чинъ маіора арміи. По-видимому, мужу извѣстно было происхожденіе жены его, потому-что онъ говорилъ съ нею не иначе, какъ съ большимъ почтеніемъ. Г. де-Лабурдонне и всѣ офицеры оказывали ей тоже самое уваженіе, но только по смерти втораго мужа, жена *Петровича* (Petrowitz), рѣшилась объявить свое имя *).

*) Что́ можетъ быть нелѣпѣе этой сказки и удивительнѣе того, что человѣкъ съ умомъ и образованіемъ, г. Араго́, могъ ей повѣрить, и разсказывать такъ серьёзно, какъ-бы какой-нибудь историческій фактъ! Если я сохранилъ этотъ пошлый разсказъ въ переводѣ, то сдѣлалъ это съ намѣреніемъ показать нашимъ соотечественникамъ, какъ любезные гости наши, Французы, далеки еще отъ изученія нашей родины: исторія, географія и этнографія отдаленнѣйшаго океаническаго многоостровія имъ гораздо-знакомѣе нашихъ. А отчего? Тамъ они сами должны изучать языкъ и бытъ народный; а у насъ.... на что́, когда всѣ мы въ столицахъ охотнѣе говоримъ на ихъ языкахъ, чѣмъ на нашемъ собственномъ? И сколько преданій, подобныхъ нынѣшнимъ, будетъ еще повторяться въ-послѣдствіи и переходить изъ рода въ родъ! *Пр. Перев.*

Во-время нашего здѣсь пребыванія умерла здѣсь еще г-жа Пюжо́, супруга французскаго полковника. Это знаменитая Анастасія, любовница Беніовскаго, отважнаго воина, который похитилъ ее, когда бѣжалъ изъ Россіи. Она сопровождала его въ Камчатку, въ Китай, сюда и на Мадагаскаръ, гдѣ онъ былъ убитъ въ стычкѣ отрядомъ, который правительство Иль-де-Франса послало схватить его, въ то время, когда онъ уже имѣлъ тамъ много приверженцевъ.

Не возможно было-бы предсказать теперь, что́ можетъ произойти окончательно, когда совершенно изчезнетъ оттѣнокъ, раздѣляющій еще креолокъ отъ свободныхъ мулатокъ. Согласятся-ли первыя, кои уже гораздо-равнодушнѣе смотрятъ на почтеніе, оказываемое ихъ соперницамъ, на сближеніе до-сихъ-поръ еще имъ ненавистное, но которое полагаютъ неизбѣжнымъ черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ бѣлые здѣшней колоніи, а особливо всѣ Европейцы?

Вмѣшается-ли правительство въ эту важную ссору и дозволитъ-ли оно браки между свободными женщинами и бѣлыми въ колоніи? Оно уже нѣсколько разъ смотрѣло сквозь пальцы на многіе союзы этого рода; по моему мнѣнію, то, что́ теперь считаютъ особенною милостію, восторжествуетъ наконецъ надъ

отвращеніемъ бѣлыхъ и волею перваго законодателя.

Я часто говорилъ въ моихъ сочиненіяхъ о *мулаткахъ;* но что-же такое мулатка? Въ особенности, что-такое *свободная мулатка?* Съ перваго взгляда, это существо восхитительное, брошенное на землю для благополучія того, кого оно любитъ. Не вѣрьте однакожъ впечатлѣнію, на васъ сдѣланному, потому-что эта страсть, въ которой она вамъ клянется, эта страсть, которую она вамъ внушаетъ, вмѣщаетъ въ себѣ тысячу другихъ противуположныхъ чувствованій. Вотъ источникъ обмановъ, ревности, бѣшеныхъ порывовъ, мщенія. Сосредоточьте въ одномъ и томъ-же лицѣ, въ тѣлосложеніи, въ голосѣ, все, что только есть упоительнаго въ разговорѣ, плѣнительнаго въ походкѣ, самаго опаснаго въ дарованіи, палящаго во взорѣ, и вы будете имѣть слабое понятіе объ этихъ всемогущихъ царицахъ колоніи, которыя такъ жестоко, такъ неограниченно властвуютъ надъ неосторожными, попавшимися въ ихъ сѣти. О! сколько разореній, гибелей, они должны-бы были оплакивать, если-бъ могли упрекнуть себя въ чомъ другомъ, кромѣ ускользнувшей изъ рукъ ихъ побѣды.

Ничто не можетъ сравниться по вкусу и благоуханію съ балами и вечерами, которые даютъ эти легкомысленныя Нимоны, окруженныя толпою своихъ слабыхъ и вялыхъ обожателей! Но здѣсь побѣжденный воспѣваетъ громче всего торжество свое. Свободныхъ въ своихъ желаніяхъ, тамъ ни отецъ, ни братъ не въ состояніи остановить ихъ среди побѣдъ. Онѣ изгоняютъ изъ храма отцовъ и братьевъ, и, высокомѣрныя кокетки, почитаютъ за бо́льшее для себя счастіе быть наложницами бѣлаго, чѣмъ законными жонами человѣка ихъ касты.

Музыка и танцы любимѣйшее ихъ занятіе; въ особенности вальсируютъ онѣ съ неимовѣрною легкостію и ловкостію. Бѣда, если кто дерзаетъ слѣдить взорами за мулаткой, когда она, съ искуснымъ танцоромъ, извивается въ лабиринтѣ всеобщаго вальса. Неосторожный! я предупреждаю тебя; слѣдуй моему примѣру: избѣгай опасности и удались.

Мулатки одѣваются со вкусомъ и роскошно; рѣдкая не въ состояніи ежедневно прикрывать чудныя плечи свои кашемировымъ платкомъ, и весьма-часто, когда, въ какомъ-нибудь богатомъ магазинѣ, жена банкира или достаточнаго колониста, не рѣшается купить какой-либо нарядъ, находя его слишкомъ-дорогимъ, мулатка тотчасъ, не торгуясь, покупаетъ его.

Вообще волосы у нихъ темные; впрочемъ мнѣ случалось видѣть и бѣлокурыхъ, и ихъ невозможно отличить отъ нашихъ дамъ: такъ искусно подражаютъ онѣ имъ въ походкѣ и разговорахъ.

Теперь я долженъ разочаровать лучшую мечту юности вашей, и сказать вамъ, что Бернарденъ написалъ романъ: оно необходимо, потому-что я пишу исторію. Итакъ! вотъ киль Сенъ-Жерана (la quile St. Géran); мнѣ удалось оторвать отъ него кусокъ желѣза; вотъ гробница Виргиніи, въ саду г. Камберона въ Пампелуссахъ; гробница эта поставлена рядомъ съ гробницею Павла. — Но тутъ-то и ложь!.. Вотъ вся исторія, весь романъ.

Г-жа Латуръ, вопреки краснорѣчивому автору «Изученій природы» (Etudes de la nature), не умерла съ-горя отъ погибели дочери, при кораблекрушеніи Сенъ-Жерана, потому-что послѣ этого злополучнаго историческаго происшествія и по смерти перваго мужа своего въ Мадагаскарѣ, она была за-мужемъ три раза (можетъ быть съ отчаянія): въ первый разъ за г. Малле, фамилія коего еще существуетъ; въ другой за г. Крёстономъ, а въ третій

за г. Коллиньи.—Она была прабабушкой фамиліи Сенъ-Мартенъ, существующей еще на равнинахъ Вильгемскихъ.

Пасторъ, играющій столь превосходную роль въ романѣ, былъ родомъ изъ Бретани, сынъ одного парижскаго синдика, служилъ въ мушкетерахъ и, убивъ на дуэли противника своего, удалился на Иль-де-Франсъ, гдѣ и жилъ въ полумилѣ отъ того мѣста, около котораго разбился Сенъ-Жеранъ. Его очень уважали сосѣди; онъ оказывалъ имъ большія услуги и былъ примирителемъ многихъ ссоръ.

Что̀ касается до Павла, то о существованіи его ничего не извѣстно; итакъ основаніе, на коемъ созданъ весь романъ, разрушается само собою.

Г. Ліенаръ, извѣстный негоціантъ, былъ такъ благосклоненъ, что во-время путешествія, которое онъ принудилъ меня предпринять къ гробницѣ Виргиніи, далъ мнѣ нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ въ архивахъ острова. Снисходительность его чуть не погубила насъ; — судно, на которомъ мы ѣхали, опрокинулось, и мы всѣ чуть не погибли въ волнахъ. Бераръ, одинъ изъ нашихъ гардемариновъ, спасся на бую; г. Куои (Quoy), лекарь, г. Ліенаръ и невольники его ухватились за киль лодки; я-же одолженъ спасеніемъ безстрашію и распорядительности одного англійскаго офицера, который, подъѣхавъ на лодкѣ, спасъ меня отъ вѣрной смерти, ибо — къ стыду моему признаюсь — я вовсе не умѣю плавать.

На слѣдующій день г. Ліенаръ для отплаты захотѣлъ отправиться къ Могильной-бухтѣ (Baie du Tombeau). Мы поѣхали туда, слѣдуя за извилинами острова, и я могъ изучить всѣ богатыя произведенія его. Нестерпимый жаръ принудилъ-было меня просить пощады, какъ вдругъ спутникъ мой, посмотрѣвъ внимательно на одну го̀лую скалу, сказалъ мнѣ: — Пойдемъ-те далѣе; я покажу вамъ нѣчто весьма-любопытное, человѣка, который живетъ здѣсь одинъ одинёхонекъ, несчастнаго, претерпѣвшаго много бѣдствій. — Пойдемъ-те.

Мы пошли далѣе.

— Ужъ не кончилъ-ли онъ разчотъ съ жизнію? продолжалъ г. Ліенаръ, говоря самъ съ собою.

— О комъ говорите вы?

— Объ одномъ, весьма-необыкновенномъ негрѣ, о хозяинѣ этой маленькой, бѣдной хижины. — Ага! вонъ онъ тамъ сидитъ, спустивъ ноги въ воду; онъ удитъ рыбу, готовитъ себѣ обѣдъ.

— Что̀ онъ, невольникъ?

— Теперь нѣтъ; но свобода ему дорого сто́итъ. Я съ нимъ знакомъ; можетъ-быть, онъ не убѣжитъ отъ насъ.

Замѣтивъ насъ, негръ хотѣлъ было взойти въ свою хижину, но г. Ліенаръ сдѣлалъ ему дружественный знакъ, и тогда онъ, ни мало не думая, бросился въ воду и, переплывъ на нашу сторону, поклонился намъ; потомъ, какъ-бы довольный тѣмъ, что исполнилъ долгъ благодарности въ отношеніи къ нашему проводнику, который недавно великодушно поступилъ съ нимъ, онъ удалился на уединенную скалу свою.

Человѣку этому было, по-видимому, лѣтъ 45 или 50; онъ былъ худощавъ, но крѣпокъ; лѣвая рука отрѣзана выше локтя; волосы чорные, но не курчавые; черты лица выказывали скорѣе мавра, нежели негра; по взорѣ его можно было прочесть независимость и презрѣніе, и не трудно было отгадать, что онъ долженъ былъ пройти чрезъ тяжкія испытанія. Я горѣлъ нетерпѣніемъ узнать исторію его, ибо есть существа привилегированныя, внушающія съ перваго взгляда участіе и сочувствіе.

— Я готовъ слушать васъ, сказалъ я г. Ліенару.

— Жизнь этого человѣка баснословна. Замбалахъ былъ взятъ въ плѣнъ, на Сенегалѣ, нѣсколько лѣтъ тому на-

задъ, и вотъ какимъ образомъ. Одинъ португальскій корабль, производившій торговлю неграми, преслѣдуемый Англичанами, воспользовался бурею и темнотою ночи и ушолъ въ Сенегамбію. Онъ пошолъ вверхъ по рѣкѣ, бросилъ якорь въ довольно-дальнемъ разстояніи отъ устья, и такимъ-образомъ укрылся отъ всякаго преслѣдованія. — Замбалахъ, зная отлично мѣстность, принесъ опытностію своею большую пользу португальскому капитану. Замбалахъ, неустрашимый предводитель одного племени негровъ, самъ продавалъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ во-время набѣговъ своихъ. Люди его присоединились къ нему въ назначенномъ мѣстѣ, и торгъ произведенъ былъ по обыкновенію. Но при отъѣздѣ, Замбалахъ и братъ его вдругъ были окружены, связаны и брошены въ трюмъ вмѣстѣ съ прочими невольниками.

По прошествіи пятнадцати дней весьма-опаснаго плаванія вдоль береговъ Африки, отъ коихъ корабль не могъ удалиться по случаю вѣтровъ, подлецъ капитанъ пошолъ осматривать товаръ свой. Замбалахъ сказалъ ему: — Я твой плѣнникъ, принадлежу тебѣ; ты можешь меня приковать къ мачтѣ или бросить въ море. Братъ мой боленъ, дай ему подышать свѣжимъ воздухомъ и немного воды; если выпустишь его на нѣсколько времени на палубу, и ежели ты спасешь ему жизнь, то я, не-смотря ни на что, клянусь служить тебѣ по смерть и никогда не упрекать въ измѣнническомъ поступкѣ со мною.

— Что ручается мнѣ за твое слово?

— Вотъ что: видишь-ли этотъ ножъ? одинъ матросъ уронилъ его однажды у ногъ моихъ; если ты откажешь мнѣ въ моей просьбѣ, я сію-же минуту убью и себя, и брата. Отвѣчай, отвѣчай скорѣе: малѣйшее движеніе твое, малѣйшій знакъ, и у тебя будетъ двумя невольниками менѣе.

— Я предложу еще условіе, сказалъ капитанъ.

— Я заранѣе согласенъ.

— Ты тоже останешься на палубѣ и будешь помогать въ работахъ, ибо большая часть матросовъ больны.

— Клянусь.

— И ты не нарушишь клятвы?

— Спаси моего брата.

— Подай ножъ.

— Вотъ онъ.

— Дай я тебя развяжу.

— Развяжи сперва брата.

— Теперь вы оба свободны; подожди, я велю отнести его на палубу.

— Я самъ понесу его.

Вышли на воздухъ, приготовили цыновку; Замбалахъ осторожно опускаетъ любимаго брата... Онъ былъ уже мертвъ.

— Все равно, сказалъ Замбалахъ угрюмо, я клялся: приказывай, я рабъ твой.

Между-тѣмъ дурная погода все продолжалась; послѣ противнаго, порывистаго вѣтра наступила сильная качка, угрожавшая кораблю крушеніемъ. Вдругъ ужасная волна покачнула корабль; другой сильный валъ разбился о палубу и унесъ трехъ человѣкъ. Замбалахъ, ухватясь за перила, уцѣлѣлъ. Бросивъ быстрый взглядъ вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что унесло капитана и двухъ матросовъ.

— Я рабъ его, вскричалъ Замбалахъ: мой долгъ спасти его...

Съ этимъ словомъ онъ всматривается въ обломки, уносимые волнами.

Капитанъ боролся съ волнами; Замбалахъ ободряетъ его знаками, беретъ *гинь-лóпарь*, наматываетъ его на руку, привязываетъ одинъ конецъ къ *штельсамъ* и бросается въ воду. Достигнувъ вскорѣ капитана, онъ передаетъ ему гинь-лóпарь, доплываетъ до корабля и съ помощію двухъ матросовъ поднимаетъ на палубу.

Первымъ словомъ капитана было: Замбалахъ, ты свободенъ.

— Слово ваше, капитанъ, такое-же, какъ я далъ вамъ.

— Обѣщаю.

— Хорошо; но вѣдь вы много теряете; не будь я рабомъ вашимъ, часъ тому назадъ, вы были-бы поглощены волнами...

Слово торговца неграми свято и не нарушимо. На другой день послѣ разсказаннаго нами происшествія, Замбалахъ, проснувшись, былъ прикованъ къ тому самому кольцу, у котораго онъ испрашивалъ немного воздуха для своего брата.

Такъ-какъ противные вѣтры не переставали дуть, то корабль принужденъ былъ идти на западъ, и обогнувъ мысъ Доброй-Надежды, направился къ Бурбону, надѣясь тамъ высадить потихоньку товаръ свой, въ какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ менѣе надзора.

Посреди тихой, мрачной ночи, дѣйствительно двѣ или три лодки, безъ шума плыли къ берегу; на нихъ виднѣлось около пятидесяти тѣлъ, чорныхъ, голыхъ, худыхъ и вонючихъ; тѣла эти, крѣпко связанныя, высадили на берегъ; потомъ, при блѣдномъ свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ, завязался споръ между капитаномъ и колонистомъ, потомъ они пожали другъ-другу руки и простились. Но вдругъ раздался голосъ.

— Я не невольникъ, меня зовутъ Замбалахъ, и я заслужилъ свободу, подвергая жизнь свою опасности, не правда-ли, капитанъ?

И чорные глаза негра блестѣли, какъ двѣ искры.

— Кстати, сказалъ улыбаясь Португалецъ покупщику, какъ-бы въ отвѣтъ на это неожиданное восклицаніе: я забылъ сказать вамъ, что на этого человѣка находятъ по-временамъ минуты сумасшествія: онъ бредитъ, что будто онъ свободенъ; но я лечилъ его леньками.

— Я буду поступать по вашему, отвѣчалъ колонистъ.

И Замбалахъ, вздумавъ опять повторить о своей свободѣ, услышалъ свистъ въ воздухѣ и кровь, брызнувшая съ плечъ его, доказала ему, что онъ все еще невольникъ.

На слѣдующій день, на берегу ничего не было; только на горизонтѣ виднѣлись три мачты какого-то корабля, а въ одномъ селеніи на островѣ Бурбонѣ, земля обработывалась съ бо́льшею дѣятельностію, и состояніе владѣльца увеличивалось. Ременный бичъ хорошо удостовѣрилъ Замбалаха, что онъ не долженъ болѣе говорить о свободѣ. Между всѣми неграми, Замбалахъ, покорясь наконецъ судьбѣ своей, былъ самый трудолюбивый, трезвый и неустрашимый. Недавно, во-время землятрясенія, онъ имѣлъ случай оказать важную услугу своему господину, и тотъ, изъ благодарности, избавилъ его отъ тягостной обработки земель, употребивъ при работахъ домашнихъ.

— Я тобой доволенъ, сказалъ ему колонистъ: продолжай съ такою-же ревностію служить мнѣ и я поручу тебѣ надзоръ за моими неграми.

— Благодарю, хозяинъ, но я ожидаю больше.

— Ты честолюбивъ.

— Что́ надо сдѣлать, чтобъ быть свободнымъ?

— Откупиться, а ты дорого сто́ишь.

— Тѣмъ хуже, я-бы хотѣлъ ничего не сто́ить и имѣть нѣсколько піастровъ.

— Развѣ ты здѣсь несчастливъ? Былъ-ли-бы ты счастливѣе у себя? Что́ ты такъ хлопочешь о свободѣ?

— Потому-что я по всему міру пополъ-бы отыскивать человѣка, который продалъ меня, свободнаго, и убилъ-бы его.

— Сумасшествіе опять на тебя находитъ!

— Виноватъ, хозяинъ, я не буду болѣе говорить о томъ.

Въ одинъ вечеръ, колонистъ, находясь въ Сенъ-Полѣ, по торговымъ дѣламъ, принужденъ былъ отправиться въ Сенъ-Дени, и рѣшился ѣхать на одной изъ тѣхъ быстрыхъ ладей, которыми управляютъ негры съ удивительною ловкостію. Замбалахъ правилъ судномъ; оно летѣло и, при помощи свѣжаго вѣтерка, должно было приплыть къ опасному мѣсту высадки острова, прежде ночи. Но кто въ Бурбонѣ можетъ когда-либо поручиться, что онъ достигнетъ гавани? Уже виднѣлся берегъ, какъ вдругъ на ладьѣ почувствовали удушливый жаръ; море не шумитъ болѣе, оно дѣлается гладко, какъ обширное озеро масла; потомъ небо очищается отъ затмѣвавшихъ его облаковъ и показывается во всемъ своемъ блескѣ. На берегу, вся зелень вѣрниковъ перестаетъ волноваться и отражается въ тихомъ кристаллѣ моря, а на фортѣ, командующемъ островомъ Сенъ-Дени, виднѣется угрюмый, черный флагъ, сигналъ предстоящаго разрушенія. Должно было ожидать ужаснаго прилива и отлива (ras-de-marée), и ладьѣ колониста предстояло быть разбитой и обращенной въ прахъ.

Корабли, стоявшіе на якорѣ, ожидали не лучшей участи, и подаваемые ими сигналы бѣдствія не могли вырвать ихъ изъ пропасти, готовой ихъ поглотить.

Вы не знаете всю важность зловѣщаго слова этого—raz-de-marée; вы полагаете, что на океанѣ тогда только и опасно, когда гремитъ громъ и молнія блещетъ, когда воды вздуваются и бушуютъ вѣтры? Изъ всѣхъ морскихъ феноменовъ, raz-de-marée—самый ужасный и все-поглощающій. Онъ обыкновенно случается въ сжатыхъ каналахъ, въ проливахъ, между волканическими землями, когда подводные огни не имѣютъ довольно силы выбросить какой-нибудь новый островъ.—Смотрите, смотрите! на землѣ миръ, воздухъ свѣжъ; одинъ океанъ вздымается, кипитъ, вспрядываетъ и пенкаетъ снова; какое ему дѣло до того, что вы бросили всѣ якори: они вмигъ будутъ перепилены, и толстые канаты точно также не устоятъ, какъ и желѣзныя цѣпи. Распущенные паруса опадаютъ на мачты; всѣ маневры безполезны, всякое усиліе безсильно; въ эти минуты истомы, доставившія столько жертвъ смерти, остается одно—скрестить руки, бросить взоръ на небо, сказать прости всему, что только есть милаго на свѣтѣ, и ожидать верховнаго суда...

Посреди этой тишины земли и воздуха и ужаснаго бушеванія волнъ, Замбалахъ и господинъ его безмолвно смотрѣли другъ на друга, а негры, находившіеся на ладьѣ, въ полголоса пѣли свою предсмертную пѣснь.

— Ну что, сказалъ наконецъ глухимъ голосомъ колонистъ своему кормчему: ты не видишь никакого средства къ спасенію.

— Никакого: чрезъ нѣсколько часовъ я буду также свободенъ, какъ и вы.

— Итакъ надо умереть?

— И вамъ и мнѣ и еще многимъ; для одного только человѣка хотѣлъ-бы я еще пожить.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Мой первый господинъ, который продалъ меня вамъ тогда, какъ я вовсе не былъ рабомъ его. О! если-бы онъ былъ здѣсь!..

Между-тѣмъ ладья неслась и кружилась по прихоти своевольной волны, и тысячи корабельныхъ обломковъ поглощались бездной. Уже на берегу собравшійся народъ и солдаты старались спасать несчастныхъ. Съ быстротою молніи, ладья Замбалаха поднимается, становится прямо и опрокидывается. — Все исчезло.

Но Замбалахъ еще не отчаявается:

онъ не хочетъ умереть безъ мщенія. Могучею рукою борется онъ съ волнами; въ одно мгновеніе онъ очутился возлѣ господина своего. Великодушіе его увлекаетъ и онъ подаетъ ему обломокъ рея, за которой ухватился было самъ. Огромный валъ въ эту минуту ринулся, подобно горѣ, на берегъ и выбросилъ Замбалаха и его господина; но другая волна слѣдуетъ за первой и хочетъ снова схватить обѣ жертвы. Замбалахъ сильно цѣпляется за грунтъ земли и, удерживая господина своего, избавляется наконецъ отъ всеобщей гибели.

Толпа окружаетъ его и подаетъ ему помощь.

— Помогите ему, помогите ему! вскричалъ онъ. Потомъ, бросивъ взоръ на разъяренный океанъ, искалъ, казалось, чего-то.

— Ты свободенъ, Замбалахъ! закричалъ ему господинъ его, какъ скоро могъ говорить: о! ты свободенъ теперь.

— Свободенъ! нѣтъ еще; тамъ двое товарищей моихъ, я спѣшу къ нимъ. Свободенъ буду я часомъ позже.

Но волны не пустили его: въ другой разъ Замбалахъ былъ выброшенъ одинъ на берегъ и, вѣрный данному имъ слову, господинъ отпустилъ его на волю.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, одно судно, шедшее изъ Калькутты, остановилось у острова Бурбона. Замбалахъ нанялся на немъ матросомъ и отправился въ Бразилію, откуда вернулся безъ руки. Онъ отыскалъ въ Ріо-Жанейро капитана, взявшаго его въ плѣнъ въ Сенегамбіи, и когда ему объ этомъ говорятъ теперь, то онъ отвѣчаетъ:

— Португальскій капитанъ не будетъ болѣе лгать; мнѣ это стоитъ руки, но за то я съ нимъ справился.

Въ прошломъ году Замбалахъ покинулъ Бурбонъ и поселился здѣсь, живя настоящимъ дикаремъ.

Пока онъ удилъ рыбу, мы взошли въ его хижину и оставили тамъ кое-что изъ платья; потомъ, довольные путешествіемъ нашимъ, воротились въ городъ.

Была суббота, въ чудныхъ мастерскихъ Гг. Рондо, Пистона и Моннерона играли, плясали, и мнѣ не хотѣлось упустить праздника. Кто знаетъ, можетъ-быть, дней черезъ восемь мнѣ придется уже ѣхать отсюда. Никогда не должно терять случая осматривать то, что можно видѣть только однажды; но какъ любопытно и занимательно видѣть, по-крайней-мѣрѣ, хоть одинъ разъ. По совѣту путеводителей моихъ, я избралъ верфь г. Рондо, гдѣ болѣе 300 негровъ, счастливыхъ тѣмъ, что получили недѣльную плату и завтра могутъ отдыхать, готовились къ еженедѣльнымъ сатурналіямъ. Тутъ толкотня, визгъ, шумъ невыразимый. Мужчины, женщины, дѣти, старики тѣснились въ оградѣ, на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ-будто боясь выдти изъ него, и какъ-будто воздухъ и грунтъ земли въ другомъ мѣстѣ имъ недоступны. Эхъ, Боже мой! Не тоже-самое дѣлаемъ и мы въ чудной столицѣ нашей, съ наслажденіемъ запираясь въ душной аллеѣ, тогда-какъ можемъ по сторонамъ топтать свѣжую траву, и дышать чистымъ, свободнымъ воздухомъ!..

Можетъ-быть люди эти мечтаютъ о покинутыхъ берегахъ своихъ, о будущей свободѣ; можетъ-статься, замышляютъ они всеобщее истребленіе своихъ хозяевъ, а можетъ-быть, возсылаютъ теплыя молитвы ко Всевышнему. Я не увѣренъ въ этомъ, но вижу здѣсь столько веселья, столько пламенныхъ взоровъ, столько рукъ судорожно пожимаемыхъ, столько біющихся сердецъ, разнородныхъ криковъ; но все это еще одна прелюдія, авансцена. Люди эти готовятся къ счастію, вотъ и все. Самое-же счастіе, вотъ оно:

Сигналъ поданъ. Въ одно мгновеніе ока составился обширный кругъ: мужчины, женщины по произволу, дѣти впереди, для того, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о народномъ празднествѣ.

За всеобщимъ шумомъ, который я сравниваю съ ревомъ грозной воды, впадающей въ обширный стокъ, послѣдовала тишина, которую никто не смѣлъ нарушить. Мало-по малу воздухъ потрясается звуками. Клянусь вамъ, что эта мелодія хотя жестка, странна, но не безъ гармоніи: она имѣетъ свой тактъ, свой кадансъ; это уже не безпорядокъ, не хаосъ; вотъ она усиливается, и crescendo потеряло кое-какія первоначальныя свои краски. Теперь уже голосъ не одинъ разыгрываетъ свою роль, но кривляется самое лицо; всѣ руки въ движеніи, ноги вздрагиваютъ и взбиваютъ землю, какъ-бы кипучую влагу. Вы не повѣрите, но этотъ второй антрактъ продолжается соразмѣрно градусамъ температуры; ежели солнце знойно, ежели работа была трудна, онъ сокращается, ибо тогда всѣ заторопятся поскорѣе предаться ожидающимъ ихъ ощущеніямъ.

Но вотъ вылетаетъ танцовщица, сперва одна, кружится, машетъ руками, перегибается, выпрямляется, обозрѣваетъ этотъ легіонъ фуріи, какъ-бы изливая на нихъ пенстовый бредъ свой. Каждому хочется восторжествовать надъ своими соперниками, всякій старается попасть въ избранники королевы. Но вотъ онъ избранъ, въ свою очередь выбѣгаетъ, съ видомъ побѣдителя становится предъ своею танцовщицею, и пѣсни прочихъ дѣйствующихъ лицъ превращаются въ свирѣпые крики; тысячи ударовъ сыплются въ грудь, въ голову, всѣ скрежещатъ зубами, пѣна бьетъ клубомъ изо рта, какъ у яростной стаи волковъ, напавшихъ на беззащитное стадо овецъ. Все это однакожъ изъявленіе радости, упоеніе духа. Праздникъ едва начался; два негра вступили въ бой, всякому будетъ своя очередь, и то, что вы видѣли, то, что вы слышали, это, просто—идиллія; пастушеская поэма Ракана; тутъ нѣтъ еще драмы, она будетъ позже, — и клянусь вамъ, что этотъ народъ умѣетъ продлить минуты своего счастія.

Не легко писать для всѣхъ, и я тѣмъ болѣе затрудняюсь, что обѣщалъ читателямъ подробное и вѣрное описаніе очаровательной *качучи*, достигшей, около трехъ лѣтъ тому назадъ, и до насъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ на аффишахъ нашихъ *застычивыхъ* театровъ объявленіе о качучѣ, я невольно покраснѣлъ и спросилъ себя: неужели вольность дойдетъ до того, что позволятъ этотъ танецъ при блескѣ тысячи свѣчъ? ибо хотя у насъ и разыгрываются иногда соблазнительныя сцены, но ихъ разыгрываютъ втихомолку. Не-смотря на то, мнѣ захотѣлось посмотрѣть. Нѣтъ, въ граціозной пантомимѣ Эльслеръ, при безконечныхъ плескахъ упоенной публики, я не узналъ *качучу*, дочь *шики*. Наша качуча, побочный танецъ, порожденіе совершенно новѣйшее, передѣланное уже Португальцами, вывезшими его вмѣстѣ съ побѣдами своими; позже онъ былъ пародированъ и разукрашенъ Испанцами, окружонъ мускусомъ у насъ, сдѣлавшихъ изъ него нѣчто особое, гдѣ всѣ движенія дѣлаются такъ спокойно, а страсть выражается только взорами или улыбкой. Эта качуча напоминаетъ настоящую точно такъ, какъ профиль лягушки напоминаетъ профиль Аполлона Бельведерскаго; между ними цѣлый міръ; созидайте, но не дурачьте.

Я обѣщалъ вамъ, и сдержу слово: вотъ она — настоящая качуча негровъ, важнѣйшій праздникъ Мозамбикцевъ, Ангольцевъ и другихъ дикарей южной Африки. Дрожу, описывая ее, краснѣю и трепещу въ одно время при гнусномъ и ужасномъ воспоминаніи этого зрѣ-

лица, передъ которымъ зритель прикованъ беззащитно, какъ передъ кровавою казнью, на которую увлеченъ толпою. Ежели вы не такъ храбры и такъ уступчивы, какъ я, то не читайте этихъ строкъ.

Первый избранный, равно какъ и второй, были прогнаны, потому-что танцовщица не довольно разгорячилась; болѣе часу требуется на то, чтобъ эти груди устали, чтобъ подобныя желанія истощились. По данному знаку, явился третій состязатель. Одинъ скачокъ, и онъ внѣ ограды; онъ вертится на каблукахъ, выказывается съ торжествомъ передъ побѣжденными или презрѣнными собратіями своими, онъ воетъ, реветъ, и вся стая продолжительнымъ эхомъ реветъ и воетъ. Танцовщица дотрогивается до него рукою, не такъ какъ любовница, желающая возбудить вниманіе разсѣяннаго любовника, но какъ тяжелый молотъ, выпрямляющій или сгибающій раскаленное желѣзо. Теперь смотрите: плечи сталкиваются, колѣна отталкиваются, сближаются, лбы встрѣчаются, носы, такъ-сказать, склеиваются, груди какъ-будто сливаются, надуваются, издаютъ смрадное дыханіе, зеленоватую пѣну. Съ курчавыхъ волосъ, съ курчавыхъ бородъ, съ курчавыхъ грудей, капаетъ бѣлый, пѣнистый потъ, наводняетъ почву и обращается въ грязь подъ лихорадочнымъ топотомъ ногъ. А между-тѣмъ, во-кругъ двухъ бойцовъ все восхищается, все бѣсится за медленность или тиранство плясуньи. Наконецъ колѣна ея слабѣютъ, ноги подгибаются, она падаетъ; танцоръ, болѣе сильный или болѣе счастливый, паритъ какъ сатиръ надъ своею жертвою, и празднество обращается въ публичный бракъ, всенародно совершаемый. Бросаю перо и желалъ-бы потушить всякое воспоминаніе. Будемъ присутствовать при празднествахъ менѣе рѣзкихъ.

Послѣ чики начались другіе, не столь смѣлые танцы. Тутъ я удостовѣрился, что и у дикихъ, подобно народамъ образованнымъ, веселье имѣетъ свои степени, также какъ и печаль, и что въ страстяхъ человѣческихъ горячка не всегда играетъ первую роль.

Голова моя горѣла, но я не хотѣлъ упустить представившагося мнѣ случая. Посреди всеобщаго волненія, мнѣ казалось, что нѣкоторые актеры, коихъ физіогноміи были схожи, болѣе другихъ раскалялись. Дѣйствительно, это была каста Мозамбикцевъ, почти схожая съ породою Малгашей, не-смотря на непримиримую ихъ вражду. Вообще я нашолъ, что негровъ восточной Индіи не такъ легко растрогать, какъ прочихъ, и по этому-то здѣшніе колонисты избираютъ изъ нихъ преимущественно себѣ слугъ.

Подобная вольность негровъ острова должна отличать ихъ совершенно отъ негровъ Бразильскихъ и даже негровъ Мыса Доброй-Надежды, а потому весьма-понятно, что здѣсь и слуху нѣтъ никогда о всеобщемъ бунтѣ или частныхъ убійствахъ. За то вы увидите здѣшнихъ негровъ по улицамъ скачущихъ, размахивающихъ руками и носящихъ почти всегда грубый инструментъ, состоящій изъ бамбуковой палки и двухъ струнъ, подъ звуки коего распѣваютъ они не только національныя пѣсни, но даже полученныя ими приказанія. На-примѣръ, господинъ скажетъ своему негру:

— *Поди, отнеси назадъ эту банку помады парикмахеру и спроси другую, съ ванилью.*

И что-же? изъ этой фразы негръ составляетъ поэму для своей пѣсни, и сочиняетъ тему, чрезвычайно замѣчательную по своей оригинальности.

Ежели невѣрному, лгуну невольнику случится напиться пьяному или истратить деньги, данныя ему на какое-нибудь порученіе, онъ тотчасъ-же ста-

рается найти себѣ извиненіе, и найдя его, кладетъ, тутъ-же за походомъ, на музыку :

Господинъ его говоритъ ему : Что́ ты сдѣлалъ съ ликёромъ, за которымъ я тебя посылалъ?

Когда мой пошолъ мимо магазинъ Бонъ-Гу (Bon-Goût,) *мой нога скользнулся, и ликеръ проливайся...*

Негръ говоритъ, что онъ упалъ, пролилъ ликёръ, и на эту фразу извиненія, заранѣе имъ приготовленную и по его мнѣнію чудную, онъ сочиняетъ самый упоительный голосъ, готовясь со всѣмъ тѣмъ получить 25 палочныхъ ударовъ.

Двѣ приведенныя мною фразы не случайно сказаны; каждый обитатель Иль-де-Франса или Бурбона знаетъ ихъ съ младенчества, и неодинъ разъ пѣвалъ подъ тѣнью любимыхъ своихъ пальмъ.

Рѣдко случается, чтобы послѣ описанныхъ мною танцевъ не было борьбы, но противники дѣйствуютъ болѣе кулаками или головами. Не думайте, чтобы зрители противились бою; напротивъ, они возбуждаютъ къ тому и желаютъ, чтобы бой былъ какъ можно кровопролитнѣе. Знаками и голосомъ каждый ободряетъ того изъ бойцовъ, кого желалъ-бы видѣть побѣдителемъ, и борьба перестаетъ тогда только, когда одинъ изъ противниковъ будетъ поверженъ на землю. Когда побѣда долго не рѣшается, то противники отступаютъ и становятся въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго; потомъ испускаютъ пронзительный крикъ, бьютъ себя въ грудь, нагибаются, закрываютъ глаза и со всевозможною быстротою кидаются другъ на друга. Иногда одинъ другому размозжаетъ черепъ, иногда оба вмѣстѣ, и зрители уносятъ жертвы. Дуель не есть исключительно европейская выдумка.

Если одинъ негръ назоветъ другаго, *тунеядцемъ, бѣлымъ, воромъ*, это ничего; если онъ назоветъ его *Малгашемъ*, завяжется кулачный бой; еслиже назоветъ его *негромъ*, бой будетъ тогда на смерть! Совсѣмъ тѣмъ что-же они такое? Неуже-ли они имѣютъ претензію быть блондинами? Господа строго взыскиваютъ за эти частные бои, но разсерженный негръ опасное животное, и никакой бичъ не остановитъ его мщенія.

Въ путешествіяхъ моихъ, мнѣ всего болѣе нравятся противуположности, а потому, вышедъ изъ мастерскихъ г. Рондо, съ большимъ удовольствіемъ обошолъ я городъ, гдѣ все напоминало мнѣ отечество, о которомъ, увы! я столько теперь жалѣю!

Безъ сомнѣнія отъ Парижа до О. Маврикія ближе, нежели отъ Парижа до Бордо. Моды доходятъ сюда юными, свѣжими; полезныя изобрѣтенія распространяются съ непомѣрною быстротою, и граждане острова тѣмъ болѣе спѣшатъ воспользоваться ими, что едва не лишились ихъ. Мысъ Доброй-Надежды на дорогѣ отъ Парижа къ О. Маврикія.

Я справлялся съ архивами острова; повѣрятъ-ли тому, что не было ни одного примѣра, чтобы Креолъ совершилъ убійство, и по-сіе-время еще не могутъ безъ страха вспомнить объ одномъ злосчастномъ происшествіи.

Списываю дѣло съ протокола:

«Многіе офицеры и солдаты французскаго полка, занимавшаго гарнизонъ на островѣ Маврикія, проникнули ночью въ жилище одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ колоніи, г-жи Легель, въ которую одинъ изъ офицеровъ, Г. В.... былъ страстно влюбленъ. Дама эта, испугавшись угрозъ, сдѣланныхъ пылкимъ ея обожателемъ, просила мужа не оставлять жилища, находящагося въ большомъ Флакскомъ лѣсу; но нѣкоторыя дѣла заставили его отправиться въ городъ, и онъ полагалъ, что можетъ безъ опасенія оставить жену на нѣсколько часовъ одну. Одинъ солдатъ, по имени Санкартье, коему позволяли продавать разные товары

по деревнямъ, отворилъ двери осаждающимъ, которые увеличили преступленіе насиліемъ, убійствомъ и пожаромъ. Старый Инвалидъ, стороживший домъ, погибъ жертвою своей приверженности; негры были избиты. По-видимому г-жа Лёгель успѣла было сперва убѣжать, потому-что одинъ башмакъ ея найденъ въ лѣсу, за четверть льё отъ дома, и тамъ уже она найдена мертвою.

«Всѣ солдаты, участвовавшіе въ этомъ ужасномъ происшествіи, были казнены, и Г. В... одолженъ жизнію единственно уваженію, питаемому къ его фамиліи: какъ-будто дозволяется избѣгать правосудія, защищаясь славнымъ именемъ! Санкартье сперва было ушолъ и навелъ страхъ на островъ, но наконецъ былъ схваченъ; съ завязаннымъ ртомъ отвели его на мѣсто казни, для того, чтобы онъ не могъ назвать зачинщиковъ, и тамъ четвертовали».

Послѣ этого ужаснаго убійства, очень уже давно совершеннаго, не было болѣе ни одного.

Городъ раздѣленъ на кварталы или *станы* (camps). Малабарскій станъ избирается вообще для жительства Индѣйцами пріѣзжающими въ Иль-де-Франсъ на извѣстное время.

Пространство, заключающееся между станами, называется городомъ. Тамъ встрѣтишь только избы полузагороженныя, нездоровыя, душныя. Тамъ помѣщаются Китайцы, пріѣхавшіе изъ Кантона и Макао или вызванные колонистами для обработки риса и чаю.

Китайцы народъ хитрый, низкій, злой, скупой, исполненный предразсудковъ, набоженъ въ отношеніи религіи, которой не вѣритъ, муча другихъ для развлеченія себя въ однообразіи лѣнивой жизни, подло воровatый, лицемѣрный по разсчоту, и всегда готовый хвастать независимостію своею посреди междоусобныхъ войнъ, истребляющихъ народы другихъ частей свѣта. Китайцы довольно-свѣдущи въ искусствахъ, а потому и кажутся для всѣхъ чудомъ терпѣнія и ловкости; но вѣковая неподвижность этой націи довела ее до того, что Китаецъ понимаетъ въ жизни своей только то, что она приноситъ ему піастрами или рупіями. По моему, Китаецъ, курящій трубку и сидящій на пяткахъ у дверей дома своего, походитъ на жабу, испускающую пòтъ и слюну на солнцѣ. Позже встрѣчу я этихъ жолтыхъ людей въ Діэли, Купангѣ, а, можетъ-быть, въ другихъ мѣстахъ, и не моя вина будетъ, если я накажу нѣкоторыхъ изъ нихъ за безстыдную жажду къ воровству, за которую я всегда ихъ ненавидѣлъ.

Игры, наиболѣе нравящіяся неграмъ, суть именно тѣ, кои наиболѣе требуютъ дѣятельности; можно подумать, что черная кровь, текущая въ нихъ жилахъ, хочетъ вырваться изъ всѣхъ пòръ. Они никогда не говорятъ безъ жестовъ, и говорятъ даже, когда одни; вамъ покажется, что они и думаютъ языкомъ. Тѣ изъ нихъ, кои находятся въ частномъ услуженіи у колонистовъ, и должны-бы были, по видимому, желать отдыха, проносивъ часть дня, по нестерпимой жарѣ, тяжелыя посылки, тѣ-то именно и заботятся, какъ-бы имъ удвоить свою усталость.

При отдыхѣ, негръ или качается, или топаетъ ногами, или бѣгаетъ взадъ и впередъ, какъ бѣлка на свободѣ. Напрасно пòтъ катитъ съ нихъ градомъ: они не хотятъ сознать себя изнуренными и считаютъ за безчестіе отстать отъ самыхъ неустрашимыхъ пѣшеходовъ.

Нѣкоторыхъ негровъ встрѣчаешь въ храмахъ и церквахъ. Тамъ они безмолвно стоятъ или сидятъ на пяткахъ, оттого только, что имъ велѣно не шевелится; потомъ становятся на колѣни оттого, что имъ тоже такъ приказано. Глядя на священника, и они бьютъ себя въ грудь; крестятся, обмочивъ руку въ святую воду; выходятъ, смѣясь, вотъ

и все. По прибытіи на островъ, ихъ, съ обычными церемоніями, окропили водой и сказали имъ : Вы Христіане!

Этого недостаточно, и могущественный голосъ христіанства былъ-бы щитомъ вѣрнѣе для колоній, нежели тюрьма и бичевые удары.

Во-время очень-занимательной прогулки къ двумъ прелестнымъ каскадамъ *Химеры* (Chimère) и *Пріюта* (Réduit), я весьма-часто останавливался, къ большой досадѣ негровъ, торопившихся въ городъ къ обычнымъ ихъ субботнимъ танцамъ; между прочимъ вздумалось мнѣ распросить одного изъ нихъ, весьма-расторопнаго Малгаша, о нѣкоторыхъ таинствахъ религіи его отечества; ибо люди эти имѣютъ тоже отечество.

— Вѣруешь-ли ты въ Бога? спросилъ я.

— Здѣсь въ одного; въ моей землѣ въ двухъ.

— Да вѣдь больше одного Бога быть не можетъ.

— Здѣсь да, но въ моей землѣ ихъ два.

— Въ твоей землѣ заблуждаются; болѣе одного господина быть не можетъ.

— Не правда; въ Иль-де-Франсѣ ихъ болѣе 600.

— Вѣруешь-ли ты въ Бога? спросилъ я не много спустя одного молодаго, здороваго Мозамбикца, начальствовавшаго надъ прочими.

— Ежели господинъ прикажетъ, да.

— Но ежели я тебѣ не прикажу.

— Тогда, нѣтъ.

— Если-же я оставлю на твой произволъ, вѣрить или невѣрить.

— Я подожду.

— Однако-же я знаю, что на твоей родинѣ вѣруютъ въ Бога.

— На моей родинѣ вѣруютъ въ Бога, когда выиграютъ сраженіе, когда-же проиграютъ его, то не вѣруютъ.

— Итакъ, когда вы проиграете сраженіе, то народъ выигравшій имѣетъ Бога, а вы нѣтъ?

— Точно такъ.

— Хорошо; ну а если войны нѣтъ?

— Тогда другое дѣло.

— А ты, сказалъ я, обращаясь къ третьему, молодому мальчику, веселому, опрятному и хитрому, который, казалось, оставилъ себя на произволъ судьбы : ты откуда?

— Не знаю.

— Кто-же привезъ тебя въ Иль-де-Франсъ?

— Корабль, который пришолъ издалека и на которомъ я очень-часто слышалъ слово Малакеа.

— Понимаю; такъ ты не знаешь религіи отцовъ своихъ?

— Нѣтъ.

— Теперь-же вѣруешь-ли ты въ Бога?

— Вѣрую въ Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли и проч.

И негръ сталъ повторять весьма-скоро, не ошибаясь ни въ одномъ словѣ, вопросы и отвѣты французскаго катихизиса, не понимая ровно ничего. Я не вольно пожалъ плечами, и мой ученый преспокойно сѣлъ, довольный тѣмъ, что знаетъ болѣе, нежели невѣжды, его товарищи.

Я не имѣлъ ни довольно времени, ни краснорѣчія, чтобы продолжать мои изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что я распрашивалъ негровъ для себя, а не для ихъ образованія.

Но между ними былъ старикъ, лѣтъ 50-ти; онъ при каждомъ вопросѣ моемъ и при каждомъ сдѣланномъ мнѣ отвѣтѣ, пожималъ презрительно плечами и улыбался жалобно. — Я подозвалъ его, желая распросить. Онъ подошолъ, сѣлъ на пятки, и я съ удивленіемъ замѣтилъ, что прочіе негры спѣшили окружить насъ. Тогда я понялъ, что мнѣ придется выдержать формальной споръ и началъ атаку.

— Откуда ты?

— Изъ Анголы.

— Давно-ли ты на Иль-де-Франсѣ?

— Двадцать лѣтъ.

— Ты католикъ?

— Да, съ-тѣхъ-поръ, какъ здѣсь.

— А прежде, что ты былъ?

— Ничего.

— Ну, а теперь, какъ ты думаешь, что ты такое?

— Менѣе чѣмъ ничего.

— Для чего-же ты перемѣнилъ религію?

— Я-бы хотѣлъ видѣть васъ самихъ подъ бичами! Бичъ научилъ меня тому, что Богъ одинъ; если-же-бы господину моему было угодно, я-бы повѣрилъ, что существуютъ два Бога или три, смотря по его желанію.

— На твоей родинѣ одинъ Богъ или нѣсколько?

— Пока мы не узнали Португальцевъ, у насъ былъ одинъ Богъ; какъ-же скоро мы узнали, что и у нихъ одинъ Богъ, то мы захотѣли, чтобы у насъ ихъ было два.

— И такъ вы сами творите боговъ?

— Да; всякій разъ, какъ Португальцы сожигаютъ нашихъ боговъ, мы срубаемъ большія деревья и дѣлаемъ новыхъ. Лѣса у насъ большіе, а потому у насъ, въ Анголѣ, въ богахъ никогда недостатка не бываетъ.

Я хотѣлъ-было завести рѣчь о другихъ вѣроисповѣданіяхъ, но старый негръ замѣтилъ мнѣ, что солнце двигается быстро, и что ежели мы хотимъ воротиться до ночи, то должны торопиться. Мы пошли далѣе, и, два часа спустя, я стоялъ надъ плѣнительнымъ каскадомъ, въ вихрѣ коего порхали мокрыя крылья красиваго фаэтона, самой влюбчивой птицы. Тутъ опять, въ двадцатый разъ послѣ отъѣзда, сожалѣлъ я, что не искусно владѣю кистью, ибо ежели больно вовсе не умѣть чего сдѣлать, то, можетъ-быть, еще больнѣе портить, такъ сказать, прелестную, роскошную природу, отъ которой приходишь въ восторгъ.

Я находился въ пустынѣ; внизу прелестной долины бушевалъ каскадъ, и окружавшіе меня негры, готовы были, казалось, слушать ученіе. Я оставилъ кисти и памятныя записки мои, и началъ говорить.

По окончаніи перваго періода, старый негръ изъ Анголы, сказалъ мнѣ:

— Господинъ, солнце садится; мы не успѣемъ придти сегодня.

Я сдѣлалъ видъ будто не слышу; но послѣ нѣсколькихъ фразъ, тотъ-же голосъ негра прервалъ меня; онъ очень-хорошо зналъ, что проповѣдь моя была безполезна.

— Вѣдь я успѣю еще сказать проповѣдь, спросилъ я учениковъ своихъ.

— Нѣтъ, отвѣчали они единогласно, и мое краснорѣчіе и благочестивыя намѣренія мои пропали по пустому.

Воротясь, я разсказалъ г. Пито попытку мою, и онъ увѣрялъ меня, что самъ понапрасну хлопоталъ о томъ-же. Впрочемъ, прибавилъ онъ: въ теперешнемъ положеніи колоніи, не совсѣмъ противно политикѣ, оставлять негровъ въ томъ невѣжествѣ и скотствѣ, въ которомъ они находятся; въ этомъ вся наша сила. Намъ нужны невольники; желаніе образовать ихъ есть уже шагъ къ освобожденію ихъ; кто думаетъ, тотъ свободенъ; когда наступитъ часъ, и они докажутъ, подобно намъ, что мыслятъ по своему; во всякомъ тѣлѣ, гдѣ есть душа, есть и гордость, и если вы увѣрите невольника, что носимыя имъ цѣпи—цвѣты, онъ не жалуясь будетъ носить ихъ. Часто ихъ не столько оскорбляетъ дѣло, какъ слово... Сядемте за столъ.

Старый негръ, по странному случаю, стоялъ за мною, и плутъ этотъ служилъ мнѣ съ насмѣшкою и бормоча какія-то слова, которыя я едва могъ разслушать. Я увѣренъ, что онъ смѣялся надъ моимъ благочестіемъ и надъ своими ангольскими богами. Отправляясь спать, я велѣлъ ему идти за собой, что онъ и сдѣлалъ, ворча что-то про себя

и полагая, что я опять стану ему проповѣдывать; но, благодаря нѣсколькимъ стаканамъ ликёру, даннаго мною Булебули, онъ забылъ ночью и мою религію, и свою, и двадцать лѣтъ неволи; я-же ничего не хотѣлъ забыть и принялся писать.

— Что вы сдѣлали и говорили неграмъ моимъ, спросилъ меня на другой день г. Пито: они разсмѣшили меня буфонствомъ своимъ, и я долженъ сознаться, что прибаутки сыпались на васъ довольно-щедро.

— Я проповѣдывалъ, вотъ и все.

— Нѣтъ, дѣло шло у нихъ не о томъ.

— О чомъ-же?

— Не роздали-ли вы имъ, на дачѣ г. Пистона, нѣсколько бутылокъ вина, прося выпить ихъ за ваше здоровье?

— Да.

—Какая грубая ошибка! Они, просто, пили за свое здоровье, или, лучше сказать, за свое уничиженіе. Вы думали показать свое великодушіе, а, просто, попали въ просакъ. Одолжать этихъ людей — все тоже, что сѣять на гранитѣ. Еще хуже: они и въ-послѣдствіи потребуютъ той-же самой милости, которую вы оказали имъ сегодня. Такъ-какъ вы ѣдете, то для васъ оно не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій; но если-бы кто изъ насъ оказалъ подобное оплошное благотвореніе, то погреба наши въ короткое время всѣ-бы осушились. Мы смѣемъ себѣ дозволить только лишь пощаду негра, заслужившаго 25-ть палочныхъ ударовъ; — сдѣлать что-нибудь болѣе, значило-бы подписать гибель колоніи.

— Однако-же, возразилъ я: они казались мнѣ счастливыми.

— Да, потому что обокрали васъ.

— Они не крали, я добровольно далъ имъ.

— Конечно, но они судятъ о другихъ по себѣ: они крадутъ, но никогда ничего не даютъ.

— Знаете-ли, кто затѣйникъ комедіи, гдѣ вы играете роль простака? Старый англійскій негръ, котораго вы напоили, отправясь вчера къ себѣ въ комнату. Пойдемте, посмотримъ на нихъ, — это точно забавно.

— На что? радость ихъ кончится, а я хочу быть въ дуракахъ до конца.

— Вы правы: когда приходитъ счастіе, то его надо принимать въ какомъ-бы оно видѣ ни являлось. Вы и меня обращаете.

Въ одномъ изъ богатѣйшихъ селеній г. Пито присутствовалъ я при нѣкоторыхъ свадьбахъ негровъ. Увѣряю васъ, что церемонія не безъ важности, и если-бы я былъ посмѣлѣе, то сдѣлалъ-бы вамъ кое-какое острое описаніе. Боже мой! Да развѣ мы не находимъ, въ нашихъ самыхъ важныхъ установленіяхъ, смѣшную сторону.

Однако день отъѣзда приближался, и хотя мы забывали здѣсь отечество наше, именно потому, что все напоминало намъ объ немъ, совсѣмъ тѣмъ надо было готовиться сказать прости.

Во всякомъ случаѣ, разсчитавшись съ неграми и сдѣлавъ кой-какіе очерки главныхъ характеровъ ихъ, какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, я остаюсь въ долгу у гражданъ острова Маврикія, и обязанъ принести имъ мою благодарность. О! какимъ блаженствомъ наполняютъ душу веселыя прогулки по Марсову-полю (на концѣ коего возвышается важная гробница генерала Малестика), въ то время, какъ солнце косвенными лучами золотитъ живописныя вершины Большаго-Пальца, Трехъ-Сосцовъ и Питтербота. Тамошнія дамы, креолки, характера живаго, шутливаго, веселаго. Если вы и встрѣтите удивительное кокетство въ ихъ волшебныхъ разговорахъ и завлекательномъ обхожденіи, то это потому, что онѣ вполнѣ увѣрены, что переступивъ границы естественнаго, скорѣе тронутъ сердца тамошнихъ холодныхъ юношей, съ которыми

я васъ уже познакомилъ, — но съ вами, иностранцемъ, который ихъ завтра оставить и о которомъ онѣ хотятъ оставить только легкое воспоминаніе, какъ-бы для пріятнаго препровожденія времени, съ вами, повторяю я, онѣ облекутся въ свою настоящую форму, становятся уже истинной, нелживой природой. *Креолка сложена довольно-хорошо для европейской уроженки*, и этотъ-то образъ мыслей, вошедшій въ пословицу, объясняетъ вамъ весьма-хорошо, что креолки вполнѣ понимаютъ свое превосходство, или лучше сказать, свое совершенство.

Присутствуя на балахъ у тамошнихъ богатѣйшихъ плантажистовъ, вы легко-бы повѣрили, что находитесь въ великолѣпныхъ гостинныхъ Антенскаго шоссе; всѣ красавицы вмѣстѣ составляютъ какія-то свѣжія гирлянды, съ отливомъ блестящихъ искръ, отъ ихъ роскошныхъ одеждъ. На островѣ Св. Маврикія вполнѣ умѣли понять Парижъ.

Но въ тоже время Иль-де-Франсъ заслужилъ столь славное прозваніе *Парижа обѣихъ Индій*, данное ему всѣми путешественниками, не по однимъ его празднествамъ и безпечной, веселой жизни, а по своему вкусу и любви къ наукамъ, художествамъ и литературѣ, и еще болѣе по своему великому рвенію ко всему славному и знаменитому. Хотя и нѣтъ на островѣ Св. Маврикія публичной библіотеки, но за то въ каждомъ домѣ вы найдете частныя библіотеки, столь много способствующія къ развитію и распространенію умственныхъ и душевныхъ силъ.

Это еще не все. Я нашолъ здѣсь общество людей любезныхъ безъ злорѣчія, ученыхъ безъ педантизма, которые на еженедѣльныхъ собраніяхъ своихъ, прозванныхъ ими засѣданіями *Овальнаго-Стола* (Table-Ovale), неистощимымъ умомъ своимъ боролись съ великими умами нашихъ древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ, почивающихъ подъ спудомъ, и проникали въ глубину самыхъ высокихъ наукъ.

Я ни одного дня не пропускалъ этихъ прелестныхъ пиршествъ, на которыя ихъ вѣжливость и вниманіе приглашали меня. Я часто повторялъ, возвратясь въ Европу, куплеты и строфы островитянъ поэтовъ, и всѣ легко могли убѣдиться, что небо, коего лучи согрѣвали Парни и Бертена, ничего не утратило изъ своего могущественнаго вдохновенія.

Тамъ Бернаръ и Маллакъ, хотя и соперники, но безъ ненависти; тамъ Арриги (Arrighi), потомокъ знаменитой фамиліи; тамъ Шомель, весельчакъ, Дезожье острова; тамъ Кудрей, директоръ колоніальной коллегіи, какъ чадолюбивый отецъ печется о благосостояніи столь многихъ юныхъ надеждъ; Тено, индійской Эзопъ, побѣждающій красавицъ ударами прелестныхъ мадригаловъ; Депинэ, еще болѣе полезный на каѳедрѣ, нежели въ этихъ засѣданіяхъ, коихъ онъ кумиромъ; Мансель; Жоссъ, столь понятливый истолкователь Ньютона и Декарта; Эдуардъ Пито, живописецъ; Фадѣль, Менгаръ, Эпидаризъ Коленъ, ученикъ Парни, столь близко подошедшій къ своему учителю, и Томи Пито, искуснѣйшій изъ всѣхъ, поэтъ, болѣе вдохновенный сердцемъ, нежели головою, Беранжэ сего полушарія, коего смерть недавно похитила изъ объятій горестной колоніи. О! я не безъ слезъ разстался съ этими недавними, но столь добрыми и искренними друзьями, и если хотя одинъ изъ нихъ, на краю свѣта, читаетъ сіи строки, то убѣдится вполнѣ, что и въ моей душѣ сооружонъ алтарь для священныхъ ощущеній.

XII.

БУРБОНЪ.

Сенъ-Дени. — Китъ и Пила-рыба. — Сенъ-Поль. — Волканы. — Накѣ и Табега.

Отъ Иль-де-Франса до Бурбона считаютъ только тридцать миль; но отъ Бурбона до Иль-де-Франса будетъ ихъ, по-крайности, до полутораста, оттого, что тропическіе вѣтры, дующіе постоянно отъ перваго изъ сихъ острововъ ко второму, всегда бываютъ противными на возвратномъ пути, и часто заставляютъ корабли уклоняться даже до Мадагаскара. Итакъ необходимо покориться своеволію волнъ и вѣтровъ.

Отсюда начнутся, собственно говоря, наши любопытныя путешествія для открытія новыхъ земель, и одинъ разъ сказавъ простъ флагу, вѣющему на дворцѣ губернатора, можетъ-быть, нѣсколько лѣтъ мы не услышимъ ни слова не только о Франціи, но даже о всей Европѣ. Хотя наше мужество и безстрашіе уже закалились какъ въ будущихъ, такъ и въ претерпѣнныхъ уже нами опасностяхъ, но и сердце не менѣе того играетъ въ большую игру въ такой странической и удалой жизни; ему нельзя остаться безмолвнымъ при воспоминаніи прошедшаго, столь богатаго своими прелестями.

Я знаю, что сердце есть гражданинъ вселенной; но его любимое отечество тамъ, гдѣ хранятся его счастливѣйшія воспоминанія, и къ которымъ оно привязывается еще сильнѣе въ ту минуту, когда готовится потерять ихъ навсегда.

Вотъ уже мы на рейдѣ, или, лучше сказать, въ морѣ; легкія пирогги окружаютъ судно. Карантина выдерживать не надобно: лучше я поѣду на берегъ.

Сенъ-Дени пространный городъ, — великъ, даже огроменъ по своему протяженію, но весьма-малъ по количеству домовъ. Одна только часть довольно-плотно сжата и составляетъ настоящія улицы; но за то, въ другихъ частяхъ, вы можете, на пути къ своему сосѣду, поохотиться до-сыта. Сверхъ сего, эта вѣчная зелень, столь роскошная, столь разнообразная, распускающаяся надъ жилищами и домами, составляетъ удивительную противуположность съ этими обнаженными, непріятными для глазъ горами, съ одной стороны окружающими городъ, и съ этими конусами черноватой лавы, рисующимися на горизонтѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что разстояніе между Иль-де-Франсомъ и Бурбономъ весьма-невелико; но какъ ощутительна разница въ характерахъ туземцевъ, и какъ она ярко бросается въ глаза наблюдателю! Здѣсь вы найдете туже откровенность, тоже радушіе у колонистовъ, какъ и у ихъ сосѣдей, туже готовность въ гостепріимствѣ для иностранцевъ; но все это такъ грубо, такъ еще слабо обрисовано формами. Климаты схожи; температура вездѣ одинакова, какъ въ долинахъ, такъ и на низкихъ мѣстахъ, но въ Бурбонѣ гигантскія горы стоятъ выше облаковъ и покрыты вѣчными снѣгами. Въ Бурбонѣ, никогда непотухающій волканъ, изъ двадцати жерлъ,

безпрестанно выбрасываетъ огромные куски лавы, и можно сказать, что даже природныя черты колонистовъ, носятъ на себѣ отпечатокъ ея дикихъ цвѣтовъ. Фешьонэбль Сенъ-Денн есть мужикъ острова Маврикія, но у этого мужика поступь твердая и гордая, наружіе вольное, непринужденное и незавнсимое.

Увы! мы мало на что можемъ указать въ городѣ. Церковь ничтожная, бѣдная, безъ живописи; развѣ только образъ Св. Діонисія, несущаго въ рукахъ своихъ голову, что, вѣроятно, сильно удивляетъ поколѣніе негровъ; распятіе на алтарѣ, хорошей работы, но въ весьма-дурной рамѣ; нѣчто въ родѣ морды обезьяны, представляющее г. де Лабурдоннэ, гдѣ внизу сдѣлана слѣдующая надпись:

Самоотверженію его обязаны мы спасеніемъ обѣихъ колоній.

Однакоже городъ надоѣлъ мнѣ, или оттого, что въ немъ нѣтъ ничего для меня занимательнаго, или оттого, что онъ вовсе не похожъ на европейское селеніе. Можетъ-быть, корветъ, стоящій на якорѣ въ четырехъ узлахъ отъ опасной пристани, доставитъ мнѣ болѣе развлеченія, и вотъ пироги, коими я могу располагать. Я плыву вдоль берега, и снимаю его грубые, дикіе виды; вотъ стѣны лавы, съ ея различными оттѣнками, въ разсѣлинахъ коей растутъ дивные кусты зелени, которыхъ не могутъ уничтожить и самыя волны, ударяющія о скалы.

Вѣтеръ удаляетъ меня наконецъ отъ сихъ величественныхъ мѣстъ; тѣмъ лучше, — я причалю къ борту.

Ночь была тихая, тропическая, пріятная отъ благоухающихъ испареній земли, чистая отъ прозрачности неба, на коемъ блистали милліоны звѣздъ, коихъ сіяніе нѣсколько слабѣло отъ опаловыхъ лучей полной луны. Вы бы сказали, что это обширное небо утопало въ легкомъ туманѣ.

Мы только-что занялись на бортѣ пріятными разговорами, коихъ вся прелесть заключается въ ихъ легкости, и уже каждый изъ насъ спускался въ свою каюту, какъ вдругъ довольно-сильная, порывистая качка судна заставила насъ взглянуть на горизонтъ, откуда, намъ казалось, началъ вѣять вѣтеръ. Все безмолствовало.

Блестящій фонтанъ поднялся въ воздухѣ; огромная спина кита плаваетъ по поверхности водъ, и исчезаетъ съ быстротою стрѣлы. Въ туже минуту рыба средней величины прыгаетъ, кидается вверхъ, и упадаетъ въ безпрерывныхъ движеніяхъ; это пила-рыба, смертельный врагъ великана морей. Лишь только они завидятъ другъ-друга, лишь только встрѣтятся, уже не убѣгаютъ одинъ отъ другаго, — нѣтъ, жестокій бой, кровопролитный, смертельный бой начинается между ними. Надобно непремѣнно, чтобы одинъ изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, палъ; но часто, послѣ такой борьбы, два трупа служатъ на другой день пищею тюленямъ и чайкамъ. Сильнѣйшій, безспорно, китъ, но храбрѣйшій — пила-рыба; ибо она увѣрена, что ей, побѣдителю или побѣжденному, во всякомъ случаѣ надобно умереть, между-тѣмъ-какъ, послѣ побѣды, китъ никогда не потерлетъ жизни.

О! намъ необходимъ былъ весь блескъ солнца, для созерцанія такой картины; но и луна сіяла такъ прелестно, что мы почти ничего не потеряли изъ этого зрѣлища.

Качаніе судна, около коего началась битва, указало намъ мѣсто обоихъ противниковъ; но надобно представить себѣ пространство, занимаемое угрожаемымъ китомъ, и взять въ соображеніе, что онъ въ пятнадцать дней

можетъ оплыть кругомъ свѣта! Потому-то, для избѣжанія ужаснаго удара отъ его огромной головы, пила-рыба часто прыгала на воздухъ, и въ гнѣвѣ своемъ, вотще падала на длинный и острый мечь, коимъ се вооружила сама природа. Борьба продолжалась уже около получаса, а побѣда не рѣшалась; но отдыхъ невозможенъ между такими ожесточенными врагами. Когда китъ кидается на пилу, и тронетъ ее, то она тотчасъ-же умираетъ раздробленная; если-же пила, сдѣлавъ быстрый прыжокъ на воздухъ, падетъ своимъ зубристымъ мечомъ на спину кита, сему послѣднему останется жизнь на нѣсколько минутъ, потому-что рана его глубока, и кровь хлынетъ быстрыми ручьями. Между-тѣмъ жаркая битва двухъ противниковъ, начавшаяся около насъ, должна была окончиться вдали отъ судна, и на другой день, съ марса, мы могли различить на горизонтѣ рѣзкую кровавую полосу, простиравшуюся на далекое пространство. Пила и китъ окончили свой бой. Во всякомъ случаѣ, имѣя надобность въ съѣстныхъ припасахъ, потребныхъ для дальнѣйшаго плаванія, корветъ долженъ былъ бросить якорь у Сенъ-Поля. Я воспользовался этимъ вторичнымъ отдыхомъ, дабы осмотрѣть внутренность острова, и обойти по этимъ прекраснымъ ступенямъ, которыя пробилъ г. де-Лабурдоннэ чрезъ пропасти и водопады, по крутизнамъ самыхъ ужасныхъ горъ. О! это работа, достойная Римлянъ, довершенная нынѣ прекраснымъ мостомъ чрезъ рѣку Валуповъ, (R. des Galets), которая, во время бурь, дѣлается всепожирающимъ потокомъ.

Могу васъ увѣрить, что это прелюбопытное зрѣлище—отыскивать городъ тогда уже, когда вы изъ него вышли. Таковъ Сенъ-Поль, коего дома, неправильно разбросанные посреди густой зелени, совершенно закрыты окружающими ихъ заборами. Сенъ-Поль есть селеніе, только-что начинающее отстроиваться, но оно расположено на песчаномъ грунтѣ, при подошвѣ Горѣлой-Страны (Pays-Brûlé). Оно гордится своимъ топографическимъ положеніемъ, и, кажется, говоритъ странствующимъ судамъ: «Только здѣсь вы найдете пріютъ отъ бурь и непогодъ».

Этотъ островъ неоднократно перемѣнялъ свое названіе. Сначала его назвали Маскаренгасъ, по имени португальскаго капитана, который его открылъ; послѣ его обозначали подъ именемъ о. Союза, и наконецъ дали ему названіе, которое онъ сохранилъ понынѣ.

Весьма-значительный волканъ, отдѣленный впрочемъ отъ острова обширнымъ хребтомъ скалъ, находится безпрестанно въ движеніи. Онъ возвышается на тысячу-пятьсотъ метровъ надъ поверхностію океана, и увѣнчанъ тремя жерлами. Г. Борн-де-Сенъ-Венсанъ далъ названіе знаменитаго Доломьё тому изъ трехъ кратеровъ, который онъ видѣлъ горящимъ. Его спутники назвали его именемъ кратеръ, отдѣляющійся отъ Доломьё средней остроконечной скалой; эту сопку, по-справедливости, можно назвать настоящей печью, подземные огни которой сообщаются съ поднебесными огнями. Такой почести заслуживаетъ путешественникъ, который съ такою дѣятельностію работалъ при своихъ открытіяхъ; въ столь-населенномъ островѣ онъ одинъ всходилъ на скалы, доселѣ никому недоступныя; пробираясь чрезъ тысячу пропастей, начертилъ превосходную карту той страны, и перенося жажду, голодъ и суровости климата, то палящаго, то леднаго, открылъ, по слѣдамъ Коммерсона и Дю-Пети-Туара, тысячу новыхъ прозябеній, ускользнувшихъ отъ взора этихъ знаменитыхъ естествоиспытателей.

Не взирая на положеніе свое между тропиками, островъ Бурбонъ, коего берега изобилуютъ, не менѣе Индіи, роскошью своихъ произрастеній, имѣетъ также свои снѣжныя вершины. Кромѣ волкана, на оконечности коего ртуть упадаетъ часто до точки сильнаго замерзанія, существуетъ много весьма-возвышенныхъ равнинъ, гдѣ ощутителенъ очень-сильный холодъ, и различныя горы, изъ коихъ между прочимъ Вершина-Снѣговъ (Piton-des-Neiges), одна изъ горъ Салазскихъ, возвышается до тысячи-девяти-сотъ метровъ.

Все въ этихъ величественныхъ массахъ носитъ на себѣ отпечатокъ волканизма, и, вѣроятно, исторгнуто изъ нѣдръ земли сильными изверженіями. На этой Вершинѣ-Снѣговъ, уединенной, обнаженной, истерзанной ударами бурь и непогодъ, на этомъ горестномъ властелинѣ безпредѣльнаго горизонта, вы часто примѣтите слѣды человѣческіе, ясные свидѣтели мужества невольниковъ, отыскивающихъ свободу даже за предѣлами удушливой атмосферы. Иногда тамъ-же валяются побѣлѣвшія кости сихъ несчастныхъ, рѣшившихся предпочесть независимость въ пустынѣ рабству въ приморскомъ образованномъ обществѣ, и окончившихъ несчастные дни свои на уединенныхъ скалахъ гранита.

Роскошное прозябеніе покрываетъ островъ и являетъ взору наблюдателя самое блестящее разнообразіе. На берегу вы подивитесь деревьямъ — кофейному, хлопчатому, мускатному, левкойному, и вообще всѣмъ драгоцѣннымъ экваторіальнымъ деревьямъ, надѣляющимъ человѣка не только необходимымъ, но даже и излишнимъ. По мѣрѣ удаленія отсюда, вы углубляетесь во внутренность острова; другія произрастенія осѣняютъ почву: пальма замѣняетъ кокосовое дерево, а *вакоа* (vacoi) банановое; чорное и различныя строевыя деревья, папоротники, неуступающіе въ вышину величайшимъ деревьямъ, составляютъ украшеніе тамошнихъ лѣсовъ. Поднимаясь на высоту семи-сотъ метровъ, охотникъ встрѣтитъ уже поясъ *калометовъ*, — родъ бамбуковъ, весьма-стройныхъ и величественныхъ. Эти калометы, вышиною отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ, походятъ на покрытыя зеленью стрѣлы. По продолженію деревянистаго, но гибкаго, какъ обручъ, стебля, растутъ цвѣточныя кольца, безпрерывно колеблющіяся, изъ среди коихъ, дуновеніемъ вѣтра, исторгается рѣзкій свистъ. Поясъ калометовъ простирается до девяти-сотъ метровъ, то есть глубина его имѣетъ двѣсти метровъ; кажется, что онъ служитъ предѣломъ большимъ лѣсамъ.

Важнѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ, почитается огромный разнолиственникъ (hexerophylle), который, измѣняясь въ формахъ своихъ, носитъ на себѣ, на одномъ и томъ-же стеблѣ, листья подобныя ивовымъ, и другія, разрѣзанныя, потобныя листьямъ самой красивой акаціи.

Здѣсь видъ страны совершенно измѣняется: одни только кусты ростутъ по обнаженнымъ скаламъ; суровые или печальные злаки, зеленѣющійся мохъ, нѣсколько скромныхъ вересковъ, прозябаютъ при подножіи оныхъ.

Сквозь величественные лѣса, кажущіеся въ уменьшенномъ видѣ отъ такого смѣшенія и разнообразія произрастеній, проглядываютъ огромные курганы древней лавы, голубые, сѣрые, красноватые, или ржаваго цвѣта; они ясно указываютъ человѣку, что нетвердая стопа его покоится надъ пропастями, и что удивительныя для него, богатыя прозябенія, служатъ вѣнцомъ палящимъ горниламъ, которыя, быть-можетъ, нѣкогда послужатъ могилою для столькихъ богатствъ природы.

Пройдемъ за предѣлы владѣній чело-

вѣческихъ ; здѣсь скрывается дикая коза , потомокъ козъ и козловъ , издревле оставленныхъ Португальцами , открывшими островъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ народъ, равно какъ и Испанцы , рѣдко приставали на неизвѣстную землю безъ того, чтобы не оставить на ней бо́льшей части богатствъ своей родины. И это вполнѣ могло принести сладкіе плоды, если-бы фанатическіе проповѣдыватели христіанской религіи , своими безбожными угнѣтеніями , не исторгли изъ сердецъ несчастныхъ дикарей той признательности , сѣмена которой начинали уже пускать ростки , благодаря благодѣяніямъ сихъ двухъ націй.

Бурбонскій волканъ, безпрерывными изверженіями , наиболѣе опустошаетъ пространство названное *Горѣлою-Страной* (Pays-Brûlé). Масса лавы , имъ извергаемой, неимовѣрна; его ребра унизаны волканами , кажущимися предъ нимъ холмами , но эти холмы значительны не меньше Везувія , отъ котораго дрожитъ Неаполь.

Островъ Бурбонъ формы почти круглой , и можетъ имѣть отъ пятнадцати до семнадцати миль въ большомъ діаметрѣ, считая отъ сѣверо-запада къ юго-востоку , и девять миль въ меньшемъ діаметрѣ, отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Сенъ-Поль и каскады суть менѣе другихъ дурныя мѣста для приставанья. Человѣкъ вотще пытался покорить стихіи , и устроить , посредствомъ какого-нибудь укрѣпленія , защиту себѣ отъ разъяреннаго океана. Сей послѣдній уже неоднократно ниспровергалъ твердыя насыпи и постройки, тамъ начатыя, и только огромныя скалы, имъ-же самимъ изъ бездны морей исторгнутыя , служатъ доселѣ единственными зданіями , могущими противустоять ярости пѣнящихся волнъ.

Но вотъ , я долженъ сказать прости французской колоніи , потому-что бортовая пушка зоветъ насъ къ отъѣзду. Прежде сего однакожъ, я считаю обязанностію пополнить, согласно новѣйшимъ почерпнутымъ мною свѣдѣніямъ , подробности , изложенныя о различныхъ кастахъ невольниковъ и чорныхъ, разсѣянныхъ на Бурбонѣ и Иль де-Франсѣ.

Чорный креолъ вообще ростомъ менѣе бѣлаго , но сложенія стройнаго , ловкаго, гибкаго и сильнаго; черты его пріятны , глаза живые и умные , характеръ кроткій; онъ страстно любитъ женщинъ, но не предается горячимъ напиткамъ, подобно прочимъ неграмъ, и болѣе изысканъ въ своей одеждѣ; онъ весьма-понятливъ въ механическихъ искусствахъ, и его всегда можно предпочесть за его душевныя качества предъ прочими невольническими племенами.

Негры и негритянки Гвинеи , или Іолоффы , сложенія стройнаго и высокаго ; глаза у нихъ большіе и кроткіе , лицо пріятное , видъ открытый , тѣло мягкое , цвѣта чорнаго дерева ; у нихъ прекрасные зубы, большой ротъ, ноги нѣсколько тонкія, но ступня большая и твердая; въ нихъ поступи и манерахъ болѣе благородства, нежели у прочихъ негровъ (исключая нѣсколько Мальгашей) ; они даже пляшутъ съ бо́льшею ловкостію и выраженіемъ , нежели прочіе невольники колоніи , а женщины преимущественно страстныя охотницы до *шеги*.

Мальгаши ростомъ ниже Іолоффовъ, но сложены лучше ихъ; ихъ тѣло имѣетъ отливъ менѣе чорный , черты пріятныя , глаза кроткіе и умные; они весьма расторопны и ловки. Они дѣлятся на многія племена, коихъ цвѣтъ, ростъ, сложеніе , волоса и характеръ, весьма-много и странно различествуютъ между собою.

Нынѣ уже перестали вѣрить и мадагаскарскимъ карламъ и великанамъ береговъ Патагоніи. Многіе путешественники однакожъ , упоминали о

нихъ, основываясь на различныхъ нелѣпыхъ слухахъ, потому-что не дали себѣ труда справиться о достовѣрности оныхъ. Два человѣка, привезенные за нѣсколько мѣсяцевъ на Иль-де-Франсъ, и принадлежащіе къ этому роду людей, суть не что-иное, какъ игра природы, примѣры чего можно найти во всѣхъ частяхъ свѣта.

Орасы, изъ всѣхъ невольницъ, самыя красивыя, самыя кроткія, болѣе прочихъ привязанныя къ своимъ владѣльцамъ; на Бурбонѣ еще до-сихъ-поръ разсказываютъ недавнее приключеніе, погрузившее весь островъ въ уныніе и огорченіе.

Двѣ молодыя дѣвушки изъ этого племени, почти однихъ лѣтъ и весьма-хорошенькія, почувствовали обѣ сильную любовь къ своему господину. Г. Д... впрочемъ и не думалъ раздѣлять ихъ страсти. Довѣрчивыя другъ къ другу, безъ ревности, онѣ старались только превзойти одна другую въ рвеніи и преданности къ нему; читали во взорахъ его и предупреждали всѣ его желанія, и если хотя малѣйшее предпочтеніе было оказано Табегѣ, то Накэ въ туже минуту проливала горячія слезы, и удрученная горестью, удалялась въ свою *кàзу* (хижину).

Въ одинъ вечеръ, однакожъ, Накэ, сомнѣваясь въ нѣжныхъ чувствованіяхъ своей подруги, призвала ее къ себѣ, и спросила:

— Ты любишь нашего господина?

— Да. А ты его также любишь?

— Да.

— Любовью страстной?

— Любовью страстной.

— Но все не такъ страстно, какъ я.

— О! гораздо-болѣе.

— Ну, поспоримъ.

— Я согласна.

— Если ты прежде меня ему понравишься, то я отравлю его ядомъ.

— Если онъ полюбитъ тебя прежде меня, то я васъ обоихъ отравлю.

— Ну, послушай Накэ, перестанемъ любить обѣ его.

— Нѣтъ, будемъ обѣ его любить, но умремъ за него.

—Это правда! Но какъ-же это сдѣлать?

— Поднимемся до жерла волкана и бросимся въ него.

— Это продолжится только одну минуту, а за него надобно потерпѣть болѣе, — уморимъ лучше себя голодомъ.

— Будь по твоему; и та изъ насъ, которая съѣстъ хотя одно зерно пшена, докажетъ, что она менѣе любитъ.

— Это ужъ, вѣрно, не я!

— А я еще того менѣе.

Обѣ несчастныя молодыя дѣвушки сдержали свою клятву; онѣ примѣтно угасали, и ихъ нашли потомъ въ одной казѣ, одну возлѣ другой, ослабѣвшихъ, изсохшихъ, едва дышащихъ. Ихъ господинъ пришолъ навѣстить ихъ и сказалъ Накэ:

— Что съ тобою? отчего ты страдаешь? говори, отвѣчай мнѣ.

— Я любила тебя, — я умираю за тебя.

— А ты, Табега?

— Я также тебя любила.

Старая, глупая негритянка, единственная свидѣтельница клятвы несчастныхъ, уже поздно открыла г. Д.... роковую и твердую ихъ рѣшимость; а я, какъ благоразумный историкъ, могу разсказать это въ моихъ страницахъ, и вполнѣ убѣжденъ, что прилипчивая любовь двухъ Орасъ, никогда не пристанетъ къ намъ, или, лучше сказать, во всякомъ случаѣ она будетъ безопасна для нашихъ европейскихъ красавицъ.

XIII.

БУРБОНЪ.

Пёти. — Тюгъ. — Невольники.

Важенъ, нѣтъ; серьёзенъ, да. Сколько философовъ, называющихъ себя глубокомысленными, разсуждаютъ не умнѣе этого, а только лгутъ и пустословятъ. Сколько есть докторовъ, которые менѣе умны, чѣмъ два лица, съ коими я васъ познакомлю, и вы будете очень несправедливы, если станете смѣяться надъ ними. Есть книги для всякихъ понятій, какъ есть нравственныя правила для всѣхъ народовъ. Европа граничитъ съ Азіей, а между-тѣмъ есть цѣлый міръ, между двумя наиболѣе близкими одна отъ другой точками этихъ двухъ отдѣловъ нашей планеты. Часто вижу я, по правую сторону у себя, одну изъ тѣхъ смертныхъ силъ, которыя двигаютъ цѣлыми эпохами, истолковываютъ теченіе планетъ, предсказываетъ явленіе оныхъ, съ точнымъ и вѣрнымъ обозначеніемъ дня и минуты, читаютъ въ великой книгѣ природы, такъ-какъ вы и я читаемъ въ «Телемакѣ»; по лѣвую сторону у меня - одинъ изъ этихъ тупыхъ умовъ, которые ничего не смыслятъ, ничего не соображаютъ, которые хватаются съ тою-же довѣрчивостью за ложь и за истину, и которые едва подивились-бы тому, если-бы солнце взошло сегодня на западѣ, въ полной увѣренности, что они наканунѣ ошибались въ противномъ. — Что-же раздѣляетъ ихъ другъ отъ друга? я, атомъ, ничтожество. Не то-ли-же самое цѣлый свѣтъ? Здѣсь геній, тамъ глупецъ; здѣсь человѣкъ, возвѣщающій своему вѣку высокую мысль, тамъ человѣкъ, заставляющій усомниться въ Божественномъ величіи; здѣсь пальма или хлѣбное дерево, тамъ мансениліо или колючій шиповникъ. Уму наблюдательному встрѣтятся всюду противуположности, на каждомъ шагу придется выдержать жестокій бой добра со зломъ, сильнаго съ слабымъ, не помышляя о томъ, что̀ хорошо подъ моими ногами, то̀ худо за шесть метровъ разстоянія отъ меня, и что̀ мнѣ утромъ кажется гигантомъ, къ-вечеру становится едва замѣтнымъ карлой.

И въ - самомъ - дѣлѣ, жизнь утомительна,—она есть тяжкое бремя, хотѣлъ я сказать; что-то смѣшное для того, кто, поразмысливъ о ея тревогахъ, хорошо разгадаетъ и пойметъ ее.

Но знаете-ли, кто навѣялъ на меня эти важныя мысли, отъ которыхъ я не могъ никакъ отдѣлаться,—такъ сильно онѣ овладѣли мною? Я вамъ сейчасъ это разскажу.—Мнѣ захотѣлось, прежде нежели стану подниматься по прекраснымъ тропинкамъ г. де-Лабурдоннэ, осмотрѣть истокъ ручья, который, разливаясь во время грозы, несетъ свои глинистыя и пѣнящіяся воды къ тихимъ стопамъ Сенъ-Дени. Одинъ матросъ несъ мою камеру-обскуру; этотъ матросъ былъ Пёти, мой добрый и несчастный другъ, всегда готовый на полезную работу; вы уже его знаете. Онъ шолъ у меня съ правой стороны; онъ

былъ геніальный человѣкъ въ своемъ родѣ; на лѣвой сторонѣ у меня шолъ нѣкто Гюгъ, котораго вы позже оцѣните по его заслугамъ. Мы подвигались впередъ, довольно медленнымъ шагомъ, по разсыпавшимся камнямъ и щебню, и солнце пекло насъ своими вертикальными лучами съ такою силою, что мы готовы были отказаться отъ нашей постоянной цѣли. Гюгъ былъ глупецъ, но глупецъ вдвойнѣ, потому-что онъ хотѣлъ быть умнѣе другихъ; впрочемъ онъ вѣрный и очень-добрый малый.

— Собачья земля! бормоталъ сквозь зубы Пётти, разжовывая за щекой огромный листъ табаку.

— Чѣмъ-же? возразилъ Гюгъ, прищуриваясь, какъ знатный баринъ, который съ сожалѣніемъ смотритъ на своего слугу.

— Да вотъ камешки; со всякой грозой они приближаются все ближе и ближе къ морю. Милліоны лѣтъ прошли съ-тѣхъ-поръ, какъ выдумана гроза, такъ-кажись ужъ не должно было бы оставаться каменьевъ; а ихъ все таки столько-же, какъ и таракановъ.

— Да, болванъ ты этакой, развѣ ты не знаешь, что камни растутъ на землѣ также, какъ и грибы: г. Арагò, не правда-ли, что камни растутъ точно также?

— Этого я не знаю; но знаю тò, что эти чертовскіе камни портятъ мои сапоги.

— Они не испортятъ моихъ, сказалъ Пётти, шедшій босикомъ. Скажи-ка пожалуй, умная голова, продолжалъ матросъ: почему это нахальское солнце, которое насъ печетъ такъ сильно, что мы походимъ на раковъ, почему оно не изжаритъ голыхъ плечъ этихъ бѣдныхъ чорныхъ, которыхъ ты тамъ видишь, и которые не видятъ даже и стакана вина въ недѣлю, для подкрѣпленія своихъ силъ? Ну это отчего?

— Оттого, что эти люди для того созданы. Имъ сказано: вы чорные, а потому и должны быть невольниками; вотъ они и копаютъ, и пашутъ, и терпятъ.

— Это должно-быть такъ, — я вполнѣ понимаю твои разсужденія; но теперь истолкуй мнѣ, почему мы идемъ въ эту минуту головой внизъ, или что-то около того, такъ какъ у насъ толковали сего-дня на шканцахъ? Это чертовски трудно понять, потому-что если-бы оно въ-самомъ-дѣлѣ было правда, то эта полубутылка, что у меня въ карманѣ, и которую г. Араго мнѣ позволилъ выпить, чтобы она мнѣ болѣе не мѣшала, эта бутылка, говорю я, пролилась-бы?

— Совсѣмъ нѣтъ; небу угодно было, чтобы земля была круглая, и это потому, чтобы можно было объѣхать кругомъ свѣта. Будь она плоская, тогда это сдѣлалось-бы вещью не-возможною.

— А, въ-самомъ-дѣлѣ правда. Чортъ меня возьми! Какъ выгодно путешествовать съ такими учоными людьми.

Не совсѣмъ было-бы справедливо утверждать, что невѣжество людей происходитъ отъ лѣности; гораздо-вѣрнѣе предположить тò, что она ихъ только поддерживаетъ въ невѣжествѣ. Всякой изъ насъ, кто изъ тщеславія, кто изъ неумѣстнаго любопытства, но все-таки хочетъ знать что-нибудь. Мы стараемся проникать самые ничтожныя тайны; даже въ тайнахъ важныхъ, полагаясь на свои способности и собственныя силы, мы не имѣемъ духу прибѣгнуть къ чужой помощи, и утруждаемъ себя, въ тысячу разъ болѣе укореняясь въ заблужденіи и лжи, нежели-бы намъ стòило знать истину. Разучиться или разувѣриться въ чомъ-нибудь очень-трудно, и лучше ничего не знать, нежели знать много тогда, какъ это многознаніе ложное. Тотъ

кто ничего не знаетъ, можетъ имѣть умъ безъ способностей; тотъ кто допустилъ себѣ знать все, навѣрное имѣетъ умъ и понятія ложныя и неправильныя. Кривую палку не легко выпрямить.

Если-бы я позволилъ Гюгу, попавшему нѣсколько дней спустя ко мнѣ въ услуженіе, корчить изъ себя умницу, онъ совершенно измѣнилъ-бы простую и первобытную природу добраго Пёти, и сдѣлалъ-бы изъ него, прежде столь кроткаго, теперь настоящаго дурака; ибо Гюгъ, по своей неимовѣрной гордости и тщеславію, вбилъ-бы ему въ голову самыя смѣшныя нелѣпости, и, я думаю, открылъ-бы даже ему тайны нашего пищеваренія. Гюгъ былъ въ одно и тоже время, ученый, моралистъ, философъ, астрономъ и медикъ; онъ думалъ, что онъ есть все, потому-что былъ ничто. Чѣмъ менѣе я говорилъ, тѣмъ болѣе и тѣмъ дерзостнѣе онъ возвышалъ голосъ; чѣмъ болѣе я слушалъ, тѣмъ сильнѣе онъ ораторствовалъ. Онъ думалъ блеснуть въ этомъ нашемъ путешествіи, а вышло, что все вралъ. Къ тому-же кроткій ученикъ его, думалъ самъ въ себѣ : если г. Арагò молчитъ, значитъ г. Гюгъ правъ. Прежде чѣмъ мы достигли цѣли нашего путешествія, этотъ профессоръ такъ завладѣлъ своимъ слушателемъ, что тотъ говорилъ ему уже въ глаза : *господинъ, милостивый государь*. Нашъ педагогъ не слышалъ земли подъ собою !

Широкая и извилистая долина, орошаемая потокомъ, съуживалась по немногу у истока, а на-право гòры принимали величественный видъ. По ихъ разсѣлинамъ можно было заключить, что волканы и до нихъ простирали свое могучее опустошеніе; тамъ и сямъ, въ отдаленіи отъ вершины, изъ которой они извергались, находили огромные куски гранита, оторванные сильными ударами подземныхъ огней; а Гюгъ, котораго эти ужасные перевороты едва удивляли, разсказывалъ бѣдному, пораженному этими явленіями матросу, про сильнѣйшія еще изверженія лунныхъ волкановъ,—отчего, по его мнѣнію, и падаютъ къ намъ на землю столь опасные аеролиты; — по немъ это была неоспоримая истина. Пёти не могъ отъ этого опомниться, а торжествующій Гюгъ истолковалъ ему достовѣрное начало волканическихъ потрясеній; онъ проникъ въ глубину морей, и изторгъ изъ нихъ доселѣ сокровенную тайну урагановъ, губителей несмѣтнаго числа судовъ; онъ торжественно и неоспоримо доказалъ, что звѣзды южнаго полушарія должны сіять сильнѣе, чѣмъ звѣзды сѣвернаго. Все доселѣ наукѣ недоступное, всѣ метеорологическіе перевороты и феномены, еще донынѣ неразгаданные учонѣйшими геологами и астрономами, были развернуты имъ съ извѣстною уже вамъ легкостію и точностію, такъ-что бѣдный Пёти, побѣжденный такими доводами, готовъ былъ измѣнить свою натуру, и сдѣлаться *Гюгомъ*, его сосѣдомъ съ лѣвой стороны. Пёти молчалъ нѣсколько минутъ; онъ разсуждалъ, какъ-будто въ недоумѣніи, и наконецъ прервалъ молчаніе, скорѣе, думаю, для того, чтобы доказать, что онъ понимаетъ !

— Знаете-ли вы, г. Арагò, сказалъ онъ мнѣ, что наука есть великая вещь!

Не отвѣчая на это легковѣрному Пёти, я приказалъ остановиться, чтобы отдохнуть въ тѣни прелестной пальмовой рощи, на краю удивительнаго поля, засѣяннаго сахарнымъ тростникомъ, на оконечности котораго виднѣлись низкія и удушливыя казы тамошнихъ негровъ. Сначала Пёти не смѣлъ сѣсть изъ уваженія, но не ко мнѣ, его старшему и начальнику, а къ Гюгу, ему равному; я пригласилъ его садиться возлѣ меня.

— Довольно, мой другъ, довольно на нынѣшній день учиться; теперь закуси что-нибудь.

— Странно; я почти не голоденъ; этотъ бездѣльникъ сбилъ меня съ толку.

— Да чѣмъ-же?

— Онъ научилъ меня столькимъ мудростямъ?

— Да чему-же онъ тебя научилъ?

— Во-первыхъ, что земля кругла, а иначе никто не могъ-бы путешествовать кругомъ свѣта. Я это съ перваго раза понялъ, это ясно какъ день, но я-бы безъ г. Гюга объ этомъ и не помыслилъ. (Пёти снялъ шляпу).

Гюгъ раздулся, какъ павлинъ.

— А если я скажу тебѣ, что тотъ, которому ты такъ удивляешься, и который лишилъ тебя аппетита, что онъ наговорилъ тебѣ вздору.

— Если вы мнѣ это докажите, господинъ Араго́, то я клянусь вамъ, не будь я Пёти, что этотъ бездѣльникъ не захочетъ болѣе никому давать уроковъ!

— Я не хочу, чтобы ты, мой другъ, такъ далеко простиралъ свою злобу; но между-тѣмъ постарайся забыть пустяки, тобою слышанныя; останься попрежнему славнымъ матросомъ, и не выходи изъ круга, судьбою тебѣ начертаннаго; откажись отъ тщеславныхъ мыслей, столь мало сходныхъ съ усталостями твоей службы на марсѣ, и выпей этотъ стаканъ вина, за здоровье твоего друга Маршэ.

— За его здоровье!... право, это для меня полезнѣе, чѣмъ для него.

— А тебѣ, Гюгъ, я совѣтую впередъ не толковать твоихъ глупостей этимъ добрымъ людямъ: ты себѣ можешь навлечь непріятности; и если ты умѣешь читать, въ чомъ я не сомнѣваюсь, то читай имъ на шканцахъ тѣ только книги, которыя я тебѣ дамъ, и тѣмъ сократи себѣ и имъ время службы и скуки.

— Однакоже, милостивый государь, я почерпнулъ изъ многихъ твореній все то, о чомъ говорилъ съ Пёти.

— Если-бы ты лучше умѣлъ выбирать книги, то-бы имѣлъ голову по легче, а не такъ набитую пустяками. Въ морали пустяки вѣсятъ болѣе всего; и такъ повѣрь мнѣ, измѣни свое званіе или лучше сказать, свою натуру, и сдѣлайся лучше невѣжлой, во что́-бы то ни стало.

Гюгъ замолчалъ, Пёти съ бо́льшей радостью принялся глодать жирный остовъ каплуна, сжавъ его своими смоляными пальцами, и отъ-времени-довремени шепталъ мнѣ, однакожъ такъ, что Гюгъ могъ слышать:

— Не дуракъ-ли я былъ, повѣривши, что камни ростутъ, какъ грибы! Я, право, готовъ проглотить все бѣлое мясо этой птицы и стаканъ вина, скорѣе чѣмъ всѣ эти глупости, которыя онъ мнѣ напѣвалъ... Я раздавлю этого человѣка.

Гюгъ ѣлъ, но хранилъ молчаніе; жилистыя руки матроса сжимали ему горло, и остановили полетъ его профессорскихъ лекцій. Послѣ этого легкаго обѣда, приправленнаго апетитомъ утомленныхъ пѣшеходовъ, я простился съ моими спутниками; и направилъ шаги къ казамъ чорныхъ, видѣнными мною еще съ мѣста нашего отдохновенія. Не вдалекѣ, на отлогомъ скатѣ холма, рисовалось живописно прелестное жилище съ своими бесѣдками, гдѣ вѣетъ всегда чистый и благорастворенный воздухъ, съ своей свѣжей террасой, зелеными ставнями и окруженное красивыми плантаціями банановъ и мангіеровъ.

Здѣсь, какъ и на Иль-де-Франсѣ, гостепріимство должно быть для каждаго ежедневнымъ утѣшеніемъ; итакъ я рѣшился пуститься туда и посѣтить господъ владѣльцевъ, прежде невольниковъ. Я вовсе не гордъ.

Совершенно-дружескій пріемъ ихъ напомнилъ мнѣ островъ Маврикія: они едва захотѣли узнать мое имя. Однакоже, послѣ первыхъ принятыхъ общежитіемъ фразъ, я далъ знать о себѣ, и о причинѣ, столь счастливо отдалившей меня въ монхъ наблюдательныхъ про-

гулкахъ. Я испросилъ позволеніе посѣтить нѣчто въ родѣ лагеря, въ которомъ отдыхали негры, и плантажистъ поспѣшилъ подать мнѣ руку, съ явнымъ удовольствіемъ и учтивостію. Два невольника были прикованы правой ногой и лѣвой рукой въ одно и тоже кольцо, вбитое въ большой камень, и выставлены на солнце; я по-просилъ за нихъ прощенія, — оно тотчасъ было даровано, и я благодарилъ хозяина болѣе, чѣмъ благодарили меня помилованные негры.

— Отчего-же эти казы такъ низки, такъ сыры, такъ удушливы? спросилъ я у колониста: неуже-ли вы не боитесь, что эта тяжелая атмосфера можетъ имѣть вредное вліяніе на груди, и безъ того уже слабыя, вашихъ негровъ?

— Но въ то время, какъ мы ихъ отдаемъ, только-что отстроенныя, неграмъ, онѣ чисты и имѣютъ здоровый воздухъ. Эти люди любятъ удаляться отъ свѣта; имъ необходимы норы или будки; чѣмъ имъ тѣснѣе, тѣмъ болѣе имъ кажется, что они свободнѣе, и этотъ дурной запахъ, въ которомъ вы обвиняете нашу безпечность, испаряется изъ ихъ тѣла. Они не изгоняютъ его изъ этихъ клѣтокъ, они набиваются туда, какъ въ свои землянки, изъ которыхъ мы ихъ вытащили; и кто знаетъ, можетъ-быть, они каждую ночь во снѣ бредятъ о своихъ степяхъ, пустыняхъ и о свободѣ.

— Спрашивали-ли вы ихъ объ этомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы толкуемъ съ ними только о ихъ мукѣ изъ маніока, потому что кормимъ только ею; да сверхъ того скажемъ нѣсколько словъ о бичѣ, потому-что они только тогда работаютъ, когда страшатся наказанія. Намъ, плантажистамъ, надобно только, чтобы они не имѣли ни одной собственной мысли въ головѣ. Посмотрите на этого, что прошелъ мимо насъ и поклонился съ такою гордостію, которая несвойственна прочимъ его товарищамъ. Знайте-же! это у меня первѣйшій бездѣльникъ и самый опаснѣйшій; онъ сочиняетъ либеральные куплеты, бѣгалъ уже четыре раза, и я увѣренъ, замышляетъ еще новый побѣгъ.

— Попробуйте покорить его кротостію.

— Боже меня сохрани! Я съ нимъ иначе не говорю, какъ съ бичомъ въ рукахъ, изъ опасенія, чтобы онъ не отвѣтилъ мнѣ ножомъ. Мнѣ стоитъ только уступить ему на волосъ, и онъ сдѣлается страшенъ для меня.

— Въ такомъ случаѣ лучше дать ему свободу.

— Да я-бы это давно сдѣлалъ, если-бы могъ отправить его въ Анголу, его отечество. Замѣтьте, какъ прочіе негры подходятъ къ нему съ подобострастіемъ и уваженіемъ; это значитъ, что онъ будетъ пѣть.

— Пѣсню Анголы?

— Да, я уже сказалъ выше, что онъ импровизируетъ.

— Не замолчитъ-ли онъ, увидя, что мы къ нему приближаемся?

— Нѣтъ, онъ сдѣлаетъ видъ, будто насъ не замѣчаетъ, вотъ и все тутъ.

— Попробуемъ.

Сначала негръ разсказалъ своимъ внимательнымъ слушателемъ довольно-длинную повѣсть, потомъ, во все горло запѣлъ, на голосъ, имѣющій только три ноты, на дурномъ креольскомъ нарѣчіи, пѣсню довольно-порядочно и складно сложенную.

* * *

Ангóла — отчизна моя.
А! га!
Тамъ отецъ мой и сестры мои.
Ги! ги!
Добрый день мой придетъ... я убью...
У! гу!
И — какъ разъ — ворочусь домой.
Го! о!

* * *

Я усталъ поля пахать,
Я умаялся удары получать,

Не намѣренъ больше ждать,
И когда въ васъ, братья, будетъ столько духу,
какъ во мнѣ...
Но, я пѣсни не кончаю:
Насъ хозяинъ стережетъ;
А, какъ гость его уйдетъ,
Съ нашимъ *добрымъ* господиномъ —
За побои разочтемся;
И тогда, друзья и братья — по неволѣ,
Я скажу, какъ поступить вамъ, чтобъ не быть
рабами болѣ.

* * *

— Вы слышите, что поетъ этотъ мерзавецъ, сказалъ плантажистъ, увлекая меня; если-бы и прочіе имѣли одинаковый съ нимъ духъ, то мое жилище скоро было-бы предано грабежу.

— Видно, что онъ человѣкъ съ духомъ.

— Это заключеніе невѣрно.

— Если онъ болѣе другихъ терпитъ, значитъ, что онъ болѣе другихъ и долженъ дѣлать.

— Вы ничего не понимаете въ обхожденіи съ неграми.

—По-крайней-мѣрѣ, я понимаю столько, что слѣдуетъ разорвать оковы въ ту минуту, какъ онѣ становится невыносимо-тяжолыми. Не забудьте того, милостивый государь, что оковы невольника о двухъ концахъ, и потому онѣ столько-же чувствительны и для руки водителя. Или освобожденіе, или законъ, покровительствующій негровъ. Бразилія опротивѣла мнѣ своимъ обхожденіемъ съ ними.

— Пускай будетъ такъ. Вы увидите Европу, вы насладитесь нѣжнымъ благоуханіемъ ея свободы! Ахъ какъ я сожалѣю васъ, бѣдныхъ, съ вашей свободой!

Я не смѣлъ разинуть рта при послѣднихъ словахъ колониста, и опустилъ глаза въ землю, дабы не встрѣтить его взора.

— А! вотъ и гости къ намъ пріѣхали, продолжалъ онъ скоро, какъ-бы желая перемѣнить его разговоръ; вы принесли мнѣ счастье.

Въ-самомъ-дѣлѣ, я нашолъ подъ широкою бесѣдкою съ легкими зелеными столбами, Гг. Ахилла Бедье и Туссень-Буденя, къ которымъ я получилъ отъ отъ г. Пито рекомендательныя письма, и которые никакъ не могли мнѣ простить моей европейской скромности. Потомъ вошли, медленнымъ и тихимъ шагомъ, три прекрасныя особы. г-жа Д... и ея дочери, коихъ имя сопряжено съ самымъ ужаснымъ происшествіемъ, когда-либо посѣтившимъ городъ. У мужа г-жи Д..., честнаго и достойнаго адвоката, прежде всѣхъ загорѣлся домъ; огонь истребилъ лучшія части города Портъ-Луи, и повергъ въ нищету многихъ богатыхъ негоціантовъ. Г. Д..., жертва этого грознаго бича, опустошившаго всю колонію, переѣхалъ на жительство въ Бурбонъ, гдѣ его уважаютъ, какъ добраго гражданина и какъ достойнаго человѣка.

Солнце склонялось къ западу; я думалъ удалиться, не взирая на неотступныя просьбы плантажиста, который заставилъ меня принять паланкинъ. Уже я началъ прощаться съ гостепріимными хозяевами, какъ вдругъ мы увидѣли многихъ негровъ, съ поспѣшностію бѣжавшихъ къ намъ; они увѣдомили насъ, что невдалекѣ оттуда два бѣлые дрались сильно на кулачкахъ. Мы удвоили шагъ, и увидѣли распростертаго на травѣ и сильно избитаго профессора Гюга.

— Какъ! сказалъ я строгимъ голосомъ Пёти: вы подрались?

— Никакъ нѣтъ, милостивый государь: я прибилъ его.

— За что же?

— Какъ за что? Онъ сказалъ мнѣ, что вы дуракъ и глупецъ, и не взирая на ваши увѣщанія, все-таки утверждалъ, что камни растутъ какъ грибы, и тогда...

— Мерзавецъ!.. Да не должно было бить его такъ жестоко!

— Да я и то тронулъ его только паль-

цемъ; у него нѣтъ духу и силы на два ліара... Собачья душа!..

— Какъ-же мы отправимся отсюда?

— Это очень-легко; уйдемте вдвоемъ, а его оставимъ отдохнуть и оправиться, а завтра утромъ я приду за нимъ, и онъ будетъ какъ встрепаной.

— О зачѣмъ-же! сказалъ плантажистъ: я дамъ вамъ еще паланкинъ и негровъ.

Гюга всунули туда, какъ восточнаго принца; но Пёти, раздраженный и недовольный тѣмъ, что онъ долженъ идти пѣшкомъ, между тѣмъ какъ его мудраго друга несли, потихоньку ворчалъ сквозь зубы: Погоди, погоди, я тебя отрекомендую Маршэ, и отвѣчаю за то, что если ты осмѣлишься пикнуть передъ нимъ, что камни родятся какъ грибы, онъ тебя съ разу приплюснетъ, какъ тюленя подъ коронадой, когда его хотятъ варить въ печкѣ.

Теперь, я вижу ясно, что, не взирая на мою искреннюю дружбу къ Пёти, я долженъ буду впередъ лишать себя его пріятныхъ разговоровъ, иногда черезъ-чуръ уже пылкихъ и жаркихъ. Увы! буду-ли я имѣть столько мужества? Мы привязываемъ себя благодѣяніями.

XIV.

НОВАЯ-ГОЛЛАНДІЯ.

Дикіе людоѣды. — Отъѣздъ.

Лишь только вы скажете прости гиганту Бурбона, Вершинѣ-Снѣговъ, и отправитесь на востокъ, вами овладѣетъ горестная мысль, и вы невольно себя спросите, гдѣ вы найдете ваше отдаленное отечество? Во всѣхъ моряхъ, которыя намъ предстоитъ избороздить, каждый народъ, имѣющій морскую силу, имѣетъ мѣста отдохновенія, ему принадлежащія, и стоящій и вѣющій флагъ его на вершинѣ горъ, говоритъ ему, что, на противуположной точкѣ своей земли, онъ найдетъ друзей, братій, покровительство, новую родину. Мы-же, напротивъ того, гордящіеся столько нашими побѣдами на материкѣ, столь справедливо напыщенные прошедшей и настоящей славой нашего флота, мы не находимъ въ этихъ опасныхъ путешествіяхъ кругомъ свѣта ни одного уголка земли, гдѣ-бы могли отдохнуть, какъ у себя дома. И чѣмъ владѣемъ мы, въ-самомъ-дѣлѣ, на этомъ обширномъ Индѣйскомъ океанѣ, на островахъ Зондскихъ или Молукскихъ? Ничѣмъ; у насъ нѣтъ ничего на островахъ Маріанскихъ, ничего на западѣ Новой-Голландіи, ничего на Каролинскихъ, ничего еще на моряхъ Китая и Японіи; ничего на островахъ Сандвичевыхъ, на Филиппинскихъ, на островахъ Дружества и Товарищества; ничего около Новаго-Южнаго-Валлиса, въ Новой-Зеландіи, въ землѣ Фанъ-Димена; ничего въ Чили, въ Перу, на берегахъ Патагоніи, Бразиліи или Ріо-де-

ла-Плата. А эти Малуинскіе острова, обязанные своимъ именемъ одному жителю Сенъ-Мало, а не мнимому открытію ихъ Англичанами, давшими имъ наименованіе острововъ Фалкландскихъ,—что̀ ни говори Англичане, а эти Малуинскіе острова, гдѣ намъ нѣкогда придется оставить нашъ раздробленный красивый корветъ, эти Малуинскіе острова, похищены у насъ Великобританіею; отчего мы громогласно не возстали за свое право владычества, тогда какъ Англичане, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, провозгласили съ гордостію, что они располагаются тамъ, какъ хозяева? Но нашему голосу не внялибы; вѣроятно, уже леопардъ развѣвается нынѣ возлѣ скалы, гдѣ остановился нашъ корабль, и французскіе моряки, занятые ловлею китовъ и охотою на морскихъ львовъ, впредь будутъ обязаны платить пошлину за входъ въ этотъ рейдъ, называемый французскимъ, на берегу коего стоятъ еще нетронутыми нѣсколько скромныхъ зданій, воздвигнутыхъ капитаномъ Бугенвилемъ во-время его путешествія вокругъ свѣта.

Ссылка есть законъ нашего уголовнаго права. Итакъ, вмѣсто всего золота, столь безполезно брошеннаго на эти путешествія, пустыя и неприносящія плода ни наукамъ, ни образованности, скажите одной изъ соперничествующихъ съ нами націй, напримѣръ Испаніи: вы владѣете на океанѣ богатымъ и прекраснымъ архипелагомъ, неприносящимъ вамъ никакой пользы; оставьте для себя Тиніанъ и Гуамъ; но есть еще Сайпанъ, Агвиганъ, Рота, Анатахассъ, Агриганъ; вотъ вамъ сто тысячь экю, отдайте намъ эти острова. Да! сто тысячь экю, пополнившіе казну Изабеллы, дадутъ вамъ въ вѣчное владѣніе, подъ теплымъ и благорастворенным небомъ, съ богатѣйшими и огромными прозябеніями, на самыхъ тихихъ водахъ изъ всего земнаго шара, прекраснѣйшее мѣсто отдохновенія нашимъ странствующимъ судамъ, мѣсто, могущее со-временемъ соперничествовать съ портомъ Джаксонъ, коимъ Англія столь справедливо гордится. Но полезная истина не всегда бываетъ слышна, за недостаткомъ сильнаго голоса, и еще долго, долго, въ нашихъ морскихъ путешествіяхъ, будемъ мы покорными данниками Испанцевъ, Голландцевъ, Португальцевъ и Англичанъ, конхъ спекуляторскія конторы, умащиваютъ, такъ сказать, океаны.

Тяжело и горько разоблачать бѣдность и нищету страны, которую-бы хотѣлось видѣть величайшею и сильнѣйшею изъ всѣхъ прочихъ; но я уже сказалъ, что я не умѣю лгать передъ явными фактами и истиной, и къ тому-же я думаю, что намъ сто́итъ только захотѣть, чтобы получить. И что́ нужды, въ самомъ дѣлѣ, что имена Лапласовъ, Бертолетовъ, Монжей, Кювье, украшаютъ и увѣнчиваютъ по всей поверхности земнаго шара, небольшіе заливы или губы, подводныя скалы, перешейки, если эти славныя имена сопряжены, такъ какъ на островѣ Перонѣ, долженствующемъ быть нашимъ первымъ пріютомъ, съ землею изтерзанною, съ почвою безплодною, съ моремъ бурнымъ и безъ пристаней?

Въ перемѣнныхъ вѣтрахъ, столь для насъ необходимыхъ, для долгаго переѣзда, намъ не было недостатка; они дули съ силою, съ постоянствомъ по истинѣ примѣрными, и имъ-то мы обязаны вполнѣ за избѣжаніе бо́льшихъ опасностей, нежели которыя насъ постигли, потому-что мы потеряли многихъ изъ самыхъ веселыхъ и неустрашимѣйшихъ нашихъ матросовъ, погибшихъ въ мученіяхъ отъ кроваваго поноса.

Послѣ пятидесятидневнаго плаванія, мы уже были почти въ виду земли Эдельсовой, и вдругъ замѣтили недостатокъ въ прѣсной водѣ. По какой-то непостижимой оплошности, которой сна-

чала никто не подумалъ повѣрить и исправить, и за которую однакожъ нельзя винить ни одного изъ офицеровъ, нашли, что одинъ изъ нашихъ желѣзныхъ ящиковъ былъ наполненъ морскою водою, а намъ оставалось, можетъ-быть, еще нѣсколько дней до пристани. Зажгли нашъ большой водочистительный аппаратъ, и, спустя два часа, огонь распространился по палубѣ.

Надо было видѣть, при этомъ ужасномъ крикѣ «Пожаръ!» раздавшемся по цѣлой батареѣ, этихъ ревностныхъ, безстрашныхъ, безмолвныхъ матросовъ, внимательныхъ къ приказаніямъ и распоряженіямъ, и исполнительныхъ до точности неимовѣрной и даже, можно сказать, чудесной. Маршэ, Бартъ, Віаль, Левекъ и Пёти въ особенности висящіе надъ бездной, работали съ удивительнымъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ для спасенія прочихъ. Тревога была не долговременна; огонь прекращенъ, и мы предались по-прежнему нашимъ обыкновеннымъ прогулкамъ по палубѣ, но все-таки насъ преслѣдовала мысль о той опасности, которой мы такъ чудесно избѣжали. Объятое пламенемъ судно посреди океана есть, безспорно, величественная и ужаснѣйшая изъ драмъ; но мы еще не достигли до трагической развязки, и откровенно говоря, я весьма-радъ, что мнѣ не придется разсказывать вамъ этого новаго происшествія.

Между-тѣмъ мы жадными взорами слѣдили за безмолвнымъ горизонтомъ. Земля! закричалъ вдругъ марсовой, и часъ спустя, поднялись изъ волнъ дивныя плоскости земель Эделя и Эндрахта, подобно двумъ сестрамъ, грустнымъ, одинокимъ, забытымъ посреди океана. Пройдя нѣсколько времени вдоль нихъ, мы обогнули мысъ на заливъ Тюленей (Chiens-Marins), гдѣ и бросили вечеромъ якорь на грунтѣ разбитыхъ раковинъ. Сначала судно подалось по натянутымъ кабельтамъ, нѣсколько минутъ поколыхалось, а потомъ успокоилось и отдохнуло вмѣстѣ съ экипажемъ, послѣ безпрестаннаго плаванія на протяженіи слишкомъ двухъ тысячъ миль.

Боже мой! какая страшная панорама! На рейдѣ, безконечно пересѣкаемомъ быстро шнырявшими взадъ и впередъ тюленями, иногда выказывался, подобно большому черному парусу, огромный хвостъ кита, который, ныряя, вырываетъ, для своей пищи, съ помощію острыхъ и иглистыхъ усовъ, міріады маленькихъ рыбъ, изъ-подъ раковинъ, съ самаго дна. Красивыя воды отражали на себѣ со всею точностію блестящій сводъ неба. Но за тѣ тамъ на берегу, какая мертвая тишина! какой мрачный видъ! какой трауръ! какое уныніе! Сначала простираются высоты, шириною отъ сорока до шестидесяти футовъ, которыхъ самые большіе приливы не могутъ затопить; за ними идутъ крутизны, то бѣлыя, какъ мѣлъ, то горизонтально пересѣкаемыя красными полосами, подобно чистѣйшему карбункулу; а на вершинѣ сихъ плоскостей, вышиною отъ пятнадцати до двадцати саженъ, виднѣются искривленные пни деревьевъ, опаленныхъ солнцемъ, деревца безъ листьевъ, безъ зелени, колючіе прутья, помертвѣлые и засохшіе корни, и все это какъ-бы брошенное на песокъ или на обращенныя въ порошокъ раковины. Въ воздухѣ — ни птички; на землѣ — ни крика, не только хищнаго звѣря, но даже и кроткаго четвероногаго, ни тихаго журчанія малѣйшаго источника. Повсюду пустыня, съ своимъ безмолвіемъ, леденящимъ сердце, съ своимъ невзмѣримымъ безотголосочнымъ горизонтомъ. Душа сжималась при видѣ этого печальнаго и безмолвнаго зрѣлища холодной, безжизненной природы, вѣроятно, только не задолго выброшенной изъ бездны океана.

Мы легли спать, но съ безпокойствомъ о будущемъ: такъ сильно настоящее омрачило наши мысли. На другой день рано поутру, наши пожитки перевезены были на берегъ, потому-что, какъ я сказалъ выше, мы нуждались въ прѣсной водѣ. Что́ касается до меня, по обыкновенію, всегда торопливаго, я отправился на шлюбкѣ, подъ командою удалаго Ламарша, получившаго порученіе отыскать для насъ мѣсто, приличное для палатокъ и обсерваторіи нашей. Намъ невозможно было причалить, по мелководію, и я былъ принужденъ бродить по колѣно въ водѣ около четверти часа, покуда не достигъ берега, между-тѣмъ-какъ г. Ламаршъ искалъ въ отдаленіи доступной пристани.

Моя одежда была одна изъ самыхъ страннѣйшихъ. Обширная соломенная шляпа, остроконечная, съ широкими полями, на головѣ; за спиною большой ящикъ изъ бѣлой жести, наполненный мною, какъ благоразумнымъ путешественникомъ, кое-какими съѣстными припасами; бочонокъ, полный водою, бился по ногамъ, цѣпляясь за драгунскую саблю, и къ довершенію моего рыцарскаго облаченія, за поясомъ торчали два небольшихъ пистолета, а за плечами прекрасное солдатское ружье со штыкомъ. Прибавьте къ этому огромнаго размѣра путевой журналъ, и превзрядное количество ожерельевъ, зеркальцовъ, ножей и прочихъ мелкихъ вещицъ для промѣна, которыми я полагалъ надѣлить счастливыхъ жителей этой очаровательной страны. Я быстро подвигался впередъ по берегу, вопреки раковинамъ и песку, затруднявшимъ мнѣ путь, и разсчитывалъ раненько добраться до моихъ друзей, которыхъ блестящіе огни я завидѣлъ еще съ корвета.

При восходѣ солнца, все измѣнило свой видъ; прежде ни одно насѣкомое не жужжало въ воздухѣ; теперь-же безчисленное множество маленькихъ мошекъ съ язвительнымъ жаломъ наполняли воздухъ и забивались подъ платье. Нападенія ихъ были безпрестанны, мука ежеминутная; если вы отмахиваетесь рукою, вся ваша рука изъязвлена; ничто не въ силахъ предохранить васъ, и быстрыя ваши движенія, вмѣсто того, чтобы устрашить вашихъ непріятелей, еще болѣе раздражаютъ ихъ. Я неимовѣрно страдалъ, но, замѣтивъ, что части моего тѣла, небывшія подъ защитою одежды подвергались нападенію этихъ кровожадныхъ насѣкомыхъ, я обратилъ тылъ, и пошолъ задомъ, что́ доставляло мнѣ время отъ времени нѣсколько покоя.

Однакоже я начиналъ чувствовать усталость, и потому рѣшился присѣсть и облегчить отъ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ мой небольшой ящичекъ, подвергая себя опасности привлечь на добычу несмѣтное сонмище голодныхъ мошекъ, облекшихъ меня, такъ-сказать, сѣтью, и быть вынужденнымъ оспоривать у нихъ мой скудный завтракъ. Я выбиралъ уже глазами на берегу мѣсто, удобнѣйшее для моего отдохновенія, какъ вдругъ примѣтилъ на пескѣ множество слѣдовъ, оставленныхъ босыми ногами. Въ тужъ минуту Робинзонъ Крузэ пришолъ мнѣ въ голову, и клянусь вамъ не шутя, я выжидалъ на себя нападенія дикихъ. Тутъ, забывъ уже и объ ѣдѣ, я пустился опять въ дорогу, собравъ всю храбрость свою, и для спасенія себя хоть сколько-нибудь отъ язвительныхъ мошекъ, я поднялъ у себя надъ головою, съ помощію сабли, кусокъ соленаго сала, привлекающаго безпрестанно ихъ аппетитъ. Здѣсь Каллотъ нашолъ-бы фигуру, достойную своей кисти.

Но устыдясь трусости, столь быстро мною овладѣвшей, я тотчасъ рѣшился взобраться по крутояру, и оттуда

какъ будто-бы съ обсерваторіи, удостовѣриться, не могу-ли я различить въ отдаленіи какой-нибудь хижины или хотя дыма. Но я не могъ достигнуть вершины, потому-что песокъ съ быстротою сыпался изъ-подъ моихъ ногъ, а когда я старался уцѣпиться за колючіе кустарники, растущіе вдоль пологости, то эта слабая и тернистая опора, вырываясь съ корнемъ, катилась со мною до песчанаго берега.

Мнѣ еще предстояло обогнуть косу земли, въ разстояніи отъ меня около двухъ-сотъ саженъ, чтобы дойти до лагеря, какъ вдругъ я увидѣлъ моего друга Пелліона, морскаго кадета, бѣжавшаго ко мнѣ на встрѣчу, и своими скорыми жестами приглашавшаго меня удвоить шагъ. Увы! мои силы ослабѣли, и я упалъ на землю. Наконецъ онъ прибылъ съ двумя матросами, и увѣдомилъ меня, что дикіе, числомъ около пятнадцати, окружили палатки и крикомъ и угрозами старались обратить всѣхъ назадъ. Эта неожиданная новость заставила меня забыть усталость мою, и я поспѣлъ въ лагерь, растревоженный подобно всѣмъ моимъ товарищамъ.

Такъ вотъ что̀ называютъ дикими! Вотъ эти необыкновенные люди, живущіе безъ совѣсти, безъ закона, не знающіе Бога. Они кочуютъ на землѣ, которая могла-бы ихъ кормить; умираютъ на землѣ безплодной, не имѣя даже того чувства или инстинкта самохраненія, коимъ одарены самыя лютыя животныя, которымъ они равняются въ звѣрствѣ, не обладая, однакожъ, ни силою, ни могуществомъ ихъ. Посмотрите на нихъ; они всѣ тамъ, на этихъ песчаныхъ холмахъ, которые они считаютъ своимъ отечествомъ; они кричатъ, машутъ руками, и отвѣчаютъ на наши дружественные знаки дикими криками и угрозами смерти. О! если-бы они могли уничтожить насъ однимъ ударомъ, пожрать насъ всѣхъ въ одинъ свой обѣдъ! Но къ-счастію у нихъ не достаетъ духу, хотя еще имъ вовсе неизвѣстно, что мы обладаемъ оружіемъ, сто разъ болѣе смертоноснымъ, нежели ихъ нетвердыя булавы и слабыя копья.

Пелліонъ, Фурнье, Адамъ и еще нѣкоторые изъ нашихъ, уже предлагали мѣнку симъ несчастнымъ, раздѣленнымъ на три партіи, чтобы окружить насъ со всѣхъ сторонъ. Я поднялся на холмъ, на которомъ ревѣли смѣлѣйшіе изъ нихъ, и хотя ихъ было восемь на меня одного, они отступили на нѣсколько шаговъ, махая по воздуху своими копьями и булавами, и указывая мнѣ на судно, огласили воздухъ ужасными криками, оканчивая всѣ періоды словомъ: *Айерг-каде!* что̀, вѣроятно, значило: убирайтесь прочь! уѣзжайте! Я не изъ трусливаго десятка и не покорился ихъ столь-мало вѣжливому приглашенію, но вопреки ихъ волѣ, довольно-ясно изъявленной, я остался, показывая имъ знаки дружества и громко произнося слово *тайо*, которое у многихъ поколѣній Новой-Голландіи значитъ *другъ*. Но они не поняли моего слова *другъ*, и рыканія ихъ раздались съ новою силою. Хотя у меня и былъ за поясомъ пистолетъ, но я даже и не подумалъ увѣриться въ томъ, знаютъ-ли они его достоинство: такое сожалѣніе внушали мнѣ эти люди! Но во что̀-бы ни стало, а надо было, чтобъ это первое свиданіе не осталось безуспѣшнымъ, дабы намъ освободиться отъ ихъ докучливыхъ посѣщеній впредь, на все время нашего отдохновенія или становья; поэтому я, обратясь въ Орфея, вмѣсто пистолета и сабли, вооружился флейтой и заигралъ имъ небольшую арію, желая увѣриться, чувствуютъ-ли они прелесть музыки. Но, сказать правду, я не получилъ одобренія, хотя двое изъ нихъ принялись прыгать

самымъ страннымъ образомъ, и я вполнѣ сомнѣваюсь, — самолюбіе въ сторону, — чтобы Ѳракійскій Орфей могъ имѣть лучшій и большій успѣхъ.

Вполнѣ-довольный тѣмъ, что заставилъ на-минуту забыть ихъ звѣрство, я вынулъ изъ кармана кастаньеты, инструментъ гармоническій, на которомъ я получше играю нежели на флейтѣ, и вотъ мои дикари, внимая размѣренному такту чернаго дерева, принялись прыгать, вертѣться, какъ большія дѣти, желающіе расшевелить и размягчить ихъ одервенѣлые члены. Я былъ самъ не менѣе ихъ счастливъ, потому-что стоя отъ нихъ только въ десяти шагахъ, могъ изучить ихъ сложеніе и черты лица.

Они роста не много поболѣе средняго, волоса у нихъ не курчавые, и не гладкіе, а связанные клочками, какъ-бы папильйоты на головѣ, которую завиваютъ. Черепъ и лобъ съуженные и плоскіе; глаза маленькіе, блестящіе, носъ сплющенный, столь-же широкій какъ и ротъ, простирающійся почти до ушей, неимовѣрной длины. Плечи у нихъ узкія и острыя, грудь впалая и косматая, животъ неимовѣрный, руки и ноги почти незамѣтныя, а ступня и кисть огромнаго размѣра. Прибавьте къ этому кожу чорную, лоснившуюся и и вонючую, на которой они, для украшенія, проводятъ широкія красныя и бѣлыя полосы, и вы получите точное понятіе о станѣ, прелести, сложеніи и убранствѣ этихъ красивыхъ господъ, которымъ не достаетъ только не много ловкости и понятливости, чтобы сравняться съ обезьянами или свиньями. Все это ужасно для изученія, все это горько и противно для глазъ и воображенія. Двое изъ сихъ несчастныхъ носили бороду, столь-же длинную, какъ и волоса, а на главномъ холмѣ я замѣтилъ женщину, совершенно также нагую, какъ и мужчины, столь-же прелестную и привлекательную, какъ они, державшую на колѣняхъ маленькаго ребенка, котораго она придерживала то рукою, то ремнемъ изъ кожи, покрытой шерстью. Подлѣ нея стоялъ старикъ, перетянутый на ребрахъ поясомъ, проходившимъ въ раковину, которая прикрывала ему пупъ.

Проворнѣйшій и неустрашимѣйшій изъ нихъ, утомленный наконецъ движеніями подъ звуки моихъ кастаньетовъ, вдругъ остановился, и давая мнѣ знать о желаніи своемъ имѣть ихъ у себя, предлагалъ мнѣ въ замѣнъ небольшой пузырь до половины наполненный красной вохрой. Я не согласился на торгъ, а предложилъ ему въ обмѣнъ небольшое зеркало, цѣною въ одинъ су; поставивъ его на землю, я удалился на нѣсколько шаговъ, давая ему знать, чтобъ онъ оставилъ пузырь на томъ-же мѣстѣ; но мой плутъ взялъ зеркало и не далъ мнѣ ничего въ замѣнъ, что, казалось, весьма развеселило его честныхъ товарищей. Мы встрѣчаемъ плутовство даже и внѣ просвѣщенія.

Ко мнѣ присоединились Пелліонъ и Адамъ, и чтобы не очень удаляться отъ нашихъ бочекъ, мы спустились на берегъ, куда за нами послѣдовала немедленно часть дикихъ. Тамъ мы устроили нашу главную контору; тамъ торговля выставила свои богатства, и мы не виноваты въ томъ, что наше великодушіе и честность нисколько не убѣдили въ нашу пользу сихъ торговцевъ и покупщиковъ. Фурнье, нашъ старшій кормчій или рулевой, за дрянную булаву, отдалъ имъ еще крѣпкое исподнее платье, которое дикіе нѣсколько минутъ разглядывали, а потомъ разодрали въ мелкіе куски, и раздѣлили лохмотья между собою. Но главное ихъ удивленіе привлекла на себя дощечка изъ полированной жести, которую они весьма-вѣжливо поднесли въ подарокъ женщинѣ, высоко оцѣнившей этотъ знакъ волокитства и любви. Вы видите,

какъ они заткнули за-поясъ *сапажу* и *бавіановъ* (обезьянъ).

Одинъ изъ насъ поставилъ на пригорокъ, сдѣлавшійся мѣстомъ по-очередной нашей мѣнки, бутылку съ прѣсной водой. Дикіе, завладѣвъ ею, передавали ее изъ рукъ въ руки; они смотрѣли на нее съ боязливымъ любопытствомъ, обнюхивали ее, и никому изъ нихъ не вошло въ голову попробовать изъ нея нашей вкусной воды. Тотъ, который вымѣнялъ бутылку на копье, взявъ ее подъ-мышку, пошолъ потомъ припрятать ее подалѣе, въ вѣрное мѣсто.

Но какъ видъ этой страны почти убѣждалъ насъ въ отсутствіи и недостаткѣ прѣсной воды, я выдумалъ родъ испытанія, котораго однакожъ не поняли туземцы, или которое, лучше сказать, убѣдило насъ вполнѣ, что наши сомнѣнія были непреложной истиной.

Я спросилъ у одного изъ матросовъ бутылку, подобную той, которую мы отдали молодому дикарю. Я приблизился къ нему на разстояніе семи или восьми шаговъ, показалъ заключающаюся въ сосудѣ воду, и выпивъ нѣсколько, пригласилъ его сдѣлать тоже. Онъ спросилъ объ этомъ своихъ товарищей, и выводъ изъ ихъ совѣщанія остался тотъ, что они не могли понять, зачѣмъ я предлагалъ имъ этотъ напитокъ. Мои друзья смѣялись надъ моимъ безсиліемъ сговорить съ ними, а я еще того болѣе смѣялся надъ глупостію и тупоуміемъ существъ, къ которымъ я обращался. Наконецъ, видя что мимика говорила лучше словъ, я разными гримасами приглашалъ ихъ не терять меня изъ виду и слѣдовать за всѣми моими движеніями, что̀ они, по-правдѣ сказать, исполнили какъ-будто люди разсудительные. Тогда я приблизился къ берегу, почерпнулъ съ пригоршни морской воды, сдѣлалъ видъ, будто-бы выпилъ оной нѣсколько глотковъ, и потомъ вопрошалъ ихъ взглядомъ. Они однакожъ нисколько не удивились моей продѣлкѣ, показавшейся имъ весьма-естественною и обыкновенною, а, казалось, весьма удивлялись тому, что я занималъ ихъ такими пустяками.

Итакъ вотъ та великая задача, разрѣшить которую тщетно старался Петръ Великій, готовый на все, лишьбы научиться, вотъ вопросъ, коего выводъ долженъ указать, можетъ-ли человѣкъ жить, питаясь морской водой: онъ мнѣ кажется рѣшонымъ присутствіемъ этого народа, жизнью его на негостепріимной почвѣ полуострова Перона, потому-что, и я повторяю это, нѣтъ и не можетъ быть ни одного источника прѣсной воды въ этой необъятной пустынѣ, и ничто не доказываетъ намъ, чтобы эти несчастные существа, основавшія тамъ свое жилище, знали средство сохранять столь-рѣдкія у нихъ дождевыя воды, которыя въ тужъ минуту поглощаются непостоянной и ноздреватой землей.

Наступившая ночь прекратила зрѣлища для насъ столь-любопытныя, что мы не уставали наслаждаться ими. Тогда дикіе съ воплемъ исчезли, давая намъ знать, что придутъ къ намъ съ солнечнымъ восходомъ.

На другой день, въ-самомъ-дѣлѣ, я поднялся на холмъ, сосѣдственный съ нашимъ, но отдѣленный отъ прочихъ довольно-высокимъ песчанымъ мысомъ, далеко вдающимся въ заливъ. Я взялъ съ собою неустрашимаго матроса Маршэ, и ни сколько не думая о послѣдствіяхъ нашего вторженія, мы оправились вдоль берега. Около десяти вчерашнихъ дикихъ, вѣроятно, насъ сторожившихъ, бросились на насъ съ крикомъ и угрозами смерти. Намъ необходимо было сохранить все хладнокровіе.

— Не обнажай оружія, сказалъ я Маршэ, котораго жилистая рука уже сжимала рукоять тесака: не обнажай, а иди со мною впередъ; смотри, плывутъ-ли подъ парусами къ берегу: это бу-

детъ нашъ резервъ; воспользуемся имъ съ благоразумiемъ; намъ опасно возвратиться въ лагерь, чтобы не подать виду, что мы бѣжимъ отъ нихъ.

Маршэ послѣдовалъ моимъ совѣтамъ, и мы двинулись впередъ твердымъ шагомъ, плотно сжимаясь другъ къ другу и почти задомъ, дабы пещись о нашей защитѣ. Выраженiя дикихъ были громки, скоры, жестоки, и ихъ грозное *айеркаде!* оканчивало каждую фразу, съ примѣсью раздраженныхъ жестовъ. Мы ни слова не отвѣчали на всѣ эти нападенiя, но безпрестанно осматривали кремни и полки нашихъ пистолетовъ и ружей, потому-что мы пустились въ путь вооружонные съ головы до ногъ.

Дикiе продолжали махать булавами, и, можетъ-быть, ободренные нашимъ бездѣйствiемъ, окружили насъ такъ близко, что мы могли достать до нѣкоторыхъ изъ нихъ штыкомъ. Одинъ изъ нихъ задѣлъ даже Маршэ по плечу; онъ хотѣлъ отвѣтить ему сабельнымъ ударомъ, который, право, раздвоилъ-бы мачту, но я его удержалъ. Минуту спустя, насъ такъ стѣснили, что мы нашлись вынужденными дать имъ понятiе о порохѣ и пулях. Я прицѣлился въ одного; мое движенiе удивило его, но не испугало.

— Одно движенiе пальца, сказалъ мнѣ Маршэ, и потомъ бросимся на нихъ, какъ нищета на матроса.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ я: пощадимъ кровь.

— Спасибо; они сейчасъ станутъ упиваться нашей... Горе тому, кто приблизится ко мнѣ на длину багра.

— Я прошу тебя не затѣвать битвы.

— Если мы затѣемъ бой, то обрубимъ бизань, да и валяй.

Тревожимый сильнымъ безпокойствомъ, я не хотѣлъ, однакожъ, въ случаѣ возвращенiя, сдѣлать безразсудную утрату въ моей обязанности и запискахъ. Когда дикiе давали намъ минуту вздохнуть свободнѣе, и, казалось, замышляли всеобщее нападенiе, я брался за карандашъ и, по-возможности, срисовалъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставались неподвижными.

— Вы выкидываете славную штуку, говорилъ мнѣ Маршэ: на кой чортъ малевать этихъ тюленей? Настоящiя жабы! Смотрите, вотъ этотъ кусаетъ свои грязныя уши. Чортъ меня возьми если я знаю, кто ему раздвоилъ подъ носомъ пасть; но видно, что рука была могучая; это не жерло, а цѣлая амбразура; попади я туда, то этотъ старой тюлень проглотилъ-бы меня цѣликомъ.

Вслѣдъ за симъ, мой матросъ посылалъ ему одну изъ тѣхъ пантомимъ, коими матросы подчуютъ тайкомъ того изъ офицеровъ, которымъ они неловольны, и самымъ смѣшнымъ образомъ дѣлалъ имъ дружескiе вопросы, какъ-будто они могли ихъ понять.

— Эй, послушай, марсовой, причаливай, я хочу тебя обнять.

Потомъ онъ говорилъ женщинѣ:

— Поди-ка сюда, я тебѣ поглажу горбыли. Брось въ воду твоего бавiана, и сдѣлай лучше изъ него моржа; онъ будетъ чудовищнѣе всѣхъ изъ цѣлой этой лохани.

Потомъ, обращаясь ко мнѣ, и смотря на мои эскизы, насмѣшникъ матросъ, привыкшiй шутить даже при видѣ явной смерти, говорилъ мнѣ:

— Вы, сударь, совсѣмъ не умѣете рисовать; никакъ вы ослѣпли; вы льстите этимъ дуракамъ; у нихъ нѣтъ ни ногъ, ни рукъ, а вы это дѣлаете на рисункѣ. Ну, а гдѣ-же вы приставите имъ ступни и кисти? На вашей бумагѣ не будетъ мѣста. Самая первостатейная прачка не имѣла у себя лучшаго валька и колотушки; это превосходно. Однакожъ все это живетъ, движется и говоритъ. Какъ вы думаете, господинъ Арагó, такъ-ли Пётръ гадокъ и безобразенъ,

какъ красивѣйшій изъ нихъ? О плутяга! какъ-бы онъ былъ радъ попасть сюда, съ своей маленькой курточкой, своей мѣдной цѣпочкой, оловянными серьгами, и перстенькомъ изъ волосъ его Дульцинеи!

За этой выходкой сыпались проклятія, рѣчи уже нешуточныя, угрозы, отъ которыхъ я не могъ его удержать и которыя могли навлечь на насъ гибельную развязку, потому-что наше положеніе было самое жалкое. Но флотилія все болѣе и болѣе приближалась; прибавивъ шагу, мы-бы легко могли менѣе чѣмъ въ полчаса соединиться съ нашими друзьями. Дикіе это также примѣтили, и тогда ихъ слова посыпались быстрѣе, угрозы сильнѣе, движенія поспѣшнѣе; то нѣкоторые изъ нихъ обходили насъ и думали тѣмъ заставить отступить, то двое или трое изъ зачинщиковъ прятались, чтобы поразить насъ сзади. Я увидѣлъ что надобно было чѣмъ-нибудь кончить.

— Стань отъ меня на нѣсколько шаговъ, сказалъ я Маршэ: я сдѣлаю видъ будто стрѣляю въ тебя; ты упадешь, а потомъ мы поступимъ, смотря по обстоятельствамъ.

— Чортъ возми, возразилъ онъ: стрѣляйте въ сторону.

— Будь покоенъ.

Маршэ остановился: *Айеркаде* закричалъ я ему, указывая на корветъ. При сихъ словахъ дикіе остановились, и заговорили между собою въ полголоса, повторяя безпрестанно съ довольнымъ видомъ: *Айеркаде, айеркаде*! Направивъ пистолетъ на Маршэ, я выстрѣлилъ. Матросъ упалъ, не теряя однакожъ изъ вида обидчиковъ, которые, испугавшись этого громоваго удара, однимъ скачкомъ удалились на сто шаговъ, дрожали всѣмъ тѣломъ, и едва дышали.

Довольный моею военною хитростію, я велѣлъ Маршэ ползти на колѣняхъ вдоль отмѣли, за песчаными буграми; онъ повиновался мнѣ, едва удерживаясь отъ хохота, и ворча про себя:

— Что за ослы! что за сволочь! настоящія собачьи души! Мнѣ пришла охота съѣсть изъ нихъ дюжинку на завтракъ; я увѣренъ, что они также солоны, какъ свиные окорока... соленые, то есть.

Приблизясь совершенно къ боту, входившему уже въ пристань, мы оглянулись назадъ, и увидѣли, что дикіе, нѣсколько оправясь отъ испуга, осторожно подвигались къ мѣсту, гдѣ надѣялись найти трупъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы пожрать его; но ничего не нашли тамъ, кромѣ табачнаго кисета и жвачки, которую храбрый Маршэ оставилъ въ завѣщаніе своимъ непріятелямъ.

Если-бы я рѣшился разсказать вамъ это происшествіе, со всѣми его подробностями, со всѣми его періодами, гдѣ попеременно господствовали гнѣвъ, тишина, изступленіе, страхъ, волненіе души; если-бы я описалъ вамъ бѣшеныя тѣлодвиженія, наливщіеся кровію зрачки этихъ дикихъ, направленные на легкую добычу; если-бы я изобразилъ вамъ эту жажду нашей крови, пожиравшую ихъ волновавшіяся груди, эти страшныя слюны зеленоватой пѣны, клокотавшія на ихъ огромныхъ ртахъ, и наше непоколебимое равнодушіе въ эти ужасныя минуты, вы-бы повѣрили мнѣ только вполовину, хотя я еще весьма-далекъ былъ-бы отъ истины. Есть состоянія души такого рода, что они не нуждаются въ краснорѣчивомъ слогѣ, чтобы поразить или тронуть, и я жалѣю здѣсь только объ одномъ, что не могу изобразить вамъ дивной физіономіи Маршэ, въ ту минуту, какъ онъ, горя нетерпѣніемъ окончить бой, увѣрялъ меня, что однимъ оборотомъ палки, могъ-бы *понизить курсъ* на полдюжину нашихъ отвратительныхъ противниковъ.

Съ этой минуты дикіе стали осторожнѣе; они перестали плясать, перестали изрыгать на насъ угрозы и проклятія; дозволили намъ съѣсть нѣсколько устрицъ, на берегу, и наконецъ мы подоспѣли къ гичкѣ, которая пристала къ берегу.

На другой день туземцы снова показались, но не смѣли уже сойти на равнину. Но какъ намъ не хотѣлось останавливаться на однихъ простыхъ предположеніяхъ о ихъ нравахъ и обычаяхъ, то г. Рекенъ и я пошли имъ на-встрѣчу, безъ оружія, даже почти неодѣтые, но запасшись единственно бездѣлушками, желая соблазнить ихъ жадность. На нашу довѣренность, они отвѣчали ревомъ, на наши дружескіе знаки, крикомъ и угрозами. Потерявъ терпѣнье, мы рѣшились броситься на одного изъ нихъ, и овладѣвъ имъ, оставить заложникамъ для бо́льшей вѣрности.

— Вы на-право, сказалъ я Рекену: а я на-лѣво... Впередъ! маршъ!

Мы бросились, но дикіе, какъ-бы провалились сквозь землю; они исчезли, убѣжавъ на четверенькахъ сквозь колючіе кустарники, и болѣе не смѣли уже показываться.

Сильная горесть овладѣла сердцами всѣхъ нашихъ товарищей до такой степени, что двое изъ нихъ, болѣе другихъ огорченные и любопытные, Гемардъ и Габертъ, далеко углубились въ островъ и заблудились въ песчаныхъ отмѣляхъ и соленыхъ прудахъ. Два дня прошло, а они не являлись въ лагерь. Мы сильно растревожились, и рѣшились на дальнѣйшіе обыски. Я пожелалъ быть участникомъ, и мы отправились въ путь, закрывъ довольноплотнымъ газомъ лицо и руки, для предохраненія ихъ отъ жестокихъ жалъ несносныхъ мошекъ. Пробродивъ цѣлый день по-направленію къ западу, и переправясь черезъ два высохшіе пруда, мы остановились на ночлегъ при подошвѣ кремнистой плоскости, на берегу пруда, въ которомъ, какъ намъ показалось, вода прибывала съ приливомъ. Мы зажгли большой костеръ, и расположились въ степи, можетъ-быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дикихъ.

Едва еще разсвѣло, какъ я съ другомъ моимъ Ферраномъ, снова отправился для открытій, опустивъ наши имена въ пустую бутылку, а въ другую наливъ воды, и на клочкѣ пергамена, означили имъ путь, которому они должны были слѣдовать, чтобы достигнуть залива. Каковъ былъ нашъ ужасъ, когда мы замѣтили до-половины зарытыя въ песокъ панталоны, принадлежащія Гемару! Но такъ-какъ земля не была изрыта кругомъ и на ней не было кровавыхъ слѣдовъ, мы успокоились и снова продолжали обыски.

Я открылъ еще на берегу пруда яму, глубиною до двѣнадцати футовъ, на днѣ которой стояла кругловатая скамья въ два фута вышины. Кто вырылъ эту яму? и для чего? Всякое благоразумное предположеніе на этотъ счотъ невозможно, и Перонъ не можетъ говорить правду, утверждая, что эти ямы вырыты дикими для предохраненія себя отъ дождей.

Уставъ наконецъ отъ сего путешествія, утомленные убійственнымъ жаромъ, мы возвратились въ лагерь, и прибывъ туда вечеромъ, имѣли удовольствіе услышать, что Гемаръ и Габеръ дотащились туда за нѣсколько часовъ прежде, въ самомъ жалкомъ положеніи и не встрѣтя ни одного дикаго.

Послѣ тяжолой и утомительной семнадцати-дневной стоянки, мы подняли якорь и направили паруса къ Молукскимъ островамъ.

Оставляя этотъ островъ нищеты, мы оставили на берегу, въ пользу туземцевъ, нѣсколько дюжинъ небольшихъ ножей, четыре пилы, три топора, и множество парусинныхъ лохмотьевъ.

Дикіе, на возвратномъ пути, возгордясь сими трофеями, вѣроятно, изольютъ проклятія на главы наши. Преданіе перескажетъ въ-послѣдствіи опустошительную эпоху нашего безумнаго вторженія, и туземные Тациты и Ѳукидиды наконецъ передадутъ раздраженнымъ народамъ различные эпизоды сей кровавой эпопеи, въ которой мы играли столь-жалкую роль. Въ ихъ правдивыхъ лѣтописяхъ можно будетъ прочесть, что толпа людоѣдовъ нѣкогда вторглась въ ихъ владѣнія; что послѣ тщетной попытки покорить столь-мирный народъ, эти людоѣды расположились на отмели, для совершенія ужасныхъ человѣческихъ жертвоприношеній, и что, побѣжденные природой и гнѣвомъ боговъ, они снова пустились въ море, забывъ на берегу оружіе и орудіе казни.

Не точно-ли также, изъ году въ годъ, дошли и до насъ исторіи всѣхъ народовъ?

XV.

ТИМОРЪ.

Охота на крокодиловъ. — Малайцы. — Китайцы.

Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ любопытнѣйшихъ изученій нашего путешествія было-бы изученіе сихъ необыкновенныхъ людей, едва нами только разсмотрѣнныхъ, брошенныхъ на бездарную землю, подъ ледянымъ и свинцовымъ небомъ, одинокихъ, безъ оружія, безъ воды, и, прибавлю, даже безъ жизненныхъ припасовъ, потому-что тамъ ничего не было вѣрнаго для пищи. Ни одного питательнаго корня, ни одного прохладительнаго плода, ни одного доступнаго четвероногаго. И что-жъ! мы должны ограничить себя простыми предположеніями, или, если вы хотите, почти невѣрными предположеніями, на общихъ событіяхъ основанными, безъ всякихъ подробныхъ открытій на-счотъ этой мелочной жизни, столь важной для моралиста и наблюдателя. Итакъ эти движущіяся существа счастливы, потому-что наше присутствіе у нихъ причинило имъ столько ужасовъ? Но это счастіе, имъ однимъ только доступное и ими только оцѣняемое, откуда оно у нихъ, кто имъ даетъ его? Все мертвенно на этомъ мысѣ земли, называемомъ полустровомъ Перона, и наше присутствіе тамъ было сочтено за признакъ истребленія. Ужъ полно, правда-ли, что и эта печальная страна можетъ быть чьимъ-либо отечествомъ?

Мы подняли якорь и направили путь къ Тимору, одному изъ величайшихъ острововъ, брошенныхъ на океанахъ. Я забылъ еще сказать, что во-время нашей стоянки, шлюпъ, посланный на Эндрахтъ, лишилъ эту безплодную землю свинцовой доски, на которой были вырѣзаны время открытія и имя плавателя, желавшаго посвятить покоренную имъ землю, или дать имя земли

имъ завоеванной; эта доска найдена была еще утвержденною на столбѣ и привезена на бортъ: грубое невѣжество, потому-что славное имя Эндрахта остается на-всегда связаннымъ съ сими мрачными островами, *или прежде всѣхъ* *) означенными на морскихъ картахъ.

Первая ночь послѣ нашего открытія, была почью работъ и тревоги, ибо въ заливѣ мы стукнулись нѣсколько разъ килемъ о дно, и наконецъ, сѣвъ на мель, были принуждены, забросивъ якоря, *буксироваться*, покуда не поднялись на воду. Съ разсвѣтомъ дня мы снова отправились въ путь, и пока виднѣлся берегъ, островъ все красовался предъ нами съ своими узкими остроконечными конусами изъ бѣлаго и красноватаго мѣла, голый, мрачный, нѣмой, грозный. Г. Дюперрей, одинъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ нашего флота, почернилъ, въ опасномъ своемъ путешествіи вдоль земли, сквозь тысячу преградъ, драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія, и начертилъ прекрасную карту бухтъ и рукавовъ, гдѣ суда могутъ съ безопасностію бросать якорь вблизи отъ этой негостепріимной земли.

Мы снова прошли вдоль земли Эдель, которую привѣтствовали еще въ пріѣздъ нашъ, и мрачной видъ которой оледѣнилъ наши сердца. Мы обогнули островъ Иркъ-Гатайсъ (Irck-Hatighs) до мыса Ловилленъ, и оставили у себя вправѣ острова Дорръ и Бернье, гдѣ находятся многочисленныя стада или семейства красивыхъ, щеголеватыхъ, проворныхъ полосатыхъ кангуру.

Мы никогда еще не плавали такъ покойно, даже подъ тропическимъ поясомъ; насъ потихоньку несло, на отданныхъ парусахъ, свѣжимъ и постояннымъ вѣтромъ; и въ теченіе семнадцати-дневнаго нашего плаванія до Тимора, бодрымъ и веселымъ нашимъ матросамъ не пришлось закрѣпить ни одного паруса. Пёти и Маршэ, коихъ жизнь я уже описалъ вамъ, наполняли радостью и весельемъ сердца всѣхъ товарищей.

Наконецъ на чистомъ горизонтѣ показалась земля: это былъ островъ Роттн, (Rottie), съ правильными остроконечностями, усѣянными прекраснѣйшимъ прозябеніемъ; потомъ явился глазамъ веселый островъ Симао, настоящій садъ, гдѣ природа разсѣяла свои драгоцѣннѣйшія сокровища, гдѣ широкія самородныя аллеи столь правильны, что ихъ можно почесть насажденными рукой человѣка; потомъ еще островъ Кера, мѣсто радостей и удовольствій, любимѣйшее мѣстопребываніе богатыхъ жителей Тимора, пріѣзжающихъ, въ сухое и жаркое время года, въ милыхъ и дивныхъ кіоскахъ, наслаждаться спокойствіемъ и прохладой вѣтровъ морскихъ.

Наконецъ показался Тиморъ, Тиморъ дикій, обгорѣлый, съ своими величественными горами, вышиною до двухъ тысячъ метровъ; Тиморъ, гдѣ два европейскихъ флага развѣваются на двухъ соперничествующихъ городахъ, населенныхъ народомъ неприступнымъ, послушнымъ только потому, что не умѣетъ и не хочетъ повелѣвать; народъ этотъ всегда готовъ на возмущеніе, и всегда укрощается лаской.

Купангъ обрисовался вскорѣ со своимъ китайскимъ капищемъ, возвышающимся влѣво отъ города, на высотѣ; направо виднѣлся фортъ Конкордія. По первобытнымъ нравамъ странъ еще непокоренныхъ, побѣдители дѣйствуютъ или мечомъ или помощію религіозныхъ изображеній; мученики гибнутъ, рабы

---

*) Грубая ошибка! Eendracht — союзъ, согласіе, голландское слово, которымъ начинается гербовая надпись concordia res parvae crescunt, вычеканенная на червонцахъ, а не *мореплаватель*. Землю Эндрахтъ открылъ и такъ назвалъ Тасманъ, знаменитый Нидерландскій мореходъ. *Пр. Перев.*

понижаютъ главою, и такъ-называемое просвѣщеніе довершаетъ покореніе міра.

Мы бросили якорь за полмили отъ Купанга, на прекрасномъ грунтѣ, съ одной стороны защищаемые островамъ Симой, а съ другой Тиморскими высями, гдѣ, даже и надъ облаками, прозябеніе не лишалось волшебной прелести своихъ цвѣтовъ.

Рейдъ самый спокойный, широкій; волны умѣренныя; но за то несмѣтное число крокодиловъ основало здѣсь свою столицу, изъ которой они отправляются каждое утро просушивать свою жесткую чешую на палящемъ солнцѣ поморья, гдѣ иногда угощаютъ себя обѣдомъ на счотъ неосторожныхъ гуляльщиковъ и купальщиковъ, забывающихъ объ ихъ опасномъ сосѣдствѣ.

Фортъ Конкордія, какъ я уже сказалъ выше, построенъ на высотѣ; эту высоту составляетъ скала почти неприступная. Г. Тильманъ, секретарь правительства, увѣрялъ насъ, что весьма-часто по ночамъ, дремавшіе крокодилы отдыхали тамъ отъ своихъ обжорливыхъ набѣговъ, и что ихъ можно-бы было стрѣлять на-повалъ мѣтко направленными пулями. Я вооружился превосходнымъ ружьемъ, и въ сопровожденіи моего друга Берара и одного матроса, не разъ приходилъ туда въ надеждѣ зашибить хотя одного изъ этихъ земноводныхъ; но всего только два раза крокодилъ высовывалъ на скалу свою страшную голову, и потомъ удалялся, какъ-бы предчувствуя угрожавшую ему гибель. Утомленный столь-безполезными путешествіями, я спросилъ у г. Тильмана, не можетъ-ли онъ указать мнѣ мѣста, съ котораго я могъ-бы вблизи разсмотрѣть этихъ чудовищныхъ страшилищъ. Ступайте въ Бони, сказалъ онъ, если уже вы такъ любопытны, и я отвѣчаю вамъ, что вы удовлетворите ваше желаніе. Поѣздка была отложена до завтра; большой ботъ нашъ взялъ курсъ на Боня. Насъ было девятеро, хорошо вооруженныхъ, а въ проводники взяли мы Малайца, который увѣрилъ насъ, что мы не иначе воротимся на бортъ, какъ вполнѣ удовлетворенные.

До-Бони считаютъ мили три отъ Купанга: эта песчаная, уединенная отмель, шириною въ четыреста шаговъ, окружена прелестными плантаціями кокосовъ и тамариндовъ. Вѣтерокъ подгонялъ насъ помаленьку, и мы почти доплыли до мѣста, не употребивъ въ дѣло топоровъ, взятыхъ съ собою изъ предосторожности: ни одинъ крокодилъ не обезпокоилъ нашего плаванія. Намъ оставалось проплыть еще около тридцати тоазовъ, какъ вдругъ Малаецъ, неспускавшій глазъ съ моря и берега, привсталъ и, указывая намъ пальцемъ чорное тѣло, распростертое на пескѣ:

— *Кальюмéра, кальюмéра*, сказалъ онъ.

Мы знали, что значило это слово, и посторонились назадъ, чтобы не разбудить амфибіи шумомъ веселъ. Вышедъ на берегъ, съ ружьями, заряженными каждое двумя пулями, мы отправились дружнымъ шагомъ на страшнаго звѣря, прикрытые песчанымъ бугромъ.

Приблизясь на пятнадцать шаговъ, мы остановились; Бераръ, какъ искуснѣйшій стрѣлокъ, долженъ-былъ цѣлить въ голову, другой въ шею, третій пониже, и такъ далѣе, а остальные четверо въ середину туловища. Намъ казалось невозможнымъ, чтобы чудовище ускользнуло отъ насъ, и мы чуть-чуть, не запѣли гимна побѣды до нападенія. Наши сердца бились болѣе отъ удовольствія, нежели отъ страха; каждый готовился сказать, какъ въ *Сандрильйонѣ*: «Вѣдь звѣря-то я убилъ», и мы про себя разсчитывали, какъ-бы лучше довести до судна тяжолый остовъ. Отъ пятнадцати до восьмнад-

цати пуль въ спящаго непріятеля! Нельзя было сомнѣваться въ побѣдѣ. Мы поднимаемся въ одно время. Бераръ тихимъ голосомъ считаетъ: разъ, два, три! Послѣдовали выстрѣлы, и эхо далеко разнесло ихъ громкіе удары.

Крокодилъ просыпается, преспокойно поворачиваетъ голову то на-право, то на-лѣво, безъ сомнѣнія для того, чтобы увидѣть смѣльчака, нарушителя его покоя, и отправляется потихоньку въ воды, точно какъ будто-бы кто чихнулъ вблизи его.

Я не стану описывать вамъ жалкихъ лицъ нашихъ послѣ этого подвига; мы едва смѣли посмотрѣть въ глаза другъ-другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый безстыдно увѣрялъ, что цѣлилъ превосходно. Тотъ кто далъ промахъ, остался одинъ виноватымъ: онъ то-бы и убилъ чудовище.

Мѣсто, означенное на пескѣ крокодиломъ, занимало до двадцати-двухъ футовъ пространства. Этотъ дерзновенный не хотѣлъ позволить намъ измѣрить его ростъ съ бо́льшею точностію. Мы хотѣли, однакожъ, поправить нашу ошибку, и Малаецъ указывалъ намъ небольшую бухту, въ которой можно было найти новыхъ непріятелей, и мы рѣшились продолжать путь.

Жаръ былъ нестерпимый, а какъ до означеннаго мѣста намъ надлежало сдѣлать большой обходъ, то и рѣшились мы, для сокращенія пути, пройти черезъ небольшое болото, шириною въ полмили, оцѣпивъ себя нашими ружьями, на оконечностяхъ которыхъ примкнуты были штыки: это было, безъ сомнѣнія, большая смѣлость, но на что́ человѣкъ не рѣшается въ веселомъ расположеніи духа, желая скорѣе побрататься съ крокодилами, а главное, для избѣжанія вертикальныхъ лучей палящаго солнца! Лакей мой Гюгъ, одинъ изъ глупѣйшихъ слугъ, созданныхъ когда-либо небомъ на терзаніе господъ, Гюгъ, отправившійся въ одинъ день отчаянія, вмѣстѣ со своимъ братомъ, еще болѣе его безтолковымъ, но нѣсколько менѣе глупымъ, изъ Тулона на жительство въ Бурбонъ; Гюгъ, говорю я, открывалъ шествіе, дрожа всѣмъ тѣломъ; мы смѣло слѣдовали за нимъ, но наша храбрость не могла воодушевить его; онъ напрягалъ всѣ усилія своего геройства, для него почти непонятнаго, и которымъ-бы онъ, безъ сомнѣнія, никогда не похвасталъ, ибо этотъ честный, несчастный и вѣрный малой, былъ чистѣйшимъ типомъ совершеннаго тупоумія, съ нѣкоторой примѣсью шутовской гордости. Позвольте мнѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе.

Гюгъ и братъ его, родомъ, кажется, изъ окрестностей Тулона, отправились изъ своей прекрасной родины, искать мѣста учителей въ Индіи, въ Иль-де-Франсѣ, въ Бурбонѣ или въ Калькуттѣ. Бѣдные и одинокіе, крѣпко привязанные другъ къ другу узами дружбы, они отплыли на славномъ трехмачтовомъ суднѣ, и вотъ мои философы-космополиты, ревностные покровители наукъ, сами едва знающіе читать по складамъ въ учебной книгѣ, плывутъ по Атлантическому-Океану. Но какъ расходы по проѣздамъ, могли истощить почти всѣ ихъ сокровища, то они поднялись на маленькую хитрость, при помощи которой могли сократить, хотя отчасти, необходимыя и излишнія ихъ издержки. Профессоры-спекуляторы, они вздумали запастись небольшою пачкою съ товарами, и за неимѣніемъ школьниковъ, рѣшились обойти разнощиками весь свѣтъ, а по возвращеніи издать въ свѣтъ истинную исторію ихъ долгой и трогательной Одиссеи. Теперь слѣдуетъ вопросъ, всякій-ли торгъ выгоденъ, и всѣ-ли мудрыя предположенія людей, спасаютъ ихъ отъ неожиданныхъ разореній?

Гюги, какъ я уже сказалъ, плыли въ жарчайшія страны земли, въ Восточную Индію, подъ тропики. Теперь угадайте, что они выдумали? Угадайте, что у нихъ было въ пачкѣ. И вы, вѣрно, не отгадаете ни однажды не только изъ тысячи разъ, — изъ милліона. Гюги везли въ Калькутту *индійскіе* фуляры; а въ Бурбонъ, восемь бюстиковъ Шарлотты Кордей, да четыре дюжины коньковъ или салазокъ! Какъ коньковъ! коньковъ! Подъ огненное небо!.. О мои добрые друзья Гюги, о мои вѣрные слуги, вы много пострадали на этой землѣ испытаній. Но возвратимся къ другому животному. Гюгъ младшій едва дойдя до половины болота, испускаетъ вдругъ жалобный вопль: Крокодилы!.. я погибъ! И вотъ онъ уже барахтается въ тростникѣ.

Что́бы вы сдѣлали на нашемъ мѣстѣ? Не хвастаясь, скажите мнѣ... Вы-бы сдѣлали тоже, что́ сдѣлали мы всѣ. Пораженные его ужаснымъ крикомъ, мы оставили несчастнаго Гюга, на произволъ судьбы, и, работая руками и ногами, съ неимовѣрною скоростію добрались до первоначальной нашей позиціи. Наконецъ, мой слуга, удивленный, что его такъ долго никто не глотаетъ, рѣшается встать, опускаетъ руки въ воду, и вырываетъ со дна корень ядовитаго растенія, поранившаго его въ пятку и опутавшаго его ноги. Блѣдный, но уже счастливый, онъ спѣшитъ къ намъ, и забывъ всякое уваженіе къ своему господину, кажется, назвалъ его *трусомъ*, но столь-тихо, что его едва можно было разслушать. Здѣсь въ первый и единственный разъ въ жизни, онъ выказалъ нѣсколько логики.

Когда всѣ были трусами, то значитъ, что всѣ были храбрецами. Геройская армія пустилась снова на подвиги, и сдѣлала безполезное нападеніе на другаго крокодила, гораздо-меньшаго, чѣмъ первый; но на сей разъ оправданіемъ послужило огромное разстояніе, отдѣлявшее отъ насъ врага.

На другой день похода нашего въ Бони, похода столь льстившаго нашему самолюбію, я, правду сказать, доказалъ храбрость другаго рода, а именно признался г. Тильману въ нашей трусости и неловкости.

— Вы неправы, отвѣчалъ онъ; вы оказали большую храбрость, рѣшившись на проходъ чрезъ это болото, гдѣ часто рѣзвятся и потѣшаются крокодилы; а что́ касается до вашей неловкости, то я не повѣрю, чтобы всѣ ваши пули пролетѣли мимо чудовища. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ-сомнѣнія, попали почешуѣ, и скользнули по ней, какъ по желѣзному столу. Если-бы Малайцы имѣли одни только ружья для борьбы съ крокодилами, то до-сихъ-поръ считали-бы ихъ за всемогущихъ боговъ этихъ странъ, или за вѣрныхъ охранителей душъ ихъ первыхъ *Раій* *); но суевѣріе, заставлявшее ихъ нѣкогда боготворить сихъ опасныхъ гостей, потеряло свою силу, и дѣйствуетъ только на нѣкоторыя части береговъ, обитаемыхъ народами звѣрскими, гонителями всякаго просвѣщенія. Въ Купангѣ-же, если крокодилъ приплываетъ вверхъ по рѣкѣ, искать себѣ пищи въ окрестностяхъ человѣческихъ жилищъ, то почти всегда завязывается бой между имъ и Малайцемъ, и рѣдко случается, чтобы страшный врагъ возвращался въ свою любимую обитель. Часто даже, когда судно, бросающее якорь на нашемъ рейдѣ, желаетъ взять съ собою остовъ одного изъ сихъ чудовищныхъ животныхъ, я наряжаю экспедицію въ Бони, которая никогда не возвращается иначе въ Купангъ, какъ съ трупомъ непріятеля.

---

*) Rajas, такъ называютъ туземныхъ владѣльцевъ Индіи.

Пр. Перев.

— Еслибъ я смѣлъ, сказалъ я г. Тильману: то просилъ-бы васъ снабдить меня нѣкоторыми свѣдѣніями на счотъ образа битвы съ крокодилами; это, должно-быть, прелюбопытное и въ тоже время престрашное зрѣлище.

— О! только-то! отвѣчалъ онъ: мы будемъ пить чай, я сообщу вамъ кое-что объ этихъ подробностяхъ, въ присутствіи моей жены, которая заставляетъ меня разсказывать о томъ два раза въ недѣлю, для того, говоритъ она, чтобы собраться съ духомъ и побывать, предъ отъѣздомъ своимъ въ колонію, хоть на одной изъ этихъ битвъ, гдѣ жизнь столькихъ людей и такъ дешево ставится на карту. Вы должны были уже это замѣтить, продолжалъ г. Тильманъ, что лишь только какая-нибудь суевѣрная мысль овладѣетъ народомъ, остается всегда впечатлѣніе, нѣчто въ родѣ дрожжей, даже и тогда, когда умъ выказалъ свою смѣшную сторону. Малайцы долго боготворили крокодиловъ, и еще досихъ-поръ нѣкоторое чувство религіознаго страха закрадывается въ ихъ души, передъ походомъ противъ сихъ страшныхъ земноводныхъ. Но въ присутствіи непріятеля, когда ихъ личная выгода того требуетъ, они дерутся съ нимъ, и дѣлаются опять, чѣмъ они всегда были, то есть, сильными, смѣлыми, ловкими, непобѣдимыми.

Они избираютъ для битвы мѣсто сухое, ровное и открытое, гдѣ однакожъ бываютъ разставлены ими; потомъ прячутся въ отдаленіи отъ берега, не произнося ни малѣйшаго звука. Лишь только крокодилъ выходитъ изъ моря, Малайцы удаляются по-тихоньку, на четверенькахъ, чтобы въ-послѣдствіи приблизиться къ нему и напасть на него съ-боку, съ помощію кинжаловъ и ядовитыхъ копій. Одинъ только изъ-нихъ остается въ центрѣ поля битвы, и испускаетъ голосомъ, по возможности нѣжнымъ, стонъ, подобный плачущему ребенку. Сначала крокодилъ слушаетъ внимательно, и потомъ направляетъ путь на легкую для него добычу. Малаецъ, почти сокрытый отъ его взоровъ, пнемъ, за который онъ спрятался, ползетъ на брюхѣ назадъ до другаго пня, между-тѣмъ-какъ его товарищи сближаются и составляютъ кругъ. Жалобный стонъ начинается снова, и крокодилъ отдаляется все болѣе и болѣе отъ берега. Добравшись до послѣдняго пня, Малаецъ шевелитъ ногами по кучѣ сухихъ листьевъ, шумъ которыхъ мѣшаетъ крокодилу слышать шумъ шаговъ тѣхъ, которые уже подходятъ къ нему сзади, и въ ту минуту, какъ лютой звѣрь готовъ броситься на свою жертву, одинъ изъ его враговъ кидается на него почти верхомъ. Чудовище отворяетъ пасть; въ нее вонзается огромная желѣзная полоса, подобная удиламъ, и покуда всадникъ и его конь горячо сражаются, подоспѣваютъ другіе Малайцы, колютъ крокодила своимъ ядовитымъ оружіемъ и не даютъ ему времени добраться до берега.

Я безъ особой вѣры слушалъ разсказъ г. Тильмана; наконецъ спросилъ у него, съ видомъ сомнѣнія, котораго не могъ скрыть:

— Вы сами присутствовали на этихъ битвахъ?

— Да, я былъ тамъ уже три раза.

— И вы хорошо видѣли все то, что мы разсказывали?

— Если вы не уѣдете отсюда прежде, нежели наши лучшіе солдаты возвратятся изъ внутренности острова, то можете доставить себѣ удовольствіе подобное тому, котораго вы такъ желаете.

— Дай Богъ, чтобы это случилось скорѣе.

Война внутри острова продолжалась, и я предлагаю поручительствомъ за разсказъ г. Тильмана только его добродушіе и искренность въ другихъ показа-

ній, за которыя мы обязаны его расположенію.

Вообще видъ Малайца васъ поражаетъ, внушаетъ почтеніе; его мрачная и лютая физіономія высказываетъ вамъ, прежде, нежели вы узнаете его нравъ, все, что есть жестокаго въ его душѣ, чуждающейся всякаго великодушнаго чувства.

Тиморскій Малаецъ цвѣта желтаго, малъ ростомъ, жилистъ и крѣпокъ; волоса его превосходны и онъ раскидываетъ ихъ по плечамъ съ живописною прелестью. Глаза его, нѣсколько вздернутые по-китайски, выражаютъ нѣчто сатанинское даже и тогда, когда ихъ ничто не занимаетъ; его лобъ широкъ, брови густы, носъ нѣсколько тупой; у нѣкоторыхъ онъ орлиный, а у другихъ даже à la-Bourbon (фамиліи Бурбоновъ). Ротъ у него большой, губы нетолстыя, но отвратительная его привычка набивать между верхней губой и деснами огромный катышъ табаку съ приправою бетеля и арековаго зерна и съ примѣсью извести, уродуютъ его отвратительнѣйшимъ образомъ. Въ-самомъ дѣлѣ этотъ катышъ жжетъ ему ротъ, заставляетъ его безпрестанно плевать, и слюна эта есть не что иное, какъ пѣна, красная, какъ кровь. Тяжело это видѣть; невольно васъ позываетъ на тошноту.

Одежда его удивительна; иногда онъ носитъ на головѣ шляпу, то длинную, то остроконечную, то четыреугольную, то треугольную, но всегда странной формы, художнически убранную гибкимъ листомъ вакои или другаго дерева изъ рода пальмъ. На шеѣ ожерелье изъ листьевъ, плодовъ или камней, на рукахъ браслеты. На плеча наброшена епанча, и всегда перекинута такъ, что лучшій живописецъ пожелаетъ изучить ея складки; другое одѣяніе изъ матеріи, вытканной, какъ и первая, въ ихъ странѣ, стянуто на бедрахъ, и небрежно ниспадаетъ по ногѣ ниже колѣна. Прибавьте къ сему воинственный видъ, позы всегда важныя и грозныя, огромное ружье за плечами, странный и страшный кинжалъ, на треугольной рукоятки коего развѣваются пучки гривъ и волосъ зарѣзанныхъ жертвъ, и вы повѣрите всему, что вамъ скажутъ сверхъестественнаго о сихъ желѣзныхъ людяхъ, полуобразованныхъ, полудикихъ, и коихъ главнѣйшая страсть есть мщеніе.

Вчера одинъ ребенокъ, лѣтъ четырнадцати, невольникъ второстепеннаго начальника, былъ замѣченъ на берегу, когда онъ выжидалъ удобной минуты, вѣроятно, для какого-нибудь воровства. Одинъ Малаецъ, увидѣвъ его, бѣжитъ къ нему, догоняетъ; началась борьба, и когда невольникъ, высвободившись, хотѣлъ-было убѣжать, Малаецъ выхватилъ свой кинжалъ, нанесъ ему рану, и оставилъ въ ней оружіе; дитя, не произнеся ни малѣйшаго стона, вырвалъ его изъ раны и вонзилъ до рукоятки въ грудь непріятеля, который упалъ и умеръ. Не помышляя о побѣгѣ, убійца спокойнымъ взоромъ посмотрѣлъ на послѣднія издыханія своей жертвы и позволилъ потомъ вести себя къ г. Тильману, которому онъ весьма хладнокровно разсказалъ подробности этого кроваваго происшествія.

— Что будетъ съ этимъ мальчикомъ? спросилъ я между тѣмъ у губернатора.

— Если онъ не умретъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: то я отошлю его въ Яву, гдѣ его повѣсятъ; мы не смѣемъ здѣсь исполнять ни одного смертнаго приговора.

Городъ раздѣленъ на двѣ почти равныя части, нѣкотораго рода улицей, довольно-широкой и усаженной вакоями и тамариндами. Здѣсь живутъ Малайцы, въ хижинахъ, покрытыхъ кокосовыми листьями, и коихъ очень-узкія стѣны сдѣланы на пальмовыхъ брусьяхъ, тѣсно между собою связанныхъ. Въ этихъ домахъ нѣтъ почти никакой

мебели; Малайцы спятъ только на рогожахъ.

Китайскій кварталъ самый роскошный; одинъ изъ нашихъ второстепенныхъ магазиновъ симилора, имѣетъ болѣе цѣны, нежели всѣ изысканныя богатства, нагруженныя въ конторахъ. Вы не можете себѣ представить плутовства этихъ подлыхъ привиллегированныхъ мѣнялъ, довольно-ловко хозяйничающихъ тамъ, гдѣ есть глупцы, позволяющіе себя грабить. Они трусы и плуты, а потому и выдерживаютъ наказанія, на нихъ возлагаемыя, съ нѣкотораго рода покорностію, дѣлающею честь ихъ кроткому праву; но не вдавайтесь въ обманъ, глядя на ихъ притворное униженіе; вымоляя прощеніе у васъ на колѣнахъ, они вымышляютъ новую хитрость, помощію которой они поймаютъ на удочку довѣрчивость вашу. Ловкость ихъ въ воровствѣ непостижима, и наши первостатейные шулера передъ ними школьники. Васъ окружатъ пять или шесть Китайцевъ; они выставятъ вамъ какую-нибудь бездѣлушку, принимаются переворачивать ее съ такимъ терпѣніемъ и осторожностію, что вы, въ свою очередь, предложите имъ вещи, которыя хотите промѣнять, и между-тѣмъ-какъ тотъ, кому вы предложили, начнетъ разсматривать ихъ со вниманіемъ, другой, ударивъ васъ по плечу, предложитъ вамъ новый торгъ. Если вы отвернетесь хоть на минуту, товаръ вашъ пропалъ. Перстень, булавка, запонка, наперстокъ, что-бы ни было, не успѣетъ упасть, какъ уже его хватаетъ своими пальцами нога вашего сосѣда; вы не замѣчаете, какъ вещь передается въ ноги стоящаго далѣе, и наконецъ исчезаетъ, спрятанная подъ камнемъ или подъ густымъ дерновымъ слоемъ. Послѣ того, бейте, какъ можно крѣпче, по щекѣ или по плечу Китайца, — ему это ни почемъ! — онъ ни сколько не сердится за подобныя вольности. Что касается до меня, ими такъ низко и часто обманутаго, потому, безъсомнѣнія, что я оказывалъ имъ неограниченную довѣренность, то могу васъ увѣрить, что я въ долгу у нихъ не остался, и часто давалъ имъ чувствовать тяжеловѣсность европейской руки, вынужденной дать кому-нибудь урокъ.

До пріѣзда нашего въ Купангъ, ихъ жоны часто ходили купаться къ городскому верховью, на гладкія скалы, составляющія русло рѣки; но наше постоянно-частое пребываніе тамъ растревожило глупую ревность этихъ желтыхъ бавіановъ, и мы нашлись скоро въ необходимости прибѣгать къ военнымъ хитростямъ, чтобъ срисовать, на свободѣ, черты и одежды большой части изъ нихъ. Впрочемъ, онѣ съ необыкновенною благосклонностію позволяли намъ это, и я теперь въ состояніи описать вамъ физическія качества, отличающія ихъ отъ женщинъ прочихъ націй.

Они вообще ростомъ выше мужчинъ, но весьма-легки, гибки, развязны, хотя имъ много мѣшаютъ длинныя и влекущіяся по землѣ ихъ туники. Руки у нихъ тоненькія и нѣжныя, ноги почти не замѣтныя, благодаря ненавистному обычаю ихъ, еще съ дѣтства сгибать пальцы при помощи грубыхъ тесемокъ и небольшихъ деревянныхъ или металлическихъ станковъ. Онѣ показались мнѣ менѣе желтыми, нежели мужчины. У нихъ волоса удивительные и пришпилены на макушкѣ весьма-длиннымъ и престранной формы гребнемъ изъ слоновой кости или сандальнаго дерева, а еще чаще продѣты въ золотое или серебреное кольцо, по малайской модѣ.

Китаянки вообще молчаливы, наблюдательны, боязливы и недовѣрчивы, или, лучше сказать, онѣ смотрятъ на васъ однимъ уголкомъ глаза, улыбаются кончикомъ устъ. Безпрестанно запертыя во внутреннихъ сво-

ихъ покояхъ, онѣ, почти съ весьма лестной для иностранцовъ поспѣшностію, пользуются отсутствіемъ своихъ ревнивыхъ стражей, для удовлетворенія терзающаго ихъ любопытства, и я частенько видался въ Купангѣ съ молодой и прелестной женой одного серебрника, за частыми набѣгами которой не могъ-бы даже усмотрѣть зоркій глазъ полудюжины андалузскихъ дуэннъ. Но я спѣшу прибавить, что онѣ весьма-благоразумны, и что ужасная казнь, грозящая гибелью прелюбодѣйной женѣ, не значитъ ровно ничего въ ихъ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей и чистотѣ нравовъ. Прошу васъ покорнѣйше принять мои разсужденія за весьма-истинныя и нешуточныя.

Подобно всѣмъ странамъ, гдѣ заводятся богатые нищіе, купангскіе Китайцы предписали законы своимъ владыкамъ, и избрали себѣ главу изъ своего народа, для наблюденія о исполненія сихъ законовъ.

Тиморская торговля ограничивается сандаломъ и воскомъ. Достаточно двухъ небольшихъ судовъ, тонновъ въ триста, для перевоза этихъ двухъ произведеній; но меня увѣряютъ, что съ нѣкотораго времени шкипера предпочитаютъ ходить за ними до Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ это дерево превосходнѣйшей доброты и продается гораздо-дешевле.

Дикія животныя на островѣ суть: олени, буйволы, кабаны и обезьяны; домашнія — лошади, козы, собаки, свиньи а болѣе всего пѣтухи и курицы. За нѣсколько булавокъ можно купить славныхъ птицъ; буйволъ стóитъ четыре піастра; за дрянной ножъ достанете поросенка. Вообще рѣдко случается, чтобы мѣна не состоялась, если вы предлагаете любопытную вещь, вывезенную изъ Европы. Во всѣхъ селеніяхъ вы можете достать себѣ кокосовъ, мангасовъ, красныхъ померанцевъ и вообще множество другихъ превосходныхъ плодовъ, если предложите нѣсколько гвоздей, пуговицъ и булавку. Эти бездѣлицы настоящая монета для путешественниковъ.

Въ Тиморѣ триста Китайцевъ, и изъ того числа одинъ только человѣкъ честный, и то еще нѣкоторые утверждаютъ, что этотъ отзывъ — преувеличеніе какого-то путешественника. Они сохранили и здѣсь свою національную одежду, и живутъ съ такимъ-же воздержаніемъ, какъ въ Макао или въ Кантонѣ, то есть, чашка чаю, горсть пшена и нѣсколько крошечныхъ трубокъ весьма-слабаго табаку достаточны для ихъ ежедневнаго продовольствія. Съ помощію двухъ палочекъ изъ слоновой кости, которыми они владѣютъ съ неимовѣрною скоростію, они ловятъ и хватаютъ съ тарелки самые мелкіе кусочки. Ихъ можно почесть за фокусниковъ, сидящихъ за своимъ фиглярскимъ столомъ.

Ни одинъ народъ на землѣ не имѣетъ въ физіономіи своей характера болѣе особеннаго и въ тоже время болѣе однообразнаго и другъ съ другомъ сходнаго. Никто не походитъ болѣе на кантонскаго Китайца, какъ Китаецъ пекинской; ни что̀ не походитъ болѣе на купангскаго Китайца, какъ Китаецъ на ширмахъ. Если вамъ случалось видѣть настоящія ширмы изъ Нанкина, то вы уже знаете Китай, или почти его знаете.

Лицо у нихъ кроткое, круглое, глаза маленькіе, идущіе къ низу у слезныхъ точекъ; плоскій носъ, толстыя губы, ротъ весьма-малый; они брѣютъ головы, оставляя на темени клокъ волосъ, ниспадающій въ видѣ хвоста до спины; ногти ихъ бываютъ часто длиною въ дюймъ, и у нихъ считается не послѣднимъ щегольствомъ и роскошью держать ихъ чистыми и красиво-опиленными. Они весьма-нѣжнаго сложенія и

почти никогда не ходятъ. Европеецъ посредственной силы не долженъ бояться помѣряться съ пятью или шестью ихъ, могущественнѣйшими атлетами. Ихъ физіономія соотвѣтствуетъ характеру, который подлъ въ полномъ смыслѣ слова.

Они обѣдаютъ по два раза въ день, но никогда съ женами. По врожденной трусости и по разсчотливости, они заранѣе объявили себя неутральными во всѣхъ войнахъ, которыя могутъ быть предприняты Малайцами.

Пошлины, платимыя ими за вывозъ нѣкоторыхъ колоніальныхъ товаровъ, гораздо-ниже пошлинъ Англичанъ и Португальцевъ. Не стыдъ-ли это для столь-сильныхъ и свободныхъ правительствъ?

Разсказать-ли мнѣ вамъ глупое происшествіе или анекдотъ, переданный мнѣ ученѣйшимъ Китайцемъ Купанга, при встрѣчѣ моей съ нимъ однажды ночью, когда онъ, полный благоговѣнія, выходилъ изъ своего капища? На алтарѣ этой кумирни виднѣется фигура молодой дѣвушки, богато-убранной въ одежды, унизанныя драконами и крылатыми рыбами. Она, безъ-сомнѣнія, должна быть тамошнимъ божествомъ, потому-что *впрующіе*, (не смѣю сказать *правовѣрные*) устанавливали, вокругъ нея и по ступенямъ, множество блюдъ и фарфоровыхъ тарелокъ, на которыхъ валялись мертвые и пронзенные зажигательными спичками, съ значками на оконечностяхъ ихъ, голуби, куры, пѣтухи, поросята, усердныя жертвоприношенія той, которой была посвящена эта кумирня.

— Вы развѣ не обожаете огня? спросилъ я у моего Китайца.

— Мы обожаемъ огонь, отвѣчалъ онъ; но въ тоже время почитаемъ и этотъ священный образъ.

— Какой-же это образъ, къ подножію котораго вы созываете вашихъ соотечественниковъ, посредствомъ этой великолѣпной литавры, повѣшенной у преддверія храма?

— Это образъ нашей покровительницы.

— Не можете-ли вы разсказать мнѣ ея исторію?

— Она не долга; послушайте:

— Былъ нѣкогда старый отецъ семейства съ одною дочерью и двумя сыновьями. Онъ часто хаживалъ на охоту и рыбную ловлю, для пропитанія ихъ. Однажды барка, въ которой онъ плылъ съ сыновьями, была нагружена множествомъ рыбъ; поднялась ужасная буря и судно опрокинулось. Всѣ трое погибли, а молодая дѣвушка, приготовлявшая обѣдъ за отсутствіемъ матери, при этой вѣсти упала безъ-чуствъ на полъ, и очнулась только подъ ударами своей разгнѣванной матери.

— За чѣмъ ты спала, сказала она ей: за чѣмъ ты не занималась хозяйствомъ?

— Я не спала, возразила дѣвушка, и въ туже минуту встала, держа въ рукахъ своихъ братьевъ, а отца въ зубахъ.

Я передалъ вамъ слово-въ-слово, но крѣпко сомнѣваюсь въ правотѣ безобразнаго, уродливаго теолога, хотя картинка на алтарѣ, украшенная всѣми своими принадлежностями, нѣсколько подтверждаетъ его глупый и странный разсказъ.

Стоя внѣ храма, спрятавшись въ тѣни за угломъ, я могъ быть свидѣтелемъ ихъ богослужебной церемоніи только въ полночь. Луна была въ полномъ блескѣ, или лучше сказать, было полнолуніе, ибо только въ это время Китайцы совершаютъ свое торжественное моленіе.

Въ одиннадцать часовъ загремѣла литавра, подъ ударами ребенка; въ половинѣ двѣнадцатаго кумирня уже наполнилась народомъ, и каждый изъ новоприходившихъ становился вдоль стѣнъ, сжавъ кулаки на равнѣ съ головою и вытянувъ только указательный палецъ. Одинъ изъ нихъ, старичокъ

съ небольшой бородкой, послѣ минутнаго отдыха, усѣлся на скамейку у подножія *рыбной дѣвушки*, и заревѣлъ громкимъ голосомъ, мотая безпрестанно своей головой, то на право, то на лѣво, какъ будто-бы его трясла жестокая лихорадка. Проповѣдь продолжалась около двадцати минутъ, въ теченіе коихъ ни одинъ изъ молельщиковъ не пошевельнулся; наконецъ раздалось монотонное славословіе: головы зашевелились, языки стали произносить отрывчатые, однонотные звуки; люди затопали ногами безъ всякаго размѣра, начали вертѣться на каблукахъ, и все это безъ смѣха, хотя и безъ чувства, точно какъ будто-бы повторяли заданный урокъ; въ половинѣ перваго часа все было пропѣто и кончено. Нѣтъ сомнѣнія, что мнѣ нравится болѣе цега на Иль-де-Франсѣ. Сильный ударъ въ литавру наложилъ молчаніе на все общество, и Тіенъ, — творецъ всего, пріялъ выраженіе благоговѣнія и почтенія, которое ему возсылаетъ по-своему каждый народъ въ неограниченной любви своей.

Я держался всегда правила — не осуждать ни одной религіи на земномъ шарѣ, и уважать ихъ, хотя-бы онѣ проявляли въ себѣ что-либо шуточное и смѣшное!

Я нашолъ еще Китайцевъ въ Дели; къ нимъ весьма пристало выраженіе Генриха IV о Гасконцахъ: «Посѣйте ихъ даже на вашихъ безплодныхъ почвахъ, они и тамъ примутся.» Генрихъ IV сказалъ эпиграмму; но эти слова былибы совершенной истиной для Китайцевъ, которые селятся вездѣ и начинаютъ хозяйничать, какъ обзаведутся. И на берегахъ, и въ нѣдрахъ ихъ негостепріимной матери-отчизны, наши суда и путешественники встрѣчали всегда предѣлы, за которые не смѣли переступать; нашъ флагъ въ пренебреженіи, наши матросы часто погибаютъ на берегу подъ ихъ убійственнымъ ножомъ, наши богобоязненые миссіонеры претерпѣваютъ пытки и мученія, а между-тѣмъ Китай не менѣе того обширнѣйшая имперія въ цѣломъ свѣтѣ, и болѣе другихъ уважаемая сосѣдними народами.

XVI.

ТИМОРЪ.

Китайцы. — Райи. — Императоръ Петръ. — Нравы.

Я полагалъ, что уже разстался съ этимъ уродливымъ народомъ, столь широко разсѣяннымъ повсюду и въ тоже время столь осѣдлымъ, столь философскимъ и столь набожно приверженнымъ къ суевѣрнымъ и нравственнымъ пустякамъ, столь презирающимъ всѣ прочія націи и столь покладливымъ, когда придется ползать въ ногахъ предъ тѣмъ, кто захочетъ покорить ихъ; но мнѣ опять придется говорить вамъ о этомъ народѣ, чтобы не заслужить упрека въ пристрастіи, въ которомъ такъ часто и такъ справедливо укоряютъ путешественниковъ.

Если въ ветхихъ жилищахъ Китай-

цевъ,—гдѣ все такъ чисто, оригинально, хорошо устроено, — ничто не изобличаетъ роскоши, потому-что перегородки, отдѣляющія комнату отъ комнаты, сдѣланы изъ бамбуковыхъ вѣтвей, крѣпко между собою переплетенныхъ, за то увидите великую разницу въ ихъ великолѣпныхъ посмертныхъ обителяхъ. Здѣсь уже все важно, торжественно; нигдѣ не замѣтите вы ни скупости, ни скряжничества: можно, право, почесть это блестящимъ возмездіемъ за бѣдствія и лишенія, претерпѣнныя ими въ жизни. Они хотѣли, чтобы трупъ былъ на свободѣ въ своемъ вѣчномъ ложѣ, а мѣстныя украшенія тотчасъ убѣдятъ васъ, что горесть ихъ длилась долго, и докажутъ вамъ, что̀ въ состояніи сдѣлать почтеніе сына къ отцу, или нѣжность отца къ сыну.

Подробное описаніе китайской гробницы невозможно; одна живопись можетъ только передать красоту ея и величіе. Сперва вы увидите стоймя надгробный камень, вышиною въ три, иногда и въ четыре, а толщиною въ одинъ футъ; камень сей, съ искусствомъ изсѣченный въ видѣ полукруга, укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ тщательно выступами, посреди коихъ вбитъ мраморный или гранитный щитъ, рельефный или высѣченный, на которомъ начертаны имя и, вѣроятно, душевныя качества того, кому посвященъ мавзолей. Эти буквы чорныя, красныя и весьма часто золотыя. Съ каждой стороны этого надгробнаго камня, у подножія коего возвышаются двѣ мраморныя или гипсовыя ступени, простираются, на разстояніи десяти шаговъ одинъ отъ другаго, родъ подъѣздовъ или входовъ, вышиною, по-крайней-мѣрѣ, въ четыре фута; они спущены симметрически ступенями и соединяются, посредствомъ арки, шагахъ въ тридцати отъ главнаго камня, на-равнѣ съ горизонтомъ земли. Внутренность этого обширнаго свода чудесно вымощена гладкими плитами или мозаикой, и въ этомъ уединенномъ затворѣ Китайцы, стоя на колѣняхъ, ежедневно воздаютъ почтеніе усопшему.

Позади надгробнаго камня, нѣкоторое пространство обгорожено гипсовою или кирпичною стѣною, на небольшихъ сводахъ; здѣсь-то покоится прахъ, около коего красуются цвѣты и благовонныя растенія. Тамъ и сямъ, на сучьяхъ тщательно-очищенныхъ деревьевъ, висятъ одѣянія, фарфоры и корзины изъ пальмовыхъ листьевъ, заключающія въ себѣ дары, поднесенные душѣ усопшаго. Спѣшу прибавить, что эти дары часто возобновляются, вѣроятно, въ пользу какого-нибудь искуснаго осквернителя сихъ мѣстъ покоя, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ.

Не ищутъ-ли Китайцы, посредствомъ такого почтенія къ останкамъ усопшаго, заслужить нѣкотораго рода прощеніе за всѣ преступленія ихъ плутовской и бездѣльнической жизни?

Не всѣ Китайскія гробницы одинаково величественны, важны и богатоотдѣланы; но всѣ, даже и самыя бѣдныя, замѣчательны тѣмъ, что убраны ежедневно великодушными пожертвованіями, и что всѣ трещины и порчи, сдѣланныя временемъ, тотчасъ-же поправляются съ богобоязливымъ тщаніемъ, такъ-что, надо сказать правду, этотъ народъ, столь странный по-вкусу и нравамъ, тѣмъ болѣе заботится о своихъ друзьяхъ и родныхъ, чѣмъ долѣе прошло времени со дня ихъ потери.

Китайцы чаще всего ходятъ молиться на кладбище при солнечномъ восходѣ, то-есть въ лучшіе часы дня. Ужъ не подавляетъ-ли полуденный жаръ въ нихъ душевной набожности? Или не хотятъ-ли они въ одно и тоже время, изъ своего почитанія и обожанія, сдѣлать для себя и отдохновеніе и совѣстливое дѣло? Я, право, этого не знаю, но мнѣ, какъ безпристрастному

разскащику, стоитъ дорого судить благосклонно о тѣхъ, коихъ уединенную частную жизнь я изучилъ такъ внимательно, и не питать нѣкотораго рода злобы за ту мнимую набожность, о которой я вамъ сей-часъ говорилъ, и которая кажется мнѣ настоящимъ противурѣчіемъ. О желтые и вѣрные подданные Тао-ку-анга! Я не знаю, въ-правѣ-ли буду похвалить въ васъ хоть это единственное чувство благородства и великодушія? Вы такіе постоянные и жадные плуты съ живыми, что едва-ли и мертвые въ состояніи измѣнить ваши души!

Но пора кончить. Однажды послѣдовалъ я за двумя Китайцами на кладбище; дорогой они разговаривали съ чрезвычайнымъ жаромъ, и противъ обыкновенія, ихъ жесты были скоры и часты. Прибывъ на поле смерти, они замолчали, убавили ходу, и наконецъ остановились спина къ спинѣ, какъ-бы для отдохновенія; потомъ, ставъ рядомъ, стали подвигаться важнымъ шагомъ къ одной гробницѣ средней величины, и подошедъ къ ней, преклонили колѣна для молитвы. Съ четверть часа оставались они въ этомъ смиренномъ положеніи, и потомъ, снова взглянувши другъ на друга, они встали и пошли одинъ за другимъ приложиться устами къ надгробному камню. Послѣ того, они въ третій разъ переглянулись, ударили ногой въ тактъ, оба разомъ, судорожно потрясли лысыми головами на-право и на-лѣво, потомъ вверхъ и внизъ, и воротились по-дорогѣ въ городъ. Я поклонился имъ при встрѣчѣ, они отдали мнѣ холодно мой привѣтъ, и, казалось, боялись, чтобы я не былъ свидѣтелемъ ихъ ежедневной молитвы.

Это китайское кладбище, весьма-любопытное и чисто содержимое, расположено на холмѣ, къ югу отъ Купанга, и, по-правдѣ сказать, гробницы эти составляютъ единственныя зданія изъ всего острова, достойныя примѣчанія.

Малайцы не имѣютъ кладбищъ; трупы относятся иногда на поле, засѣянное табакомъ, иногда на вершину какого-нибудь холмика, а чаще всего на края дороги. Мѣсто погребенія замѣчается множествомъ камешковъ, которые вскорѣ разбрасываются ногами прохожихъ.

Они употребляютъ съ мертвыми возло ту любовь и нѣжность, которую питаютъ къ живымъ, и я, право, не думаю, чтобы хотя у одного изъ сихъ людей, которые меня окружаютъ ежедневно, и безпрестанно толкаются около меня, когда-либо забилось сердце въ знакъ дружбы или признательности.

Голландцы предписали законы Купангу, но Малайцы чувствуютъ себя достаточно-сильными, чтобы имъ не повиноваться.

Кто обезчеститъ Голландку, наказывается смертію, и тотчасъ-же виновный посылается въ Яву, гдѣ правосудіе въ минуту исполняетъ приговоръ. Кто изнасильствуетъ невольницу, наказывается бичомъ; обыкновенно пятдесятъ ударовъ бываютъ достаточны для мщенія людей, принимающихъ участіе въ ней и жаждущихъ наказанія; но если виновный богатъ, то рѣдко случается, чтобы онъ не избѣгнулъ побоевъ съ помощію нѣсколькихъ дюжинъ піастровъ или нѣсколькихъ кусковъ матерій, и тогда, надобно это замѣтить, жертва почти всегда ходатайствуетъ въ пользу своего тирана. Въ такомъ случаѣ онъ избавляется наказанія и часто новая жена является на прибавку въ гаремъ похитителя.

Когда господинъ несправедливо накажетъ невольника, и если сей послѣдній, принеся жалобу, докажетъ судьямъ правоту свою, то его тотчасъ-же берутъ въ пользу правительства. Вы изъ этого легко поймете, имѣютъ-ли Голландцы недостатокъ въ служителяхъ.

Вольный Малаецъ, коего дурное по-

веденіе доказано передъ райемъ, продается въ пользу своего владыки, а какъ райи — данники резидента или губернатора, то и обязаны внести ему четвертую или пятую долю суммы, вырученной при продажѣ.

Религія Малайцевъ языческая, но они питаютъ къ райямъ почтеніе, восходящее до обожанія, а нѣкоторые даже считаютъ ихъ сынами боговъ.

Пища Малайцевъ состоитъ изъ риса, соленой рыбы, буйволовъ, куръ и плодовъ; у нихъ нѣтъ положенныхъ часовъ для обѣдовъ, и жены никогда не ѣдятъ вмѣстѣ съ мужьями, потому-что онѣ считаются совершенными невольницами.

Одежда женщинъ состоитъ изъ двухъ прекрасныхъ кусковъ матеріи, изъ коихъ одна называется *кахенъ-слимуу*, а другая *кахенъ-сахори* или *кабайя*. Первая прикрѣплена поясомъ къ таліи, и ниспадаетъ граціозно до колѣнъ; вторая съ небрежностію наброшена на плеча, и равномѣрно пристегнута снуркомъ или бантомъ. Но въ одеждѣ малайскихъ женщинъ есть нѣчто особенное: онѣ подвязываютъ *кабайю*, не подъ грудью, и не сверхъ оной, а посрединѣ, отчего у нихъ раздѣляется шея безобразно на двѣ части или пополамъ вдоль. Растолкуйте, пожалуйста, эти странные капризы моды: мучить себя для-того, чтобы казаться хуже и безобразнѣе!

Малайскія женщины росту большаго и удивительно сложены; въ ихъ поступи есть что-то благородное, возвышенное и независимое, что̀ имъ очень пристало, и вы читаете въ ихъ взорахъ врожденную гордость, мгновенно васъ поражающую. Волоса ихъ необычайной прелести, и тщательную уборку ихъ нельзя сравнить ни съ чѣмъ. Утромъ, не взирая на то̀, присутствуете-ли вы при ихъ туалетѣ или нѣтъ, онѣ бросаются въ воду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города, посыпаютъ голову мелкой золой, смываютъ ее вполовину теченіемъ воды, потомъ, посредствомъ разрѣзаннаго лимона, употребляя его вмѣсто помады или эссенціи, даютъ чудный лоскъ волосамъ, и потомъ уже, съ помощію деревяннаго гребня, въ три или четыре зубца, оригинальной согнутой формы, довершаютъ то̀, что̀ вода, пепелъ и лимонъ начали. Ни одна древняя римская или аѳинская статуя не причесана съ бо́льшею прелестью, нежели самая неискуснѣйшая изъ женщинъ Тимора. Давидъ и Прадье умерли-бы отъ зависти, глядя на нихъ.

Итакъ, знайте-же, предъ вами эти молодыя дѣвушки съ такой поступью и позами, столь жаждущія привлечь ваше вниманіе; разберите и разсмотрите ихъ подробнѣе. Отвратительная привычка, принятая мужчинами, набивать себѣ подъ верхнюю губу комъ табаку съ примѣсью извести, еще въ бо́льшемъ употребленіи у женщинъ, такъ-что въ шестнадцать или восьмнадцать лѣтъ у нихъ нѣтъ зубовъ, или если еще есть, то черные, какъ уголь. Онѣ почитаютъ себя красивѣе такъ, пожалуй; но въ Европѣ у насъ вкусъ другой: слоновая кость предпочитается черному дереву. Бѣда эта еще тѣмъ ощутительнѣе, что у тѣхъ, которыя не употребляютъ ни бетеля, ни табаку, зубы удивительной бѣлизны. Итакъ, безъ желчи, сдѣлаемъ здѣсь то заключеніе, что кокетство владычествуетъ на этомъ полушаріи также сильно, какъ и на нашемъ; что тиморскія дамы, подобно нашимъ, жертвуютъ всѣмъ модѣ, и что путешественники почти не лгутъ, увѣряя, что на этомъ архипелагѣ чернота зубовъ относится къ числу прелестей, посредствомъ коихъ прекрасный полъ думаетъ утвердить свое могущество. Я-же совѣтую тиморскимъ женщинамъ употребить болѣе вѣрные талисманы: дикимъ Малайцамъ потребны другія,

болѣе соблазнительныя вещи. Однакожъ замѣтимъ, что когда опустошенія отъ негашоной извести сдѣлаются уже слишкомъ-явными, то есть, когда уже десны совершенно опустѣютъ, тогда отсутствующій рядъ зубовъ замѣняется золотымъ рядомъ, который тамошніе Дезирабоды вставляютъ въ ротъ съ удивительнымъ искусствомъ. Для чего-бы, кажется, исправлять поврежденія, умышленно сдѣланныя?

Обыкновеннѣйшія болѣзни тамъ суть: чесотка, проказа и вообще всѣ болѣзни накожныя. Тридцать лѣтъ тому назадъ, оспа поглотила множество людей въ колоніи, но ничто не могло убѣдить Малайцевъ въ благодѣтельномъ прививаніи. Европейцы, мало привычные къ тропическимъ жарамъ, падаютъ часто въ этой странѣ жертвами кроваваго поноса, иногда обращающагося въ повальную болѣзь; но надо замѣтить, что Малаецъ никогда не подверженъ этому. Говорятъ, что гранатовая кожа, настоянная въ рѣчной водѣ, служитъ вѣрнымъ лекарствомъ отъ сего ужаснаго бича.

Въ 1793 году гибельное землетрясеніе потрясло Тиморъ даже въ его основаніяхъ; лава прорвалась сквозь сотни кратеровъ разомъ, рѣки изсякли, всѣ дома разрушены, всѣ зданія опрокинуты, китайскій храмъ сверженъ на берегъ, и море, такъ сказать, отодвинуто. Даже сосѣдніе острова не пощажены: ужаснѣйшая бѣда грозила цѣлому архипелагу, и испуганные народы думали, что пришолъ послѣдній часъ міра. Съ той поры подводные огни безпрестанно кипятъ, но землетрясенія, хотя и частыя, не причиняли ощутительнаго опустошенія. Кажется, что гнѣвъ стихій перелился въ душу туземцовъ.

Послѣ крокодила, опаснѣйшимъ гадомъ считается небольшая темнаго цвѣта змѣя, которую Малайцы называютъ *киссао*; она обыкновенно длиною въ три фута, а толщиною въ діаметръ дюймъ. Нѣкоторые изъ жителей увѣряли меня, что ея рана или ужаленіе смертельно; г. Тильманъ сказалъ мнѣ противное; но онъ полагаетъ, что отъ него остается на нѣсколько дней нестерпимая боль.

Я говорилъ вамъ о малайскомъ народѣ; властители его имѣютъ право, послѣ него, на мое вниманіе; исполнюже долгъ вѣжливости и къ монархамъ.

Цари этихъ странъ дерзко увѣряютъ, что они потомки боговъ, и управляютъ народами деспотически. Они имѣютъ право жизни и смерти. Въ минуту дурнаго расположенія духа, или, просто, по прихоти, они велятъ отсѣчь голову тому, кто имъ не понравится, а чаще всего отсѣкаютъ ее сами, безъ дальнихъ околичностей, и никто не смѣетъ осуждать ихъ самовольства. Однакожъ эта игрушка можетъ имѣть современемъ важныя послѣдствія, особливо, когда просвѣщенный и просвѣтительный вѣтеръ Европы долетитъ, совершенно очищенный, и до этихъ странъ.

Надобно однакожъ замѣтить, что между этихъ мрачныхъ, жестокихъ, кровожадныхъ царей, иногда находятся и такіе, которые являютъ примѣры безкорыстія и достоинствъ, едва постижимыхъ даже и у насъ. Напримѣръ Бао, король Роттійскій, будучи въ юности жестокаго и вспыльчиваго характера, добровольно отрекся отъ престола, въ пользу своего брата, изъ опасенія, чтобы съ его дурными качествами не надѣлать величайшихъ несправедливостей. Но посмотрите, до чего фанатизмъ и глупость могутъ довести сильнаго человѣка.

Однажды, въ припадкѣ гнѣва, Бао обезглавилъ одного изъ своихъ подданныхъ; разъяренный и отчаянный послѣ совершенной имъ казни, онъ отрубилъ головы двумъ главнѣйшимъ своимъ офицерамъ, «въ отпущеніе, какъ онъ говорилъ, ужаснѣйшаго

злодѣянія, имъ содѣяннаго.» Бао не былъ счастливъ въ выборѣ наслѣдника, заставлявшаго своихъ подданныхъ дрожать подъ его желѣзнымъ скиптромъ; а потому тиморскій губернаторъ возстановилъ Бао, и съ-тѣхъ-поръ этотъ князь умѣлъ воздерживать себя отъ первыхъ впечатлѣній души и дурныхъ влеченій.

Призванный въ Купангъ Голландцами, для поданія имъ помощи въ войнѣ, которую они вели противъ Лудовика, возмутившагося властителя, онъ былъ принужденъ, по болѣзни, поручить начальство надъ войсками своимъ главнымъ офицерамъ, а самъ, въ бездѣйствіи, ожидалъ рѣшенія битвы. Намъ такъ великолѣпно его расхвалили, что мы рѣшились засвидѣтельствовать ему почтеніе, въ полной надеждѣ, что почерпнемъ у него множество драгоцѣнныхъ подробностей о нравахъ и обычаяхъ народовъ, находящихся подъ владычествомъ собратій его, другихъ райевъ, какъ говорится здѣсь, или его двоюродныхъ братьевъ, королей, какъ сказали-бы въ Европѣ.

Посѣщенія царямъ здѣсь дѣлаются безъ церемоніи, безъ представителей, безъ швейцаровъ, безъ слугъ, безъ маршаловъ у дверей; къ нимъ отправляются и приходятъ, какъ къ сосѣду, говорятъ, пожимаютъ руку, садятся рядомъ и прощаются. Я былъ одѣтъ въ холстинномъ камзолѣ и матросской рубашкѣ; король Бао конечно могъ быть одѣтымъ, какъ хотѣлъ, и я, право, не былъ на него въ претензіи за его совершенное неглиже, въ полномъ смыслѣ слова.

Эвале-Тетти, король Даоскій, былъ вмѣстѣ съ королемъ Роттійскимъ. Послѣдній, вмѣсто скиптра, держалъ тростниковую палку съ золотымъ набалдашникомъ. Ему лѣтъ пятьдесятъ; онъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ и, кажется, наслаждается полнымъ здоровьемъ. Его черты выражаютъ доброту; его глаза—кротость; ротъ у него небольшой и улыбающійся. Онъ одѣтъ въ нѣкотораго рода мантію, подобную нашимъ ситцевымъ занавѣсамъ съ большими цвѣтами. Его поясъ изъ кахенъ-слиму, совершенно похожій на пояса его подданныхъ; ноги-же и ступни были голыя.

Король Эвале-Тетти лѣтъ шестидесяти; свиту его составляли нѣсколько воиновъ и одинъ изъ его главныхъ офицеровъ, который, какъ увѣряли насъ, былъ его первымъ министромъ; эти господа походили на двухъ сапажу или бавіяновъ и одѣты были, какъ нищіе.

Малайскіе жрецы въ тоже время и гадатели или предсказатели. Въ каждомъ изъ городовъ Роттн и Тима, ихъ считаютъ по четыре, изъ коихъ начальникомъ старшій по лѣтамъ. Эти жрецы читаютъ будущность во внутренностяхъ жертвъ, и куры чаще всѣхъ животныхъ приносятся въ жертву. Кромѣ того, что они стоятъ дешевле поросятъ, буйволовъ и утокъ, которыхъ также иногда выспрашиваютъ, жрецы болѣе привычны читать въ азбукѣ этого рода, и кажутся болѣе увѣренными и смѣлыми въ томъ, что предрекаютъ. Къ гадателямъ прибѣгаютъ въ самыхъ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ объ объявленіи войны, о назначеніи дня битвы, объ узнаніи успѣха оной; они иногда означаютъ даже число непріятелей, которые будутъ убиты, и число плѣнниковъ, которые будутъ взяты, и, по примѣру прорицателей греческихъ и римскихъ, облекаютъ всегда свои предсказанія въ двусмысленную фразу. Гадатели могутъ жениться, и ихъ званіе наслѣдственное. По этому, при рожденіи у нихъ ребенка, нисколько не будетъ дерзко увѣрять, что это будетъ современемъ плутъ перваго разбора.

Употребленіе сѣдель воспрещается всѣмъ, сопровождающимъ ѣдущаго вер-

хомъ главнаго жреца. Исключая этого случая, нѣтъ никогда запрещенія ѣздить на сѣдлѣ; что-бы ни говорили нѣкоторые путешественники, религія Малайцевъ ничего не предписываютъ по сему предмету. Но Малайцы рѣдко употребляютъ сѣдла, а садятся просто на лошадей, безъ сѣдла и стремянъ, и управляютъ верховою лошадью посредствомъ или крика, или небольшой узды.

Въ каждомъ городѣ существуетъ священный домъ, называемый *Рума-Памали*. Онъ служитъ въ тоже время жилищемъ колдуну и королевскимъ казнохранилищемъ.

Входъ въ него воспрещенъ всѣмъ, за исключеніемъ Райи: туда также приносятъ головы плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ, вынимая изъ нихъ прежде мозгъ. Потомъ ихъ развѣшиваютъ по деревьямъ, преимущественнѣе на могилахъ райевъ побѣдителей. Головы непріятелей, умершихъ на полѣ битвы, какъ достойные трофеи этихъ варварскихъ племянъ, въ продолженіе десяти дней выставлены въ Рума-Памали, и только тогда народъ имѣетъ право проникать въ это жилище, гдѣ совершается столько святотатства. Умершій райя относится въ Рума-Памали, гдѣ его нѣсколько дней выставляютъ для народа, притекающаго отвсюду для поклоненія останкамъ властителя.

Кажется, что у нихъ нѣтъ никакого религіознаго или священнаго обряда при бракосочетаніи. Женихъ дѣлаетъ тестю подарки по своему состоянію и въ соразмѣрности съ той цѣной, которую онъ назначаетъ для обладанія особы, выбираемой имъ въ супруги.

Дѣти при рожденіи относятся въ Рума-Памали, гдѣ рѣдко имъ даются имена ихъ родителей.

При смерти Малайца, семейство его въ совокупности поетъ, покуда его тѣло разпростерто на рогожахъ; въ это-же время невольникъ отгоняетъ вѣеромъ изъ пѣтушьихъ перьевъ всѣхъ насѣкомыхъ отъ лица умершаго.

Тѣло, несомое друзьями, погребается въ ямѣ, куда бросаютъ также нѣкоторую утварь или вещи, болѣе прочихъ любимыя покойникомъ; все исчезаетъ съ нимъ, все, даже воспоминанія. Я присутствовалъ при одной изъ этихъ погребальныхъ церемоній, гдѣ пять или шесть человѣкъ испускали жалобные вопли. На другой-же день, я ихъ видѣлъ спокойными, какъ-будто ни въ чомъ не бывали.

Скиптръ райевъ наслѣдственный: старшій братъ наслѣдникъ правительственной власти.

Когда всѣ братья перемираютъ или если ихъ совсѣмъ не было, то старшій сынъ перваго райи или старшій изъ братьевъ его наслѣдуетъ корону. Женщины не имѣютъ никакого права на наслѣдіе престола. Меня удивляетъ, что женщины допустили этотъ законъ въ странѣ, гдѣ онѣ кажутся владычицами надъ владыками, которые именно одни, между этими людьми, оказываютъ величайшее уваженіе къ своимъ любовницамъ.

Раіи имѣютъ у себя подъ начальствомъ офицеровъ, называемыхъ *Тумукунами*; эти люди суть единственные сановники, отдѣляющіе монарха отъ народа. Число сихъ офицеровъ соразмѣрно власти и могуществу раіи. Напримѣръ у раіи на островѣ Дао, ихъ семь; на островѣ Бао, король Роттійскій имѣетъ ихъ до восемнадцати.

Изъ числа народовъ, призванныхъ на защиту Голландцевъ въ войнѣ, ими предпринятой, надобно замѣтить жителей острововъ Саву и Солора, изъ которыхъ почти всѣ служатъ волонтерами. Въ особенности солорскіе войска въ сраженіяхъ являютъ примѣры необычайнаго, отвратительнаго безчеловѣчія. Увѣряютъ, будто-бы они, сбивъ съ ногъ непріятеля, кидаются на него и грызутъ его

до смерти зубами. Вообще ихъ сраженія истребительны; достаточно одной битвы, чтобы рѣшить цѣлую компанію.

Островъ представляетъ нынѣ обширное поприще грабежамъ, убійству и жестокостямъ. Голландскій губернаторъ Газаартъ, старинный флотскій офицеръ, принявъ предводительство надъ десятью тысячами человѣкъ, расположился лагеремъ внутри острова, чтобы воспрепятствовать возстаніямъ раіи Людовика, о которомъ разсказываютъ столько чудесъ.

Людовикъ, христіанскаго исповѣданія, сынъ Тобани, король Аманоэбанга, страны, отстоящей къ востоку на пять дней ходьбы отъ Купанга, посреди голландскихъ владѣній. Онъ былъ воспитанъ въ католическомъ законѣ, и, уставъ наконецъ платить тяжолую и разорительную дань, наложенную Голландцами, рѣшился объявить себя независимымъ и свободнымъ. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ, предводительствуя своей страшной арміей, дѣлаетъ вторженія во всѣ страны Тимора и покоряетъ королей, своихъ сосѣдей, которые, въ свою очередь, всѣ вымаливаютъ себѣ помощь отъ резидента.

Людовикъ Аманоэбангскій, предводитель горсти воиновъ, приверженныхъ къ нему и къ его выгодамъ, ни мало не страшится или, лучше сказать, совершенно пренебрегаетъ усиліями стольких соединенныхъ противъ него непріятелей. Уже разъ онъ умѣлъ ихъ заставить—предложить ему славный миръ, въ продолженіе котораго онъ привлекъ въ свои владѣнія, обѣщая покровительство и ободреніе, множество отличныхъ людей и искусныхъ ремесленниковъ, которые, питая вкусъ къ художествамъ, распространили тамъ торговлю и промышленость.

Его побѣдоносное оружіе привело его, семь лѣтъ тому назадъ, даже къ вратамъ Купанга, гдѣ онъ распространилъ ужасъ, выжегъ множество зданій и даже домъ губернатора. Нынѣ-же, когда ему хотѣли наложить постыдное иго, онъ снова объявилъ себя независимымъ, и, принявъ предводительство надъ шести-тысячной арміей, изъ коей двѣ трети вооружено ружьями и посажено на коней, ласкаетъ себя надеждою на успѣхъ, посредствомъ котораго онъ избавитъ колонію отъ власти деспотической, и свергнетъ съ престола четырнадцать государей.

Оружіе его солдатъ состоитъ изъ ружей, булавъ, сабель, *загай* (дротиковъ), кинжаловъ; прибавьте къ тому необычайную смѣлость и геній предводителя.

Людовикъ удивительно хитеръ; онъ уже счастливо попытался посѣять распри въ непріятельской арміи. Людовикъ непричастенъ предразсудкамъ; онъ сталъ-бы сражаться въ тѣни, если-бы стрѣлы его противниковъ могли затмить солнце. Людовикъ ободренъ своими первыми побѣдами; онъ уже умѣлъ заставить Голландцевъ построить крѣпость въ Дао, которую онъ никогда покорилъ. Людовикъ благоразуменъ; онъ выстроилъ въ своихъ владѣніяхъ укрѣпленія, которыя удивятъ Голландцевъ, а еще болѣе ихъ союзниковъ. Однимъ словомъ, Людовикъ сражается за независимость; четырнадцать раіевъ дерутся за рабство. Людовиковы солдаты готовы умереть за своего начальника; но надобно опасаться, чтобы соединенные подъ европейскимъ флагомъ зачинщики, не оставили его прежде еще боя или послѣ первой неудачи. Воины Людовика привержены къ нему изъ признательности и благодарности; одинъ страхъ соединилъ обидчиковъ подъ владычество Голландцевъ. Сколько-же теперь причинъ для заключенія, что этотъ неустрашимый герой выйдетъ побѣдоноснымъ изъ борьбы, насильно предложенной оскорбленной гордостью и

добровольно принятой истиннымъ патріотизмомъ и чувствомъ законнаго права!

Всѣ короли, призванные Голландцами участвовать въ сей войнѣ, обязаны предводительствовать лично своими воинами, или, по-крайней-мѣрѣ, слѣдовать за корпусомъ арміи до главной квартиры. Денкаскій король привелъ тысячу человѣкъ, но болѣзнь воспрепятствовала ему вести ихъ въ бой, и онъ получилъ позволеніе возвратиться въ Купангъ, давъ прежде клятву, что его подданные останутся вѣрными защитниками сего союза. Но какъ, по старинному предразсудку, Малайцы увѣряютъ, что болѣзни посѣщаютъ человѣка по волѣ боговъ, то они и полагаютъ, что не должны сражаться, потому-что ихъ предводитель удалился изъ лагеря подъ этимъ предлогомъ; а этотъ предразсудокъ, столь полезный для видовъ Людовика, причинилъ большую убыль въ солдатахъ владѣнія Денка. Еще другое подобное происшествіе, и Людовикъ будетъ жалѣть только объ одномъ, что у него останется мало непріятелей, для низложенія ихъ.

Англичане сдѣлали двѣ экспедиціи противъ короля Людовика, первую въ 1815 году, а вторую въ 1816, но не могли его побѣдить. Онъ высокаго роста, горячъ, неустрашимъ; его мужество удивительное, но въ тоже время разсудительное и благоразумное; его предпріятія смѣлы, но не невозможны; онъ щедро награждаетъ заслуги, и жестоко наказываетъ неповиновеніе. Для славы этого человѣка не достаетъ только историка, который-бы описалъ его подвиги.

Императоръ Петръ, страшный противникъ, уважаемый Тиморійцами, нынѣ мертвый для малѣйшей мысли о славѣ, не встрепенулся при звукѣ кинжаловъ въ своихъ владѣніяхъ, и на скорбномъ, страдальческомъ одрѣ ожидаетъ спокойно своего послѣдняго часа.

Мы хотѣли посѣтить новаго монарха. Рѣшившись быстро на это, мы весело отправились въ путь. Небольшой караванъ нашъ состоялъ изъ Берара, Годшю, Гемара, Дюперрея, Тонея и меня, страстно любознательныхъ, связанныхъ другъ съ другомъ истинною пріязнію, почти всегда неразлучныхъ товарищей въ опаснѣйшихъ походахъ и поискахъ.

Дорога, за Купангомъ, извивается прелестной полосой, осѣненной роскошнымъ прозябеніемъ, и съ одной стороны орошаемой потокомъ, который часто переходишь въ бродъ. Послѣ часовой ходьбы, мало-по-малу поднимаясь, вы достигаете вершины холма, на которомъ стоитъ гробница Тайбено, старинаго раіи этой части острова. Увядшее дерево осѣняло могилу, и на двухъ его сучьяхъ висѣли два малайскихъ черепа, еще необнаженные отъ прекрасныхъ своихъ волосъ. Вотъ это кстати! подобное благоговѣніе и уваженіе къ праху! Мы спросили у двухъ провожавшихъ насъ туземцевъ позволеніе отвязать и снять эти два черепа. *Памали!* вскричали они испуганнымъ голосомъ, и мы были принуждены продолжать путь, срисовавъ гробницу, которая, впрочемъ, не представляетъ ничего достойнаго замѣчанія.

Вскорѣ мы прибыли во владѣнія Императора. Стада буйволовъ, сильныя растенія и вспаханныя поля, уже заранѣе дали намъ выгодное понятіе о владѣльцѣ; доброе это мнѣніе еще болѣе подтвердилось по прибытіи нашемъ къ его жилищу. — Насъ ввели къ нему.

Его дворецъ былъ — просто — *каза**) построенная изъ вакòи, варѐка, пальмо-

*) Такъ называютъ Французы частныя жилища въ колоніяхъ, отъ испанскаго слова Casal — *домъ*.

выхъ брусьевъ; все это крѣпко связано между собою и покрыто нѣсколькими слоями листьевъ вѣерной пальмы. Дворецъ этотъ имѣетъ одну только комнату, грязную, темную, глубоковдавшуюся, освѣщенную или получающую свѣтъ только изъ двери, которая, въ свою очередь, низка и узка. Мебели вовсе не было, кромѣ одного китайскаго сундука, украшеннаго богатою накладною работою, въ которомъ, вѣроятно, хранятся сокровища монарха, да еще огромнаго кресла изъ чернаго дерева, хорошо отдѣланное, и какъ показалось мнѣ, японской работы. Тамъ и сямъ, на землѣ, лежали рогожи, сплетенныя на Филиппинскихъ островахъ, и нѣсколько грубыхъ сосудовъ для пищи и питія. Дюжина ружей, два десятка кинжаловъ и множество копій и дротиковъ, или загай, висѣли по стѣнамъ.

Императоръ сидѣлъ въ креслахъ съ высокими ручками. При нашемъ появленіи онъ вполовину привсталъ, протянулъ намъ руку и предложилъ рогожи, на которыхъ мы и расположились. По обѣимъ сторонамъ стояли двое изъ его главныхъ сановниковъ, звѣрскаго вида, съ грознымъ взоромъ, съ ружьемъ въ одной рукѣ и съ кинжаломъ въ другой, завернутые въ свои живописной кахенъ-слимутъ, и, казалось, готовые по первому мановенію своего предводителя отсѣчь намъ головы. Но этотъ властитель былъ слишкомъ вѣжливъ и любезенъ; онъ и не думалъ употребить во зло свое могущество и войти съ нами въ такую короткость. Маленькой, лѣтъ семи или восьми мальчикъ, совершенно голый и атлетическаго сложенія, опирался на Императора : это былъ его сынъ, которому я тотчасъ поднесъ въ подарокъ игольникъ съ иголками, пачку булавокъ, ножницы и зеркало. Онъ принялъ мои дары съ величайшею радостію и позволилъ мнѣ поцѣловать себя; потомъ я попросилъ его постоять не много времени, снялъ съ него и съ монарха, его отца, портреты, и далъ имъ съ нихъ копію, которую одинъ изъ малайцевъ со тщаніемъ отнесъ и положилъ на китайскій сундукъ. Въ замѣну я получилъ двѣ загаи (копья) и чудесный *крисъ* (кинжалъ), еще убранный клоками волосъ побѣжденныхъ непріятелей.

На обнаженномъ челѣ Петра запечатлѣлись признаки глубокой старости; ему-бы дали легко сто лѣтъ, хотя ему было всего шестьдесятъ; но здѣсь природа такъ дѣятельна, столь могущественна, что скоро, весьма скоро подвигаетъ людей къ могилѣ. Петръ держалъ въ рукѣ свою трость съ золотымъ набалдашникомъ; голова его была покрыта бѣлымъ бумажнымъ колпакомъ; онъ былъ одѣтъ въ халатъ съ большими разводами, и на его костлявыхъ ребрахъ болтался кахемъ-слимутъ, еще тончайшій и красивѣйшій, нежели тѣ, которымъ я столько удивлялся въ Купангѣ.

Наше посѣщеніе продолжалось не долго; мы дружески пожали руку патріарху острова, снова взглянули мимоходомъ на его храбрыхъ солдатъ, коихъ воинственная поступь такъ сильно устрашаетъ и внушаетъ почтеніе, и потомъ возвратились въ Купангъ, преслѣдуемые ужасною грозою, которая казалась намъ еще мрачнѣе и величественнѣе въ проходимой нами пустынѣ. Раскаты грома въ ея уединеніи звучатъ еще страшнѣе и торжественнѣе; вы подумаете, что для васъ однихъ только сверкаютъ молніи и грохочутъ грозные удары.

Бросивъ бѣглый взглядъ на эту Купангскую колонію, я спрошу себя : гдѣ же эти радостные часы населяющихъ ее Малайцевъ : ихъ нѣтъ у нихъ; какіе-же у нихъ праздники? ихъ нѣтъ у нихъ; дни народныхъ увеселеній? ихъ нѣтъ; гдѣ эти ночи тихаго и спокойнаго отдохновенія? ихъ нѣтъ, вовсе нѣтъ. Едва проснется Малаецъ, какъ

уже вооружается длиннымъ желѣзнымъ копьемъ, своимъ тяжолымъ ружьемъ и страшнымъ, гибельнымъ, ядовитымъ кинжаломъ. Тиморскій Малаецъ счастливъ только тогда, когда ощущаетъ возлѣ себя, на бедрахъ или въ рукахъ, свое оружіе смерти и мщенія; тиморскій Малаецъ, мнѣ кажется, не приласкаетъ ни друга, если онъ можетъ имѣть друга, ни свою жену, ни даже отца своего. Ему сказано : «Вотъ тебѣ желѣзо, защищайся имъ, нападай, умерщвляй; если ты безоружный встрѣтишься съ противникомъ, грызи его зубами; не питай ни къ кому сожалѣнія, — оно болѣе чѣмъ слабость, оно порокъ; ты можешь побѣдить и потомъ простить человѣка, но знай, что онъ, хотя и покоренный, никогда не проститъ тебя въ свою очередь. Помиловать непріятеля — значитъ почти сознаться, что ты его боишься; нѣтъ, побѣдителемъ человѣка можно назваться тогда, какъ его тѣло зарыто въ землю».

На всемъ Тиморѣ вообще, а въ особенности надъ Купангомъ, носится какой-то погребальный покровъ, вѣрный признакъ многихъ кровавыхъ происшествій, и только удалясь совершенно изъ него, путешественникъ можетъ вздохнуть свободно. Васъ провожаютъ до берега люди, съ которыми вы ежедневно видѣлись во-время нашей стоянки; но на ихъ лицахъ нѣтъ отпечатка горести при разлукѣ; они не скажутъ вамъ «прости», не прострутъ вамъ объятій, и вы не успѣете еще отчалить, какъ уже они отвращаютъ отъ васъ взоры съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Что это за народъ, у котораго не промелькнетъ никогда на устахъ ни малѣйшей улыбки? За то Китайцы всегда и всѣмъ улыбаются.

Общій видъ Тимора, господствующаго властелиномъ надъ множествомъ небольшихъ острововъ, окружающихъ его, подобно покореннымъ данникамъ, въ одно и тоже время наводитъ уныніе, грусть и благоговѣніе. Берегъ усѣянъ обширными пальмовыми кущами, переплетающимися между собою, вакоями, кокосами съ ихъ красивыми и гибкими вершинами; потомъ слѣдуетъ *рима* или хлѣбное дерево, за тѣмъ *пандануст* (корнепустъ), изъ вѣтвей котораго выростаютъ новыя вѣтви, коимъ земля даетъ свои корни, панданусъ, который одинъ самъ по себѣ составляетъ лѣсъ; чорное дерево съ своими мрачными листьями, благоуханный сандалъ, изъ коего китайскіе рѣзцы выдѣлываютъ столько удивительныхъ бездѣлушекъ, и всѣ эти тропическіе великаны, толпящіеся на этой живучей почвѣ, у которой даже внутренніе волканы не могутъ исторгнуть ни ея силы, ни ея соковъ. И изъ нѣдръ столькихъ богатствъ, выглядываютъ, какъ угроза смерти, огромные куски лавы, различнаго цвѣта, смотря по роду волканическихъ изверженій : здѣсь разрушеніе возлѣ силы, юность возлѣ мужества, здѣсь рядомъ жизнь и прахъ, въ безконечной борьбѣ, оба непобѣдимые, или скорѣе, побѣдители и побѣжденные, каждый въ свою очередь! Тиморъ, безъ-сомнѣнія, есть одна изъ странъ, гдѣ ботаника, минералогія и зоологія почерпнули-бы наиболѣе всего свѣдѣній.

Голландцы отняли Купангъ у Португальцевъ, когда сіи послѣдніе водворились тамъ въ 1688 году; Англичане заняли его по капитуляціи въ 1797 г. Раіи снова составили союзъ, принудили ихъ отступить и даже пожрали тѣхъ, которые не успѣли удалиться на корабли. Въ 1810 году Англичане еще разъ, съ однимъ фрегатомъ, завладѣли имъ, но туземцы, ободренные первымъ успѣхомъ, принудили ихъ во второй разъ удалиться, поставивъ у себя главою перваго губернатора Купанга, который съ-тѣхъ-поръ получилъ титулъ резидента. Послѣ взятія Явы, въ 1811 году, Англичане въ третій разъ овладѣли симъ городомъ, отдавъ его по-

томъ, въ 1816 году, Голландцамъ, вслѣдствіе всеобщаго мира 1814 года. Вообще исторія Тимора, котораго мы описали только главнѣйшія происшествія, ограничивается въ нѣсколькихъ словахъ: что̀ касается до подробностей, то ихъ надлежало-бы описывать кровью.

XVII.

МОРЕ.

О! вы также прочтете и эти страницы, вы остановите на нихъ, какъ на вѣрномъ портретѣ, взоры ваши; эти строки написаны въ минуты вдохновенія.

Море! . . . . . .

Не стану теперь описывать вамъ его гнѣва и грозы, не хочу говорить о его оцѣпененіи. Первые величественны, второе грустно, мрачно, торжественно. Безмолвіе послѣдняго усыпляетъ, холодитъ васъ; шумъ и волненія первыхъ бросаютъ въ лихорадочный восторгъ, который васъ трогаетъ и покоряетъ вмѣстѣ; забудемъ все это на нѣсколько минутъ.

Здѣсь, въ короткихъ словахъ, поговорю о морѣ, безъ причудъ; объ этомъ неподвижномъ морѣ, которое поверхностные умы упрямо почитаютъ за столь холодное, неизмѣнное, скучное, такъ-что если повѣрить ихъ трусости, то никогда не надобно и предаваться произволу сей стихіи. Нѣтъ; это море, даже и во-время своего безъяростнаго рева, служитъ, для того, кто наблюдаетъ и учится, неизчерпаемымъ источникомъ благородныхъ наслажденій, прекраснаго развлеченія. Пусть его волны колеблются по его поверхности, пусть волны летятъ по немъ и бьются другъ о друга даже безъ пѣны, пусть оно зарябится легкимъ вѣеркомъ или заколыхается отъ крѣпкаго вѣтра, то и тогда, божусь вамъ, найдутся величественныя картины для удивительныхъ живописаній, веселыя и любопытныя подробности для изложенія; представится комедія и драма вмѣстѣ, перемѣнныя ощущенія для ума и сердца; утѣшительное прошедшее, улыбающееся настоящее, счастливое и упоительное будущее.

Прошу васъ послѣдовать за мною; я не поведу васъ въ пустой и фантастическій міръ, но въ міръ существенный, богатый измѣненіями, гдѣ нѣтъ покоя, потому-что все бѣжитъ съ вами или преслѣдуетъ васъ, стихія несетъ васъ, вѣтеръ дуетъ вамъ попутный, горизонтъ, вами только-что подмѣченный,

исчезаетъ, корабль дрожитъ, звѣзды промелькнутъ и замѣнятся новыми звѣздами на безоблачномъ небѣ... И все это вы увидите, перечувствуете безъ усталости, безъ труда, безъ сотрясенія и часто даже безъ малѣйшаго движенія. Если рѣки могутъ назваться подвижными путями, чѣмъ-же назовете вы море? Вы просыпаетесь, встаете, и когда голосъ матроса, *распѣвающаго о буленѣ*, говоритъ вамъ, что, *шедши по вѣтру*, судно забороздитъ тихо и тяжело, тогда станьте тверже на ванты, перевязавшись крѣпкимъ поясомъ, схватитесь за сѣтку, одну изъ этихъ мотыльковыхъ сѣтокъ, прикрѣпленную къ гибкой тростинкѣ, обратите взоры на пробѣгающій валъ, подождите немного и вы поймаете нѣсколько изъ сихъ любопытныхъ слизняковъ, столь разнообразныхъ, въ которыхъ горитъ огонь жизни, и въ которыхъ, при всемъ этомъ, вы не узнаете, гдѣ у нихъ голова и гдѣ сердце; вы не увидите въ нихъ крови, не найдете у нихъ ни легкихъ, ни жилъ, не будете увѣрены, даже послѣ тщательнаго разбора и изученія, что́ такое вы поймали: рыбу-ли, цвѣтокъ, деревцо, кисть, вѣтвь или корень. Вы кладете его въ сосудъ; онъ покинулъ свою стихію; ему потребно было цѣлое море для его тщеславнаго путешествія, а вы едва даете ему нѣсколько капель воды; онъ измѣняется, онъ теряетъ цвѣтъ, старѣетъ, дряхлѣетъ, перестаетъ двигаться, умираетъ. И это имѣло душу, это чувствовало боль. Увы! съ душою и не могло быть иначе!

Съ наступающимъ утромъ, займите опять ваше прежнее мѣсто. Вотъ восходитъ солнце, оно уже надъ волнами, а вы еще его не видали, потому-что его лѣнивый лучъ пробѣгаетъ едва только восемьдесятъ тысячь миль въ секунду. О безкопечное пространство!

Какая волшебная картина! Но о чудо! Вы твердо увѣрены, что плывете по-морю безъ скалъ, безъ шкеръ, въ отдаленіи отъ всякой земли; и при всемъ томъ, на мѣстѣ, которое вы только-что оставили или проплыли, выростаютъ высокія и твердыя стѣны съ своими бастіонами, зубцами, башнями; тамъ далѣе гигантскія горы, огромные лѣса, цѣлыя арміи, готовыя къ бою; вы въ ожиданіи услышать страшные удары щитовъ, мечей и панцырей; вы подаетесь на шагъ впередъ... все исчезаетъ, города проваливаются въ бездну, лѣса касаются своими вѣтвистыми главами волнъ, безчисленныя арміи обращаются въ прахъ, какъ-бы по мановенію могучей десницы Творца небесъ... воздушная зеркальность перестаютъ прельщать васъ *).

Я не перевожу вамъ этихъ дивныхъ явленій, я обозначаю ихъ только слегка; картина явится послѣ, одинокая, полная, а до тѣхъ-поръ мнѣ остается еще представить вамъ много подобныхъ чудесъ.

Вѣтеръ сдѣлался попутнѣе; онъ теперь дуетъ бакштагъ; матросъ посвистываетъ, покуриваетъ и похаживаетъ веселѣе. Онъ слѣдуетъ за измѣненіями времени: его расположеніе духа гармонируетъ съ погодой того дня; онъ кротокъ въ штиль, шумливъ въ бурю. Бѣдный матросъ! у него нѣтъ своей собственности; нѣтъ своихъ радостей, нѣтъ своего горя! Ступайте, посмотрите на бакѣ, составьте для себя на каждомъ суднѣ избранныхъ любимцевъ, возьмите съ собою одного Пёти, одного Маршэ, и пролейте бальзамъ счастія въ ихъ преданную вамъ душу. Часы побѣгутъ быстрѣе, при улыбающейся вамъ признательности.

Вотъ пробила банка вахты. Порція роздана. Пройдитесь по палубѣ, по баттареѣ; чѣмъ менѣе мяса на доскѣ, тѣмъ болѣе раздается шутокъ въ воздухѣ;

*) См. примѣчанія въ концѣ тома.

чѣмъ болѣе насѣкомыхъ въ сухарѣ, тѣмъ менѣе отвращенія проглотить его. Первое, второе, третье блюдо—все одинъ и тотъ-же кусокъ солонины, разрѣзанный на ломтики почти равные, старшимъ изъ капральства. За тѣмъ слѣдуетъ капля вина, для уложенія и сваренія этого роскошнаго, жирнаго обѣда; потомъ, нѣсколько времени спустя, рюмочка водки, которая едва пощекотитъ небо въ засмоленномъ его рту. Потомъ опять снова матросъ поетъ, ходитъ взадъ и впередъ, ругается, лазитъ на вершины мачтъ, цѣпляется за оконечности снастей: его плечи обливаются соленими всплескаморя, на него падаютъ съ неба крупныя градины; онъ ложится спать въ мокрой одеждѣ, и встаетъ на другой день, для того, чтобы снова начать эту счастливую жизнь и существованіе, покуда его не постигнетъ старость. О! смѣло протяните встрѣтившемуся вамъ на дорогѣ матросу руку, потому-что этотъ человѣкъ потерпѣлъ много, но твердо перенесъ свои бѣдствія.

За гротъ-мачтой, на шканцахъ, прохаживается главный штабъ. Здѣсь уже идетъ рѣчь о вещахъ занимательныхъ для ума, наостряющихъ понятія; но опять не подумайте, чтобы эти люди вдавались такъ глубоко въ ученіе, чтобы не имѣли времени для пріятнѣйшихъ занятій и удовольствій. На морѣ, работать головою—все то́-же что отдыхать; морскія и астрономическія наблюденія имѣютъ въ своихъ періодахъ нѣчто однообразное, такъ-что ихъ дѣлаютъ почти машинально, безъ умѣнья. Устанавливаютъ репетирный регатъ, держатъ въ рукѣ хронометръ и повѣряютъ высоту; вотъ и все тутъ.

— Капитанъ, вотъ моя *точка*, выводъ ея равняется тому-то. *Лагъ* (бѣгомѣръ) даетъ то-то, мы тамъ-то, впереди насъ море; при этомъ вѣтрѣ, черезъ-двѣ недѣли, мы увидимъ землю; пусть судно идетъ такъ...

Но можно также поговорить и о прошедшемъ, покуда мы стараемся опредѣлить будущее.

— О! если-бы я былъ теперь въ Европѣ, на моихъ прелестныхъ Пиринейскихъ горахъ!

— А я, въ моихъ богатыхъ Босскихъ долинахъ!

— А я, въ Парижѣ, въ центрѣ всѣхъ искусствъ и художествъ!

— А я, въ моемъ маленькомъ городкѣ, возлѣ моей старой матери! Что́-то она дѣлаетъ въ эту минуту? Меня раздѣляетъ съ нею цѣлый поперечникъ земли! А когда вѣтеръ загудитъ, и заскрипятъ ея худоприкрѣпленныя ставни, то она, вѣрно, встаетъ и молится за своего сына, котораго готова поглотить бурная бездна. Всякая нѣжность боязлива, посудите-же вы о материнской нѣжности!

— Видѣлъ-ли ты Тальму?

— Слышалъ-ли ты мамзель Марсъ?

— Подивились-ли вы послѣдней колоссальной статуѣ Давида?

— А Гюдень! а Изабей! О! если-бы они были теперь здѣсь съ нами!

—Потише, господа; если-бы они были здѣсь, то меня-бы здѣсь не было. Посторонитесь не много для друга, которому такъ нравится быть съ вами.

— Знаете-ли вы, что Парижъ удивительно отстроится къ нашему возвращенію?

— Почему знать? Можетъ-быть въ эту минуту онъ дѣлается жертвою землетрясенія?

— Тогда-бы и мы почувствовали это; мы такъ близко оттуда!

— Это правда; еще десять или двѣнадцать тысячь миль, и мы увидимъ прелестный куполъ его Инвалиднаго дома, и его Пантеонъ, и его колонну, и его Лувръ, и его веселые бульвары!

— И его грязныя и извилистыя улицы, и его переулки, осквернен-

ные порокомъ, и его отвратительную Гревскую-площадь, и его нищету, и его трауръ, и его глинистую, мутную Сену, къ которой прилѣплены эти грязные *мостишки!*

— Чортъ возьми, да-здравствуетъ море! станемъ наслаждаться моремъ! Парижъ будетъ правъ и хорошъ тогда, когда мы будемъ въ Парижѣ.

Колоколъ зоветъ къ завтраку. Вѣрный вашъ слуга, на этотъ разъ, не идетъ къ сосѣду толковать съ нимъ и разсказывать ему домашнія тайны; онъ является къ вамъ, со шляпой въ рукахъ, и говоритъ:

— Обѣдъ готовъ и поданъ, сударь.

— Хорошо; а что у насъ есть?

— Ничего.

— Какъ ничего, скотина!

— Ахъ, я ошибся; вамъ будетъ поданъ сыръ и сухари.

— Ты видишь, дуракъ, что-нибудь да есть!

Мы спускаемся въ каютъ-компанію; всякой садится на свое мѣсто, каждый жуетъ свою порцію; сыръ высохъ, заплесневѣлъ, сухарь почерствѣлъ, вино дурное, воды мало, и та уже протухла; но одинъ смѣется надъ ужимками и гримасами другаго; остроты и шутки раздаются съ бака, и мы откликаемся имъ; не много поморщились, покривились, но потомъ, разговоры прерванные звукомъ банки, продолжаются, и черезъ четверть часа, всѣ вылѣзаютъ на палубу, на воздухъ; голодъ удовлетворенъ и на сердцѣ веселье...

Вы не понимаете этого, вы, ненасытные объѣдалы нашихъ роскошныхъ и расточительныхъ частей города!

А въ тоже время бушпритъ корвета гордо вздымаетъ носъ и направляется къ первой стоянкѣ. Потерпите, придетъ опять очередь радостной пирушки.

— Кто держитъ со мною закладъ? Я берусь пройти до райна, не оставляя обшивки.

— Я бьюсь, что нѣтъ.

— Идетъ.

— Я съ тобой пополамъ.

— А я у тебя.

— Идетъ.

— Все-таки идетъ. Еще идетъ.

Закладчикъ поджидаетъ, покуда судно утвердится покрѣпче; наконецъ онъ отправляется, не такъ-какъ заяцъ, убѣгающій отъ охотника, его преслѣдующаго, но какъ черепаха, съ твердымъ намѣреніемъ дойти навѣрное. Еще два шага и онъ достигнетъ своей цѣли... Но глухой валъ ударяется о бортъ, эквилибристъ свалился, и побѣдители будутъ пить чай или кофе даромъ, потому-что у каждаго сдѣланъ небольшой запасъ провизіи на случай нужды въ долгихъ переходахъ.

Потомъ, когда миновались эти игры и разсказы, веселые, безъ желчи, безъ досадъ и обиды; когда эти обѣды безъ съѣстныхъ припасовъ заняли нѣсколько минутъ, мы погружаемся въ глубокія и важныя размышленія, дѣлаемся историками, географами или философами, по-обстоятельствамъ; сличаемъ климаты между собою, людей съ людьми; бросаемся вполнѣ въ нравственный, моральный міръ, истолковываемъ безконечныя творенія безконечнаго Бога, набожно запираемся въ свою каюту; перо бѣгаетъ, грудь вздымается, артеріи бьются сильнѣе; мы преклоняемся предъ величіемъ міра, и вѣруемъ въ главное начало всѣхъ вещей, предъ которымъ мы безпрестанно находимся.

Ночь застаетъ васъ посреди вашихъ мечтаній, системъ, утопій, мудрствованій; вы повѣряете ваши онѣмѣлые, усыпленные члены колеблющейся доскѣ или мягкой койкѣ, и закрываете глаза, съ пріятными мыслями о любви и признательности.

Настаетъ другой день, блестящій, озлащенный лучами солнца. Будьте

покойны: ваши сегодняшнія и вчерашнія удовольствія не будутъ одинаковы. Богатства мореплаванія еще далеко не истощились, и Потозскіе рудники не обладаютъ столь богатыми жилами, какъ тѣ, которыя намъ предстоитъ еще разобрать и раскрыть.

Вѣтеръ дуетъ въ натянутые паруса; онъ уже не боковой, а подвѣтренный; все предано ему въ жертву на гротъ-мачтѣ, верхнія и нижнія лисселя, правая и лѣвая сторона; судно ныряетъ носомъ, и пробѣгаетъ пространство скачками, прыжками, въ двадцать разъ болѣе жестокими и утомительными, нежели тяжолыя и однообразныя боковыя качки.

— Ко мнѣ, Бартъ! посмотри, вотъ золотистыя рыбки! Какъ онѣ блестятъ, какъ онѣ счастливы! Будемъ счастливѣе ихъ. Давай сюда вилу! и хватай ихъ за мягкія спинки, съ ихъ богатыми чешуйками.

— Ко мнѣ Астье! ко мнѣ Віаль! мнѣ нужны твои твердыя руки, твоя воловья сила! Подержи сначала Маршэ, чтобы онъ не бросился въ воду и не поймалъ ихъ! Подержи Пёти, онъ нарочно подстрекаетъ Маршэ, чтобы тотъ бросился за нимъ въ воду.

Веселыя *дорады* (золотыя рыбы), смѣшались съ *тумаками* (bonites) и провожаютъ насъ безчисленными семействами; надобно очистить все стадо: экипажъ голоденъ, а здѣсь есть свѣжая рыба; она такъ вкусна! а матросъ такъ славно ее приготовляетъ! Какъ онѣ вьются, какія кокетки! какъ онѣ выставляются! какъ онѣ красуются! Погодите, погодите! ужо васъ!

Віаль, Астье, Бартъ, ставъ твердою ногою на ванты и свѣсившись тѣломъ надъ бездной, стоятъ тамъ, на готовѣ, поднявъ руку съ желѣзнымъ трезубцомъ. Пусть попробуетъ одна безразсудная дорада вынырнуть на поверхность влаги! Вотъ она! Ударъ направленъ, летитъ, свиститъ, шумитъ и вьется съ своей добычей; гинъ-лопарь свободно развивается, потомъ вскорѣ принимаетъ свою прежнюю твердость; на вантахъ навиваютъ снасть *канатною бухтой*, плѣнная рыбка брошена на палубу; она отворяетъ свой трепещущій зѣвъ, и завторяетъ его безпрестанно и съ поспѣшностію, она снова отворяетъ его, какъ-бы всасывая въ себя и ловя свою утраченную стихію; ея движенія дѣлаются судорожными, ея цвѣта увядаютъ, глаза выдаются, она не движется, она уснула. А восторженный экипажъ восклицаетъ: Ура! не робѣйте, ребята! будетъ веселая пирушка на баттареѣ и на палубѣ.

Съ такими прицѣльщиками, какихъ я вамъ назвалъ, цѣлая отмель дорадъ и тумаковъ какъ разъ очищена; но знаете-ли, что̀ всего удивительнѣе въ этой безопасной для побѣдителя войнѣ? Это упорство побѣжденнаго, который никогда не оставляетъ поля битвы, и даже не имѣетъ ни малѣйшаго предчувствія объ опасности, ему угрожающей.

Вы не подумайте, чтобы всѣ радовались при этой безславной побѣдѣ. Нѣтъ! когда судно обладаетъ матросомъ, каковъ Пёти, съ его чувствами, то сцена можетъ измѣниться и картина подернуться печальнымъ мракомъ. Уже третья дорада, худо приколотая Астье, была переброшена черезъ *нительсы* (бортовыя сѣтки), какъ вдругъ мой любезный и любимый матросъ бѣжитъ къ ней, садится возлѣ нея, и при ея послѣднемъ издыханіи, жалобно говоритъ ей:

«Бѣдный новичокъ, бѣдная послушница, ты была молода, весела и любезна, и что̀-же! ты попалась также, какъ и всѣ прочія; *ты проглотила свой крючокъ, въ тебя задуло съ навѣтренной стороны*; ты была вся золотая, какъ двойной лундоръ, а теперь, *посинѣла и посинѣла*, какъ будто-бы выпила тридцать-шесть графи-

новъ водки; ты рѣзвилась, а теперь лежишь неподвижна, корчишься, страдаешь, хрипишь, тебя сей-часъ убаюкаютъ на желѣзной койкѣ, на добромъ огнѣ, ты пожелтѣешь, какъ шафранъ, подъ масть твоимъ *дурамъ* сестрамъ; а я, который говорю тебѣ, я, который читаю твою отходную я, можетъ-быть, не буду такъ счастливъ; меня швырнутъ въ воду, завернувъ въ кусокъ паруса съ ядромъ на ногѣ; если меня поболѣе другихъ любятъ, то привяжутъ два ядра; да, и поминай какъ звали!

«Я тамъ буду одинъ, вдали отъ старика отца, вдали отъ старухи матери, безъ моего добраго Маршэ, безъ этого славнаго г-на Жàка, который меня такъ часто поилъ до-пьяна, и меня проглотитъ аккула, какъ я проглочу тебя сегодня вечеромъ.... Такъ нѣтъ-же! тысячу портòвъ! Я твердо рѣшился; когда старикъ отецъ и старуха мать спросятъ, гдѣ я, имъ скажутъ: *проглоченъ аккулою*; но чортъ возьми всю обшивку, и клянусь душой Маршэ, не посмѣютъ сказать, что я съѣлъ золотую рыбку, которая смотрѣла на меня со слезами! Я лучше проглочу свой языкъ, пусть буду я сто разъ уродливѣе, чѣмъ я есть, если только возможно быть уродливѣе!»

Каково-же сердце у моего превосходнаго матроса?

Лишь только насталъ вечеръ, я отправился къ столу Пѣтп.

— Ты не ѣшь болѣе, мой добрякъ?

— Пѣтъ.

— Отчего-же?

— Все кончено.

— Ты развѣ боленъ?

— Да, несвареніемъ желудка.

— А! а! понимаю.

— Эти золотыя рыбки превосходны; я хотѣлъ сказать, *были* превосходны.

— По этому ты не отказался отъ своей порціи?

— Ни даже отъ косточекъ.

— А я, кажется, слышалъ, что ты обѣщалъ совсѣмъ другое.

— Что̀ дѣлать! сердцу легко и сладостно, когда въ немъ родится сожалѣніе, но голодъ—вещь весьма-горькая; я кинулся на нихъ какъ-бы съ-налёта. Надѣюсь, что Богъ проститъ меня.

— Твой грѣхъ не такъ великъ, и его можно отпустить.

— Да! все такъ! но косточка стоитъ у меня по-сихъ-поръ въ горлѣ, и никакъ не проходитъ.

— У меня въ сундукѣ осталась еще одна полубутылка руссильйонскаго, за которой ты можешь придти.

— Я былъ увѣренъ, что вы меня поймете. Чортъ меня возьми! славно имѣть такую голову, какъ ваша.

Я забылъ еще кое-что. А эти міріады крылатыхъ, летучихъ рыбъ, скользящихъ между двухъ водъ, ныряющихъ съ различными быстрыми оборотами, чтобы уйти отъ смертоносной пасти окружающихъ ихъ хищныхъ непріятелей; онѣ выскакиваютъ, поднимаются въ воздухѣ, внѣ воды пролетаютъ пространство болѣе трехъ сотъ шаговъ, окунаютъ въ пѣнящуюся волну свои засохшія крылья и жабры, и снова летятъ, сбивъ совершенно съ толку преслѣдующаго ихъ охотника!

А облачко, чернѣющееся на горизонтѣ... Смотрите, какъ оно округляется, поднимается, измѣняетъ свои фантастическія формы, поднимается снова, паритъ надъ судномъ, спускается, бѣжитъ, пропадаетъ и исчезаетъ на противуположномъ горизонтѣ!

А щеголеватый *буревѣстникъ* (damier), посѣщающій васъ; онъ дивится, испускаетъ радостный крикъ, и потомъ улетаетъ, испуганный нашимъ страннымъ для него ходомъ!

А безтолковый *глупышь* (fou), который садится на рею и позволяетъ убить себя, какъ-будто ему жизнь была въ тягость!

А рыболовъ морской (goeland), вися-

ціи неподвижно подъ облаками, проникающій въ волны своимъ быстрымъ, огненнымъ взоромъ, и кидающійся какъ свинецъ на рыбу, вынырнувшую на поверхность воды, и потомъ побѣдоносно воспаряющій съ добычею въ клювѣ!

А главное, гигантскій пингвинъ (албатросъ), царь всего неизмѣримаго пространства, коего сильный и неутомимый полетъ споритъ и сопротивляется ураганамъ, которыхъ онъ ищетъ въ ледяныхъ полюсахъ!

Все это развѣ не поражало, не пробуждало, и не влекло васъ, искателя приключеній къ странамъ отдаленнымъ!

По-истинѣ это стыдъ и срамъ!

Но вѣтеръ *стихнулъ*, какъ они всѣ выражаются, лисселя поставлены, а навѣтренные паруса сняты. «Подбирай большой парусъ!» и судно, почти не оставляя слѣда, кажется, отдыхаетъ отъ скораго хода. Жаръ нестерпимый; тропическое солнце палитъ насъ вертикальными лучами, и *тенты* (палатки), разбитыя на палубѣ, не въ состояніи защитить насъ. «На воду парусъ!» Въ секунду дѣло кончено, и въ этомъ ex promptum устроенномъ бассейнѣ, мы купаемся почти безъ страха, посреди океана, коего неизмѣримая глубина ужасаетъ мысль и воображеніе. Четыре конца паруса тянутся вдоль борта и, составляя родъ колыбели, кажутся достаточною защитою отъ опасныхъ укушеній нѣкоторыхъ водяныхъ жителей, а главное отъ гибельной аккулы, почти никогда невыходящей изъ своей стихіи. Впрочемъ со всѣхъ сторонъ собравшіеся вдоль борта зрители всматриваются по протяженію всей окружности въ воду и готовы тотчасъ-же увѣдомить объ опасности. Вдругъ раздаются крики: аккула, аккула! назадъ! Простите веселыя игры, уже не до васъ, прости рѣзвость, простите шутки! Здѣсь трапъ, тамъ канатъ; тутъ кто первый поспѣетъ, тотъ и правъ, тутъ кто болѣе прочихъ покажетъ невѣжливости и наградитъ толчками своего сосѣда, тотъ и молодецъ; кто поднимается, кто летитъ внизъ, всѣ штурмуютъ корветъ, но послѣдній пловецъ, трепещущій, обращая взоры кругомъ себя, не видитъ лишь швартова, который ему бросили, а ожидаетъ въ помертвѣломъ оцѣпенѣніи непріятеля, долженствующаго его проглотить, какъ-будто чудовищу необходимо было приношеніе его въ жертву. Потомъ, удивленный, что его еще никто не хватаетъ, послѣ столь ужаснаго испуга и страха, онъ рѣшается спастись; блѣдный, обезсиленный, и единогласно укоряемый въ малодушіи и трусости, онъ, обращая всѣ свои продѣлки въ свою выгоду, говоритъ намъ: одни только трусы бѣгутъ при видѣ непріятеля, но я показалъ болѣе храбрости, оставшись на полѣ сраженія въ минуту общаго возгласа: *спасайся, кто можетъ*. Услышавъ это, Маршэ *легонько* трогаетъ Пёти по плечу, такъ-что этотъ молодецъ погнулся подъ костливыми пальцами марсоваго стража, и въ тоже время говоритъ ему шопотомъ, однакожъ такъ, что всѣ это могли слышать: «Этотъ храбрецъ преестественный трусъ!» Пёти отвѣчаетъ ему на это съ важнымъ видомъ: «Маршэ! ты отпустилъ теперь прекрасное словцо!»

Однакожъ аккула сторожила насъ въ самомъ-дѣлѣ; а рыба *лоцманъ* (pilote), ея вѣрнѣйшій авангардъ, которой самоотверженіе я напоминаю вамъ и выставляю на видъ, искала добычи для своего властелина. Сей властелинъ, подобно гіеннѣ, не находитъ ничего у дверей оставленной хижины; жадный взоръ его проникаетъ въ пустую купальню, онъ останавливается, и подобно страшному стражу, отправляется потомъ подъ самый руль, ожидать въ *водахъ судна* остатковъ, выброшен-

ныхъ на жертву его ненасытному желудку. Вы уже изъ прежнихъ моихъ разсказовъ знаете, что, оставляя его безнаказанно наслаждаться покоемъ и тишиною, вы можете, послѣ минутнаго ожиданія, сдѣлать его вашимъ плѣнникомъ и жертвою тѣхъ, которыхъ онъ прежде такъ жестоко напугалъ.

Все это развѣ не любопытно узнать, не любопытно всему этому научиться, смѣю васъ спросить?

Вотъ засвѣжѣло снова; нижніе паруса натянуты, они надуваются совершенно съ изысканною прелестью, брамстенги и брамселя подняты; корветъ понесся быстро и ровно, безъ толчковъ; его сильно кренитъ, но онъ такъ плотно сѣлъ въ воду, что вы можете подумать, будто онъ остается неподвижнымъ на своей стезѣ. На морѣ, — этотъ отдыхъ безпокойнѣе самого движенія.

При свистѣ шумнаго береговаго вѣтра, міріады дельфиновъ пробуждаются и выказываются на поверхность воды. Посмотрите на эти безчисленные легіоны, вздымающіе пѣнистыя волны, посмотрите, какъ они въ минуту собрались со всѣхъ концовъ горизонта и окружаютъ судно, опутываютъ его въ своихъ рѣзвыхъ, веселыхъ эволюціяхъ. Пусть охотникъ, желающій побѣдить ихъ, становится на *стемъ* (гальюнъ); опять является тотъ-же Віаль, онъ опять пуститъ и вонзитъ свое гибельное зубчатое желѣзо въ ихъ чорныя, иногда сѣрыя, иногда полосатыя, чорныя съ бѣлымъ, спины. Но гдѣ найти оружіе столь твердое, которое могло-бы устоять противъ воздушныхъ прыжковъ убѣгающаго дельфина? Посудите сами о быстротѣ этой рыбы. Судно идетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати узловъ, то есть четыре или пять миль въ часъ; а дельфинъ, играя постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду, описываетъ круги около корвета, идущаго на всѣхъ парусахъ, при самомъ крѣпкомъ вѣтрѣ. Удивительно! Непостижимо!

Рифъ! рифъ! закричалъ марсовой: рифъ передъ нами! И всѣ подзорныя трубы направлены на указанную точку, и всѣ карты развернуты для повѣрки; чисто, нѣтъ никакого признака, а при всемъ томъ на этомъ мѣстѣ волны бьютъ и крутятся сильнѣе.

Этотъ рифъ ничто-иное, какъ спящій китъ; тревога продолжалась не долго, но за то намъ осталось еще лишнее происшествіе въ добавокъ къ тѣмъ, которыя мы уже описали. Въ морѣ, каждое изъ нихъ имѣетъ свою особенную занимательность; нельзя пренебрегать ни однимъ, и оставлять его безъ замѣчанія и описанія.

Не стану говорить вамъ теперь объ этихъ *бѣлыхъ шквалахъ*, падающихъ на судно съ быстротою громовыхъ ударовъ, страшныхъ, какъ они, родящихся изъ незамѣтнаго облачка надъ вашимъ зенитомъ, отъ которыхъ ваши мачты трещатъ, ломаются, которые еще тѣмъ ужаснѣе въ своей ярости, что вы никогда не имѣете времени ни укрыться, ни защититься отъ нихъ.

Я опять такъ ничего не скажу вамъ объ этихъ смерчахъ или водяныхъ столбахъ, извивающихся вихремъ, этихъ всепожирающихъ воронкахъ, достигающихъ вершиною до небесъ, а основаніемъ до глубины безднъ; объ этихъ страшныхъ смерчахъ (тифопахъ) убійственныхъ, поглощающихъ въ свои пасти, по произволу обращаемыя, огромнѣйшихъ, чудовищнѣйшихъ рыбъ, объ этихъ смерчахъ, гдѣ градъ играетъ иногда весьма-странную роль, и гдѣ громъ и молніи состязаются въ быстротѣ ударовъ и сверкающихъ стрѣлъ.

Не хочу говорить вамъ объ этихъ ужасныхъ бурянъ, объ этихъ мрачныхъ ураганахъ, гдѣ всѣ смѣшивается, сталкивается, рушится, гдѣ страшнѣйшая ночь обнимаетъ все пространство, гдѣ воздухъ гудитъ, какъ извергающая

Этна, гдѣ валы вздымаются до облаковъ, гдѣ облака лежатъ на волнахъ, гдѣ васъ бросаетъ въ обширнѣйшій, безконечный хаосъ, гдѣ вы, въ оцѣпенѣніи ожидаете своего послѣдняго часа, и гдѣ однакожъ корветъ, иногда стоймя, иногда лежа со всѣмъ на-боку, открытый со всѣхъ сторонъ, плывущій чаще подъ водою нежели по волнамъ, гордо противится стихіямъ, послушный своему мощному рулю.

Нѣтъ, нѣтъ, тогда-бы вы трусливо закутались въ свою городскую лѣнь, и навсегда отказались отъ этихъ заморскихъ путешествій, въ пользу которыхъ, увы! я проповѣдую въ пустынѣ.

Но впрочемъ, Боже мой, кто-же васъ удерживаетъ? *Видѣть не значитъ-ли имѣть?* Океаны нравятся вамъ по своимъ радостямъ, по праздникамъ, по своему гнѣву и грозамъ! Я-же присутствовалъ тамъ, жилъ по цѣлымъ годамъ, я, который не умѣю вовсе плавать! При всемъ этомъ, обращая къ вамъ столь теплыя мольбы, я спѣшу прибавить, что въ продолженіе всѣхъ моихъ далекихъ странствій и переѣздовъ, не проходило ни одного дня, чтобы я не страдалъ отъ качки, этой ужасной морской боли, которая отбивала охоту странствовать у многихъ мужественныхъ и рѣшительныхъ людей.

А все это оттого, что я захотѣлъ, твердо захотѣлъ узнать, и что всякое страданіе и боль умолкаютъ предъ силою рѣшимости, постоянной и неизмѣнной.

XVIII.

ОМБАЙ.

Людоѣды. — Фигляры. — Драма.

Существуютъ-ли еще людоѣды? вотъ ежедневный въ Европѣ вопросъ, совершенно-различно толкуемый. Иные говорятъ, что просвѣщеніе, проникнувъ въ отдаленные архипелаги, гдѣ владычествовали нравы людоѣдовъ, истребило этотъ варварскій обычай; другіе-же не боятся утверждать, что настоящіе людоѣды никогда не существовали, если не были къ тому принуждены голодомъ или жаждою мести.

Я боялся окончить огромное путешествіе мое безъ точныхъ документовъ на этотъ счотъ, и теперь, благодаря счастливой судьбѣ, могу громогласно сказать: *да, людоѣды еще существуютъ*.

Частію на островахъ Индѣйскаго-океана или Тихаго-моря, антропофагія — существуетъ, послѣ жаркой битвы, когда человѣкъ сильно тревожимъ жаждою мщенія. Часто проявляется она, послѣ ужасныхъ происшествій, въ Тиморѣ, Вайжью, на Сандвичевыхъ-островахъ, въ Новой-Голландіи и въ особенности въ Новой-Зеландіи, въ цвѣтущемъ, совершенно европейскомъ городѣ, столь часто посѣщаемомъ кораблями, въ двухъ шагахъ отъ порта Джаксона. Но антропофагія безъ злобы,

безъ неистовой ярости, безъ ненависти, антропофагія, допускаемая правами, можетъ-быть, даже религіей, увѣряю васъ, она существуетъ, по-крайней-мѣрѣ, въ Омбаѣ, и почитаю себя весьма-счастливымъ, что не другой кто утверждаетъ васъ въ этомъ, помѣстивъ меня въ число жертвъ антропофагіи. Что-же спасло меня и нѣкоторыхъ друзей моихъ отъ самыхъ ужасныхъ опасностей, предстоявшихъ когда-либо человѣку? Веселость наша. Малѣйшая угроза, малѣйшій крикъ, какое-нибудь движеніе нетерпѣнія или боязливый взглядъ — и мы были-бы умерщвлены, съѣдены!

Омбай—огромный, гористый островъ, дикой, волканическій, голый, исключая овраговъ, куда ниспадающія съ высотъ воды приносятъ немного свѣжести и жизни. Берега Тимора, вдоль которыхъ мы плыли, пока не достигли до раздѣляющаго ихъ пролива, представляются взору подъ самыми странными и дикими формами. Вдали, сквозь сѣть фантастическихъ облаковъ, выказываются острыя вершины острова Ляфао. Кусси, Гула-Бату исчезли и мы залавировали наконецъ, насупротивъ Батукгедэ, коего почва такъ странна, что можно принять его за огромную массу черныхъ, исполинскихъ сахарныхъ головъ, поднимающихся одна надъ другой до вышины болѣе нежели 1200 метровъ. Всѣ эти быстрые, правильные конусы, навѣрное старинныя жерла волкановъ; глубокія слои лавы покрывали все поморье.

Между-тѣмъ самые знойные солнечные лучи палили насъ вертикально; измученные матросы наши умирали отъ ужаснѣйшаго кроваваго поноса; у насъ не было прѣсной воды, ибо прошло 24 дня, какъ мы оставили Купангъ, полагая, что это самый большой срокъ времени для достиженія острова Вайжью (Waiggiou). Утромъ, легкій, свѣжій вѣтерокъ нечувствительно двигалъ насъ; тишина ночи оставляла насъ въ совершенномъ покоѣ, и на слѣдующее утро, благодаря теченію, мы опять находились противу безмолвныхъ горъ, отъ конхъ думали навсегда избавиться.

О! жизнь моряка очень печальна: отвага и предусмотрительность ихъ часто уничтожаются могучимъ препятствіемъ вѣтровъ и тиши, и мы разъ тысячу, послѣ отъѣзда нашего, съ жаромъ призывали ураганъ и бури!

Со всѣмъ тѣмъ, экипажъ умиралъ отъ жажды; тамъ, на-право, Тиморъ съ своими слоями лавы и грудами голышей; на-лѣво Омбаи и Лодоѣды; мы это знали и совсѣмъ тѣмъ надо было выдти на берегъ; общая польза требовала, чтобы нѣкоторые изъ насъ отважили жизнь свою.

Командиръ назначилъ экспедицію; большая лодка спущена на воду, и десять матросовъ, подъ командою Берара отправились. Годишо, Гемаръ и я, мы попросили и получили позволеніе сопутствовать нашему другу. Взявъ всѣ обычныя предосторожности для поданія сигналовъ въ случаѣ могущей встрѣтиться опасности, мы отвалили отъ корабля и направились къ селенію, выстроенному на скатѣ горы, изрытой глубокими бороздами.

Когда мы приближались къ берегу, сердца наши бились отъ нетерпѣнія и страха. О предстоявшей намъ опасности судили мы по малолѣтному безстрастію жителей, собравшихся у подошвы гигантскаго *Корнеспуска* (Multipliant); не отчаиваясь однакожъ, искали мы взорами удобнаго для высадки мѣста, предупреждая другъ-друга быть осторожными.

Матросы гребли не съ большимъ усердіемъ и указывали намъ на огромное количество оружія, коимъ каждый островитянинъ былъ, такъ-сказать, увѣшенъ.

— Быть жаркому дѣлу! сказалъ Пёти, жуя катышъ табаку; посмотрите, что всѣ мы будемъ изжарены, и когда напишемъ о томъ отцамъ и матерямъ нашимъ, то намъ не повѣрятъ *).

Я забылъ сказать вамъ, что между всѣми странностями матроса Пёти, главнѣйшая была — его глупая страсть къ каламбурамъ.

— Молчи, трусъ, и оставайся на лодкѣ, ежели боишься.

— Да, для того, чтобы у рыбъ не было недостатка въ подливкѣ. Смотрите, одинъ изъ этихъ подлецовъ отдѣляется отъ своихъ товарищей; бьюсь объ закладъ, что онъ обжорливѣе всѣхъ и принимаетъ меня за настоящую *бервѣну* **)! Чортъ возьми, если-бы онъ пожаловалъ къ намъ! то-то-бы дали вы пляску!

— Ну, ну, смирно! будемъ осторожны. Двое изъ людей пусть остаются въ лодкѣ, въ готовности подать сигналъ корвету; другіе понесутъ бочонки, а мы займемъ островитянъ. Они, кажется, разсуждаютъ: не надо имъ давать времени рѣшиться на что-нибудь; пойдемъ къ нимъ смѣлѣе.

— Хорошо, но не надо быть и слишкомъ самонадѣянными, сказалъ Андерсонъ, много плававшій въ Архипелагѣ Молукскомъ; покажемъ видъ, будто вѣримъ ихъ силѣ: можетъ-быть, они будутъ великодушнѣе. Я знаю Малайцевъ: ежели вы захотите увѣрить ихъ, что не боитесь ихъ, они васъ убьютъ, не для чего инаго, какъ въ доказательство, что вы ошиблись.

— Поэтому благоразуміе требуетъ выказать себя трусами.

— Можетъ-быть.

— Мнѣ, отвѣчалъ забавникъ Пёти, хотѣлось-бы имъ показать... кое-что другое... пятки.

— За весла! сказалъ Бераръ, когда мы подъѣхали на нѣсколько сажень; бросай якорь! Когда дрекъ будетъ брошенъ, мы достигнемъ до берега; воды намъ будетъ по поясъ.

Я хотѣлъ испытать силу моей флейты, подобно тому, какъ и у жителей полуострова Перона. Увы! и здѣсь также, какъ тамъ, двойныя нотки мои не помогли и едва-едва не былъ я освистанъ первымъ Омбайцемъ, выбѣжавшимъ къ намъ на встрѣчу, и двумя другими, его догнавшими. Всѣ трое пригласили насъ втащить лодку на берегъ; но мы сдѣлали видъ, будто не понимаемъ, и стали приближаться, вооруженные съ ногъ до головы, къ группѣ островитянъ, коихъ по-крайней-мѣрѣ до 60 столпилось у дерева.

Дорогой вздумалъ я попробовать свои кастаньеты; три Омбайца подошли поспѣшно ко мнѣ, разсматривали любопытнымъ взоромъ инструментъ и просили, чтобы я имъ отдалъ его. Рано было-бы уже оказывать щедрость свою, и не-смотря на усильныя просьбы, весьма-походившія на угрозы, я отказалъ. Трое недовольныхъ заворчали, стали шибко размахивать руками, громко закричали, пронзительно свиснули и бросили свирѣпый взглядъ на многочисленныя стрѣлы, коими были набиты ихъ пояса. На этотъ свистъ отвѣчали изъ группы подобнымъ-же свистомъ, и Пёти сказалъ намъ, смѣясь:

— Это гововится музыка для бала, контръ-дансъ не долго продолжится. Все равно, не будемъ плошать, господа, покажемъ себя.

Едва окончилъ онъ слова эти, какъ одинъ изъ трехъ Омбайцевъ подошолъ ко мнѣ, произнося какіе-то быстрые,

---

(*) Въ подлинникѣ здѣсь выходитъ непереводимый каламбуръ на слово crûs, имѣющее, какъ извѣстно, два значенія на Французскомъ Nous ne serons pas *crûs* — *намъ не повѣрятъ*, или *мы не будемъ сыры* (когда насъ изжарятъ).

(**) Rouget или surmulet красночешуйчатая рыбка, весьма-обыкновенная на берегахъ Нормандіи и Бретани.

Пр. Перев.

неровные звуки и какъ-бы для того, чтобы завязать бой, нанесъ мнѣ сзади сильный ударъ по головѣ кулакомъ, такъ-что съ меня свалилась шляпа. Первой мыслію моей было раскроить черепъ невѣжѣ; я схватился уже было за пистолеты, но Андерсонъ, свидѣтель сцены, закричалъ мнѣ издалека :

— Ежели вы выстрѣлите, мы погибли!

Дѣйствительно, я понялъ всю очевидность опасности, и не-смотря на жаркія просьбы Пёти, уговарившаго меня отмстить, я рѣшился до конца быть благоразуменъ и притворился, будто не понимаю грубости атаки. Подойдя къ лежавшей еще на землѣ шляпѣ, я перевернулъ ее ногой, взбросилъ на воздухъ и, подставивъ голову, надѣлъ ее, что́ я, не хвастовски сказать, дѣлаю съ ловкостью не хуже какого-нибудь искуснаго фигляра. Противникъ мой, готовый уже возобновить нападеніе, вдругъ остановился, сказалъ что-то товарищамъ своимъ и всѣ трое стали упрашивать меня повторить мою шутку.

— Не заставляйте себя долго упрашивать, закричалъ мнѣ Андерсонъ : начните снова скорѣе и старайтесь ихъ забавлять; матросы наши наполняютъ бочонки водой; задержимъ здѣсь островитянъ.

— Дѣльно, возразилъ я : я лучше люблю фигларить, чѣмъ драться.

Въ-слѣдъ за этимъ, я опять поставилъ шляпу на траву, взбросилъ ее какъ первый разъ ногою и опять надѣлъ на голову. Этимъ я заслужилъ одобреніе островитянъ; они взяли меня подъ руки и повели подъ тѣнь дерева съ двусмысленными изъявленіями радости и удивленія.

— Мы спасены, продолжалъ Андерсонъ, ежели развеселимъ раію; ежели же нѣтъ, то уже не вернемся на корветъ. Вы знаете, что я понимаю нѣсколько по-малайски; погибель наша рѣшена: старикъ этотъ отдалъ о томъ непремѣнное приказаніе окружающимъ его воинамъ.

— Ну! сказалъ я : станемъ-же забавлять ихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, постараемся; все-таки лучше умереть шутя, чѣмъ въ отчаяніи. Скорѣе, маленькой столикъ мой, мои шары, кольцы, ножи, коробочки, начнемъ фигларить (въ опасныхъ путешествіяхъ моихъ, эти спасительные инструменты всегда были со мной). Теперь дайте мѣсто!

Импровизированный паяццо Пёти, начертилъ большой кругъ, увѣрилъ дикихъ, что я и божокъ и чортикъ, по произволу; называлъ ихъ дуралеями, глупцами и сталъ наконецъ передо мною на колѣни, чтобы, въ случаѣ нужды, помочь мнѣ; потомъ закричалъ дикимъ голосомъ :

—Занимайте мѣста, господа и госпожи; первыя мѣста ничего не стоятъ, а вторыя даромъ.

Можно поручиться въ томъ, что, навѣрное, кромѣ насъ никто не осмѣлился фиглярничать такимъ образомъ, имѣя передъ глазами ужасную, безпощадную смерть; совсѣмъ тѣмъ, это одно только могло спасти насъ, это одно было нашей защитой. Насъ было шестеро : что́ могли мы сдѣлать противу шестидесяти свирѣпыхъ дикарей, не считая спрятавшихся, безъ сомнѣнія, за изгородами и сосѣдними утесами?

Взоры всѣхъ обращены были на меня съ глупымъ любопытствомъ; всѣ слѣдили за движеніями рукъ моихъ и быстрымъ переходомъ шаровъ и колецъ; вытянувъ шеи, разинувъ рты, испускали они крики удивленія, коимъ, по строгости сутя, слѣдовало-бы перепугать меня, ибо я могъ опасаться, чтобы удивленные ловкостію моею дикіе, по отъѣздѣ друзей моихъ, не вздумали меня оставить у себя. Но, не предаваясь побочнымъ этимъ опасеніямъ, я храбро продолжалъ мои любопытные опыты, которымъ не разъ завидовалъ

и самъ знаменитый Контъ *). Бѣдныхъ островитянъ дергали конвульсіи, и паяццо Пёти старался подражать имъ самымъ смѣшнымъ и забавнымъ образомъ. Въ-продолженіе этихъ игръ, Годишò собиралъ около насъ трàвы, Гемаръ наполнялъ свой словарь, Бераръ отдавалъ приказанія матросамъ, и бочонки спустились въ лодку.

До-сихъ-поръ все шло хорошо; но мы тѣмъ не удовольствовались. Сдѣлавъ первый шагъ, мы хотѣли довести до конца любопытныя и безразсудныя изслѣдованія наши, и спросили, чтобы намъ указали дорогу къ селенію, которое мы усмотрѣли еще съ корвета. На этотъ вопросъ намъ отвѣчали :

— Памали (это свято).

— Раія?

— Памали.

— Порамуамъ (женщины).

— Памали.

—По-видимому, сказалъ Пёти, смѣясь: въ странѣ этихъ бѣшеныхъ волковъ, все называется *памали*; это тоже, что *годдэмъ* Англичанъ; они не умѣютъ ничего больше выговорить. Честное слово! ихъ надо-бы сохранить въ бокалѣ, какъ вещи *памали*...

Замѣтивъ однако, что островитяне съ особеннымъ уваженіемъ обращались къ старику, о которомъ я упоминалъ, я повторилъ вопросъ и вторично спросилъ, не раія-ли это? Тогда только мнѣ сказали, что да.

Твердо-увѣренный, что раія не безчувствителенъ къ искушенію, я показалъ ему кое-какія европейскія бездѣлицы и онъ дѣйствительно попросилъ ихъ у меня. Сначала я показалъ видъ, будто очень дорожу ими, но потомъ далъ ему почувствовать, что не могу ни въ чомъ отказать ему за оказываемое имъ мнѣ высокое покровительство. Сѣвъ на пятки возлѣ него, я привѣсилъ къ ушамъ его двѣ мѣдныя подвѣски, надѣлъ ему на шею большое ожерелье изъ рейнскихъ кремешковъ, на руки ему надѣлъ два браслета, довольно-хорошо обдѣланные, и потомъ попросилъ у него позволеніе облобызать его по братски, на что онъ согласился, заставивъ однакожъ сперва попросить себя немного. Приставивъ лицо свое къ моему, онъ крѣпко оперся тяжелыми руками своими на мои плечи; я сдѣлалъ тоже самое, потомъ съ серьёзнымъ видомъ, едва удерживаясь отъ смѣха, не-смотря на опасность положенія нашего, я приблизилъ носъ свой къ его носу и потеръ его довольно-сильно. Фыркнувъ оба въ одно и тоже время, мы, казалось, сдѣлались такими друзьями, что едва-было онъ не приказалъ тотчасъ-же начать казнь мою, сколько я могъ заключить изъ быстраго разговора его и свирѣпыхъ взглядовъ.

Но этимъ не кончилась принужденная щедрость моя. Небольшой мѣшочекъ, содержавшій мои драгоцѣнности и стòившій неболѣе восьми или десяти франковъ, былъ предметомъ алчной зависти прочихъ островитянъ; они всѣ протягивали руки и тоже добивались чести потереть носы свои объ мой носъ. Докучливость ихъ сдѣлалась такъ грозна, что не было никакой возможности отказать имъ.

Такъ какъ здѣсь почести оказываются по росту, то сперва самому огромному изъ нихъ, я далъ пару ножницъ; другому нѣсколько платковъ; третьему зеркальцо и нѣсколько гвоздей, четвертому удочку... Мѣшокъ скоро опустѣлъ, а требованій еще было много; меня передавали изъ рукъ въ руки и вертѣли какъ кубарь. Движенія сдѣлались сильнѣе, они начинали уже добираться до моей одежды, и я хотѣлъ было даже прибѣгнуть къ оружію, какъ вдругъ подошелъ раія, концомъ лука своего начертилъ во-кругъ меня большой кругъ и произнесъ твердымъ голосомъ священное слово :

*) Извѣстный парижскій фокусникъ.

— Памали!

Въ одно мгновеніе островитяне отскочили, словно пораженные электрическимъ ударомъ, и я очутился одинъ въ этомъ священномъ мѣстѣ. Это случилось очень-кстати, потому-что я едва переводилъ дыханіе и товарищи мои, подобно мнѣ, готовились уже къ атакѣ.

Послѣ непродолжительной рѣчи раіи, Омбайцы, по-видимому, успокоились, и не-смотря на ихъ упрямство, мы рѣшились осмотрѣть селеніе, называемое Битока. Это была съ нашей стороны большая неосторожность, пототу-что всѣ бочонки, наполненные чудесной водой, были уже нагружены на лодку, и поданные съ корабля сигналы приглашали насъ воротиться.

Но въ этихъ опасныхъ поѣздкахъ, любопытство такъ сильно подстрекается всѣмъ, что̀ видишь, что чѣмъ болѣе вещь скрываютъ, тѣмъ сильнѣе желаешь видѣть ее. Еще не одна женщина не показалось намъ, и когда мы спросили позволеніе потереть носы наши объ носъ королевы, намъ отвѣчали съ ужаснымъ и грознымъ видомъ:

— Памали!

Но мы сказали другъ-другу: пусть по вашему оно свято, но мы увидимъ женщинъ вашихъ или, по-крайней-мѣрѣ, осмотримъ деревню. Напрасно Андерсонъ уговаривалъ насъ воротиться; слова его не имѣли силы, точно такъ, какъ и угрозы Омбайцевъ, и мы стали взбираться на гору по трудной, каменистой тропинкѣ, къ досадѣ островитянъ, старавшихся ясно сбить насъ съ дороги, указывая другую шире и глаже. Идучи рядомъ и все на-сторожѣ, мы увидѣли вскорѣ надъ головами хижины Битока; ихъ около сорока; выстроены онѣ на сваяхъ, три или четыре фута надъ землею, хорошо устроены и отдѣлены одна отъ другой. Но женщинъ все-таки нѣтъ; мы не замѣтили ни одной, и это единственная страна на земномъ шарѣ, гдѣ намъ не позволено было язучить ихъ правовъ.

Многіе изъ островитянъ послѣдовали за нами и прежде пришли въ селеніе; тутъ просьбы ихъ сдѣлались докучливѣе и настойчивѣе, тутъ угрозы посыпались сильнѣе, не-смотря на фигляретво мое, все еще удивлявшее, но уже не успокоивавшее ихъ; и когда мы отдавали имъ, по-временамъ, небольшія богатства наши, они отдаривали насъ луками и стрѣлами.

Гемаръ, имѣвшій привычку обшаривать малѣйшіе закоулки, объявилъ намъ, что онъ видѣлъ на стѣнахъ сосѣдней хижины, вѣроятно Рума-Памали Битока, около пятнадцати окровавленныхъ челюстей. Я тотчасъ отправился туда, идучи какъ-будто на берегъ, и едва только успѣлъ взглянуть на эти гнусные трофеи, о которыхъ мы не смѣли никого распрашивать.

Посреди волненія, произведеннаго въ насъ подобнымъ открытіемъ, ракета, пущенная съ корабля и призывавшая насъ назадъ, лопнула въ воздухѣ. Омбайцы, сочтя сигналъ этотъ началомъ войны, раздѣлились на нѣсколько кучекъ, стали переговариваться между собою, испуская дикой, пронзительный свистъ, расположились эшелонами по дорогѣ, по которой намъ слѣдовало идти, вооружились луками, засунули за пазуху себѣ множество стрѣлъ съ желѣзными остріями, обмакнувъ ихъ, по-большей части, въ бамбуковую трубочку, полную какой-то желтоватой, клейкой жидкости и, казалось, ожидали послѣдняго знака своего раіи, чтобы умертвить насъ. Тутъ началась драма.

— Вотъ мы и попались, сказалъ Пёти, хотѣвшій уже обнажить шпагу: что̀ прикажите рубить, флейты или головы.

— Надо молчать и слѣдовать за нами, отвѣчалъ я.

— Все-равно; я охотно дозволяю всадить себѣ двѣ стрѣлы въ... бокъ.

— И я тоже.

— И я тоже...

Казалось однако мудрено, чтобы мы такъ дешево отдѣлались. Воображенію нашему невольно представлялись окровавленныя челюсти, повѣшенныя въ Рума-Памали.

Совсѣмъ тѣмъ, мы не показывали робости и я даже дошолъ до того, что сталъ учить островитянъ кой-какимъ изъ моихъ фокусовъ, для того, чтобы развлечь ихъ. Я уже отдалъ имъ, равно какъ и товарищи мои, куртку, матрозскую рубаху, галстукъ, носовой платокъ, жилетъ, и наконецъ немного чѣмъ отсталъ отъ нихъ въ одеждѣ. Такъ-какъ грабежъ былъ первою потребностію этихъ свирѣпыхъ племянъ, то мы полагали навѣрное, что они будутъ менѣе жестоки, увидѣвъ, что у насъ уже нѣчего взять. Но они не удовольствовались этимъ: надо было еще обѣщать имъ, и, дѣйствительно, я успѣлъ растолковать почтенной публикѣ, что завтра, съ восходомъ солнца, мы воротимся къ нимъ съ новыми, лучшими подарками... Они и по-сіе-время еще ожидаютъ насъ.

Со-всѣмъ-тѣмъ, такъ-какъ мы боялись, чтобы они не потребовали у насъ заложниковъ, то я спросилъ Берара, не попугать-ли ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ?

— Попробуемъ, отвѣчалъ онъ: можетъ-быть, удастся; можетъ-быть, они не знаютъ еще силы пороха.

Попугай кричалъ въ это время, сидя на широкихъ листьяхъ *римы* (хлѣбнаго дерева).

— *Буру* (птица) сказалъ я, одному, по-видимому, болѣе другихъ раздраженному Малайцу, указывая ему на попугая: *буру*, *мати* (убита).

Бераръ недававшій почти никогда маху, прицѣлился, выстрѣлилъ и птица свалилась. Съ видомъ побѣдителей взглянули мы на островитянъ: Ни одинъ изъ нихъ не двинулся съ мѣста, ни одинъ не показалъ ни малѣйшаго удивленія; но тотъ, къ кому я сперва отнесся, взялъ меня грубо за руку и, показавъ мнѣ на попугая, усѣвшагося на вѣтвяхъ одного кокосоваго дерева, сказалъ мнѣ въ свою очередь:

— Буру, буру мати...

Онъ взялъ стрѣлу, натянулъ лукъ, громко вскрикнулъ: птица, испугавшись, вспорхнула, стрѣла свиснула и попугай упалъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ, не давъ намъ времени образумиться, и давъ хорошо почувствовать, что пока мы заряжаемъ ружья, онъ успѣетъ тридцать разъ спустить лукъ, тотъ-же островитянинъ, указалъ намъ на небольшое деревцо, не толще руки, въ пятидесяти шагахъ разстоянія и, не цѣлясь почти нисколько, сказалъ:

— *Мири*, *мири* (смотрите), и стрѣла глубоко вонзилась въ дерево, такъ-что мы не иначе могли вытащить ее, какъ оставивъ остріе въ деревѣ.

Все кончено, сказалъ тихо Андерсонъ: мы погибли!

— Не совсѣмъ еще, возразилъ я; я покажу имъ мои ящики съ двойнымъ дномъ; попробуемъ съ яростью ихъ поступить точно также, какъ съ шариками. Вы-же, друзья мои, раздайте все ваше платье. Сказано, сдѣлано.

Между-тѣмъ мы приближались къ берегу и хотя ночь уже наступила, я не могъ удержаться, чтобы не срисовать чудныій трофей изъ оружія, висѣвшаго на вѣтвяхъ одного небольшаго *пандануса* (деревца). Одинъ Омбаецъ надѣлъ трофей на себя и сталъ служить моделью предо мной, никакъ неожидавшимъ такой благосклонности.

Тутъ снова началось треніе носовъ, въ благодарность за его вѣжливость; но онъ, въ восторгѣ отъ того, что увидѣлъ изображеніе свое на бумагѣ, вздумалъ показать мнѣ болѣе любопытное и драматическое зрѣлище. Онъ обра-

тился къ одному изъ своихъ; тотъ вооружился ужаснымъ *крйсомъ* (кинжаломъ), и вотъ они угрожаютъ другъ другу взорами, голосомъ; нагибаются, выпрямляются, скачутъ, подобно голодным барсамъ, то вдругъ спрячутся за дерево, то выкажутся еще ужаснѣе, еще свирѣпѣе; потомъ, размахивая мечами и закрывшись щитами изъ буйволовой шкуры, нападаютъ другъ на друга, испуская неистовые крики, осыпая другъ-друга проклятіями; пѣна била у нихъ изо рта, и это кончилось тогда только, когда одинъ изъ бойцовъ палъ мертвый. Это ужасное зрѣлище продолжалось болѣе четверти часа; мы едва смѣли дышать.

О! никогда, ни одинъ путешественникъ не былъ задержанъ, во-время безразсудныхъ походовъ своихъ, эпизодомъ болѣе жаркимъ и страшнымъ! Это была не игра, не пустое зрѣлище: это была цѣлая драма, полная ужаса, скорби, томленія и бреда; это былъ бой на смерть, бой, коего жаждутъ два противника, недорожащіе жизнію и думающіе только объ одномъ убійствѣ. Холодный потъ обливалъ бойцовъ, губы ихъ дрожали, ноздри расширялись, а красные зрачки сверкали. Въ жару боя, одинъ изъ нихъ получилъ довольносильную рану въ лядвею; кровь лилась ручьемъ, но неустрашимый Омбаецъ, казалось, не замѣчалъ того. Подобные люди не должны знать болѣе.

Я описалъ почти сцену; но эти дикіе крики посреди борьбы, эта звѣрская радость въ минуту тріумфа, изображаемая поочередно обоими сражавшимися, эти глаза, налитые кровью, быстрыя движенія меча, какъ-бы срубающаго голову, и жадность побѣдителя пить кровь изъ черепа, жевать тѣло убитаго, все это изображаемое адскою пантомимою, какое перо, какая кисть въ состояніи описать ихъ? Клянусь вамъ, что это одинъ изъ тѣхъ плачевныхъ эпизодовъ, воспоминаніе коихъ не могутъ ослабить годы, и по-сіе-время еще, мы одни могли дать точныя и достовѣрныя подробности на-счотъ Омбаіцевъ, противу коихъ просвѣщеніе должно-бы было вооружить нѣсколько кораблей, чтобы уничтожить и самые слѣды ихъ. Никогда нельзя хорошо видѣть, если смотришь одними только глазами, и много вещей укрывается отъ взора человѣка, безчувственно взирающаго на мрачныя или веселыя картины. Чтобы хорошенько видѣть, надо чувствовать.

Пѣти, стоя возлѣ меня, не смѣялся болѣе, не жевалъ табаку, но все еще отпускалъ свои шуточки, и въ остолбенѣніи сказалъ мнѣ потихоньку.

— Что за народъ! Віаль, Левекъ и Бартъ спасовали-бы передъ ними. Чортъ возьми! гдѣ это они выучились такъ драться и вертѣть такъ проворно вокругъ себя палкою? это должны быть мастера. Бьюсь объ закладъ, что однимъ ударомъ меча они въ состояніи разрубить человѣка на четыре части... Надоумило-же васъ показывать имъ фокусы; безъ того они-бы давно зажарили васъ, какъ пискарей.

Что касается до островитянъ, они, казалось, гордились удивленіемъ, или лучше сказать, ужасомъ нашимъ и, въ эту минуту, я думаю, что перевѣсъ слишкомъ былъ на ихъ сторонѣ, а потому они, вѣроятно, рѣшились отложить ссору съ нами до слѣдующаго дня.

Мѣсто, на которомъ происходило это ужасное побоище, окружено было довольно-глубокими ямами и нѣсколькими бугорками; оно покрыто было симметрически-уложенными камешками, а сверху прикрыто еще двумя слоями пальмовыхъ листьевъ. Это было кладбище Битока и я замѣтилъ, что островитяне часто отступали, чтобы не попирать ногами эту обитель смерти; мы слѣдовали ихъ примѣру и они, казалось, вполнѣ чувствовали оказываемое нами

набожное уваженіе. Сколько противуположностей въ сердцѣ человѣческомъ!

Я не знаю людей лучше Омбайцевъ созданными для войны, даже между свирѣпыми народами, живущими однимъ грабежомъ и убійствомъ; они соединяютъ въ себѣ проворство барса, гибкость змѣи, коварство гіены и храбрость выше всевозможныхъ мученій. Омбайцы суть отрасль Малайцевъ, но это отрасль чистая, привиллегированная, первоначальная природа, народонаселеніе могущественное и сильное, одолженное, можетъ-быть, этимъ столь рѣзкимъ превосходствомъ обрывистой почвѣ, которою они овладѣли.

Лбы у нихъ открыты, глаза живые, проницательные; носъ немного сплюснутъ, хотя у нѣкоторыхъ были носы орлиные; цвѣтъ лица охряно-красный, губы толстыя, ротъ большой, и ни одинъ, сколько я могъ замѣтить, не употребляетъ ни бителя, ни извести, что̀ въ большомъ обыкновеніи у нихъ сосѣдей. Они довольно-тучны, но не такъ, какъ почти всѣ другіе островитяне, а выпуклые мускулы ихъ свидѣтельствуютъ о необыкновенной силѣ рукъ.

Всѣ Омбайцы, не исключая даже дѣтей пяти или шести лѣтъ, вооружены были луками и стрѣлами; большая часть ихъ имѣли при себѣ ужасный крисъ, ручка и ножны коего украшены были пуками волосъ. Луки дѣлаются изъ бамбука; тетива-же изъ кишокъ животныхъ. Мы едва до половины могли натянуть ихъ луки, тогда-какъ у нихъ мальчишки лѣтъ восьми справлялись съ ними безъ затрудненія, и самые молодые островитяне наиболѣе показывали непріязненности къ намъ: — они на-перерывъ старались выказывать болѣе безстыдства въ требованіяхъ и наиболѣе раздражались отказами нашими.

Стрѣлы изъ тростника, толщиною съ указательной палецъ, безъ перьевъ, вооружены костью или зубчатымъ желѣзомъ; нельзя слѣдовать взоромъ за полетомъ ихъ, и кожа въ два пальца толщины, была-бы не слишкомъ большимъ отъ нихъ предохраненіемъ. Щитъ Омбайцевъ противъ ударовъ противника сдѣланъ на подобіе самыхъ щегольскихъ Греческихъ и Римскихъ щитовъ и также надѣвается на лѣвую руку; онъ украшенъ волосами, блестящими, такъ называемыми, фарфоровыми раковинами, сухими пальмовыми листьями и маленькими бубенчиками, коихъ шумъ воодушевляетъ, быть-можетъ, сражающихся. Панцырь ихъ есть ни что иное, какъ нагрудникъ изъ буйволовой шкуры, идущій отъ ключицы до нижней части живота; на плечахъ придерживается онъ широкимъ ремнемъ, поддерживающимъ равномѣрно почти такой-же панцырь, защищающій спину и затылокъ. Я не нахожу лучшаго сравненія этому вооруженію, какъ ризы нашихъ католическихъ священниковъ, только немного короче. Раковины и украшенія расположены со вкусомъ и составляютъ чудные рисунки, красивые и оригинальные. Истинно, удивленія достоинъ Омбаецъ въ своемъ панцырѣ, готовящійся къ бою и вооружонный лукомъ, съ грудью, украшенною смертоносными стрѣлами, разложенными вѣеромъ. Волосы падаютъ у нихъ по плечамъ, а у нѣкоторыхъ они такъ длинны, что голова дѣлается чудовищною; но по большой части они поднимаютъ ихъ вверхъ съ помощію палочки, линій шести въ діаметрѣ, заплетаютъ кожанымъ ремнемъ и на верхушкѣ втыкаютъ нѣсколько пѣтушьихъ перьевъ, развѣвающихся подобно красивому султану. Они очень любятъ украшенія; въ уши себѣ втыкаютъ подвѣски изъ костей, камешковъ или раковинъ; руки и ноги ихъ обременены множествомъ обручиковъ, изъ коихъ нѣкоторые изъ чистаго золота; кромѣ того носятъ они

много браслетовъ, костяныхъ и изъ листьевъ вакои.

Окончивъ наши замѣчанія и увидя, что бочонки съ водою перетащены были на барказъ, мы спѣшили добраться до берега; но тутъ въ особенности препятствія къ отъѣзду приняли грозный оборотъ. Островитяне старались задержать насъ, обѣщая защиту свою въ ночное время; но мы, перехитривъ ихъ, дали имъ почувствовать, что воротимся завтра съ бо́льшими рѣдкостями, и что въ знакъ благодарности за великодушное гостепріимство ихъ, мы навеземъ имъ топоровъ, пилъ и богатаго платья. Надѣясь на эти обманчивые обѣщанія, и долго совѣтуясь между собою, они наконецъ отпустили насъ. Въ коварныхъ взорахъ ихъ, мы прочли новыя угрозы, въ прощаніи ихъ,— чувство высокой милости, намъ оказанной, и навѣрное, ни одинъ изъ насъ не достигъ-бы корабля, ежели-бы мы не подали имъ надеждъ получить на слѣдующій день богатѣйшую добычу и удобнѣйшую рѣзню.

Ночь была темная, но тихая; мы поплыли путеводимые огнями, по временамъ подаваемыми намъ съ корабля, и прибыли туда въ часъ ночи, счастливо избѣжавъ угрожавшей намъ опасности, и осмотрѣвъ любопытнѣйшій народъ на всѣмъ земномъ шарѣ; со всѣмъ тѣмъ, мы не знали еще всей опасности, отъ которой такъ чудно избавились.

На другой день, одинъ китоловъ, подобно намъ задержанный въ проливѣ, разсказалъ намъ, что пятнадцать человѣкъ Англичанъ, посланныхъ за водой къ берегамъ Омбая, были безчеловѣчно умерщвлены и съѣдены, за нѣсколько дней до нашего пріѣзда въ Битока; что менѣе, чѣмъ въ одной мили разстоянія, остатки сего чудовищнаго обѣда еще валялись на берегу; что ни одинъ еще Европеецъ не избѣгалъ лютости Омбайцевъ, которые ведутъ междуусобныя войны, упиваются кровью изъ череновъ побѣжденныхъ непріятелей, и что мы обязаны возвращеніемъ своимъ особенному милосердію неба. Пусть послѣ этого скажутъ, что наука Конюсовъ, Контовъ, Бальтовъ и Боско — наука безплодная! Не умѣй я фиглярить, ужъ, вѣроятно, не разказывать-бы мнѣ вамъ теперь объ Омбаѣ и его людоѣдахъ.

XIX.

ТИМОРЪ.

Дѣяли. — Краткія поясненія. — Сеньоръ Пинто. — Подробности. — Нравы. — Боа.

Ежели вы не хотите встрѣтить невѣрующихъ въ здѣшнемъ мірѣ, не разказывайте ничего, или лучше—разказывайте людямъ только то̀, что̀ они знаютъ; не учите ихъ ничему; говорите имъ только о предметахъ ихъ окружающихъ, дѣйствующихъ на чувства ихъ и съ которыми они живутъ, такъ-сказать, въ семейномъ кругу. — Иначе вы всегда найдете сомнѣніе, со-

мнѣніе насмѣшливое, обидное, которое заставитъ васъ лгать, ежели-бы у васъ не достало твердости въ самомъ преслѣдованіи семъ найти предлогъ къ бо́льшей рѣшимости и настойчивости.

Эхъ, господа! неужели вы думаете, что вокругъ свѣта ѣздятъ для того только, чтобы видѣть правильно-отстроенные дома, семейныя ссоры, кофейни, общіе столы, продавцовъ сѣрныхъ спичекъ и національную гвардію въ большомъ парадѣ или въ обыкновенной формѣ? Нѣтъ, тотъ кто путешествуетъ ни мало не останавливается передъ картинами, напоминающими ему оставленное имъ отечество. То́, чего онъ желаетъ, чего проситъ у волнъ, у земли, у неба — это противуположностей, неожиданности, драмы; и если душа путешественника хотя немного пылка, если воображеніе его кипитъ и у него достанетъ духу спокойно встрѣтить опасности и самую смерть; повѣрьте, что онъ увидитъ то́, чего другой не съумѣлъ-бы видѣть, и опишетъ то́, чего другой не съумѣлъ-бы описать. Послѣ этого, тѣмъ хуже для васъ, если вы не повѣрите; онъ, по-крайней-мѣрѣ, исполнилъ долгъ свой; читайте «Тысячу и одну Ночь» и оставьте въ покоѣ страницы истины, написанныя имъ во-первыхъ для себя, ибо онъ эгоистъ, а потомъ для людей алчущихъ знать и поучаться!

О, если-бы я сказалъ вамъ, что нашолъ въ Африкѣ, посреди архипелаговъ всѣхъ океановъ, внутри Новой-Голландіи, честныхъ префектовъ, какихъ вы знаете, праведныхъ пасторовъ, какихъ вы не знаете, безграмотныхъ мэровъ, безчестныхъ спекуляторовъ, молодыхъ людей, которыхъ сначала обманываютъ и которые сами потомъ въ свою очередь обманываютъ другихъ; если-бы я сказалъ вамъ, что смѣшное и пороки нашихъ столицъ въ ходу у Антиподовъ, вы нашли-бы это очень натуральнымъ, и совершенно логическимъ, но тамъ это было-бы феноменомъ, невѣроятностью, нелѣпостью, ложью. Я знаю людей, которые удивляются, что тропическое солнце жарче нашего, которые не позволяютъ китамъ проплывать моря, и негодуютъ на то, что огромныя ледяныя горы окружаютъ полюсы. Бѣдное человѣчество!

Нѣтъ, нѣтъ! ни люди, ни вещи, ни нравы, ни климаты не одинаковы. Я разсказываю то́, что́ видѣлъ, называю всѣхъ по-имени, товарищи моего путешествія находятся въ Парижѣ, я называю и ихъ, отдаю полную справедливость ихъ мужеству, на свою долю беру я иногда самое маленькое участіе въ этихъ опасныхъ поѣздкахъ; я не лгу, а пишу исторію.

Поѣзжайте, господа, поѣзжайте въ Тиморъ, Раваккъ, Новую-Зеландію, въ Эндрахтскую землю, на Фиджи, Кемблъ и мысъ Горнъ.

И тогда вы узнаете, что́-такое свѣтъ и разскажете объ этомъ друзьямъ своимъ; но не ѣздите въ Омбай: ни одинъ изъ васъ назадъ не воротится.

Теперь, когда я откровенно отвѣтилъ вамъ на ваши сомнѣнія, стану продолжать.

Нельзя быть учтивѣе тѣхъ свѣжихъ вѣтровъ, которые дули постоянно по возвращеніи нашемъ на фрегатъ и не позволили намъ сдержать слова, даннаго добрымъ и великодушнымъ жителямъ Битока; они избавили насъ отъ нареканія въ неучтивости противъ нихъ; но съ своей стороны жители Омбайскаго поморья, которымъ съ ихъ берега видно было, какъ мы бѣжали отъ ихъ проклятаго пролива, могли, конечно, упрекнуть насъ въ худо-оцѣненной нѣжности ихъ и обманутой благосклонности. Да остережется плаватель, который послѣ насъ вступитъ на этотъ берегъ: его, точно, слѣдовало-бы прежде вспахать нашими пушками!

Мы узнали еще въ Діэли отъ самого губернатора, что никакія покушенія противъ Омбая не удавались отъ трудности подойти къ его берегу, и еще болѣе сдѣлать высадку на тамошній берегъ; что людоѣды, соединясь вмѣстѣ противъ общаго непріятеля, удалялись внутрь своихъ владѣній, на вершины самыхъ дикихъ горъ; и что ночью, сходя оттуда со всевозможною осторожностью, они, какъ голодныя гіенны, подстерегали передовыхъ солдатъ; что ихъ отравленныя стрѣлы истребляли многихъ, и что если только они захватывали человѣка, то на другой день, на плоскомъ поморьѣ, находимы были однѣ человѣческія кости. Сверхъ-того, прибавлялъ сеньйоръ Пинто, едва только нападавшіе покидали ихъ адскую землю, эти дикіе Малайцы, выгнанные за жестокость свою изъ Тимора, выстраивали въ нѣсколько дней свои безпорядочныя лачуги, расходились съ неистовыми криками, начинали враждовать между собою и производили отъ деревни до деревни смертельную войну. Не говорите здѣсь никому, что вы были въ Омбаѣ; никто не захочетъ вамъ вѣрить, когда узнаютъ, что защитниками вамъ служили только ружья, пистолеты, сабли и ташеншпилерскіе стаканчики. Изъ всѣхъ вашихъ штукъ, продолжалъ, обращаясь ко мнѣ, губернаторъ, самая удивительная, конечно, та, что вы увезли отъ нихъ въ цѣлости свои черепа и черепа друзей вашихъ; не пускайтесь въ другой разъ на эту попытку: вы, вѣрно, останетесь въ проигрышѣ.

Если внутреннія войны, производимыя губернаторомъ Купангскимъ противъ Императора Людовика, истребили всѣ военные припасы крѣпости Конкордіи, не трудно было замѣтить, что Діэли былъ въ мирѣ съ своими сосѣдями, потому-что рейдъ безпрестанно оглашался пушечными выстрѣлами, которые поминутно раздавались, по приказанію *Дона Хосе-Пинто-Алькофорадо де-Асведо-и-Суза*, лишь только одно изъ нашихъ судовъ подходило къ берегу. Ничто въ мірѣ такъ не оглушительно, какъ энтузіазмъ; губернатору хотѣлось, чтобы нашъ пріѣздъ остался замѣчательною эпохою въ лѣтописяхъ колоніи. Онъ возобновилъ свой дворецъ, собралъ около себя всѣхъ офицеровъ и потребовалъ, чтобы раіи и данники ихъ умножили собой число его придворныхъ. Во всемъ этомъ проявлялась искренняя радость, горячая, хотя и недавняя, дружба; въ насъ олицетворялась Европа, и они въ лицѣ нашемъ хотѣли ее отблагодарить за покровительство, почтить одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ ея флаговъ, развѣвавшихся на ихъ рейдѣ.

Мы обязаны признательностью самымъ противнымъ вѣтрамъ и штилю; они заставили насъ зайти сюда за водой, а теперь мы не иначе, какъ съ сожалѣніемъ выйдемъ отсюда: сеньйоръ Пинто умѣетъ обращаться съ порядочными людьми.

Діэли болѣе похожъ на китайскую колонію, чѣмъ на португальскую осѣдлость; новые колонисты ежегодно и въ значительномъ количествѣ переселяются сюда изъ Макао и Кантона; по несчастію климатъ тиморскій убійственъ, и жестокія болѣзни безпрестанно вызываютъ сюда новыхъ рекрутовъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ сеньйоръ Пинто сдѣлался губернаторомъ, его главный европейскій штабъ возобновлялся отъ двухъ до трехъ разъ: только онъ и еще одинъ изъ его офицеровъ устояли противъ болѣзни, которой первые признаки нѣсколькими днями только предшествуютъ смерти. Ссылка заточила Донъ Хосе-Пинто въ Діэли; незаслуженая немилость сдѣлала его всемогущимъ начальникомъ страны, столь-отдаленной отъ его родины. И что-же! Не питая ненависти къ своимъ обманутымъ судьямъ, оста-

вя на произволъ судьбы бразды правленія своего новаго отечества, онъ правилъ имъ кротко и человѣколюбиво. Не утомимо наблюдая за земледѣліемъ, онъ, какъ добрый отецъ, обращается съ своими раіями, разбираетъ ихъ распри; становится межъ ними посредникомъ, утишаетъ ихъ ссоры, и почти всегда удачно миритъ ихъ. Войный раіевъ часто происходятъ изъ пустяковъ, которыя едва-ли бы разсорили простыхъ колонистовъ. Не рѣдко за одного похищеннаго буйвола проливались цѣлыя рѣки крови, и половина воинственнаго народонаселенія исчезала, отмщая за кражу лошади. Насъ увѣряли, что туземцы этой части Тимора гораздо безчеловѣчнѣе тѣхъ, которые повинуются Голландцамъ. Ихъ схватки перестаютъ только съ истребленіемъ той или другой партіи; и обычай этихъ неукротимыхъ народовъ требуетъ, чтобы, бросаясь на смерть, они обращались къ небу и вступали въ бой съ плясками и множествомъ странныхъ кривляній.

Лишь только губернаторъ узнаетъ о какой-нибудь междуусобной ссорѣ раіевъ, онъ отправляетъ одного изъ своихъ офицеровъ къ начальникамъ враждующихъ партій, и въ туже минуту прекращаетъ всѣ непріятельскія дѣйствія. Депутаты отправляются отъ двухъ армій; причины вражды безпристрастно разсматриваются; обидчикъ, безъ возраженія, приговаривается къ болѣе или менѣе значительной пени, состоящей изъ животныхъ и невольниковъ, которой десятая часть поступаетъ въ пользу губернатора. Если осужденный раія отказывается покориться произнесенному противъ него приговору, сила принуждаетъ его къ послушанію, и по первому знаку сеньйора Пинто, всѣ другіе начальники берутся за оружіе и идутъ на мятежника.

Мы не видали стрѣлъ купангскихъ воиновъ, потому-что въ городѣ оставались не самые храбрые и самые неловкіе изъ Малайцовъ; но нашли въ Діэли почти у каждаго туземца эти опасныя стрѣлы въ рукахъ. Онѣ совершенно сходны съ омбайскими, хотя сдѣланы не съ такимъ вкусомъ и изящностію. Впрочемъ діэльскіе стрѣлки до чрезвычайности ловки, и въ играхъ, устроенныхъ сеньйоромъ Пинто для удовлетворенія нашего любопытства, одинъ стрѣлокъ, далѣе шестидесяти шаговъ, въ два пріема пострѣлилъ апельсинъ, висѣвшій на деревѣ. Копье, закаленное на огнѣ, дѣлается въ сраженіи смертельнымъ оружіемъ, въ особенности если попадаетъ въ непокрытыя одеждою части тѣла; весьма-любопытно видѣть, какъ зачинщикъ перехватываетъ изъ руки въ руку свой дротикъ (sagaie), выступая впередъ шага на два или на три, какъ-бы съ намѣреніемъ придать себѣ болѣе граціозности и разбѣга, потомъ бросаетъ этотъ дротикъ съ быстротою камня, вылетѣвшаго изъ праща. Но всего удивительнѣе чудесная ловкость противника, съ какою онъ старается избѣжать копья, быстрымъ движеніемъ на-право или налѣво, и схватить его рукою на лету, въ то время, какъ оно свиститъ уже у его груди. Омбай отражается въ Діэли, и что ни говори сеньйоръ Пинто, а я нисколько не вѣрю въ доброе согласіе, царствующее, по словамъ его, между воинственнымъ народонаселеніемъ, ввѣреннымъ его управѣ. Во-время мира нельзя такъ хорошо выучиться владѣть этимъ ужаснымъ оружіемъ.

Справедливо однако-же, что физіономія жителей этой части Тимора, хотя также прекрасна и мужественна, какъ и жителей Купанга, но въ ней менѣе дикости и звѣрства, и воины, составляющіе гарнизонъ въ Діэли, не только не убѣгали насъ, но находили пріятность въ нашемъ обществѣ и, казалось, очень забавлялись нашимъ языкомъ, нашими манерами и нашей тяжолой

одеждой, столь затрудняющей свободу движенiй.

Я спросилъ сеньйора Пинто: вѣритъ-ли онъ людоѣдству туземцовъ.

— Вѣрите-ли вы сами? отвѣчалъ онъ мнѣ: въ Тиморѣ всѣ воины болѣе или менѣе людоѣды, но только въ пылу сраженiя или въ жаждѣ мести.

— Старались-ли вы истребить у нихъ этотъ ужасный обычай?

— Я обѣщалъ по пяти рупiй за каждаго плѣнника, но ни одинъ воинъ не рѣшился еще воспользоваться этой наградой.

— Но угрозы?

— У нихъ есть непроходимые лѣса.

— А наказанiя?

— Кто отыщетъ ихъ въ неприступныхъ горахъ?

— Отчего-жъ не пугнете вы ихъ какимъ-нибудь ужаснымъ примѣромъ?

— Здѣсь примѣръ никого не исправитъ; надо было-бы наказывать дѣтей, заставить ихъ жить подъ другимъ небомъ, дать другую почву; чтобы смягчить нравы этихъ, въ высшей степени буйныхъ, дикарей, пришлось-бы, можетъ статься, впустить въ ихъ жилы другую кровь, болѣе чистую, и на это надо не нѣсколько лѣтъ просвѣщенiя и не тѣ слабыя средства, какiя даны намъ отъ метрополiи. Я даромъ отвожу имъ землю для обработки, предлагаю работниковъ для подмоги, для постройки жилищъ болѣе здоровыхъ и удобныхъ; и что-же? ни одинъ не принимаетъ моихъ предложенiй, ни одинъ на этомъ основанiи не хочетъ моего покровительства. Пустыни согласуются болѣе съ ихъ независимостiю и самовольствомъ. Они ищутъ сухихъ и грустныхъ скалъ, безмолвныхъ лѣсовъ, раскаленнаго неба, волканическихъ ужасовъ, свиста вѣтра и трескова грома. Истинный Малаецъ задохся-бы въ нашихъ европейскихъ городахъ, оттого, что увлекается туда именно, куда ему запрещено ходить.

— Казните-ли вы преступника?

— Да, иногда; хотя и знаю, что этого не смѣютъ сдѣлать въ Купангѣ.

— Эти наказанiя бываютъ-ли публичны?

— Часто, и я спѣшу прибавить, что я не имѣю къ несчастiю недостатка въ палачахъ, потому-что всѣ свидѣтели этой плачевной сцены оспоривали другъ у друга ужасное удовольствiе отрубить голову осужденнаго.

— Не боитесь-ли вы за себя послѣ этихъ кровавыхъ трагедiй?

— Нѣтъ: меня любятъ, меня обожаютъ здѣсь; я предметъ ихъ особеннаго поклоненiя; а сказать правду, и самъ не знаю за что, потому-что туземцы принимаютъ только половину предлагаемаго мною имъ добра. Правда, я все дѣлаю для нихъ, что могу; но такъ-какъ въ Дiэли имѣется не полное понятiе о добрѣ и злѣ, какъ понимаютъ то и другое у насъ въ Европѣ, то вы согласитесь, что ихъ ненависть часто происходитъ отъ благодѣянiя, а благодарность отъ изгнанiя. Должно признаться, претрудная обязанность управлять этими желѣзными людьми, меня окружающими. Я пріѣхалъ въ Дiэли несправедливо осужденный. Моею единственною местiю будетъ миръ колонiи, котораго напрасно желали мои предмѣстники. Что-же касается до моего преемника, то какъ ни прекрасна дорога, мною для него проложенная, только одно будущее скажетъ, что будетъ Дiэли послѣ отъѣзда моего или смерти.

Городъ расположенъ въ веселой долинѣ, у подножiя высокихъ лѣсистыхъ горъ, вѣчной родины бурь. Его рейдъ не такъ великъ и не такъ безопасенъ, какъ Купангскiй, но островъ Комби съ одной стороны и мысъ Лифъ съ другой, защищаютъ его довольно-хорошо отъ безпрестанныхъ вѣтровъ. Природная плотина, почти на поверхности воды, выдается на четверть мили въ

море, и мнѣ кажется, не дорого-бы стóило устроить каменную дамбу для удобнѣйшей пристани судовъ. Впрочемъ, здѣсь море никогда высоко не поднимается, дно хорошо и якорная стоянка пріятна и безопасна.

За исключеніемъ губернаторскаго дворца и церкви Святаго Антонія, напрасно стали-бы вы искать въ Діэли строеній. Всѣ дома низменны, подперты столбами вѣерной пальмы, на случай частыхъ землетрясеній, и окружены оградой, такъ-что ихъ тогда только примѣтишь, когда подойдешь къ самой двери. Въ этомъ отношеніи Діэли уступаетъ Купангу, или, по-крайней-мѣрѣ, китайскій кварталъ представляетъ собою полуобразованную страну.

Городъ защищается двумя маленькими укрѣпленіями, довольно-правильными, и валомъ, въ человѣческій ростъ, на которомъ помѣщены, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и подлѣ гауптвахты, очень-красивенькія и хорошо убранныя часовенки. Но вся сила колоніи заключается въ любви подданныхъ къ губернатору.

При самомъ почти выходѣ изъ города есть нѣсколько тропинокъ, по которымъ нельзя ходить, не подвергаясь опасности быть зарѣзану туземцами, а ничто, между тѣмъ, не доказываетъ, чтобы эти тропинки были священны (pamali).

Разъ, въ одну изъ моихъ утреннихъ прогулокъ, я чуть-было не перешолъ черезъ одну изъ этихъ заповѣдныхъ дорогъ, на которыя сходила свѣжая тѣнь съ вершинъ широкихъ рисовъ, какъ вдругъ проводникъ мой началъ умолять меня, со слезами на глазахъ, не идти далѣе, если я не хочу лишиться головы; я посмѣялся немного страху его и угрозамъ, и намѣревался продолжать путь, приказывая ему слѣдовать за собою. Малаецъ бросился къ ногамъ моимъ, прося у меня пощады. Я сжалился и пошолъ по другой дорогѣ; бѣднякъ выражалъ мнѣ свою благодарность жестами, гримасами и кривляньемъ, которыя меня очень забавляли. Здѣсь радость похожа на горе, какъ дѣти одной матери.

По возвращеніи моемъ въ городъ, я освѣдомился на-счотъ маленькаго происшествія съ дорогами pamali.

Губернаторъ увѣрялъ меня, что онъ самъ уважаетъ ихъ, и если-бы я захотѣлъ идти по той, по которой просили меня не ходить, то, навѣрное, бѣдный проводникъ мой былъ-бы зарѣзанъ тѣми, которые увидали-бы его тамъ. Впрочемъ, по его словамъ, мнѣ собственно не предстояло никакой опасности, и Тиморецъ пугалъ меня для того только, чтобы спасти свою голову. Причина была довольно-достаточная, и я очень-радъ, что уступилъ его просьбамъ.

Въ одну изъ частыхъ моихъ прогулокъ по окрестностямъ Діэли, зашолъ я такъ далеко, что принужденъ былъ попросить гостепріимства у дверей жилья, расположеннаго на покатости, возлѣ лѣса, тянувшагося на довольно-большое разстояніе по дикимъ горкамъ и пространнымъ приморскимъ равнинамъ. Оно принадлежало бѣжавшему изъ Купанга, или, лучше сказать, выгнанному оттуда за свои проступки, Китайцу, какъ я послѣ узналъ отъ сеньйора Пинто. Онъ зналъ только свой природный языкъ, а я не понималъ ни слова по-китайски: можете судить, какъ затруднительно было мое положеніе. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что онъ меня испугался и принялъ за тайнаго лазутчика г-на Газаарта, присланнаго для того, чтобы схватить его и привести въ Купангъ; но я его разувѣрилъ и, сколько могъ, старался дать ему понять, что я прошу у него ночлега. Онъ казался въ затрудненіи, и старался заставить меня понять, что такъ-какъ онъ жилъ одинъ, то и не

могъ мнѣ предложить постели, потому-что у него всего-на-все была одна.

Лишь только онъ кончилъ свои гримасы, не совсѣмъ убѣдительныя, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался довольно-сильный кашель. Тотчасъ-же сердитымъ движеніемъ головы, прекрасно выражавшимъ презрѣніе, я далъ почувствовать Китайцу, какъ мнѣ досадна была его ложь, и забывъ, что онъ не можетъ понять меня, сказалъ коротко и ясно.

— Мнѣ надо рогожу и огня!

При этихъ отрывистыхъ и громкихъ словахъ послышался подлѣ меня шумъ, подобный шуму камыша объ камышъ; часть бамбуковой стѣны отворилась, обрисовалось окно, и окружонная этой граціозной и странной рамой, представилась мнѣ блѣдная молодая дѣвушка, съ распущенными волосами, до половины закрытая бѣлой тюпикой, съ протянутой рукой, какъ-бы для того, чтобы предохранить себя отъ неожиданной опасности. Ея живые, небольшіе глазки смотрѣли на меня со вниманіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ; полуотворенныя губки показывали два ряда прелестнѣйшаго жемчугу; она старалась улыбнуться, чтобы успокоить гнѣвъ мой.

Я былъ въ восторгѣ, потому-что мнѣ казалось, что я вижу одно изъ тѣхъ очаровательныхъ фантастическихъ видѣній, которыми вы восхищаетесь иногда во снѣ, счастливые счастіемъ вчерашнимъ и полные надежды на завтрашнее. По быстрому движенію Китайца, перегородка готова была затвориться; но я бросился и съ силою остановилъ ставень, потому-что мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать, какъ была меблирована спальня молодой Китаянки; если обязанности гостепріимства, противъ которыхъ я уже немного провинился, запрещали мнѣ пройти туда, то драгоцѣнное отверзтіе позволяло мнѣ проникнуть взорами въ этотъ тайникъ. На моемъ мѣстѣ вы, вѣрно, сдѣлали-бы тоже?

Постель, на которой отдыхала молодая дѣвушка, была низка и безъ тюфяка, покрыта тонкой манильской рогожей, которая, драпируясь, ниспадала на обѣ стороны; на каждомъ углу кровати возвышались драконы, фута въ четыре или въ пять вышиною, разрисованные чорною краскою съ эмалевыми глазами, и широко распущенными крыльями, расписанными зеленою, желтою и красною красками; обручъ изъ бамбуковаго стебля, разрѣзанный надвое, начинался отъ головы и доходилъ до лапъ, составляя кривую линію фута въ два съ половиной или въ три отъ верхней рогожи; на верху этой линіи, находилась другая рогожа, только гораздо-тоньше первой, служившая, безъ сомнѣнія, занавѣской отъ москитовъ; она была свернута и поднята въ эту минуту. Подлѣ постели стояла небольшая вещица изъ бѣлаго и голубаго фарфора, съ двумя ручками, положенными на родъ маленькаго, краснваго столика, украшеннаго смѣшными и эротическими рисунками; на полу маленькіе башмачки; далѣе, родъ прелестно-отдѣланнаго табурета, гребенки оригинальной формы, мячики; длинная изъ слоновой кости палка съ набалдашникомъ, въ видѣ полузжатой руки, тоже изъ слоновой кости: эта палка, повидимому, служила для чесанія той части тѣла, до которой трудно было достать простой рукой; сверхъ-того было тутъ, по-крайней-мѣрѣ, до тридцати палочекъ изъ сандальнаго дерева, изъ которыхъ нѣкоторыя переломаны были по-поламъ; два стола, буфетъ, шесть стульевъ, ширмы, шесть картинъ не очень-нравственныхъ, все вообще очень-граціозное, и отдѣланное съ большимъ вкусомъ, знаніемъ и терпѣніемъ,—таково было убранство комнаты.

Не довольствуясь поверхностнымъ осмотромъ, мнѣ захотѣлось проник-

путь въ самую комнату; но Китаецъ, остававшійся все это время неподвижнымъ, отъ страха, растолковалъ мнѣ, что молодая дѣвушка была больна и что волненіе можетъ повредить ея здоровью. На зло этой просьбѣ, которую я очень-хорошо понялъ, я все-таки покушался войти, когда этотъ смѣшной человѣкъ, желавшій убѣдить меня, подалъ мнѣ лукъ, натянутый гитарною струною, и пригласилъ меня удостовѣриться въ справедливости его увѣреній. На этотъ разъ моя всегдашняя проницательность мнѣ измѣнила, и я ему далъ это почувствовать; но плутъ сказалъ два или три слова молодой дѣвушкѣ и она протянула ему руку. Китаецъ положилъ одну изъ оконечностей струны лука на артерію мнимой больной, къ другой оконечности приложилъ указательный палецъ и, казалось, считалъ біенія пульса. Но когда я попробовалъ, то не слыхалъ никакого сотрясенія; вѣроятно, мой палецъ не чувствовалъ опыта, или, можетъ-быть, разсѣяніе повредило испытанію. Нѣтъ сомнѣнія, что ревность Китайцевъ выдумала этотъ инструментъ, съ помощію котораго они предохраняютъ женъ своихъ отъ прикосновенія столь частаго и нѣжнаго, которымъ пользуется у насъ медицина съ такою благочестивою осмотрительностію. Но вотъ положительный фактъ: лукъ, о которомъ я говорю, служитъ жителямъ края для означенія степени лихорадки больнаго, и ни одна изъ тридцати попытокъ, которыя я дѣлалъ въ Діэли, не оправдала сего учонаго средства, предложеннаго на мое изслѣдованіе.

Между-тѣмъ ночь была темна; не видать было ни одной торной дороги, которая провела-бы меня въ Купангъ, и хотя я кончилъ почти всѣ свои моральныя наблюденія, но рѣшился остаться безъ всякихъ околичностей у Хакъ-Шинга, моего честнаго Китайца, давая ему понять, что я расплачусь за это непріятное для него посѣщеніе. И хорошо, что онъ мнѣ не отказалъ; я рѣшился уже, въ случаѣ упорства или отказа, остаться у него даромъ и выгнать его самого. Впрочемъ, каждый побѣдитель не болѣе меня пользовался своими правами. Двойной интересъ моего самосохраненія и любопытства, внушилъ мнѣ это безцеремонное поведеніе. Сила была на моей сторонѣ, а моя совѣсть путешественника отогнала прочь отъ меня всѣ угрызенія.

Итакъ я усѣлся на стулѣ, противъ самой двери, чтобы, въ случаѣ измѣны или неожиданнаго нападенія, убѣжать, или защищаться противу равныхъ силъ. Молодая дѣвушка пожирала меня своими взорами; хозяинъ не запрещалъ мнѣ болѣе дѣлать изслѣдованія, видя невозможность помѣшать имъ, и часы проходили, при отдаленномъ шумѣ птицъ, садившихся на сосѣднія деревья. Это тройное положеніе трехъ существъ, непонимавшихъ другъ друга, безмолвно глазѣвшихъ другъ на друга, изучавшихъ и болвшихся другъ-друга, имѣло для меня что-то оригинальное и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданное, что́ весьма-страннымъ образомъ согласовалось съ моимъ отважнымъ расположеніемъ.

Эта картина точно стóила любопытства и изученія.

Китайцу было лѣтъ сорокъ, мнѣ гораздо-менѣе, а дѣвочкѣ не болѣе пятнадцати или шестнадцати. Наши движенія, часто непонятныя, давали поводъ къ страннымъ ошибкамъ, смѣшившимъ насъ поперемѣнно. Въ этомъ странномъ положеніи, каждый изъ насъ боялся чего-нибудь: она не знаю чего, онъ моихъ угрозъ, а я — гнусной измѣны. Спѣшу прибавить, что во взорѣ молодой дѣвушки было что-то успокоивающее, и я позволилъ себѣ перетолко-

вать его въ свою пользу. Обыкновенное тщеславіе Европейца!

Чтобы прогнать сонъ, который могъ одолѣть меня противъ воли, я началъ напѣвать въ полголоса пѣсни Беранжѐ, и не умѣю сказать вамъ, какъ пріятно было припоминать у антиподовъ своей родины національныя пѣсни: это походило на посѣщеніе друзей утѣшителей! Но какъ мнѣ не хотѣлось одному наполнять эти антракты, то я попросилъ я Китайца помочь мнѣ. На мою просьбу отвѣтила молодая дѣвушка, и я такъ былъ растроганъ ее аккордами, что чуть чуть было не пашолъ ее дурною, ее, столь привлекательную вовремя ея безмолвія! О Мейерберъ! О Россини! Вы еще не граждане вселенной!

Пѣніе замѣнилось рисованьемъ и акварельною живописью; я подошолъ къ дѣвушкѣ и попросилъ у нея позволенія срисовать ея профиль, на что̀ она согласилась съ радостію ребенка, очень забавлявшею меня. Когда я кончилъ свою работу, дѣвушка попросила у меня копію съ рисунка, которую я поспѣшилъ ей учтивымъ образомъ передать, и которую она приняла съ благодарностію.

Въ тотъ-же самый день, въ который со мной случилось это странное приключеніе, я отправился къ губернатору, и со всѣми подробностями разсказалъ ему свои похожденія; его очень разсмѣшилъ страхъ Китайца и мое уваженіе къ дѣвушкѣ, и онъ расказалъ мнѣ что тотъ, кому я былъ обязанъ пріемомъ, былъ трижды высѣченъ розгами, по его приказанію, за то̀, что торговалъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь несчастною дѣвочкою, которую онъ имѣлъ дерзость называть своей дочерью.

Чѣмъ болѣе я путешествую и встрѣчаю Китайцевъ, тѣмъ болѣе нахожу, что первыя мои заключенія на-счотъ ихъ правовъ справедливы, и тѣмъ сильнѣе ихъ презираю.

Очень-понятно, что когда мы начинаемъ дѣлать розысканія въ новомъ краю, гдѣ пребываніе наше часто бываетъ ограничено, то намъ почти невозможно собрать всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ наука и философія извлекли-бы пользу; мы должны довольствоваться, безъ повѣрки, свѣдѣніями, которыя по благосклонности сообщатъ намъ. Обязанность путешественника состоитъ въ особенности въ томъ, чтобы черпать въ чистыхъ источникахъ и стараться по-возможности отличать правду отъ лжи: такъ на-примѣръ, пребываніе наше въ Діэли не могло быть продолжительно, ибо мы черезъ нѣсколько дней пускаемся въ море. Но я не довольствовался отвѣтами сеньйора Пинто и его офицеровъ на наши безпрестанные вопросы; мнѣ необходимо было для удовлетворенія моей жажды знанія порыться еще тамъ и сямъ. Въ одну изъ утреннихъ прогулокъ съ Пёти, моимъ старымъ матросомъ, я отправился къ огромному лѣсу, котораго опушка находится не далѣе полумили отъ города; я пробужденъ былъ отъ мечтательныхъ моихъ думъ глухимъ шумомъ, подобнымъ тому, какой производитъ цѣлый скачущій эскадронъ.

— Это похоже на землетрясеніе, сказалъ я внимательному Пёти.

— Земля дрожитъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, но это не землетрясеніе; все это происходитъ только на поверхности, а не внутри земли.

— Что̀-же ты думаешь?

— По-обыкновенію, я ничего не думаю, а жду.

— Но по-крайней-мѣрѣ, какъ полагаешь ты, что̀ намъ дѣлать?

— Шумъ увеличивается, но волна уже прокатилась; ляжемъ въ дрейфъ и посмотримъ, что̀ будетъ: мы теперь подъ вѣтромъ и скоро узнаемъ, въ чомъ дѣло.

Едва онъ кончилъ, какъ ужасный шумъ пронесся изъ лѣсу, захватилъ у насъ дыханіе и въ туже минуту двадцать запыхавшихся буйволовъ, повер-

гавшихъ все на пути своемъ, выбѣжали изъ лѣсу, бросились въ нашу сторону и принудили насъ влѣзть на суковатыя вѣтви сосѣдняго многолиственнаго дерева (multiplant). Но какъ эти разъяренныя животныя повиновались лишь какому-то лихорадочному движенію или страху, то всѣ они вдругъ остановились и преспокойно начали щипать траву.

Странная эта продѣлка, сильный ревъ во-время ихъ быстраго бѣга, удары жесткаго хвоста по ихъ крѣпкимъ бедрамъ, и неожиданная остановка ихъ возбудили во мнѣ сомнѣніе, не случилось-ли чего особеннаго, въ чомъ я не могъ дать себѣ отчота.

— А ты что̀ скажешь объ этомъ, Пёти?

— Тутъ ничего нѣтъ необыкновеннаго: они, просто, шли по три румба на бакштагъ съ распущенными парусами, и такъ пристали къ берегу.

— Продолжать-ли намъ нашу прогулку?

— Да, но не безъ поворотовъ.

— Какъ, неужели ты струсилъ?

— Я струсилъ! Поворачивай по шпилю, дрейфуй по вѣтру и въ походъ!

— Нѣтъ, меня самого беретъ раздумье; но это происшествіе такъ странно, что я пойду къ губернатору или къ которому-нибудь изъ его офицеровъ и попрошу объясненія.

— Можетъ-быть, левъ разогналъ этихъ весельчаковъ.

— Здѣсь нѣтъ львовъ.

— Да полноте! въ этой дьявольской сторонѣ все есть, кромѣ вина и водки.

— На, выпей глотокъ и пойдемъ въ Діэли.

Прибывъ къ губернатору, я попросилъ у него растолковать мнѣ это странное происшествіе.

— Это очень-натурально, отвѣчалъ онъ. Вѣрно, буйволы разбудили спящаго змѣя боа, онъ бросился на ихъ стадо и схватилъ одного изъ нихъ. Инстинктъ сказалъ остальнымъ, что имъ не чего бояться, какъ только змѣй прижметъ свою жертву къ сучковатому пню, и начнетъ пожирать ее. И вотъ по чему они остановились, забывая угрожавшую имъ опасность. Эти быстрыя и шумныя тревоги не удивляютъ насъ болѣе, мы къ нимъ уже привыкли.

— Такъ вы полагаете, что боа завтракаетъ въ эту минуту?

— И увѣренъ въ этомъ.

— Мнѣ-бы тоже хотѣлось въ томъ удостовѣриться.

— Подобное любопытство не дешево обходилось многимъ.

— Вы хотите испугать меня.

— Очень буду радъ.

— Все-равно, я рѣшился; но буду благоразуменъ.

— Хорошо; не нужна-ли вамъ лошадь?

— Одолжите, хотя я очень-плохой ѣздокъ.

— Я велю осѣдлать также одну для вашего матроса; желаю удачи.

При этихъ словахъ синьйоръ Пинто вышелъ и я уже послѣ понялъ смыслъ этихъ насмѣшливыхъ словъ, въ которыхъ было однакоже много благосклоннаго.

Лишь только губернаторъ кончилъ, какъ его позвали принимать Даоскаго раійю, Накэ-Тетти, недовольнаго Голландцами, которые въ свою очередь были также недовольны его солдатами; онъ пріѣхалъ просить заступничества у сеньйора Пинто. Этотъ принялъ его дружески и обѣщалъ ему быть посредникомъ между нимъ и г. Газаартомъ, человѣкомъ не очень-обходительнымъ съ своими подчиненными. Вы видите, что не въ одной Европѣ большіе опираются на маленькихъ, которыхъ они давятъ.

XX.

ТИМОРЪ.

Боа (продолженіе). — Двое Раійевъ. — Подробности. — Болѣзнь. — Отъѣздъ.

Мы долго не могли дождаться лошадей; губернаторъ бранился и кричалъ, я почти разсердился (признаюсь въ этомъ въ-тихомолку), что показался такимъ любопытнымъ, а безпечный Пёти утѣшался этимъ новымъ путешествіемъ подъ свинцовымъ солнцемъ, воображая, что по возвращеніи, онъ перемолвитъ нѣсколько словъ съ бутылкой вина, указанной ему мимоходомъ.

Наконецъ намъ привели лошадей. Пёти, еще менѣе ловкій, вскарабкался хуже, чѣмъ на бремъ-степьгу. Губернаторъ указалъ мнѣ самую покойную и открытую дорогу, и, пригласивъ насъ быть осторожнѣе, взялъ съ меня слово воротиться къ торжественному ужину, который онъ намъ давалъ въ этотъ вечеръ.

— Итакъ вы полагаете, что я могу воротиться!

— Безъ этого я не пустилъ-бы васъ.

— Такъ значитъ боа не обѣдаетъ дважды?

— Шутите, подшучивайте вдали отъ непріятеля. До свиданія.

— Глупъ-же этотъ боа! сказалъ сквозь зубы Пёти: я-бы, на мѣстѣ его, все таки пообѣдалъ да и напился.

Мы ѣхали шажкомъ, какъ любопытные люди, опасающіеся что-нибудь проглядѣть и пристыженные своей попыткой. Пёти первый заговорилъ.

— Мнѣ кажется, сударь, что мы сглуповали.

— Можетъ-быть.

— Да, и какъ еще!

— Можетъ-статься.

— Такъ для чего-жъ дурачиться?

— Для того, что отказаться теперь значило-бы сознаться въ трусости.

— А развѣ это храбрость, когда насъ, хоть мы и ничего не видали еще, пронимаетъ дрожь?

— Кто тебѣ сказалъ, что я дрожу?

— Вотъ хорошо, да это замѣтно.

— Такъ и ты дрожишь?

— Нѣтъ, но на вашемъ мѣстѣ я-бы не поѣхалъ.

— Для чего-же, на моемъ мѣстѣ?

— Васъ ждетъ отличный ужинъ, а вы желаете непремѣнно видѣть, какъ шельма змѣй проглатываетъ буйвола съ рогами, не запивъ даже рюмочкой шника.

— Вѣдь на это не всегда удастся посмотрѣть.

— Конечно; но за то, и одного раза довольно.

— Разумѣется, увидѣвъ разъ, кому-жъ придетъ охота смотрѣть дважды одно и то-же?

Трусъ я или храбрецъ, великанъ или карликъ, силачъ или безсильный, а все-таки съ товарищемъ какъ-то веселѣе: я знаю самъ кое-кого за моремъ, кому смерть ни по чомъ... изъза спины товарища; по мнѣ, пожалуй, примѣните это замѣчаніе хоть ко мнѣ или къ другому.

Смотря по неровности дороги, наши сухопарыя лошади шли то скорѣе, то

тише, и вмѣсто того, чтобы управлять ими, мы дали имъ волю, какъ люди, которые не очень заботились о томъ, чтобы доѣхать до цѣли своего путешествія, или лучше сказать, какъ трусы, которые боятся ее достигнуть. Я имѣю отвращеніе къ пресмыкающимся; мнѣ дѣлается дурно при видѣ жабы; мнѣ во сто разъ легче встрѣтить въ пустынѣ льва или тигра, чѣмъ услышать шипѣніе змѣи или шелестъ ея между травою и камышомъ.

Жаръ былъ удушающій, и чтобы предохранить отъ солнца свои головы, и плечи, Пёти, котораго голова едва покрыта была обрывкомъ соломенной шляпы съ чуть-примѣтными полями, сорвалъ со стебля, на краю дороги, широкій листъ банановаго дерева, продырявалъ его и надѣлъ на свою красную голову, сдѣлавъ изъ этого листа довольно-покойный и живописный зонтикъ, который придавалъ ему очень-смѣшной видъ. Калло́ и Декапмъ дорого-бы дали, чтобы имѣть подобную модель предъ глазами.

— Если-бы Маршэ увидѣлъ меня въ этомъ нарядѣ, то не выпустилъ-бы меня изъ рукъ иначе, какъ въ лохмотьяхъ.

— Отчего-жъ такъ?

— А по-чомъ я знаю! Онъ дерется когда осерчаетъ; когда доволенъ опять-таки дерется; только и знаетъ, что дерется! Впрочемъ лучше-бы ему быть здѣсь, а не на фрегатѣ.

— Отчего?

— Оттого, что онъ-бы, приплюснувъ меня, не допустилъ идти далѣе.

— Такъ ты все еще трусишь?

— Да не меньше вашего.

— Но я не трушу.

— Это почти все-равно, какъ-бы вы сказали, что я не уродъ; все-таки послѣ окажется.

— Но ты видишь, кажется, что это не мѣшаетъ мнѣ подвигаться впередъ.

—Да, какъ черепахѣ; право, мы точно плывемъ, какъ на буленяхъ.

— Утѣшься, доѣдемъ; я полагалъ однакожъ въ тебѣ гораздо-больше воинскаго духа.

— Скажите мнѣ, сударь, правда-ли, что встарину, когда еще живали Римляне, подъ управленіемъ того... Наполеона ихъ времени, то они ходили на охоту противъ боа съ двумя десятками тридцати-шести фунтовыхъ пушекъ.

— Нѣтъ, потому-что тогда еще не знали пороху.

— Можетъ-быть и змѣя боа не было тоже?

— Кто-же тебѣ разсказалъ эту сказку?

— Слуга вашъ Гюгъ гдѣ-то начиталъ это; ужъ задамъ-же я ему чистку, когда ворочусь на фрегатъ.

— Не смѣй!

— А зачѣмъ-же онъ насъ морочитъ? Кстати о немъ, скажите мнѣ, такъ-ли онъ глупъ, какъ объ немъ говорятъ?

— Нѣтъ, онъ еще глупѣе.

— Такъ не о чемъ и толковать.

Поговаривая такимъ образомъ, мы пріѣхали въ узкую и продолговатую долину, въ которой остановились буйволы и въ которой они еще паслись и теперь. Мы сдѣлали большой крюкъ, чтобы не наткнуться на нихъ, и, слѣдуя наставленіямъ губернатора, объѣхали лѣсъ со стороны моря. Шагахъ въ пятидесяти, встрѣтили мы множество Малайцевъ, вооруженныхъ стрѣлами, копьями и *крисами* (кинжалами); они повелительно приказали намъ воротиться.

— Противъ людей радъ стараться! сказалъ мнѣ Пёти: не напрянуть-ли намъ на нихъ?

— Берегись, можетъ-быть ихъ много; дай мнѣ имъ растолковать, что мы имѣемъ позволеніе отъ губернатора.

— Вы будете большимъ искусникомъ, если заставите ихъ понять, хотя одно слово! Вообразите, что я встрѣтилъ вчера двухъ изъ нихъ на приста-

ни, и что-жъ-бы вы думали? Эти двѣ морскія свиньи не поняли даже названія рому и водки, какъ будто можно было не знать ихъ, живучи на бѣломъ свѣтѣ! Я готовъ удариться объ закладъ, что эти подлецы не принадлежатъ ни къ какой странѣ свѣта.

— Замолчи, и дай мнѣ сдѣлать дѣло.

— Ужъ вы надѣлаете чудесъ.

Я подошолъ къ одному изъ Малайцевъ, показалъ ему губернаторскую лошадь, которую онъ долженъ былъ знать, произнесъ громко имя Пинто, и слово князя (раія). На все, что я говорилъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Памали!

— Они очень-глупы съ своимъ *памали!* у нихъ только и отвѣту. Когда они сказали *памали*, то думаютъ, что взяли на гитовы и подтянули фокъ.

Какъ я ни кричалъ, ни проклиналъ ни ругался, никакъ не могъ вразумить этихъ солдатъ, заграждавшихъ мнѣ дорогу, съ копьемъ или крисомъ въ рукѣ и съ стрѣлою на тетивѣ лука. Пёти не скрывалъ своей радости и смѣлѣе начиналъ жевать табакъ.

— Къ чему-жъ сердиться!

— Все-таки легче.

— Да, но они васъ не понимаютъ; цѣлый рядъ вашихъ ругательствъ для нихъ настоящая латынь. Сейчасъ, когда вы окрестили этого большаго вихляя мерзавцемъ и дуралеемъ, онъ, вѣрно, вообразилъ себѣ, что вы его назвали миленькимъ молодчикомъ; онъ до того досмѣялся, что чуть было не вывихнулъ себѣ скулу.

— Хороша-же наша прогулка, дружище: не видали даже и боа!

— Поѣдемте-ка лучше на корабль: тамъ найдутся подлиннѣе тѣхъ, что прогуливаются по-лѣсу, съ весломъ въ рукѣ.

— На кораблѣ есть боа?

— А канаты-то! Кстати о канатахъ: у самаго толстаго остался только одинъ конецъ.

— Какимъ образомъ?

— Другой былъ больно плохъ: мы его вчера по-утру отсѣкли.

Эта наивность, въ родѣ всѣхъ наивностей бѣдняги Пёти, очень меня позабавила. Я не могъ дать ему почувствовать, что онъ сказалъ глупость и продолжая нашъ граматическій и логическій споръ, мы не примѣтно пріѣхали въ Діэли. Я поручилъ моего удалаго товарища попеченію дворовaго лакея, а самъ отправился къ его господину.

— Что? видѣли-ли вы боа? спросилъ онъ меня еще издали. Ужъ не двоихъ-ли вы встрѣтили?

— Я встрѣтилъ только вашихъ проклятыхъ Тиморцевъ, угрожавшихъ мнѣ своими стрѣлами.

— Вамъ-бы сказать, что получили отъ меня позволеніе.

— Но какъ имъ растолковать это?

— Такъ вы очень-раздосадованы неудачей вашего предпріятія?

— Безъ сомнѣнія.

— А я такъ, напротивъ, очень-радъ, потому-что все это сдѣлалось по моему приказанію. Я былъ очень увѣренъ, что вамъ нечего опасаться боа, который проглотилъ уже половину своей жертвы, но ничто не могло меня убѣдить, чтобы возлѣ него не случился какой-нибудь голодный членъ его семейства: они почти всегда ходятъ попарно, и даже спятъ, завернувшись одинъ въ другаго, и вы видите теперь, почему мои солдаты такъ хорошо берегли входъ въ лѣсъ. Впрочемъ, чему-бы новому научились вы изъ этой отважной поѣздки? Я вамъ сказалъ уже всю правду. И малѣйшая неосторожность здѣсь дорого стоитъ; не совѣтую вамъ испытать этого на себѣ!

Лишь только сеньйоръ Пинто высказалъ эти пріятельскіе совѣты, которымъ отъ всей души своей рукоплескалъ мой Пёти, какъ къ нему пришло около полдюжины Тиморцевъ, изнуренныхъ, мокрыхъ, говорившихъ

вдругъ въ одинъ голосъ и выразительно размахивавшихъ руками. Губернаторъ послалъ за своимъ толмачомъ, сѣлъ и слушалъ разсказъ ихъ съ грустію, потомъ строгимъ тономъ отдалъ приказанія Малайцамъ, поклонившимся ему съ почтеніемъ и удалившимся съ воинственнымъ видомъ.

— Что за народъ! что за люди! сказалъ мнѣ благородный Португалецъ, когда мы остались одни: съ ними никогда не добьешься конца. Два князя поссорились за украденнаго буйвола; отъ ссоры дошли до угрозъ и непріятельскихъ дѣйствій. Я своимъ посредствомъ хотѣлъ заставить ихъ помириться; велѣлъ возвратить буйвола, и приказалъ конфисковать еще трехъ другихъ буйволовъ въ пользу обиженнаго. И что-же сдѣлали эти негодяи? Ни тотъ, ни другой не хотѣли покориться моему рѣшенію; они кончили драку свою не при всѣхъ, потому-что вѣсть объ этомъ слишкомъ-бы скоро дошла до меня, а положили между собой подраться безъ свидѣтелей, гдѣ одинъ изъ нихъ долженъ умереть. Для этого выбрали они узкую долину; каждый день воины ихъ встрѣчаются и каждый день одинъ только возвращается домой. Вотъ уже около мѣсяца, какъ продолжаются эти кровавые поединки, а меня сейчасъ только извѣстили о томъ; клянусь вамъ, что я накажу ихъ для примѣра. Впрочемъ, продолжалъ онъ: открывъ вамъ эту тайну, прошу не говорить объ ней никому; мнѣ не хотѣлось-бы ни однимъ облакомъ печали помрачить удовольствіе, которое вы доставляете намъ вашимъ присутствіемъ. Этотъ вечеръ губернатора не такъ былъ веселъ, какъ въ-первый разъ и мнѣ казалось, что португальскіе офицеры знали эту печальную новость, которая отуманила лицо сеньйора Пинто.

Впрочемъ, какъ со мной въ Діэли должны были случаться только одни полу-происшествія, что я почти столько-же ненавижу, какъ и внутреннее бездѣйствіе, то и вышелъ я на другой день по-утру изъ какого-то темнаго подвала, изъ котораго вылетали жалобныя стенанія. У дверей стояли два Малайца съ кинжалами; когда я подошолъ къ нимъ, они встали и старались вразумить меня, что приказаніе удалять любопытныхъ до меня не касалось. Я воспользовался позволеніемъ; послѣ нѣсколькихъ шаговъ въ совершенной темнотѣ, я очутился предъ двумя несчастными, прибитыми къ стѣнѣ желѣзными ожерельями; у каждаго направой ногѣ было по пятидесяти фунтовой гирѣ. Это были два князя. Младшій извергалъ горячія проклятія, сопровождая ихъ угрожающими и неистовыми жестами; ему не было еще и двадцати-пяти лѣтъ; руки его были жилисты, ростъ величественный, глаза его сверкали искрами, и замѣтно было, что онъ напрасно истощаетъ силы свои, чтобы разбить свои цѣпи. Другой былъ старикъ, лѣтъ пятидесяти, тоже плѣнникъ, похожій своею неподвижностію на статую; онъ сидѣлъ на сыромъ земляномъ помостѣ, весь нагой, какъ и товарищъ его несчастія; онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, но не убитъ духомъ. При входѣ моемъ, онъ едва повернулъ голову, чтобы взглянуть на меня; онъ тотчасъ-же потомъ отвернулся, какъ-бы для того, чтобы избѣжать моихъ докучливыхъ взглядовъ. Когда однакоже младшій не замѣтилъ за мной никого, то онъ наклонился ко мнѣ и заговорилъ въ полъ-голоса, желая, вѣроятно, повѣрить мнѣ что-нибудь. Я далъ ему понять, что принимаю живѣйшее участіе въ его горѣ, что очень желалъ-бы облегчить его, но что я ему очень-мало могу быть полезенъ, не понимая ихъ языка. Онъ началъ еще болѣе и сильнѣе кричать; то крѣпкими и острыми ногтями своими рвалъ свое тѣло, то сжатымъ ку-

лакомъ стучалъ объ стѣну; старикъ-же сосѣдъ его пожималъ въ то время плечами, и то улыбка сожалѣнія, то улыбка отвращенія проявлялись на губахъ его.

Посѣщеніе мое было непродолжительно. При моемъ выходѣ, сторожа опять встали и, удаляясь, я слышалъ еще крики молодаго плѣннаго князя.

Нѣсколько часовъ спустя, мнѣ не возможно было не сказать губернатору о моемъ печальномъ открытіи. Я спросилъ, почему онъ такъ строго поступалъ съ этими князьями?

— А! вы ихъ видѣли! сказалъ онъ мнѣ съ удивленіемъ: это два большіе подлеца!

— Въ чомъ-же ихъ обвиняютъ?

— Если-бы у нихъ была совѣсть, то на ней лежало-бы не одно преступленіе, вѣрно.

Чтòжъ они — грабили? истребляли? рѣзали?

— Они злодѣи, достойные казни.

— Что-жъ вы съ ними сдѣлаете?

— Самъ не знаю.

— Ихъ осудитъ совѣтъ.

— Что вы говорите! собирать совѣтъ для такихъ людей: это было-бы очень много для нихъ чести.

На другой день съ безпокойствомъ и любопытствомъ проходилъ я мимо ихъ тюрьмы; у дверей уже не было стражи; желѣзо не оковывало болѣе ни чьихъ членовъ; все было тихо, какъ во гробѣ.

Покинувъ Діэли, мы шли подлѣ береговъ, перерѣзанныхъ бухточками и оврагами — послѣдствіемъ сильныхъ землетрясеній. Послѣ трехъ-часовой ходьбы не безъ боли отъ камешковъ, приходишь къ подножію чорной исполинской горы, на скатѣ которой безпрестанно кипитъ грозная лава. Я пытался пройти разными дорожками къ кратеру, но меня безпрестанно останавливали большіе слои мелкой золы, въ которую я вязъ иногда по колѣно и которая жгла меня нестерпимо. Можетъ-быть это горнило, проникающее до поверхности почвы, а можетъ-быть и огонь тропическаго солнца, согрѣвающій золу и заставляющій ее имѣть эту температуру. Пусть геологи рѣшатъ этотъ вопросъ и попытаются изслѣдовать этотъ чудный волканъ, гораздо-болѣе любопытный, чѣмъ Везувій и Этна.

У подножія этой величественной массы лавы безъ растеній бьетъ до дюжины живыхъ, богатыхъ, горячихъ сѣрныхъ ключей, весьма-уважаемыхъ туземцами и соединяющихся, спустя сто шаговъ, въ одинъ каналъ, вырытый человѣческими руками. На берегахъ его видѣлъ я нѣсколько прокаженныхъ, на-половину истребленныхъ болѣзнію и окунавшихъ ноги свои въ источникъ. Меня позже увѣряли въ Діэли, что въ извѣстную часть года, особенно послѣ сильныхъ землетрясеній, видали подлѣ этихъ источниковъ, измѣняющихъ свое теченіе по прихоти волкана, цѣлыя народонаселенія, приходившія къ этимъ благотворнымъ водамъ искать облегченія отъ своихъ ужасныхъ наслѣдственныхъ болѣзней, которыми страждетъ столько туземцевъ. Ни одинъ изъ этихъ страдальцевъ, которые ждали подъ своимъ кагенъ-слимутомъ конца жизни, готовой отлетѣть, не обернулъ даже головы, чтобы посмотрѣть на меня, но въ этомъ винюя болѣе страданія ихъ, чѣмъ презрѣніе. По мнѣнію туземцовъ, дѣйствительность этихъ водъ неоспорима; онѣ служатъ имъ средствомъ противъ подагры, кроваваго поноса, наружныхъ болѣзней, безсонницы, однимъ словомъ, противъ всевозможныхъ болѣзней. Но здѣсь слѣдуетъ вопросъ: отчего-же въ поѣздкахъ моихъ встрѣчалъ я столько прокаженныхъ и паршивыхъ? Всѣмъ-ли изъ нихъ, которые изцѣляются, помогаетъ вѣра или лекарство?

По возвращеніи изъ этой прогулки, которая совершенно истощила мои

европейскія силы, я остановился напиться кокосоваго молока въ уединенной лачугѣ, обитаемой двумя молоденькими веселенькими дѣвушками, съ бойкимъ взглядомъ, которыхъ ни сколько не испугалъ мой нечаянный приходъ. Я разсказалъ имъ, какъ могъ, что томлюсь жаждой, или, лучше сказать, я произнесъ слово *клапасъ* (кокосъ), предложивъ намъ на обмѣнъ маленькое зеркальцо. Одна изъ нихъ подала мнѣ знакъ, чтобы я подождалъ, что она меня удовлетворитъ, и тотчасъ-же сбросила послѣднее мѣшавшее ей платье, и взлѣзла на сосѣдственное кокосовое дерево съ быстротою кошки или бѣлки.

Отдохнувъ немного, я простился съ двумя Малаянками удивленными тѣмъ, что я не требовалъ отъ нихъ другихъ знаковъ ихъ благосклонности. Я заплатилъ имъ за услужливость новымъ подаркомъ, и далъ этимъ прелестнымъ милашкамъ, не жевавшимъ ни табаку, ни бетеля, и имѣвшимъ ослѣпительные зубы, большое понятіе о моей роскоши и великодушіи. Я истратилъ на нихъ около десяти су.

И теперь, когда я прогуллся съ вами по этому дикому, по своимъ нравамъ и виду городу, и разсказалъ, какъ эти жестокіе люди удобряютъ Тиморъ своею кровью, что разсказать вамъ о занимательныхъ собраніяхъ, бывшихъ во все время нашего пребыванія у губернатора? Европа посреди дѣвственныхъ лѣсовъ, веселые обѣды, столы, убранные съ великолѣпіемъ и изобиліемъ, лучшія вина, прелестный фарфоръ, богатый хрусталь, всѣхъ родовъ дичина, однимъ-словомъ, французскія обычаи объ-руку съ обычаями дикихъ Тиморцевъ, — все это, клянусь вамъ, имѣетъ въ себѣ прелесть понятную только тѣмъ, которые находились въ подобныхъ положеніяхъ. Кажется, видишь Индію въ парижской гостиной, или, лучше сказать, чувствуешь себя счастливымъ, что нашолъ отечество за моремъ. Въ нашъ прощальный вечеръ у губернатора, благороднаго, великодушнаго, добраго, я сидѣлъ подлѣ жены одного изъ первыхъ его офицеровъ и спросилъ ее, хочетъ-ли она воротиться скорѣе на родину.

— О! нѣтъ; я здѣсь счастлива! отвѣчала она мнѣ.

— Значитъ, вы не боитесь заразительныхъ болѣзней здѣшняго климата?

— Я привыкла къ нимъ.

— Но подъ этимъ палящимъ солнцемъ нельзя прогуливаться?

— Днемъ я никуда не выхожу.

— Понимаю; вамъ болѣе нравится свѣжесть утра.

— Нѣтъ, сударь, утро провожу я въ своихъ комнатахъ.

—Такъ, значитъ, вы посвятили вечера для прогулокъ?

— Мы проводимъ ихъ у себя въ койкахъ или на рогожахъ.

— И такъ вы собираетесь, и часы проходятъ незамѣтно, въ чтеніи и разговорахъ?

— У насъ нѣтъ никакихъ книгъ и часто мы не видимся по мѣсяцу и по два.

— Но, кажется, вы мнѣ сказали, что пріятно проводите здѣсь время?

— Очень.

Подъ вліяніемъ подобныхъ привычекъ и отъявленнаго влеченія къ жизни сурка или тихохода, все равно, гдѣ ни жить! Есть люди, увѣряющіе, что спать и жить все равно; на здоровье!

Не возможно было, чтобы вліяніе этихъ убійственныхъ климатовъ не отдалось на людяхъ нашего экипажа, дѣятельныхъ, полныхъ усердія, но которыхъ физическія силы были истощены палящимъ солнцемъ. Самая ужасная и самая мучительная болѣзнь изнуряла нашихъ матросовъ; пожирающая цинга пришла скоро на подмогу къ кровавому поносу, и смерть летала надъ нами, не приводя однакоже насъ въ отчаяніе.

Признаюсь вамъ, что грустно, и сердце разрывается при видѣ цѣлой безмолвной баттареи, гдѣ повѣшены напроизволъ коечной качки скелеты, которыхъ самыя постоянныя попеченія и ежечасное вниманіе не могли избавить отъ безпрестанныхъ судорогъ! Нашъ главный докторъ г. Куа (Quoi) какъ ни разрывался и ни предлагалъ больнымъ всѣ возможныя пособія науки и утѣшенія, полныя нѣжности и человѣколюбія, болѣзни постоянно вырывали у него больныхъ и волны ихъ поглощали. Гемаръ (Gaimard) и Годишò (Gaudichaud) помогали ему съ неутомимымъ рвеніемъ, показывая его во все продолженіе этой долговременной компаніи; но и тотъ и другой умерли отъ трудовъ и послѣдовали за другими. Такое горе можетъ истерзать душу и поселить сомнѣніе, что и всѣ мы не воротимся.

Не безполезно, можетъ-быть, будетъ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, что самые крѣпкіе люди экипажа, эти желѣзныя туловища, уже испытанныя несчастіями жизни, труженичества и лишеній, менѣе въ состояніи устоять противъ цинги и кроваваго поноса. Напротивъ, мнѣ казалось, что люди воздержные и болѣе нѣжные менѣе подвергались этимъ болѣзнямъ. Что до меня, я долженъ сказать, что хотя я въ жизни не выпилъ ни капли водки и не выкурилъ ни одной сигары, я уцѣлѣлъ отъ этого ужаснаго бича мореплавателей. А между-тѣмъ, я участвовалъ во всѣхъ дальнихъ поѣздкахъ, сдѣланныхъ ради занимательности путешествія; я даже напрашивался въ частныя поѣздки во-время продолжительныхъ стоянокъ корвета, и всегда пѣшкомъ, и иногда одинъ между дикими или съ королями (tamoa) острововъ Каролинскихъ; я посѣтилъ много острововъ, между прочимъ Типіанъ, о которомъ разскажу послѣ, — столь знаменитый пребываніемъ въ немъ адмирала Ансона, — Ротту, Агвиганъ, гдѣ я почерпнулъ документы, которые — надѣюсь — будутъ не безъ занимательности для ученаго.

Мы оставили наконецъ Тиморъ и Діэли, со всѣми противуположными ощущеніями, какія испытываетъ душа послѣ сна, въ которомъ веселыя картины перемѣшаны съ грустными. Островъ въ маленькомъ размѣрѣ имѣетъ видъ Европы; жестокія войны между различными народами, хищные князьки, ограбленные жители, слабый, задавленный сильнымъ, братья, рѣжущіе другъ-друга, бури земныя, перемѣшанныя съ бурями страстей, и посреди всего этого благородное мужество, удивительная преданность, неизчерпаемое богатство почвы, губернаторы соперники, на одной области, одинъ подлѣ другаго, раздѣленные только однимъ оврагомъ, обоюдно другъ-другу угрожающіе, безъ отдыху другъ за другомъ наблюдающіе и готовые при первомъ оскорбленіи дойти до рукопашнаго боя и истребленія колоніи. Отъ изслѣдователя зависитъ вообразить себя въ Европѣ, посреди самыхъ образованныхъ народовъ земнаго шара *)...

Но раздался выстрѣлъ, мы дружески пожали руку сеньйору Пинто и его офицерамъ, и отправились по дорогѣ къ пристани.

Что ни говорите, но сердце играетъ большую роль въ жизни путешественника, переполненной происшествіями.

---

*) Видимо направляя сарказмъ свой противъ Англіи, авторъ смотритъ здѣсь нѣсколько односторонно на вещи.

Пр. Перев.

XXI.

МОЛУКСКІЕ ОСТРОВА.

Ночное нападеніе. — Король Гебейскій.

Варварство науки въ тысячу разъ гибельнѣе для древнихъ памятниковъ, чѣмъ пыль вѣковъ и мечъ побѣдителя. Эти, быстрые какъ огонь, увѣчатъ, истребляютъ, разбрасываютъ; но нестройные обломки по-крайней-мѣрѣ лежатъ на землѣ, и гласятъ пилигримамъ, дервишамъ и ученымъ, что тутъ поднимались Ѳивы стовратныя, Карѳагенъ, заставлявшій трепетать Римъ, Спарта и Мемфисъ, о которыхъ исторія и преданіе разсказывали столько чудесъ. Съ помощію наваленныхъ камней, которые нога путешественника попираетъ въ дальныхъ странствіяхъ, часто не трудно бываетъ выстроить новый городъ, во всемъ похожій на умершій; понятно, что̀ мы выигрываемъ въ этихъ нумизматическихъ розысканіяхъ. Исторія монументовъ есть исторія государствъ.

Но наука—это барышникъ: она роется въ гробахъ, она изслѣдуетъ внутренность земли, она долбитъ пирамиды, не щадитъ ни одной развалины. Нѣмые камни, надписи, трупы, коренья кустарниковъ, она все беретъ, все себѣ присвоиваетъ; и въ то время, какъ она думаетъ обогатить свое отечество черезъ грабежъ и святотатство, она, безумная, только дѣлаетъ бѣдными страны, ею посѣщаемыя.

Я предался этимъ бѣглымъ размышленіямъ, вспоминая поведеніе наше по пріѣздѣ въ Равакъ, гдѣ тоже гробы были перерыты нашими руками, и опустошены отъ богатствъ, ввѣренныхъ имъ любовію или благодарностію. Но не будемъ предварять происшествій.

Мы плыли по-срединѣ группы острововъ, чудесныхъ своею растительностію. Въ исторіи ихъ есть свой интересъ, потому-что драма играетъ всегда первую роль.

Мысъ Торментесъ былъ покоренъ, Восточная - Индія открыта, большая часть архипелаговъ великаго Тихаго Океана была посѣщена всѣми плавателями, очередь дошла и до Молуковъ. Европа бросилась на несмѣтныя богатства, которыя, какъ полагали, были зарыты въ дикихъ горахъ, о которыя разбивались волны въ своемъ напрасномъ бѣшенствѣ; огромные лѣса, въ которыхъ скрывались дикіе Малайцы, были тоже выслѣжены. Тамъ каждое дерево имѣло свою цѣну; каждый кустъ приносилъ свой кладъ: корица, индиго, гвоздика, мушкатъ, бременили почву; землю цѣнили не саженями, а футами, и каждая борозда дѣлалась предметомъ ссоръ или драки.

Лишь только Малайцы замѣтили, что Европа не имъ объявляла войну, они вышли изъ своихъ убѣжищъ и присоединились къ экипажамъ. Но дикость ихъ не могла быть побѣждена видомъ новыхъ чудесъ, долженствовавшихъ поразить ихъ.

Кровь Португальцевъ и Голландцевъ

текла отъ убійствъ. Завелись ночныя рѣзни, и съ-тѣхъ-поръ необходимость первой защиты стала ощутительна. Настроили крѣпостей; пушка играла первую роль въ этихъ побѣдахъ, и картечь выиграла нѣсколько перемирій.

Въ тоже время болѣзни налетѣли на корабли, стоявшіе на якорях. Каждый экипажъ пострадалъ ужасно; трупы плавали по волнамъ, и кровавый поносъ съ цынгою поспѣшили на помощь копьямъ Малайцовъ. Бѣдствія стали такъ часты, что многіе суда были выброшены на берегъ за недостаткомъ рукъ для ихъ управленія; начали разсуждать въ Европѣ, нужно-ли посылать корабли и продолжать изслѣдованія, купленныя столь дорогою цѣною?

Чѣмъ-бы слѣдовало начать, тѣмъ кончали.

Португальцы и Голландцы раздѣлили землю.

«Вамъ то, а намъ это, и будемте друзьями, чтобы истреблять вмѣстѣ.»

Поднялся Амбуанъ, — тотъ островъ, который мы привѣтствуемъ рукою, и надъ которымъ рисуется цѣлый лѣсъ мачтъ. Съ своей стороны, Португальцы увѣнчали выси его бастіонами, цитаделями. Нечестивый договоръ былъ подписанъ между побѣдителями. Слишкомъ-много было богатствъ въ Молуккахъ, нужно было ихъ истребить. Пламя пожрало цѣлые лѣса, и испуганныя народонаселенія, не понимая ничего въ этихъ ужасныхъ пожарахъ, отвѣчали криками отчаянія и бѣшенства. Впрочемъ сила, не укротивъ ихъ, покорила, а привычка къ несчастію сдѣлала ихъ невольниками и убійцами. Съ самыхъ первыхъ дней побѣды, безнравственный обычай разорять землю сохранился; каждый годъ назначаются надсмотрщики, съ тѣмъ, чтобы истреблять часть плантацій, и надо отдать имъ справедливость, они въ точности и старательно исполняютъ свое ужасное порученіе! Увы! исторія открытій европейскихъ въ Индіяхъ оправдываетъ довольно кровавыя противоборства, которыя въ нихъ происходятъ.

Мы прошли предъ Амбоиною, несомые незамѣтными вѣтерками, а между-тѣмъ мы желали вѣтровъ и бурь, потому-что испытывали на себѣ припадки этого пожирающаго климата. Вѣтеръ былъ противный; насъ уносило теченіемъ и мы теряли ночью то, что выигрывали днемъ. Солнце жгло нашъ экипажъ, болѣзни оковывали силы матросовъ: намъ необходима была вся наша твердость и все наше мужество, чтобы не предаться отчаянію.

Въ такомъ-то положеніи плыли мы около двухъ недѣль по богатому и плодоносному архипелагу. Повсюду берега были покрыты зеленью и вездѣ царствовало молчаніе и уединеніе. Наконецъ, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, поднялся благопріятный вѣтеръ и понесъ насъ впередъ; вскорѣ мы очутились въ прелестномъ проливѣ, посрединѣ котораго наше судно плыло величественно. Пока мы восхищались этимъ волшебнымъ зрѣлищемъ, множество лодокъ отдѣлилось отъ всѣхъ частей архипелага, и понеслось къ нашему корвету; мы не только не боялись ихъ приближенія, а напротивъ желали его; мы очень-хорошо знали, чего должны были опасаться, въ случаѣ, если-бы Малайцы остались побѣдителями; мы очень хорошо знали, что ихъ торжество всегда было соединено съ смертію и мученіями ихъ непріятелей; но однообразіе нашего плаванія тяготило насъ: мы желали, даже съ опасностію жизни, встрѣтить какія-нибудь приключенія.

Между-тѣмъ, на горизонтѣ обозначилась какая-то чорная точка; вскорѣ она выросла, расширилась, приняла странный видъ, протянула руки и затопила пространство. Изъ ея открытыхъ

нѣдръ вырвался страшный шквалъ, смѣшанный съ сильнымъ проливнымъ дождемъ. Судно было увлечено минутно, а осторожныя лодки, при приближеніи шквала, спрятались въ свои маленькія бухточки, узкія и глубокія. За этой грозой по обыкновенію послѣдовалъ вседневный штиль, и ночь насъ застала почти на томъ-же самомъ мѣстѣ.

Я вамъ говорилъ объ англійскомъ матросѣ Андерсонѣ, котораго нашъ капитанъ завербовалъ въ одной изъ предшествовавшихъ стоянокъ. Онъ былъ проворенъ, силенъ, крѣпокъ, терпѣливъ и ло́вокъ; за то его часто заставляли управлять рулемъ. Въ слѣдствіе этого заслужонаго предпочтенія, оказываемаго ему начальствомъ въ критическія минуты, Андерсонъ былъ предметомъ горькихъ насмѣшекъ искуснѣйшихъ марсовыхъ, и въ особенности Маршэ, котораго раздражительный характеръ вы знаете. Никогда не пропускалъ онъ случая отпустить нѣсколько крупныхъ словъ въ-счотъ Англичанина. Вечеромъ того дня, въ который потревожили насъ Малайцы, Андерсонъ хотя уже смѣнился съ вахты, но остался на палубѣ; по наступленіи ночи, взлѣзъ онъ на оконечность бугшприта.

— Эй ты Англичанинъ! закричалъ ему Маршэ; что̀ ты тамъ дѣлаешь, прицѣпившись, какъ жаба?

— Я смотрю.

— Что̀-же ты смотришь? морскихъ свиней, твоихъ братьевъ, что-ли?

— Я смотрю далѣе этого; потому-что сегодня ночью будетъ шквалъ, и ты мнѣ первый скажешь спасибо.

— Можно подумать, что онъ смотритъ на точку, что онъ знаетъ, гдѣ мы находимся и что отъ него зависитъ нагнать свѣжій вѣтерокъ!

— Не съ неба налетитъ шквалъ, а съ земли.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Никто, но я знаю.

Андерсонъ находился юнгой на англійскомъ суднѣ, крейсировавшемъ у Тулона во время войнъ Имперіи. Съ тѣхъ-поръ онъ все плавалъ; въ особенности онъ часто бывалъ въ Молукскихъ моряхъ. Зрѣніе этого человѣка было такъ хорошо, что онъ простыми глазами различалъ мачты кораблей на горизонтѣ, лучше чѣмъ мы въ зрительную трубу. Онъ зналъ характеръ Малайцевъ, на языкѣ которыхъ довольно порядочно изъяснялся, и удивлялся, что во все время нашего пребыванія въ этихъ странахъ они еще ни разу на насъ не напали. Утренняя продѣлка, которой исполненію мѣшалъ шквалъ, ему показалась враждебнымъ дѣломъ, возбудившимъ опасенія его ночью. За то ему и не хотѣлось ложиться по предчувствію, что ночь не обойдется безъ серьёзнаго дѣла. Андерсонъ былъ не трусъ, и страхъ его произошолъ отъ справедливаго мнѣнія насчотъ характера Малайцевъ.

Ночь была спокойна и тяжела, солнце сѣло какъ кровь красное, и корветъ тихо подавался впередъ. Маршэ, Пёти и ихъ товарищи безпрестанно преслѣдовали Андерсона своими насмѣшками, но тотъ довольствовался однимъ отвѣтомъ:

— Скоро увидимъ!

Вдругъ внимательный Англичанинъ до половины привстаетъ на выдавшейся мачтѣ; взоръ его погружается въ мракъ; голосомъ сильнымъ, неспокойнымъ вскричалъ онъ.

— Лодка впереди!

Вахтенный офицеръ бросается, смотритъ и ничего не слышитъ и не видитъ. Но Андерсонъ снова испытываетъ пространство, и говоритъ еще сильнѣйшимъ голосомъ:

— Лодка спереди, лодка съ бакборта! лодка съ штирборта! лодка сзади!

— Сколько? спросилъ храбрый матросъ.

— Множество...

Маршэ и Пёти не смѣялись болѣе, не шутили болѣе, а кусали себѣ губы отъ нетерпѣнія и досады.

Скорые приказанія розданы по предваренію англійскаго матроса; каждый на своемъ мѣстѣ. Пушки заряжаютъ, пистолеты привѣшиваютъ къ кушакамъ, тесаки къ боку. Капитанъ за всѣмъ смотритъ самъ и приготовляется храбро къ атакѣ; койки сняты; все готово къ сраженію и мы ждемъ непріятеля, котораго не видимъ.

Вотъ онъ однако-же; онъ насъ окружаетъ, онъ подходитъ къ намъ, крадучись и въ молчаніи; короткія весла не колышатъ тихія волны. Они, безъ сомнѣнія, думаютъ, что наши порты раскрашены, что, подобно купеческимъ судамъ, въ нашихъ баттареяхъ только деревянныя пушки, и жадные Малайцы ждутъ легкаго торжества. Фитили зажжены, тесаки вынуты изъ ноженъ, багры на-готовѣ.

— Открывай порты!

Свѣтъ съ корвета разстилается далеко и освѣщаетъ флотъ пиратовъ. Они увидѣли пасти нашихъ пушекъ, на нихъ разинутыя, и ихъ, какъ людей осторожныхъ, беретъ раздумье передъ праздничнымъ угощеніемъ, которымъ мы готовились ихъ встрѣтить.

Раздумье ихъ продолжается съ минуту: они ложатся въ дрейфъ. Но вскорѣ благоразуміе беретъ верхъ надъ ихъ дерзостью, они поворачиваютъ и спѣшатъ на-утёкъ, какъ мошенники, которымъ надежда поживы внезапно измѣнила.

На слѣдующее утро, Маршэ и Пёти сильно подружились съ Андерсономъ. Новую пріязнь свою ознаменовалъ одинъ изъ этихъ матросовъ на новомъ другѣ своемъ, Англичанинѣ, такимъ полновѣснымъ ударомъ кулака, отъ котораго треснула-бы иная мачта.

Теченіе продолжало играть главную роль въ этомъ плаваніи, среди цѣлаго лабиринта острововъ и опасныхъ рифовъ, особенно въ тогдашнюю часть года. Путешествіе совершалось по прихотямъ этихъ своевольныхъ теченій, и, два дни спустя, послѣ встрѣчи съ Малайцами, съ которыми такъ счастливо разошлись, мы — какъ-бы волшебною силой — очутились между множествомъ скалъ, непримѣченныхъ нами ночью. Рифы эти были таковы, что каждую минуту намъ угрожала опасность разбиться объ нихъ въ дребезги.

Мы бросили якорь на трехсаженной глубинѣ; не умѣю описать вамъ восхитительной картины, представившейся намъ при восходѣ лучезарнаго свѣтила. Здѣсь, нѣсколько далѣе, съ правой стороны, и тамъ, на-лѣво, скалы, одни покрытыя зеленью, другія обнаженныя и одинокія, поднимались изъ волнъ, подобно колокольнямъ, различно освѣщенные болѣе или менѣе косвенными лучами восходящаго солнца. Воды, то тихо и спокойно, то съ ужасною быстротою, пробирались между ними; рѣзкіе крики морскихъ птицъ, прилетавшихъ искать тамъ мирнаго убѣжища, раздавались громче, нежели шумъ волнъ, разбивавшихся о скалы. Я назвалъ въ моемъ альбомѣ этотъ рейдъ Заливомъ Колоколень, хотя онъ извѣстенъ, какъ мнѣ кажется, подъ именемъ Була-Була.

Намъ надлежало впрочемъ выбраться изъ этого лабиринта; мы спустили на воду шлюбку, для измѣренія глубины, и г. Ферранъ, одинъ изъ нашимъ молодыхъ мичмановъ, которому было поручено это трудное дѣло, исполнилъ его съ величайшимъ успѣхомъ, какого могъ только ожидать его начальникъ, зная его ревность и опытность.

Намъ предстояло вознагражденіе за наши долгія безпокойства. Вѣтры подвинули насъ почти до Писсанга, коего вершина возвышается на нѣсколько сотъ тоазовъ и которому я обязанъ посвятить нѣсколько строкъ.

Знаете-ли вы, что̀ это за островъ? Густая и сжатая масса растеній, вовсе непроницаемая, сквозь которую не проблеснутъ даже солнечные лучи. Широкіе листы, подобно огромнымъ зонтикамъ, переплетаются съ листками едва замѣтными, обстриженными, обдѣланными, чеканенными, до безконечности разнообразными видомъ и цвѣтомъ; сучковатые пни оспариваютъ мѣста у гладкихъ пней, возвышая рядомъ свои вершины до небесъ, и упираясь корнями въ глубину водъ; сучья и отростки, то пушистые, то колючіе, то гладкіе, то прямые и кривые, скрещиваются, сплетаются до такой степени, что вы не распознаете, какому пню они принадлежатъ; благоговѣйная тишина царствуетъ въ этой чащѣ зелени, растеній и листьевъ. Цѣлый островъ есть не что-иное, какъ огромное, гигантское дерево, вѣчное, оспоривающее себѣ мѣсто у водъ, и вмѣстѣ съ ними пускающее свои корни въ глубину бездны.

Корветъ сталъ весьма-просторно поперекъ, штиль снова наступилъ, и въ ожиданіи и надеждѣ на новыя ботаническія и зоологическія открытія, командиръ вооружилъ шлюбку подъ командою Берара, для осмотра Писанга. Гг. Куó, Годишо и я были спутниками нашего друга, но принуждены были воротиться на корабль, не сдѣлавъ даже трехъ шаговъ по этому непроницаемому острову. Только у подошвы одного хлѣбнаго дерева нашли мы обломки раковинъ и слѣды недавно-угасшихъ огней; вѣроятно, здѣсь проѣзжалъ король Гебейскій. Впрочемъ я долженъ начертить вамъ портретъ этого короля Гебейскаго.

Вы, безъ сомнѣнія, замѣчали этихъ старыхъ, набитыхъ соломою чучелъ лисицы, которыхъ мѣховщики ставятъ за окнами своего магазина? Ну, такъ вотъ вамъ! За исключеніемъ неподвижности, король Гебейской есть лисица, о которой я вамъ говорилъ сей-часъ.

Онъ росту малаго, живой, безпрестанно бѣгаетъ и прискакиваетъ; онъ хотѣлъ все увидѣть, все узнать; тому ножималъ руку, другаго трепалъ по плечу; толкалъ матроса, ласкалъ офицера; онъ переносился въ одинъ прыжокъ на бакъ, и возвращался оттуда, извиваясь, вертясь, кружась, на шканцы; потомъ смѣялся, пѣлъ, говорилъ громко, бѣгло, оглушалъ васъ, и послѣ того весьма удивлялся, что вы не улыбались его рѣчамъ, какъ рѣчамъ друга и покровителя.

Онъ вошолъ въ каюту къ коменданту, спросилъ у него перо, чернилъ и бумаги, намаралъ по арабски привѣтствіе этому офицеру, его дамъ и корвету; потомъ попросилъ насъ, или лучше сказать, приказалъ пристать у его острова; клялся намъ, что мы будемъ приняты тамъ отлично, и не будемъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Нашъ отказъ ему не понравился, но онъ утѣшилъ себя вскорѣ, увѣривъ насъ, что будетъ нашимъ провожатымъ и спутникомъ до Равакка.

Этотъ столь странный монархъ величалъ себя *капитаномъ Гебе*. Онъ былъ худощавъ, чахоточенъ, скулы его выдавались впередъ, лобъ обнаженъ, глаза живые, сверкающіе, маленькіе и безъ бровей, носъ острый и короткій, ротъ оканчивался у самыхъ ушей, а четыре или пять его оставшихся во-рту зубовъ, изысканно рисовались желтымъ цвѣтомъ съ отливомъ зеленоватаго; нѣсколько сѣдыхъ клочьевъ торчали на его вдавшемся подбородкѣ, руки его были тощи также, какъ и ноги; кисти и ступни костлявы и уродливы, плеча острыя и кривыя, грудь вдавшаяся. Все вмѣстѣ взятое, могло-бы смѣло сдѣлать изъ него хорошо-сложеннаго *Павіана*.

Его лысый черепъ былъ прикрытъ чалмой, нѣсколько лѣтъ уже немытой. Широкія штаны, опоясанныя по бе-

драмъ, спускались до якоръ, и прикрывали его сухопарыя ляжки, а халатъ его, съ большими разводами, который онъ, вѣроятно, купилъ на Амбуанѣ, придавалъ ему величайшее сходство съ ученными обезьянами, которыхъ Савояры возятъ у насъ изъ города въ городъ. (Боюсь, чтобы обезьяны не обидились за подобное сравненіе).

Флотилія короля Гебейскаго состояла изъ трехъ *карракоръ*, вооружонныхъ множествомъ воиновъ, работѣнно ему повиновавшихся. Изъ первой изъ этихъ приставшихъ къ намъ барокъ раздался покорный, жалобный голосъ, умолявшій насъ оказать величайшую, особенную милость, позволить взойти на бортъ двумъ изъ главныхъ офицеровъ короля Гебейскаго. Мы были слишкомъ вѣжливы для того, чтобы отказать и не принять благосклонно просьбу, съ такимъ чувствомъ изъявленную, и два королевскихъ лейтенанта какъ-разъ очутились возлѣ насъ. Нашъ лихой матросъ Пёти не могъ удержать своего восторга: онъ былъ вполнѣ счастливъ, видя, что стоитъ рядомъ съ людьми, еще болѣе его страшными и гадкими; онъ важно пріосанился, указывая пальцемъ своимъ товарищамъ на *Гебейцевъ* посѣтителей, и чуть-чуть было не принялъ себя передъ ними за Аполлона или, по-крайней-мѣрѣ, за Антиноя.

Когда карракора, на которой былъ король, сошлась бортъ о бортъ съ корветомъ, индѣйскій монархъ прицѣпился къ нему и, не спрашивая позволенія, вошолъ на палубу, строго запретивъ слѣдовать за собою своимъ офицерамъ. Тогда началась мѣнка между его и нашимъ экипажемъ. Мы давали фуляры, ножницы, ножи, бритвы, иголки, а намъ въ замѣнъ предлагали луки, щиты, стрѣлы, отлично и искусно отдѣланныя, соломенныя шляпы весьма-странной формы, и жемчужины довольно-хорошей воды, запертыя Гебейцами въ коробочкахъ изъ бамбуковаго дерева.

Между-тѣмъ корветъ подвигался впередъ, и карракоры, прибуксировавъ къ намъ, казалось, имѣли намѣреніе идти вмѣстѣ съ нами. Коменданту не разсудилось за благо плыть съ подобными сосѣдями; онъ пожелалъ добраго вечера королю Гебейскому, который вполнѣ понялъ эту *невѣжливость*. Онъ въ свою очередь раскланялся съ нами и обѣщалъ присоединиться къ намъ въ окрестностяхъ Напуса, гдѣ мы намѣревались бросить якорь. Пёти стоялъ у трапа, когда король Гебе спускался внизъ; посмотрѣвъ ему прямо въ глаза, онъ сказалъ ему, какъ-будто-бы тотъ могъ его понять:

— Морская свинья! послушай меня; ты лихой марсовой, и я уважаю тебя; ты свергнулъ меня съ моего престола.

Король Гебейскій, думая, что тотъ отпустилъ ему какое-нибудь привѣтствіе, пробормоталъ какія-то непонятныя слова по-арабски или по-малайски, а Пёти, весь въ восторгѣ отъ такого отвѣта, возразилъ:

— А, плутяга! какой-же ты гадкой!...

Затѣмъ они раскланялись по-мусульмански; капитанъ прыгнулъ въ одну изъ своихъ барокъ, о которыхъ я вамъ разскажу подробнѣе, а нашъ лихой матросъ возвратился на палубу, и обѣдалъ потомъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ. Онъ такъ возгордился своимъ успѣхомъ, что чудо!

Давно была-бы пора постоянному вѣтру донести насъ до первой стоянки, потому-что, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, нашъ бѣдный истомленный экипажъ едва таскался по палубѣ и по баттареѣ; кровавый поносъ и цынга гибельно опустошали нашу команду. Равакъ, къ которому мы хотѣли пристать, виднѣлся уже на горизонтѣ, съ своими зеленѣющимися вершинами, обрисованными рѣзко на голубомъ небѣ,

и опять веселость и шутки закрались въ наши вечернія бесѣды.

Гебейскія карракоры ушли далеко отъ насъ : это, безъ сомнѣнія, были самые наглые и самые дерзкіе пираты этихъ, едва намъ знакомыхъ морей, если судить по смѣлости и безстыдству ихъ посѣщенія.

Ничто не можетъ сравниться съ ловкостью, съ какою Гебейцы управляютъ своими любопытными барками, длиною отъ сорока до шестидесяти футовъ. Онѣ узки; носъ и корма ихъ возвышаются до невѣроятности, и оконечности ихъ увѣнчаны полумѣсяцемъ или шаромъ, въ которые вставляется флагъ; скамьи, на которыхъ садится экипажъ, защищены отъ солнца тесовой кровлей, покрытой ваконми, кокосовыми и банановыми листьями. Я весьма сомнѣваюсь въ томъ, чтобы Гебейцы употребляли когда-нибудь паруса во-время плаванія; но съ обѣихъ сторонъ барки, они дѣлаютъ легкія крылья, плотно сплоченныя и спускающіяся ступенями въ воду, на которыхъ сидящіе во множествѣ *гребцы* составляютъ такимъ образомъ противутяжести, поддерживающія въ совершенномъ равновѣсіи барку. Магазины или закрытые шкафы, заключаютъ въ себѣ оружіе и съѣстные припасы экипажа, и я не умѣю вамъ описать безчисленнаго множества стрѣлъ, которое они намъ предлагали при первомъ свиданіи у Писсанга. Къ тому-же, всякое описаніе на бумагѣ дастъ лишь не полное понятіе, и я спѣшу прибавить, что, только видѣвъ ихъ самъ лично, я составилъ себѣ идею о галерахъ въ два и три ряда веселъ, о которыхъ говорятъ древніе.

Равакъ развернулъ предъ намъ свои тропическія богатства; на палубѣ, всякой изъ насъ глазами пожиралъ глубину рейда, гдѣ мы долженствовали отдохнуть отъ столькихъ бѣдствій и труловъ. Больные, съ своихъ коекъ, потихоньку вдыхали въ себя воздухъ земли, о которой они такъ долго грустили; но наступившая ночь прекратила наши восторги, и мы лавировали около острова до другаго утра. Гардемарину Герену было поручено измѣрить рейдъ, и онъ исполнилъ порученіе съ тою отмѣнною точностію и рвеніемъ, которыя отличали вполнѣ молодаго офицера, и который, съ-тѣхъ-поръ, мужественно вышелъ побѣдителемъ изъ множества тяжкихъ испытаній.

XXII.

РАВАККЪ.

Дикіе. — Змѣи. — Ящерицы. — Опять Пёти. — Спшбка.

Какая восхитительная картина представилась глазамъ нашимъ! Находясь по самой срединѣ обширнаго рейда, какъ въ центрѣ величественной панорамы, мы могли однимъ взглядомъ обозрѣть ее и восхищаться ея гармоническимъ цѣлымъ. На-право выдается густой мысъ, по коему разсѣяны разнообразнѣйшимъ образомъ всѣ растительныя богатства жаркихъ поясовъ; потомъ этотъ мысъ, опускаясь нечувствительно по правильному наклоненію, оканчивается, на милю вдоль берега, плоскостію. Здѣсь тѣснятся дома, построенные на сваяхъ; латановые и банановые листья служатъ кровлями симъ жилищамъ, возвышающимся на семь или восемь футовъ надъ песчанымъ грунтомъ, а кругомъ разсѣяно нѣсколько могилъ, увѣнчанныхъ противными идолами, бѣлыми черепами, и усердными приношеніями друзей и родныхъ. Въ туманной дали, сквозь стрѣлообразныя кокосовыя деревья, открывается широкая зеленая лента — тихій проливъ, раздѣляющій двѣ сосѣднія земли. Въ-лѣво, земля снова образуетъ возвышенности, и мало-по-малу поднимается все выше и выше, какъ-бы для того, чтобы соперничествовать прелестью и красотою съ картиною противуположной стороны. У подножія этого небольшаго возвышенія, валы разбиваются съ ожесточеніемъ и силою, и отражаютъ вдали тысячи радугъ. Наконецъ, въ отдаленной синевѣ, толпятся высокія и уединенныя горы Вежжью, какъ властелины надъ мрачной и уединенной страной Папусовъ; а для оживленія картины, тѣни, или лучше сказать, чорныя привидѣнія, гонимыя страхомъ и любопытствомъ, прыгаютъ въ глубинѣ рейда, подобно стаду павіановъ. Наконецъ, веселыя волны, гоняясь однѣ за другими, отражая въ себѣ лазурное небо и обширное и палящее солнце, довершаютъ прелести картины.

При низкой водѣ, или при отливѣ, судно средней величины можетъ тронуться о подводную скалу, на кабельтовъ отъ земли; но г. Геренъ не удовольствовался исполненіемъ вполовину даннаго ему порученія, и ясно обозначилъ положеніе этого опаснаго рифа.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ Раваккъ опустѣлъ; наше присутствіе обратило въ бѣгство туземцевъ. Тутъ можно извлечь другой урокъ изъ этого всеобщаго страха и боязни всѣхъ дикихъ при одномъ видѣ европейскаго судна; право, можно смѣло подумать, что просвѣщеніе открыло себѣ путь сквозь океаны, степи и лѣса, только съ помощію картечи. Когда мы вышли на берегъ, то на немъ еще виднѣлись свѣжіе слѣды людей; сосуды, до

половины наполненные водою и свѣжими припасами, стояли еще въ опустѣлыхъ хижинахъ (казахъ) и жертвы, принесенныя въ честь усопшихъ, казалось, были послѣднимъ прощаніемъ туземцевъ съ ихъ роднымъ островомъ.

Разбитыя нами палатки защищали наши астрономическіе инструменты; шлюбки и боты искали спокойной пристани; охотники пустились въ лѣсъ, ботанисты рылись вездѣ, а бѣдные больные, опираясь на своихъ друзей, старались поймать жизнь, готовую изъ нихъ вылетѣть.

Туземцы между-тѣмъ все еще не показывались, хотя ихъ легкія пирòги скользили ночью по каналу, раздѣляющему Раваккъ отъ Вежжью; мы-же дѣлали видъ, будто не примѣчаемъ этихъ ночныхъ и тайныхъ объѣздовъ, а потому наши дни протекали мирно, тихо, безъ приключеній, однообразно и въ тоже время удушливо. Мало-по-малу пирòги стали приближаться болѣе; смѣлѣйшіе изъ находившихся въ нихъ вышли на берегъ, и, сначала трепещущіе отъ страха, послѣ смѣлые до дерзости, они расположились около насъ; потомъ безъ церемоніи подсѣли къ намъ рядомъ, стали пробовать наши кушанья, захотѣли примѣрить, въ порули имъ нѣкоторыя изъ нашихъ одѣяній, и кончили нѣсколькими плутовскими продѣлками, за которыя мы, однакожъ, изъ благоразумія, ихъ не наказали, опасаясь, чтобъ чрезъ это не лишиться возможности изучить ихъ нравы, обычаи, характеры; а это было-бы величайшей потерей для нашего любопытства.

Усталые наконецъ отъ своихъ ночныхъ поѣздокъ, для нихъ вовсе безполезныхъ, и къ тому-же ободренные нашимъ мирнымъ положеніемъ, островитяне, убѣжавшіе изъ Бони и Вежжью, рѣшились пристать къ берегу, среди бѣлаго дня, противъ насъ, безоружные, съ нѣкотораго рода отвагою, которая, впрочемъ, походила болѣе на самохвальство, нежели на истинное мужество, и тогда уже зависѣло не отъ насъ сдѣлаться ихъ истинными друзьями. Я обязанъ дать полезный совѣтъ путешественникамъ и изыскателямъ, которыхъ случай или обязанности ихъ миссій занесутъ къ этимъ народамъ, самымъ лютымъ на всемъ земномъ шарѣ. Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ только важныхъ обстоятельствъ и неминуемой гибели, никогда не должно быть зачинщиками ссоры. Вѣрнѣйшее средство смягчить жестокій, звѣрскій характеръ туземцевъ, состоитъ въ томъ, чтобы показывать имъ величайшую довѣренность. Если вы считаете себя сильнѣе ихъ, они убьютъ васъ, чтобъ доказать, что вы слабѣе. Подобнаго рода люди не имѣютъ другихъ доказательствъ, какъ на концѣ своихъ сагай, кинжаловъ и отравленныхъ стрѣлъ. Кровавые остатки неустрашимаго Кука не были-бы погребены въ свинцовомъ гробѣ на Каракакоаскомъ рейдѣ, если-бы храбрый этотъ капитанъ повѣрилъ честному слову короля Овхіее, обѣщавшему ему вознагражденіе за покражу, на которую жаловался знаменитый англійскій мореплаватель. И сколько можно было избѣгнуть несчастныхъ происшествій, если-бы, вмѣсто того, чтобы высаживать сначала на берегъ артилерію, путешественники старались только посредствомъ благодѣяній ознакомиться съ туземцами!

И въ-самомъ-дѣлѣ, дикіе—это настоящія взрослыя дѣти, желающія, чтобы ихъ забавляли и дѣлали имъ подарки; но отъ малѣйшей угрозы они возмущаются. Пусть мои угасшія очи узрятъ снова свѣтъ, пусть я снова предприму другое путешествіе вокругъ свѣта, тогда уже я повезу съ собою танцоровъ по канату, акробатовъ, фокусниковъ, фи-

гляровъ, и увѣренъ, что съ подобной свитой мнѣ будетъ легче сойтись съ этими первобытными народами, изучить ихъ нравы, посѣтить внутренность ихъ земель, степей, лѣсовъ, нежели съ помощію ружей и пуль, коихъ сила иногда покоряетъ, но не обезоруживаетъ никогда.

Что до меня касается, я объявляю, что только тогда и былъ въ опасномъ положеніи, когда хотѣлъ побѣдить дикихъ нашимъ европейскимъ оружіемъ, и никогда не путешествовалъ съ бо́льшею безопасностію, какъ въ то время, когда, приставая къ ихъ землѣ, ввѣрялъ сбѣжавшимся на берегъ, изъ любопытства или изъ жажды добычи, дикимъ, мои ящики, пистолеты, мои мѣновыя и продажныя вещи и даже самое ружье. Я разскажу вамъ послѣ, что́ случилось со мною въ Вахоо, одномъ изъ богатѣйшихъ и прелестнѣйшихъ острововъ Сандвичева-Архипелага.

Я все-таки утверждаю, что если Европейцамъ и приходится оплакивать столько кровавыхъ сценъ, въ сихъ отдаленныхъ путешествіяхъ, то этому виною ихъ сварливый нравъ и обидныя предосторожности, употребляемыя ими для огражденія себя отъ нападеній народовъ, посреди коихъ занесетъ ихъ судьба. Не довѣрять кому-нибудь значитъ оскорблять его, и всякой народъ, образованный или дикій, великодушный или свирѣпый, хочетъ заставить всѣхъ думать и доказать всѣмъ, что онъ знаетъ цѣну своимъ достоинствамъ.

Торговля болѣе всего связываетъ и знакомитъ народы между собою. На первомъ планѣ ставятся всегда вещественныя выгоды, потомъ идетъ уже нравственность, которая поддерживаетъ и скрѣпляетъ взаимныя связи. Въ-особенности у дикихъ народовъ, это двоякое правило разительно по своей истинѣ, и всякій путешественникъ выиграетъ много, воспользовавшись имъ въ свою выгоду.

Наружный блескъ служитъ лучшимъ проводникомъ повсюду, а среди этихъ индійскихъ архипелаговъ можно показаться богачомъ, съ такими бездѣлицами, что, право, вы не раскаетесь въ вашемъ великодушіи даже и тогда, когда сдѣлаетесь жертвою своей довѣрчивости. Въ Раваккѣ, напримѣръ, мы замѣтили, что наши торговыя конторы могли-бы обѣднѣть немедленно, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ туземцевъ, съ которыми мы старались сблизиться; но, не взирая на это, мы лучше согласились потерять нѣсколько бездѣлушекъ, жертвуя ихъ на расхищеніе, нежели дать невыгодное понятіе о нашемъ великодушіи: потому-то мы продолжали разсыпать дары наши щедрою рукою, надѣясь въ-послѣдствіи вознаградить себя, при раскапываніи могильныхъ холмовъ, возвышающихся на береговой отлогости.

Нашъ примѣръ сдѣлался заразительнымъ; туземцы въ свою очередь были подстрекаемы самолюбіемъ. Каждое утро множество пиро́гъ увивались около нашего корвета, и привозили намъ рѣдкія раковины, прекрасивыхъ насѣкомыхъ, драгоцѣнныхъ бабочекъ, и въ особенности огромныхъ ящерицъ, крѣпко привязанныхъ спиною къ толстой палкѣ. Эти чудовищныя ящерицы, кажется, водятся во множествѣ въ Боии и Вежжью, гдѣ однакожъ ихъ преслѣдуютъ съ упорствомъ и ожесточеніемъ. Островитяне, желая поймать ихъ, употребляютъ на это не совсѣмъ безопасное средство, считая укушеніе сихъ пресмыкающихся не очень-ядовитымъ. Однакожъ одинъ изъ нашихъ воспитанниковъ, Бераръ, разъ укушенный ящерицей, пролежалъ съ недѣлю въ лихорадкѣ, не взирая на то́, что ему прижгли рану немедленно послѣ укушенія. Вотъ средство,

употребляемое дикими при ловлѣ : они потихоньку становятся на колѣна на мягкую и рыхлую землю, избранную ящерицей для своего жилища, держа въ рукахъ острую лопатку, въ-родѣ валька или колотушки; надъ отверстіемъ норы, они привязываютъ разныхъ насѣкомыхъ, жужжаніе которыхъ привлекаетъ и вызываетъ изъ логовища ящерицу. Лишь только она высунетъ наружу голову, ловецъ съ быстротою молніи втыкаетъ лопатку въ эту взрытую и мягкую землю, и весьма-нерѣдко ему удается захватить ящерицу по самой срединѣ туловища. Если-же не равно и случится противное, все-таки этому пресмыкающемуся путь къ отступленію прегражденъ, а находящіеся вблизи отъ того мѣста ловцы, наказываютъ неловкаго охотника, налагая на него пеню, платимую рыбой или кокосами.

По существованію этихъ страшныхъ и чудовищныхъ ящерицъ на всемъ архипелагѣ, можно было-бы заключить, что тамъ живутъ также огромные змѣи; но хотя въ-самомъ-дѣлѣ ихъ можно встрѣтить здѣсь часто, но мы во все время нашего пребыванія видѣли только небольшихъ, то есть, отъ четырехъ до пяти футовъ длиною; здѣсь, равно какъ и во всѣхъ странахъ земнаго шара, они боятся шуму, и немедленно удаляются при видѣ человѣка. Но я спѣшу однакожъ предупредить командировъ судовъ, что на берегу того мѣста, гдѣ запасаются прѣсной водой, то есть, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ средины Раваккскаго рейда, часто встрѣчаютъ этихъ пресмыкающихся во множествѣ. Они, свернувшись винтообразно, подъ чащею кустарниковъ, по-видимому, ожидаютъ нападенія, вызывающаго ихъ на защиту. Противъ такихъ непріятелей, лучшимъ оружіемъ можетъ служить ружейный шомполъ, коего ударъ, ловко пришаровленный къ бокамъ взвившагося змѣя, раздробляетъ одно изъ колецъ его и тѣмъ останавливаетъ всѣ его движенія. Надобно впрочемъ замѣтить, что подобнаго рода охота требуетъ ловкости и хладнокровія.

Раваккъ составляетъ островъ, имѣющій видъ песта, внутри выгнутаго; обѣ его окопечности обширны, высоки и гористы, центръ плоскій и узкій; пространство его, не болѣе полумили въ маломъ его поперечникѣ, и вы можете перейти его весь, по прекрасной дорожкѣ, осѣненной богатѣйшими деревьями.

Это мѣсто было моимъ любимѣйшимъ гуляньемъ, въ теченіе каждаго утра, когда восходящее солнце пробуждало міріады птичекъ, которыя наводняли, такъ сказать, густыя вершины деревъ. Въ одинъ день, вставъ ранѣе обыкновеннаго, я запасся карандашами для снятія величественныхъ скалистыхъ береговъ Вежжью; но вдругъ увидѣлъ Пёти, бѣгущаго ко мнѣ, съ изтерзаннымъ лицемъ, проклинающаго весь свѣтъ и топающаго ногами, точно какъ-будто кто осмѣлился безнаказанно обидѣть его.

— Откуда ты сорвался?

— О! подлецы!

— Что они тебѣ сдѣлали?

— О! тюлени!

— Да скажи, что съ тобой случилось?

— И послѣ этого, эти грязные осетры смѣютъ считать себя за людей, созданныхъ по-образу и по-подобію вашему и моему.

— Да разскажешь-ли ты наконецъ, шутъ!

— Если я когда-нибудь встрѣчу ихъ пятерыхъ или шестерыхъ, въ отдаленіи отъ прочихъ, я разражусь надъ ними, и нагряну на нихъ, какъ проливной дождь на матросовъ.

— Да разтолкуй мнѣ причину твоего гнѣва!

— Это не совсѣмъ легко, чортъ побери! и вы сами посудите, сударь, вы, которые такой правдивый: виноватъ-ли я былъ въ томъ, что побилъ ихъ.

— Такъ ты прибилъ кого-нибудь?

— Кого-нибудь — нѣтъ! а нѣсколькихъ, то есть, малую толику — да!

— Ты опять надѣлалъ глупостей.

— Совсѣмъ нѣтъ! Маршэ на моемъ мѣстѣ раздавилъ-бы и истеръ ихъ въ прахъ. Тысячу чертей! если-бы я имѣлъ его силу!

— Ты-бы надѣлалъ чудесныхъ штукъ! Ну довольно жаловаться; разскажи-ка лучше, что̀ съ тобой случилось!

— Дайте сначала выпить рюмочку.

— На, вотъ тебѣ.

— Еще одну!

— Пожалуй.

— Вѣдь вы не Равакасецъ, вы не Вежьюецъ, поэтому вы знаете, какъ жарятъ рыбу; а эти морскія свиньи, право, жалости достойны. Теперь посудите сами, виноватъ-ли я, и не стоитъ-ли колотить этихъ животныхъ, какъ жабъ. Вамъ извѣстно, что я не ночевалъ на суднѣ, а простоялъ цѣлую ночь на-часахъ у палатки, гдѣ они такъ глупо занимаются наблюденіями и исчисленіями движенія *маятники*.

— То есть, маятника.

— Говорите, пожалуй, по вашему *маятника*, а я всегда буду говорить *маятники*, потому-что, мнѣ кажется, что я хорошо умѣю говорить по-французски.

— А! такъ ты говоришь хорошо по-французски?

— Да ужъ получше *этихъ разныхъ, расположившихся* на банановыхъ листьяхъ, подобно обезьянамъ.

— А! такъ Папусы тамъ?

— Да, сударь; но не ходите къ нимъ; право это страшно, это отвратительно; я-бы согласился лучше напасть на толпу хорошенькихъ дѣвочекъ. Короче сказать, я вамъ объясню все. Сегодня утромъ я бродилъ вонъ-тамъ, помышляя о бѣдномъ моемъ отцѣ и бѣдной матери, которые ходятъ теперь головою внизъ, и у которыхъ теперь смеркается, тогда-какъ у насъ разсвѣтаетъ; я искалъ раковинъ, чтобы подарить вамъ, въ обменъ, за рюмку водки, которую вы мнѣ теперь пожалуете, и вдругъ увидѣлъ полдюжины пиро̀въ, отплывающихъ изъ Вежью. Это мнѣ по-рукѣ, сказалъ я самъ себѣ: это мнѣ кстати. Я выменяю у нихъ на даровщину нѣсколько бездѣлицъ, отдамъ ихъ г. Араго, и получу полбутылки рому, а, Богъ вѣсть, можетъ-быть, и цѣлую бутылку: это отъ него зависитъ.

— Потомъ что̀?

— Какъ что̀? послѣ этой бутылки, еще другую.

— Оканчивай твой разсказъ.

— Короче сказать, они пристали къ берегу, и мы раскланялись, какъ марсовые; они съ фырканьемъ и санѣньемъ, а я приложа руку къ шляпѣ. Они мнѣ сказали: *Сала! сала!* а я имъ отвѣчалъ: Здравствуйте, граждане! А они принялись смѣяться, какъ дураки. Они, можетъ-быть, даже не знаютъ, что̀ такое значитъ гражданинъ.

— Очень можетъ-быть.

— Они такіе... знаете... *Гюги!* то-есть, какъ вашъ слуга. Короче сказать, они расположились на землѣ, собрали себѣ завтракать, и, представьте себѣ, безъ вина! просто на маленькихъ прутикахъ изъ зеленаго дерева, лежащихъ на землѣ, и разложенныхъ такъ, какъ-будто они хотѣли выстроить изъ нихъ домикъ въ *миніатюрѣ;* потомъ они разложили еще другіе прутики, также совсѣмъ зеленые и сырые, связанные плотно между собою, въ родѣ плота; потомъ разложили по нимъ рыбу... славная рыба, по-правдѣ сказать, красная, голубая, зеленая, и свѣжая, какъ-будто живая рыба. Короче сказать, они положили подъ низъ сухихъ листьевъ и вѣтвей, и развели огонь, какъ

у насъ сбиваютъ шоколатъ; и вотъ они зажигаютъ все это вмѣстѣ, и красивенькія рыбки раскраснѣлись, поджарились такъ, что, право, охота пришла ихъ ѣсть до завтра; короче сказать, когда онѣ изжарились и испеклись, *эти народы* схватили ихъ своими грязными, жирными пальцами, и начали жевать и глотать, не сказавъ мнѣ даже ни словечка: «Сядь-ка возлѣ насъ на землѣ, да поѣшь съ нами». Ну, скажите по совѣсти, не обидно-ли это?

— Да, можетъ-быть, у нихъ таковъ обычай.

— Во всякомъ случаѣ, это скверный обычай быть невѣжливымъ и ѣсть только самимъ, когда около нихъ стоитъ чужой человѣкъ, котораго мучитъ голодъ.

— Ты славно разсуждаешь.

— Потому-то я, безъ дальныхъ околичностей, протянулъ руку и стащилъ рыбку съ рѣшотки, сказавъ имъ спасибо. Но лишь только я хотѣлъ откусить, какъ вдругъ самый нахальнѣйшій изъ толпы началъ выражаться со мной непристойными и дерзкими словами!..

— А, можетъ-быть, онъ говорилъ тебѣ разныя нѣжности.

— Ну, такъ вольно-же ему, дураку, не объясниться толкомъ. Короче сказать, я понялъ это такъ, и разсердился; пустилъ ему рыбой въ рожу и сдѣлалъ ему по-матросски одинъ жестъ, который значилъ: я, братъ, тебя не боюсь.

— Что-же они всѣ на это отвѣчали?

— Ничего; они продолжали ѣсть, эти обжоры; а я долженъ былъ смотрѣть на нихъ. Короче сказать, я былъ все въ томъ-же положеніи, а они, вѣроятно, для насмѣшки надомною, распластавъ рыбу, вынули изъ нея внутренность и начали глотать потроха. Я все моталъ себѣ на усъ. Но, какъ вы сами мнѣ сказывали, что мы путешествуемъ для образованія и поученія народовъ, то я и захотѣлъ научить Раваккайцевъ, какимъ образомъ ѣдятъ опрятно рыбу въ нашей сторонѣ. Основываясь на этомъ, я весьма-деликатно беру большимъ и указательнымъ пальцемъ одного жирнаго и толстаго пискаря; распластываю его, вынимаю кишки, бросаю ихъ на землю, и съѣдаю мясо безъ дальнихъ околичностей. Но эти проклятые, эти чортовы дѣти, ни съ того, ни съ сего, вбили себѣ въ голову, что я съѣлъ кусокъ ихъ рыбы изъ насмѣшки надъ ними; — а потому, собравъ со тщаніемъ выброшенные мною потроха, они окружаютъ меня съ крикомъ и угрозами, начинаютъ декламировать, плясать, и, вѣроятно, чтобы не сбиться съ такту, колотятъ по моимъ плечамъ какъ по деревянному обуху.

— Чортъ возьми! тебѣ, я думаю, показалось жарко!

— О! я въ-тихомолку произнесъ имя Марше, которое придало мнѣ силы и храбрости; схватилъ одно изъ веселъ, которыя эти дурачье называютъ пагайями, и, признаться по совѣсти, зафехтовалъ такъ, что перещупалъ у многихъ по нѣскольку реберъ... Я думаю, что вы на моемъ мѣстѣ сдѣлали-бы тоже самое.

— Я-бы, на твоемъ мѣстѣ, не тронулъ рыбы.

— Но во всякомъ случаѣ вы-бы выкинули потроха?

— Конечно.

— Ну, такъ это-то самое и взбѣсило ихъ, бездѣльниковъ, скотовъ! Короче сказать, забава продолжалась пять или шесть минутъ: я тузилъ, меня тузили, и, право, не могу сказать, чѣмъ-бы все это дѣло кончилось, если-бы большой ботъ, подъ командою г. Кальяра, не высунулъ носа изъ устья канала. Вотъ и все тутъ. Виноватъ-ли я, скажите?

— Ты престранный человѣкъ.

— Я это давно знаю; а они, *эти раз-*

ные, не бось менѣе смѣшны? ѣдятъ рыбью требуху, а, можетъ-быть, и кости!

— Это не твое дѣло.

— Какъ не мое дѣло? Дѣло всякаго — дѣлать добро всѣмъ и каждому. Притомъ-же вы еще не знаете всего. Погода темная, мрачная, море становится бурнымъ, и они, вѣрно-бы, нѣсколько дней не могли отправиться на рыбную ловлю; что-же теперь они выдумали? Право, это не совсѣмъ дурно для этихъ павіановъ. Они вскипятили морской воды въ одномъ глиняномъ сосудѣ, потомъ вылили ее въ большую трубку изъ зеленаго и сыраго бамбука, положили туда рыбу, твердо и крѣпко закупорили, и она варится тамъ, какъ-будто у себя въ комнатѣ.

— Я это видѣлъ; это довольно-замысловато придумано.

— И вы думаете, что рыба тамъ можетъ быть вкусна?

— Превосходна; я ѣлъ еще вчера.

— Съ потрохами?

— Нѣтъ.

— Ну, слава-Богу.

— Скажи-ка мнѣ, какъ ты думаешь Вежьойцы тамъ еще?

— Да.

— Я пойду туда.

— Не совѣтую; они, можетъ-быть, и съ вами сдѣлаютъ то-же, что со мной, а я увѣряю васъ, что они колотятъ на-порядкахъ.

— Все-равно; я хочу ихъ видѣть.

— Въ такомъ случаѣ я васъ провожу; они вѣдь не знаютъ, что вы значите больше меня, и вовсе не понимаютъ общественныхъ приличій и тонкаго обхожденія въ большомъ свѣтѣ!.. Еще одинъ стаканчикъ, сударь!..

— Нѣтъ, ты напьешься и надѣлаешь новыхъ глупостей.

— Вы клевещете на меня; вы вѣдь знаете, что я хожу подъ парусами лучше, чѣмъ корветъ.

— Ну, на! вотъ тебѣ.

— Вотъ ужъ мошенники! ѣдятъ рыбьи потроха!..

Итакъ я отправился съ моимъ добрымъ и буйнымъ матросомъ, и вскорѣ прибылъ къ бойцамъ, еще не совсѣмъ успокоеннымъ, и занятымъ, почти всѣ, перевязкою и поданіемъ помощи одному изъ ихъ шайки, котораго, кажется Пёти употчивалъ по-дружески и болѣе прочихъ.

— Мнѣ кажется, что онъ еще подрягиваетъ ногами, сказалъ онъ.

— Ты его шибко избилъ и поранилъ, бездѣльникъ!

— Вотъ тебѣ разъ! а вы думаете, что онъ, въ свою очередь, поглаживалъ меня? О! это былъ самый дерзкій, самый крикливый; а я не люблю крикуновъ и презираю дерзкихъ.

— У тебя такія грубыя манеры.

— Да; небось и у этихъ дураковъ манеры ни сколько не нѣжнѣе моихъ, и если-бы у васъ не было за поясомъ двухъ славныхъ пистолетовъ, то божусь, я-бы вамъ запретилъ идти къ нимъ.

— Какъ! ты-бы мнѣ запретилъ?

— Да, конечно!

— А по какому праву?

— По праву, какое мы беремъ надъ тѣмъ, кого любимъ... Пожалуйте-ка еще стаканчикъ, г. Араго.

— Молчи! они насъ увидѣли.

— Это вовсе не мѣшаетъ выпить стаканчикъ. Напротивъ, это удвоитъ наши силы.

— Тише! молчать!

Лишь только мы къ нимъ приблизились, какъ туземцы, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, заговорили громко и всѣ вмѣстѣ вдругъ, и стали угрожать намъ самымъ значительнымъ и понятнымъ для насъ образомъ; но наша самоувѣренность и твердость успокоила ихъ нѣсколько, а нѣсколько бездѣльныхъ подарковъ довершили остальное,

и вскорѣ совершенное согласіе и миръ воцарились между нами.

— И вы дѣлаете подарки людямъ, которые ѣдятъ рыбьи потроха!.. говорилъ мнѣ Пёти, нѣсколько успокоенный: да вы совсѣмъ не знаете этихъ людей!.. ѣсть рыбьи кишки!.. ну все равно, мнѣ хотѣлось попробовать, для того, чтобы узнать, вкусны-ли онѣ. Пойду, попрошу у нихъ съ полъ-аршинчика.

— Если ты только пошевельнешься, я прогоню тебя.

— Довольно, довольно, я не промолвлю больше ни словечка.

Обѣдъ Раваккайцевъ (какъ говорилъ Пети) продолжался довольно-мирно. Такимъ-образомъ приготовленныя рыбы казались весьма-вкусными; каждый изъ собесѣдниковъ бралъ свою долю съ закоптѣлой рѣшотки, клалъ ее въ свою широкую пригоршню или на банановый листъ и потомъ отдѣлялъ себѣ кусочки съ большою ловкостію.

Они сидѣли всѣ такъ, какъ у насъ сидятъ портные, ѣли, не говоря ни слова, пили по-очередно изъ тыквы, весьма-чистую, прозрачную воду, привезенную съ Вежжью, и отъ-времени-до-времени обращались къ солнцу, бормоча какія-то отрывистыя слова, можетъ-быть, свою молитву.

— Мнѣ кажется, что они молятся Богу, ворчалъ Пёти: клянусь честью, это на тѣ похоже; ну не жалости-ли это достойно! смѣть молиться Богу и въ тоже время ѣсть рыбьи кишки!

И въ-самомъ-дѣлѣ, образъ ѣды этихъ народовъ не очень возбуждаетъ аппетитъ; я знаю многихъ изъ нашихъ молодыхъ Парижанокъ, которыя отвратили-бы свои взоры отъ подобныхъ картинъ.

Пища жителей Равакка и Вежжью, состоитъ изъ рыбъ, птицъ, раковинъ и плодовъ. Питьемъ служитъ имъ чистая вода и кокосовое молоко, домашней утварью—грубые сосуды, а единственной приправой — аппетитъ, который они пріобрѣтаютъ въ безпрерывныхъ занятіяхъ и тѣлесныхъ движеніяхъ.

Вообще путешественники, издающіе и печатающіе выводы своихъ замѣчаній и открытій въ отдаленныхъ странахъ, думаютъ, что уже и исполнили обязанность свою, если замѣтили для насъ какой-нибудь фактъ. Они сказывали, напримѣръ,—что впрочемъ и правда,—что дикіе разводятъ огонь посредствомъ тренія сухаго куска дерева о сырой кусокъ. Вотъ и все тутъ! Но скажите сами, могло-ли это научить меня или дать мнѣ какое-нибудь о томъ понятіе? Нѣтъ! и я все-таки не зналъ, какъ добывается огонь у дикихъ племенъ. Вотъ какъ это дѣлается: только подробности могутъ дать точное понятіе о дѣлѣ.

Человѣкъ садится на землю, держа въ рукахъ два куска дерева, одинъ длиною отъ двѣнадцати до пятнадцати дюймовъ, толщиною въ барабанную палку и съ оконечностію усѣченнаго конуса; другой кусокъ—плѣпо, въ видѣ параллелограма отъ пяти до шести дюймовъ въ вышину и отъ трехъ до четырехъ въ ширину, на одной сторонѣ котораго, почти по-срединѣ, высверлена небольшая, но довольно-глубокая впадина въ шесть линій; отъ этой впадины идетъ, во всю длину куска дерева, жолобокъ, отъ трехъ до четырехъ линій глубины. Кусокъ этотъ сухой, а длинная палка сырая. Сидящій человѣкъ держитъ между ногъ этотъ толстый кусокъ, кладетъ нѣсколько сухихъ листьевъ и травинокъ въ жолобокъ, по всему его протяженію, до самой впадины, въ которую онъ вставляетъ эту сырую палку, и вертитъ ее между ладонями, въ родѣ того, какъ у насъ приготовляютъ шоколатъ. Этимъ-то быстрымъ треньемъ, продолжающимся около полуминуты, онъ возбуждаетъ жаръ и огонь, распространяю-

щійся по сухимъ травамъ и листьямъ, которые потомъ воспламеняются посредствомъ раздуванія. Я согласенъ, что это очень-просто, но тѣмъ не менѣе, объ этомъ надобно было сказать. И теперь-же, чтобъ не забыть впослѣдствіи, я спѣшу разсказать здѣсь три мои замѣчанія, безъ-сомнѣнія, весьма ничтожныя, но для меня показавшіяся весьма странными. Наука, можетъ-быть, истолковала-бы ихъ физіологическимъ или психологическимъ образомъ, но я не пускаюсь слишкомъ въ-даль, и отмѣчаю, что̀ вижу своими глазами.

Итакъ, я замѣтилъ, что, начиная съ Мыса Доброй-Надежды до Мыса Горна, то-есть, на протяженіи равномъ пяти шестымъ поверхности земли, ни одинъ изъ дикихъ народовъ не ѣстъ никакого кушанья чѣмъ-либо приправленнаго. Здѣсь нѣтъ никакихъ сосудовъ, никакихъ подливокъ; все варится на горящихъ углѣхъ, съ большимъ дымомъ, въ печахъ, которыя часто закрываются даже въ то время, когда жертва брошена въ нихъ еще полуживою. Поваренное искусство вовсе не любознательно.

Для того, чтобы сказать *пить*, всѣ народы на землѣ дѣлаютъ головою знакъ, принятой и у насъ; нѣкоторые прибавляютъ къ этому знаку слово, другіе движеніе руки, но вездѣ знакъ головою существуетъ. Чтобы сказать *да*, всѣ народы, на огромномъ пространствѣ земли, мною описанномъ, *поднимаютъ* голову и фыркаютъ, вмѣсто того, чтобы опустить ее, какъ дѣлаемъ мы. Согласенъ, что это замѣчаніе мелочное, но я такъ до всего допытывался! Мнѣ такъ хотѣлось все видѣть!

Третье мое замѣчаніе еще страннѣе, мнѣ кажется: всѣ эти народы спятъ — почти всегда лёжа на животѣ. Медицина объяснитъ намъ это. Но, да простятъ мнѣ, что я указываю на эти мелкія отличія, на эти общіе обычаи! Только посредствомъ сближенія мелкихъ подробностей, можно дойдти до общихъ выводовъ.

Сильный градъ принудилъ насъ, Пёти и меня, ретироваться; мы оставили дикихъ, которые прибѣгли подъ защиту своихъ опрокинутыхъ *пройй*, а мы, съ бо́льшимъ запасомъ свѣдѣній, чѣмъ прежде, отправились по дорогѣ къ лагерю, будучи принуждены сгибать шеи наши подъ сильными ударами тропическаго ливня.

— Это очень-глупо, ворчалъ Пёти сквозь зубы.

— Что̀ очень-глупо!

— Вы и самое дѣло. Вы, тѣмъ, что приходите, въ такую собачью погоду, якшаться съ подобными тварями, а дѣло, тѣмъ, что мы смотримъ на этихъ грязныхъ людей, которыхъ вы еще рисуете въ вашихъ книгахъ.

— Это я дѣлаю для того, чтобъ научиться.

— Ужъ я-ли на нихъ не смотрю, а все ничему не научаюсь.

— Ошибаешься, ты знаешь нынче гораздо-болѣе, чѣмъ вчера.

— Ну какъ-же?

— Да, припомни только, что ты замѣтилъ.

— Правда, чортъ возьми! точно правда; я теперь знаю, что Раваккайцы и Вежжьюйцы ѣдятъ рыбьи потроха.

XXIII.

РАВАККЪ.

Рыбная ловля. — Король Гебейскій и Пёти. — Молодая дѣвица. — Отплытіе. — Смерть Лабиша. — Различные архипелаги. — Каролинскіе острова.

Если у тяжелыхъ и коренастыхъ обитателей этихъ странъ умственныя способности часто бываютъ такъ тупы, что не могутъ преодолѣть нѣкоторыхъ трудностей, то, съ другой стороны, надобно признаться, что небо одарило ихъ нѣкотораго рода инстинктомъ, по-истинѣ удивительнымъ, посредствомъ котораго они бываютъ въ состояніи властвовать надъ причудливостью стихій и негостепріимною, упрямою почвою, на которой судьба ихъ поселила. Нужда, первый и грозный врачъ людей, указала имъ, какимъ образомъ они должны созидать свои жилища, для того, чтобы можно было противиться набѣгамъ волнъ и порывамъ урагановъ; она научила ихъ взлѣзать, подобно дикимъ кошкамъ, на вершины высочайшихъ деревъ, на вершины пней самыхъ гладкихъ, и безъ сомнѣнія, она-же указала имъ на сильныя лекарства противъ частыхъ и болѣзненныхъ укушеній насѣкомыхъ, затемняющихъ воздухъ, и противъ опаснаго ужаленія змѣй, около нихъ ползающихъ и нерѣдко раздѣляющихъ одно съ ними ложе.

Часто случалось намъ, столько гордящимся превосходствомъ своимъ надъ дикими, углубляться въ лѣса, и тщетно искать, по нѣскольку часовъ сряду, прохладительнаго плода на высочайшихъ вѣтвяхъ. И что-же! лишь только мы давали понять туземцу, что подаримъ ему какую-нибудь бездѣлушку въ замѣнъ кисловатой ямъ-розы, или банана, или арбуза, то уже напередъ были увѣрены, что онъ возвратится чрезъ нѣсколько минутъ, неся въ рукахъ или на головѣ, вещь, которую мы желали. Ни одинъ изъ нашихъ кормчихъ съ береговыхъ оберегательныхъ судовъ, привычныхъ уже къ признакамъ атмосферы, довольно-точнымъ образомъ показывающимъ перемѣны погоды и приближенія шквала, никогда не могъ-бы поспорить съ Раваккайскими жителями въ искусствѣ предсказать еще наканунѣ погоду завтрашняго дня, и лишь только вы увидите, что они вытаскиваютъ далеко на берегъ свои прои, будьте увѣрены, что вскорѣ, на сушѣ или на морѣ, застигнетъ васъ буря.

Народъ этотъ — домосѣдъ, апатическій и молчаливый, родится, живетъ, размножается, но жизнь его выходитъ изъ границъ, имъ начертанныхъ, тогда только, когда европейское судно броситъ якорь у его береговъ, что̀ впрочемъ, думаю я, случается одинъ разъ въ четыре или пять лѣтъ.

Посмотрите на этихъ людей, сидящихъ на пескѣ, палимыхъ лучами раскаленнаго солнца, нечувствительныхъ къ его острымъ стрѣламъ.

Всѣ они, или почти всѣ, малы ростомъ, широкоплечи, черногрязнаго цвѣта; лобъ у нихъ впалый, вдавлен-

ный, глаза маленькіе, безъ огня, безъ жизни; на ихъ огромной и тяжолой головѣ растутъ въ такомъ множествѣ длинные и жосткіе волоса, что можно ихъ почесть за огромный уродливый парикъ, въ нѣсколько ярусовъ, гдѣ находятъ себѣ мирное убѣжище міріады насѣкомыхъ, которыхъ называть вамъ я считаю излишнимъ. Щоки у Равакайскихъ жителей широкія и отвислыя; нѣсколько неровныхъ и рѣдкихъ клочьевъ волосъ *украшаютъ* ихъ не совсѣмъ миловиднымъ образомъ; а ихъ верхняя губа, какъ у Ангольскихъ и Мозамбикскихъ негровъ, оттѣнена усомъ, но только однимъ усомъ, покрывающимъ только половину рта, потому-что обычай земли или, можетъ-быть, религіозный фанатизмъ, запрещаютъ носить усы по обѣимъ сторонамъ губы. Теперь, къ этимъ соблазнительнымъ прелестямъ, прибавьте еще грудь, широкую и мохнатую, плеча мясистыя и круглыя, руки короткія и пухлыя, имѣющія видъ колбасы, безъ обрисовывающихся формъ, безъ мускуловъ; ляжки, какъ древесные пни, ступни и кисти рукъ огромныя, походку тяжолую и вялую, зубы чорные, козлиный запахъ, издали васъ поражающій, и вы будете имѣть довольно-точное и полное понятіе объ этомъ племени, рѣдкомъ, печальномъ, жалкомъ, любопытномъ и дерзкомъ, которое уже не боится болѣе тереться около насъ каждое утро, и даже не рѣдко посматриваетъ на насъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, которое истолковать весьма-нетрудно.

Я не стану говорить вамъ о нѣкоторыхъ исключеніяхъ, встрѣчающихся иногда среди этихъ существъ, пробужденныхъ нашимъ присутствіемъ и чутьемъ добычи, тѣмъ болѣе легкой, что мы выставляли ихъ жаднымъ взорамъ именно только то, чего намъ не было жаль, и что мы сами хотѣли отдать. Ясно, что въ этомъ является игра природы, которая любитъ иногда новымъ усиліемъ отмстить свой собственный капризъ. А между-тѣмъ, среди этихъ людей, такъ грубо сложенныхъ, является иногда такая ловкость въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ, которой трудно даже повѣрить и тогда, когда вы тысячу разъ были тому свидѣтелями.

Мнѣ хочется поговорить съ вами объ ихъ рыбной ловлѣ, истинно-удивительной и занимательной до того, что мы не переставали любоваться ею съ утра до вечера. Человѣкъ, стоя на носу пиро́ги, представляя собою пародію на Нептуна или, лучше сказать, скомороха Силена, держитъ въ рукѣ длинный шестъ, съ двумя желѣзными остріями на концѣ, на подобіе вилки; онъ плыветъ, и ищетъ глазами рыбы, которая убѣгаетъ и вьется не очень-глубоко; завидѣвъ ее, онъ тотчасъ даетъ знать товарищамъ, и указываетъ имъ движеніемъ лѣвой руки, въ какую сторону они должны направлять свою лодку. Послушные ему, они гребутъ, потихоньку, чтобы не испугать рыбы. Теперь стой! *Ловецъ* измѣрилъ разстояніе, поднялъ руку, исчислилъ дугу, какую долженъ описать ударъ его. Вила пущена, и рѣдко случается, чтобы она не заколебалась на водѣ, отъ движенія животнаго, въ котораго ее пустили. Изъ двадцати-пяти ударовъ, даже посреди не совсѣмъ-спокойнаго моря, едва-ли два бываютъ неудачные. Я разъ видѣлъ, какъ мой Пёти цѣловалъ съ нѣжностію, доходившею даже до изступленія, одного изъ этихъ ловкихъ и искусныхъ рыболововъ, который, завидѣвъ двухъ рядомъ плывшихъ рыбъ, пронзилъ обѣихъ въ самой срединѣ спины, по-крайней-мѣрѣ, на разстояніи тридцати шаговъ.

Истинно достойно замѣчанія, къ стыду нашему просвѣщенію, то уваженіе, какое имѣютъ всѣ народы земли, даже самые глупые и самые звѣрскіе, къ бреннымъ останкамъ усопшихъ.

Здѣсь, равно какъ и въ Купангѣ, въ Діели, въ Омбаѣ, весьма-пріятно видѣть, что люди, даже при ихъ странной, смѣшной и жестокой религіи, вѣруютъ въ будущую жизнь, ибо, безъ этого вѣрованія, всѣ обряды ихъ, совершаемые въ память тѣхъ, которые навсегда покинули землю, были-бы самымъ нелѣпымъ противурѣчіемъ самимъ себѣ.

Замѣтьте хорошенько эти могилы, которыми усѣянъ весь островъ Раваккъ. Никакая негодная трава не смѣетъ расти около площадки, окружающей эти священныя жилища, площадки совершенно гладкой, усыпанной мелкимъ и чистымъ пескомъ; стѣны памятниковъ содержатся превосходно, замазаны плотно и не имѣютъ ни одной трещины, въ которую могли-бы проникнуть туда вѣтеръ, дождь или насѣкомое.

Памятники эти похожи на казы, низкія, четыреугольныя съ досчатымъ потолкомъ; они выстроены изъ бамбуковыхъ стеблей и пальмовыхъ листьевъ; съ передней стороны продѣлана узкая дверь; человѣкъ, согнувшись, легко можетъ пройти въ нее и осмотрѣть внутренность, гдѣ ставятся и возобновляются *ex-voto*, *приношенія по обѣту*, свидѣтельствующія о любви, которая не умираетъ и за могилой. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ зданій мы нашли повязки изъ шерсти и шолку, различныхъ цвѣтовъ, прикрѣпленныя къ воткнутымъ стоймя палкамъ; огромную раковину, изъ породы тридакнъ–исполиновъ, множество сломанныхъ оружій, скамейку грубой работы и тарелку изъ китайскаго фарфора; на-переди и снаружи были выставлены, ранжированные по росту и величинѣ, пять череповъ, весьма чистыхъ и хорошо сохраненныхъ; а все это вмѣстѣ было, такъ сказать, защищено опрокинутою пирóгою, представляющею, можетъ-быть, аллегорію только-что отлетѣвшей жизни. Нѣсколько фигуръ грубаго изваянія, вѣроятно, тамошніе божки, красовались близь могилъ и внутри ихъ; но эти фигурки, изъ которыхъ иныя представлены стоящими на конѣ, воткнутомъ на острый кусокъ дерева, другія лежали на землѣ или на травѣ, казалось, всѣ почти были изуродованы. Люди, въ слѣпомъ гнѣвѣ, вымѣщаютъ злобу даже на богахъ своихъ.

До-сихъ-поръ еще берегу я въ моемъ собраніи рѣдкостей одного изъ этихъ смѣшныхъ идоловъ, видѣвшаго, можетъ-быть, множество человѣческихъ жертвоприношеній. Это, просто, голова, почти безъ туловища, съ кривыми ногами, раздвоившимися ступнями, короткими и толстыми руками, ртомъ, оканчивающимся у ушей, въ которыя вдѣты кольца изъ кости и камней; со сплюснутымъ носомъ, едва замѣтными глазами, и, къ довершенію всего, въ острокопечномъ колпакѣ, который самъ по себѣ выше, чѣмъ вся фигурка. Одинъ изъ нашихъ матросовъ отрылъ этого божка Раваккскаго или Новой-Гвинеи, до половины утонувшаго въ грязи, не подалеку отъ того мѣста, гдѣ мы, у пристани, запасались пѣсною водою. Я показывалъ его одному туземцу, который вовсе не удивился, увидѣвъ его у меня, и нисколько не жалѣлъ, что божокъ этотъ останется моею собственностію. Объясните-же теперь эти странныя противорѣчія!

Между-тѣмъ наша мѣновая торговля день-отъ-дня производилась съ бóльшею дѣятельностію; наши бездѣлушки становились цѣннѣе; но намъ уже довольно было набирать ящерицъ, сагай и луковъ; мы стали настоятельно просить бабочекъ, насѣкомыхъ и птицъ. Желанія наши скоро были удовлетворены: пирóги въ большомъ числѣ подъѣзжали къ нашему лагерю, и наши коллекціи обогатились множествомъ весьма-рѣдкихъ семействъ и породъ. И до райскихъ птицъ дошла своя очередь; островитяне приносили ихъ къ намъ

въ достаточномъ количествѣ, завертывая ихъ весьма-чисто и опрятно въ банановыя листья и набивая соломою съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, что въ Европѣ долго послѣ этого полагали, что райскія птицы не имѣютъ ногъ, а лазятъ по деревьямъ съ помощію носовъ и крыльевъ. За два носовыхъ платка, кухонный ножъ, старую простыню и нѣсколько удочекъ, я съ перваго слова получилъ отъ нихъ пять прекраснѣйшихъ райскихъ птицъ, изъ числа которыхъ отличалась одна чорная, *шести-полосная*, рѣдкая, красивая, блистающая тысячью разноцвѣтныхъ отливовъ.

Начальникъ пирóги, съ которымъ я имѣлъ мѣнку, казалось мнѣ, былъ такъ доволенъ своимъ торгомъ, что далъ мнѣ уразумѣть, что по возвращеніи своемъ съ острова Вежжью, привезетъ мнѣ еще бóльшее количество этихъ птицъ, а теперь онъ хочетъ воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, чтобы немедленно отплыть, въ надеждѣ скорѣе со мною увидѣться. Такъ-какъ ихъ суда управлялись не иначе, какъ веслами, то я сначала никакъ не могъ понять причины такого поспѣшнаго отплытія, и сказалъ ему объ этомъ, указывая на паруса корвета, развѣшенные въ воздухѣ; но онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я подождалъ немного, въ нѣсколько минутъ взлѣзъ на одно изъ прибрежныхъ кокосовыхъ деревьевъ, спустился оттуда съ молодой вѣтвью въ рукѣ, и радостно спрыгнувъ въ свою легкую пирóгу, воткнулъ въ среднюю скамейку этотъ красивый отростокъ дерева. Вѣтеръ нагнулъ его чрезвычайно живописно, и кормчій, гордясь моимъ изумленіемъ, исчезъ на волнахъ съ торжествующимъ видомъ. О промышленость! какихъ чудесъ не разсѣяла ты по всѣмъ странамъ земнаго шара!

Все шло прекрасно на берегу, хотя на суднѣ болѣзни сдѣлались сильнѣе и смертоноснѣе. Островитяне не боялись уже болѣе проводить ночи безъ оружія около нашихъ палатокъ, а мы радовались отъ души этому отдыху и перемирію, потому-что наши наблюденія надъ маятникомъ могли продолжаться съ безопасностію, какъ вдругъ судно наше осталось на рейдѣ совершенно одно, а мы также одинокими на берегу. Чтò-бы такое могло случиться?

Маршэ, суровый Маршэ, Віаль, Левекъ и Бартъ начали сильно безпокоиться, Пёти жевалъ свой табакъ съ бóльшимъ усердіемъ, а мы сами, съ помощію зрительныхъ трубъ, слѣдовали безпокойнымъ взоромъ за движеніями судовъ около сосѣднихъ береговъ. Мы ничего не могли понять изъ этого столь внезапнаго удаленія, неимѣвшаго никакой цѣли и никакой причины; но такъ какъ намъ казалось, что такіе манёвры скрывали отъ насъ какую-нибудь хитрую продѣлку, противъ которой надлежало держать ухо-вострò, то Пёти тотчасъ-же сталъ просить позволенія оставаться во все время на берегу, потому-что ему хотѣлось, какъ онъ говорилъ, пртанцовать первую кадриль.

— Чтò-же мы будемъ дѣлать, когда они придутъ? повторялъ онъ всякую минуту.

— Мы подождемъ, покуда они сдѣлаютъ на насъ нападеніе.

— А послѣ чтò?

— Мы будемъ защищаться, и потомъ увидимъ, за кѣмъ останется поле сраженія.

— Такъ вы думаете, что эти ѣдоки рыбьихъ потроховъ, будутъ такъ милы и любезны, что осмѣлятся *помѣряться* съ нами?

— Нѣтъ, я этого вовсе не думаю.

— Такъ отъ-чего-же они улизнули?

— А вотъ мы это скоро увидимъ.

— Віаль, Вартъ, Маршэ и я, мы останемся на берегу: насъ четверыхъ довольно на всю эту сволочь. Вчера я вздумалъ попробовать силу съ самымъ здоровымъ изо всей шайки, которая

пристала на той сторонѣ острова, и въ два темпа заставилъ его взять билетикъ въ партеръ, гдѣ онъ чудесно представлялъ изъ себя первостатейную жабу.

— Ты опять надѣлалъ какихъ-нибудь глупостей?

— Ну, какъ вамъ не стыдно говорить это! Спросите-ка у Віаля, который присѣлъ къ намъ минуту спустя, и отправилъ однимъ махомъ руки трехъ въ воду.

— Какъ! неужели вы дрались?

— Совсѣмъ нѣтъ; спросите у Маршэ, который перешибъ ребра двумъ изъ самыхъ болтливыхъ въ цѣлой шайкѣ.

— Такъ, стало-быть, у васъ была общая свалка?

— Да нѣтъ-же; спросите у Барта, который обломкомъ весла разогналъ остальныхъ. Мы, право, вели себя какъ настоящіе агнцы, какъ невинные мериносы.

— Теперь нѣтъ сомнѣнія! такъ вотъ причина ихъ бѣгства.

— Изъ-за такой бездѣлицы? Полноте пожалуйста! они хотя ѣдятъ рыбьи потроха, но все-таки еще не такъ глупы, какъ вы думаете.

И въ-самомъ-дѣлѣ, сильная свалка была между нашими четырьмя здоровыми гуляками и двадцатью туземцами, и я долженъ былъ полагать, что это самое обстоятельство было причиною ихъ внезапнаго удаленія. Но гораздо-важнѣйшая причина заставила островитянъ удалиться: на горизонтѣ показались обвѣшенныя флагами мачты короля Гебейскаго, и, подобно испуганнымъ жаворонкамъ, спасающимся отъ быстраго полета коршуна, всѣ сосѣднія племена удалились въ свои непроницаемые лѣса и въ нѣдра своихъ неприступныхъ горъ.

— Э, э, сказалъ Пёти, смотря въ даль: вотъ и мой царь-павіанъ, въ своемъ халатѣ! Я всегда съ удовольствіемъ вижу возлѣ себя этого красиваго парня: добро пожаловать!

— Чортъ-бы его побралъ!

— Никакъ нѣтъ, сударь, чортъ не захочетъ взять его себѣ: онъ испугаетъ и чорта. А знаете-ли вы, что-бы вамъ надо было сдѣлать, когда-бъ вы были добрый баринъ?

— А что такое?

— Вотъ что: захватить это сокровище въ ту минуту, какъ мы поднимемъ якорь, похолить его во все наше путешествіе до пріѣзда въ Тулонъ, а потомъ отдать его мнѣ, въ награду за мои заслуги и ради моей бѣдности.

— А что-бы ты сталъ съ нимъ дѣлать, глупецъ?

— Какъ что? — я посадилъ-бы его въ чудесную клѣтку, которую велѣлъ-бы сдѣлать на скопленныя мною деньги и на тѣ двадцать пять франковъ, которые вы мнѣ дадите въ подарокъ по пріѣздѣ; я посадилъ-бы его туда, совершенно голаго, и сталъ показывать моимъ землякамъ, обѣщая хорошую награду тому, кто угадаетъ, человѣкъ это или звѣрь, христіанинъ или обезьяна? Боже мой! какія-бы курилъ я сигары, если-бы имѣлъ это сокровище! Смотрите, смотрите, вонъ онъ присталъ къ штирборту корвета; однакожъ онъ славный марсовой; онъ лихой смѣльчакъ и умѣетъ маневрировать.

И въ-самомъ-дѣлѣ каракоры бросили якорь, и четверть часа спустя, большая часть Гебейцевъ пожимали намъ руки на берегу.

Что за народъ, эти Гебейцы! что за король, этотъ неустрашимый глава смѣлыхъ морскихъ разбойниковъ, о которыхъ я долженъ поговорить съ вами еще! При появленіи ихъ, все бѣжитъ, все трепещетъ, все разсѣявается, все прячется; на морѣ нѣтъ пирогъ, на берегу нѣтъ жителей, на островѣ нѣтъ покоя; волкъ бродитъ кругомъ овчарни, и какой волкъ? кровожадный, голодный! Ничто не можетъ утолить его ненасытнаго голода! А какъ помогаютъ ему его смѣлые волченята!

На этотъ разъ съ нимъ прибыли двое изъ его министровъ и многіе изъ главныхъ офицеровъ, за которыми онъ заѣзжалъ самъ въ свою столицу. При закатѣ солнца, онъ приказалъ разложить себѣ на землѣ приборъ; разостлали родъ индѣйскаго ковра, на которомъ поставили нѣсколько китайскихъ тарелокъ и сосудовъ; въ этихъ сосудахъ было какое-то питье, слегка прикрашенное желтымъ цвѣтомъ, и весьма кислое. Два министра, одинъ офицеръ и онъ самъ сѣли на землю и поѣли рису, зелени, банановъ и арбуза. Передъ обѣдомъ, они стали на колѣни и пробормотали на-распѣвъ нѣсколько фразъ, прерывая ихъ частымъ фырканьемъ; окончивъ церемонію эту, они начали ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Я замѣтилъ, что въ толпѣ низшихъ офицеровъ, обѣдавшихъ недалеко оттуда, передъ ѣдой никто не сотворилъ молитвы, и когда я изъявилъ о томъ королю мое удивленіе, онъ далъ мнѣ весьма-ясно замѣтить, что подобнаго рода люди не на то были созданы, чтобы имѣть Бога, но что, можетъ-быть, позже они будутъ наслаждаться этимъ счастіемъ, которое дарованно однимъ только храбрѣйшимъ между ними. У вы! должны-ли мы смѣяться надъ гордостію Гебейскаго короля? Развѣ онъ одинъ на свѣтѣ создалъ свою религію?

Обѣдъ продолжался по-крайней-мѣрѣ съ полчаса; они брали пищу пальцами и пили всѣ изъ одного сосуда; Пёти сдѣлалъ весьма-выгодное заключеніе объ этомъ народѣ, который, по его словамъ, былъ воспитанъ довольно-хорошо, потому-что не ѣлъ рыбьихъ кишокъ.

Окончивъ свой сытный обѣдъ, Гебейскій царь всталъ первый и подошедъ ко мнѣ въ ту самую минуту, какъ я оканчивалъ свой рисунокъ, изображавшій сцену обѣда, онъ узналъ моего лихаго матроса, и весьма-привѣтливо подалъ ему руку. Пёти сжалъ ее, какъ въ тискахъ, и вполнѣ гордясь этимъ знакомъ дружбы, сказалъ ему:

— Превосходно, а вы какъ? Честное слово, сегодня вы мнѣ кажетесь не такъ гадки, какъ въ прошлый разъ.

Король отвѣчалъ на это нѣсколькими непонятными словами, а Пёти, дѣлая видъ, будто понимаетъ смыслъ ихъ, сказалъ:

— Весьма-охотно хоть-бы для того, чтобъ узнать, можно-ли быть отъ этого пьянымъ.

И затѣмъ, безъ всякихъ церемоній, нашъ матросъ-балагуръ схватилъ сосудъ, стоявшій еще на коврѣ, приставилъ его къ губамъ и проглотилъ нѣсколько глотковъ заключавшейся въ немъ жидкости, ни мало не безпокоясь объ ужимкахъ и неудовольствіи гебейскихъ офицеровъ.

— Это не стóитъ двухъ су, сказалъ Пёти, ставя сосудъ на мѣсто: горько, какъ полынь, а если въ добавокъ еще и не хмѣльное, такъ не стóитъ и двухъ ліяровъ. Только одного не достаетъ этимъ уродамъ: они не ѣдятъ рыбьихъ потроховъ, на манеръ тѣхъ другихъ.

Ночь заставила насъ разстаться: мы отправились къ своимъ койкамъ, привѣшеннымъ въ казахъ, построенныхъ на сваяхъ, а Гебейцы возвратились въ свои карракоры.

На другой день корветтъ снова сталъ одинокимъ на рейдѣ, и король Гебейскій исчезъ. Два дня спустя онъ явился снова, съ богатой добычей, набранной въ Вежжью, и привезъ прекрасную коллекцію райскихъ птицъ, которую онъ весьма-привѣтливо подарилъ нашему коменданту, прося его, впрочемъ, дать ему въ замѣнъ нѣсколько кусковъ матеріи, пороху и ружье. Подарки такого человѣка, должны были походить на заемъ.

Мы не видѣли въ Равакѣ ни одной женщины и вовсе о томъ не жалѣли, потому-что стройное тѣлосложеніе

мужчинъ заставляло насъ весьма-невыгодно заключать о красотѣ ихъ цѣломудренныхъ и дикихъ половинъ; но гебейскій коршунъ доставилъ намъ маленькое развлеченіе, привезя съ собою молодую дѣвочку четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, которую онъ укралъ не знаю гдѣ, и которую, предлагая намъ продать, имѣлъ безстыдство назвать женою одного изъ его офицеровъ. Онъ лгалъ, бездѣльникъ, а офицеръ, принимавшій на себя роль мужа, былъ еще презрительнѣе, тѣмъ, что считалъ цѣну, назначенную за нее гебейскимъ королемъ слишкомъ высокою. Сначала за нее просили у насъ четыре піастра, потомъ три, потомъ два, потомъ одинъ, наконецъ предложили намъ взять ее даромъ. Эта дѣвочка, по-видимому, претерпѣла уже много горя; я взялъ ее подъ непосредственное свое покровительство, и поспѣшилъ дать кое-чего съѣстнаго, на что она бросилась съ величайшею жадностію. Но тщетно пытался я добиться отъ нея, какъ попалась она къ Гебейцамъ: я не могъ никакъ объяснить ей, чего хочу; изъ ея жестовъ, взглядовъ, вздоховъ, я могъ понять только, что ее часто били, что она была достойна сожалѣнія, и почла-бы себя очень счастливою, если-бъ мы оставили ее у себя на корветтѣ.

Вѣтеръ дулъ сильный; несчастная, безъ всякаго платья, дрожала отъ холода и рыдала въ тоже время. Я повелъ ее въ палатку, чтобы снять съ нея портретъ, и подарилъ ей рубашку, которую, впрочемъ, она приняла безъ большой радости, предвидя, вѣроятно, что у нея тотчасъ ее отнимутъ по прибытіи на каракоры. Бѣдное дитя! на ея лицѣ была написана кротость, глаза ея были полны выраженія, ротикъ маленькій, тѣлосложеніе превосходное, волоса длинные, гладкіе и чорные, какъ смоль, кисти и ступни маленькія, но руки и ноги немного худыя.

Едва успѣлъ я окончить свой эскизъ, какъ вдругъ ужаснѣйшій шквалъ, ударивъ въ палатку, опрокинулъ ее и накрылъ насъ совершенно. Я не могъ при этомъ не вспомнить миѳологическаго сказанія о Марсѣ, попавшемся въ желѣзныя сѣти Вулкана, но увѣренъ вполнѣ, что моя необразованная подруга такихъ размышленій не дѣлала.

Между-тѣмъ, окончивъ работы свои, мы подняли якорь и сказали прости этой столь изобильной землѣ, изъ которой можно было-бы извлечь множество драгоцѣнныхъ выгодъ. Король Гебейскій съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ мы расправляли паруса, потому-что наканунѣ, казалось, онъ хотѣлъ застать насъ ночью въ-расплохъ и напасть на насъ сонныхъ. Но наши оборонительныя мѣры держали его въ повиновеніи; всѣ его воины, вышедшіе на берегъ безъ оружія, должны были удовольствоваться лишь своими воинственными предположеніями. Что касается до молодой дѣвушки, она простирала къ намъ руки, умоляя насъ сжалиться надъ нею. Одинъ изъ королевскихъ офицеровъ, замѣтивъ это, подошолъ къ ней, толкнулъ ее ногою въ волны, поднялъ руку, описалъ кругъ булавою... и бѣдное дитя перестало страдать.

Увы! едва успѣли мы выбраться въ открытое море, какъ сердце наше поражено былой другой, истинно-глубокой скорбію: г. Лабишъ, одинъ изъ нашихъ лейтенантовъ, умеръ отъ ужаснѣйшаго кроваваго поноса. Офицеръ заслужоный, добрый, кроткій, онъ былъ обожаемъ матросами и любимъ своими товарищами...

— Ахъ! сказалъ онъ намъ, за нѣсколько минутъ до кончины: мои предчувствія не обманывали меня предъ отплытіемъ! Мой отецъ умеръ во-время путешествія кругомъ свѣта; мой дѣдъ умеръ подобно ему, и я скоро соединюсь съ ними, въ безднахъ океана... Прощайте, друзья мои, прощайте! вспоминайте меня, и

скажите моей бѣдной матери, по пріѣздѣ во Францію, что мое послѣднее слово было къ ней и къ моему Создателю.

Реи, поставленныя криво, выпрямились параллельно; вѣтеръ вздулъ паруса, и мы продолжали путь.

Вскорѣ показались на горизонтѣ *Анахореты*, окружонные опасными рифами; потомъ впереди насъ тысячу острововъ, открытыхъ Бугенвилемъ, потомъ опять Каролинскіе острова, счастливые острова Каролинскіе, низменные, веселые, мирные, брошенные какъ благодѣтельный даръ, какъ небесная мысль, посреди этого обширнаго океана, населеннаго столькими звѣрскими народами. Посмотрите, посмотрите! чайки разсѣкаютъ воздухъ, слѣдуютъ за нами, догоняютъ насъ, пристаютъ къ намъ, окружаютъ насъ.

— Лулу! лулу! (желѣза)! кричатъ намъ со всѣхъ сторонъ, и островитяне взлѣзаютъ на палубу, безпокойные, горящіе нетерпѣніемъ все увидѣть, до всего дотронуться. Эти народы мореплаватели, о которыхъ я буду вамъ скоро говорить, потому-что мнѣ придется путешествовать вмѣстѣ, живутъ тамъ, подъ сѣнію прелестныхъ плантацій, безъ ссоръ внутреннихъ, безъ войнъ внѣшнихъ; храбрые, добрые, человѣколюбивые, великодушные, прекрасные тѣломъ и душою, улыбающіеся при малѣйшей ласкѣ, при малѣйшемъ привѣтливомъ словѣ; прыгающіе отъ радости словно дѣти, когда имъ подарятъ игрушку; принимающіе всякую бездѣлушку съ живѣйшею признательностію, привязывающіе ее къ оттянутымъ ушамъ своимъ, служащимъ имъ вмѣсто кармановъ; но въ-замѣнъ всегда предлагающіе красивѣйшія запонки, костяныя удочки, прелестныя раковины, боясь показаться въ глазахъ вашихъ менѣе васъ щедрыми, но не изъ гордости, а изъ доброты. О! вотъ, наконецъ, люди, которыхъ встрѣтить на пути вашемъ вы почтете за величайшее счастіе! Вотъ благородныя и искренныя сердца. Дайте только волю просвѣщенію забраться туда и вы увидите, что̀ станется съ этими блаженными островами, противъ которыхъ доселѣ были безсильны всѣ наши пороки, путешествующіе съ нами вмѣстѣ. Намъ очень хотѣлось пристать на нѣсколько дней къ этому благоухающему архипелагу, потому-что мы нуждались въ прѣсной водѣ; но ни одинъ изъ этихъ острововъ не имѣетъ пристани, и, можетъ-быть, именно благодаря этому странному и счастливому обстоятельству, они обязаны тѣмъ, что остались доселѣ чистыми и непорочными посреди столькихъ развратовъ и жестокостей.

Я часто слыхалъ, что летучія проа Каролиновъ, были суда, устроенныя такимъ образомъ, что, съ помощію одного треугольнаго паруса, въ видѣ передника, двухъ коромыселъ и кормчаго, управляющаго ногою, можно было, такъ-сказать, разсѣкать вѣтеръ. И что̀-же! то̀, что̀ мнѣ казалось прежде преувеличеннымъ до смѣшнаго въ глазахъ другихъ путешественниковъ, сдѣлалось, въ моихъ собственныхъ, ясною, неоспоримою истиною. Право нѣтъ ничего любопытнѣе изъ морскихъ явленій, какъ слѣдить взоромъ за этими смѣлыми островитянами, которые, стоя или присѣвъ на своихъ красивыхъ проях̀ъ, играютъ съ вѣтрами, побѣждаютъ жестокіе порывы мусоновъ, и, подобно ласточкамъ, въ быстромъ полетѣ своемъ, неустрашимо пробѣгаютъ сквозь быстрѣйшія теченія и опаснѣйшіе, почти сомкнутые между собою рифы. Что̀ за нужда если судно опрокинется! они тутъ, они его снова поднимаютъ, такъ-же легко, какъ у насъ сдѣлали-бы это въ тихомъ прудѣ и съ помощію нашихъ талей и подъемныхъ машинъ. Что̀ касается до этихъ людей, также неустрашимыхъ, какъ и понятливыхъ,

не бойтесь за ихъ жизнь; смѣло увѣряю васъ, что море ихъ стихія; гнѣвъ бурь и непогодъ есть любимѣйшее ихъ отдохновеніе. Трудно понять, откуда берется здѣсь столько ловкости и легкости, посреди столькихъ разнообразныхъ и непредвидѣнныхъ препятствій. Каролинецъ, въ одно и тоже время, человѣкъ, рыба и птица.

Всѣ тѣ, которые изъ нихъ поднялись къ намъ на палубу, отличались граціознымъ сложеніемъ тѣла и движеніями, исполненными свободы и ловкости. Ихъ походка дышала благородствомъ, ихъ жесты были выразительны, нелживая улыбка осѣняла уста; радость ихъ была истинно дѣтская. Но при всемъ томъ легко было замѣтить, не-смотря на поспѣшность, съ какой они пристали къ намъ, что какое-то горестное воспоминаніе заставляло ихъ не довѣряться намъ вполнѣ. Добрые, прекрасные люди! вѣрно какой-нибудь капитанъ корабля, неимѣющій ни чести, ни жалости, обманулъ васъ, преслѣдовалъ васъ даже среди вашихъ радостей! Двое изъ островитянъ, посѣтившихъ насъ, и къ которымъ прочіе питали какое-то особенное уваженіе, имѣли на ляжкахъ и на ногахъ удивительные наколки, разрисованныя съ неимовѣрною тонкостію: это были два полу-главы, два полу-короля; но если-бы даже они и не имѣли этихъ украшеній, столь обыкновенныхъ у многихъ народовъ, то и тогда легко было-бы замѣтить ихъ превосходство надъ прочими, по благороднымъ ихъ манерамъ, по высокому росту и сильному тѣлесному сложенію. Всѣ Каролинцы носили узкій передникъ, прикрывавшій имъ бедра, а остальная часть тѣла была ничѣмъ неприкрыта. У нѣкоторыхъ были надѣты на шеѣ ожерелья изъ кокосовыхъ листиковъ, а на рукахъ браслеты, сплетенные съ неимовѣрнымъ искусствомъ.

Толпа изъ пяти или шести островитянъ, желая, вѣроятно, заплатить намъ привѣтомъ за ласковый пріемъ, принялась плясать; не съумѣю описать вамъ всего, что я нашолъ занимательнаго и любопытнаго въ этомъ маленькомъ праздникѣ, столь мило и неожиданно сочиненномъ.

Между-тѣмъ мы плыли потихоньку, гонимые почти незамѣтными порывами вѣтра; вдругъ на горизонтѣ показалась туча, предвѣщавшая дождь. У насъ не было прѣсной воды, а потому, желая запастись ею во время ливня, мы тотчасъ-же разбили палатки, и побѣжали на баттарею, набрать нѣсколько ядеръ, чтобы разбросавъ ихъ по парусамъ, сдѣлать такимъ образомъ для себя родъ большихъ ковшей. При видѣ этихъ убійственныхъ вещей, которыя несли матросы, испуганные Каролинцы начали жалобно кричать и тѣмъ, казалось, укоряли насъ въ измѣнѣ. Тщетно старались мы снова осыпать ихъ безпрестанными ласками и увѣрять въ противномъ; нѣтъ, они вскочили на мительсы, побросались въ воду, словно нырки, и достигли вплавь до своихъ судовъ, стоявшихъ въ открытомъ морѣ.

Каролинскій архипелагъ вскорѣ исчезъ на горизонтѣ; я потерялъ его изъ виду съ сердцемъ сжатымъ отъ горести, которая сопровождала меня еще долгое время въ моемъ путешествіи, между-тѣмъ-какъ я не могъ еще предвидѣть, какъ много я буду обязанъ въ будущемъ одному изъ сильнѣйшихъ, могущественнѣйшихъ королей этихъ острововъ, гдѣ еще до-сихъ-поръ обитаетъ въ мирѣ и тишинѣ народъ самый лучшій, самый кроткій, самый великодушный на всемъ земномъ шарѣ.

XXIV.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЕДШЕЕ.

Когда настоящее мрачно, будущее не блеститъ радужными цвѣтами, тогда можно найти утѣшеніе только въ прошедшемъ, которое исчезло, которое болѣе не существуетъ.

На морѣ въ особенности, переходъ отъ радости къ печали, отъ восторга къ отчаянію, бываетъ самый скорый, самый рѣзкій. То, что вы, городскіе жители, называете благородствомъ, мужествомъ, величіемъ души, здѣсь у насъ есть вещь обыкновенная, всѣмъ общая, свойственная каждому и ежедневно у насъ случающаяся. Человѣкъ не измѣнился, измѣнилась стихія: вотъ и все тутъ.

Чего вамъ бояться въ вашихъ жилищахъ, на вашихъ мягкихъ ложахъ, или на вашихъ гуляньяхъ, усыпанныхъ пескомъ? Несноснаго шума кареты, въ которой мчится гордость и лѣнивая нѣга, докучливаго посѣщенія, ссоры съ ревнивой и сердитой молодой дѣвицей, бранящей васъ, можетъ-быть, для того, чтобы лучше потомъ помириться съ вами; толчка неловкаго пѣшехода, задѣвшаго васъ локтемъ въ ту минуту, какъ онъ привѣтствуетъ взоромъ или улыбкой старую вдову, разряженную въ шолкъ и перья, наконецъ того, что споткнетесь на дурной мостовой или что васъ обрызжитъ скачущій мимо всадникъ...

Но въ морѣ, друзья мои! *неудачи* рисуются болѣе рѣзкимъ образомъ, собираются дѣятельнѣе, разительнѣе надъ головой вашей. То шквалъ, заставляющій васъ вздыматься, словно кипящая вода, и прыгать, подобно мячу; то совершенная, полная тишь, которая бѣситъ васъ, притупляетъ ваши умственныя способности, оставляетъ васъ, такъ-сказать, въ оцѣпенѣніи, въ совершенномъ, усыпительномъ бездѣйствіи; то подводная скала, разбивающая ваше трепещущее судно, и пробуждающая васъ среди самыхъ сладкихъ сновидѣній; буря, съ своимъ ревомъ и стономъ; тромбъ, съ его гибельными, опустошеніями; хаосъ съ его мракомъ... А! тутъ будетъ о чомъ подумать, тутъ есть предлогъ, весьма-уважительный, къ отдохновенію, къ страху и къ удовольствіямъ.

Испытайте эту жизнь моряковъ, о которой я вамъ говорю, попробуйте пожить, какъ они живутъ, нѣсколько мѣсяцевъ, посреди нѣкоторыхъ морей, которыя я укажу вамъ пальцемъ, и тогда мы увидимъ, кому простительнѣе изъ насъ двухъ, стараться, какъ говорится, *убивать время*, которое, вопреки солнцу, не всегда идетъ съ одинаковою быстротою.

И небо имѣетъ также свои прихоти; не говорите, чтобы только его лазурь дѣлала его голубымъ, или его облака мрачнымъ; нѣтъ, много значитъ нашъ духъ, наши страсти.

Посмотримъ, куда занесутъ меня мысли, посѣтившія мою голову въ эти минуты. Пусть будетъ это умно или глу-

но, но я буду писать; судно идетъ тихо, покойно; кисть моя въ бездѣйствіи, при видѣ этого обширнаго, безмолвнаго горизонта, меня окружающаго; вооружусь перомъ и оглянусь назадъ. Предстоящій путь покажется мнѣ, можетъ-быть, легче, при сравненіи его съ тѣмъ, который я уже совершилъ.

Итакъ бросимъ взглядъ на прошедшее.

Безъ сомнѣнія, весьма-полезно, отдохнувъ нѣсколько, собрать посѣтившія насъ нѣкогда впечатлѣнія, разобрать ихъ, сравнить ихъ съ тѣми, какія испытывали прежде, извлечь изъ нихъ выводы самые логическіе, и сдѣлать изъ всего этого неизмѣнное правило для будущаго.

Въ этомъ только заключается нравственная сторона путешествія, тогда только можно оцѣнить его по достоинству.

Быстрый обзоръ различныхъ стоянокъ въ продолженіе этого долгаго и труднаго путешествія, полагаю я, позволитъ намъ лучше оцѣнить все то, что есть умнаго въ этомъ способѣ судить о совершившихся фактахъ. Безплодность бываетъ только въ безполезномъ.

Гибралтаръ, стоящій на самой южной оконечности Европы, далъ мнѣ ясное понятіе о томъ, что всякій животворный свѣтъ исходитъ изъ центра, и что, чѣмъ болѣе лучи разсыпаются, тѣмъ менѣе освѣщаютъ, тѣмъ менѣе грѣютъ они. Гибралтаръ, стоящій противъ Горы-Обезьянъ, напитывается, такъ-сказать, Африкой, и несовершенно отсвѣчиваетъ въ себѣ землю просвѣщенія и образованности. Торговыя бумажныя сдѣлки господствуютъ тамъ на всѣхъ народныхъ площадяхъ; бѣдность, стыдъ, распутство и лѣнь прогуливаются рука-объ-руку, и потомъ засыпаютъ поочередно, совершенно презирая протекшій день, нисколько не заботясь о будущемъ, и великій британскій флагъ развѣвается лишь надъ огрубѣлыми до звѣрства существами.

Сдѣлайте два шага на сѣверъ, и вы найдете торговые города; два шага на югъ, и вамъ представятся развалившіяся хижины, воры, пираты и убійцы. Я оставилъ Гибралтаръ съ грустнымъ чувствомъ, потому-что долженъ былъ подавить въ себѣ сладкую, но пустую мечту о томъ, что сила не должна существовать иначе, какъ опираясь на промышленость и благосостояніе большинства.

Тенерифъ вскорѣ представилъ мнѣ еще болѣе ужасное зрѣлище. Это была все таки Испанія, но Испанія безъ надежды на будущее, безъ жизни, потому-что она безъ энергіи боролась съ язвами, ее пожиравшими. Тенерифъ исчезнетъ, побѣжденный военнымъ брикомъ или расдавленный подъ яростію своего волкана.

Изъ Санта-Круза бѣжишь какъ отъ полусгнившаго трупа какого-нибудь пресмыкающагося, не взирая на то, что Сантъ-Крузъ столица.

Затѣмъ является Бразилія съ своими минералогическими богатствами, всегда готовыми подавить тѣ богатства, которыя одни составляютъ славу государствъ. Здѣсь старая Европа въ постоянной враждѣ съ юной Америкой. Первую можно уподобить, въ семъ случаѣ, трупу, не совсѣмъ еще пришедшему въ порчу; вторую — непокорливому ребенку, вздергивающему голову предъ своимъ учителемъ.

Бразилія на каждомъ шагу представляетъ безпрестанныя и разнородныя противуположности; въ близкомъ сосѣдствѣ съ чудеснымъ, цвѣтущимъ и населеннымъ городомъ, вы встрѣтите дикую почву, на которой живутъ народы, удаляющіеся отъ непривѣтливаго для нихъ общества. Сверхъ-того, мы могли судить только о Бразиліи по ея столицѣ, гдѣ гнѣздится такая сильная нищета и гдѣ въ тоже время

выставляется на видъ такая ослѣпительная роскошь. Въ Ріо, какъ я вамъ, кажется, уже сказывалъ, богатство есть первая и вѣрнѣйшая рекомендація: тамъ судятъ о достоинствѣ того и другаго, только по всегда обманчивой пышности его одежды и экипажей, и по величинѣ и блеску его рубиновъ и алмазовъ.

Но если столица сей обширной Имперіи представляетъ очамъ наблюдателя ту двоякую нищету, на которую я вамъ указалъ и которую я имѣлъ случай осязать, то вы легко поймете, что̀такое должны быть прочія капитанства, то есть внутренніе города, въ коихъ безпрестанно раздаются крики и независимости и свободы, которымъ, впрочемъ, деспотизмъ внимаетъ тогда только, когда они потрясутъ своды его дворца и заставятъ дрожать его тронъ.

Бразилія болѣе всего устрашила меня своими священниками и монахами, коихъ власть опасна болѣе потому, что имъ позволяются проповѣди всякаго рода, даже и о предметахъ, ни сколько не касающихся до религіи, и что они имѣютъ дѣло съ толпой безсмысленной и колѣнопреклоненной, которая рада оставаться въ этомъ раболѣпномъ положеніи, ею добровольно принятомъ.

Въ землѣ, открытой Кабралемъ, духъ рабства укоренился такъ глубоко, что о славѣ и независимости нельзя и думать.

Я сказалъ Бразиліи прости, не зная хорошо, долженъ-ли я оплакивать ея участь или удивляться ей.

Вскорѣ Мысъ Доброй-Надежды поднялъ главу свою передъ нами. О! здѣсь англійское могущество не только должно было бороться съ ордами людоѣдовъ, нѣтъ! сначала Голландцы явились на этой изрытой, неровной почвѣ, которую они нѣкоторымъ образомъ, впослѣдствіи, передѣлали на свой ладъ. Городъ Капштадтъ подвигался впередъ, росъ, и одна только торговля, за неимѣніемъ тѣхъ сокровищъ, которыя хранятся въ нѣдрахъ земли и руслахъ потоковъ Бразиліи и Голконды, могла поддержать Леопарда на Львиной-гривѣ (Croupe de Lion) и на баттареяхъ, возвышающихся надъ городомъ.

Чего хотѣли Англичане, водворившись на Мысѣ Доброй-Надежды? Утвердить основанія доходной конторы, и болѣе ничего. Путешествующія суда платятъ имъ подать, когда идутъ въ Восточную-Индію и когда возвращаются оттуда: духъ спекуляціи далѣе этого ничего не видитъ.

Я вамъ сказалъ уже, какое вліяніе имѣютъ европейскія колоніи на дикія племена, ихъ окружающія и переѣзжающія во всѣхъ направленіяхъ; я указалъ вамъ на завистливую, губительную цивилизацію, которая ведетъ безпрестанную, открытую войну съ звѣрскими нравами, которыхъ даже никто смягчить не старается. Можетъ-быть, другой скоро укажетъ вамъ на роковые результаты британской анатіи къ благодѣтельнымъ переворотамъ, въ чомъ писатели каждой эпохи постоянно упрекали этотъ могущественнѣйшій въ мірѣ народъ.

Столовая-Губа (Table-Bay) есть не что иное, какъ складочное мѣсто для товаровъ. Голландцы взглянули на будущность этой страны менѣе эгоистическимъ образомъ; по-крайней-мѣрѣ, они пытались возвыситься нравственнымъ вліяніемъ, гораздо-болѣе могущественнымъ, нежели гоненія и тиранства.

При видѣ Бурбона и Иль-де-Франса, стоящихъ рядомъ, кровь кидается въ голову отъ стыда и негодованія; сердце болѣзненно бьется при воспоминаніи о *дружественной* сдѣлкѣ, наложенной на Францію трактатомъ 1814 года, и взоры невольно отвращаются отъ печальнаго флага, развѣвающагося на зданіи, которое, кажется, называютъ тамъ, въ Сенъ-Дени, *Домомъ Правительства*.

Отъѣзжая съ Мыса Доброй-Надежды, я сказалъ самому себѣ, что англійскій народъ — народъ великій.

Лишь только простился я съ Иль-де-Франсомъ, о которомъ говорилъ вамъ съ такою любовію, я опять сказалъ самъ себѣ: англійскій народъ это народъ пронырливый, который не хочетъ нигдѣ занимать второстепеннаго мѣста въ исторіи народовъ.

Привѣтствуя Эндрахтъ, Едельсъ, Иркъ-Гатайсъ и полуостровъ Перонъ, я думалъ, что посѣщаю гробницу: жизнь невыносима на этихъ равнинахъ каменистыхъ, песчаныхъ, усыпанныхъ разбитыми раковинами. Великобританія не польстится овладѣть этими мѣстами, если только кто-нибудь изъ васъ не вздумаетъ тамъ поселиться.

Потомъ явился Тиморъ и окружающія его плодоносныя земли, дикій Тиморъ и очаровательные острова, преклоняющіе предъ нимъ главу свою, какъ истинные его подданные. Что составляетъ главную силу Тимора, сдѣлавшагося европейской колоніей? это горделивое соперничество райевъ, сначала добровольно покорившихся для того, чтобы вымолить себѣ покровительство, а потомъ неимѣвшихъ твердой воли свергнуть съ себя ига: такъ убійственна лѣнь подъ этимъ раскаленнымъ климатомъ. Я долженъ былъ удалиться изъ Тимора, какъ убѣгаютъ отъ волкана, который глухо грохочетъ, готовый извергнуть потоки лавы и поколебать землю.

Въ нѣсколькихъ тоазахъ отъ Тимора, посѣтилъ я островъ плача и убійствъ. Въ Омбаѣ вдыхаете вы запахъ крови, возмущающій душу. Желалъ-бы имѣть крылья, чтобы улетѣть отъ кинжала и ядовитой стрѣлы лютаго Омбайца.

Что сказать вамъ объ Амбоинѣ, брошенномъ среди безчисленныхъ острововъ, на-дѣлѣ независимыхъ, хотя и платящихъ дань Голландіи и Португаліи, довольныхъ нынѣ частію сокровищъ, которыя эти два государства умѣли открыть въ обширныхъ лѣсахъ, высящихся на вѣчно-юной и могучей почвѣ?

Амбоинъ не устоитъ долго, и вы проплываете мимо его надъ берегомъ развѣвающагося флага, подобно тому, какъ-бы вы удалялись отъ одра больнаго, истощеннаго страданіями.

Что-же касается до Равакка, Вежжью, Бони и земли Папусовъ, можно сказать, что Европа показывается здѣсь только мимоходомъ, и я увѣряю васъ, что она весьма-дурно дѣлаетъ, смотря съ сожалѣніемъ на столько плодоносныхъ долинъ, на столько прекрасныхъ горъ: здѣсь человѣкъ является въ первобытномъ его состояніи, негръ живетъ въ его закоптѣлой хижинѣ, животное въ своей берлогѣ, и если иногда и проблеснетъ какой-нибудь лучъ среди этихъ народовъ, то припишите это лишь инстинкту, потому-что одна только любовь къ самосохраненію дѣлаетъ чудеса.

Не стану теперь продолжать моихъ размышленій, исторгнутыхъ у моей совѣсти самою быстротою сдѣланныхъ мною курсовъ. Это прошло такъ скоро, такъ внезапно, что позже готовъ думать, не цѣлые-ли годы отдѣляютъ васъ отъ прошедшаго.

Дни кажутся долгими тому, кто не мѣняетъ мѣста, кто засыпаетъ въ бездѣйствіи и апатіи; мѣсяцы быстро пролетаютъ для того, кто съ жадностію ловитъ ихъ для дѣятельности, кто идетъ рядомъ съ временемъ, опасаясь, чтобы оно не ускользнуло отъ него.

Мнѣ кажется, что я только вчера оставилъ Францію; но за то съ грустію долженъ сказать, я чувствую, будто много протекло лѣтъ, что я не могъ пожать руки тамошнимъ друзьямъ моимъ. Ахъ! это потому, что сердце не предается обманчивымъ мечтамъ; потому, что нѣжность, въ обратномъ смыслѣ оптики, ростетъ въ отдаленіи.

Простятъ-ли мнѣ этотъ короткій об-

зоръ прошедшаго, къ которому вызвало меня однообразное плаваніе? Простятъ-ли эти нѣсколько страницъ, которыя доставили мнѣ отдыхъ послѣ усталости, и дали возможность терпѣливо ожидать свѣжаго вѣтра, который, слышу я, свиститъ уже между парусами и снастями?

XXV.

НА МОРѢ.

Ловля китовъ.

Въ пятый или шестой разъ послѣ нашего отъѣзда, мы видимъ, какъ мелькаютъ мимо насъ неутомимые и пылкіе, терпѣливые и сильные китоловы.

Вотъ дѣятельнѣйшая жизнь человѣка, вотъ его опаснѣйшая жизнь.

Здѣсь все утомленіе и работа, здѣсь всякой часъ можетъ быть развязкою ужасной драмы, потому-что судно имѣетъ у себя постоянными проводниками грозы небесъ и бури волнъ, потому-что оно проводитъ все время своего существованія въ бурливѣйшихъ моряхъ земнаго шара, потому-что непріятели его, враги, которыхъ онъ ищетъ, съ которыми сражается, которыхъ онъ смиряетъ, побѣждаетъ, суть самые сильные, самые могущественные, самые страшнѣйшіе изъ всѣхъ живыхъ существъ, когда кто осмѣлится раздразнить ихъ въ ихъ безграничномъ владѣніи. Для подобнаго рода игрищъ, надобно имѣть груди и руки желѣзныя, потребны люди избранные, которые смотрятъ на смерть чистымъ, яснымъ взоромъ, готовые отважиться на все, чтобы успѣть скорѣе въ своемъ предпріятіи, которое они цѣнятъ болѣе, нежели мы цѣнимъ завоеваніе города или цѣлой провинціи.

Взгляните-же на нихъ теперь: печальные, лишонные бодрости и энергіи, дремлятъ они въ какомъ-то мертвомъ бездѣйствіи на своихъ безмолвныхъ палубахъ... оттого, что врагъ ихъ спрятался далеко, что ихъ день пройдетъ безъ боя, и облака не разразятся надъ ними перунами.

Наконецъ вотъ онъ, этотъ грозный врагъ! Они встрепенулись при знакѣ, поданномъ ихъ товарищемъ, сидящимъ на вершинѣ огромной мачты, ожили, и проворные, пылкіе, оглашая воздухъ своими выразительными восклицаніями, какъ голодные волки, или лучше сказать, какъ обстрѣленные солдаты, бросились въ легкое судно, которое можетъ разлетѣться въ дребезги отъ малѣйшаго движенія ихъ непріятеля. Я разсказываю вамъ дѣло, какъ оно есть: часто встрѣчаемъ мы въ свѣтѣ людей такъ измученныхъ, такъ истерзанныхъ борьбой со стихіями и съ людьми, что, глядя на нихъ, невольно можешь усомниться въ разумѣ человѣческомъ.

Я никогда не могъ пройдти мимо Рувьера, этого великодушнаго колониста на Мысѣ Доброй Надежды, безъ того, чтобы не приложить съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ руку къ шляпѣ.

Ну, такъ знайте-же! китоловъ имѣетъ надо-мною тоже вліяніе; вблизи или издали, я всегда кланяюсь ему съ почтеніемъ, похожимъ на удивленіе. Я преклоняю шею передъ этимъ лицомъ, опаленнымъ солнцемъ, изъязвленнымъ непогодами, но всегда важнымъ и задумчивымъ.

А между-тѣмъ, подвергаясь всѣмъ этимъ опасностямъ, какъ вы думаете, что̀ выигрываетъ матросъ китоловъ или матросъ гарпунщикъ? Онъ, безъ сомнѣнія, можетъ, возвратясь изъ путешествія, привезти своему обрадованному семейству столько денегъ, чтобы спокойно прожить остатокъ дней? Увы! нѣтъ! Нѣсколько піастровъ въ кожаномъ кошелькѣ, какая-нибудь недѣля пирушки и разгула съ своими сельскими друзьями, наконецъ истерзанное тѣло, бѣдность, нищета со всѣми ея ужасами... вотъ что̀ сопутствуетъ ему при возвращеніи на родину... Потомъ онъ опять уѣзжаетъ, снова дѣлается властелиномъ моря, снова идетъ копить піастры, издержанные имъ съ такою безпечностію. А между-тѣмъ, предъ старымъ отцомъ его разверзается могила, и онъ не скажетъ послѣдняго прости сыну, вдали отъ него погребенному подъ полярными льдами...

Если отступленіе когда-либо позволительно мореплавателю, то это именно то̀, которое увлекаетъ меня въ сію минуту; я надѣюсь, что мнѣ простятъ его; я не выхожу изъ предѣловъ стихіи, съ которою стараюсь познакомить васъ; я не оставляю поля битвы, на которомъ брожу почти около двухъ лѣтъ. Путь, мнѣ предстоящій, еще такъ дологъ...

Позволимъ себѣ нѣкоторыя подробности:

Сила кита соразмѣрна, такъ-сказать, его чудовищному росту; страсти его, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно изучить и анализировать. Быстрота его такова, что моря кажутся слишкомъ-тѣсными для его своенравныхъ и отважныхъ движеній; даже самое пылкое воображеніе становится въ тупикъ при точности вычисленій, основанныхъ на документахъ и достовѣрныхъ фактахъ.

Впрочемъ объ этихъ чудовищныхъ китахъ можно сказать тоже самое, что̀ и обо всѣхъ исполинскихъ твореніяхъ Божіихъ: только послѣ строжайшихъ изслѣдованій, только по прошествіи многолѣтнихъ и часто даже вѣковыхъ изученій и опытовъ, люди успѣли совершенно узнать ихъ и найти имъ надлежащее мѣсто въ естественной исторіи. Исторія и философія допускаютъ чудесное тогда только, когда оно не нелѣпо, и человѣкъ нынѣ столь ясно постигъ премудрость Божества, что уже не можетъ вѣрить въ явленія, изъ которыхъ страхъ, глупость или невѣжество столь долгое время дѣлали предметы своего безразсуднаго обожанія. Довольно въ природѣ сокровищъ, которыя во всѣхъ климатахъ представляются на размышленіе человѣку; къ чему-же намъ самимъ создавать въ воображеніи химеры и чудеса, которыя, вмѣсто того чтобы увеличить, только ослабили-бы могущество божественной воли?

Нѣтъ, мы знаемъ уже, что̀ должно думать объ этихъ древнихъ сказкахъ нашихъ первыхъ мореплавателей, странствовавшихъ по лѣдовитому океану, и обозначившихъ именемъ *кракена* какое-то чудовище, которому они придали тысячу рукъ, исполинскаго размѣра, и которому въ пищу назначали безчисленные легіоны рыбъ; по ихъ словамъ, чудище это объемомъ своимъ занимаетъ цѣлыя моря, самыя глубочайшія, и въ вышинѣ равняется со второстепенными горами, которыя служатъ ступенями снѣжнымъ вершинамъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ.

Эти баснословныя чудища исчезли; китъ нынѣ сталъ опять на то мѣсто,

какое онъ долженъ былъ занимать въ ряду Божіихъ созданій, и его мѣсто все-таки первое, потому-что ни гиппопотамъ, ни слонъ, ни единорогъ, самыя огромнѣйшія животныя изъ всѣхъ попирающихъ землю, не могутъ съ нимъ сравниться.

Однакожъ не станемъ опровергать всякую мысль, которой новѣйшія открытія противурѣчатъ: нѣтъ сомнѣнія, что многія животныя переродились. Животныя, неизвѣстныя ни въ какомъ климатѣ, оставили въ нѣдрахъ земли, гдѣ ихъ находили и изучали, слѣды своего существованія въ отдаленнѣйшія времена, и мы не видимъ причины, по которой и китъ не могъ-бы подчиниться тому-же закону постепеннаго уменьшенія, которому были подвержены столько чудесныхъ созданій.

Самые строгіе естествоиспытатели, противники всякаго преувеличенія, допускаютъ однакожъ существованіе китовъ, которыхъ размѣръ простирается до ста метровъ и болѣе, и основываются на открытіяхъ, коихъ достовѣрность разбирать не наше дѣло. Какъ-бы-то ни было, но киты, которыхъ преслѣдуютъ въ ихъ царствѣ наши неустрашимые китоловы, не могутъ сравниться съ этими гигантскими размѣрами, и настоящая длина даже самыхъ огромнѣйшихъ изъ нихъ, не превосходитъ сорока-пяти или пятидесяти метровъ.

Я сказывалъ уже вамъ, и вы это знаете, что я очень-учтивъ. А потому, предлагая вамъ руку, чтобы проводить васъ чрезъ всѣ поясы земли до маленькаго острова Кампбеля, страны самой близкой къ антиподамъ Парижа, я черезъ то́ самое почти обязанъ познакомить васъ съ нѣкоторыми изъ безчисленныхъ обитателей этихъ морей, столь безграничныхъ, столь грозныхъ во-время бурь, а еще болѣе во-время штиля. И вотъ почему хочу я вамъ разсказать о жизни и смерти могущественнаго монарха, властелина столькихъ подданныхъ. Оставимъ нашу плебейскую гордость, и поговоримъ о королѣ. Тутъ заключается цѣлая драма, со всѣмъ ея кровопролитіемъ, со всѣми ужасами.

Если-бы кто-нибудь взялся написать особенную исторію ловли китовъ, со всѣми ея подробностями въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ различныхъ орудій, употребляемыхъ въ этой, столько опасной войнѣ, тотъ издалъ-бы книгу, чрезвычайно-полезную для плавателей по всѣмъ полярнымъ морямъ. Чтобъ возбудить ревность какого-нибудь терпѣливаго и безпристрастнаго историка, я спѣшу прибавить, что эта книга принесла-бы ему значительныя денежныя выгоды. Сколько видимъ мы людей, которыхъ интересуетъ предметъ этотъ, а на корабляхъ часы идутъ такъ медленно, такъ скучно....

Не беру на себя этой многотрудной работы; но прежде, чѣмъ опишу драму, въ которой китоловъ играетъ такую опасную роль, я долженъ вамъ замѣтить, что человѣкъ и пила-рыба не суть еще единственные страшные непріятели кита, посланные на него небомъ. Въ нѣдрахъ самыхъ холодныхъ климатовъ, когда его разрушаетъ уже старость, когда частыя раны истребляютъ его силы, китъ находитъ еще противника, дерзающаго преслѣдовать его даже въ его родной стихіи. Этотъ смѣлый и грозный врагъ кита есть не кто-иной, какъ бѣлый медвѣдь, печально сидящій на снѣжныхъ равнинахъ или ищущій приключеній по ледянымъ горамъ, куда онъ взбирается, словно на обсерваторію. При видѣ кита, котораго силы уже слабѣютъ, или молодаго кита, который еще не испыталъ своихъ силъ въ жаркихъ битвахъ, бѣлый медвѣль, пылкій, неукротимый, жадный, часто голодный, бросается въ волны, плыветъ, достигаетъ чудовищ-

наго кита, впивается въ его бока, разрываетъ ихъ въ клочки, до-тѣхъ-поръ, пока уже боль не заставитъ кита прибѣгнуть къ законной защитѣ, и тогда загорается жаркая битва между двумя ратоборцами. Тутъ бой уже рѣшается смертью, потому-что обѣ стороны предаются ярости; четвероногое поднимается на поверхность воды, укрывается за ледяной скалой, является снова, и опять бросается на кита, покуда это гигантское чудовище, не треснувъ его головою или не раздавивъ подъ ударомъ своего огромнаго хвоста, не предастъ его такимъ-образомъ въ пищу хищнымъ птицамъ или прожорливымъ рыбамъ этихъ бурныхъ морей.

Если спросятъ, почему признано, что киты сѣверныхъ морей гораздо-злѣе, гораздо-задорнѣе, чѣмъ морей южныхъ, и почему эти двѣ породы гораздо-страшнѣе тѣхъ, которыя ловятся, тамъ и сямъ, въ умѣренныхъ климатахъ, — то, можетъ-быть, не трудно будетъ найдти тому логическое доказательство, основываясь на отношеніяхъ климатовъ къ различнымъ родамъ животныхъ, наполняющихъ собою моря и земли.

Всѣмъ извѣстно, что тигры и львы Нубіи, Атласа, Кавказа и большой Сагарской пустыни, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо-кровожаднѣе, нежели американскіе, гдѣ тропическіе жары, столь часто умѣряемые холодными и даже оледеняющими вѣтрами снѣжныхъ Кордильеровъ, придаютъ всѣмъ живымъ существамъ это спокойствіе, эту гармонію, столь необходимыя для умѣренныхъ характеровъ.

Тамъ, въ-самомъ-дѣлѣ, пески, безпредѣльность, грозная въ своемъ молчаніи, еще болѣе грозная отъ палящаго сирокко, сметающаго ее; здѣсь — пѣніе птицъ, чудныя долины, благорастворенное небо, плодоносная земля; съ одной стороны засуха безводныхъ, горячихъ скалъ; съ другой — важное величіе широкихъ рѣкъ, орошающихъ страны, гдѣ богатѣйшая растительность, по-видимому, оспариваетъ у нихъ землю. Въ Африкѣ, всѣ усилія почти безплодны, чтобъ поддержать жизнь, полную страданій и рѣзни. Въ Америкѣ, изобильная пища готова для всего, что̀ живетъ и дышетъ. Война научаетъ жестокости, бѣдствія пробуждаютъ душевныя страсти; покой составляетъ счастіе, а счастіе есть человѣколюбіе.

Китоловныя суда обыкновенно имѣютъ отъ тридцати-пяти до сорока метровъ въ длину; ихъ обшиваютъ довольно-толстымъ слоемъ дубоваго дерева, для того, чтобы они могли противустоять ударамъ льдины; онѣ заключаютъ въ себѣ отъ тридцати до сорока-пяти человѣкъ экипажа, въ томъ числѣ капитана судна, хирурга и начальниковъ шпо̀ръ, которые тамъ считаютъ за офицеровъ. За каждымъ судномъ слѣдуютъ отъ шести до девяти шлюбокъ, въ восемь метровъ длины, въ два ширины и въ одинъ метръ глубины. На всякую шлюбку назначаются одинъ или два гарпунщика; они избираются изъ цѣлаго экипажа самые сильные, ловкіе, опытные въ управленія судномъ, сообразно движеніямъ кита, даже и тогда, когда сей послѣдній плыветъ между двухъ водъ, и самые искусные для того, чтобы бить по немъ, когда онъ показывается на поверхности, чтобы набрать воздуха въ свои отдушины.

Необходимыя орудія для этой ловли суть острога и копье. Острогою называютъ трегранный дротикъ, съ концовъ зазубренный; желѣзный стволъ его длиною въ три фута; онъ оканчивается трубкой, идущей вдоль рукоятки одинаковой длины, но никогда не болѣе пяти футовъ; сверхъ трубки придѣлано кольцо изъ плетенаго коновля, къ коему прикрѣпленъ гинъ-лопарь, называемый линіей, которой обыкновенная

толщина почти въ полтора дюйма, а длина отъ ста-сорока до ста-пятидесяти брасовъ.

Копье отличается отъ остроги тѣмъ, что его желѣзо безъ зубцовъ, для того, чтобы его можно было легче выдергивать назадъ; имъ не пускаютъ, какъ острогою; оно остается всегда въ рукѣ у сражающагося матроса; длина его имѣетъ четырнатцать футовъ, считая вмѣстѣ съ древкомъ, которое само-по-себѣ имѣетъ восемь футовъ въ длину.

Альбертъ говоритъ, что китоловы, ему современные, вмѣсто того, чтобы пускать острогою, метали ею съ помощію праща (балисты).

Шнейдеръ пишетъ, что Англичане попробовали замѣнить балисту или метательную машину огнестрѣльнымъ оружіемъ, дабы издали попадать въ кита.

А въ *Исторіи голландской ловли китовъ*, переведенной Г. Дерестомъ, мы видимъ, что народъ этотъ достигъ лучшихъ результатовъ, нежели Англичане, употреблявшіе пушку: Голандцы для подобной-же цѣли, употребили мускетъ, что̀ подвергало ихъ менѣе опасностямъ, а придавало болѣе силы и ловкости.

Близъ береговъ Флориды, дикіе, смѣлые и ловкіе пловцы, ловятъ плавающихъ китовъ, бросаясь на ихъ голову и вбивая въ одну изъ отдушинъ длинный деревянный клинъ; потомъ, держась крѣпко за это оружіе, они, вмѣстѣ съ животнымъ ныряютъ въ воду, выплываютъ на поверхность, и лишь только выплывутъ, тотчасъ вонзаютъ другой клинъ въ другую отдушину. Китъ, видя невозможность вдыхать въ себя воздухъ, принужденъ броситься къ берегу или на мель, дабы не захлебнуться водою, которую онъ уже не въ состояніи изъ себя выпустить, и которая задушила-бы его. Тогда дикіе уже съ бо́льшею удобностію борятся съ нимъ и вѣрнѣе побѣждаютъ.

Это истинно-чудесные факты, подтверждаемые достойными уваженія лѣтописями, и которыя, наравнѣ съ другими писателями допускаетъ даже самъ Ласепедъ, потому-что они были ему переданы отъ очевидцевъ и свидѣтелей, достойныхъ вѣроятія.

Надѣюсь, что эти предварительныя замѣчанія будутъ прочтены не безъ любопытства, потому-что онѣ составляютъ нѣкотораго рода предисловіе къ той великой страницѣ, которую я хочу написать.

По мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, Баски, прежде всѣхъ другихъ народовъ, употребили въ пользу промышлености китовую ловлю. Въ старыхъ рукописяхъ разсказываютъ весьма любопытные случаи, касательно этой ловли, производимой съ незапамятныхъ временъ на берегахъ Эѳіопіи и Абиссиніи, и мнѣ помнится, я читалъ, что во времена Императора Клавдія, появился китъ въ самой гавани Остіи, и что отъ одного вала къ другому протянуты были канаты, чтобы поймать его; Императоръ самъ выступилъ въ море съ флотиліею мелкихъ судовъ, атаковать чудовище, съ которымъ справились при помощи стрѣлковъ преторіанской гвардіи.

Впрочемъ каждый народъ, въ свою очередь, добивается чести какого-нибудь славнаго открытія или опаснаго предпріятія и если основываться на логикѣ словъ, происходящей, безъ сомнѣнія, отъ логики дѣлъ, то мы нашли-бы, можетъ-быть, что Кастиліяне, коихъ Баски, со временъ Генриха Трастамара, были покорными данниками, имѣли-бы болѣе прочихъ народовъ земнаго шара право присвоивать себѣ честь, что они первые осмѣлились напасть на самое огромное изъ живыхъ существъ, въ его владѣніяхъ.

Астурійцы слѣдуютъ за Кастиліянцами, и прошу покорно истолковать въ пользу другаго народа всеобщее принятіе испанскихъ словъ, данныхъ

различнымъ инструментамъ рыболововъ. Такъ въ одной англійской бумагѣ 1589 года, сохранившейся въ коллекціи Гаклюи, рукоятки остроги названы estacas, ножи для разрѣзыванія machetes, удочки съ копьями и острогами va-y-venes и harpones.

Англичане послѣдовали за Испанцами, къ которымъ присоединились смѣлые Каталонцы, и первыя экспедиціи ихъ были блестящи и прибыльны. Позже, спустя не большой промежутокъ времени, Голландцы стали оспоривать у соперниковъ своихъ, Англичанъ, полярныя моря; но боясь очень огня, безпрестанно угрожавшаго ихъ кораблямъ, они устроили контору у арктическаго полюса, гдѣ тотчасъ послѣ ловли чудовищнаго кита выдѣлывалось масло, такъ-что менѣе нежели въ четыре года, контора эта, возлѣ коей воздвиглись новыя, сдѣлалась также богата и также дѣятельна, какъ самый Амстердамъ. Напрасно отыскиваютъ нынѣ мѣсто, которое занимали эти различныя европейскія заведенія, ибо просвѣщеніе и торговля не довольствуются постройками: у нихъ тоже есть дни для пожаровъ и разрушеній.

Я не буду слѣдовать за результатомъ, происшедшимъ отъ всѣхъ успѣшныхъ или поощрительныхъ измѣненій китовой ловли въ самыхъ трудныхъ моряхъ земнаго шара: изслѣдованія мои на этотъ счотъ слишкомъ-бы далеко завлекли меня; но тѣмъ, для кого благодѣянія промышлености не пустяки, я укажу вкратцѣ точныя эпохи побѣдъ, испытанныхъ отважнѣйшими моряками, для коихъ опасности были тѣмъ грознѣе, что опытность еще не могла помогать имъ. Хронологія есть великая наука.

Въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіяхъ, киты въ большомъ количествѣ водились у береговъ Франціи; частыя ловли заставили ихъ удалиться къ сѣвернымъ широтамъ.

Въ 1672 году, Англія поощрила премію рыболововъ; въ 1695, съ тою-же цѣлію составилось общество, и суммы, собранныя по подпискѣ, простирались почти до 100 тысячь фунтовъ стерлинговъ. Такимъ-образомъ они восторжествовали надъ усиліями Басковъ и Голландцевъ, тщетно пытавшихся воспрепятствовать имъ производить рыбную ловлю на берегахъ Шпицбергена, Грёнланда и въ проливѣ Дависа.

Съ 1765 года, Анстико, Родъ-Айсландъ вооружили большое количество китоловныхъ кораблей; два года спустя, 164 корабля батавскихъ преслѣдовали китовъ въ Грёнландѣ и въ проливѣ Дависа. Въ 1768 году, Великій Фридрихъ снарядилъ нѣсколько кораблей для ловли китовъ и получилъ огромный успѣхъ, ибо и онъ не довольствовался одною славою. Въ 1774 году шведская компанія спекулировала на прибыль этой ловли. Въ 1775 году датскій король снарядилъ суда, принадлежавшія государству, и они счастливо соперничали съ купеческими судами. Въ 1779 г. англійскій парламентъ не жалѣлъ ни золота, ни милостей, для поощренія китолововъ, обогатившихъ метрополію.

Въ 1784 году Франція вооружила на свой счотъ шесть судовъ для этой ловли и вызвала съ острова Нантюкетта, въ Дюнкирхенъ, нѣсколько семействъ опытныхъ и испытанныхъ китолововъ. Въ 1789 г., тридцать-два гамбургскихъ судна обошли проливъ Дависъ, берега Грёнланда, и успѣшными поѣздами, вмѣстѣ съ другими, способствовали прогнать еще далѣе къ полюсу чудовищъ, прогуливавшихся доселѣ-поръ ближе къ намъ, безъ преслѣдованій и безъ боя. Итакъ, по-видимому, всѣ народы Европы воодушевились однимъ и тѣмъ-же желаніемъ; приморскія-же страны усильно соперничествовали до-тѣхъ-поръ, пока многочисленныя значительныя несчастія

не ослабили эту ненасытную жажду къ ловлѣ, принесшей столь драгоцѣнныя преимущества для промышленности.

Настоящій китъ питается морскими раками и моллюсками; животныя эти очень-малы, а потому одно только большое количество ихъ вознаграждаетъ малую питательность, приносимую ими; моря, гдѣ водятся киты, наполнены ими въ такомъ множествѣ, что киту стоитъ только раскрыть пасть, чтобы захватить цѣлыя тысячи. Худоба китовъ тамъ, гдѣ моллюски рѣдки, доказываетъ, что это дѣйствительная, настоящая пища этихъ чудовищъ. Какъ-бы велико не было разстояніе, нужное киту для того, чтобы достать себѣ пищу, онъ съ такою быстротою пробѣгаетъ его, что оставляетъ за собою широкую, глубокую борозду; быстрота кита превосходитъ быстроту пассатныхъ вѣтровъ. Предположивъ, что двѣнадцать часовъ въ день достаточны на отдыхъ киту, ему нужно-бы было употребить 47 дней на то́, чтобы обойти земной шаръ, слѣдуя по экватору, и 24 дня слѣдуя по меридіану. А такъ-какъ полетъ 48-ми-фунтоваго ядра чрезвычайно-быстръ, но объемъ его по-крайней-мѣрѣ въ шесть тысячъ разъ менѣе объема кита, то сила полета ядра въ 60 разъ менѣе силы морскаго исполина, и, слѣдовательно, сотрясеніе, производимое китомъ, въ 60 разъ ужаснѣе; между-тѣмъ, это еще не наибо́льшая быстрота кита; одну молнію можно только сравнить съ его ходомъ, когда размахъ хвоста его, произведенный въ одно время съ порывомъ плавательныхъ перьевъ, скрываютъ его отъ взоровъ. Быстрота эта и сила поясняютъ, какимъ образомъ раненное чудовище, нырнувъ и показавшись опять на поверхности воды, можетъ поднять и перевернуть судно.

Кита очень безпокоитъ небольшое ракообразное животное, называемое въ простонародьи *китовой вошью*; оно такъ вцѣпляется въ его кожу, что скорѣе можно оторвать его, чѣмъ вынуть. Оно преимущественно избираетъ нѣжныя части чудовища; множество другихъ насѣкомыхъ распложаются на его спинѣ и привлекаютъ огромное количество морскихъ птицъ, питающихся ими. Ежели насѣкомымъ этимъ удастся пристать къ языку кита, смерть его неизбѣжна, ибо они размножаются такъ быстро, что это обжорливое семейство съѣдаетъ ему языкъ. Кромѣ этихъ непріятелей, царь морей долженъ еще опасаться пилы-рыбы, и мы уже описывали драматической бой этотъ; потомъ *дельфины-бойцы*, собравшись вмѣстѣ, окружаютъ кита, безпокоя его со всѣхъ сторонъ до-тѣхъ-поръ, пока не принудятъ его раскрыть пасть, и тогда ближайшій къ нему или сильнѣйшій, кидается ему на языкъ и растерзываетъ въ куски.

Киты совокупляются стоя и избираютъ для того тихую бухту или гавань. Они производятъ на свѣтъ одного китенка (рѣдко двухъ), который родясь, имѣетъ не болѣе 12 или 15 футовъ длины. Тогда ходъ матери дѣлается не такъ шуменъ, не такъ капризенъ; ей нравятся воды, гдѣ начались ея нѣжности; можетъ-быть также, боится она утомить своего *малютку*, который однако скоро начинаетъ пользоваться необыкновенною силою, данною ему природою, и, подобно молодому жеребенку, скачетъ, какъ сумасшедшій, и подаетъ такимъ образомъ сигналъ караульщику, постоянно стоящему на сторожѣ. Говорятъ, что самки китовъ бываютъ тяжелы 8-мь или 9-ть мѣсяцевъ; нѣкоторые натуралисты говорятъ, что 10 или 11; впрочемъ это обстоятельство весьма-трудно повѣрить.

Китъ отъ природы весьма-тихъ, даже робокъ; никогда не видано было, чтобы онъ, не бывъ преслѣдуемъ, бросался на какое-либо судно, и ежели тѣ изъ

нихъ, кои заблудились въ странахъ сосѣднихъ экватору, менѣе запальчивы, нежели тѣ, кои водятся въ полярныхъ широтахъ, то это потому, что послѣдніе безпрерывными войнами научаются употреблять въ пользу силу и могущество свое.

Вотъ краткой обзоръ береговъ и морей, гдѣ мореплаватели встрѣчали китовъ:

Въ Шпицбергенѣ, около 80° широты; въ новой и старой Грёнландіи, въ Исландіи, въ проливѣ Дависа, въ Канадѣ, въ Новой-Землѣ, на Каролинскихъ островахъ, въ той части южнаго Атлантическаго океана около 40° широты и около 36° долготы западной, считая по парижскому меридіану; на островѣ Мокка въ 40° широты, по сосѣдству съ берегами Хили, въ большомъ полуденномъ океанѣ, въ Гватималѣ, въ Панамскомъ заливѣ, на островахъ Галлапаго, на западныхъ берегахъ Мексики, въ жаркомъ поясѣ; въ Японіи, въ Кореѣ, на Филиппинскихъ островахъ, на мысѣ Валлійскомъ, у береговъ острова Цейлона, около Персидскаго залива, на островѣ Сокотора, около Счастливой-Аравіи, на западномъ берегу Африки, въ Мадагаскарѣ, въ губѣ Св. Елены, въ Гвинеѣ, въ Корсикѣ, въ Средиземномъ морѣ, въ Гасконскомъ заливѣ, въ Балтійскомъ морѣ и въ Норвегіи.

Теперь, основываясь на этихъ справкахъ, доставленныхъ и утвержденныхъ мореплавателями, должны-ли мы заключить, что киты водятся обыкновенно во всѣхъ вышеупомянутыхъ моряхъ? Нѣтъ, потому-что это значило-бы искажать правду и основывать общее правило на нѣкоторыхъ исключеніяхъ, и если киты появлялись близъ острова Корсики и въ Гасконскомъ заливѣ, то они, вѣроятно, были туда загнаны и увлечены какимъ-нибудь переворотомъ морей. Дюгамель, въ своемъ *Трактатѣ о рыбныхъ ловляхъ*, говоритъ, что въ Кореи долго находили китовъ, убитыхъ острогами Европейцевъ въ Шпицбергенѣ или въ Грёнландіи. Это одно уже доказываетъ намъ непостоянство исполинскаго кита, но все-таки не ведетъ къ тому, чтобы указать всѣ моря земнаго шара, какъ годныя для ловли чудовища. Вы знаете его, конечно, не во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, ибо допускаютъ, что онъ безъ труда можетъ существовать отъ 9 до 10-ти столѣтій, но вы знаете, по-крайней-мѣрѣ, какъ онъ великъ и вмѣстѣ ужасенъ... Послушайте-же теперь, какъ человѣкъ нападаетъ на него въ его владѣніяхъ, преслѣдуетъ, сражается съ нимъ и побѣждаетъ его.

Разскажемъ, какъ исполняется эта игра, ибо это игра, на которую весело рѣшаются нѣкоторыя существа, жаждущія опасностей и для коихъ трудъ есть привычка, недоводящая никогда до отчаянія, а смерть — пріютъ.

Я разскажу просто:

Едва матросъ, *караульщикъ*, усмотритъ съ вершины мачты спину кита, тотчасъ спускаютъ поспѣшно на воду лодки и направляются къ мѣсту, указанному часовымъ; осторожно подвигаются; чаще лодки описываютъ кругъ и стараются стать рядомъ съ китомъ, для того, чтобы матросъ, вооруженный острогою и стоя на носу лодки, имѣлъ возможность избрать удобную минуту и пустить смертоносное оружіе подъ плавательныя перья чудовища. Ловкость гарпунщика состоитъ въ томъ, чтобы попасть въ эту часть тѣла, ибо кромѣ того, что остріе вонзается съ меньшимъ трудомъ, но оно доходитъ до кишокъ, и смерть почти мгновенна. Правильность удара узнается тогда, когда китъ, выныривъ послѣ нанесенной ему раны, изрыгаетъ изъ жабръ въ большомъ количествѣ кровь и образуетъ красную полосу на водѣ. Почувствовавъ себя раненнымъ, китъ хлещетъ по волнамъ огромнымъ хвостомъ

своимъ, и бѣда тогда лодкѣ, подверженной ударамъ : въ одно мгновеніе она разбита и поглощена волнами. Боль вырываетъ у животнаго глухое мычаніе; вдругъ онъ погружается въ воду, съ такою быстротою, что ежели-бы веревка, къ которой привязана острога, не была намочена, то она, вѣрно, загорѣлась-бы отъ сильнаго тренія. Въ особенности наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы ничто не могло удержать гинь-лопаръ, ибо въ противномъ случаѣ быстрота чудовища могла-бы увлечь лодку и потопить ее.

Съ корабля внимательно слѣдятъ за различными маневрами первой лодки, дабы въ случаѣ нужды подать помощь рыболовамъ. Между-тѣмъ, какъ китъ тянетъ за собой бо̀льшую часть каната, съ другой лодки привязываютъ новый. По прошествіи нѣкотораго времяни, смотря по болѣе или менѣе глубокой ранѣ, чудовище появляется на поверхности воды, и вторая лодка исполняетъ тогда то̀-же, что̀ дѣлала первая. Часто случается потребность въ помощи съ корабля ; въ такомъ случаѣ матросы подаютъ посредствомъ трубъ такъ-называемые сигналы бѣдствія, и самый канатъ, ежели окажется коротокъ, быстро обрубается. Чудовище скоро удаляется отъ лодокъ; но флагъ, называемый *гальярдетъ*, и выставленный на вершинѣ мачты, указываетъ направленіе взятое китомъ; тогда пускаются вслѣдъ за нимъ, догоняютъ на веслахъ какъ можно сильнѣе и обыкновенно доканчиваютъ бореніе его со смертію пиками, или, помощію крѣпкихъ канатовъ, привязываютъ его и тащутъ къ кораблю.

Тогда начинается разрѣзываніе : разрѣзыватели взбираются на спину кита, удерживаемаго вдоль корабля, двумя талями, веревочные концы коихъ привязываются къ головѣ и къ хвосту чудовища. Для того, чтобы, съ бо̀льшею безопасностію, ходить по спинѣ своей жертвы, работники надѣваютъ толстые сапоги съ крючьями; помощники на лодкахъ подаютъ нужные инструменты, изъ коихъ главные суть : мечики, ножи, желѣзныя руки и крючки.

Первая операція состоитъ въ томъ, чтобы снять la pièce de revivrement, часть поворотовъ и изгибовъ, которая шириною почти въ два фута, а длиною во всю длину кита. Потомъ, по очереди, срѣзаютъ прочія части тѣла или жиръ со всего тѣла кита, котораго поворачиваютъ тилями; потомъ очищаютъ голову; языкъ обрѣзываютъ какъ можно глубже и тѣмъ съ бо̀льшимъ тщаніемъ, что обыкновенно изъ него добываютъ шесть бочекъ масла. Это масло, добываемое изъ языка и которымъ многіе рыболовы пренебрегаютъ, когда ловля обильна, такъ ѣдко, что можетъ испортить котлы. Многіе рыболовы утверждаютъ, что если-бы это масло брызнуло на работающихъ матросовъ, то они навсегда остались-бы какъ-будто разбиты параличомъ.

Когда вырваны усы, то остается одинъ каркасъ, который пускаютъ носиться по вѣтру, въ пользу стаи морскихъ птицъ, коихъ съ трудомъ помощники отгоняютъ во-время работы.

Не одни только усы и масло можно извлечь изъ кита. Грёнландцы и нѣкоторые сѣверные жители ѣдятъ кожу и плавательныя перья ; сердце почитается у нихъ деликатнымъ блюдомъ ; они замѣняютъ стекла выдѣланными кишками и пузыремъ чудовища; изъ сухихъ жилъ дѣлаютъ сѣти, а изъ усовыхъ волосъ чудныя удочки. Во многихъ странахъ большія кости и челюсть употребляются при постройкѣ хижинъ.

Нѣсколько примѣровъ, къ-несчастію весьма-достовѣрныхъ, послужатъ дополненіемъ этихъ страницъ, которыя смѣло считаю я небезполезными въ повѣствованіяхъ моихъ путешествій, и которыя докажутъ опасности этихъ

войнъ, имѣвшихъ много жертвъ. Торговля тоже не безъ кровавыхъ архивовъ.

Во-время одной чудной, настоящей китовой ловли, продолжавшейся три мѣсяца, не оставляя береговъ Хили, около ста льё на западъ, капитанъ Вилліамсъ, родомъ изъ Дублина, собирался бить острогой одного китенка, какъ вдругъ внимательная мать, видя опасность дѣтища, устремляется на него и получаетъ смертоносное желѣзо, приготовленное ея дѣтищу; всѣ находящіеся на лодкахъ были свидѣтелями усилій нѣжной матери, раненной на смерть, чтобы удалить посредствомъ толчковъ головою и хвостомъ того, чей ударъ она приняла на себя, и когда другая острога готовилась вонзиться въ китенка, то мать вторично, умирая, кинулась, и желѣзо вонзилось ей въ спину. Въ описаніи одной весьма-трудной поѣздки, совершенной капитаномъ Маккеромъ, родомъ изъ Гамбурга, въ Индѣйскія моря, находятся печальныя подробности происшествія, доказывающаго большую смышленость кита, особенно когда дѣло идетъ о защитѣ себя.

Караульщикъ даетъ знать о появленіи двухъ непріятелей, въ довольно-дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. Тотчасъ снаряжены лодки, багрильщики на своихъ мѣстахъ, и охота начинается. Услышавъ шумъ веселъ, киты начинаютъ дышать сильнѣе, и увидѣвъ опасность, становятся рядомъ, совѣщаясь, можетъ-быть, на счотъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ защитѣ. Они избѣгаютъ встрѣчи съ лодкой, и ставъ другъ отъ друга на разстояніи длины двухъ канатовъ, одинъ по правую сторону корабля, другой по лѣвую, — остаются, не шевелясь, въ этомъ положеніи. Вдругъ они устремляются на корабль, разбиваютъ его и онъ едва-едва достигаетъ до Сешельсей, куда однакожъ ни одна лодка не прибыла.

Капитанъ Кларкъ, изъ Ливерпуля, говоритъ также, что на косѣ Новой-Земли, гдѣ ловля, въ 1816 году, была очень-успѣшна, онъ, почти наканунѣ отъѣзда, имѣлъ несчастіе потерять двѣ лодки, спущенныя имъ въ море; онѣ были разбиты въ щепы однимъ махомъ хвоста ужаснаго кита, и не было никакой возможности подать помощи экипажу: такъ ужасна была ярость чудовища, готоваго, казалось, начать новую битву. Когда на кита не нападаютъ, и когда боль не принуждаетъ его сражаться, онъ чрезвычайно-тихъ; часто видали китовъ, провожающихъ суда, подобно искреннимъ друзьямъ, и они потому только удалялись, что врожденная нетерпѣливость и быстрота движеній ихъ не согласовались съ тихимъ и правильнымъ ходомъ корабля. Но что въ особенности возбуждало удивленіе и даже иногда сожалѣніе изслѣдователей, это любовь китовъ къ своимъ дѣтямъ, любовь столь-же чистая, столь-же безграничная, какъ любовь двуутробки, привязанность ежечасная, заставляющая ихъ идти на встрѣчу роковаго удара, подъ коимъ должно пасть неосторожное дѣтище. Тысячи доказанныхъ, достовѣрныхъ примѣровъ приспѣли-бы мнѣ на помощь, если-бы кто вздумалъ сомнѣваться въ донесеніяхъ самыхъ опытныхъ китолововъ: два или три примѣра будутъ достаточны для оправданія морскаго великана.

Капитанъ Роберъ, изъ Амстердама, девять разъ одерживалъ уже побѣду надъ китами, коихъ тарпонировалъ на широкой косѣ около Хили, какъ вдругъ, во-время тихой погоды, новый непріятель сталъ извергать ужасные фонтаны свои, какъ-бы объявляя тѣмъ, что принимаетъ бой. Нѣсколько времени продолжались тишина и спокойствіе; вдругъ, свирѣпый въ простѣ своей, чудовищный китъ устремляется на спущенную лодку и разбиваетъ ее и четырехъ человѣкъ, бывшихъ на ней, о корабль.

Другая лодка была спущена съ противной стороны того мѣста, гдѣ случилось несчастіе, и маневромъ, подобнымъ тому, который онъ такъ счастливо употребилъ въ первый разъ, китъ, получившій, вѣроятно, во многихъ сраженіяхъ опытность, разбилъ или лучше сказать раздавилъ о корабль эту другую лодку, и не одинъ человѣкъ не спасся. Послѣ двоякой этой побѣды, удовлетворенное чудовище дружески сопутствовало судно до Малуиновъ, откуда корабль съ половиною экипажа долженъ былъ направиться къ Монтевидео, для того, чтобы взять новое подкрѣпленіе.

Въ 1830 году, по сосѣдству отъ Тристанъ-де Кунга, одинъ китоловъ началъ преслѣдовать огромнаго кита, указаннаго ему не въ дальнемъ разстояніи; онъ легъ въ дрейфъ и направилъ лодки къ чудовищу, около котораго впрочемъ замѣченъ былъ почти нечувствительный водоворотъ. Подойдя ближе, различаютъ возлѣ него чорную массу, спрятанную почти обширною спиною царя морей: это китёнокъ, неумѣющій еще различать и избѣгать непріятельскаго оружія. Онъ близко отъ лодокъ, острога пущена сильною рукою, желѣзо вонзается и раздираетъ тѣло; китенокъ хочетъ бѣжать, но онъ плѣненъ, побѣжденъ, послѣдній часъ его наступилъ. Китъ, въ отчаяніи, старается сперва освободить малютку своего; но вокругъ него видно уже огромное количество крови и онъ вмѣстѣ съ жизнію теряетъ силы. Мать дѣлаетъ новыя усилія, но въ это время съ другой лодки получаетъ сама въ голову острое желѣзо, которое она разбиваетъ или лучше-сказать, отъ котораго избавляется страшнымъ потрясеніемъ. Потомъ, видя, что пожертвованіе ее безполезно, она удаляется и думаетъ о мщеніи. Изъ раскрытыхъ жабръ его вырываются ужасные водяные брызги, низпадающіе подобно шумному водопаду: дѣлается ужасный хаосъ, посреди коего лодки рыболововъ кружатся, не имѣя надежды къ спасенію... Лодкамъ уже страшиться болѣе нечего... онѣ тутъ; но тамъ спитъ тяжелый корабль, спустившій ихъ на воду. Къ нему-то отправляется китъ; онъ хочетъ сразиться и уничтожить сильнаго, могучаго непріятеля. Со всевозможною быстротою устремляется чудовище; толчокъ, подобный тому, когда киль, гонимый крѣпкимъ вѣтромъ, ударяется объ утесъ, потрясаетъ корабль, и отбрасываетъ его. Новый ударъ чувствуется съ противной стороны, поднимаетъ трехъ-мачтное судно, разбиваетъ его и проламываетъ. Вода шибко входитъ съ-права и съ-лѣва, всѣ спѣшатъ къ трубамъ, берутся за оружіе, готовятся сражаться, распускаютъ паруса, думая уйти... все тщетно! Китъ поклялся погубить васъ: онъ потерялъ свое дѣтище, оно будетъ отмщено, и вы всѣ будете поглощены волнами! Подобно быстрому бѣгуну, который беретъ разбѣгъ, чтобы лучше достигнуть цѣли, китъ, ударяя въ одно и тоже время и воздухъ и волны, ярымъ хвостомъ и исполинскою головою, въ третій разъ устремляется и раскрываетъ обшивку корабля, который онъ поклялся уничтожить, разбиваетъ его со всѣхъ сторонъ и, жестоко раненный во время боя, не останавливается въ своей ярости. Вдругъ, на поверхности воды образуется водоворотъ: корабль погружается, палуба изчезаетъ, мачты убываютъ, изчезаютъ въ свою очередь, и китъ, въ ярости своей, устремляясь въ послѣдній разъ, не находитъ уже непріятеля.

Торжествующій, но неудовлетворенный, китъ ищетъ тогда лодки, которыя поспѣшили удалиться и благополучно достигли песчанаго берега. Чудовище видитъ ихъ, устремляется еще разъ, воды шумятъ; въ слѣпой ярости мщенія, китъ попадаетъ на мель и

ободренные матросы наконецъ побѣждаютъ его.

Два корабля китолововъ, одинъ ирландской, другой изъ Ливерпуля, сопричали, въ 1830 году, на одной изъ широкихъ косъ, на юго-западѣ отъ мыса Горна, гдѣ часто сбираются киты съ южнаго полюса. Вдругъ усмотрѣли они двухъ китовъ, и матросы поспѣшили къ своимъ мѣстамъ:

— Вы на-лѣво, мы на-право, сказали смѣлые *охотники*, и съ Богомъ!

И вотъ они сильною греблею идутъ по направленію къ чудовищамъ, играющимъ на поверхности воды. Подъѣзжаютъ осторожно; прыжки китовъ заставляютъ дѣйствовать благоразумно; казалось, всѣ четыре противника дали слово пользоваться одинакими выгодами, и ни одинъ не хотѣлъ никакого преимущества передъ другимъ. Оба царя морей, не заботясь слишкомъ о наблюдавшемъ за ними непріятелѣ, разстаются наконецъ и горделиво покачиваются на водахъ; остроги пущены въ ходъ, раздираютъ кожу, раны глубоки; но отвѣсно-сдѣланный поворотъ грозитъ опасностію ирландской лодкѣ: гинь-лопарь обрѣзанъ и избавленный китъ остается зрителемъ боя, завязавшагося между ливерпульскою лодкою и другомъ его. Видя безполезныя усилія его и чувствуя, что побѣда не останется за нимъ, онъ тотчасъ рѣшается защитить друга или отмстить за него. Онъ устремляется сперва на побѣдителей, ударяетъ сильно хвостомъ по слабому ихъ судну, и лодка, и люди мгновенно поглощены волнами. Онъ не довольствуется этимъ первымъ торжествомъ: ему остается еще смыть безчестіе; острое желѣзо у него въ боку, боль подстрекаетъ его столько-же, сколько и злоба; на сей разъ онъ осторожно приближается къ лодкѣ, на носу коей стоитъ искусный, смѣлый багрильщикъ, вооруженный снова; ужасные водяные брызги летятъ вверхъ и низпадаютъ подобно всеподавляющему водяному порогу. Экипажъ нагибается, думаетъ о спасеніи; а китъ, довольный первымъ успѣхомъ, удаляется, является снова, подобно лавинѣ, и остатки второй лодки поглощаются волнами. Оба корабля китолова, лишонные лучшихъ матросовъ, должны были поспѣшно отправиться въ Вальпарезо, чтобы пополнить экипажи свои.

Я разсказалъ.

И когда всѣ эти работы кончены, даже иногда и прежде конца, матросъ караульщикъ, сидя на вершинѣ большой мачты, подобно коршуну, ослѣпляющему полетъ скворцовъ, глядитъ вдаль, чтобы закричать усталому еще экипажу:

— Скорѣй! скорѣй! на-право китъ! онъ направляется на востокъ; за остроги!

Опять надо начинать: новая битва, новыя опасности, и слѣдующіе дни проходятъ подобно тому, который былъ наканунѣ.

Для китолова, нѣтъ вѣрнаго покоя, нѣтъ тихой ночи. По-первому сигналу долженъ онъ быть на ногахъ, съ пикою или острогою въ рукѣ, и эта бѣдственная жизнь ужаснѣе тѣмъ, что онъ долженъ вооружать лодку свою, тогда въ особенности, когда волны бурнѣе, ибо тогда колоссъ, съ которымъ онъ хочетъ сражаться, наиболѣе любитъ показываться на поверхности воды. А потому, можно сказать по-справедливости, что гаванью матроса китолова должно назвать его корабль, стоящій въ чистомъ морѣ. Страшно подумать!

Я-бы лучше желалъ (и то не часто) видѣть львиную или тигровую охоту съ г. Рувьеромъ, на мысѣ Доброй-Надежды. Я понимаю и удивляюсь Гаучосамъ, о которыхъ когда-нибудь разскажу вамъ; они нападаютъ на тигровъ съ помощію только силка, двухъ шаровъ по обоимъ концамъ веревки, и двухъ кинжаловъ, которые сперва спо-

койно лежатъ въ ножнахъ, прицѣпленныхъ къ ботинкамъ; я охотно согласился-бы на экспедицію противъ взбунтовавшагося и разъяреннаго многими ранами слона; я-бы желалъ даже, чтобы мнѣ позволили участвовать актеромъ при одной изъ тѣхъ охотъ противъ крокодила, о которыхъ я сказалъ вамъ нѣсколько словъ, оставляя Тиморъ; и даже, восторжествовавъ надъ трусостію своею, я-бы, спрятавшись куда-нибудь, готовъ былъ сражаться съ однимъ изъ этихъ ужасныхъ боа, задушающихъ испуганныхъ буйволовъ... Тамъ, тамъ и тамъ, вы стоите на твердомъ грунтѣ земли, вы часто имѣете для защиты какую-нибудь ограду, друга, могущаго вамъ подать помощь, иногда даже вѣрное убѣжище въ случаѣ неудачи; вы сражаетесь съ однимъ существомъ и не заботитесь о ярости стихій, держащихъ неутралитетъ въ враждѣ вашей.

Но бой съ китомъ! ежечасный бой съ этимъ морскимъ исполиномъ, который въ 15-ть или 20-ть дней можетъ обойти земной шаръ.... о! вотъ, по моему мнѣнію, самая ужасная игра, самая опасная, самая непостижимая, которую когда-либо пробовалъ человѣкъ! Китоловъ болѣе нежели человѣкъ; поклонитесь ему, когда онъ вамъ встрѣтится!

XXVI.

ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.

Это мое мнѣніе: можете если хотите повѣрить.

Ежели-бы я былъ начальникомъ ученой экспедиціи вокругъ свѣта, я-бы хотѣлъ имѣть при себѣ молодой экипажъ, молодыхъ натуралистовъ, молодыхъ астрономовъ, молодыхъ живописцевъ, молодыхъ писателей; да! я хотѣлъ-бы имѣть и писателей.

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ подлинныхъ записокъ, самыя любопытныя и нравоучительныя сочиненія, суть, безспорно, описанія путешествій, въ особенности-же тогда, когда изслѣдователь, незаражонный педантизмомъ науки, разсказываетъ съ жаромъ и точностію. Увѣряю васъ, что хорошо видѣть и хорошо говорить, суть два достоинства весьма-рѣдкія, и я знаю людей, которые, изъ противорѣчія и потому что ихъ обогнали на ихъ поприщѣ, станутъ скорѣе бороться съ очевидностію происшествій и вещей, нежели утверждать достовѣрность ихъ.

Есть истины ежедневныя, точно такъ, какъ есть истины вѣчныя, и часто путешественникъ, съ которымъ вы наиболѣе не соглашаетесь, болѣе другихъ правдивъ и точенъ. Обычаи, нравы, подвержены столь страннымъ, столь быстрымъ измѣненіямъ, что можно по справедливости сказать, что народъ, существовавшій наканунѣ, не будетъ уже тѣмъ-же на слѣдующій день и что часто логически надобно оспаривать самого-себя. Мнѣ кажется, я читалъ

всѣ изданныя въ свѣтъ большія путешествія, начиная съ Гумбольта до бѣднаго Кальe, который впрочемъ видѣлъ, можетъ-быть, Томбукту, и прежде всего старался повѣрять точность физическихъ описаній вещей и людей. Ежели я отыскивалъ указанный вами источникъ, ежели боролся съ потокомъ, едва непоглотившимъ васъ, ежели взбирался на быстрый конусъ, истощившій силы ваши, ежели проходилъ богатые лѣса или безплодную степь, указанныя вами, и нашолъ снова, базальтъ, тиферъ или гранитъ, служившіе вамъ мѣстомъ отдохновенія, для составленія замѣчаній вашихъ, тогда я, не-смотря на различный нашъ образъ воззрѣнія, говорю, что вы справедливы; вы видѣли то-же, что и я видѣлъ; болѣе мнѣ ничего не нужно; мы согласны на этотъ счотъ: это всего важнѣе! Теперь вы судите о людяхъ и о учрежденіяхъ по вашей логикѣ, по вашему сердцу, по вашимъ чувствамъ—какое мнѣ до того дѣло; чувства ваши не всегда согласны съ моими, логика ваша не всегда согласна съ мосю; вы дѣлаете заключенія, которыхъ я не допускаю, мы уже не гармонируемъ; совсѣмъ тѣмъ каждый изъ насъ сказалъ правду, потому-что каждый изъ насъ судилъ по своему. Къ тому-же еще у тѣхъ народовъ законъ есть выраженіе воли начальника: то что, считалось преступленіемъ накануне, можетъ-быть добродѣтелью на слѣдующій день. Вы пріѣхали днемъ послѣ меня: эта задержка даетъ вамъ достаточное право опровергать истину моихъ разсказовъ.

Смерть человѣка бываетъ иногда его возрожденіемъ или упадкомъ: взгляните на Тамагама, на Сандвичевыхъ островахъ!

Одинъ Китай внѣ моихъ разсужденій; Китай есть исключеніе во всемъ: это народъ непохожій на другой народъ: Китайцы неподвижны, неизмѣнны; его прошедшее то-же, что настоящее, и безъ сомнѣнія то-же, что будущее, судя потому, что въ теченіе 4000 лѣтъ, это государство не сдѣлалось ни обширнѣе, ни менѣе и ни въ чомъ не измѣнилось.

Гораздо-труднѣе, нежели какъ думаютъ, писать совѣстливо очерки путешествій; тутъ, кромѣ правды, первой обязанности разскащика, должно еще быть порабощеніе ума и воображенія. Надо наполнить раму; далѣе идти запрещено. Передъ глазами пейзажъ, его надо описать такъ, какъ онъ есть, или, по-крайней-мѣрѣ, такимъ, какимъ онъ кажется, и вы не должны никогда, даже изъ участія къ картинѣ вашей, заставлять течь на-право ручей, текущій въ натурѣ на противуположной сторонѣ; никто не въ-правѣ созидать въ виду созданія, и контрастъ или нескладность, они-то именно и даютъ эту важность, величественность, противу которыхъ вы напрасно возстаете. Рука человѣческая гораздо-чаще портитъ, нежели украшаетъ.

Напротивъ-того, въ сочиненіяхъ, гдѣ преобладаетъ воображеніе, безпорядокъ составляетъ иногда гармонію; вы описываете чувства, волненія, страсти душевныя, пороки, смѣшную сторону, безумство человѣческое. О! тогда расширяйте ваше полотно; вы можете дѣйствовать по произволу; ежели согласитесь быть малымъ, то будете ничтожны; вы можете рыться по проложеннымъ дорогамъ, отыскивать новыя, копаться въ глубинѣ вещей, опровергать правила: тутъ предстоитъ распутать цѣлый хаосъ, перестроить новый міръ.

Ежели дѣйствительно справедливо, что слогъ изображаетъ человѣка, то это въ особенности относится къ описаніямъ путешествій. Передавать то, что видишь глазами, что понимаешь умомъ, что допускаешь разсудкомъ, значитъ передавать самого себя. А потому языкъ, которымъ вы говорите, есть чистѣйшее выраженіе души вашей,

нбо изъ одной только души проистекаетъ всякое чувство, тогда-какъ въ созданной книгѣ, не одни вы занимаете мѣсто въ драмѣ, комедіи или сатирѣ: тамъ есть тоже многія лица, предъ которыми вы должны казаться почти ничтожнымъ, для того, чтобы каждому изъ нихъ дать свойственные имъ характеры и нравы. Видите-ли, какъ въ этомъ случаѣ горизонтъ вашъ расширяется!

Однакоже, есть-ли возможность драматизировать сочиненіе, отчасти дидактическое? Это новый вопросъ, который-бы я, можетъ-быть, долженъ былъ постараться рѣшить прежде, нежели вздумалъ предпринимать трудную работу, въ которую я себя закабалилъ.

Но что-же вы хотите! такова гордость человѣческая: она наказываетъ тогда только, когда уже мы долго наслаждались удовольствіемъ противиться ей и не уважать ее. Мы часто говоримъ не краснѣя сами себѣ: будемъ дѣйствовать не такъ, какъ всѣ; безъ сомнѣнія, мы сдѣлаемъ лучше. Всякая страсть поглощаетъ, преобладаетъ, заблуждаетъ и, если смѣю выразиться, слѣпыхъ умомъ болѣе нежели слѣпыхъ глазами. Что касается до меня, то болѣе разсѣянный, нежели тщеславный, я попробовалъ новую дорогу, я хочу, чтобы тотъ кто будетъ читать меня нашолъ меня, въ книгѣ, такимъ, какимъ меня всегда видѣлъ, такимъ, каковъ я въ частной жизни. *Это точно онъ*! вотъ три слова, часто раздававшіяся у меня въ ушахъ, когда случайно кто-нибудь, отъ бездѣлья или изъ нескромности, разсказывалъ громогласно что-нибудь мое. *Это точно онъ!* Я никогда не обижался этимъ быстрымъ примѣненіемъ, потому-что я не искалъ скрываться, подобно многимъ, и потому-что, послѣ неблагородности, лицемѣріе, по моему, есть самый гнусный порокъ.

Итакъ я передъ вами безъ румянъ, что долженъ-бы дѣлать всякій, кто говоритъ или пишетъ публично; но увы! масляница у народовъ образованныхъ продолжается долѣе, чѣмъ то установлено глупымъ обычаемъ. Въ этомъ отношеніи Венеція ближе подходитъ къ истинѣ. *Если-бы я зналъ, что меня не будутъ читать*, сказалъ одинъ великій геній XIV столѣтія, *то во всю жизнь не написалъ-бы ни одной строки*. О философія! что-жъ! я все-бы писалъ, если-бы даже строгій голосъ, раздавался въ ушахъ моихъ, говорилъ мнѣ: *Никто не будетъ читать тебя*. Писать по своему разуму значитъ умножаться, жить два раза, такъ-сказать, чувствовать жизнь. Къ тому-же пусть всякій бумагомаратель успокоится: нѣтъ книги, которая не нашла-бы себѣ мѣста въ въ мірѣ и не собрала-бы тамъ или самъ нѣсколько утѣшительныхъ симпатій. И дуракъ и злой равно находятъ читателей; одинъ завистникъ исключается, также, какъ и скучный; совсѣмъ тѣмъ надо и ихъ читать, чтобы имѣть возможность утверждать, что они дѣйствительно то, что они суть.

Переберемъ вкратцѣ, не по порядку: *Исторія путешествій* Лагарпа, занимательная выборка, ежели хотите, но справедлива только въ разсказѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Къ-тому-же берегитесь людей, которые объѣзжаютъ землю, не выходя изъ своего кабинета. Прошу нынѣ учиться натуральной исторіи по Бюффону, котораго упорствуютъ давать дѣтямъ, и вы увидите, что принуждены будете многому разучиться, подвигаясь въ жизни.

Предъ отъѣздомъ моимъ, я довольствовался *Философической исторіей обихъ Индій*, Райналя... Боже мой! Боже мой! сколько лжеученія! одинъ взглядъ, на описываемыя имъ страны научилъ меня въ тысячу разъ болѣе, нежели всѣ его краснорѣчивыя страницы, испорченныя ложью.

Изъ всѣхъ путешественниковъ, предшествовавшихъ мнѣ въ сихъ опасныхъ

поѣздкахъ, кому я наиболѣе вѣрилъ послѣ ста счастливыхъ испытаній, это Кукъ. Книга его—это онъ. Онъ неустрашимый матросъ, смѣлый, иногда грубый; но онъ видитъ, видитъ хорошо, и описываетъ правильно, и болѣе вообще, нежели въ подробности : можно подумать, что ему нѣкогда смотрѣть возлѣ себя и что онъ торопится извѣдать горизонтъ, для новыхъ открытій. Кукъ великій человѣкъ и первый англійскій мореплаватель.

Въ Ванкуверѣ замѣтно болѣе учености, болѣе хитрости, болѣе смышленности; онъ раскапытаетъ грунтъ, который посѣщаетъ, и наука была ему сильнымъ помощникомъ.

Посмотрите, какъ точенъ, опредѣлителенъ, справедливъ Дампьеръ! Описанія его подобны вѣрному зеркалу, отражающему предметы. Дампьеръ очень близокъ къ Куку.

Бугенвиль забавляется всѣмъ и играетъ происшествіями такъ-же, какъ и правдой : это кавалерійскій капитанъ на галерѣ.

Адмиралъ Ансонъ одинъ изъ тѣхъ неустрашимыхъ, опытныхъ мореплавателей, которые неотступаютъ при какомъ-бы то не было препятствіи, напротивъ того идутъ на-встрѣчу указываемыхъ имъ опасностей, и заботятся менѣе о собственной славѣ, чѣмъ о славѣ отечества, коего флагъ развозятъ вездѣ властелиномъ.

Страницы Ансона исполнены откровенности и энтузіазма, гармонирующихъ весьма съ характеромъ, даннымъ біографами этому мореплавателю, столь достойно получившему самые высшіе чины въ королевской морской службѣ.

Валлиса можно помѣстить возлѣ Ансона по неустрашимости его, и, можетъ-быть даже, онъ превосходитъ его красотою и справедливостію описаній своихъ, въ коихъ, впрочемъ, проглядываетъ немного скука.

Бѣда тому, кто, въ описаніи отдаленныхъ поѣздокъ своихъ, подавляетъ участіе тяжестію науки! Неохотно путешествуешь съ тѣмъ, кто обращается къ однѣмъ мыслямъ; сердце должно быть въ половинѣ во всѣхъ наслажденіяхъ.

Дракъ, подобно Валлису, заслужилъ славную репутацію, которою онъ пользуется, и связалъ имя свое съ большими открытіями.

Картере изъ школы Дампьера изъ школы лучшей; она собираетъ жатву и производитъ; она должна служить примѣромъ тому, кто хочетъ учиться и учить!

Лаперузъ! братья Лабордъ! какія ужасныя бѣдствія во-время одного путешествія! Слова, раздавшіеся изъ океана такъ слабы, такъ темны, что тутъ, можетъ-быть, предстоитъ еще рѣшить важную задачу.

Маршанъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ совѣстливыхъ путешественниковъ, и описаніе его поѣздокъ и опасностей носитъ отпечатокъ добродушія и увлеченія, недопускающаго лжи или хвастовства. Эта книга очень полезна каждому изслѣдователю.

Краснорѣчивый Перонъ слишкомъ былъ жаденъ до науки; описаніе его поучительно, но мало занимательно, и односложное *я* слишкомъ часто представляется взорамъ читателя.

Приведемъ еще не по-порядку имена, приходящія мнѣ на память, какъ живые лучи безсмертной славы. Магелланъ, преслѣдуемый бурею, укрывается въ рукавѣ моря, думая найти тамъ гавань. Онъ углубляется тамъ среди тысячи опасностей, и послѣ нѣсколькихъ дней медленной навигаціи среди противныхъ теченій, рѣшаетъ великую задачу, тщетно до него отыскиваемую. Обширный Тихій океанъ можетъ быть посѣщаемъ чрезъ западъ. Разсказы Магеллана справедливѣе, а карты не совсѣмъ точны; совсѣмъ тѣмъ смѣлому этому мореплавателю не доставало

не учености, а терпѣнья, родъ мужества, которое гораздо-рѣже встрѣчается, чѣмъ такъ-называемая храбрость.

Дависъ ищетъ только бурь и опасностей. Любимѣйшая жизнь его около морскихъ береговъ и посреди рифовъ. Онъ открываетъ знаменитый проливъ, названный его именемъ, и становится на ряду съ опытнѣйшими изслѣдователями.

Послѣ кровопролитія, посреди коего погибъ Кукъ въ Овгіе, Кингъ принялъ начальство надъ британскимъ кораблемъ, долженствовавшимъ вернуться въ Англію, лишась знаменитато капитана, столь смѣло управлявшаго имъ до-сихъ-поръ. Кингъ незамѣтно проскользнулъ возлѣ своего начальника.

Сказать-ли славныя имена Албукерка, Діаса-де-Солиса, Васко-де-Гама, Кабрала, коими столько гордится Португалія и коимъ такъ завидуютъ прочія націи? Божусь вамъ, что въ описаніяхъ этихъ смѣлыхъ изслѣдователей есть отпечатокъ хвастовства, гармонирующаго совершенно съ этими благородными солдатами, столь побѣдоносно разгуливавшими по Индіи и покорившими столько народовъ.

Что̀ сказать вамъ о храбромъ и несчастномъ Жакемондѣ, коего трогательныя письма такъ пріятны, интересны и краснорѣчивы въ одно и тоже время, что, право, думаешь читать блестящія страницы Вальтеръ-Скота и Шатобріана? Увы! въ этихъ смѣлыхъ поѣздкахъ, почти всегда погибаютъ самые безстрашные, почти всегда жизнь самыхъ достойныхъ тухнетъ среди тягости славы ихъ. Въ слогѣ Жакемонда есть отпечатокъ поэзіи, возвышающей васъ, и простодушіе бо́льшей части разсказовъ его, даетъ имъ столь сильную привлекательность, что я сомнѣваюсь, чтобы вы не раздѣляли вмѣстѣ съ нимъ и опасности, и удовольствія, которыя онъ вамъ описываетъ. Вотъ люди, на которыхъ правительства должны-бы были обращать вниманіе.

Что̀ сказать вамъ еще о этихъ бронзовыхъ сердцахъ, о этихъ желѣзныхъ людяхъ, которымъ нравится на морѣ только ярость, на небѣ только бури, въ цѣлой природѣ одни только междоусобія?

Взгляните, какъ они весело готовятся къ отъѣзду, тогда, какъ безумно-бы было надѣяться на возвращеніе! Взгляните на нихъ: они играютъ кораблями своими, какъ могилой! Неустрашимые безумцы, они идутъ отыскивать не спокойные пояса, не тихія моря, не страны безъ рифовъ; нѣтъ! то̀, чего они требуютъ, что̀ они презираютъ съ улыбкою на устахъ и съ радостію въ сердцѣ, это ледяныя горы, кои, ринувшись, запираютъ ихъ между своими исполинскими стѣнами; это быстрые потоки, клубящіеся на желѣзныхъ ребрахъ ихъ и увлекающіе ихъ; холодное небо, непроходимыя, незнакомыя дороги; водопады, въ кои они готовы пустить могучіе суда свои; наконецъ рѣшить морскую задачу, тогда, какъ двадцать неблагоразумныхъ попытокъ, тогда, какъ двадцать недавнихъ еще бѣдствій, начертили передъ путемъ ихъ ужасное слово *невозможно*, слово, которое они хотятъ вычеркнуть изъ лексикона мореплавателей... Не упомянулъ-ли я о капитанахъ Парри, Россѣ и Сабинѣ, о настоящихъ морскихъ волкахъ; ихъ суровые разсказы гнетутъ васъ, какъ въ тискахъ, и заставляютъ стыть кровь въ жилахъ вашихъ?

Пробудимъ тутъ нашу подавленную грусть, и прольемъ снова слезы надъ глубокимъ воспоминаніемъ скорби и печали. Море пожираетъ въ тишинѣ, безъ отзыва; оно поглощаетъ, задушаетъ; одна волна смываетъ другую, и корабли - путешественники скользятъ безъ смущенія по молчаливымъ гробницамъ.

«Корабль китоловъ, говорятъ, ви-

«дѣлъ, какъ онъ потонулъ затертый «льдами сѣвернаго полюса. Въ одно «мгновеніе воды раскрылись, закры- «лись, и все сдѣлалось тихо на поверх- «ности. Такъ кончилъ, можетъ-быть, «Лапезуръ.»

Храбрый и несчастный Блоссевиль! пылкій молодой человѣкъ, неустра- шимый морякъ, ученый изслѣдователь! О! какъ радостно бьется сердце мое, когда голосъ друга, брата, говоритъ на- родной трибунѣ, внимательной и пе- чальной Франціи, Европѣ, слушавшей его: «Да, пусть государство предло- «житъ высокую, неограниченную на- «граду каждому моряку, каждому че- «ловѣку, который дастъ намъ извѣстіе, «не только объ этомъ храбромъ офи- «церѣ, но о каждомъ матросѣ пылкаго «экипажа его; тому, кто скажетъ безпо- «коющейся наукѣ: Боссевиль спасенъ! «или: Боссевиль болѣе не страдаетъ!»

Ежели Христоферъ Колумбъ, кото- рому старый свѣтъ одолжонъ сопер- никомъ, оковами и нищетою заплатилъ дань ученому открытію своему, то ка- ковъ-же восторгъ, какое-же упоеніе должна была ощущать пылкая душа его, когда богатая земля и благоуха- нное произрастеніе воздвиглись передъ нимъ, удивляясь ему и утѣшая его по- слѣ понесенныхъ имъ трудовъ; може- те судить, съ какою гордостію поднялъ онъ покорный и простершійся предъ нимъ экипажъ свой, наканунѣ еще рѣ- шившійся умертвить его!

Въ описаніяхъ различныхъ путеше- ствій Генуезца вы находите отпечатокъ чудеснаго, чего писатели тѣхъ временъ не жалѣли въ своихъ *правди- выхъ статьяхъ*. Когда старый свѣтъ волновался при видѣ магическихъ кар- тинъ, раскрывавшихся взорамъ его, то какъ-же могли изслѣдовавшіе ихъ оста- ваться холодными, спокойными въ ви- ду этой новой, величественной приро- ды, этихъ людей другаго цвѣта, этихъ свѣтящихся въ темнотѣ морей, посре- ди коихъ они являлись властелинами? *Эльдорадо* изъ химеры преобратилось въ дѣйствительность, Испанія и Пор- тугалія переселились, вся Европа жела- ла-бы послѣдовать за Испаніею и Пор- тугаліею въ эту возрожденную землю.

XXVII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОБЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЯХЪ.

И теперь, ежели мы анализируемъ характеръ этихъ смѣлыхъ изслѣдова- телей, которые хотя и не объѣхали вокругъ свѣта, но не менѣе того под- вергались явнымъ опасностямъ, то на- ходимъ ихъ въ совершенной гармоніи съ ихъ книгами, въ которыхъ впро- чемъ почти всегда выказывается пер- вая и опасная идея: *Никто меня не опровергнетъ*.

Монго-Паркъ смѣлъ; онъ знаетъ, что открываетъ новую дорогу своимъ пре-

емникамъ, ему нѣтъ надобности призывать на помощь ложь и чудеса, ибо онъ первый скажетъ то, чего никто не видалъ до него.

Бельзони, Бутенъ, Клаппертонъ, углубятся въ африканскія пустыни и погибнутъ мучениками науки, отъ меча Арабовъ или Мавровъ, или отъ ужаснѣйшихъ нуждъ.

Потомъ находите вы опять бѣднаго Калье, отважнаго молодаго человѣка, безъ образованія, безъ таланта, безъ памяти и соображенія; онъ идетъ отъ каравана къ каравану, вдоль рѣкъ, проникаетъ въ хижины, то безъ пищи, безъ одежды, безъ проводника, то безъ воды, для утоленія жажды, безъ оружія для защиты; идетъ далѣе, и послѣ различныхъ несчастій и злоключеній проникаетъ въ центръ дикой Африки, достигаетъ, *можетъ-быть*, Томбукту, увѣряя насъ, что этотъ городъ круглый, а на рисункѣ представляетъ намъ его четыреугольнымъ; убѣгаетъ изъ этой таинственной столицы, не удостоясь даже быть наказаннымъ за свою дерзость, переправляется чрезъ эту обширную степь во всю длину ея и достигаетъ наконецъ Туниса или Триполи, гдѣ французскій консулъ не смѣетъ даже подтвердить справедливость разсказовъ его.

А Бомпланъ, терпѣливый и неустрашимый сопутникъ Гумбольдта; Бомпланъ, коего непроникаемыя степи Америки столь долго скрывали отъ взоровъ ученой и опечаленной Европы; — Бомпланъ, посвятившій столько лѣтъ печальной неволи своей, отысканію ботаническихъ и минералогическихъ драгоцѣнностей большихъ Кордильеровъ и обширныхъ равнинъ Парагвая; не было-ли-бы несправедливо и не благодарно съ моей стороны, ежелибы я не помѣстилъ его возлѣ тѣхъ, о коихъ упомянулъ?

Потомъ еще путешествуете вы съ братьями Ландерсъ, неутомимыми матросами, твердыми и преданными друзьями; они пишутъ любопытныя описанія свои, какъ написалъ-бы ихъ мужикъ съ береговъ Дуная; они заставляютъ насъ вѣрить: такъ сильно чистосердечіе проглядываетъ въ каждомъ ихъ словѣ.

Кольне, углубляясь посреди полярныхъ льдовъ и останавливаясь только тамъ, гдѣ силы человѣческія изнемогали подъ могуществомъ неба, лишеннаго солнца и земли безъ растительности, Кольне еще выше высокой репутаціи своей.

Испанія, проходящая почти не замѣтно посреди всѣхъ знаменитостей, возвѣщаетъ намъ наконецъ Квироса, пылкаго морскаго разбойника, смѣлаго кормчаго, бросающагося всюду, гдѣ бушуютъ волны, и обогащающаго морскія карты большимъ количествомъ рифовъ, до него невзвѣстныхъ. Квиросъ достоинъ уваженія цѣлаго свѣта, который долженъ помѣстить знаменитое имя его весьма-близко возлѣ имени Кука.

Англичанинъ Себастіанъ Каботъ, равно какъ и Квиросъ, не долженъ быть забыть въ этой росписи, ибо и онъ отличился полезными и опасными открытіями и картами, коихъ точность превышаетъ всякую похвалу.

Тристанъ-да-Кунхъ открылъ Мадагаскаръ всему міру.

Жакъ Картье первый узрѣлъ Канаду.

Кортесъ и Пизарръ, покоривъ, одинъ Перу, открытое Перецомъ-дела-Руа, другой Калифорнію, помѣстили безсмертныя имена свои посреди именъ великихъ людей той эпохи, столь обильной чудесами.

А неустрашимый и ученый Окслей, которой принялъ меня съ такою благосклонностію въ Сиднеѣ и съ коимъ я сдѣлалъ по ту сторону потока Кинкгама, столь трудную, длинную и опасную поѣздку; Окслей, молодой, неутомимый, кому Англія обязана самыми любопытными докуметами на-счотъ

внутренности Новой-Голландіи, по ту сторону Синихъ-горъ, дотолѣ неприступныхъ; Окслей, съ такою точностію начертившій направленіе потоковъ водъ и внутреннихъ рѣкъ этого обширнаго материка, конхъ источникъ и устья еще неизвѣстны; Окслей, который для пользы науки только, боролся съ столькими опасностями, изучалъ столько дикихъ племенъ; неужели онъ не займетъ своего мѣста въ этой славной росписи?

Но изъ всѣхъ этихъ смѣлыхъ изслѣдователей, коимъ географія одолжена столькими драгоцѣнными документами, наиболѣе достойны замѣчанія разсказы Ирландца Мэкъ-Иртона, чудная жизнь коего испытала столько опасностей и бѣдствій. Англійскій консулъ въ Капштадтѣ разсказывалъ мнѣ поиски, самимъ имъ предписанныя для отысканія бѣглеца, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ мнѣ также и опасенія свои при видѣ успѣха.

Отъ Мэкъ-Иртона получены первыя достовѣрныя свѣдѣнія о неизвѣстномъ Томбукту, и, можетъ-быть, пройдетъ еще много столѣтій, прежде нежели мы получимъ новыя и болѣе точныя свѣдѣнія о немъ. Обитатели внутренней Африки гораздо-страшнѣе, нежели степи ихъ, а страсти людскія гораздо-ужаснѣе ярости львовъ и тигровъ.

Матросъ Мэкъ-Иртонъ находился на одномъ ирландскомъ кораблѣ, стоявшемъ тогда на якорѣ въ гавани Мыса Доброй-Надежды; во-время одного маневра, лейтенантъ слишкомъ-жестоко наказалъ его, и взбѣшонный матросъ ударилъ его по лицу. Мэкъ-Иртонъ былъ закованъ сперва въ цѣпи, чрезъ нѣсколько дней сужденъ и приговоренъ къ смерти. Приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе на палубѣ корабля, въ 24 часа, и Мэкъ-Иртонъ, закованный, ожидалъ на бакѣ роковой минуты. Уже свистокъ лоцмана собралъ весь экипажъ, уже протестантскій священникъ исполнилъ свою обязанность *утѣшителя*, какъ вдругъ глубокій ревъ обратилъ взоры всѣхъ на берегъ. Онъ принялъ блѣдный цвѣтъ, такъ-что больно было смотрѣть; море волновалось безъ вѣтра, густыя облака пыли затмѣвали городъ, и на вершинѣ Столовой-Горы блуждали облака мѣднаго цвѣта, падали и поднимались, испещряемые безпрестанными молніями; ураганъ возвышалъ голосъ свой, берегъ ожидалъ жертвъ, океанъ раскрывалъ свои бездны, и корабли, стоявшіе въ гавани, возсылали мольбы къ небу; вдругъ еще стихіи раздражаются, хаосъ и темнота царствуютъ одни. Мэкъ-Иртонъ не хочетъ умирать, не испробовавъ прежде, не можетъ-ли онъ принести какой пользы товарищамъ, столько его любящимъ, и лейтенантъ первый приказываетъ снять съ него оковы. Всѣ якори брошены, всѣ канаты, всѣ цѣпи натянуты бурею; корабль погружается, поднимается, опять ниспадаетъ и опять выпрыгиваетъ; море достигаетъ облаковъ, и небеснымъ чудомъ, одинъ этотъ корабль избѣгаетъ всеобщаго разрушенія.

Гибельная столькимъ кораблямъ буря продолжалось не долго; она еще не совсѣмъ утихла, какъ Мэкъ-Иртонъ, пришедъ въ первобытное положеніе, вспомнилъ происшедшее съ нимъ наканунѣ, забывшись на-время посреди вихря и треска природы. Съ вершины рен, на которой онъ находился, ринулся онъ въ пѣнящіяся волны и отдалъ себя на произволъ вала. Всѣ слѣдятъ за нимъ жадными взорами, всѣ творятъ за него теплыя молитвы, исключая лейтенанта, хотѣвшаго показать надъ нимъ примѣръ для страха всего экипажа. Ночь и буйность облаковъ скрыли скоро бѣднаго матроса, а на другой день лейтенантъ отправилъ на берегъ лодку, приказавъ произвести дѣятельные поиски для поимки бѣглеца.

Напрасные труды; знали точно, что одинъ человѣкъ съ ирландскаго корабля былъ выброшенъ на берегъ; знали также, что онъ избѣжалъ отъ ярости бури, но никто ничего не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось послѣ того.

Предвидя очень-хорошо участь, ожидающую его въ городѣ, Мэкъ-Иртонъ, безъ одежды, безъ пищи, почти безъ силъ, углубился въ степи сосѣднія Столовой-Губѣ, и согласился скорѣе сдѣлаться добычею хищныхъ звѣрей, нежели воротиться на корабль, просить милости, въ коей ему, вѣроятно-бы, отказали.

Тутъ начинается сомнѣніе или, покрайней мѣрѣ, чудесное: Мэкъ-Иртонъ одинъ порукою въ справедливости разсказовъ своихъ, и къ-несчастію, умъ его, помраченный трудами, нуждами и опасностями, создаетъ, можетъ-быть, то, чего онъ и не видалъ. Какъ-бы то ни было, Ирландецъ появился однажды въ Алжирѣ; англійскій консулъ услышалъ первыя его признанія и отправилъ его въ Лондонъ, съ просьбою о помилованіи. Стали допрашивать матроса, собрали по совѣсти самыя сомнительныя слова его, и издали въ свѣтъ разсказъ четырехъ-годичнаго странствованія его внутри Африки.

Онъ убѣжалъ сперва къ Готтентотамъ: находясь тогда въ войнѣ съ Кафрами, они поручили ему начальство надъ экспедиціею. Онъ попалъ въ плѣнъ, но его пощадили и взяли въ дальнѣйшія экспедиціи, и такимъ-образомъ, то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ, Мэкъ-Иртонъ ежедневно удалялся все болѣе отъ колоніи, куда не смѣлъ уже воротиться. Наконецъ, указавъ съ точностію на нѣкоторые африканскіе города, въ существованіи коихъ нельзя было сомнѣваться, онъ говорилъ о Томбукту, откуда онъ отправился на сѣверъ, съ караваномъ, съ коимъ и прибылъ въ Алжиръ. Мэкъ-Иртонъ умеръ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Лондонъ; разсказы его хотя имѣютъ недостатки, но со всѣмъ тѣмъ достовѣрно то, что доставленные имъ документы не мало, можетъ-быть, способствовали къ указанію міру этой дикой и скрытой столицы, существованіе коей уже не задача.

И если послѣ этихъ именъ, изъ коихъ нѣкоторыя славны, мы осмѣлимся наименовать самое знаменитое, то я укажу вамъ того, кто его его носитъ, паря на самыхъ возвышенныхъ вершинахъ Кордильеровъ, изучая Котопахи, воздушные волканы Турбако, роясь въ нѣдрахъ земли, отыскивая неизвѣстныя до него сокровища, изучая степи обѣихъ Америкъ, анализируя орлинымъ взглядомъ своимъ сокровища по части ботаники, минералогіи, орнитологіи, коими онъ расширяетъ предѣлы науки; слѣдуя по теченію рѣкъ, бросаясь въ пропасть съ водопадами, посѣщая обширные города, для того, чтобы описывать ихъ нравы, успѣхи или паденіе; философъ, историкъ, физикъ, астрономъ, тратя на столько работъ суммы, предъ коими задумались-бы многія правительства, и вы найдете этого Александра Гумбольдта, этотъ живой институтъ; дружба его мнѣ драгоцѣнна, а вся жизнь его есть ежедневное, ежеминутное ученіе. Къ-несчастію, увы! мало людей, читающихъ огромные фоліанты его, въ коихъ хранится столько открытій; всякая высокая наука тяжела для того, кто совѣстится не понимать. Есть слишкомъ яркіе лучи, и простой глазъ не смѣетъ ихъ не бояться.

Легко объяснить себѣ, почему, посреди столь славныхъ именъ, я не помѣщаю имена новѣйшія и не менѣе славныя нѣкоторыхъ смѣлыхъ и ученыхъ изслѣдователей, которые такъ усовершенствовали мореплаваніе и обогатили отечество свое недавними побѣдами, моральными и физическими. Тво-

ренія ихъ тутъ, въ рукахъ у всѣхъ, во всѣхъ библіотекахъ, и имъ не нуженъ слабый голосъ мой, чтобы привлечь всеобщее любопытство. Слѣдовать по стопамъ ихъ была-бы большая ошибка, отъ коей я остерегся, и пространство, занятое ими, такъ обширно, что мнѣ позволено было только слѣдовать по узкой тропинкѣ, которую я избралъ.

Слишкомъ опасно было-бы мнѣ идти рядомъ съ ними по большой дорогѣ, съ такимъ превосходствомъ ими изслѣдываемой; но вѣдь тотъ, кто вооружится постоянствомъ и бодростію, на самыхъ тщательно убранныхъ-поляхъ найдетъ еще колосья.

Всего болѣе при чтеніи путешествій люблю я анекдоты. Системы могутъ сталкиваться, сражаться, уничтожаться поочередно (что всегда должно и быть), но происшествія имѣютъ логику сильнѣе: онѣ говорятъ о нравахъ народа, о духѣ эпохи. Благосклонность, съ коею принята была книга моя, не заставляетъ меня соболѣзновать о томъ, что я помѣстилъ много анекдотовъ, въ коихъ каждый можетъ почерпнуть слѣдствія своей философіи. Во-вторыхъ, я не люблю уединенія въ моихъ отважныхъ поѣздкахъ; мнѣ болѣе всего нравится добрый спутникъ, который-бы дѣлилъ со мной радость и печаль. Быть счастливымъ одному, значитъ не быть счастливымъ, и эгоистъ только въ половину наслаждается. Сколько разъ, посреди высокихъ, магическихъ картинъ, открывавшихся взору моему, восклицалъ я: «Ахъ если-бы со мной находились друзья мои, чтобы раздѣлить мои ощущенія!»

Простятъ ли мнѣ то, что я часто бралъ въ товарищи себѣ храбрыхъ матросовъ Нёти и Маршэ, коихъ простодушныя остроты столь часто воодушевляли меня и поддерживали ослабѣвшія силы мои? — Надѣюсь. — Эти два простые ума, эти два сердца столь горячія, великодушныя, эти два желѣзные характера, коихъ не могли ослабить ни бѣдствія, ни печали, эти двѣ преданности при самыхъ ужасныхъ злосчастіяхъ, слишкомъ часто меня защищали и утѣшали, и, вѣроятно, читатели съ удовольствіемъ видятъ ихъ иногда возлѣ меня. Увы! что съ ними сдѣлалось? Какое бѣдное убѣжище прикрываетъ нищету ихъ? Чей дружескій голосъ вознаграждаетъ ихъ послѣ столь опасныхъ переѣздовъ? какого океана волны приняли послѣднее дыханіе ихъ? О! какъ буду благодаренъ я тому, кто увѣдомитъ меня о Пёти и о Маршэ! Тысяча разъ спасибо тому, кто простретъ имъ на пути великодушную руку!

Ежели нѣкоторые превосходные умы вздумаютъ порицать мнимое легкомысліе бо́льшей части разсказовъ моихъ, то пусть они противупоставятъ неудовольствію своему самую натуру правилъ моихъ и характера, столь безпечнаго по-среди самыхъ важныхъ обстоятельствъ. Неужели-же, убитый какимъ-нибудь несчастіемъ, долженъ былъ я и разсказамъ моимъ дать печальный видъ? Нѣтъ, тогда вся книга моя была-бы не что иное, какъ ложь. Тогда только бываешь справедливъ, когда пишешь въ минуту вдохновенія. Вотъ мои замѣчанія, мои очерки; я ихъ не перевожу: я ихъ описываю; то что я говорю теперь, я говорилъ и тогда, когда буря бушевала вокругъ насъ, когда людоѣды грозили намъ своими *кинджалами* (crisch) и дубинами, когда я проходилъ огромныя пустыни, когда, мучимый жаждою, просилъ я воды у безплодной, молчаливой степи; то, что я говорю вамъ теперь есть самое справедливое, самое искреннее выраженіе тогдашнихъ моихъ чувствованій. Болѣе я не обѣщалъ.

Можетъ-быть, не излишнимъ будетъ послѣ этого быстраго очерка, найти здѣсь числа главнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ мореплавателями всѣхъ государствъ. Тутъ увидятъ, что Португалія, столь смиренная и столь ничтожная теперь, играла главную роль въ этихъ столь опасныхъ путешествіяхъ, въ коихъ капитанамъ нужно было болѣе храбрости, нежели учености. Такъ проходитъ всякая слава, такъ засыпаютъ и умираютъ лучшія воспоминанія народовъ.

Эпохи главнѣйшихъ открытій.

Лѣта отъ Р. Х.

Канарскіе острова, мореплавателями генуэзскими и каталанскими . . . . . 1345.
— Иванъ Бетенкуръ покоряетъ ихъ . . . . . съ 1401 по 1405.
Порто-Санто — Тристанъ-Васъ и Зарко, Португальцы . . . . 1418.
Мадера, тѣми-же . . . . . 1419.
Бѣлый-Мысъ, Нунго Тристанъ, Португалецъ . . . . . 1440.
Азорскіе-острова, Гонзалло Велло, Португалецъ . . . . . 1448.
Острова Зеленаго мыса, Антонъ Нолли, Генуэзецъ . . . . . 1449.
Берегъ Гвинеи, Иванъ де-Сантаренъ и Петръ Эсковаръ, Португальцы . . . . . 1481.
Конго, Діего Камъ, Португалецъ 1484.
Мысъ Доброй-Надежды — Діасъ, Португалецъ . . . . . 1486.
Америка (островъ Санъ-Сальвадоръ въ ночь съ 11 на 12 октября) Христоферъ Колумбъ 1492.
Антильскіе острова — Христоферъ Колумбъ . . . . . 1493.
Тринидадъ (материкъ Америки) — Христоферъ Колумбъ . . . . 1498.
Индія (восточные берега Африки, берега Малабарскіе) Васко-де-Гама . . . . . 1498.
Америка (восточные берега), Оіеда съ Америкомъ Веспуціемъ *) . . . . . 1499.
Рѣка Амазанокъ, Винцентій Пинсонъ . . . . . 1500.
Новая-Земля — Кортераль, Португалецъ . . . . . 1500.
Бразилія — Алваресъ Кабраль, Португалецъ . . . . . 1500.
Островъ Св. Елены, Иванъ-де-Нова, Португалецъ . . . . . 1502.
Островъ Цейланъ — Лаврентій Алмейда . . . . . 1506.
Мадагаскаръ, Тристанъ-де-Куна . . . . . 1506.
Суматра — Спквейра, Португалецъ . . . . . 1508.
Малакка — онъ-же . . . . . 1508.
Острова Сондскіе — Абрё, Португалецъ . . . . . 1511.
Молукскіе острова — Абрё, Серрано . . . . . 1511.
Флорида — Понсъ-де-Леонъ, Испанецъ . . . . . 1512.
Южное море — Нюньецъ Бальбоа 1513.
Перу — Перецъ де-ла-Руа . . . . 1515.
Ріо-Жанейро — Діасъ-де-Солисъ 1516.
Ріо-де-ла-Плата, онъ-же . . . . 1516.
Китай, Фернандъ д'Андрада, Португалецъ . . . . . 1517.
Мексика — Фернандъ Кордуанскій 1518.
— Фернандъ Кортесъ покоряетъ ее . . . . . 1519.
Огненная Земля, Магелланъ . . 1520.
Острова Разбойничьи, Магелланъ 1521.
Филиппинскіе острова, онъ-же . 1521.
Сѣверная Америка, Иванъ Веразани . . . . . 1523 и 1524.
Покореніе Перу — Пизарръ . . . 1524.
Бермудскіе острова, Иванъ Бермудецъ, Испанецъ . . . . . 1527.
Новая Гвинея — Андрей Видаста, Испанецъ . . . . . 1528.

*) Это число оспариваютъ, и нѣкоторые писатели утверждаютъ, что это произошло въ 1497-мъ году.

Берега сосѣдніе съ Акапулко, по приказанію Кортеса. . . . . 1534.
Канада — Яковъ Картье, Французъ . . . . . 1534 и 1535.
Калифорнія, Кортесъ . . . . . 1535.
Хили, Діего де-Алмагро. 1536 и 1537.
Акади, Роберваль, Французъ, поселяется на Королевскомъ-островѣ . . . . . 1541.
Камбоія, Антоніо Фаріа-и-Суза, Фернандъ-Мендезъ Пинто . . 1541.
Острова Ликейскіе, тѣже . . . . 1541.
Гейнамъ, тѣже . . . . . 1541.
Японія, на западѣ, Дієго Самото и Кристоферъ Борелло; на Востокѣ, въ Бунго, Фернадъ-Мендезъ Пинто. . . . . 1542.
Мысъ Мендокино, въ Калифорніи, Рюисъ Кабриль . . . . . 1542.
Миссисипи, Москосо Алварадо 1543.
Проливъ Вайгачъ, Стевенъ Борругъ . . . . . 1556.
Острова Соломона, Мендана . . 1567.
Проливъ Фробисгеръ, Сиръ Мартинъ Фробисгеръ. . . . . 1576.
Путешествіе Драке . . 1579 или 1590.
Проливъ Дависа, Джонъ Дависъ . . . . . 1587.
Берега Хили, въ Южномъ морѣ, Педро Сарміенто . . . . . 1589.
Острова Малуинскіе или Фалкландъ, Гавкинсъ . . . . . 1594.
Путешествіе Барента въ Новую-Землю . . . . . 1594 — 1596.
Маркизы де-Мендоца, Мендана 1593.
Санта-Крузъ, Мендана . . . . . 1595.
Земли Св. Духа, де-Квиросъ; Цикладъ, Бугенвиль; Новыя Гебриды — Кукъ. . . . . 1606.
Губа Чезеникъ, Джонъ Смитъ. 1607.
Квебекъ основанъ Самуиломъ Шамплеземъ . . . . . 1608.
Гудзоновъ заливъ, Генрихъ Гудзонъ . . . . . 1610.
Губа Баффина . . . . . 1616.
Мысъ Горнъ, Яковъ Лемеръ. . 1616.
Земля Дименова, Авель Тасманъ 1642.
Новая Зеландія, онъ-же . . . . 1642.
Дружескіе острова, онъ-же . . . 1643.
Острова Соединенные (на сѣверѣ Японіи), де Уріесъ . . . . . 1643.
Новая Британія, Дампье . . . . 1700.
Беринговъ проливъ . . . . . 1728.
Таити — Валлисъ . . . . . 1767.
Архипелагъ мореплавателей — Бугенвиль . . . . . 1768.
Архипелагъ Лузіады, онъ-же. . 1768.
Земля Кергеленъ или Печали . . 1772.
Новая Каледонія, Кукъ . . . . . 1774.
Сандвичевы острова, Кукъ . . . 1778.

Вотъ, безъ-сомнѣнія, много знаменитыхъ именъ, много испытанной храбрости, много странъ, долго неизвѣстныхъ и данныхъ ненасытной Европѣ... Скажите теперь, много-ли побѣдителей или побѣжденныхъ, господъ или рабовъ, властелиновъ или подданныхъ, которые могутъ благодарить небо за столько побѣдъ?

Этимъ ненависть, завистливыя преслѣдованія принцевъ, коимъ они вручали на новыхъ земляхъ право владычества; другимъ ежечасныя, жестокія войны, гдѣ кровь течетъ ручьями и удобряетъ грунтъ, свидѣтель столькаго кровопролитія.

Нигдѣ или почти нигдѣ побѣдъ моральныхъ.

Вездѣ напротивъ пушки и мечи, для утвержденія владычества.

Вездѣ также убійства, смертоубійства, кровавыя мщенія.

Вотъ исторія обѣихъ Индій, исторія новаго свѣта.

Есть-ли, забытый остальнымъ свѣтомъ, какой-либо маленькой островъ, на который-бы Господь смотрѣлъ только съ любовью?

Есть-ли въ нѣдрахъ океана незамѣтная земля, гдѣ дружба воздвигаетъ алтари свои и гдѣ царствуетъ спокойствіе?

Кто знаетъ?

Намъ не остается болѣе материковъ

для открытій; но моря не такъ еще тщательно изъѣзжены, что-бы не оставалось хотя малѣйшей надежды.

О, если мореплаватель проѣзжаетъ быстро, да молчитъ онъ по возвращеніи своемъ!

Оставьте миръ и счастіе въ томъ убѣжищѣ, какое даровано имъ небомъ. Увы! Каролинскіе острова, какъ ни богаты они, скоро испытаютъ судьбу окружающихъ ихъ архипелаговъ. Посію-пору дѣла вели такъ хорошо, что свѣтъ просвѣщенія есть уже не что иное, какъ факелъ пожара.

XXVIII.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Гухамъ. — Хумата. — Прокава.

Моралисту есть чему поучиться и кромѣ розысканія о первобытныхъ народахъ; есть вещи гораздо-любопытнѣе. И вотъ мы именно въ такой странѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь сомнѣніе и неизвѣстность, отчего факты становятся еще ярче и удивительнѣе.

Маріанскіе острова нельзя назвать ни дикими, ни образованными. Тамъ, рука-объ-руку, идутъ древніе нравы и новѣйшіе обычаи. Идолопоклонство и суевѣріе первобытныхъ временъ только въ-половину подавлены фанатизмомъ испанскихъ завоевателей, которые весь этотъ архипелагъ оставили въ наслѣдство своимъ преемникамъ. Европейскіе пороки тамъ безпрестанно борятся съ свободною жизнію туземцевъ, — и то побѣждаютъ ихъ, то сами побѣждены. Европейцы назвали эти острова *разбойничьими* или *воровскими* (Larrons), — и они правы, потому-что туземцы гордятся этимъ качествомъ. Ихъ можно-бы было назвать и *развратными*, еслибъ жители понимали, что значатъ слова *развратъ* и *добродѣтель*, какъ наша нравственность ихъ объясняетъ.—Клянусь вамъ, что это и странно, и поучительно. Противурѣчія такъ близки между собою, что историкъ, вѣрный даже до наивности, будетъ непремѣнно самъ себѣ противурѣчить. Народъ, который вы видите по-утру, вовсе не похожъ на толпу, которую видите ввечеру. Съ такого-то часа до такого—онъ приверженъ къ Римско-Католической церкви, — а съ такого-то по такой—онъ идолопоклонникъ и *чаморръ*. То онъ набоженъ, то ничему не вѣритъ. Человѣкъ укралъ — и весело идетъ къ духовнику своему исповѣдаться въ своемъ воровствѣ. На него наложатъ эпитимію и онъ совѣстливо ее исполнитъ; но въ ту-же самую минуту задумаетъ новое воровство, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, — потому-что и слово *совѣсть* ему неизвѣстно. Посмотрите на эту молодую дѣвушку, которая стоитъ у воротъ; она васъ встрѣтитъ съ самою кокетливою улыбкою и продастъ вамъ

себя за чотки, за бездѣлицу. — Все народонаселеніе здѣсь ходитъ въ церковь; всѣ молятся съ усердіемъ, мужчины по одну сторону, а женщины по другую; они бьютъ себя въ грудь, цѣлуютъ землю съ умиленіемъ; но служба окончена, и всякая религія забыта. — Тутъ просто мужчины, женщины, рѣки, лѣса, долины; жизнь течетъ безъ заботъ; на пути, который каждый себѣ прокладываетъ, нѣтъ терній; люди наслаждаются всѣмъ — и водами, и вѣтромъ, и днемъ, и солнцемъ; всякой вздыхаетъ свободно, и такимъ-образомъ достигаетъ до гроба безъ малѣйшаго раскаянія, или угрызенія, потому-что значеніе добра и зла, порока и добродѣтели, ему не извѣстно. — Но возвратимся къ нашему разсказу.'

Если-бъ добрые Каролинскіе островитяне не навѣстили насъ, то нашъ переѣздъ былъ-бы самый печальный изъ всего нашего длиннаго путешествія. Нѣсколько лучшихъ нашихъ матросовъ послѣдовали за нашимъ другомъ, Лабишемъ; другіе, лежа на рамкахъ, въ жестокихъ конвульсіяхъ, ожидали, что и ихъ очередь скоро придетъ. Маршэ почти не бранился, Віаль уже не училъ фехтовать на средней палубѣ, на которой теперь царствовала тишина, а Пёти сидѣлъ у изголовья умирающаго, стараясь ободрить своими печально-наивными разсказами.

Наконецъ голосъ вскрикнулъ: *Берегъ!* Это были Маріанскіе острова, а пожалуй хоть *Разбойничьи*. Но тамъ, по разсказамъ путешественниковъ, были по-крайней-мѣрѣ прекрасные лѣса, сквозь которые вѣялъ здоровый и прохладный воздухъ; тамъ были воды, свѣтлыя, тихія; тамъ надежда, — а это почти тоже, что счастіе. Посмотрите, какъ на кораблѣ у всѣхъ морщины вдругъ разгладились, всѣ улыбаются, почти шутятъ. На средней палубѣ открыли люки, больные почувствовали вѣтеръ съ земли; они слабымъ взоромъ ищутъ на горизонтѣ горъ, и корветъ, повинуясь свѣжему фордевинду, величественно полетѣлъ къ главному острову архипелага.

Или прежніе мореходцы любили преувеличивать свои описанія, или островъ много потерялъ въ плодородіи и богатствѣ, потому-что вершины горъ, рисующіяся между облаками, голы, дики и увѣнчаны огромными, черными гранитными утесами, волканической породы. Только при подножіи, по мѣрѣ приближенія, взоры отдыхаютъ на нѣсколькихъ купахъ роскошныхъ деревъ. Впрочемъ, когда поднимешься на-гору, то передъ вами развивается обширный и прелестный ландшафтъ пальмовыхъ, кокосовыхъ, банановыхъ деревъ и *римасовъ*, которые окаймляютъ берегъ такими живыми, блистательными картинами, что всѣ мои прежнія воспоминанія какъ-будто исчезли.

Рѣшительно, путешественники не такіе лгуны, какъ говорятъ объ нихъ, — и это я говорю для однихъ моихъ собратій. Тѣхъ-же, которые не хотятъ ничему вѣрить, я не намѣренъ и убѣждать.

Проѣхавъ вдоль Гухамскаго берега (на что употребили мы цѣлые полдня) и коснувшись почти *Кокосоваго* острова, который съ одной стороны закрываетъ рейдъ острова Хуматы, мы бросили якорь въ двухъ кабельтовахъ отъ берега, вблизи испанскаго корабля, прибывшаго наканунѣ изъ Манильи.

Съ рейда видъ берега прелестенъ. Онъ защищенъ тремя фортами: первый называется фортомъ *Всѣхъ скорбящихъ Божіей Матери*, второй *Св. Ангела*, а третій *Св. Викентія*. Сейчасъ уже видно, что вы въ испанскомъ архипелагѣ.

Смѣшная церемонія морскаго салюта произвела при нашемъ пріѣздѣ большое несчастіе. Два солдата здѣшняго гарнизона, вѣрно, непривыкшіе къ стрѣльбѣ изъ пушекъ, были обо-

жжены цѣлымъ зарядомъ. Только здоровое ихъ тѣлосложеніе могло выдержать ужасныя мученія; только усердная помощь нашихъ докторовъ могла спасти ихъ.

Губернаторъ колоніи, прибывшій въ Хумату, чтобъ получить съ трехъмачтоваго *la Paz* новости, который онъ ему привезъ, принялъ насъ съ такимъ искреннимъ радушіемъ, отвелъ нашимъ страдальцамъ такое чистое и просторное помѣщеніе, оказалъ намъ столько уваженія, что мы не рѣшились огорчить его этикетомъ, который показался-бы ему обиднымъ. Черезъ часъ мы уже прогуливались въ залахъ его дворца.

Деревня *Хумата* состоитъ изъ двадцати хижинъ, построенныхъ изъ нѣсколькихъ кокосовыхъ деревьевъ, довольно-хорошо между собою связанныхъ и утвержденныхъ на сваяхъ. Дворецъ Губернатора длиненъ, широкъ, *величествень*, въ одинъ этажъ, украшенъ деревяннымъ балкономъ, съ кухнею и спальнею. Онъ чрезвычайно похожъ на тѣ четыреугольныя, скользкія клѣтки, которыя въ Парижѣ набросаны на Сенѣ для полосканія бѣлья. Впрочемъ потерпите; будетъ еще лучше; Гухамъ откроетъ намъ и другія чудеса.

Что́же касается до ужасныхъ привидѣній, обитающихъ въ этихъ домахъ, на нихъ отвратительно смотрѣть. Вотъ женщины, одѣтыя въ грязную и вонючую тряпку, подвязанную у пояса, и спускающуюся до колѣнъ. Остальное тѣло совершенно-голо; волосы сбиты и грязны, глаза стеклянные, тусклые, зубы также желты какъ кожа; плечи, шея источены проказою, то изборождившею ихъ тѣло, то чаще всего покрывшею ихъ чешуею, какъ у рыбъ. Взглянувъ на нихъ, по-неволѣ отступишь отъ ужаса и страданія.

На мужчинъ еще страшнѣе смотрѣть. Такъ-бы и хотѣлось высѣчь розгами эти здоровыя и широкоплечія существа, которыя противустоятъ всѣмъ болѣзнямъ и страданіямъ и которыя наконецъ потому только умираютъ, что смерть поглощаетъ все. Около нихъ обширныя и прекрасныя лѣса; подъ ногами ихъ самая плодотворная почва; воздухъ, которымъ они дышатъ, чистъ и наполненъ ароматами; вода, которую они пьютъ, свѣжа и здорова; плоды, рыба, которыми они питаются вкусны и изобильны: но лѣность губитъ все; она ложится съ ними въ ихъ койкахъ, она одѣваетъ ихъ грязными тряпками; она осыпаетъ ихъ отвратительными насѣкомыми; она дѣлаетъ ихъ слабыми, ничтожными; она превращаетъ ихъ въ скотовъ. О! я говорилъ вамъ: Хумата обольетъ сердце ваше кровью.

Г. Мединилла, полномочный губернаторъ этого уединеннаго архипелага, г. Мединилла, о которомъ я послѣ поговорю и передъ которымъ я очень-виноватъ, — когда я ему сталъ говорить объ этихъ несчастныхъ существахъ, которыя грѣютъ на солнышкѣ отвратительныя раны свои, отвѣчалъ мнѣ:

— Это народоселеніе отчужденное и осужденное.

— Почему-же?

— Оно поражено проказою. Въ моей столицѣ найдете вы совсѣмъ другое.

— Но жители вашей столицы ѣздятъ однако-же сюда, и я видѣлъ нѣсколькихъ вашихъ служителей, какъ они пожимали руки этимъ несчастнымъ. Развѣ проказа не прилипчива.

— Прилипчива, но если кто изъ моихъ людей заразится, я его прогоню и отправлю на Хумату.

— Такъ не лучше-ли препятствовать этому опасному сообщенію? Не лучше-ли предупреждать подобное несчастіе? Почему не принуждать этихъ людей къ работѣ, которая даетъ силу и гибкость членамъ. Ихъ убиваетъ лѣность.

— Нѣтъ, не лѣность, а нечистоплот-

ность, а этого зла я не могу истребить. Здѣшнее народонаселеніе далеко отъ моей столицы.

— Вы съ такимъ участіемъ говорите о своей столицѣ; неужели она въ-самомъ-дѣлѣ похожа на городъ?

— Похожа, но на отдѣльный, единственный въ своемъ родѣ городъ: это столица, или лѣсъ, какъ хотите.

— Тамъ есть такой-же великолѣпный дворецъ, какъ здѣсь на Хуматѣ?

— Надѣюсь, что вы мнѣ сдѣлаете честь, навѣстите меня, — и тогда сами рѣшите, заслуживаетъ-ли онъ ваши эпиграммы.

— Увы! Хумата меня пугаетъ.

Наши больные однакоже видимо поправлялись, силы ихъ возстановлялись какимъ-то волшебствомъ, — и мы вскорѣ въ состояніи были доплыть до Аганьянскаго рейда, столицы острова Гухама. Берега со всѣхъ сторонъ роскошны и разнообразны, но многочисленные прибрежные рифы, около которыхъ кипятъ и ревутъ волны, заграждаютъ входъ, и даже тамъ, гдѣ мы бросили якорь, можно только стоять въ хорошее время года.

Сильные сѣверные вѣтры дуютъ рѣдко на рейдѣ Св. Лудовика. Онъ защищенъ *Козинымъ* островомъ (l'Ile aux chèvres) и скалою Ороте, на которой построили безполезную батарею. Впрочемъ я рекомендую всѣмъ капитанамъ кораблей лучше приставать у Хуматы, нежели здѣсь, потому-что здѣсь множество подводныхъ камней, которые выказываютъ свои вершины во-время отливовъ. На одной изъ этихъ мадрепорическихъ скалъ построена цитадель и стоила огромныхъ суммъ. Она какъ-будто служитъ защитою острову, но кому вздумается предпринять завоеваніе Гухама?

Когда мы увидѣли, что осуждены пробыть нѣсколько времени на этомъ рейдѣ, столь прелестномъ для пейзажиста и страшномъ для моряка, мы вспомнили, что губернаторъ говорилъ намъ объ одномъ изъ здѣшнихъ острововъ, который прославился пребываніемъ на немъ адмирала Ансона, во-время его большаго путешествія. Г. Медиинилла говорилъ намъ, что на этомъ островѣ найдемъ мы много любопытныхъ памятниковъ. Мы поговорили объ этомъ нашему начальнику, и онъ позволилъ намъ троимъ (Гадишо, Берару и мнѣ) отправиться на лодкѣ. Конечно это было очень-опасно, слѣдственно дерзко, но одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ: *видѣть* то́-же, что́ *имѣть*,—и мы хотѣли обладать. По другимъ-же пословицамъ говорятъ: *на людяхъ и смерть красна*.

Итакъ, оставя друзей нашихъ на корветѣ, мы отправились въ своей скорлупкѣ къ мысу Аганья. Само-собою разумѣется, что Пётти и Маршэ поѣхали съ нами до этого мѣста, очень сожалѣя, что не могли провожать насъ до Тиніана.

Каналъ между Гухамомъ и Козинымъ островомъ имѣетъ не болѣе шести миль въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и не менѣе трехъ въ самомъ узкомъ. Островъ этотъ покрытъ кустарникомъ, бо́льшею частію безполезнымъ. Однакоже тутъ ростетъ дерево *сикасъ*, которое здѣсь зовутъ *фѣдерико*, и которое составляетъ главную пищу здѣшнихъ жителей. Прѣсной воды здѣсь нѣтъ, кромѣ дождевой, собираемой въ резервуаръ, имѣющій четыреста футовъ въ діаметрѣ и, вѣроятно, выкопанный первыми завоевателями Маріанскихъ острововъ. За то берега Гухама представляютъ со всѣхъ сторонъ богатѣйшія и разнообразнѣйшія картины. Подводные рифы продолжаются до Аганьи и оставляютъ только три проѣзда, очень-опасные даже для маленькихъ лодокъ. Первый изъ нихъ противъ Тупунгана, деревни, состоящей изъ пятнадцати хижинъ, которыя Маршэ предложилъ намъ взять приступомъ, послалъ для этого подвига

его одного, вооруженнаго которою-нибудь ногою Пёти. На эту шутку Пёти, котораго голова, вѣроятно, была разогрѣта солнцемъ, отвѣчалъ еще невиннѣйшею шуткою, но Маршэ подставилъ локоть, а Пёти, желая отпарировать ударъ, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду.

Забывъ въ эту минуту, что противникъ его плаваетъ какъ морская свинка, Маршэ, который всегда былъ готовъ на услугу, бросился за нимъ въ-слѣдъ, чтобъ подать ему помощь. Хитрый Пёти только этого и хотѣлъ. Будучи теперь въ этой стихіи сильнѣе его, онъ радъ былъ случаю отплатить ему за тысячи пинковъ, которыми тотъ его наградилъ. Никогда ратоборство не было такъ забавно и разнообразно. Взбѣшенный Маршэ поминутно глоталъ соленую воду, а Пёти быстрыми поворотами безпрестанно избѣгалъ преслѣдованія своего противника.

Мы принудили обоихъ ратоборцевъ прекратить этотъ бой, который замедлялъ наше плаваніе. Однакоже Пёти не иначе согласился влѣзть на шлюбку, какъ послѣ честнаго слова Маршэ, что онъ ему не будетъ мстить за этотъ дружескій поединокъ, гдѣ побѣда въ первый разъ ему измѣнила.

Второй проѣздъ противъ деревни Анигва, столь-же жалкой, какъ и Тупунганъ, и съ такою-же проказою.

Дорога сухимъ путемъ показалась намъ хороша, и мы втроемъ рѣшились дойти пѣшкомъ до Аганьи, отстоящей еще на шесть миль. Почва вездѣ богата и роскошна, деревья особливо сильны и величественны, но обработки никакой, гидравлическихъ работъ никакихъ, чтобъ направить потоки, текущіе съ горъ. Что-же дѣлаетъ Испанія изъ этого чудеснаго архипелага? Какъ-бы хорошо и справедливо было отнять у нея это владѣніе — въ пользу путешественниковъ всѣхъ націй.

Наконецъ мы нашли госпиталь для прокаженныхъ. Я вошолъ туда : это была моя обязанность. Я срисовалъ нѣсколькихъ изъ этихъ несчастныхъ, которые бродили, какъ тѣни, вдоль разваливающихся стѣнъ. Двадцать разъ сбирался я бѣжать изъ этого жилища несчастія и проклятія. Всѣ выдавшіяся части тѣла этихъ страдальцевъ были поражены ужасною болѣзнію. Ни у кого не было носа, а у многихъ и языкъ отваливался по частямъ.

Молодая дѣвушка, по имени Долоресъ, прибѣжала ко мнѣ и умоляла вырвать ее изъ этого живаго гроба. Не видя на ея тѣлѣ никакихъ ранъ, я собственною моею властію хотѣлъ увести ее, какъ вдругъ она упала къ ногамъ моимъ и начала терзаться въ сильныхъ конвульсіяхъ.

Исторія этой дѣвушки коротка и печальна. Она родилась въ Тупунганѣ, и будучи еще ребенкомъ, поняла, что одно бѣгство можетъ спасти ее отъ болѣзни, свирѣпствующей въ этой деревнѣ. Она скрылась въ лѣсу и два года съ половиною жила тамъ, питаясь одними плодами и спавши подъ открытымъ небомъ. Наконецъ эта печальная и кочующая жизнь утомила ее. Она пришла однажды въ Аганью, и при входѣ въ эту деревню, просила въ одной хижинѣ убѣжища. Тутъ жила женщина, которая и приняла ее ласково ; но какъ здѣсь нищихъ нѣтъ, то просьба о убѣжищѣ и показалась ей странною. Великодушная покровительница ея спросила : откуда она?

— Изъ лѣса, отвѣчала дѣвушка.

— Почему изъ лѣса?

— Потому-что я боялась болѣзни Св. Лазаря. (Такъ на Гухамѣ называютъ проказу).

— Почему-жъ ты такъ боишься этой болѣзни?

— Потому-что она заставляетъ очень страдать.

— Кто тебѣ это сказалъ!

— Мой отецъ, который отъ нея умеръ.

— Твой отецъ!

— И сестра, которая также умерла, — и братъ, который уже умиралъ.

— Несчастная! откуда ты?

— Изъ Тупунгапа.

— Бѣги, бѣги скорѣй отсюда, или я убью тебя.

— Пожалуй, убей, но только не выгоняй меня. Я не хочу воротиться въ Тупунганъ.

— Постой-же, постой...

— Что ты хочешь дѣлать?

— Донести о тебѣ губернатору.

Въ тотъ-же вечеръ это существо, прелестное и несчастное, схватили и отвели въ тотъ самый госпиталь, гдѣ нашолъ я ее. Тамъ ее лечили какимъ-то лепёшками съ мокрицами, и отъ болѣзни, которой у нея не было никакихъ признаковъ. Тамъ, безъ защиты, безъ присмотра, окружонная больными и умирающими, она съ твердостію ожидала проказы, которая, по какому-то чуду, щадила ее. Однакоже страхъ лишилъ ее разсудка и сдѣлалъ полу-умной (idiote). Цѣлые дни проводила она въ томъ, что жевала свои волосы, которые были прелестны, и когда встрѣчалась съ незнакомымъ лицомъ, то съ визгомъ бросалась отъ него, падала на землю и каталась въ жестокихъ конвульсіяхъ.

Г. Мединилла, который мнѣ разсказывалъ эту исторію, обѣщалъ, по моей усильной просьбѣ, перевести несчастную изъ этого живаго гроба, въ который она была заключена, если еще болѣзнь не поразила ее. Онъ сдержалъ слово, и я до отъѣзда моего изъ Гухама, видѣлъ уже прекрасную Долорес выздоровѣвшею отъ своего сумашествія и живущею въ одномъ изъ красивѣйшихъ домовъ Аганьи, который ей самымъ великодушнымъ образомъ подарилъ г. Мединилла.

XXIX.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Обозрѣніе внутренности. — Долорида.

Надобно идти назадъ. Я ворочусь въ Аганью черезъ нѣсколько дней.

Что дѣлать въ мѣстечкѣ, въ городѣ, когда подробности всѣ изучены, когда все видѣлъ?

Изъ всѣхъ чувствъ зрѣніе скорѣе всѣхъ пресыщается. Увы! какъ-бы я желалъ еще испытать удовольствіе въ этомъ родѣ!

Видъ красивыхъ и любопытныхъ предметовъ похожъ на тѣ разсказы, которые въ первый разъ такъ занимательны, но во второй уже кажутся холодны. Право не знаю, при какомъ родѣ зрѣлищъ наше вниманіе скорѣе при-

тупилось-бы: при какихъ-нибудь ужасахъ, или при собраніи всѣхъ возможныхъ красотъ?

Проказа—вѣчный гость здѣшнихъ жилищъ. Она ростетъ съ новорожденнымъ младенцемъ; съ робостію провожаетъ его въ отрочество; ростетъ и укрѣпляется съ нимъ вмѣстѣ, одолѣваетъ его въ преклонныхъ лѣтахъ, и повергаетъ его во гробъ, а мы, люди крѣпкіе и здоровые, сердца добрыя и великодушныя, мы идемъ изучать дѣйствіе этой болѣзни, разсматриваемъ страдальца, побѣжденнаго уже ею, какъ-будто это какое-нибудь отрадное зрѣлище, утѣшительная картина, видъ счастія и спокойствія!

Сколько въ насъ противурѣчій, сколько бѣдствій мы себѣ охотно приготовляемъ. Боже мой! развѣ мало всѣхъ тѣхъ, которыя судьба такъ щедро разсыпала на нашемъ жизненномъ пути?

Какъ вѣчный часовой, проказа не прекращается на Хуматѣ, и однакоже я сказалъ вамъ, что есть нѣсколько лицъ, которыя еще не подверглись этой болѣзни. Не радуйтесь, потерпите: у нея руки длинныя и когти острыя. Если она пропустила какое-нибудь существо, не растерзавъ его, то, вѣрно Богъ, котораго могущество сильнѣе, простеръ свою руку и сказалъ: *Довольно!*

Да! Богъ одинъ можетъ побѣждать проказу. Послушайте, что я вамъ разскажу.

Однажды, вставъ ранѣе обыкновеннаго, я вышелъ изъ нашей полу-гошпитальной квартиры, чтобъ навѣстить губернатора. Я началъ опять свои вопросы о виновной безпечности, съ которою позволяютъ здоровымъ людямъ приходить во всякое время къ одержимымъ проказою, обѣдать у нихъ и даже спать.

— Что-же съ этимъ дѣлать? отвѣчалъ онъ.

— Рѣшиться на строгія мѣры и остановить зло въ самомъ источникѣ.

— Развѣ вы остановили-бы Ніагарскій водопадъ?

— Тамъ цѣлый міръ низвергается со скалъ, а здѣсь я не вижу, чтобъ цѣлый міръ погибалъ.

— Значитъ, вы не все видите.

— Какъ, развѣ Хумата не настоящій адъ этого архипелага?

— Нѣтъ! это только чистилище. Тутъ еще иногда есть надежда на спасеніе. Если-бъ небо Маріанскихъ острововъ не было такъ чисто, то надобно-было-бы бѣжать съ нихъ, какъ изъ мѣстъ, которыя посѣтила *vomito-negro* (чума).

— Однако-же съ чумою борятся.

— Но съ проказою нельзя бороться.

— Развѣ люди не могутъ себя предохранить отъ этой болѣзни, убѣжавъ изъ заражонныхъ мѣстъ?

— Сколько разъ я принимался за эти мѣста! Но когда я хотѣлъ примѣрами строгости испугать народъ, знаете-ли, что обо мнѣ говорили въ столицѣ? Что я вольнодумецъ, фран-масонъ, безбожникъ, антихристъ.

— За что-же?

— За то, что на Маріанскихъ островахъ народъ вѣритъ, что все на землѣ дѣлается по волѣ Божіей, что человѣку, постигнутому проказою, предназначено было умереть отъ нея, и что всякой можетъ лечь подлѣ прокаженнаго, не боясь заразы, потому-что тамъ наверху написано, будетъ-ли онъ боленъ, или нѣтъ.

— Всѣ-ли этому вѣрятъ?

— Почти всѣ.

— Такъ въ Аганьи не одна проказа, а двѣ.

— Больше двухъ.

— Такъ я жалѣю объ васъ и о народѣ, который вамъ ввѣренъ.

— Надобно покоритыя своей участи.

— Вамъ король даетъ милліонъ жалованья?

— Развѣ можно заплатить за такое мѣсто, какъ мое? По этому-то губернаторъ Манильи, который мнѣ далъ его,

платитъ мнѣ только сто-тридцать піастровъ въ мѣсяцъ, которыя я частію раздаю несчастнымъ.

— Такъ я объ васъ больше не жалѣю. Но не сказали-ль вы мнѣ сей-часъ, что на Гухамѣ есть адъ?

— Сказалъ.

— Гдѣ-же онъ?

— Не далеко отсюда: въ Маріа-Долоресъ, въ Анжелосъ и въ Санта-Маріа-дель-Тиларъ, — это три мѣстечка, или, лучше сказать, три лазарета.

— Могу я туда отправиться?

— Зачѣмъ? Это ужасное зрѣлище. Болѣзнь тамъ такъ жестока, такъ дѣятельна, что вы увидите обрывки человѣческіе, гуляющіе подъ прекраснѣйшими въ свѣтѣ деревьями, утоляющіе свою жажду въ самыхъ свѣтлыхъ источникахъ, и развалывающіеся во-время прогулки. Туда ходятъ только осужденные.

— Изученіе каждаго предмета осуждаетъ на многія жертвы. Кто лечитъ этихъ больныхъ?

— Никто.

— Такъ вотъ видите-ли, что боятся заразы.

— Совсѣмъ нѣтъ. Если-бъ лазаретъ стоялъ у воротъ Аганьи, (впрочемъ у нея нѣтъ воротъ), въ немъ было-бы столько-же народа, какъ въ моей столицѣ. Только отдаленность дѣлаетъ его пустынею. Я посылаю туда больныхъ.

— Я желалъ бы видѣть Санта-Маріа-дель-Пиларъ.

— Ступайте. День хорошъ. Я вамъ дамъ проводника; и если вы найдете двухъ человѣкъ здоровыхъ, то это будетъ чудо.

— Почему-же *двухъ?*

— Потому-что одинъ уже есть. Это святая, это какой-то ангелъ, которому Богъ покровительствуетъ уже пять лѣтъ... О! это поучительная исторія.

— И справедливая?

— Какъ существованіе проказы.

— Я слушаю.

— Пять или шесть лѣтъ тому назадъ случилось, что на Маріанскихъ островахъ цѣлыя двѣ недѣли не видно было солнца. Облака мѣднаго цвѣта, взгроможденныя другъ на друга, казалось давили насъ своею тяжестію, и хотя вѣтеръ изрѣдка дулъ съ большою силою, но эти неподвижныя массы не трогались съ мѣста, какъ скалы, повисшія въ воздухѣ.

Жаръ былъ удушливый, море колыхалось неправильными волнами, вершины деревъ шумѣли, ручьи всѣ повысохли, и испуганныя стада останавливались неподвижно. Всѣ ожидали ужаснаго событія. Думали, что настаетъ страшный судъ, и церковь съ утра до вечера была наполнена народомъ. Въ одну ночь, тамъ на горизонтѣ со стороны Тиніана (который вамъ надо посмотрѣть и изучить), свѣтящаяся точка озарила пространство; она поднялась, выросла, развилась, какъ будто-бы хотѣла все зажечь. Всѣ въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга, всѣ крестились и на колѣнахъ ходили по улицѣ. Вдругъ облака понеслись съ ужасною быстротою, небо прочистилось, животные воспрянули, ручьи ожили, но земля заколебалась отъ ужасныхъ и повторенныхъ ударовъ. Агриганскій волканъ соединился съ Гухамскимъ: они потрясали землю, опрокинули домы, разрушили мой дворецъ, и посреди этого всеобщаго разрушенія одна церковь осталась неприкосновенною.

Священникъ совершалъ тогда службу. Достойный человѣкъ! Онъ, какъ благовѣститель словъ Божіихъ, не оставилъ алтаря и паствы, и продолжалъ служить во все время. Когда землетрясеніе окончилось, когда природа пришла опять въ свое первобытное, прекрасное состояніе, всѣ воскликнули: Чудо, чудо! всѣ сердца повторяли: Осанна! осанна!

Черезъ нѣсколько дней потомъ добрый священникъ умеръ; но прежде кончины своей онъ умолялъ объ ока-

заніи помощи прокаженнымъ. На смертномъ одрѣ своемъ взялъ онъ торжественное обѣщаніе съ окружающихъ, чтобъ ежегодно одинъ изъ жителей посвящалъ себя на то, чтобъ жить съ этими несчастными и помогать имъ. Это правило съ-тѣхъ-поръ сохранилось, и въ Санта-Маріа-дель-Пиларъ найдете вы особу, которую болѣзнь пощадила.

— Молодой человѣкъ?

— Молодая дѣвушка. Ей было девять лѣтъ, когда она добровольно туда отправилась, чтобъ ходить за больными. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ она тамъ, и не хочетъ оставить опасной своей обязанности. Несчастная умретъ тамъ.

— Я пойду въ Санта-Маріа-дель-Пиларъ, хоть только для того, чтобъ поцѣловать ручку у этой благородной мученицы.

— Вотъ вамъ провожатый. Онъ честный человѣкъ: знаетъ дорогу. Вы черезъ два часа можете туда дойти. Снесите Долоридѣ чотки, она будетъ за васъ молиться.

— Я ей снесу шесть чотокъ и нѣсколько рубахъ.

— До свиданья.

— До вечера.

Мы пошли, я, Пёти и мой проводникъ. Проводникъ шолъ съ видимымъ чувствомъ страха, я съ чувствомъ какой-то тоски, а Пёти потому, что я сказалъ ему: Пойдемъ со мной. Онъ уложилъ все, что̀ нужно, въ чемоданъ и говорилъ мнѣ нѣсколько разъ:

Зачѣмъ мы идемъ туда? Если хотите, я одинъ снесу имъ ваши подарки.

— Я хочу самъ ихъ видѣть.

— Да вѣдь это не красиво. Люди, паршивые съ головы до ногъ.

— Это не паршивость, а проказа.

— Все-равно; это паршивость *нумеръ первый*; говорятъ, что она очень-легко пристаетъ.

— Ты не понимаешь, что̀ значитъ любопытство.

— Извините. Очень понимаю, но любопытство любопытству рознь. Кто суется въ эти болячки и раны, тотъ глупъ... Вы извините, это я сказалъ по дружбѣ.

— Ужъ не слишкомъ-ли это?..

— Можетъ-быть, но когда я съ вами пошолъ, такъ ужъ мнѣ многое надо простить.

— Такъ ты только для меня идешь въ Санта-Маріа-дель-Пиларъ!

— А для кого-жъ? Я вижу, что вы еще мало знаете меня. Посмотрите, какъ я не въ-духѣ, какъ повѣсилъ носъ, ну, а просилъ-ли я у васъ хоть глотокъ водки? Это оттого, что я не хочу, не буду пить. Когда идешь къ несчастнымъ, не надо самому быть счастливымъ.

— Ты добрый малой.

— Да я это знаю, — а вы только сегодня, кажется, это замѣтили.

— Если-бъ я этого давно не зналъ, такъ не пригласилъ-бы тебя идти со мною.

— А! вотъ это я люблю.

Мы сошли съ большой дороги, идущей по берегу свѣтлаго, журчащаго ручья и теряющагося вдали прелестнаго луга. Мы вступили въ лѣсъ, или лучше сказать, въ восхитительный садъ: это были натуральныя аллеи банановыхъ деревьевъ, которыхъ вершины красовались прекрасными кистями плодовъ, защищенныхъ отъ солнца широкими паросолями, которыми природа ихъ снабдила. Далѣе возвышались *римасы*, съ исполинскими своими вѣтвями, съ широкими и бархатными листьями, съ благодѣтельными своими плодами, заставившими дать имъ названіе *хлѣбнаго дерева*. Тамъ всевозможныя роды пальмъ соединялись, какъ братья; вакуа и кокосовыя деревья, раздѣленныя у ствола, соединяли волнующіяся свои вершины, какъ друзья, которые ласкаютъ другъ-друга при свиданіи. Потомъ, цѣлый, безпре-

рывный цвѣтникъ благовонныхъ цвѣтовъ у вашихъ ногъ, и ровный, блестящій, вѣчнозеленый дернъ, въ которомъ нѣтъ ни одного вреднаго насѣкомаго; — а въ воздухѣ стаи влюбленныхъ птицъ, которыя, порхая вокругъ васъ, по-видимому, удивляются, что есть еще существа, двигающіяся и перемѣняющія мѣсто.

Даже Пёти былъ въ восторгѣ, — и выражалъ его своими простонародными, энергическими словами.

— Такъ ты теперь не сердишься, что мы пошли сюда? — сказалъ я ему.

— Здѣсь-то хорошо, — но въ концѣ что̀?

— Увидимъ; — вотъ домà.

— Хороши *дома*. Они также похожи на дома, какъ дворецъ губернатора на *дворецъ*. Чудакъ! четыре стѣны, большую комнату безъ мебели и сарай — зоветъ дворцомъ. Онъ, вѣрно, думаетъ, что мы какіе-нибудь *антиподы*.

— И въ этомъ онъ будетъ правъ.

— Онъ насъ принимаетъ за дикихъ, за глупцовъ...

— Ну, не сердись.

— Да вѣдь смѣшно: *Мой дворецъ! мой дворецъ!* У него только и рѣчи. Ну, а сами посудите, что̀ за дворецъ, въ которомъ нѣтъ погреба, набитаго виномъ? Вѣдь онъ зоветъ тоже *солдатами* какія-то половыя щетки, на которыя вспялили мундиры и эполеты. Я хотѣлъ одному изъ этихъ богатырей дать пинка, такъ онъ упалъ гораздо-прежде, чѣмъ я ногу поднялъ. А ввечеру этотъ-же храбрый гренадеръ щипалъ въ кухнѣ курицу, такую-же худощавую, какъ онъ самъ. Да цѣлую армію этакихъ храбрецовъ, — Маршэ, Віаль, Шоманъ, Бартъ и я, разогнали-бы какъ стадо гусей, вооружась *каболочными* стропами.

— Замолчи, — вотъ мы ужъ и пришли.

— Тѣмъ лучше, а можетъ-быть, тѣмъ хуже.

Шесть развалившихся хижинъ, низенькихъ, построенныхъ на сваяхъ, составляли первую деревню. Около этихъ гробовъ царствовало совершенное безмолвіе. Никого у дверей, ни души на лугу, ни живаго существа подъ тѣнью деревъ. Какой-то холодъ обхватилъ сердце. Съ трепетомъ вошолъ я въ первую хижину. Въ ней былъ всего одинъ человѣкъ, который лежалъ въ койкѣ, повѣшенной на потолкѣ. Онъ посмотрѣлъ на насъ мутными глазами и спросилъ, кто насъ прислалъ сюда? Я ему отвѣчалъ, что мы пришли осмотрѣть деревню и подать какую-нибудь помощь несчастнымъ ея жителямъ.

— Ну, такъ дайте мнѣ что-нибудь.

— Что̀ у тебя болитъ?

— Ничего, — но вы видите, какъ я разрушаюсь.

Ноги его состояли уже изъ однихъ костей, источенныхъ проказою. Пёти безъ-спроса бросилъ ему одну рубашку, и мы съ ужасомъ вышли изъ хижины. Въ другой хижинѣ нашли мы молодую женщину, у которой половина тѣла представляла одну большую рану. У груди ея сосалъ четырехъ-мѣсячный младенецъ. И здѣсь было удовольствіе, —счастіе... можетъ-быть, любовь. Пёти, взволнованный этимъ зрѣлищемъ, хотѣлъ-было бросить ей весь чемоданъ. Въ третьей хижинѣ нашли мы что-то похожее на человѣка; но тамъ, на колѣняхъ передъ больнымъ, стояла молодая дѣвушка и обмакивая толстую тряпку въ чашу съ водою, вытирала ею члены умирающаго страдальца, изъѣденные болѣзнію.

— *Ave Maria*, — сказалъ я ей тихимъ голосомъ (*).

— *Gratia plena*, — отвѣчала она мнѣ, не поворачивая головы.

Когда она окончила свою печальную

(*) Такъ бо̀льшею частію посѣтители при вѣтствуютъ другъ-друга въ Испаніи.

работу, то встала и хотѣла выйти изъ хижины. Тутъ она увидѣла насъ.

— Кто вы?

— Чужеземцы, Французы, пріѣхавшіе недавно въ Гухамъ.

— Сотворите милостыню здѣшнимъ страдальцамъ.

— Что вамъ для нихъ нужно?

— Во-первыхъ усердныхъ молитвъ, а потомъ бѣлья.

— Вотъ бѣлье.

— Богъ да наградитъ васъ!

И она исчезла.

— Куда она пошла? спросилъ я проводника моего, который во все путешествіе не сказалъ двадцати словъ.

— Она пошла помогать другимъ несчастнымъ. Часы ея сочтены.

— Она не выдержитъ этого.

— О! извините. Богъ даетъ ей на это силы. Вѣдь Долорида — святая.

Въ каждой хижинѣ лежали развалины мужчинъ и женщинъ въ койкахъ, или на рогожахъ, и одна молодая дѣвушка успѣвала ходить за ними. Какъ скоро смерть рѣшала чью-нибудь участь, Долорида являлась въ Хумату; ей тотчасъ-же давали двухъ дюжихъ посыльщиковъ, которые, предавъ тѣло землѣ, возвращались одни.

Во ста шагахъ отъ этой деревни, была другая. Тамъ стояло шесть хижинъ, но уже почти всѣ пустыя. Еще сто шаговъ далѣе, на берегу свѣтлаго ручья, были еще три чистенькихъ домика, лучше всѣхъ прочихъ.

— Здѣсь живетъ Долорида, — сказалъ мнѣ проводникъ. Она возвращается сюда ввечеру, когда работа ея вся кончилась.

— Можемъ-ли мы здѣсь переночевать?

— Можете, но мнѣ надо сегодня воротиться. Вы уже все видѣли.

— Молчи, — вотъ Долорида.

Молодая мученица вошла, стала на колѣни, прочла въ полъ-голоса *Pater* и *Ave* — и подала мнѣ руку.

— Вы здѣсь сдѣлали много добра, — сказала она мнѣ. Богъ васъ наградитъ.

— Я хочу сдѣлать больше. У меня есть еще салфетки, платки, гребни, рубашки, и освященныя чотки.

— Чотки! освященныя чотки?

— Самимъ Папою.

— О! подайте, подайте мнѣ ихъ. Я тотчасъ-же вылечу всѣхъ моихъ больныхъ. Я коснусь до нихъ чотками, — и они встанутъ.

— Можетъ-быть, Богу угодно, чтобъ они еще страдали.

— Вы правы; — но, по-крайней-мѣрѣ, они умрутъ съ благословеньемъ Церкви, въ духѣ святости.

Долорида была дѣвушка во всемъ цвѣтѣ лѣтъ, смуглая, почти мѣднаго цвѣта. Верхняя половина тѣла была совершенно-голая. Чистая юбка обхватывала ее у пояса и спускалась до колѣнъ. Ноги и руки ея были прекрасно сложены; чорные волосы волновались по плечамъ; глаза ея наполнены были огнемъ и имѣли въ себѣ какое-то могущество, которое трудно описать; зубы ея были бѣлы, щоки полны, и обнаруживали здоровое сложеніе, которое не могли поколебать вседневные труды. Вѣра поддерживала ее на этомъ трудномъ пути, въ концѣ котораго она видѣла Небо и вѣчное блаженство. Но при этомъ самомъ высокомъ самоотверженіи, при этой божественной нравственности, сколько было у нея глупыхъ суевѣрій, отвратительныхъ сказокъ! Клянусь вамъ, что все это такъ грустно слушать! — И все-таки это ни мало не убавляетъ человѣколюбія и доброты въ характерѣ молодой Чаморры.

Я обѣщалъ ей еще нѣсколько подарковъ прежде моего отъѣзда изъ Гухама, и уже прощался съ нею, какъ вдругъ замѣтилъ, что съ нами не было Пёти. Черезъ минуту онъ пришолъ, но печаленъ, въ слезахъ и въ однихъ своихъ матросскихъ шалварахъ.

— Откуда ты? спросилъ я его.

— Оттуда... изъ хижины какого-то старика, отъ котораго у меня сердце перевернулось.

— Разскажи, что̀ такое.

— Разсказывать не долго.

— Ужь не подрался-ли ты?

— Какой вздоръ! Вообразите себѣ старика, изъѣденнаго болѣзнію до-того, что я скорѣе похожъ на акулу, нежели онъ на человѣка. Меня такъ и обдало. Сперва я ему отдалъ свою куртку, потомъ далъ взаймы свой жилетъ, — тамъ снялъ съ себя рубашку, которой ужъ не возьму назадъ, наконецъ башмаки, которые пусть у него и остаются. Вообразите, у него еще есть ноги, ну, а мои могутъ обойтись и собственною своею подошвою. Не надо подметокъ подкидывать. Фу, къ чорту! какъ на-сердцѣ хорошо, когда сдѣлаешь доброе дѣло!

— Пёти! я тебя уважаю.

— Эхъ! да вы не знаете. . . Этотъ старикъ отчего-то похожъ на моего стараго отца... Нѣтъ! я, по-крайней-мѣрѣ, двѣ недѣли не буду пьянъ.

Когда я воротился въ Хумату, отъ меня пахло какъ отъ мертвеца.

— Ну, что̀? спросилъ у меня г. Мединилла: любопытно-ли это?

— Нѣтъ! это ужасно, отвратительно, убійственно.

— Другой разъ вы, вѣрно, не пойдете.

— Можетъ-быть и пойду.

И однако-же я не пошолъ. Черезъ два мѣсяца спустя, увидѣлъ я въ Аганьянской церкви Долорнду, также свѣжею, прелестною и набожною.

— Ты, вѣрно, не могла наконецъ перенести своей тяжкой обязанности, сказалъ я ей, подойдя, съ участіемъ.

— Нѣтъ, сударь, — отвѣчала она мнѣ очень набожно. Я окончила всѣ свои труды въ Санта-Маріа-дель-Пиларъ.

— Какимъ-же образомъ?

— Больныхъ тамъ уже нѣтъ.

— Они выздоровѣли.

— Умерли.

За два дня передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Гухама все было молчаливо въ домахъ Аганьи; только въ церкви раздавалось погребальное пѣніе. Кого-то понесли хоронить, — и все народонаселеніе потянулось въ-слѣдъ за гробомъ. Мужчины, женщины, Чаморы, Испанцы, шли тихо, покрывъ голову свою печальнымъ *lenzo* и повѣсивъ чотки на шею. Въ десяти шагахъ была приготовлена и могила. Всѣ подошли съ благовѣніемъ, на колѣняхъ и со слезами; всѣ бросили по пригоршнѣ земли. Проказа не щадитъ никого.

Долорида, молодая мученица, возвратилась на небо.

XXX.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Гухамъ. — Аганья. — Праздники. — Подробности.

Испуганный прокаженными, я бѣжалъ и присоединился къ своимъ товарищамъ, которые ждали меня въ Ассанѣ

Это не что иное, какъ мѣстечко, но чистое и хорошо-отстроенное. По всему видно, что столица не далеко. Только четверть мили осталось до нея, а окрестности, обсаженныя благовонными деревьями, превращены уже въ прелестный садъ, гдѣ такъ и хочется отдохнуть. Я тутъ замѣтилъ довольно-странную вещь. Вездѣ, гдѣ мы до-сихъ-поръ встрѣчали кокосовое дерево, было оно прямо, красиво, величественно. Здѣсь оно вдругъ измѣняется и сохраняетъ эту перемѣну до Аганьи. Стволъ его, сперва вертикальный, вдругъ, на высотѣ двадцати, или двадцати-пяти футовъ перегибается и сдѣлалъ почти горизонтальный побѣгъ, очень-длинный, который ни мало не потерялъ своей красоты и роскоши,—вдругъ опять выпрямляется, на разстояніи около двухъ саженъ отъ вершины. Видъ этой своевольной природы очень-любопытенъ; издали это похоже на лѣсъ, погнутый силою урагана.

Я вамъ не буду разсказывать о красотѣ, разнообразіи и роскоши пейзажей, рисующихся передъ глазами, отъ Ассана до Аганьи: никакая кисть, никакое перо не изобразятъ ихъ. Надо молчать и удивляться.

Но вотъ городъ, настоящій городъ, съ широкими и прямыми улицами, съ переулками, съ площадью, церковью, дворцомъ. Все это вамъ не напоминаетъ, конечно, Европы, потому-что вовсе не похоже на то, что вы до сихъ-поръ видѣли; но вы чувствуете, что это недавнее завоеваніе полузаконной образованности. Это еще только одно отраженіе, почти пародія на наши нравы, законы, обычаи, даже на наши пороки и нашу смѣшную сторону; но все-таки это успѣхъ и въ дурномъ, и въ хорошемъ; это шагъ впередъ, это надежда на будущее. Пусть теперь явится сюда, для управленія этимъ архипелагомъ, человѣкъ, который-бы понималъ нравственность, который-бы былъ человѣколюбивымъ реформаторомъ, съ прямою душою и твердою волею,—и на Маріанскихъ островахъ будутъ сограждане, какъ вы и я, будетъ собраніе законовъ, покровительствующихъ всѣмъ и каждому, будетъ религія, руководительница всѣхъ вѣрованій.

Съ такою мягкою природою, какъ здѣсь, все можно сдѣлать: одна великодушная мысль далеко ее подвинетъ. Здѣшній островитянинъ заблуждается потому, что ему еще не растолковали, гдѣ истина и что такое истина. Какъ скоро ему укажутъ прямой путь, повѣрьте, что онъ не сойдетъ съ него. Если первобытные нравы побѣждаютъ иногда новѣйшія узаконенія, то это

отъ-того, что въ послѣднихъ такъ много глупостей, что здравый разсудокъ, свойственный каждому живому существу, отвергаетъ ихъ. Не надобно никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ дѣлать все вдругъ. Богъ всемогущъ, и могъ-бы создать вселенную въ одинъ мигъ, но онъ употребилъ на это шесть дней. И за то какое великолѣпное твореніе это вышло!

Въ Аганьи пять-сотъ-семдесятъ домовъ, изъ которыхъ только пятдесятъ штукатурены. Остальные сдѣланы изъ бамбука, пальмовыхъ деревъ и листовъ, очень-искусно между собою связанныхъ. Всѣ они на сваяхъ, въ четырехъ или пяти футахъ отъ земли. Передъ фасадомъ и позади — садъ, съ отдѣльнымъ огородомъ для табаку и цвѣтовъ. Все это очень-забавно и любопытны. Домы отдѣлены одинъ отъ другаго; въ нихъ входятъ посредствомъ наружной лѣстницы, которую на ночь отнимаютъ. Можно было-бы и оставить ее. Домы состоятъ изъ двухъ комнатъ: въ одной спятъ хозяева; въ другой, противу дверей, дѣти, куры, свиньи, вседневные гости и чужеземцы, которыхъ всегда хорошо принимаютъ. Мебель состоитъ изъ маленькихъ скамеечекъ, коекъ, шиферныхъ досокъ для табаку и иготей, чтобъ толочь сикары. Кромѣ того, нѣсколько образовъ, кокосовыхъ чашъ, вилокъ сандальнаго дерева, чотокъ и лепешекъ, высушенныхъ на воздухѣ. Вотъ полное изображеніе этихъ гостепріимныхъ жилищъ, въ которыхъ жизнь протекаетъ безъ потрясеній, безъ страданій до преждевременной старости; потому-что въ этихъ жаркихъ климатахъ человѣкъ уже считается взрослымъ, когда у насъ едва еще знаетъ, что̀ такое значитъ жизнь.

Единственная площадь столицы украшена дворцомъ губернатора. Это обширный домъ, въ одинъ этажъ, полудеревянный, полу-кирпичный, со множествомъ оконъ и балкономъ, командующимъ, какъ батарея, надъ моремъ и надъ городомъ. Восемь мѣдныхъ пушекъ поставлены однако передъ фасадомъ. Около нихъ ходятъ солдаты въ мундирахъ, и я бьюсь объ закладъ, что вы никакъ не удержитесь отъ смѣха, взглянувъ на тряпки, въ которыя они наряжены. Пестро, странно и никому не въ-пору. Стѣны дворца, недавно еще выкрашенныя, свидѣтельствуютъ о учтивости г. Іосифа Мединилла. Взойдя на верхъ, вы найдете огромную залу, украшенную *настоящимъ* портретомъ Фердинанда VII и живописнымъ образомъ Божіей-Матери-всѣхъ-скорбящихъ, съ которымъ живописецъ поступилъ самымъ безбожнымъ образомъ. Далѣе есть картины, изображающія вступленіе Французовъ въ Мадритъ, въ Валенцію, въ Барцеллону. Солдаты наши представлены съ голыми руками, покрытые кровію и вооруженные кинжалами: они ѣдятъ монаховъ, дѣтей и дѣвушекъ. Видя, что я хохочу, и пожимаю плечами, глядя на этотъ вздоръ, губернаторъ очень серьёзно спросилъ меня: Развѣ это не правда?

— Есть тутъ и правда въ этихъ отвратительныхъ сценахъ, отвѣчалъ я ему съ такою-же важностію, но одни Испанцы употребляли ножи и кинжалы.

Въ тотъ-же день картины были сняты. Губернаторъ очень понялъ всю деликатность своей роли.

Подлѣ дворца приготовлена намъ была квартира. Мы отправились туда и встрѣтили у своего дома пикетъ въ двадцать-четыре человѣка, подъ командою маіора, капитана и пяти или шести поручиковъ и подпоручиковъ. О Шарле, Раффе, Белланже, помогите мнѣ! Какъ-бы мнѣ снять эскизъ хотя съ одного! Это значило-бы всѣхъ срисовать. Всѣ они вылиты изъ одной

формы. Подумаешь, что все это родные братья, или, лучше сказать, *сози*.

Сухой, длинный, изнуренный; складная треугольная шляпа; по концамъ шляпы огромныя шишки съ бахрамою, спускающеюся до плечъ и ласкающею призраки эполетъ, которыя, какъ-будто сдѣлавъ на-лѣво кругомъ, пришли навѣстить плечныя кости. Начальникъ, неимѣющій уже волосъ спереди, сохранилъ за то нѣсколько пучковъ сзади, связанныхъ то чорною, то бѣлою ленточкою, то стянутыхъ маленькою веревочкою, жолтою или красною. У него есть усы, или нѣтъ ихъ, это зависитъ отъ его каприза. Держится онъ также прямо, какъ эти кокосовыя деревья близъ Ассапа, о которыхъ я недавно говорилъ. Въ мундирѣ своемъ плаваетъ онъ съ бо́льшимъ просторомъ, нежели-бы вы надѣли кисейный пудермантель. Спереди его мундира два отворота, которые посредствомъ застежки соединяются подъ подбородкомъ. Сзади мундиръ узкою полосою кончается у нижней части икръ, которыя обвернуты въ штиблеты, да такіе штиблеты, что и ляжки и туловище войдетъ въ нихъ. Портупея чорная или голубая поддерживаетъ шпагу у бедра, шпагу длинную и плоскую *à la Charlemagne*, съ разорванными ножнами. Все это зданіе покоится на башмакахъ тонкихъ и чрезвычайно-остроносыхъ. Вотъ почти весь портретъ. Но при этомъ надобно видѣть выправку этихъ переодѣтыхъ американскихъ комаровъ (maringuoin). Всего забавнѣе и удивительнѣе важный и воинственный видъ, который они хотятъ придать себѣ. Право, можно было-бы предпринять нарочно путешествіе на Маріанскіе острова, чтобъ видѣть, чтобъ разъ взглянуть на главный штабъ во всей формѣ генералъ-губернатора здѣшняго архипелага, управляющаго отъ имени короля *всѣхъ Испаній*.

Послѣ перваго осмотра, два мои друга и я отправились на свою квартиру, чтобъ приготовиться къ большому путешествію въ Тиніанъ, на этотъ островъ древностей. Подлѣ нашей двери была другая дверь, охраняемая часовымъ, который, сидя, курилъ сигару. За этою дверью была тюрьма съ кольцами, вдѣланными въ стѣну. Раздирающіе крики раздались вдругъ оттуда, и я бросился въ эту темную ограду, не будучи ни мало остановленъ часовымъ. Сандвичанинъ былъ тамъ привязанъ къ кольцу, и служитель билъ его по плечамъ и по бокамъ съ такою силою, что куски тѣла висѣли у несчастнаго. Когда я вошолъ, то служитель лѣвою рукою отдалъ мнѣ поклонъ, а правою продолжалъ свое варварское занятіе. Но кто-же поручилъ ему эту экзекуцію? Кто предписалъ ее? Онъ самъ. За какую вину? Сандвичанинъ грубо отвѣчалъ ему. На всемъ островѣ никто въ эту минуту не зналъ о происходящемъ, кромѣ насъ троихъ. По окончаніи наказанія, Сандвичанинъ пошолъ, а служитель бросилъ ему еще подъ ноги суковатую его палку.

У меня было сорвалось строгое замѣчаніе этому служителю, но негодяй пожалъ плечами, засвисталъ и пошолъ, оставя меня одного. Все такъ дѣлается на свѣтѣ. Часто начальникъ добръ и великодушенъ, а помощникъ его золъ и жестокъ. Послѣ льва идетъ тигръ, послѣ орла ястребъ, послѣ барина лакей.

Передъ первымъ обѣдомъ, который намъ далъ губернаторъ, подавали великолѣпный дессертъ, въ которомъ были собраны, почти на хвастовство, всѣ лучшіе фрукты колоніи, и однакоже любезность и предупредительность хозяина играли первую роль. Грандъ испанскій виденъ былъ во всемъ. Г. Мединилла хотѣлъ убѣдить насъ, что въ жилахъ его течетъ благородная кровь Кастильянца. Онъ намъ безпрестанно говорилъ о Европѣ, чтобъ доказать

намъ, что онъ не забылъ всѣхъ ея обычаевъ. Онъ рѣшительно обворожилъ насъ. Вечеръ былъ самый пріятный, и чтобъ увеличить это удовольствіе, губернаторъ выпросилъ у насъ позволеніе привести въ большую залу двадцать дѣвушекъ и мальчиковъ. Ихъ поставили въ два ряда, какъ лилипутовъ, и заставили пѣть чаморрскія пѣсни. Это была гармонія дикихъ кошекъ. Въ заключеніе пѣли они однакоже и испанскія кантаты въ честь своего короля, своей арміи, своихъ согражданъ, своего благороднаго дворянства. Вотъ образчикъ ихъ патріотическаго пѣнія :

Vive Ferdinand,
Des rois le plus grand!
Vive Georges-Trois,
Le plus grand des rois!
Meure Napoléon,
Scélérat et capon!
A cet infâme coquin
Une cravate de lin.
Qu'il vienne jusqu'ici,
Ce sera fait de lui *).

По нашимъ гримасамъ, кажется, г. Мединилла догадался, что стихи эти намъ не нравятся. Онъ отослалъ маленькихъ пѣвцовъ на площадь, спросилъ у насъ позволенія идти отдохнуть и пригласилъ насъ на другой день къ новымъ увеселеніямъ.

Мы вышли изъ дворца и пошли осматривать городъ. Онъ уже весь спалъ глубокимъ сномъ. Народъ здѣсь проводилъ жизнь лежа, или сидя на корточкахъ. Напрасно утренній вѣтеръ вѣетъ имъ свѣжимъ и благотворнымъ дыханіемъ : мужчины и женщины лежатъ, закупорившись въ своихъ койкахъ, или на манильскихъ рогожахъ. У здѣшнихъ островитянъ день продолжается два или три часа, — остальное время ночь. Посмотрите однако на эти сильные мускулы, на эти стройные станы, на эти здоровыя лица, которыя идутъ мимо васъ твердымъ и увѣреннымъ шагомъ. Вглядитесь въ этихъ молодыхъ дѣвушекъ. Глаза пышутъ огнемъ, голова поднята, тѣло гибкое и живое ; она вамъ улыбается, привѣтствуетъ рукою, зоветъ васъ къ себѣ самымъ ласковымъ образомъ, покупать банановъ, арбузовъ и кокосовъ. О! все это жизнь сильная и могущественная. Это роскошная растительность, тяготѣющая надъ Гухамомъ и отѣняющая почву его, которая цвѣтетъ безъ трудовъ и воздѣлыванія.

Во всемъ этомъ есть логика, и причину отыскать легко.

Изъ всѣхъ народовъ земнаго шара Испанецъ, безспорно, самый тщеславный. Онъ хочетъ, чтобъ самые пороки его ему принадлежали и чтобъ добрыя его качества были личнымъ его достояніемъ. Онъ слишкомъ-гордъ, чтобъ заимствовать что-нибудь отъ другихъ, и въ недостаткахъ, и въ добродѣтеляхъ. На Маріанскихъ островахъ отразилась вся Испанія, самымъ удивительнымъ образомъ. Есть однако случаи, и къ-несчастію слишкомъ-рѣдкіе, когда Гухамскій житель рѣшается выйти изъ своей летаргіи : это когда пріѣзжій корабль пристанетъ къ ихъ Архипелагу. О! тогда городъ пробуждается, движется, начинаются распросы, приготовленія предметовъ для обмѣна ; онъ почти счастливъ, что́ я говорю? онъ совсѣмъ счастливъ, потому-что ему, вѣрно, привезли, образовъ, чотокъ, наплечниковъ (scapulaire), освященныхъ Папою. На Маріанскихъ островахъ это такая монета, которая

*) Да здравствуетъ Фердинандъ,
Величайшій изъ королей!
Да здравствуетъ Георгъ-Третій,
Величайшій изъ королей!
Да погибнетъ Наполеонъ,
Злодѣй и плутъ!
Этому негодному бездѣльнику
Пеньковое ожерелье!
Пусть-бы онъ сюда пришолъ,
Тутъ-бы ему и конецъ!

никогда цѣны не потеряетъ. Пастры перемѣнятъ свой курсъ, не будутъ ходить, но реликвіи будутъ всегда выше всего. За нихъ вы можете получить *все*. За изображеніе Св. Барнабе, или Санкто-Джакобо смѣло требуйте всего, что̀ вамъ вздумается, и вы, навѣрное, получите. Испанецъ и Чаморръ все еще борятся между собою.

Нынѣшній годъ былъ счастливъ для Маріанскихъ острововъ. Два русскіе корабля *Камчатка* и *Кутузовъ* были уже здѣсь на Гухамѣ. За ними послѣдовалъ *Рюрикъ*, командуемый г. Коцебу, котораго мы встрѣтили на рейдѣ мыса Доброй-Надежды. Онъ оканчивалъ свое знаменитое путешествіе въ ту самую минуту, какъ мы начинали свое.

Кажется я вамъ говорилъ, что на Аганьи есть священикъ. Онъ одинъ для всей колоніи. Хумата, Ассанъ, Тупунганъ, двѣ или три деревни, островъ Тиніанъ и Ротта, всѣ повѣряютъ ему свои грѣхи, и не-смотря на всю многочисленность занятій, онъ успѣваетъ заняться и своими частными дѣлами. На-примѣръ, каждый день послѣ обѣда, онъ собираетъ къ себѣ кругъ богатыхъ жителей, которые, съ картами и костями въ рукахъ, обкрадываютъ другъ друга, подъ личнымъ покровительствомъ пастора. Онъ мечетъ банкъ, онъ устроиваетъ партіи, и если въ продолженіе дня счастіе ему не благопріятствовало, то онъ посредствомъ искусства борется съ судьбою, и, разумѣется, всегда выходитъ побѣдителемъ. Этимъ не ограничиваются труды брата Кириако. Я не смѣю даже разсказать постыднаго торга, которому онъ предается, для доставленія удовольствія пріѣзжимъ иноземцамъ. Я присутствовалъ при одной проповѣди брата Кириако. Онъ описывалъ адъ и его народонаселеніе. Тамъ только развратныя женщины, отцеубійцы, лѣнивые отцы, пьяницы... ни одного пастора, ни одного губернатора, ни одного алькада. Для нихъ было-бы очень-низко попасть въ эту компанію. А бѣдный Гухамскій народъ, на колѣняхъ, или на корточкахъ, слушаетъ ужасныя эти проклятія, цѣлуетъ съ набожностію землю, бьетъ себя въ грудь, и выйдя изъ церкви, принимается опять беззаботно за свою вседневную жизнь. Такимъ-образомъ, религія составляетъ на Маріанскихъ островахъ занятіе на нѣсколько минутъ. Это привычка, которой слѣдуютъ въ извѣстные часы со всевозможнымъ усердіемъ, но которую всею остальною жизнію опровергаютъ самымъ жестокимъ образомъ. Идутъ въ церковь точно также, какъ садятся обѣдать, какъ ходятъ купаться, какъ лажатся спать. Молодая дѣвушка слушаетъ ваши любовныя рѣчи, она ихъ одобряетъ и соглашается на самые вѣрные залоги своей нѣжности, но вдругъ вечеріи звонъ колокола (*Angelus*) раздался, и она набожно падаетъ на колѣни, забываетъ совсѣмъ объ васъ, читаетъ свою молитву. Когда все это кончено, она продолжаетъ свой романъ, прерванный звономъ.

Братъ Кириако самъ не иначе понимаетъ религію: какъ-же вы хотите, чтобъ народъ зналъ больше его? А какъ-бы легко было вести его къ морали чистой и святой! Онъ такъ добръ, такъ склоненъ къ вѣрованію, такъ жаденъ къ познаніямъ, что ему было-бы довольно имѣть пастора съ чувствомъ добра и разсудка, чтобъ переродить весь народъ. Но Маріанскіе острова — земля изгнанія. Манилья и метрополія посылаетъ сюда только людей, которые ей въ тягость.

Я забылъ вамъ сказать, что по учтивости *міра сего*, пасторъ вручилъ коменданту какіе-то ключи на розовой ленточкѣ увѣряя будто это ключи отъ гроба Господня, и тотъ носилъ ихъ двое сутокъ на шеѣ съ величайшею набожностію. Только въ воскре-

сенье Св. Пасхи возвратилъ онъ ихъ.

Нигдѣ, ни въ Испаніи, ни въ Португаліи, ни въ Бразиліи, не видалъ я столько процессій, какъ здѣсь. Всякой день празднуютъ какого-нибудь патрона, и братъ Кириако поутру и ввечеру обходитъ городъ съ дюжиною мальчиковъ, одѣтыхъ въ красное и бѣлое платье, заставляетъ ихъ пѣть стихи, входитъ въ дома и насильно собираетъ деньги. Правда, деньги здѣсь чрезвычайно-рѣдки, но онъ довольствуется плодами, овощами, ветчиною, живностью. За то у него и столъ хорошъ, и птичный дворъ изобиленъ. Я вамъ говорилъ, что вся Испанія отразилась въ Гухамѣ.

Мы надѣялись, что послѣ страстной недѣли прогулки брата Кириако и мальчишекъ окончатся. Нѣтъ! У него еще мало было провизіи, и пѣніе стиховъ по улицамъ продолжалось. Я не буду вамъ исчислять, какими средствами онъ возбуждаетъ лѣнивую набожность здѣшнихъ жителей въ день самой Пасхи. Это грустно видѣть. Больно и сердцу и разсудку.

Когда я вамъ сказалъ, что испанскіе нравы, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ Гухамѣ, то это была самая наивная правда. Во всей Кастиллии нѣтъ такихъ ревнивыхъ мужей, какъ здѣсь. Зато влюбляйтесь, похищайте ихъ сестеръ, кузинъ, племянницъ, это имъ все равно. Они только отвѣчаютъ за сокровища, которыя у нихъ на шеѣ. За ними смотрятъ они самымъ бдительнымъ обризомъ. Впрочемъ, я думаю, что все это больше въ привычкѣ и словахъ, нежели въ нравахъ. Я увѣренъ, что въ этой нравственности много фанфаронства, потому-что на Гухамѣ совсѣмъ почти нѣтъ убійствъ, а невѣрныхъ жонъ много. Рѣдкость убійствъ должно принять къ свѣдѣнію хоть для того, чтобъ пристыдить просвѣщенную Европу.

Полиція острова поручена — во-первыхъ, алькаду въ каждой деревнѣ, — и тотъ судитъ безъ апелляціи. Послѣ него идетъ *gobernadorzillo* (маленькой губернаторъ) : этотъ назначаетъ наказанія. Горе несчастному, который не съ должною покорностію приметъ присужденную *исправительную мѣру*. Если ему назначено двадцать-пять палокъ, и онъ осмѣлится жаловаться на жестокость наказанія, то тотчасъ-же получаетъ вдвое, — и всякая іереміада безполезна. Очень-убѣдительная логика.

Вообще убійство тогда только называется убійствомъ, когда въ немъ видна какая-нибудь политическая цѣль, то-есть когда убитъ чиновникъ правительства. Если другое частное лицо, то говорятъ, что совершено *мщеніе*. Въ первомъ случаѣ подсудимый повергается въ оковы; производятъ слѣдствіе, и если онъ оказывается виновнымъ, то его отправляютъ въ Манилью, гдѣ, вѣрно, очень удивляются способу гухамскаго судопроизводства. Богачу здѣсь не нужно обращаться къ высшему судилищу, подъ предсѣдательствомъ губернатора, чтобъ получить удовлетвореніе за оскорбленіе, или за покражу; здѣсь посылаютъ за извѣстнымъ разбойникомъ, назначаютъ ему жертву, торгуются, и дѣло сдѣлано безъ суда и палача. Братъ Кириако является къ убитому, читаетъ молитвы, окропляетъ его святою водою; могила вырыта, засыпана, и дѣло съ концомъ. Правосудіе совершилось.

Атаманъ этой шайки разбойниковъ, наполняющихъ ужасомъ всю здѣшнюю страну, нѣкто Эвстафій, первый камердинеръ г. губернатора, который, можетъ-быть, одинъ во всей колоніи не зналъ о его злодѣйствахъ.

Не удивляйтесь, что въ Гухамѣ есть королевская коллегія и нѣсколько школъ. Это только звучныя слова, которыя должны обманывать народъ и пріѣзжихъ. Въ первомъ изъ этихъ заведе-

ній, которое величиною съ маленькой нумеръ гостинницы, учатъ читать и пѣть. Въ прочихъ пробуютъ учить читать и пѣть. Сперва пѣніе, прочее послѣ. Въ церкви никто васъ не заставляетъ держать въ рукахъ *книгу*, но братъ Кіріако непремѣнно требуетъ, чтобы всѣ пѣли. Учитель чтенія получаетъ въ годъ двадцать-пять піастровъ и восемь пѣтуховъ, обученыхъ для боя; музыкантъ-же получаетъ сто піастровъ и двадцать-пять пѣтуховъ, уже бывшихъ побѣдителями въ публичныхъ зрѣлищахъ.

Вотъ это уже отдаляетъ насъ отъ Испаніи. На Гухамѣ есть двѣ прядильни: одна посредствомъ машинъ французскихъ фабрикъ, а другая китайскаго устройства, — и послѣдняя своею простотою и выгодами далеко побѣждаетъ свою соперницу.

Почтеніе сыновъ къ отцамъ здѣсь первая семейственная добродѣтель. Какъ скоро проснется *padre*, котораго всегда дѣти величаютъ титломъ *altezza*, или, по-крайней-мѣрѣ, *sennor*, то уже всѣ дѣти должны находиться около него. Взаимныя ихъ ласки самыя искреннія. Всѣ наперерывъ стараются услужить ему: кто подаетъ платье, кто сигару, кто завтракъ, и никода не произносятъ имя отца, не преклоня голову. Во весь день дѣти заботятся, чтобъ избавить отца отъ всякой заботы и усталости, а ввечеру, послѣ молитвы, которую онъ одинъ имѣетъ право читать въ-слухъ, никто не смѣетъ лечь прежде, покуда глава семейства не ляжетъ въ койку.

Мальчики могутъ жениться четырнадцати лѣтъ, а дѣвочки выходить замужъ — двѣнадцати. Я видѣлъ тринадцатилѣтнюю мать, которая кормила грудью двухъ дѣтей близнецовъ. Впрочемъ эти примѣры рѣдки. Число дѣтей въ каждомъ семействѣ простирается до четырехъ и пяти. Въ Аганьи я зналъ старика, у котораго ихъ было двадцать-семь, и всѣ живы. Г. Мединилла говорилъ мнѣ о женщинѣ въ Ассанѣ, которая считала сто-тридцать-семь прямыхъ потомковъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ поражонъ проказою. Подобные факты, разумѣется, составляютъ исключенія.

Первобытный языкъ здѣшнихъ жителей гортанный, односложный, очень-мудреный. Нашими буквами нѣтъ возможности выразить ихъ произношеніе. Иногда это какое-то болѣзненное хрипѣніе, часто звуки, вырывающіеся изъ носа. Впрочемъ, если по слогу узнается человѣкъ, то надо признаться, что первобытные жители этого архипелага отгадали поэзію. Вѣка и завоеванія сдѣлали только языкъ бѣднѣе, замѣнивъ живыя картины величественною важностію испанскаго языка.

Говоря о каролинскихъ проэхъ и объ ихъ легкости на ходу, Чаморръ выражается, что это *бурная птица, которая разсѣкаетъ вѣтеръ, что это самый вѣтеръ*. Тихое море онъ всегда называетъ *зеркаломъ неба*. А если вы спросите у него, что̀ такое Богъ, онъ вамъ отвѣчаетъ: *Это онъ*. О прекрасномъ днѣ онъ говоритъ, что это *улыбка Всевышняго*. Письмена называетъ онъ *языкомъ глазъ*, страсти — *болѣзнями души*, облака — *воздушными кораблями*, бури и ураганы — *гнѣвомъ природы*. У этого народа, который уже исчезаетъ, языкъ бѣденъ словами, но богатъ картинами. Онъ больше выражается перифразами; не прямо идетъ къ цѣли, а окольными дорогами; Чаморръ всегда рисуетъ красками. Кто тщательно изучаетъ успѣхи и упадокъ народовъ, тотъ легко догадается, что первые обитатели этого архипелага погибли отъ меча завоевателей и что скоро отъ этого удивительнаго, первобытнаго племени ничего не останется, какъ и отъ тѣхъ любопытныхъ и исполин-

скихъ памятниковъ, которые оно оставило и которые такъ много имѣютъ отношеній къ древнимъ развалинамъ, найденнымъ въ Америкѣ. Я объ нихъ скоро поговорю.

Между семействами чистой крови Чаморровъ и сродившимися съ Испанцами существуетъ вѣчная вражда. Первыя презираютъ вторыхъ, а вторыя ненавидятъ первыхъ. Отъ этого происходятъ кровопролитныя ссоры. Изуродованные трупы свидѣтельствуютъ о звѣрствѣ и наступленіи побѣдителя. Мнѣ случалось въ моихъ прогулкахъ брать безъ размышленія двухъ проводниковъ различныхъ вѣроисповѣданій. Сколько-бы имъ ни давали, они ни за что не пойдутъ вмѣстѣ. Испанецъ съ пренебреженіемъ говоритъ : *Это дикой*, а Чаморръ съ грубостію указываетъ на Испанца, говоря : *Это развращенный человѣкъ*. Если умный губернаторъ не прекратитъ этой вражды строгими примѣрами, то эта потомственная месть облечетъ когда-нибудь колонію въ глубокій трауръ.

Уставши отъ моихъ романическихъ прогулокъ, я воротился къ губернатору. Многочисленная толпа, стоявшая подъ сводомъ великолѣпныхъ кокосовыхъ деревьевъ, привлекла мое вниманіе. Я увидѣлъ, что Пётя, взмостясь на толстое бревно, продавалъ маленькіе образа въ два су, или, лучше сказать, вымѣнивалъ ихъ на пьяный напитокъ, приготовляемый изъ кокоса. Я вспомнилъ тогда, что подарилъ ему дрянныя гравюрки, вовсе не религіозныя, и злодѣй теперь перекрестилъ ихъ всѣхъ.

И при этомъ мой злодѣй Пётя, съ матросскимъ своимъ краснорѣчіемъ, разсказывалъ толпѣ, на исковерканномъ испанскомъ языкѣ, самыя забавныя и уродливыя сказки. Какъ скоро онъ меня замѣтилъ, жаръ его усилился, жесты сдѣлались живѣе, разсказы высокопарнѣе, взгляды пламеннѣе. Онъ готовъ былъ увѣрить почти меня самого, также какъ и толпу.

Ввечеру, когда набожные Маріанцы ложились спать, они стояли на колѣняхъ предъ картинками Пёти, молились имъ, били себя въ грудь.

XXXI.

ОСТРОВА МАРІАНСКІЕ.

Гухамъ. — Нравы. — Подробности. — Марикита и я.

Разъ, одинъ изъ тѣхъ людей положительныхъ и точныхъ, съ которыми, къ-несчастію, иногда сталкиваешься въ этомъ мірѣ огорченій, спросилъ у меня, сколько миль отъ Парижа до острововъ Маріанскихъ?

— Десять тысячь миль, отвѣчалъ я.

— Включая и разстояніе отсюда до Гавра?

— Да, воскликнулъ я съ досадою, отъ самаго собора...

Отъ него-то, навѣрное, получилъ я нѣсколько дней тому назадъ, безъименное письмо, адресованное слѣдующимъ образомъ: «Господину Ж. Арагò, литератору и путешественнику, живущему въ домѣ подъ № 10, въ улицѣ Риволи, въ Парижѣ, въ Сенскомъ департаментѣ, во Франціи».

Право, для меня лучше безпрерывное стучаніе маятника большихъ стѣнныхъ часовъ, чѣмъ двухчасовой разговоръ съ этими странными организаціями, — организаціями, для которыхъ вѣрно и точно только тò, чтò вымѣрянно циркулемъ, чтò проведено по линейкѣ... Совершенная точность существуетъ только въ цифрахъ; но не всѣ имѣютъ одинъ и тотъ-же взглядъ на вещи: чтò иному кажется прекраснымъ и великимъ, я нахожу дурнымъ и мелкимъ. Оба мы не лжемъ, оба не обманываемся: мы только чувствуемъ различно. Многіе изъ моихъ спутниковъ были въ восхищеніи отъ острововъ Маріанскихъ, между-тѣмъ, какъ на другихъ они наводили тоску. Я соглашался съ тѣми и другими: на островахъ Маріанскихъ я провелъ часы скучные, и дни, исполненные радости. Будемъ, однакожъ, продолжать наши наблюденія.

Одежда жителей острововъ Маріанскихъ вполнѣ гармонируетъ съ жгучимъ климатомъ этого архипелага. Одежда женщинъ состоитъ изъ легкой кофты, которая, не прикрывая ни плечь, ни шеи, застегивается на груди, двумя или тремя аграфами, и доходитъ, или, лучше сказать, только подходитъ къ *талыи*, но не доходитъ до юбки, привязанной широкою лентою. Юбка эта доходитъ почти до сгиба ступни, и обыкновенно сшивается изъ пяти, или шести мадрасовыхъ платковъ. Оконечность ногъ и голова, съ ея длинными, густыми, прелестными волосами, перевязанными весьма низко, бываютъ обнажены. На груди и на рукахъ, вы видите освященныя чотки. Когда женщины эти идутъ къ обѣднѣ, или слушаютъ ее, у рѣдкой изъ нихъ не бываетъ на головѣ, вмѣсто граціозной испанской мантильи, пестраго платка, который онѣ поддерживаютъ, подъ подбородкомъ, рукою. Когда могутъ, онѣ, большою частію, носятъ мужскія шляпы, и я не могу высказать вамъ, какъ много важности, силы, независимости и чего-то господствующаго въ этихъ избранныхъ природахъ, — природахъ, въ которыхъ жизнь раз-

вивается такъ рано и такъ могущественно.

Молодыя гухамскія дѣвушки не ходятъ, а какъ-то прыгаютъ; въ нихъ болѣе хорошаго, болѣе величія и не менѣе кокетства, чѣмъ въ Андалузянкахъ. Не надѣйтесь заставить гухамскую дѣвушку опустить глаза передъ огнемъ или наглостію вашего взора: она никогда не откажется отъ этого боя и всегда выдетъ изъ него побѣдительницею. Не вздумайте также казаться передъ ней гордымъ: вы встрѣтите въ ней еще болѣе гордости. Молодая дѣвушка на островахъ Маріанскихъ куритъ и жуетъ табакъ; сигара ея — вещь объемистая; держать во рту сигару дюймовъ въ шесть длиною и линій до восьми въ діаметрѣ, составляетъ у этихъ дѣвушекъ изысканное кокетство.

Мужчины носятъ длинную рубашку и широкіе весьма-короткіе, панталоны, на верху завязываемые. Голова и оконечность ногъ бываютъ у нихъ обнажены. Походка ихъ, также какъ и походка женщинъ, отличается какою-то свободою, какимъ-то молодечествомъ, которое удивительно идетъ къ ихъ чрезвычайно-стройному стану, (ростъ ихъ, однакожъ, не великъ); и мускулы ихъ, очерченные подобно мускуламъ Геркулеса Фарнезскаго, образуютъ рѣзкіе выступы, при малѣйшемъ движеніи этихъ людей. Но все это, повторяю вамъ, составляетъ жизнь ихъ въ дни исключеній, въ часы, такъ-сказать, жертвуемые необходимости; потому-что, по своей всегдашней привычкѣ, они проводятъ въ покоѣ и спѣ бо́льшую часть столь прекраснаго существованія.

Цвѣтъ лица у жителей острововъ Маріанскихъ темно-желтый; но зубы, — когда они не повреждены, благодаря нелѣпому употребленію бетеля и табаку, посыпаннаго известью, — имѣютъ бѣлизну удивительную. Глаза ихъ велики и блестящи; а ноги, и особенно у женщинъ, чрезвычайно-малы и хорошо образованы, — что̀ весьма-замѣчательно въ странѣ, гдѣ не многіе употребляютъ обувь.

Нѣтъ сомнѣнія, что чаморрскія дѣвушки, выходя за-мужъ, никогда не принимали именъ мужей своихъ; и нынѣ, не-смотря на продолжительное владычествованіе Европейцевъ, этотъ старинный обычай еще торжествуетъ надъ волею законодателя. Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, вмѣстѣ съ нѣкоторыми путешественниками, что женщины играли нѣкогда первую роль на этомъ архипелагѣ? Подобные вопросы не легко разрѣшить въ отношеніи къ странѣ, которой исторія и преданія проходятъ чрезъ столько завоеваній и убійствъ, и предстаютъ предъ насъ уже въ столь сомнительномъ свѣтѣ. Всѣ нравственныя побѣды Испанцевъ въ обѣихъ Индіяхъ одержаны мечомъ: фанатизмъ не поступаетъ иначе.

Нигдѣ въ свѣтѣ не господствуетъ такъ суевѣріе, какъ господствуетъ оно здѣсь. Когда какой-нибудь мужчина вывихнетъ себѣ вечеромъ руку или ногу, это значитъ здѣсь, что онъ утромъ плохо молился; когда у какой-нибудь дѣвушки сгорятъ ея лепешки, это оттого, что она, проходя мимо капеллы Св. Дѣвы, не сотворила молитвы. Точно, какъ-будто Всемогущій Властитель вселенной, только и печется о нихъ однихъ; какъ-будто Онъ участвуетъ въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ ихъ жизни...

Случилось, что загорѣлся домъ, смежный съ жилищемъ дона Лудовика Торреса (don Luis de Torres), — перваго сановника колоніи и задушевнаго друга губернатора. Ударили въ набатъ. Когда мы прибѣжали, домъ, о которомъ сказано, былъ уже объятъ пламенемъ, но никто не тушилъ пожара:

Смѣльчаки матросы наши—ихъ было трое — бросились въ огонь, стараясь увлечь своимъ примѣромъ туземцевъ.

— За-чѣмъ пытаться сдѣлать невозможное? сказалъ мнѣ жалобно донъ Лудовикъ. Пусть горитъ: никакая человѣческая сила не потушитъ пожара.

— А почему?

— Потому, что тотъ, кому принадлежитъ этотъ домъ, выходя изъ церкви, въ прошлое воскресенье, не взялъ святой воды.

Это зловѣщее предсказаніе не сбылось однакожъ: наши молодцы матросы потушили пожаръ, и смежные дома были спасены отъ бѣдствія, почти неизбѣжнаго.

— Теперь вы видите, сказалъ я суевѣрному сановнику, что трудъ и смѣлость торжествуютъ надъ событіями.

— Здѣсь восторжествовала не смѣлость.

— Такъ, стало-быть, трудъ?

— И не онъ.

— Такъ что-же?

— Богъ. Я замѣтилъ, что безстрашные матросы, которыхъ вы указали мнѣ, были вчера въ церкви, предъ образомъ Св. Іакова, и набожно прикладывались къ его мощамъ...

Увы! въ числѣ этихъ людей былъ Маршэ, и я отвѣчаю, что донъ Лудовикъ не видалъ его у мощей Св. Іакова Компостельскаго.

Чаморръ, по своему притворству, по своей физіономіи и особенно по своей страсти къ хищничеству, походитъ на Китайца. Лишь только войдетъ онъ въ комнату, его испытующій взглядъ уже отыскиваетъ ему вещи, которыя будутъ имъ украдены; онъ крадетъ все, что ни попадется ему подъ руку, крадетъ съ возмутительною наглостію, съ возмутительнымъ цинизмомъ; и если вы вздумаете наказать его за кражу, наказывайте за двѣ, потому-что онъ, навѣрное, стянетъ еще что-нибудь во-время самой *операціи*.

Онъ воруетъ, однакожъ, не по необходимости, а по инстинкту, — быть-можетъ, по привычкѣ, быть-можетъ, даже по своимъ религіознымъ понятіямъ. Онъ охотно украдетъ картофелину, чотки, лепешку, самый простой сосудъ, и потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, броситъ украденное. Что не принадлежитъ никому, не искушаетъ его вовсе; что принадлежитъ вамъ, будетъ принадлежать ему, лишь-бы онъ завидѣлъ вашу вещь своимъ хищническимъ взглядомъ. Вечеромъ, когда дневные подвиги его бываютъ кончены, онъ не краснѣетъ отъ стыда при мысли о своихъ проступкахъ; онъ, какъ крокодилъ въ баснѣ, жалѣетъ только о томъ, что добыча его не была лучше, не была обильнѣе, и собирается пуститься на другой день въ новые поиски. Чаморры вполнѣ достойны названія *воровъ*, которымъ заклеймили ихъ мореплаватели.

Но я покину на-время эти печальные остатки первобытныхъ нравовъ, — остатки, которыхъ не могли истребить суровые и нерѣдко жестокіе законы: позвольте мнѣ отдохнуть мыслію на одномъ изъ тѣхъ эпизодовъ, благодаря которымъ, душа путешественника, измученная *дикостію* и безнравственностію, становится снова доступною сладостнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ ощущеніямъ. Маркита, также-какъ Рувьеръ, также-какъ Пёти и Маршэ, также-какъ каролинскій Таморъ, о которомъ я говорилъ вамъ прежде, никогда не выйдутъ изъ моей памяти; а память у меня — жизнь сердца.

Въ Хумату прибылъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ, малой приземистый, проворный и живой. Онъ вызвался исправлять наши коммиссіи, и я взялъ его въ проводники, въ самый день нашего пріѣзда. Мы возвратились уже поздно, послѣ заката солнца. Во-время этого странствованія, я узналъ, что онъ изъ Аганьи и женатъ на хорошенькой женщинѣ, у которой еще болѣе хорошенькая сестра, по имени Маркита.

— Этотъ піастръ тебѣ, сказалъ я

моему проводнику: этотъ платокъ женѣ твоей, а этотъ освященный крестикъ — твоей сестрѣ. Доволенъ-ли ты?

— Она будетъ еще довольнѣе.

— Кто, она?

— Марикита.

— Почему такъ?

— Она просила меня принести ей что-нибудь священное.

— Стало-быть, она очень-набожна?

— Она молится усерднѣе всѣхъ насъ.

— А сколько ей лѣтъ?

— Четырнадцать.

— Она еще не за-мужемъ?

— Она отказала десяти, — какое десяти,—двадцати женихамъ, и часто плачетъ, а о чомъ, мы не знаемъ.

— Развѣ ты не спрашивалъ, о чомъ она плачетъ?

— Спрашивалъ; но она говоритъ, что мы не поймемъ ее, что она *не здышшня*; что она страдаетъ внутренно; что ей снятся, всякую ночь, демоны и ангелы... она говоритъ еще, что скоро убьетъ себя: можетъ-статься, она сумасшедшая?

— Быть-можетъ.

— Вчера, однакожъ, она смѣялась, когда шла въ церковь... Видите: она шла туда, въ первый разъ принарядивъ голову платочкомъ... мы вѣдь не богаты.

— Такъ вотъ отдай твоей дурочкѣ Марикитѣ этотъ красивый платокъ: пускай она надѣнетъ его, когда пойдетъ молиться Богу.

— О, прошу-же васъ, навѣстите Аганью... если-жъ вы не будете у насъ, сестра моя придетъ сюда благодарить васъ; а намъ-бы не хотѣлось этого, потому-что мы боимся проказы.

— Скажи ей, что я навѣщу васъ.

— Васъ зовутъ?

— Арагò.

—Синьйоръ Арагò, сестра моя будетъ ждать васъ у дверей, покрывъ голову вашимъ платкомъ. Вы увидите, какая она хорошенькая! Ея домъ — четвертый, по лѣвой рукѣ, передъ королевскою площадью.

— Не забуду. Adios.

— Adios, синьйоръ.

Вечеромъ, во-время прибытія моего въ Аганьи, я въ-самомъ-дѣлѣ замѣтилъ, въ назначенномъ мѣстѣ, молодую дѣвушку, которая стояла у воротъ дома, между-тѣмъ, какъ вокругъ насъ толпился народъ, желавшій насъ видѣть вблизи и слышать разговоръ нашъ. Я посмотрѣлъ на Марикиту украдкою, для того, чтобы не обратить на себя ея вниманія; потомъ, когда наступила ночь, я подошолъ, подъ какимъ-то предлогомъ, къ ея дому. Въ немъ всѣ стояли на колѣнахъ, по случаю молитвы. Марикита говорила громко; прочіе отвѣчали въ-полголоса. Наконецъ всѣ уже намѣревались встать, какъ вдругъ я услыхалъ слѣдующія слова:

— *Отче нашъ*, за синьйора Арагò.

И молитва эта была произнесена набожно, тихо. Я взошолъ по наружной лѣстницѣ, состоявшей изъ четырехъ или пяти ступень, и постучался въ полуотворенную дверь. Марикита вспрыгнула, будто газель, которую захватили въ-расплохъ въ ея логовищѣ.

— Это Арагò! воскликнула она.

— Нѣтъ.

— Арагò.

— Кто сказалъ тебѣ это, Марикита?

— Ты самъ: ты Арагò.

И бѣдная дѣвушка то благоговѣйно цѣловала маленькое распятіе, которое отдалъ ей, отъ моего имени, братъ ея; то, устремляя на меня свои большіе, влажные глаза, которые говорили мнѣ: «Все это для тебя.» — Мнѣ предложили скамью; Марикита улеглась на толстой цѣновкѣ, положивъ голову на мои колѣни; прочіе,—семейство Марикиты,— расположились тамъ и сямъ, въ той-же комнатѣ.

— Хочешь табаку? сказала мнѣ эта

хорошенькая дѣвушка; хочешь кокосъ, цѣповку, гамакъ, поцѣлуй?

— Я хочу всего этого.

— Ты получишь все, но отъ меня одной: я одна хочу служить тебѣ.

Это было, божусь вамъ, ощущеніе новое, неожиданное.

Съ самаго выѣзда моего и до этого дня, я слышалъ всюду, — за исключеніемъ одной Діэли, — только угрозы, только дикіе, гнѣвные крики. А здѣсь,— пріятный голосъ, ласковыя слова, благодарность; здѣсь, два чорныхъ, нѣжныхъ глаза, которыхъ не сводили съ меня; двѣ хорошенькія ручки, которыя простодушно отдавали въ мою волю; радость на всѣхъ лицахъ, улыбка на всѣхъ губахъ. Мнѣ казалось, что я въ новомъ мірѣ. Я и былъ въ немъ въ самомъ-дѣлѣ. Братъ пришолъ спустя часъ послѣ меня.

— Вотъ онъ! воскликнула Марикита, бросившись къ нему на шею: вотъ онъ! благодарю, братецъ.

— О, я былъ увѣренъ, что онъ навѣститъ насъ.

— А я нѣтъ.

— Вы долго пробудете здѣсь?

— Мѣсяца два, или три.

— А потомъ, сказала Марикита дрожащимъ голосомъ: потомъ, вы уѣдете?

— Да.

— Вашъ крестикъ не освященъ, сказала она, вставая; вотъ вашъ платокъ и ваше распятіе: не нужно мнѣ ихъ...

Она отворила дверь, перепрыгнула черезъ ступени лѣстницы и исчезла во мглѣ, которая уже покрывала землю.

Я провелъ ночь въ гамакѣ. Долго безпокоило меня это неожиданное бѣгство, безпокоившее и все семейство; но наконецъ, я заснулъ, побѣжденный неодолимою силою сна. Когда я проснулся, передо-мною была Марикита: она сидѣла на скамейкѣ и тихо качала мой гамакъ, веревкою, добытою изъ кокосоваго дерева.

— А, ты здѣсь! надѣлала ты намъ горя!

— У меня было много своего.

— Но теперь нѣтъ?

— О, горе не проходитъ такъ скоро; оно придетъ, да ужъ и останется.

— Гдѣ-жъ ты провела ночь?

— Тамъ, подлѣ церкви. — Я просила у Бога...

— Чего?

— Я молила его, чтобы онъ послалъ тебѣ здоровье мѣсяца на два, или на три, а потомъ — тяжолую болѣзнь.

— Благодарю за желаніе.

— Если небо милостиво, оно исполнитъ мои желанія. Больной вѣдь ужъ не уѣзжаетъ, не странствуетъ, а остается тамъ, гдѣ онъ есть... Когда-бъ ты зналъ, какъ хорошо, какъ счастливы бываютъ на Гухамѣ, и особенно здѣсь, въ Аганьѣ! Видишь: можно построить два дома, одинъ подлѣ другаго; можно повѣсить два гамака, тоже очень-недалеко одинъ отъ другаго; можно любить другъ-друга и молиться вмѣстѣ Богу... Теперь, скажи, развѣ я не должнаго просила у Него?

— Такъ ты любишь меня, Марикита; любишь, хоть я вовсе не заслужилъ любви твоей?

— Не знаю, люблю-ли я тебя; но, видишь: всю нынѣшнюю ночь, мѣсяцъ былъ чудно хорошъ; весь нынѣшній день, солнце будетъ прекрасно... и оба они все также будутъ прекрасны, покамѣстъ ты не уѣдешь отъ насъ.

— Однакожъ, вотъ поднимается большое облако: оно закроетъ солнце.

— Ахъ! это отъ-того, что ты уѣдешь.

Глаза Марикиты наполнились слезами; она перестала качать мой гамакъ и, казалось, ждала, чтобъ я разувѣрилъ ее. Увы! мнѣ было невозможно успокоить ее... Но я старался дать ей понять, что у меня есть обязанности, которыя я долженъ исполнить, и что дружба ея ко мнѣ, безъ сомнѣнія,

не что иное, какъ увлеченіе благодарности. При послѣднихъ словахъ, она быстро встала, бросилась къ мѣсту, гдѣ горѣли смолистые сучья, и бросила въ огонь платокъ, который я подарилъ ей. Едва лоскутъ его могла спасти сестра ея; но Марикита вырвала у ней этотъ лоскутъ, и опять бросила въ огонь.

— Дитя! сказалъ я ей: у меня есть платки гораздо-красивѣе этого; я подарю тебѣ ихъ всѣ.

— Я сожгу ихъ!

— У насъ, Марикита, дарятъ только тѣмъ, кого любятъ.

— Стало-быть, ты любишь меня?

— Да.

— Твоя любовь лучше всѣхъ твоихъ подарковъ: ты не уѣдешь, потому-что любишь меня.

Марикита повеселѣла. Принявъ участіе въ домашнихъ хлопотахъ родныхъ своихъ, она громко прочла утреннія молитвы, и принесла мнѣ кокосовый орѣхъ, открытый чрезвычайно-ловко; потомъ явились чудные бананы и освѣжающій, превосходный арбузъ.

Но я еще не зналъ, что̀ думать о любви Марикиты, любви столь простодушной и вмѣстѣ съ тѣмъ столь пылкой. Я полагалъ всегда, — и наблюденія мои подтверждали мысль мою, — что ощущенія самыя сладостныя, любовь, дружба, благодарность, составляютъ результатъ цивилизаціи... Мнѣ казалось, что рабъ, благодаря милостямъ своего господина, можетъ забыть жажду мщенія, можетъ покинуть желаніе получить свободу; но любовь, но симпатія между этими двумя природами, столь различными и, такъ сказать, столь противуположными, я считалъ невозможною.

Марикита была исключеніемъ въ странѣ, которая, сама-по-себѣ, составляла также исключеніе; она усвоила себѣ изъ нравовъ отчизны своей только то̀, чего не могла не усвоить, покоряясь мощному вліянію сферы, въ которой тихо шла жизнь ея. И если-бъ я не чувствовалъ къ Маринитѣ одной изъ тѣхъ привязанностей, которымъ мы покоряемся не рѣдко, вопреки разсудку, мнѣ было-бы легко найти въ этой милой дѣвушкѣ нравственную сторону, достойную изученія... Я могъ, однакожъ, наблюдать надъ ней. Такъ, на-примѣръ, я замѣчалъ, что любовь ея ко мнѣ становилась страстнѣе, когда Марикита простодушно высказывала ее отцу своему или сестрѣ своей.

Когда Марикита была весела, ей говорили: *Ты, вѣрно, видѣла его?* Если-жъ въ глазахъ *ея* была видна печаль, ей замѣчали, улыбаясь: *Онъ придетъ.*

Марикита сопровождала меня на охоту; ея опытный взглядъ указывалъ мнѣ птицу издали; а когда усталость, или потребность сна вынуждали меня къ отдохновенію, это милое дитя, не терявшее своей энергіи и подъ вліяніемъ жара, охраняло меня отъ насѣкомыхъ, которыми исполнены лѣса на островахъ Маріанскихъ. Увлекаемая своимъ безразсуднымъ желаніемъ, чтобъ я поселился на Гухамѣ, она приносила мнѣ плоды самые освѣжающіе, и по-временамъ, какъ-бы для того, чтобъ испугать меня, указывала на взволнованное море; въ эти минуты она не говорила ни слова, но за то взоръ ея старался прочесть въ душѣ моей тайну, которую я скрывалъ отъ нея. Бѣдное дитя! день разлуки былъ не далекъ.

Разъ вечеромъ, когда страшная гроза, передъ которой было ощутительно сильное потрясеніе земли, заставила меня остаться у Марикиты, я говорилъ ей о томъ, какъ̀ грустно будетъ мнѣ уѣхать отъ нея.

— Ты покинешь меня гораздо-скорѣе, чѣмъ думаешь, сказала она печально.

— Почему такъ?

— Потому, что ты умрешь черезъ нѣсколько дней.

— Кто сказалъ тебѣ это?

— Вѣдь ты ѣдешь въ Тиніанъ?

— Да.

— Видишь-ли: ты поѣдешь туда на проѣ, а проп опрокидываются часто... тебя можетъ застать такая-же гроза, какъ теперь, а ты не умѣешь плавать.

— Такія грозы, какъ теперешняя, бываютъ здѣсь рѣдко.

— Бываютъ однакожъ; и когда случаются, несутъ гибель.

— Ты будешь молиться за меня, Марикита.

— Буду; но сначала за себя.

Въ день отъѣзда моего на островъ, обильный древностями, Марикита проводила меня до берега молча; она только указала мнѣ, взоромъ и рукою, на облака, которыя, по направленію вѣтра, быстро неслись къ Тиніану.

Передъ самымъ отплытіемъ, я сказалъ ей, сколько могъ ласковѣе.

— До свиданія, Марикита; черезъ недѣлю я опять буду у тебя.

— Или я у тебя.

— Ты принесешь мнѣ несчастіе, Марикита.

— Я возвращу тебя то, что принесъ мнѣ ты самъ.

— Будешь-ли ты любить меня вовремя моего продолжительнаго отсутствія?

— Какъ-же не буду я любить, когда люблю теперь?

Въ Европѣ такое заключеніе не было-бы логическимъ, и я, сознаюсь, почувствовалъ себя униженнымъ передъ простодушною дѣвушкою.

Поѣзка моя на Тиніанъ продолжалась недѣлю. Въ-теченіе этого времени мой маленькій крестикъ былъ повѣшенъ, какъ вкладъ, у подножія распятія, украшавшаго главный алтарь; а мой красивый платокъ, который Марикита такъ граціозно накидывала себѣ на головку, вовсе не былъ вынутъ изъ своего заключенія.

— Молитвы, сказала мнѣ Марикита: никогда не равняются пожертвованіямъ; если-бъ я не отдала мои сокровища Богу, если-бъ я не перестала носить мой платокъ, еслибъ я ѣла sandias (арбузы) или бананы, ты умеръ-бы.

— Стало-быть, я обязанъ тебѣ жизнію.

— Да.

— Тѣмъ лучше: жизнь съ такою любовью, какъ твоя, есть счастіе.

— Счастіе? А до конца двухъ или и трехъ мѣсяцевъ, которые ты пробудешь здѣсь, ужъ не долго...

— Я не забуду тебя никогда.

— Бѣдный другъ!..

Привязанность Марикиты не только не уменьшалась, но еще становилась съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе. Марикита сопровождала меня всюду, и я не могу пересказать вамъ, какого труда, какихъ лишеній стóило ей иногда избавить меня отъ какого-нибудь неудовольствія, отъ какой-нибудь заботы... Когда, для пополненія моихъ наблюденій, я снова посѣтилъ лечебницу прокаженныхъ, находящуюся близь Ассана, она отправилась вмѣстѣ со мною и вошла туда насильно, во всемъ смыслѣ слова. Когда я купался въ рѣкѣ, которая течетъ у Аганьи, вдоль берега моря, моя милая охранительница, плававшая какъ Дорада, отыскивала и указывала мнѣ мѣста наименѣе опасныя.

— И все это, говорила она простодушно: все это не для того, чтобъ заставить тебя остаться здѣсь... ты вѣдь уже долженъ покинуть меня... но для того, чтобъ ты пожалѣлъ обо мнѣ послѣ.

У Марикиты будто было двѣ души, въ странѣ, гдѣ иные, словно, вовсе не надѣлены душою.

Но день разлуки наступилъ наконецъ; корветъ, постоянно находившійся на рейдѣ въ Сенъ Луи, прислалъ призывную вѣсть экипажу и штабу; пушечные выстрѣлы провозгласили

роковой часъ, и Марикита, со слезами на глазахъ, сказала мнѣ только:

— Я провожу тебя.

Ея отецъ, мать, сестра, пожелали также проводить меня, и мы всѣ помѣстились въ лодкѣ, принадлежавшей этому семейству. Прибывъ на рейдъ, мы вышли на берегъ, съ тѣмъ, чтобы позавтракать и проститься.

— Дай мнѣ твою шляпу, сказала мнѣ Марикита: дай мнѣ также твой галстухъ... у меня будетъ много твоего... но ты самъ! о Боже! Боже!..

Марикита бросилась въ лѣсъ и исчезла. Я отправился, вмѣстѣ съ сестрою ея, искать ее. Часъ спустя, мы нашли ее: она стояла у пизанга, судорожно обвивъ его руками.

— Благодарю, сказала мнѣ она, замѣтивъ на лицѣ моемъ печаль, которую я не въ-силахъ былъ преодолѣть: благодарю, вѣдь ты любишь меня, да? Я хотѣла умереть... но теперь буду жить... поѣзжай.

— Не хочешь-ли ты отправиться вмѣстѣ съ нами?

— Поѣзжай; когда ты будешь далеко, мнѣ станутъ говорить о тебѣ.

— Кто-же, Марикита?

— Ты знаешь кто: онъ, или она.

Я возвратился на корветъ, гдѣ уже были готовы къ отплытію; я прощался, рукою, взоромъ и сердцемъ, съ моею доброю Марикитою, которой граціозный силуэтъ исчезъ за листьями... Но, вскорѣ послѣ прибытія моего на корветъ, вѣтеръ перемѣнился, и безъ новой причуды атмосферы, отплытіе наше сдѣлалось возможнымъ не ранѣе, какъ на другой день, при восходѣ солнца.

— О, тѣмъ лучше! воскликнулъ я: я увижу ее еще разъ.

XXXII.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Гухамъ. — Марикита, (продолженіе). — Анжело и Доминго.

Я оставилъ корветъ около шести часовъ. Передъ тѣмъ, въ порывѣ грусти о существѣ, которое любило меня такъ истинно, такъ простодушно, я поручилъ другу моему, лейтенанту Ламаршу, оставить мои вещи на берегу, въ случаѣ, если, при благопріятномъ вѣтрѣ, корветъ отплыветъ до моего возвращенія. Въ любви, мнѣ тяжелы не мои собственныя печали: когда я люблю, когда я любимъ, я страдаю за то сердце, которое дѣлитъ любовь мою.

До заката солнца, оставалось уже не много времени; но я надѣялся, что, ускоривъ шагъ, дойду до Аганьи прежде полуночи. Чтобы сблизить разстояніе, я рѣшился оставить извили-

стую дорогу, которая идетъ вдоль берега, и идти прямо, лѣсомъ. Бояться здѣсь рѣшительно нечего: ни одинъ хищный звѣрь не забѣгаетъ въ эти пустынныя мѣста; ни одна ядовитая змѣя не пресмыкается въ нихъ подъ травою; ни одна дикая орда не угрожаетъ здѣсь путешественнику, сбившемуся съ дороги: здѣсь можно встрѣтить, и то̀ изрѣдка, только буйволовъ, которые убѣгаютъ, завидѣвъ человѣка, да оленей, которые, заслышавъ шумъ, скрываются въ густотѣ лѣсной, гдѣ имъ всегда готово надежное убѣжище. Здѣсь тихо всюду: тишина въ воздухѣ, тишина въ листьяхъ; и когда въ здѣшніе вѣковые лѣса,—въ лѣса, гдѣ можно свободно мечтать о свободѣ, — входишь одинъ, душою овладѣваетъ какое-то чувство торжественности.

Со мною случилось, на этотъ разъ, что̀ случается съ каждымъ, кто увѣритъ себя, что прямая линія есть кратчайшій путь отъ одного пункта до другаго: я сбился съ пути, которому долженъ былъ слѣдовать, и замѣтилъ это уже тогда, когда воротиться стало невозможно. Что̀жъ осталось мнѣ, какъ не идти впередъ, хотя-бъ и не предвидѣлось возможности выбраться? Воображеніе рисовало мнѣ корветъ, уже готовымъ къ отплытію; и въ тоже время, въ глубинѣ души, я восхищался, что принесу неожиданное счастіеМарикитѣ, ей, которую оставилъ я въ слезахъ, ей, которая, сама не зная почему, надѣялась, что я всегда останусь съ ней. Увы! во всѣхъ борьбахъ съ сердцемъ, побѣжденъ бываетъ обыкновенно — разсудокъ.

Становилось поздно; но мнѣ удалось наконецъ перейти черезъ каменистое русло пересохшаго ручья,— русло, котораго устье долженствовало, по моему мнѣнію, находиться противъ Тупунгана. Признакъ этотъ далъ мнѣ возможность опредѣлить мѣсто, гдѣ я находился, и я удвоилъ мое рвеніе. Повсюду мѣстность ровная, покрытая свѣжимъ, густымъ, благоуханнымъ дерномъ, повсюду колоссальныя кокосовыя деревья, всюду хлѣбное дерево, столь красивое, столь величественное, столь полезное... Увлеченный безпрерывнымъ удивленіемъ, я забылъ о корветѣ и почти забылъ о Европѣ... Другой потокъ, замѣченный мною близъ Ассана, сдѣлался моимъ новымъ вождемъ, и я вскорѣ различилъ въ полумракѣ первые дома Аганьи.

— Бѣдная Марикита, думалъ я, стараясь идти еще скорѣе: завтра новое печальное разставанье; но я еще разъ услышу твои нѣжныя рѣчи, еще разъ осушу слезы твои!

Остановясь у дома ея, я, такъ-сказать, прислушивался сердцемъ, и мнѣ показалось, что я слышу вздохи, прерываемые рыданіями. Я вошолъ въ домъ... Все спало тихимъ сномъ; все было спокойно; сонъ Марикиты былъ еще крѣпче, чѣмъ сонъ сестры ея... Словно, какъ-будто тутъ и не знавали страстей.

Я хотѣлъ было уйти въ ту-же минуту, — не-смотря на мою чрезвычайную усталость; но потомъ другія чувства взяли верхъ надъ этимъ намѣреніемъ, и я остался. Я снялъ съ шеи красивый платокъ, положилъ его почти на голову моей равнодушной Марикиты, сѣлъ тихо на скамью, — нѣмую свидѣтельницу столькихъ сокровенныхъ бесѣдъ, и рѣшился ждать разсвѣта. День показался вскорѣ. Марикита проснулась, открыла глаза и увидала мой подарокъ.

— Dios! Dios! воскликнула она: Aragò умеръ!.. Ангелъ принесъ мнѣ платокъ, который я не смѣла попросить у него.

Она встала, замѣтила меня и вскрикнула.

— Ты не ѣдешь? сказала она потомъ.

— Ѣду; но я хотѣлъ увидать тебя еще разъ; я ѣду теперь покойнѣе: ты спала, а печаль не спитъ.

— Не спитъ, но убиваетъ.

— Такъ ты умрешь послѣ моего отъѣзда?

— Да.

Марикита, однакожь, не умерла.

Одинъ изъ друзей монхъ, Бераръ, видѣлъ ее, во-время своего послѣдняго путешествія, и также дарилъ ей чотки, платки, ожерелья.

А Гухамъ вѣдь отстоитъ болѣе, чѣмъ на десять тысячъ льё отъ моей отчизны!

Я описалъ вамъ Чаморрянку *чистокровную*, характеръ первобытный, неимѣющій ничего испанскаго, кромѣ суевѣрія, которое поселяли въ Маринитѣ съ колыбели, въ которое увлекали всегда эту дѣвушку ея наклонности, какая-то безпечность и привычка. Однакожъ, я не сказалъ вамъ всего, потому-что есть тайны, которыя не должно обнаруживать перо, — какъ ни жаль этого самолюбію.

Вотъ теперь контрастъ, страсть дикая, жизнь особенная; вотъ душа желѣзная, которая стремится къ своей цѣли, не отступая ни отъ какого препятствія, ни отъ какого преступленія.

Подлѣ дома Марикиты, былъ домъ Испанца (изъ Манильи) Доминго Валеса, укрывшагося на островахъ Маріанскихъ отъ уголовнаго наказанія, къ которому присудили его за кой-какія *шалости*. Чтобы избѣжать висѣлицы, онъ долго жилъ въ высокихъ горахъ манильскихъ; но, наконецъ, наскучивъ скитальческою жизнію, смѣло пришолъ въ городъ, пробрался до гавани, овладѣлъ одною баркою, и, съ небольшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, поплылъ на ней, по волѣ вѣтра и волнъ. Вѣтеръ и волны были благопріятны ему: онъ вскорѣ присталъ къ Сандвичевымъ островамъ, гдѣ прибытіе его крайне удивило Овгіейцевъ, которымъ онъ разсказалъ какую-то печальную басню о судьбѣ своей. Доминго приняли тамъ очень-ласково; ему дали хижину, цѣновокъ, и онъ прожилъ въ Каракакоа два года, счастливый и уважаемый дикими обитателями этого архипелага.

Все это въ порядкѣ вещей между людьми: не будемъ-же удивляться.

Однако, что̀ дѣлать на островахъ Сандвичевыхъ, если не быть королемъ? Но какъ сдѣлаться королемъ въ странѣ, гдѣ великій Тамахама основалъ свое могущество? Доминго, вынужденный жить честнымъ образомъ, скоро соскучился; онъ нашолъ случай переплыть даромъ (на одномъ американскомъ кораблѣ), въ Гухамъ. По прибытіи туда, онъ на качествѣ путешественника, зажилъ подъ своимъ настоящимъ именемъ, вовсе не заботясь о послѣдствіяхъ своего неблагоразумія, или лучше сказать, своей дерзости.

Пріѣзжайте въ эту страну съ запасомъ смѣлости и наглости, будьте стойки передъ вашими начальниками, докажите, что имѣете понятіе о нравахъ цивилизованныхъ народовъ, обращайтесь какъ съ дикими со всѣми, кто будетъ окружать васъ, покажите, что умѣете читать и писать, — и вы сдѣлаетесь лицомъ значительнымъ. Иногда ничто не походитъ такъ на величіе, какъ низость, ничто не походитъ такъ на человѣка геніальнаго, какъ невѣжа.

Г. Хозѐ Медиинилла былъ сначала также обманутъ, какъ и его офицеры; онъ отвелъ Доминго, (обѣщавшему радикально преобразовать островъ), безвозмездно хорошій участокъ земли, допустилъ его къ столу своему, въ совѣтъ свой, и Доминго почти подавилъ своимъ могуществомъ слугу губернаторскаго, Евстафія, котораго, замѣтимъ мимоходомъ, было не легко лишить его власти.

Нашему смѣлому реформатору была нужна подруга. Жизнь такъ тяжела тому, кто, привыкнувъ мыслить, не хранитъ въ своихъ воспоминаніяхъ ничего хорошаго, ничего утѣшитель-

наго! Почти каждая изъ дѣвушекъ, видавшихъ его, почла-бы за счастіе, еслибъ синьйоръ Доминго удостоилъ ее своимъ выборомъ; почти ни одна изъ нихъ даже не смѣла надѣяться на столь высокое счастіе; и, не-смотря на то, выборъ Доминго палъ именно на такую, которая отвергла его предложеніе. Гордость его была жестоко оскорблена этимъ отказомъ; онъ, однакожъ, рѣшился не ограничиться одною простою попыткою.

Дѣвушку, которая отказала ему, звали Анжелой. Это была Испанка, молодая, созданная, также какъ и Марикита, для нѣги любви, но созданная вмѣстѣ съ тѣмъ и для бурь ея — и еще никого нелюбившая... Анжела и Доминго были будто рождены другъ для друга: эти двѣ природы, столь пылкія, столь необыкновенныя, не могли встрѣтиться и не понять другъ-друга.

Анжелѣ было не болѣе четырнадцати лѣтъ; но въ Европѣ, смотря на ея мужественныя, рѣзко обозначенныя черты, на ея сильные и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкіе члены, сказали-бы, что ей ужъ исполнилось двадцать. Ея ежедневное занятіе составляла охота; она присутствовала при богослуженіи съ какимъ-то гордымъ равнодушіемъ,— равнодушіемъ, за которое упрекали ее друзья ея; и когда отъ землетрясенія колебались дома, она одна только, одна на всемъ островѣ, не крестилась благоговѣйно, не падала на колѣна съ тѣмъ, чтобъ просить о помилованіи.

Ее прозвали, на Гуахамѣ, *demonia*, и, не-смотря на то, всѣ любили ее, любили потому, что ее невозможно было упрекнуть даже ни въ одной изъ тѣхъ мелкихъ страстей, которыя неизбѣжны въ женщинахъ всѣхъ странъ.

Анжела лишилась отца, матери и брата почти въ одно и тоже время; принадлежа къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ нѣтъ полуощущеній, она глубоко чувствовала свою утрату; она даже хотѣла лишить себя жизни, какъ вдругъ встрѣтилась въ первый разъ съ Доминго. Они обмѣнялись взглядомъ, словно два существа, уже знакомыя между собою. Они не промолвили ни одного слова, но совершенно поняли другъ-друга... Есть, вы знаете, люди, съ которыми вы встрѣчаетесь на жизненномъ пути впервые, но съ которыми вы будто вѣкъ были знакомы, съ которыми вы будто вѣкъ жили вмѣстѣ...

На другой день послѣ этой встрѣчи, Доминго дождался Анжелы у церкви и сказалъ этой дѣвушкѣ, когда она задумчиво вышла оттуда:

— Хочешь быть моею женою?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Почему?

— Потому-что я не люблю тебя.

— Я подожду.

Когда, недѣлю спустя, послѣ проповѣди отца Кириака, Анжела снова выходила изъ церкви, Доминго снова подошолъ къ ней и сказалъ:

— Анжела, хочешь быть моею женою?

— Нѣтъ, опять отвѣчала она.

— Почему?

— Потому, что не люблю тебя.

— Быть-можетъ, ты любишь другаго?

— Нѣтъ.

— Я подожду.

Въ сосѣдствѣ съ Анжелою жилъ молодой человѣкъ, весьма-пріятной наружности, веселый, страстный и, въ добавокъ къ тому, имѣвшій хорошій домъ, красивый садъ и до полусотни кокосовыхъ деревьевъ въ очаровательной долинѣ, которая находится во внутренности острова. Вечеромъ, послѣ встрѣчи своей съ Анжелою, Доминго появился въ домѣ этого молодаго человѣка, держа на плечахъ трупъ.

— Бѣдняга упалъ съ высокаго кокосоваго дерева, сказалъ онъ испуганному семейству сосѣда Анжелы: сколько

ни старался я, мнѣ не удалось привести его въ чувство.

Въ народѣ говорили за тайну, что Доминго виновенъ въ преступленіи; но Доминго внушалъ такую боязнь, что никто не осмѣлился высказать этого явно.

Анжела проводила въ могилу изувѣченные остатки своего сосѣда, который, какъ всѣ знали, прежде сватался за нее; но ни одна слеза не выкатилась изъ глазъ ея... Доминго также присутствовалъ при погребеніи. Послѣ похоронъ, въ лицѣ его выразилось столько тоски, столько муки душевной, что онъ, видимо, походилъ на преступника, терзаемаго угрызеніями совѣсти.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого печальнаго происшествія, — когда страхъ, наведенный имъ на всѣхъ, уже изчезалъ всюду, Анжела сидѣла однажды предъ волнующимся моремъ, подъ однимъ изъ тѣхъ роскошныхъ кокосовыхъ деревьевъ, которыя растутъ вдоль сѣвернаго берега Аганьи, — какъ вдругъ за этой дѣвушкой остановился Доминго.

— Хочешь ты быть женою моею, Анжела? сказалъ онъ ей съ какою-то торжественностію.

— Нѣтъ, отвѣчала снова она.

— Почему?

— Потому, что не люблю тебя.

— Теперь мнѣ недостаточно этой причины отказа: мнѣ надобна другая.

— Такъ знай-же: потому, что ты не любишь меня.

— Не правда, я люблю тебя.

— Докажи мнѣ это.

— Чѣмъ?

— Придумай самъ.

— Я придумаю.

— Желаю успѣха.

— А потомъ?

— Потомъ?.. Я посмотрю.

— Нѣтъ, тогда ужъ будетъ все рѣшено: ты или выйдешь за меня, или не выйдешь ни за кого на свѣтѣ... Да?.. Прости, Анжела, до завтра.

— До завтра, Доминго.

На другой день вечеромъ, когда Анжела, по обыкновенію своему, помолилась на обнаженномъ пригоркѣ, гдѣ погибъ, подъ ударами Матапанга (Matapang) Санктъ-Викторѣсъ, (эту печальную исторію я разскажу вамъ сей-часъ), Доминго, стоявшій въ опушкѣ лѣса, который тянется вдоль дороги, сказалъ своимъ страшнымъ голосомъ:

— Рѣшительная минута наступила, Анжела; откладывать теперь болѣе невозможно: хочешь ты быть моею женою?

При этихъ словахъ, онъ взвелъ курокъ у своего ружья.

— Нѣтъ, отвѣчала Анжела.

— Почему?

— По тому, что ты не любишь меня.

— Я люблю тебя, Анжела.

— Я ужъ сказала, что не вѣрю любви твоей и что ты долженъ доказать мнѣ ее.

— Я докажу тебѣ ее, если ты и теперь потребуешь доказательствъ...

И онъ прицѣлился въ Анжелу.

— Требую.

— Такъ вотъ-же тебѣ доказательство.

Въ-слѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ, и пуля, пройдя вдоль виска Анжелы, оторвала у ней ухо. Анжела подпесла къ виску руку: рука обагрилась кровью.

— Доминго, сказала она равнодушно: теперь я вижу, что ты любишь меня и соглашаюсь отдать тебѣ мою руку.

Шесть мѣсяцевъ уже была Анжела женою Доминго, когда мы прибыли въ Аганью: они жили счастливо и счастіе ихъ, по-видимому, не должно было исчезнуть скоро.

Кроткая и добрая Марикита и гордая и дикая Анжела были почти одинаковыхъ лѣтъ; онѣ прошли одинаковыя событія, пользовались одинаковыми удовольствіями, дышали тѣмъ-же аро-

матическимъ воздухомъ. И вотъ, однако, какой контрастъ!

Если подобныя противурѣчія встрѣтятся у насъ, въ нашей старой Европѣ, гдѣ все обдѣлывается своенравіемъ, модою, духомъ времени и узаконеніями, это очень-понятно; но въ странѣ, которой однообразіе нарушается только землетрясеніями; подъ вѣчнымъ солнцемъ, которое скрывается только случайно; посреди природы благовонной и роскошной, чтобъ въ этой землѣ кровь волновалась въ жилахъ съ такими несходствами, — этого физіологія нравовъ никакъ мнѣ не растолкуетъ.

Я, кажется, вамъ сказалъ, что этотъ архипелагъ страдаетъ подъ игомъ суевѣрія, первородной дочери страха и невѣжества. Такъ вотъ вамъ еще удивительная вещь, — но которую вы растолкуете однимъ взглядомъ, которую поймете и уничтожите одною минутою размышленія и изученія.

Впрочемъ я вамъ обѣщалъ назидательный анекдотъ. Вотъ онъ, извлеченный изъ архивовъ острова и благоговѣйно сохраняемый.

Гухамъ не былъ еще покоренъ. Большая часть жителей, испуганная европейскою картечью, жила во внутренности острова и спасалась отъ совершеннаго истребленія въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ. Но завоеватели хотятъ властвовать не надъ одними полями, — имъ нужны люди, невольники; ихъ надо покорить и преобразовать. Испанцы начали дѣлать вторженія во внутренность острова. Крестъ соединился съ мечомъ, и служитель алтаря сдѣлался воиномъ. Санктъ-Викторѣсъ набожный миссіонеръ изъ Севиллы, явился, чтобъ разлить свѣтъ и благодѣянія истинной Вѣры. Онъ одинъ рѣшился обходить окрестности, и Чаморры, удивленные подобною смѣлостію, не рѣшались умертвить его. Онъ жилъ посреди ихъ; вникалъ въ ихъ религіозныя понятія, которыя хотѣлъ истребить, и приготовлялъ, мало-помалу, къ таинствамъ другой вѣры, которую хотѣлъ ввести. Онъ былъ кротокъ, терпѣливъ и благотворителенъ. Онъ проповѣдывалъ миръ, когда Испанцы хотѣли войны; онъ успокоивалъ вмѣсто того, чтобъ пугать; онъ просилъ прощенья у новыхъ своихъ учениковъ за жестокости своихъ собратій, которыхъ обѣщалъ укротить. Однажды когда онъ совершалъ вечернюю свою молитву на прибрежномъ холмѣ, какъ нѣкогда Іоаннъ на берегахъ Іордана, вдругъ бѣшеный Чаморръ, по имени Матапангъ, пробился сквозь толпу, бросился на проповѣдника, схватилъ его за горло и раздробилъ ему черепъ суковатою своею палкою. Совершивъ эту ужасную месть, Матапангъ обратился къ своимъ соотечественникамъ, напомнилъ имъ о жестокостяхъ Испанцевъ, пробудилъ ихъ уснувшую дѣятельность, и бросилъ трупъ Виктореса въ волны, которыя и поглотили его на-всегда.

Вотъ истинная исторія событія. Торжествующія Испанцы прибавили потомъ свои фантастическія подробности, и вотъ что̀ написано въ архивахъ колоніи:

«Мѣсто, на которомъ погибъ Св. Викторесъ, осталось изсохшимъ и измятымъ; трава не ростетъ на немъ; а заливъ, въ который онъ былъ брошенъ, дѣлается краснымъ, какъ отъ крови, въ извѣстные часы дня».

— Смѣшно было-бы и сомнѣваться въ этомъ чудѣ, — говорилъ мнѣ разъ губернаторъ.

— А вы видѣли-ль его *сами?* удостовѣрились-ли въ немъ?

— Больше двадцати разъ, и вы легко можете въ этомъ убѣдиться.

— Но если я приду туда съ моею неловѣрчивостію?

— Она исчезнетъ при ясномъ убѣжденіи.

— Такъ я отправлюсь. Далеко-ли заливъ Санъ-Викторeса?

— Два часа пути. Хотите верховую лошадь?

— Нѣтъ! пилигримы путешествуютъ пѣшкомъ.

— Ступайте-же. Я жду васъ.

— Одинъ я не пойду. Я самъ не довѣряю своему безбожію.

— Тѣмъ-лучше. Пусть будетъ больше свидѣтелей чуда, значитъ, больше и обратится на путь истины.

— Итакъ до завтра.

Я разсказалъ этотъ любопытный разговоръ нѣсколькимъ моимъ пріятелямъ, и они собрались со мною къ Тибуну. Я не забылъ, что Марикитта хотѣла идти со мною, чтобъ вымолить мнѣ у патрона колоніи долговременную и опасную болѣзнь. Такимъ-образомъ опасности угрожали мнѣ со всѣхъ сторонъ.

Дорога, которая ведетъ къ мѣсту чудесъ, восхитительна. Цѣлыя аллеи великолѣпныхъ вакуа, подъ которыми идешь, какъ подъ широкими и распущенными зонтиками; пѣніе птицъ наполняетъ воздухъ; свѣжій вѣтеръ навѣваетъ на васъ атмосферу благовоній; величественная тишина этихъ обширныхъ пустынь обхватываетъ душу и располагаетъ ее къ вѣрованію. Все приготовляло къ чуду, и меня гораздобольше, нежели безпечныхъ моихъ друзей: подлѣ меня шла набожная Чаморра, которая совершенно увѣрена была, что чудо совершится. При томъ-же я родился въ такой землѣ, гдѣ всякія чудеса въ большомъ ходу. Я бы могъ разсказать вамъ тысячу, одно другаго удивительнѣе и вѣрнѣе. Маленькой городокъ Эстагель, приткнувшійся къ Пиринеямъ, твердо въ нихъ вѣрилъ, и я первый никогда не рѣшусь сомнѣваться въ нихъ при доброй моей и престарѣлой матери, которая гораздо-больше вѣритъ тому, чего никогда не видала, нежели тому, что̀ ежедневно дѣлается передъ ея глазами. Какъ-же тутъ не имѣть предразсудковъ, когда тебя убаюкивали русильйонскія мамушки старинными, риѳмованными кантиками, вовсе неизвѣстными въ мартирологіи.

Но возвратимся къ моему путешествію. Вотъ и холмъ, покрытый чистымъ и гладкимъ дерномъ; вотъ и мѣсто, гдѣ палъ Санъ-Викторесъ. Оно изсохло и измято, и это голое пространство обрисовываетъ довольно-хорошо силуетъ человѣческаго тѣла.

— Ну что̀, правда-ли? сказала мнѣ съ видимою радостію Марикита.

— Что правда-ли?

— Что это мѣсто проклято.

— Оно безплодно — и только.

— Почему-же ему быть безплоднымъ, когда все вокругъ зелено?

— Еще не знаю. Я поищу причинъ, и очень буду радъ, если ты будешь права.

— Не я, а Небо будетъ право.

Не далеко оттуда была маленькая хижина, построенная на сваяхъ, какъ дома̀ въ Аганьи. Я пошолъ туда, чтобъ распросить жителей.

Въ ней жилъ бѣдный пятидесятилѣтній старикъ. Увидя меня, онъ всталъ и перекрестился.

— Ты здѣсь живешь?

— Да, синьйоръ.

— Одинъ?

— Совершенно одинъ.

— По надобности?

— По приказанію губернатора, который мнѣ ежедневно присылаетъ провизію.

— Чѣмъ-же ты тутъ занимаешься?

— Этого я вамъ не могу сказать.

— Но губернаторъ мнѣ сказалъ.

— Это въ его волѣ. Я не могу.

— Сегодня по-утру исполнилъ-ли ты свою обязанность.

— Я никогда не забываю.

— Однако-же въ томъ мѣстѣ, гдѣ го-

лова, я замѣтилъ небольшой пукъ травы, которая выросла.

— Быть не можетъ.

— Твои глаза становятся слабы. Надобно тебѣ дать помощника, или смѣнить тебя.

— Ради Бога, не говорите этого губернатору.

— Я тебѣ это обѣщаю.

Ко мнѣ пришла Марикитта, а товарищи мои завтракали на дернѣ.

— Убѣждены-ли вы теперь? спросилъ я ихъ. Можете-ль вы подтвердить это чудо.

— Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Я то-же думаю. Но воду, видѣли-ль вы, чтобъ она покраснѣла?

— Нѣтъ еще.

— Такъ, вѣрно, будетъ. Это чудо не такое постоянное, какъ трава.

— Подождемъ-же. Надобно уйти отсюда совершенно-убѣжденными.

Начинался отливъ. Посреди нашихъ разговоровъ мы задремали. Пробудясь, бросили мы взглядъ на заливъ. На указанномъ мѣстѣ вода была красная, видимо красная, какъ кровь, хоть и нѣсколько блѣднѣе.

Мы вскричали отъ удивленія. Житель хижины не могъ тутъ содѣйствовать. Надобно было ближе разсмотрѣть.

Мы подъѣхали къ этому мѣсту въ челнокѣ, служащемъ пустыннику для рыбной ловли. Глубина была не болѣе пяти футовъ. Мы ударили весломъ въ дно немного наискось; со дна поднялся песокъ, краснаго, очень краснаго цвѣта, и цвѣтъ водъ, посредствомъ отраженія, объяснился намъ вполнѣ.

— Послушайте, друзья мои. Что мы скажемъ г. Мединиллѣ.

— Правду.

— Какую-же правду?

— Что мы видѣли оба чуда.

— Показать-ли ему красный песокъ?

— Это кровь Санъ-Викториса, которая окрасила его.

— Но вѣдь должно было показаться на поверхности воды.

— Оно такъ и показывается.

Но вотъ волна прилива приближается, и явленіе исчезло. Все-равно. Завтра, во-время отлива, чудо возобновится, а другое чудо съ изсохшею травою непремѣнно будетъ совершаться, благодаря усердію жителя хижины. Губернаторъ всегда будетъ правъ.

Наивная Марикитта не много смутилась отъ нашихъ розысковъ и отъ результата. Она взяла меня подъ руку и молча пошла со мною до Агапьи. Мы къ ужину пришли во дворецъ губернатора.

— Ну, убѣждены-ли вы теперь, синьйоръ Арагò? спросилъ у меня губернаторъ съ торжествующимъ видомъ.

— Да, синьйоръ. Санъ-Викторесъ праведникъ, который блаженствуетъ на небесахъ, а Матапангъ злодѣй, который всю вѣчность будетъ жариться на сковородѣ Люцифера.

— Я былъ увѣренъ, что вы обратитесь на путь истинный. Пойдемте за столъ.

XXXIII.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Путешествіе въ Тиніанъ. — Каролинскіе острова. — Таморъ спасаетъ мнѣ жизнь.

Вотъ одно изъ самыхъ занимательныхъ, забавныхъ и поучительныхъ путешествій. Годы проходятъ и ни одинъ эпизодъ не забудется, не ослабѣетъ. Ни съ кѣмъ кажется не было столько приключеній, и если сердце у меня билось отъ страха, въ минуту отъѣзда, увѣряю васъ, что оно гораздо-сильнѣе билось во-время переѣзда, при одной мысли, что я-бы могъ пропустить такой рѣдкій и прекрасный случай.

Тиніанъ лежитъ вотъ тамъ, на сѣверъ отъ Гуахама. Говорятъ, что на пустынныхъ берегахъ его есть какія то исполинскія развалины. Поѣдемъ изучать ихъ.

Со мною ѣдутъ Бераръ и Годишо. Тѣмъ лучше. Это два молодые человѣка испытанной храбрости: одинъ пламенный ботаникъ, другой опытной офицеръ. Лучшаго выбора нельзя сдѣлать. Переѣздъ не длиненъ, но очень-опасенъ въ небольшихъ лодкахъ. Опять тѣмъ лучше. Преодолѣть затрудненіе составляетъ тоже достоинство. У меня въ душѣ осталось одно нетерпѣніе.

Губернаторъ, комендантъ и прочіе чины Аганьи провожали насъ до берега, и дружески пожали намъ руки, сказавъ: Господь да сохранитъ васъ! Я бросаю послѣдній, грустный взглядъ на молодую дѣвушку, которая вдали молится, и сажусь съ Бераромъ на назначенную мнѣ прою. Годишо вскакиваетъ на лодочку еще меньшаго размѣра. Каждый изъ насъ усаживается по мѣстамъ, въ ожиданіи обѣщанныхъ намъ чудесъ.

Я вамъ послѣ разскажу, какъ построены эти странныя пирòги, и тогда я познакомлю васъ съ домашнею жизнію этихъ отважныхъ лоцмановъ, которымъ мы теперь ввѣряемъ судьбу нашу.

Посмотрите, какъ они веселы, какъ прыгаютъ. Съ радостію бросаются они въ воду. Плаваютъ-ли они? Нѣтъ! это, просто, существа, которые оставили землю, на которой имъ скучно, и попали опять въ стихію, которая имъ такъ пріятна и прилична ихъ натурѣ. Организація этихъ людей похожа на организацію земноводныхъ животныхъ, и при взглядѣ на нихъ, по-неволѣ, изъ груди вырывается крикъ удивленія и уваженія.

Прои лежали на якорѣ въ десяти или двѣнадцати брассахъ.

— Ѣхать, что-ли?

— Да! поднимай якорь, и съ Богомъ!

Тутъ нѣтъ ни вóрота, который надо повертывать, нѣтъ усилій и криковъ экипажа; человѣкъ бросается въ воду, ныряетъ на дно, отцѣпитъ веревку отъ тысячи извилинъ мадрепоровыхъ скалъ, отвяжетъ ее и вынырнетъ опять, какъ будто сдѣлалъ такую бездѣлицу, которую вы и я въ состояніи повторить. Не удивляйтесь еще. Это только первый взглядъ на этихъ людей. Подъ парусами узнаете вы ихъ вполнѣ.

Наша маленькая флотилія состояла изъ восьми прой, изъ которыхъ на самыхъ красивыхъ были лоцманами

каролинскіе Таморы, недавно пріѣхавшіе къ Аганью. Они только-что совершили самое смѣлое путешествіе, какое только можно предпринять на океанѣ. Но за то какіе лоцмана, какое мужество, какая высокая понятливость!

На своихъ маленькихъ лодкахъ отправляются они съ Каролинскихъ острововъ, безъ компаса, безъ другаго руководителя, кромѣ звѣздъ, которыя они изучили, но которыя могутъ однакоже и скрыться. Они съ спокойнымъ сердцемъ прощаются съ своими друзьями, которые, въ свою очередь, отвѣчаютъ имъ тѣмъ-же, прося ихъ назначить рѣшительный часъ возврата; они пускаются въ открытое море, и вотъ уже между небомъ и океаномъ, пробѣгая шесть-сотъ или семь-сотъ миль, совѣщаясь съ теченіемъ свѣтилъ, которыя они въ совершенствѣ узнали послѣ долгой опытности, и направляя суда свои прямо на небольшой, отдаленный островъ, къ которому они пристаютъ лучше и вѣрнѣе, нежели-бы то могъ сдѣлать искуснѣйшій капитанъ нашего королевскаго флота.

Вѣтеръ дулъ довольно-свѣжій, и мы летѣли кратчайшимъ путемъ, на-прямикъ; мы разсѣкали воздухъ, и прыжки прои мучали меня потому болѣе, что я находился не внутри самаго судна. Къ обоимъ бортамъ, крѣпко-на-крѣпко прикрѣплены (отвартовлены), съ одной стороны *поплавокъ*, о которомъ я въ-послѣдствіи разскажу вамъ подробнѣе, а съ другой, родъ тростниковой клѣтки, выдающейся на пять или на шесть футовъ отъ кузова прои, и укрѣпленной на твердыхъ подпоркахъ. Я не могу ни съ чѣмъ лучше сравнить ихъ какъ съ корзинами, въ которыхъ торговцы наши держатъ птицъ; такъ, что смѣло можно сказать, что съ Каролинцами вы плаваете, какъ будто въ воздушномъ шарѣ.

И я спдѣлъ тамъ, жестоко мучимый ужаснѣйшими толчками, не слыша голоса друга, который могъ-бы подкрѣпить меня, безъ моего лихаго Пёти, всегда вызывающаго пріятную улыбку на уста мои. Не взирая на это, я, отъ-времени до-времени, высовывалъ носъ изъ клѣтки и срисовывалъ, борясь между страхомъ и надеждою, прекрасно-осѣненный деревьями берегъ острова, гдѣ изрѣдка виднѣлось нѣсколько хижинъ, посреди безмолвныхъ маленькихъ бухтъ, пронизывающихъ островъ въ разныхъ направленіяхъ.

Вѣтеръ вздувалъ передній парусъ, кормовой управлялъ шкотомъ, а товарищъ его, сидѣвшій сзади, помогалъ его дѣйствіямъ, употребляя на то небольшой руль, которымъ онъ правилъ ногою, опуская ее по-временамъ въ воду. И мои боли стихали, при видѣ такой удивительной ловкости.

Море бушевало, вздымая высоко валы свои; я не могъ понять восторга моихъ товарищей путеводителей, при видѣ прои, носящейся, такъ-сказать, по произволу валовъ, и рѣшился, тяжело вздохнувъ раза два, спросить наконецъ у нихъ, не угрожаетъ-ли намъ какая опасность?

— Не бойтесь ничего, сказалъ мнѣ Таморъ, нѣжнымъ голосомъ, на дурномъ испанкомъ нарѣчіи: не бойтесь ничего; наши суда не опрокидываются никогда.

Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, столько для меня утѣшительныхъ, какъ я, бросивъ любопытный взглядъ назадъ, потому-что мы находились впереди всѣхъ, увидѣлъ, какъ одна прои опрокинулась, носомъ вверхъ, подъ ударомъ сильнаго, порывистаго шквала. Я сдѣлалъ знакъ кормчему, указывая ему на потопающую пирогу; но вмѣсто того, чтобы печалиться отъ такого несчастнаго происшествія, онъ насмѣшливо улыбался съ своими безпечными товарищами, и далъ мнѣ понять, что всѣ люди умѣютъ плавать и что никто не можетъ утонуть. Онъ

прибавилъ къ тому, что проя вскорѣ будетъ поставлена на воду, безъ посторонней помощи, что̀ въ-самомъ-дѣлѣ и случилось, но только спустя часъ времени.

Я уже сказывалъ вамъ, что на одной сторонѣ судна, въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія, находился поплавокъ, служащій для поддержанія равновѣсія, нарушаемаго тяжестію брусьевъ, поддерживающихъ клѣтку на противуположной сторонѣ. А потому, лишь только судно опрокинется, весь экипажъ кидается на поплавокъ, всею тяжестію своею налегаетъ на него, и проя переворачивается, вспрыгиваетъ, такъ сказать, и становится на свое мѣсто. Что̀ сказать вамъ на это? это такого рода чудеса ловкости, которымъ, безъ сомнѣнія, надлежитъ вѣрить, вопреки разсудку, потому-что эта вещь дѣйствительно такова, потому-что она ежедневно повторяется въ этихъ чудесныхъ морскихъ путешествіяхъ, что разсказы объ ней были уже повторяемы сотнями путешественниковъ, потому-что я самъ былъ тому свидѣтелемъ, потому-что я ручаюсь въ этомъ вамъ моею честію, потому-что это дѣйствительно есть... Опровергните пожалуйста математическую аксіому: дважды-два четыре Послѣ этого, для васъ-же хуже, если вы не вѣрите.

Между-тѣмъ вѣтеръ все свѣжалъ болѣе и болѣе; мы направили судно носомъ къ землѣ, въ которую вдавалась прелестная бухточка; прочія прои послѣдовали нашему примѣру; нѣкоторыя, испугавшись, добровольно сѣли на отмель, другія бросили якорь на пяти или шести-саженной глубинѣ, съ помощію каната, который одинъ изъ кормчихъ отправился привязывать подъ водою, къ кораловымъ скаламъ; а мы достигли до двухъ хижинъ, стоявшихъ на опушкѣ лѣса, гдѣ и нашли пріютъ и отдохновеніе.

— А это довольно-тяжолое плаваніе, сказалъ намъ Бераръ съ веселымъ видомъ, который не покидалъ его ни на минуту: не правда-ли, что у васъ всѣхъ члены переломаны?

— Да, переломаны, исковерканы, отвѣчалъ Годишо, страдальческимъ голосомъ.

— А ты, Араго, что̀ скажешь на это? Не правда-ли, что ты согласенъ съ нами?

Я не былъ согласенъ ни съ чьимъ мнѣніемъ; лежа на травѣ, я катался: меня корчило, сводило, такъ, что жалко было посмотрѣть на меня; но кто можетъ имѣть сожалѣніе къ тому, кто страдаетъ морскою болѣзнію? Мнѣ кажется, что если-бы меня кто потащилъ, чтобы бросить въ волны, то и тогда я имѣлъ-бы довольно духу и силы сказать ему: «Спасибо, спасибо, да наградитъ тебя Господь и да поможетъ тебѣ въ подобномъ случаѣ!»

Въ этотъ первый день нашего плаванія, мы обогнули множество мысовъ, весьма живописныхъ, срисованныхъ мною, безъ сомнѣнія, весьма-неправильно; всѣ они безъ изъятія носятъ названіе святыхъ отцовъ и преблаженныхъ дѣвъ. Всѣмъ извѣстно, что Испанцы крестятъ свои владѣнія точно также, какъ крестятъ они дѣтей въ своихъ деревняхъ и предмѣстьяхъ. Впрочемъ самый сѣверный мысъ острова, названъ мысомъ *Двухъ Любовниковъ*, и мнѣ по этому случаю разсказывали происшествіе, мало достойное вѣроятія, и страннымъ образомъ противурѣчащее духу набожности, выражающемуся во всей сосѣдственной странѣ.

Небольшое мѣстечко, въ которомъ мы остановились, называется Ротиньянъ; меня съ трудомъ дотащили туда, уложили на рогожу, и вскорѣ мною овладѣло какое-то оцѣпененіе, а не сонъ. Пробудясь, я увидѣлъ себя лежащимъ подлѣ моего каролинскаго Тамора, начальника прои, на которой я плылъ;

онъ, безъ всякой церемоніи, завладѣлъ уголкомъ рогожи, который оставался у меня незанятымъ.

Солнце взошло великолѣпно, вершины густыхъ пальмъ были позлащены его лучами. Раздался голосъ кормчаго и въ одну минуту всѣ были на ногахъ. Наши морскіе спутники не имѣютъ нужды заниматься своимъ туалетомъ: они были совершенно-нагіе.

Между-тѣмъ надлежало подумать о плаваніи, о трудностяхъ, могущихъ встрѣтиться на пути, и о необходимости, заставлявшей пробыть насъ нѣсколько дней въ морѣ. Основываясь на всемъ этомъ, наши молодцы, легкіе какъ дикія кошки, взлѣзли на самыя высокія кокосовыя деревья и сбили оттуда множество орѣховъ.

И здѣсь опять овладѣло мною удивленіе, доходившее до восторга, потому-что я никогда не могъ предполагать въ человѣкѣ столько ловкости и легкости, столько граціи и силы.

Выслушайте меня.

Кокосовые орѣхи, связанные въ пучки, по восьми и по десяти штукъ вмѣстѣ, были сложены на берегу; каждый изъ моряковъ, взявъ по одному изъ этихъ тяжолыхъ букетовъ, и подталкивая его передъ собою, достигалъ такимъ образомъ до прои; но одинъ изъ пучковъ, пущенный по водѣ главнымъ Таморомъ, развязался, и плоды начали расплываться по прихоти волнъ. Сначала плывущій морякъ вдругъ приостановился, казалось съ минуту подумалъ, окинулъ гнѣвнымъ и безпокойнымъ взоромъ расплывшіеся плоды; увидѣвъ, что я стою на берегу и готовъ посмѣяться надъ его безполезными усиліями, онъ, казалось, принялъ мой вызовъ. Я показалъ ему платокъ и далъ понять, что подарю ему его въ награду если онъ съумѣетъ собрать и пригнать къ проѣ плавающіе кокосы. Такое предложеніе было принято серьёзнымъ образомъ, и вотъ моя быстроногая морская свинья, то выпрямляясь, то изгибаясь, кидаясь то на-право, то налѣво, то впередъ, то назадъ, сбираетъ бѣглецовъ, какъ пастухъ своихъ разбѣжавшихся овецъ, толкая того головою, другаго грудью, однимъ махомъ достигаетъ третьяго, котораго хватаетъ между колѣнъ, опять обхватываетъ ихъ гуртомъ, борется со всѣми, толкаетъ ихъ, снова распускаетъ, поднимается вмѣстѣ съ валомъ и падаетъ, опереживаетъ ихъ и наконецъ достигаетъ до прои, послѣ получасовой борьбы, болѣе огорченный моимъ сомнѣніемъ въ его безсиліи и удивленіемъ его ловкости, нежели гордясь своимъ успѣхомъ.

Что за люди этотъ народъ! Между-тѣмъ мы достигли до прои, гдѣ я добровольно и весьма-охотно заплатилъ проигранный закладъ; но вѣтеръ дулъ слишкомъ-рѣзкій, а потому пять прой, провожавшихъ насъ и на которыхъ плыли Роттскіе жители, отказались теперь пуститься въ путь вмѣстѣ съ нами. Что касается до нашихъ смѣлыхъ кормчихъ, они, произнеся тихимъ голосомъ короткую молитву, направили паруса въ открытое море. Бераръ уснулъ, а для меня снова началась страдальческая жизнь.

Вскорѣ мой другъ, пробужденный мгновенно сильнымъ толчкомъ, выпрямился и кликнулъ меня. Я вылѣзъ изъ своей клѣтки, и твердо рѣшившись бороться съ морскою болѣзнію, сѣлъ рядомъ съ первымъ Таморомъ, котораго орлиный взоръ хотя и былъ вопросительно вперенъ въ мрачный горизонтъ, но его чистое и открытое лицо успокоило меня совершенно.

Множество птицъ вились надъ нашей головой; Бераръ выстрѣлилъ по нихъ, и не взирая на сильные валы и двухъ аккулъ, насъ преслѣдовавшихъ, одинъ изъ Каролинцевъ бросился въ воду, схватилъ дичь и доставилъ ее на бортъ.

То были глупыши. Между ними попалась ворона, которую наши добрые и суевѣрные аргонавты забросили далеко, давая намъ понять, что они имѣли къ ней сильное отвращеніе, потому что она питается человѣческимъ мясомъ.

Я опять повторяю вамъ, что малѣйшія дѣйствія этихъ людей даютъ вамъ понятіе объ ихъ превосходномъ характерѣ и добротѣ души.

Но Гухамъ остался уже за нами, а Ротта возвышалась впереди насъ еще величественнѣе и пышнѣе, нежели ея гордый сосѣдъ. Вѣтеръ дулъ порывистый и со шкваломъ, облака пролетали съ неимовѣрною быстротою надъ нашими головами, проносились въ разныя стороны, получая сильные толчки отъ валовъ, и мы легко догадывались, видя усилія и старанія нашихъ кормчихъ, что намъ угрожала какая-то большая опасность.

Но въ эти тяжкія минуты, болѣе всего мы удивлялись ловкости и смѣлости Каролинца, стоящаго на рулѣ, которымъ онъ управлялъ съ помощію ноги. Иногда налетавшій валъ разбивался о него, а онъ едва поворачивалъ голову; часто волны обливали его совершенно съ головы до ногъ, и лишь только успѣютъ онѣ окатить этого желѣзнаго человѣка, онъ отряхнетъ полегоньку голову, орошенныя плеча, и снова остается въ этомъ мужественномъ, непоколебимомъ, холодномъ положеніи, противъ котораго тщетно вооружаются всѣ ярости стихій. Набожность — есть-ли это страхъ? молитва — есть-ли это малодушіе? Дѣйствія честныхъ Каролинцевъ рѣшаютъ вопросъ. Посмотрите на нихъ: спокойные, важные, неустрашимые посреди всѣхъ бѣдствій, они, между-тѣмъ, при малѣйшемъ приближеніи шквала, садятся на корточки, и обращая взоры на угрожающее облачко, поднимаютъ ясныя очи къ нему, ударяютъ открытой ладонью одной руки по кулаку другой, даютъ знакъ злому генію людей промчаться мимо, не разражая своего гнѣва надъ ними, и возсылаютъ къ нему слѣдующую молитву, произнося ее всегда съ необыкновенной бѣглостью:

«*Лега хедегасъ, лега хильдилигасъ,*
«*хедегасъ лега, хедегасъ легасъ хель-*
«*ди-лега хедегасъ моттуу.*

«*Огуеренъ куенни жере пере пеи,*
«*огуеренъ куенни жере пере пеи*».

«Lèga chêdégas, léga childiligas, ché-
«dégas léga, chédégas légas cheldi-léga
«chédégas, léga chédégas mottou».

«Ogueren quenni chéré péré péï, ogu-
«eren quenni chéré péré péï».

А между-тѣмъ, въ продолженіе этого бурнаго переѣзда, облака какъ нарочно дѣйствовали на-перекоръ набожнымъ молитвамъ: ни одно облако не прошло мимо насъ, не оросивъ насъ ливнемъ, не охвативъ порывистымъ шкваломъ.

Постоянное терпѣніе и искусство преодолѣли прихотливую ярость валовъ; почти къ восьми часамъ мы уже обогнули поперекъ западный мысъ Ротты; но теченія и вѣтры снова задержали путь нашъ, и мы только къ одиннадцати съ половиною или двѣнадцати часамъ ночи могли попасть въ пристань.

Мы бросили небольшій якорь на коралловомъ грунтѣ, въ полмили отъ земли, и я, оправясь нѣсколько отъ моихъ ужаснѣйшихъ мученій, началъ свободнѣе вдыхать въ себя бальзамическій воздухъ, вѣявшій съ берега.

Море сдѣлалось очаровательно; но впереди насъ, съ четверть мили, оно еще яростно разбивалось о высокіе рифы, защищавшіе гавань, и дававшіе судамъ лишь самый узкій проходъ. Луна въ полномъ величіи озаряла насъ своими блѣдными лучами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для освѣщенія-ли нашего пути или по случаю довольно-холодной и свѣжей ночи, блестящіе огни были разведены на сосѣднихъ холмахъ, окру-

жающихъ городъ, съ одной стороны защищенный густою оградою кокосовыхъ деревьевъ, которыхъ пышныя, развѣсистыя вершины мрачно и величественно рисовались на голубомъ небѣ.

Проя, на которой находился Годишò, также не замедлила прибыть въ гавань; она бросила якорь подлѣ насъ, товарищъ нашъ подалъ голосъ, спрашивая о здоровьѣ. Я далъ ему отвѣтъ, прося, зарядить его двуствольное ружье и пистолеты, для того, чтобы, выстрѣливъ залпомъ изъ всѣхъ нашихъ оружій, мы тѣмъ могли-бы дать знать начальствующимъ лицамъ того мѣста, что въ летучихъ прояхъ были не одни Каролинцы и Чаморры, но особы гораздо-поважнѣе. По данному знаку мы сдѣлали залпъ, и наши двѣнадцать выстрѣловъ, повторенные эхомъ, должны были встревожить всѣхъ жителей той части острова.

Я чуть было не позабылъ подтвердить вамъ, что добрые Каролинцы, тотчасъ по пріѣздѣ, снова собрались въ кружокъ и благодарили небо въ теплыхъ молитвахъ о нашемъ благополучномъ переѣздѣ. Признательность составляетъ священнѣйшее основаніе ихъ религіи, исполненной любви.

Что я предвидѣлъ, то и случилось. Здѣшній Алкадъ, удивленный шумомъ, который пробудилъ его отъ фантастическихъ сновидѣній, отправилъ къ намъ, въ лодочкѣ, величиною съ орѣховую скорлупу, толмача, который приставъ къ намъ бортъ о бортъ, спросилъ насъ, кто мы и откуда пріѣхали. Я торжественно отвѣчалъ ему, что мы посланы французскимъ королемъ для открытія новыхъ земель, что имѣемъ письма отъ губернатора Гухама и всѣхъ Маріанскихъ острововъ къ ихъ алкаду, что наши кормчіе не осмѣлились, до наступленія дня, перейдти черезъ цѣпь, и что *мы приказываемъ* выслать къ намъ большое судно, для высадки насъ сію-же минуту на берегъ.

Въ отвѣтъ на мои дерзкія рѣчи, Чаморръ понизилъ свой гнусливый голосъ, возразивъ мнѣ впрочемъ, что врядъ-ли будетъ предстоять возможность выслать мнѣ другое судно, потому-что ни одинъ лоцманъ не осмѣлится пускаться ночью посреди столькихъ рифовъ.

— Да вѣдь ты какъ-же нибудь пріѣхалъ?

— О! это другое дѣло; мое ремесло въ томъ, чтобы тонуть.

— Не можешь-ли ты высадить меня на берегъ?

— Моя лодочка такъ мала, что мы едва-едва двое тамъ усядемся.

— Пристань вдоль борта.

— Я послушаюсь васъ; но вы лучше сдѣлали-бы, еслибъ подождали не много.

— Приставай-же, говорю тебѣ!

Бераръ тщетно упрашивалъ меня остаться на проѣ и представлялъ дурныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ моей дерзкой рѣшимости; я сѣлъ въ лодочку подлѣ Чаморра, прижался колѣнами къ колѣнамъ Роттиньяца. На всякой случай, я просилъ моего друга провожать меня глазами, пока будетъ ему возможно, а самъ оставилъ прою.

Я вполнѣ понималъ опасность моей отчаянной выходки; но при воспоминаніи о страданіяхъ, претерпѣнныхъ мною въ продолженіе этого однодневнаго переѣзда, страданіяхъ еще не совсѣмъ кончившихся, рѣшимость моя переспорила самый мой разсудокъ и мудрые совѣты истиннаго моряка, который гораздо-лучше меня понималъ все, что было безразсуднаго въ этомъ переѣздѣ посреди тысячи острыхъ скалъ, о которыя море разбивалось съ какимъ-то зловѣщимъ стономъ.

Мы находились не болѣе какъ на поль-кабельтова отъ узкаго прохода,

какъ вдругъ лоцманъ мой, переставъ грести, сказалъ мнѣ дрожащимъ голосомъ :

— Не шевелитесь!

— Да я и безъ того вовсе не двигаюсь.

— Здѣсь есть опасность.

— Большая?

— Очень-большая; малѣйшее движеніе можетъ насъ опрокинуть.

— Чортъ возьми! воротимся назадъ.

— Не возможно, ваше сіятельство; надо плыть по теченію, которое несетъ насъ.

— Такъ ступай-же.

— Умѣете-ли вы плавать?

— Нѣтъ.

— Хоть немножко?

— Ни крошки.

Едва произнесъ я эти слова, какъ лодка наша перевернулась вверхъ дномъ. Прости Божій міръ! Вотъ единственная мысль, какая мелькнула въ головѣ моей; но чувство самосохраненія придало мнѣ силы, и я, расмахивая, по инстинкту, руками и ногами, почувствовалъ вдругъ какой-то предметъ, за который съ силою и ухватился : это была нога моего бездѣльника лоцмана.

— А! я поймалъ тебя, плута, сказалъ я ему, глотая и захлебываясь ежеминутно водою, которая меня душила: я поймалъ тебя, и умру не одинъ.

А между-тѣмъ я получалъ ужаснѣйшіе толчки ; но, не взирая на то́, уцѣпился, или лучше сказать, впился въ оцѣпенѣлые члены Чаморра, и вскарабкивался, какъ умѣлъ, на лодочку, которая неслась теченіемъ прямо на рифы.

Но я долженъ былъ пасть въ борьбѣ, столько для меня неровной ; какъ вдругъ быстрая, мгновенная мысль поддержала мой упадавшій духъ. Я вспомнилъ о Берарѣ, который, какъ бдительный другъ, не могъ еще потерять меня изъ виду.

Лишь только раздался гулъ разбившагося вала о звѣздчатыя кораловыя скалы, о которыя должны были вскорѣ размозжиться члены мои, я громко вскрикнулъ, въ надеждѣ, что меня услышатъ добрые Каролинцы. Одинъ Бераръ не спалъ еще; онъ скорѣе угадалъ, нежели увидѣлъ мое бѣдственное положеніе ; онъ ударилъ Таморра по плечу, указалъ ему пальцомъ на узкій проходъ и сказалъ : *Арагó мати* (убитъ). Великодушный Каролинецъ орлинымъ взоромъ окидываетъ море, видитъ вдали чорную точку на пѣнящихся валахъ, хватаетъ весло, переламываетъ его на двое, кидается, скользитъ по водамъ, изчезаетъ, является снова на поверхности воды и оглашаетъ воздухъ пронзительными криками. Я погибалъ уже, моя послѣдняя мысль была о старой моей матери; я прислушиваюсь... кажется слышу что̀-то... я ободряюсь, мои судорожныя пальцы сильнѣе вцѣпляются въ Чаморра, который во все это время хранилъ совершенное молчаніе. Озираюсь кругомъ ; мнѣ кажется, что я вижу нагое движущееся тѣло, которое ко мнѣ приближается; я уже догадываюсь о великодушіи Таморра : это былъ онъ, въ-самомъ-дѣлѣ; я слышу его утѣшительное слово; онъ ищетъ меня, находитъ, даетъ мнѣ обломокъ весла, который онъ держалъ въ лѣвой рукѣ; я колеблюсь, дрожу, однакожъ догадываюсь ; я предаюсь ему вполнѣ, ввѣряю себя его мужеству и силѣ, и хватаюсь за осколокъ дерева. Таморръ возвращается тѣмъ-же путемъ, который проплылъ, разсѣкаетъ валы, борется и побѣждаетъ быстрое теченіе, изторгаетъ меня изъ рифовъ, тащитъ на буксирѣ, и послѣ неслыханныхъ усилій, достигаетъ до прои, въ которую съ трудомъ втаскиваютъ меня, и гдѣ я наконецъ падаю въ обморокъ.

Не знаю, сколько времени пробылъ я въ этомъ болѣзненномъ усыпленіи, въ продолженіе котораго я ручьями изрыгалъ горькую воду, раздиравшую

мнѣ внутренность. Но, когда я опамятовался, первое мое, уже несудорожное движеніе, было то́, что я началъ искать глазами благороднаго Тамора, которому такимъ чудеснымъ образомъ былъ одолженъ я жизнію. А онъ стоялъ возлѣ меня на колѣняхъ и громко хохоталъ съ своими товарищами и Бераромъ надъ моими ужасными спазмами. Я пожалъ ему руку, такъ-какъ мы дѣлаемъ это съ братомъ, котораго нечаянно найдемъ въ живыхъ, когда уже долгое время оплакивали его кончину. Я всталъ, взялъ изъ сумки топоръ, двѣ бритвы, рубашку, три платка, шесть ножей и дюжину крючковъ. Все это предложилъ я моему избавителю, прося его не отказаться принять отъ меня подарокъ. Но онъ, съ выраженіемъ гордости и вмѣстѣ огорченія, спросилъ у меня: не предлагаю-ли я ему всѣ эти богатства за услугу, которую оказалъ онъ мнѣ. Я отвѣчалъ ему: да. Онъ схватилъ мои подарки съ пренебреженіемъ, бросилъ ихъ къ ногамъ моимъ и обернулся ко мнѣ спиною. Я съ поспѣшностію бросился за нимъ вслѣдъ, удержалъ его, положилъ руки къ нему на плечи, терся носомъ о его носъ, далъ ему уразумѣть, что я скорѣе изъ дружбы, нежели изъ признательности предлагаю ему столько полезныхъ вещей; тогда мой добрый лоцманъ съ дѣтскимъ восторгомъ осыпалъ меня взаимными ласками, принялъ мои подарки, тщательно привязалъ ихъ сверхъ тростниковой крыши, обгибающей клѣтку, бросилъ на меня послѣдній дружескій взглядъ, и заснулъ, скорчившись, на одной изъ скамеекъ своего судна.

О! теперь скажите мнѣ, ради Бога, имѣемъ-ли мы, Европейцы, право, называть дикими добрыхъ жителей Каролинскихъ острововъ, и часто-ли встрѣтится между нами такая благородная щекотливость, такая безкорыстная привязанность!

Но потерпите немного; я не разстанусь съ моими добрыми Каролинцами, не описавъ ихъ вамъ во всей природной простотѣ, не заставя васъ полюбить ихъ. Воспоминаніе объ этихъ добрыхъ людяхъ, есть, безспорно, одно изъ самыхъ любимыхъ моихъ воспоминаній.

XXXIV.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Ротта. — Развалины. — Тиніанъ. — Домъ древностей.

По всему видно, что разбойникъ Ротиньянецъ, которой сдѣлалъ изъ меня такого славнаго нырка, успѣлъ скоро пристать къ берегу и протрубить тревогу по всей колоніи, потому-что мы на-другой день утромъ узнали, что жители, испуганные нашимъ сильнымъ залпомъ, съ поспѣшностію удалились во внутреннія лѣса и горы; но алькадъ, какъ человѣкъ съ душою болѣе сильной, нежели его подданные, надъ которыми онъ владычествовалъ по обра-

зу восточнаго монарха, немедленно отправилъ къ намъ пирогу гораздо-помѣстительнѣе первой, и поручилъ спросить у насъ, не имѣемъ ли мы къ нему какихъ приказаній.

– Конечно, отвѣчалъ я грозно, едва оправясь отъ моихъ страданій: я требую, чтобъ наказали лоцмана, который меня опрокинулъ.

— Онъ будетъ повѣшенъ, со всѣмъ своимъ семействомъ.

– Нѣтъ, этого не нужно; пусть только явится, чтобы оправдаться предомною.

— Я берусь представить его вамъ, съ связанными руками и ногами.

— А теперь можешь-ли ты высадить насъ на берегъ?

— Моя пирога къ услугамъ вашего превосходительства!

— Нѣтъ-ли какой опасности?

– Никакой, вода высока и мы легко проберемся.

— Можетъ-ли ѣхать со мною одинъ изъ моихъ друзей?

– Безъ всякаго сомнѣнія.

– Приставай-же къ берегу.

Я влѣзъ въ лодку; Бераръ въ-просонкахъ отказался ѣхать со мною, я отыскалъ Годшо, мы сѣли съ нимъ и направили судно прямо къ столицѣ острова.

Я уже сказывалъ вамъ, что пріѣздъ нѣсколькихъ Французовъ встревожилъ всю колонію, и городъ опустѣлъ отъ страшнаго залпа нашихъ охотничьихъ ружей; но губернаторъ, человѣкъ съ характеромъ и съ умомъ, устоялъ противъ такой грозы, и разсчитывая на почотную капитуляцію, мужественно ожидалъ въ своемъ соломенномъ дворцѣ прихода грозныхъ побѣдителей.

Нашъ торжественный въѣздъ обошолся безъ выстрѣловъ, и увѣряю васъ, что онъ очень-близко подходилъ къ смѣшному. Въ-самомъ-дѣлѣ, представьте себѣ, Тамерлана, увѣнчаннаго широкой соломенной шляпой, одѣтаго въ матросское платье, обутаго въ башмаки изъ толстѣйшей кожи, вооруженнаго красивымъ дорожнымъ альбомомъ, ящикомъ съ красками, станкомъ, зонтикомъ, и еще неоправившагося отъ послѣдствій поѣздки, которая, извѣстно вамъ, чѣмъ кончилась. Возлѣ меня величественно рисовался, въ нанковой куркѣ, маленькій человѣчекъ, столько-же блѣдный, какъ и я; спина его была защищаема, вмѣсто латъ, огромнымъ жестянымъ ящикомъ, служившимъ могилою несмѣтной арміи побѣжденныхъ бабочекъ и насѣкомыхъ; въ могучей рукѣ его была сѣтка для ловли этихъ повседневныхъ жертвъ; одѣтъ онъ былъ почти также богато, какъ и я. Великіе мужи, для блеска и славы, не имѣютъ нужды ни въ роскошной одеждѣ, ни въ богатствѣ тканей: простота приличнѣе всего побѣдителю.

Лишь только дали знать алькаду о прибытіи большой лодки, онъ надѣлъ единственныя бѣлыя панталоны, какія у него были, и смущенный, встревоженный, помѣстился между своей женой, молодой и хорошенькой Чаморрой, и однимъ капитаномъ, по имени Мартинецъ, сосланнымъ сюда губернаторомъ, не знаю за какіе грѣхи.

При входѣ въ залу, мы замѣтили легкую, злобную улыбку, мелькнувшую на устахъ этихъ трехъ мѣстныхъ властей; это меня кольнуло такъ, что я не утерпѣлъ, чтобы не отплатить имъ слѣдующею краткой рѣчью:

— Мы прибыли къ вамъ, сказалъ я съ важнымъ видомъ: для ученыхъ изслѣдованій. г. Мединилла далъ намъ полную власть, но въ случаѣ если-бы онъ вздумалъ намъ отказать въ этомъ, то мы умѣли-бы открыть себѣ путь пушками нашего военнаго корвета. Мы спрашиваемъ васъ, милостивый государь, прежде нежели утвердимся здѣсь, съ кѣмъ мы будемъ имѣть дѣло, съ друзьями или непріятелями?

Алькадъ смиреннымъ голосомъ сталъ увѣрять насъ, что мы вольны дѣлать здѣсь, что̀ хотимъ, и пригласилъ насъ на полдникъ, который мы приняли съ величайшею радостію.

На другой день по-утру, Бераръ отправился изъ прои на берегъ, съ письмами отъ Гухамскаго губернатора, и вотъ мы уже располагаемся хозяевами на островѣ Роттѣ, гдѣ мы должны были пробыть два дня, для починки паруса, изорвавшагося во-время переѣзда.

Только-что мы встали по-утру, тотчасъ успѣли и отмстить. Мы разъодѣлись въ самыя щегольскія платья, и жена Алькада не отстала отъ прочихъ въ похвалахъ на-счотъ нашей красоты, истинно европейской. Что̀ ни говорите, а для толпы вездѣ нужны тряпки.

Послѣ завтрака, состоявшаго изъ превосходныхъ прохладительныхъ плодовъ, Годишо и Бераръ пустились въ свои экскурсіи по окрестностямъ, а я отправился снимать видъ церкви, совершенно похожей на Гуматскую, чтобы потомъ, по моему всегдашнему обыкновенію, заняться изученіемъ правовъ.

Роттскіе жители, удостовѣрившись изъ донесеній, приходившихъ со всѣхъ сторонъ, о нашихъ мирныхъ дѣйствіяхъ, возвратились толпами въ городъ, и повсюду искали случая побрататься съ столь незлобивыми побѣдителями.

Между Гухамомъ и Роттой существуетъ три вѣка разницы: здѣсь слова мудрость, стыдъ, добродѣтель, нравственность не имѣютъ никакого значенія; здѣсь родятся, ростутъ, множатся и умираютъ, вотъ и все; здѣсь нѣтъ брата и сестры, а есть только мужчина и женщина. Грустно, увѣряю васъ!

Однакожъ посмотрите на эту могучую растительность, утучняющую почву: сколько богатства можно-бы извлечь изъ нея? Осмотрите поля: они усѣяны безчисленнымъ множествомъ огромныхъ крысъ, которыхъ алчные зубы не могутъ однакожъ истребить богатствъ растительнаго царствъ: такъ оно здѣсь могуче! При всемъ томъ вы не можете сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы не наступить на этихъ всегрызущихъ животныхъ. Не дай Богъ вамъ попасться къ нимъ, во-время сна! Если не примутся серьёзно за истребленіе ихъ, то можно опасаться, чтобы колонія не сдѣлалась когда-нибудь жертвою этого ужаснаго бича.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, я отправился на берегъ, чтобы до вечера успѣть повидаться съ моими вѣрными и добрыми Каролинцами, которые сбѣжались всѣ, терлись носами о мой носъ, и которые, минуту спустя послѣ этого, усѣлись въ кружокъ и воспѣли свой ежедневный гимнъ Творцу вселенной. Пѣніе ихъ было тихое, нѣжное, пріятное, сопровождаемое граціозными движеніями и неимовѣрногибкимъ качаніемъ тѣла. Голосъ имѣлъ только три ноты; каждый стихъ продолжался почти съ минуту, а паузы въ половину того короче. Въ этотъ промежутокъ времени, каждый Каролинецъ обхватывалъ голову свою обѣими руками, какъ-бы для того, чтобы собраться съ мыслями. Окончивъ свою вечернюю молитву, они снова повторили ту, которую я привелъ вамъ прежде, и сдѣлали знакъ облакамъ, чтобы они удалились.

Замѣтивъ, что я улыбаюсь, глядя на ихъ суевѣріе, Таморъ моего судна спросилъ меня, дѣлаютъ-ли это въ нашихъ странахъ, въ минуты опасностей. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ, и этотъ добрый человѣкъ, по-видимому, удивился и огорчился этимъ; но когда я далъ ему обѣщаніе, по пріѣздѣ къ братьямъ моимъ, научить ихъ этой почтительной и признательной религіи, благодѣтельныя послѣдствія которой онъ высчиталъ по пальцамъ, мой благородный лоцманъ пожалъ мнѣ руку съ такою радостію, что чуть было не разда-

вилъ ее. О гостепріимный народъ! да пощадитъ тебя губительная цивилизація долго, долго, въ завоеваніяхъ своихъ! да живешь ты всегда среди сего обширнаго океана, куда бросило тебя само небо, забытый горячими и фанатическими проповѣдниками религіи, святой въ своемъ началѣ, но запятнанной столькими убійствами и святотатствами!

Въ цѣломъ городѣ считается восемьдесятъ-два дома, и четыреста пятьдесятъ жителей на всемъ островѣ, который гораздо-меньше, нежели Гухамъ. Какихъ-бы превосходныхъ заведеній нельзя было устроить на землѣ, такой богатой и роскошной, подъ этимъ небомъ, чистымъ и благорастворенным!

Улицы всѣ вымощены, такъ сказать, крестами, свидѣтельствующими о древнихъ и новѣйшихъ чудесахъ. Небольшой крестикъ ставится для новорожденнаго дитяти, большой крестъ для отрока, пріѣзжающаго съ Гухама, третій для умирающаго старца, потомъ опять крестъ за излеченіе ушиба, а самый красивый изъ всѣхъ за взаимную любовь. Въ каждой улицѣ бываетъ отъ двадцати до двадцати-пяти крестовъ, а такъ-какъ мужчины и женщины всѣ безъ изъятія преклоняютъ колѣна предъ этимъ священнымъ символомъ нашей религіи, то весьма-справедливо было-бы сказать, что Роттскіе жители ходятъ безпрестанно прихрамывая.

Видно, что здѣсь прошла Испанія, но Испанія грязная, то есть Испанія капуциновъ и монаховъ, подъ вліяніемъ которыхъ еще доселѣ стонутъ, въ Европѣ, столько городовъ и провинцій. Впрочемъ надо сказать, что Роттиньянцы вовсе не виноваты въ томъ невѣжествѣ, въ которое погрузили ихъ и держатъ до-сихъ-поръ Испанцы.

— Вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ, сказалъ мнѣ г. Мартинецъ: какъ ни одинъ священникъ не былъ здѣсь въ колоніи и не поучалъ народъ; болѣе двадцати лѣтъ, ни одинъ губернаторъ не просилъ у Манильи проповѣдника для архипелага Маріанскихъ острововъ; потому-что, прибавилъ онъ съ грустію, если вы уже слышали или видѣли отца Кириѣко, то, значитъ, поняли, какое вліяніе можетъ имѣть нравственность такого лица.

— Вы совершили чудесное путешествіе, сказалъ мнѣ въ другой разъ сосланный капитанъ: вы, я думаю, уже хорошо знаете, чего стоитъ этотъ каролинскій народъ, который, по какому-то небесному чуду, европейскіе просвѣтители забыли или не захотѣли, изъ пренебреженія, соблазнить и развратить. Такъ знайте-же! лишь только я завижу въ открытомъ морѣ ихъ летучія проа, то дрожу отъ страха, чтобы они не занесли отъ насъ гибельныхъ сѣмянъ нашихъ глупостей, пороковъ и нашего звѣрскаго усыпленія.

Въ молитвѣ и трудахъ заключается вся религія Каролинцевъ; дайте волю Европейцамъ, и вы увидите, что́ станется вскорѣ съ этимъ мирнымъ и счастливымъ архипелагомъ.

Роттскіе дома, подобно гухамскимъ, построены на сваяхъ, но гораздо неисправнѣе, чѣмъ послѣдніе. Мужчины, говоря собственно, не имѣютъ на себѣ одежды, потому-что надѣваютъ одни подштаники только по воскресеньямъ.

Женщины обнажены еще болѣе, нежели мужчины, потому-что онѣ прикрываются только платочкомъ, который придерживается на поясницѣ посредствомъ небольшаго снурка. Онѣ гораздо-красивѣе, легче, пламеннѣе Гухамскихъ женщинъ; въ ихъ походкѣ видно болѣе свободы; волосы ихъ вообще волнистѣе, пышнѣе, мягче, чернѣе; руки и ноги сложены удивительно.

Мы часто встрѣчали на горахъ и въ лѣсахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ юныхъ, несчастныхъ твореній, которыя, при

нашемъ приближеніи, убѣгали, испуганныя, потому-что считали насъ за какія-то высшія существа, на которыхъ онѣ, изъ почтенія, изъ благоговѣнія, не смѣли останавливать взоровъ своихъ. Бѣдныя дѣти, которыхъ мы такъ старались разувѣрять въ противномъ!

Такъ-какъ на островѣ нѣтъ священниковъ, то эти молодыя дѣвушки не выходятъ за-мужъ; а потому вы легко угадаете о послѣдствіяхъ подобнаго порядка вещей.

Въ окрестностяхъ города, нѣтъ ни одного источника, ни одного ручейка прѣсной воды, такъ-что жители принуждены пить воду изъ колодца въ нѣсколько футовъ глубиною, вырытаго во ста шагахъ къ сѣверу отъ пристани. Но для сохраненія дождевой воды, употребляютъ здѣсь довольно-замысловатое средство, впущенное, по-видимому, необходимостію.

На вершинѣ кокосоваго пня Роттиньянцы утверждаютъ одинъ изъ его листьевъ въ вертикальномъ положеніи, такъ, чтобы толстая сторона оси (arête) приходилась къ верху; второй листъ привязанъ къ первому въ такомъ-же видѣ и направленіи, третій ко второму, и такъ далѣе, внизъ, до двухъ или трехъ футовъ отъ земли, и всѣ они имѣютъ свои листки прикрѣпленные къ своему стеблю. Дождевая вода течетъ по протяженію этой природной цѣпи, какъ-бы по желобку и стекаетъ въ кувшинъ, до котораго спускается нижній листъ. Подобнаго рода водосточные приборы видны почти на всѣхъ кокосовыхъ деревьяхъ.

Дикіе не легко совершенствуются; но какимъ чуднымъ изобрѣтательнымъ инстинктомъ одарило ихъ небо!

Такъ-какъ капитанъ Мартинецъ сказалъ мнѣ, что въ срединѣ острова существуютъ любопытныя развалины, чему, впрочемъ, я не очень вѣрилъ, то я пошолъ по дорогѣ, которую онъ показалъ мнѣ, и послѣ двухъ часовой безостановочной ходьбы, подъ сѣнію прелестнѣйшихъ деревъ въ мірѣ, увидѣлъ предъ собою круглую колоннаду, которой разбросанные тамъ и сямъ обломки свидѣтельствовали о какомъ-то грозномъ волканическомъ изверженіи. Но какой-же народъ воздвигъ здѣсь эти величественныя массы, до тридцати футовъ въ вышину, хорошо изсѣченныя, правильныя, безъ изваяній, безъ малѣйшаго признака, который могъ-бы или хотя приблизительно позволилъ предполагать объ эпохѣ ихъ таинственнаго основанія? Что сталось съ этими зодчими? Какому Богу, какому духу, какому генію, былъ посвящонъ этотъ храмъ? Да, этотъ огромный памятникъ, имѣющій болѣе тысячи шаговъ въ окружности, былъ храмъ. Нынѣ, подлѣ, рядомъ съ этими развалинами, являются скромные, незамѣтные домики, некрасивые, непрочные, а въ отдаленныя времена подавляли землю величественныя массы, предъ которыми преклоняешь голову въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ.

Возвратясь изъ этой занимательной прогулки, обогатившей мой альбомъ, и въ которой спутниками мнѣ были Бераръ и Годишо, мы направили стопы къ одному потоку, обозначенному на топографической картѣ, висѣвшей на закоптѣлыхъ стѣнахъ дворца алькадскаго; потокъ этотъ катитъ свои прозрачныя воды между двухъ горъ. Берега его покрыты разбитыми раковинами, кораллами, звѣздчатками; растительность у подошвы горъ могуча, на склонахъ прекрасна, а поднимаясь выше, теряетъ свою силу и блескъ. А далеко-ли то время, когда море покрывало эти высокія, безмолвныя горы?

Солнце взошло уже высоко, и несносно палило, хотя иногда морской вѣтерокъ и умѣрялъ жаръ его *); но до

*) См. примѣчанія въ концѣ тома.

наступленія ночи у насъ было еще достаточно времени, чтобъ обойдти городъ, гдѣ могли ускользнуть отъ насъ любопытныя подробности. Мы отправились въ церковь. Въ одной часовнѣ, посвященной Св. Дѣвѣ, постоянно горятъ пять свѣчь, за которыми наблюдаетъ женщина, поочередно смѣняемая другою, какъ часовой смѣняетъ часоваго. Если которая изъ нихъ допуститъ погаснуть священный огонь, то ее строго наказываютъ, и выгоняютъ изъ города на три мѣсяца. Этотъ обычай ведетъ начало свое отъ ужаснѣйшаго землетрясенія, которое чуть было не поглотило всю Ротту, оставивъ однакожъ невредимою одну церковь. Жена алькада, которой невѣжество невольно забываешь, смотря на нее, когда она говоритъ, разсказывала намъ, что во время этого ужаснѣйшаго землетрясенія, о которомъ жители до-сихъ-поръ вспоминаетъ съ какимъ-то священнымъ ужасомъ, одна молодая дѣвушка, коей добродѣтели стыдили подругъ ея, собрала ихъ всѣхъ на площади, осыпала ихъ горячими укоризнами за пороки, коимъ предавались онѣ, запретила имъ плыть къ берегомъ Гухама, гдѣ они надѣялись найти убѣжище отъ небеснаго гнѣва, и въ знакъ раскаянія, возложила на нихъ поддерживать въ храмѣ священный огонь, которому поклоненіе до-сихъ-поръ еще не ослабѣло. Рядомъ съ образомъ Святой Дѣвы, виденъ, увѣнчанный звѣздами, настоящій портретъ молодой дѣвушки, въ положеніи совершенно-воинственномъ. Пылкая проповѣдница принимаетъ на свою долю половину молитвъ и куреній, возсылаемыхъ покровительницѣ Ротты.

Разсказъ хорошенькой жены алькада былъ перерываемъ крестными знаменіями, которая съ благоговѣніемъ творила она всякой разъ, когда имя Святой Дѣвы или молодой дѣвушки вырывалось изъ устъ ея; но я спѣшу прибавить, не-смотря даже на то́, что меня упрекнутъ въ злословіи, что эта наружная религія была для нея дѣломъ привычки, и что сеньйора Ріальда Долоресъ питала такую пламенную привязанность къ освященнымъ чоткамъ и и наплечникамъ, что нѣтъ ни какой жертвы, на которую не рѣшилась-бы ея стыдливость, лишь-бы обладать хотя однимъ изъ этихъ украшеній, въ которыхъ честный ея мужъ такъ любилъ видѣть ее наряженною.

Приходится по-неволѣ описывать нравы такъ, какъ мы изучили ихъ.

Какое счастье для набожной Долоресъ и для насъ, закоренѣлыхъ грѣшниковъ, что наши запасы были не истощимы и что наше великодушіе, ясно доказанное, не оставалось никогда у нея въ долгу.

Послѣ церкви, совершенно повалившейся, мы посѣтили монастырь, къ которому она пристроена. Мы нашли тамъ, въ обширной залѣ, расколотую скрипку, треснувшую гитару и обломки арфы, любимаго инструмента послѣдняго священника колоніи. Теперь вы можете посудить объ ихъ древности! Крысы выгнали насъ изъ зданія.

И все тутъ? Не думаю, ибо за-чѣмъ описывать вамъ глубокую грусть, невольно зараждающуюся въ душѣ при видѣ этихъ разбросанныхъ богатствъ, которыя вы съ горестію попираете ногами, при видѣ этихъ обширныхъ долинъ съ хлопчатыми деревьями, изъ конхъ промышленость могла-бы извлечь такія огромныя выгоды? Къ чему снова разсказывать вамъ съ восторгомъ объ этой могучей, полной жизни красотѣ юныхъ дѣвъ Ротты, еще болѣе достойныхъ сожалѣнія въ ихъ изгнаніи, потому-что тропическое солнце и морской воздухъ, всегда освѣжающій, удвоиваютъ ихъ силы и пылкость? Какія славныя колоніи можно было-бы завести на архипелагѣ Маріанскихъ острововъ!

Прибавить-ли мнѣ, какъ противупо-

ложность къ картинѣ, что я нашолъ и нарисовалъ въ бѣдной хижинѣ, удаленной отъ города, одного несчастнаго, распростертаго на рогожѣ, совершенно покрытаго шишками, изъ которыхъ одна между прочимъ, шла отъ поясницы и ниспадала до земли, подобно большому мѣшку, до половины наполненному жидкостью? Ужасно было видѣть, страшно, отвратительно дотронуться: этотъ человѣкъ назывался Доріа; онъ едва таскался, жилъ одинъ, питался плодами изъ сада, растущаго подлѣ его хижины и былъ постояннымъ предметомъ ужаса для всей колоніи.

Несчастіе заразительнѣе язвы, и всякой бѣжитъ отъ него съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Доріа плакалъ отъ любви и благодарности, прощаясь со мною: онъ замѣтилъ (и взоромъ благодарилъ небо), что я нарочно забылъ у его страдальческаго одра два платка, ножъ и рубашку.

Каролинцы разбудили насъ на третій день нашего пріѣзда въ Ротту, и мы тотчасъ-же отправились на рейдъ, въ сопровожденіи капитана Мартинеца, — который представилъ мнѣ просьбу и о которомъ я хотѣлъ похлопотать у губернатора, — алькада, его жены, разодѣтой щегольски въ наши чотки и нарамники. Увѣряю васъ, что отъѣзда не бываетъ безъ слезъ, особенно когда грозитъ вѣчная разлука.

Вѣтеръ дулъ сильный, но безъ шкваловъ, такъ что наши лоцмана не боялись опасностей бурнаго плаванія, борясь въ добавокъ съ быстрымъ теченіемъ, которое несло насъ къ западу *). Мы промчались мимо Агиньяна, пустыннаго и ненаселеннаго Агиньяна, имѣющаго видъ остроконечнаго конуса, осѣненнаго на вершинѣ богатой зеленью, но у подножія коего безпрестанно ревутъ валы.

Агиньянъ исчезъ въ свою очередь, и передъ нами показался Тиніанъ, островъ древностей, прославленный страницею Руссо и пребываніемъ Ансона, коего экипажъ, мучимый цынгой и кровавымъ поносомъ, нашолъ новую жизнь и веселость подъ его прохладною тѣнію.

При первомъ моемъ взглядѣ, все потеряло цвѣтъ, все измѣнило видъ: ищу эти величественныя массы римасовъ и пальмъ, столь нѣжныхъ, пріятныхъ для глазъ и для сердца, и вижу кругомъ себя только искривленныя деревца. Я хочу посѣтить эти вѣчные и мрачные лѣса, которые напомнили-бы объ очаровательнѣйшихъ мѣстахъ Тимораи Симоа, и ступаю только по обломкамъ, на-половину превратившимся въ прахъ, и болѣзненно хрустящимъ подъ моими тяжолыми стопами Всюду видна умирающая природа; со всѣхъ сторонъ ветхость, нищета, могильное безмолвіе. Тиніасъ не что иное, какъ трупъ.

Поэтому Ансонъ и другіе мореплаватели солгали? Нѣтъ, Ансонъ и мореплаватели сказали правду. Быть-можетъ, я, въ свою очередь, услышу опроверженія отъ тѣхъ, которые послѣ меня посѣтятъ этотъ занимательный и поэтическій островъ.

Объяснюсь подробнѣе.

Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, находятся Сейналъ и Анатахалъ, острые конусы, жаркія печи, въ которыхъ воспламеняется сѣра, гдѣ клокочутъ, откуда извергаются лава и горная смола. Въ одинъ изъ столь частыхъ дней гнѣва, эти волканы поколебали землю, оттолкнули волны океана и низпровергли эту чудную растительность, на которой съ недавняго времени начала пробиваться новая растительность. Дайте ей подняться, и мое теперешнее описаніе будетъ невѣрно, по-

*) См. примѣчанія въ концѣ перваго тома.

кажется вымысломъ, мечтою, созданною воображеніемъ путешественника.

Какъ-же иначе истолковать, какъ не однимъ изъ этихъ подземныхъ потрясеній, которымъ такъ часто подверженъ этотъ архипелахъ, присутствіе на Тиніанѣ немзенныхъ камней, выгорковъ и шлаковъ, коими, такъ сказать, подернуты берега и внутренность острова, тогда-какъ на самомъ островѣ не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ дѣятельности волкана?

Тиніанъ уже воскресаетъ, и адмиралъ Ансонъ скоро будетъ правѣе меня.

Нынѣ римасы, пораженные въ самыхъ корняхъ, потеряли свое важное величіе; арбузы, дыни, ямы, (igname), нѣкогда такъ прославляемые, не имѣютъ уже той сладости, которою отличаются сего рода плоды въ Гухамѣ и въ Роттѣ; и кокосовыя деревья, лишонныя соковъ, печально преклоняютъ свои увядшія вершины: они какъ будто терзаются, взирая на страданія природы, и хотятъ умереть вмѣстѣ съ нею.

Пріѣздъ вашъ въ гавань надѣлалъ столько шуму и такъ сильно напугалъ жителей четырехъ или пяти домиковъ, противъ которыхъ мы пристали, что почти не кому было принять насъ. Однакожъ алкадъ, дрожа отъ страха, рѣшился явиться къ намъ; онъ спросилъ насъ, по какому случаю мы сдѣлали ему честь нашимъ посѣщеніемъ, и когда мы объявили ему о своемъ санѣ, бѣдняга согнулся до земли и просилъ прощенія, что осмѣлился сначала принять насъ за дикихъ или бѣглецовъ изъ столицы всего архипелага. Его три дочери, довольно-чисто одѣтыя, поднесли намъ различные плоды, которые мы приняли, подаривъ имъ въ замѣнъ множество европейскихъ бездѣлушекъ, и съ этой минуты до самаго нашего отъѣзда между нами воцарилось совершенное согласіе. Вотъ это славно, — побѣды, такъ дешево выигранныя!

Осмотримъ теперь островъ.

Онъ долженствовалъ быть колыбелью великаго народа, стертаго съ лица земли однимъ изъ тѣхъ нравственныхъ переворотовъ, которые потрясаютъ царства и уничтожаютъ цѣлыя поколѣнія. Всюду видны развалины, на каждомъ шагу обломки колоннъ и пилястровъ. Кто обиталъ въ семъ огромномъ зданіи, до половины вросшемъ въ землю? Гдѣ тотъ народъ, который разорилъ его? Что сдѣлалось съ побѣжденными? Откуда пришли побѣдители? Здѣсь ничто не можетъ служить основаніемъ вѣроятному предположенію, ни одинъ взоръ не проникнетъ сквозь густой мракъ, насъ окружающій.

Развалины лучше всего уцѣлѣвшія возвышаются въ ста шагахъ отъ пристани, влѣво отъ алкадскаго дома, который, съ тремя или четырьмя хлѣвами, въ коихъ запираютъ дикихъ кабановъ, пойманныхъ въ лѣсахъ, составляетъ все селеніе. Число всѣхъ жителей острова простирается до пятнадцати человѣкъ, считая въ томъ числѣ жену алкада, которую пельзя почесть Венерою, трехъ его дочерей, совсѣмъ не похожихъ на Граціи, и отца, который далеко отсталъ отъ Аполлона. А при всемъ томъ, это называется на Маріанскихъ островахъ городомъ, губернаторомъ и колоніею.

Развалины, о которыхъ я вамъ говорилъ, составляютъ галерею, длиною въ шестьдесятъ шаговъ. Пилястры четыреугольные, прочные, безъ украшеній, безъ цоколей, толщиною въ четыре съ половиною фута, вышиною въ двадцать-пять, увѣнчанные полушаріемъ, утвержденнымъ на своей дугѣ. Удивительно, отчего, при паденіи множества изъ этихъ пилястровъ, опрокинутыхъ какимъ-нибудь землетрясеніемъ, это колоссальное полушаріе не

отдѣлилось отъ цѣлаго, куда оно, безъ сомнѣнія, было поставлено уже послѣ отдѣлки?

Четыре пилястра валялись между хворостникомъ, шестнадцать, оставшихся стоймя, казалось, не пострадали отъ времени, а ожидали и вызывали на бой новыя подземныя потрясенія, желая помѣриться съ ними силами.

Эти развалины, почти походящія на различныя древнія развалины, вновь-открытыя въ Америкѣ, названы, подобно Роттскимъ, *домами древностей*, или лучше сказать, *домами древнихъ*.

Близь описанныхъ мною развалинъ, не вдалекѣ отъ берега, находится прекрасный колодезь въ двѣнадцать футовъ въ діаметрѣ, въ которой можно спуститься по красивой деревянной лѣстницѣ; онъ равномѣрно называется *колодеземъ древнихъ*, и я говорю о немъ для того только, чтобы указать его мореплавателямъ, которые найдутъ въ немъ довольно-сносную для питья, хотя нѣсколько солоноватую воду.

Но проникните во внутренность острова: вы встрѣтите повсюду обломки колоннъ и пилястровъ, возвышающихъ свои бѣлыя главы посреди густыхъ кустарниковъ экваторіальныхъ растеній. Здѣсь кругообразныя зданія, тамъ прямыя галереи, пересѣкаемыя другими извилистыми галереями, то весьма-длинными, то короткими, глядя по произволу прихотливаго архитектора. Это составляетъ обширный хаосъ зданій, сокрушенныхъ вѣками, хаосъ величественный для глазъ, но, къ-несчастію также, хаосъ безполезный, не поучительный для исторіи людей, живщихъ на сей землѣ, которую вы недавно назвали-бы еще дѣвственною, едва возникшею изъ бездны океана.

Надобно ѣхать.

Конечно, безпрестанное присутствіе трехъ дочерей алкада посреди насъ, углублялись-ли мы въ лѣса для размышленія и изученія, или отдыхали на своихъ койкахъ, имѣло нѣкоторую цѣну, и очень льстило нашему самолюбію; но пустыня при нихъ нисколько не согласовалась съ нашимъ страннническимъ образомъ жизни.

XXXV.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Возвращеніе въ Аганью. — Плаваніе Каролинцевъ. — Праздники, данные Губернаторомъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Каролинцевъ, отправившихся въ Сейпанъ, для возобновленія истощившагося запаса кокосовъ. Альбомы мои были наполнены множествомъ любопытнѣйшихъ рисунковъ; Тиніанъ занялъ мѣсто, приличное этому таинственному острову, въ моемъ пылкомъ воображеніи, и я глазами искалъ на горизонтѣ Аганьи.

Пятнадцать человѣкъ, населяющихъ Тиніанъ, суть не что-иное, какъ преступники, сосланные г. Мединиллой; они обязаны снабжать столицу архипелага извѣстнымъ количествомъ соленаго мяса.

На охотѣ за дикими свиньями и кабанами употребляются копья и ружья; но охота за быками и буйволами, разсѣянными по лѣсамъ, весьма-опасна; за-то, за доставку въ Гухамъ извѣстнаго количества ихъ, ссыльный получаетъ прощеніе, а потому эти пятнадцать человѣкъ проводятъ наибольшую часть дня на охотѣ за свирѣпыми животными.

Между камешками, коими бываютъ усѣяны берега, часто находятъ эллиптическій камень, розоваго цвѣта, гладкій, опять таки называемый *камень древностей*, и служившій, какъ мнѣ сказывали, для метанія пращею отборнѣйшимъ воинамъ. Съ какимъ-же народомъ этотъ народъ велъ войны? Все такъ таинственно въ исторіи этого великолѣпнаго архипелага.

Вотъ и летучія рыбы показались въ небольшомъ проливѣ, съ милю не болѣе раздѣляющемъ два острова; мы спѣшимъ приготовить все для возвратнаго пути, дружески пожимаемъ руки алькада и его семейства; мы не забываемъ обласкать одного каролинскаго Тамора, поселившагося здѣсь за нѣсколько лѣтъ, со своею хорошенькою женою, на которую не даромъ Марикитта сердилась долгое время, и одаривъ главу острова множествомъ образовъ, мы забились снова въ свои тростниковыя лодки, и, преслѣдуемые проливнымъ дождемъ *), поплыли подъ парусами къ Гухаму, куда спѣшили мы доставить результаты нашихъ любопытныхъ изысканій, и куда прибыли наконецъ, измученные и избитые, послѣ двѣнадцати-дневнаго отсутствія.

Безъ сомнѣнія, Тиніанъ есть самый скучный и наиболѣе разоренный островъ изъ всего Маріанскаго архипелага; но вмѣстѣ съ этимъ Тиніанъ — священное мѣсто для изученія и размышленій. Кто знаетъ? можетъ-быть, при помощи новыхъ открытій на ближайшихъ островахъ, Агиньянѣ, Агриганѣ, Сейпанѣ, Анатаханѣ, можно бу-

*) Смотри примѣчанія въ концѣ перваго тома.

детъ найти истину и даже источникъ единственнаго *историческаго документа*, которымъ *грамоты* этой страны объясняютъ сооруженіе и разрушеніе колоссальныхъ остатковъ храмовъ, цирковъ и дворцовъ.

Вотъ переводъ этого документа:

«Тумула-Тага былъ главнымъ начальникомъ этого острова; онъ царствовалъ мирно, и никто не думалъ оспоривать у него власти. Вдругъ одинъ изъ его родственниковъ, по имени Тжокнанаи, поднимаетъ знамя возмущенія, и первымъ доказательствомъ его непокорности, было повелѣніе построить домъ, подобный дому его непріятеля. Образуются двѣ партіи; онѣ дерутся; домъ возмутителя осажденъ и разграбленъ, и изъ этой ссоры, возгорѣлась всеобщая война, разорившая, между прочимъ, эти первыя колоссальныя зданія.»

Вы знаете, какъ понимали философію исторіи испанскіе писатели этой эпохи.

Возвращеніе наше въ Гухамъ было истиннымъ счастіемъ для всѣхъ нашихъ друзей, которые считали насъ уже погибшими, потому-что наше отсутствіе не должно было продолжиться болѣе восьми дней. Но болѣе всего тронула насъ живѣйшая радость, дѣтскій восторгъ Каролинцевъ, которые были нашими лоцманами и проводили насъ съ такою ловкостію и безстрашіемъ; эту радость раздѣляли и тѣ, которые, не надѣясь на себя, оставались въ Аганьѣ. Все это трогало душу, потому-что ласки эти были искреннія, прыжки истинно-дѣтскіе, восклицанія восторженныя, изъ которыхъ ясно было видно, что сердце играло главнѣйшую роль въ этихъ шумныхъ изъясненіяхъ.

Пушечный выстрѣлъ, за которымъ послѣдовалъ второй, потомъ третій, мгновенно прервалъ эти порывы восторга. Опечаленные Каролинцы остановились вдругъ, какъ-бы пораженные громомъ; лица ихъ такія веселыя, такія открытыя, выразили глубокую горесть, и опять знакомыя мнѣ тѣлодвиженія и повседневныя молитвы, возсылаемыя къ грознымъ облакамъ, повторились ими при этомъ случаѣ, для умилостивленія гремящихъ *пакъ* (ружье, пушка).

Я взялъ моего любимаго Тамора подъ руку, успокоилъ его взглядомъ и ласковой улыбкой, и, принудивъ его слѣдовать за собою, почти силою привлекъ на площадь, гдѣ происходили обыкновенные салюты. Всѣ его товарищи, полные недовѣрчивости, послѣдовали за нами, но вскорѣ однакожъ ободрились, видя наше хладнокровіе и наши ясныя доказательства дружбы.

Это былъ день именинъ Фердинанда VII, Короля обѣихъ Испаній, и городскіе колокола съ трезвономъ возвѣщали объ этомъ торжественномъ днѣ: три музыканта, кларнетистъ, барабанщикъ и треугольникъ, послѣдуемые четырьмя солдатами и двумя офицерами, одѣтыми какъ уже вамъ извѣстно, обходили городъ, приказывая жителямъ мѣсть улицы передъ своими домами, между-тѣмъ-какъ толпа, разинувъ ротъ, металась взадъ и впередъ около губернаторскаго дома, на балконѣ котораго было поставлено окружное зеленью и красивыми кокосовыми листьями изображеніе могущественнаго покровителя этой колоніи, безъ всякой будущности.

И что-же! все было чинно и важно въ подобострастномъ колѣнопреклоненіи жителей предъ портретомъ ихъ монарха, и горе тому, кто изъ нихъ осмѣлился-бы не оказать самаго горячаго уваженія и благоговѣнія къ этому кумиру!

Желая какъ можно торжественнѣе отпраздновать имянины своего великаго владыки, донъ Іосифъ Мединилла велѣлъ заключить вечеръ народными

плясками и иностранными танцами. Вы, безъ сомнѣнія, угадали уже, для кого были устроены всѣ эти роскошныя увеселенія.

И дѣйствительно, мы занимали почетнѣйшія мѣста и готовились быть счастливыми. Ожиданіе не та-ли-же радость?

Сначала Чаморры, мужчины и женщины вмѣстѣ, составя кружокъ, прорыгали весьма-однообразную и некрасивую хороводную пляску; потомъ, въ составленный ими кругъ, ворвался какой-то кавалеръ-боецъ, вооруженный, вмѣсто копья, палкою, вызывая на какой-то странный поединокъ всякаго, кто-бы попробовалъ ему доказать, что избранная имъ въ супруги не есть красивѣйшая изъ женщинъ, на цѣломъ островѣ. Никто не осмѣлился опровергать его, и это недоумѣніе осталось нерѣшеннымъ, за недостаткомъ ратоборцевъ, что, впрочемъ, сильно огорчило молодую дѣвушку, которой Чаморръ объявилъ себя великодушнымъ покровителемъ.

Вотъ явились Каролинцы, а съ ними вмѣстѣ прилетѣло и счастіе. Это не что-иное какъ толпа школьниковъ, послѣ успѣшной школьной продѣлки. О! на устахъ у нихъ видна улыбка, исполненная доброты, въ очахъ выражается такой характеръ добродушія, что вы тотчасъ-же, по-неволѣ, принимаете, такъ сказать, половинное участіе въ ихъ дѣтскихъ веселостяхъ.

Сначала они становятся по мѣстамъ, подталкиваютъ другъ друга локтемъ, даютъ поочередно одинъ другому ногою ударъ подъ поджилки, потомъ подъ ляжку, а потомъ подъ другое мѣсто. Правая рука одного опирается о плечо его сосѣда; лѣвая рука виситъ, и тогда начинается робкое, тихое, правильное пѣніе, прерываемое тремя короткими слогами, изъ коихъ послѣдній короче прочихъ, и удареніе на него сильнѣе.

Послѣ приходятъ въ движеніе головы, также-какъ и все тѣло; движенія ускоряются, слова получаютъ бо́льшую силу; уши, у коихъ хрящъ оттянутъ внизъ, болтаются отъ затылка къ щекѣ; потомъ Каролинцы бѣгаютъ въ тактъ одинъ противъ другаго, и давъ другъ другу легкой толчокъ колѣномъ о колѣно, поворачиваются сначала плавно, потомъ скорѣе, потомъ съ необыкновенною быстротою; каждый упираетъ свою правую ногу въ лѣвую ляжку того, кого онъ уже держитъ за плечо, и эти движенія продолжаются съ сопровожденіемъ жужжанія, столь пріятнаго, что вы приняли-бы его за журчаніе источника, текущаго по мелкимъ камешкамъ.

По окончаніи каждой фигуры, вовремя роздыха, одинъ изъ Каролинцевъ, отдѣляясь отъ своихъ запыхавшихся товарищей, подходилъ къ намъ и спрашивалъ, довольны-ли мы? На мой удовлетворительный отвѣтъ, который онъ хорошо понималъ, добрые и веселые плясуны начинали смѣяться, и давали намъ жестами очень ясно понимать:

— Погодите, вы еще ничего не видали.

И они были правы.

Но какъ дать вамъ понятіе о странныхъ, разнообразныхъ, ловкихъ играхъ, которыхъ мы были свидѣтелями? Какъ передать вамъ ихъ, даже и несовсѣмъ точно? Во всякомъ случаѣ попробуемъ.

Каролинцы, въ числѣ шестнадцати человѣкъ, устроились въ два ряда, одинъ противъ другаго, почти на три фута разстоянія. Они болѣе не смѣются, не волнуются; они, по-видимому, собираются съ мыслями и приготовляются къ трудному и важному дѣлу; они совѣтуются, начинать или нѣтъ, наконецъ рѣшились. Послѣдуемъ взоромъ за ними.

Стоящій на правомъ флангѣ и его партенеръ испускаетъ три восклицанія:

Уа! уа! уа! на которые они отвѣчаютъ тремя ударами палки, одной о другую и надъ головою, съ быстротой, ровною тремъ слогамъ, раздающимся въ воздухѣ. Послѣ того они отдыхаютъ. Второй танцоръ съ своимъ противустоящимъ товарищемъ, повторяетъ ту-же фигуру; третій слѣдуетъ за ними въ свою очередь, и такъ далѣе до послѣдней пары.

Здѣсь они отдыхаютъ съ минуту, въ продолженіе которой каждый Каролинецъ дѣлаетъ видъ, будто повѣряетъ тайну на ухо своему сосѣду: вдругъ первый, стоящій въ головѣ шеренги и второй, противъ него, испускаютъ вмѣстѣ три: *уа! уа! уа!* ударяютъ три раза палками одна о другую, что̀ исполняютъ точно такъ-же второй первой шеренги и первой второй шеренги, такимъ-образомъ, что всѣ четыре палки скрещаются, не мѣшаясь между-собою и не встрѣчаясь, иначе-бы вся звучность ударовъ пропала. Остальные этой колонны слѣдуютъ ихъ примѣру, и изъ этого выходятъ звуки такіе громкіе, такъ правильно-перемѣшанные съ *уа! уа! уа!*, что ихъ можно было-бы почесть за удивительную машину Маэльцеля.

Но это еще только прелюдія. Теперь настала очередь первыхъ въ каждомъ ряду скрестить свою палку съ палкою третьяго, и какъ эти оружія скрещиваются и перекрещиваются, то необходимо, для избѣжанія всякаго безпорядка, всякой дисгармоніи, чтобы дѣйствующее лице сгибалось, выпрямлялось, вытягивалось, выбирая самое удобное мѣсто для этой хореграфической игры, столько трудной и такъ завлекающей любопытство. Первый обезоруживаетъ своего противника, второй немедленно подражаетъ ему, потомъ третій и до послѣдняго, такъ что изъ этихъ пассовъ и контръ-пассовъ, изъ этихъ ударовъ, исполняемыхъ методически, изъ этихъ *уа! уа! уа!* переходящихъ только на три ноты, изъ этой восторженной радости, предшествующей *пляскѣ*, потому-что это называютъ пляской, выходитъ, какъ я говорю, хаосъ, совершенно гармоническій съ головами, руками, плечами, движущимися въ лабиринтѣ палочныхъ ударовъ, летающихъ и встрѣчающихся твердо и размѣренно, и такая чудесная картина, что я, право, краснѣю отъ стыда, передавая вамъ ее такъ вяло и несовершенно.

Эти невинные поединки, эта пріятная музыка, продолжались съ полчаса; танцоры задыхались отъ усталости, но вскорѣ отдохнули, обрадованные нашимъ удивленіемъ и восторгомъ.

Между-прочимъ я еще ни слова не сказалъ вамъ о любопытнѣйшемъ произшествіи, случившемся на этомъ дружескомъ, семейномъ праздникѣ. О! право, нуженъ свой историкъ для этого народа, составляющаго исключеніе посреди столькихъ звѣрскихъ ордъ, народа, передъ которымъ всякая образованная нація обязана преклонять главу.

Между танцорами было много королей, и въ числѣ ихъ тотъ, который спасъ меня въ Роттѣ отъ вѣрной смерти; онъ занималъ въ пляскѣ первое мѣсто, заслуживая его вполнѣ своею гибкостію, ловкостію и искусствомъ. Но одинъ Таморъ, равный ему по произхожденію, охромѣвшій съ годъ тому назадъ, въ-слѣдствіе паденія съ вершины кокосоваго дерева, захотѣлъ также разъигрывать на праздникѣ важную роль, и разсердился, когда многіе стали въ томъ ему препятствовать. И что-же! не взирая на его стыдъ, его гнѣвъ и множество пылкихъ выходокъ, чисто княжескихъ, его подданные со смѣхомъ удалили его съ открытаго поля, на которомъ онъ навѣрное разстроилъ-бы всю гармонію. Изгнанный Таморъ былъ принужденъ отложить попеченіе вмѣшиваться въ танцы своихъ поддан-

ныхъ, и нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы заставить его забыть возмущеніе, передъ которымъ онъ долженъ былъ смириться.

Прежде чѣмъ опишу я вамъ пляски Сандвичанъ, которыя, по приказанію г. Мединиллa, были дополненіемъ къ пляскѣ Чаморровъ и Каролинцевъ, я долженъ разсказать вамъ, какимъ-образомъ эти несчастные сдѣлались здѣсь всеобщими рабами, избитые, изсѣченные и повсюду изъязвленные глубокими ранами; первое несчастіе не спасло ихъ отъ звѣрства слуги Евстафія, которому да благоволитъ небо, въ милосердіи своемъ, ниспослать только тысячную долю пытокъ, какими онъ помучилъ людей на семъ свѣтѣ!

Бостонское судно *Марія*, отплывшее изъ Атоаи, одного изъ Сандвичевыхъ острововъ, было гонимо вѣтрами до Агригана, гдѣ оно и разбилось. Экипажъ, состоявшій изъ Американцевъ и Сандвичанъ, спасся на островъ, и какъ въ такихъ гибельныхъ случаяхъ, чиноначитаніе всегда уничтожается, то и власть капитана вскорѣ была низвергнута, произошло возмущеніе; Американцы вооружили шлюбку и мужественно предались на произволъ океана. По видимому, волны не поблагопріятствовали имъ, потому-что съ тѣхъ-поръ не могли ничего узнать, что съ ними случилось. Море такъ хорошо скрываетъ свои тайны!

Что касается до другихъ, то, благодаря климату и богатой почвѣ, они нѣсколько времени пожили на этомъ плодоносномъ островѣ, постоянно колеблемомъ волканическими потрясеніями, и, можетъ-быть, наконецъ основали-бы тамъ колонію, съ помощію двѣнадцати или пятнадцати женщинъ, послѣдовавшихъ за ними во время сего плаванія, но одинъ испанскій бригъ, шедшій изъ Маниллы въ Аганью, плылъ близко мимо Агригана, увидѣлъ бѣдныхъ претерпѣвшихъ крушеніе и взявъ ихъ къ себѣ на судно, довезъ до Гухама. Увы! для этихъ несчастныхъ было-бы гораздо лучше, если-бъ ихъ никогда не открывали!

Взгляните на нихъ: не смотря на всѣ бѣдствія, они обязаны забавлять насъ, обязаны забавляться подобно намъ, потому-что имъ дано на то непремѣнное приказаніе; если они не будутъ плясать, ихъ засѣкутъ до крови, а потому они и начинаютъ свои пляски...

Женщины не стоятъ, но сидятъ на корточкахъ: это тоже пляска, но за то, надобно сказать, что на Сандвичевыхъ островахъ пляшутъ руками, головой и тѣломъ. Ноги составляютъ здѣсь предметъ роскоши, безъ нихъ легко можно обойдтись.

Сидя другъ противъ друга, или рядомъ, онѣ смотрятъ одна на другую грозными очами, раздувающимися ноздрями, съ губами трепещущими отъ ярости. Могильный звукъ вылетаетъ изъ ихъ трепещущей груди, и бой загорается: стая голодныхъ собакъ не бросится скорѣе къ корыту съ кормомъ. Глядя на эти ужаснѣйшіе прыжки, вы можете подумать, что это человѣческіе тѣла подъ вольтовымъ-столбомъ; это туловища, которыя мечутся впередъ, сгибаются назадъ, толкаются, крѣпко ударяются одно о другое, справа и слѣва; это могучія руки, которыя бьютъ красныя окровавленныя груди; волоса распускаются, и въ безпорядкѣ падаютъ на плеча, лицо и грудь: здѣсь ярость во всей своей силѣ, здѣсь бѣшенство во всемъ своемъ разгарѣ.

Никто изъ зрителей не спокоенъ, никто не смѣетъ вздохнуть, полагая, что присутствуетъ на кровавомъ боѣ, на всеобщемъ избіеніи. И все это называется пляской, игрой, праздникомъ, весельемъ! И вы здѣсь видите женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ, матерей также!.. О добрые Каролинцы! прекрасно вы сдѣлали, что удалились; по-

добныя зрѣлища растравили-бы сердца ваши, и я виню себя въ томъ, что не послѣдовалъ вашему примѣру.

Въ сценахъ, различнымъ образомъ исполненныхъ сандвичевскими мужчинами, господствовали тотъ-же безпорядокъ, тоже волненіе, таже дикость. Вмѣсто пѣнія они выли; вмѣсто тѣлодвиженій они колотили себя по ребрамъ; они ударяли ногами въ землю какимъ-то лихорадочнымъ образомъ, котораго описать невозможно.

Физическій характеръ этихъ людей совершенно гармонировалъ съ чувствами, выражавшимися въ ихъ отвратительныхъ пляскахъ. Глаза ихъ, кровожадные, пылкіе, всегда смотрятъ въ сторону; ихъ густыя брови осѣняютъ впалыя орбиты, густые и чорные волоса закрываютъ узкій лобъ; у нихъ ротъ большой, толстый, носъ сплюснутый, плеча широкія, твердыя, а руки и ноги неимовѣрно огромнаго размѣра.

И что-же? всѣ эти существа, такъ крѣпко сложенныя для сильнѣйшихъ человѣческихъ страстей, въ обыкновенной ихъ жизни кротки до невѣроятности; они спѣшатъ исполнить ваши малѣйшія желанія; безъ малѣйшаго ропота, терпятъ жесточайшіе удары, предпринимаютъ труднѣйшія и утомительнѣйшія путешествія, и съ величайшею благодарностію, какъ благодѣяніе, принимаютъ ничтожный подарокъ за ихъ ревностное самоотверженіе и преданность.

Между-тѣмъ воровство есть у нихъ такой порокъ, котораго не могутъ искоренить никакія наказанія. Бичь, голодъ, темницы, пытки даже не могутъ отвлечь ихъ отъ этой страсти, вкоренившейся глубоко въ душѣ ихъ, и если Сандвичанинъ не крадетъ, то это потому только, что у него нѣтъ подъ рукою вещи, которая могла-бы соблазнить его алчное желаніе присвоивать себѣ чужое.

Вотъ вамъ однакожъ истина, по видимому, очень-простая, которая можетъ служить доказательствомъ, что посредствомъ благодѣяній, дѣлаемыхъ съ умомъ, есть нѣкоторая возможность измѣнить или по-крайней-мѣрѣ смягчить врожденныя чувства этихъ людей, не имѣющихъ доселѣ ни малѣйшаго понятія о правахъ собственности.

Губернаторъ, всегда ко мнѣ обязательный, далъ мнѣ въ услуженіе Сандвичанина, молодаго, проворнаго, сильнаго, но въ вѣрности котораго я могъ сомнѣваться, судя по нѣкоторымъ его поступкамъ. Я поручалъ ему стирать бѣлье, которое всегда тщательно пересчитывалъ въ его присутствіи, и въ случаѣ недостачи какого-нибудь платка, косынки или другой вещи, онъ всегда обвинялъ кого-нибудь изъ своихъ товарищей или свою злосчастную звѣзду. Однажды я, замѣтивъ что у меня пропалъ прекрасный фуляръ, сдѣлалъ видъ, будто-бы очень доволенъ вѣрными услугами моего штукаря, и по благодаривъ его за это, предложилъ ему въ подарокъ фуляръ, очень похожій на тотъ, который пропалъ у меня: при этомъ подаркѣ, воришка мой сталъ въ тупикъ, смотрѣлъ на меня, разинувъ ротъ, и, казалось, колебался—принять-ли ему мой подарокъ или нѣтъ.

— Такъ ты отказываешься, Ахое?

— Нѣтъ, сударь.

— Развѣ этотъ платокъ тебѣ не нравится?

— О! нѣтъ, сударь; напротивъ очень, черезъ-чуръ нравится!

— Ну, такъ возьми его.

Ахое протянулъ дрожащую руку, и вышелъ изъ комнаты маленькими шагами, попячиваясь назадъ. Вечеромъ, приготовляя мою койку, онъ сказалъ мнѣ:

— Хорошо-ли вы, сударь, пересчитали сегодня утромъ бѣлье ваше.

— Хорошо.

— А я думаю, нѣтъ.

— Я увѣренъ, что да.

— Я вамъ служу очень-вѣрно, и этотъ разъ ничего не пропало.

— Это хорошо.

— Пересчитайте еще разъ.

— Пожалуй.

Дерзкій лицемѣръ сталъ на колѣни, перебирая весьма быстро тѣ вещи изъ бѣлья, въ цѣлости которыхъ я былъ убѣжденъ, но дойдя до фуляра похищеннаго по-утру, и который его совѣсть заставила мнѣ возвратить, онъ остановился съ улыбкою, давая мнѣ замѣтить, что фуляръ не исчезъ.

Въ Спартѣ, воръ мой получилъ-бы нѣсколько ударовъ ремнемъ; я же удовольствовался тѣмъ, что съ сожалѣніемъ улыбнулся, и изъ нашего взаимнаго поступка извлекъ ту нравственную истину, вѣрную во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, что великодушіе есть самое вѣрное средство обольщенія.

Женщины также высоки ростомъ, какъ и мужчины; смотря на нихъ сзади, на разстояніи четырехъ шаговъ, ихъ вовсе нельзя отличить отъ мужчинъ. Сильныя, неутомимыя, онѣ пренебрегаютъ домашними работами, легкими трудами, и съ безумною пылкостію предаются разработкѣ земель, подъ вліяніемъ горячаго, жгучаго солнца.

Надобно видѣть ихъ, въ особенности, когда море волнуется, бушуетъ, вздымаетъ валы, съ яростію разбиваясь о скалы и затопляя всѣ отмѣли; тогда онѣ, выжидая чтобы валъ поднялся высоко и принялъ ихъ въ свои нѣдра, съ радостію бросаются въ него, выплываютъ въ море, и снова борятся съ другой волной, которая не можетъ одолѣть ихъ.

Лишить возможности Сандвичанку купаться по крайней-мѣрѣ два раза въ день, значитъ наложить ей наказаніе; для избавленія отъ него нѣтъ жертвы, на которую она не рѣшилась-бы.

Не для того-ли я предпринялъ это долгое и трудное путешествіе, чтобы видѣть столько разнообразій природы?

У Сандвичанокъ, живущихъ въ Гухамѣ, зубы необычайной бѣлизны, равно какъ и у мужчинъ, которые впрочемъ всѣ добровольно лишили себя двухъ переднихъ верхнихъ зубовъ, по смерти ихъ великаго монарха Тамагама. Когда женщины прибыли сюда, волоса у нихъ были очень коротки, потому-что смерть любимаго государя, лишила ихъ этого лучшаго украшенія; но теперь волоса у нихъ сдѣлались опять очень-красивы и глянцовиты. Молодыя и кокетливыя дѣвушки Тимора смотрѣли на нихъ съ завистію.

Страсть ихъ къ разврату такова, что для удовлетворенія ей, онѣ готовы пренебречь всякой казнью, и не здѣсь навѣрное могутъ онѣ почерпнуть правила этой нравственности, которая изъ любви дѣлаетъ религію сердца, сильнѣе, чѣмъ религія разсудка.

Женщины чаморрскія сильно озлоблены противъ Сандвичанокъ; онѣ говорятъ объ нихъ съ сердцемъ, съ пренебреженіемъ; обращаются съ ними звѣрски, подвергаютъ ихъ труднѣйшимъ и самымъ чорнымъ работамъ. Виноваты-ли эти бѣдныя жертвы, что изъ такой жестокости извлекаютъ онѣ мщеніе, сообразное съ ихъ вкусомъ, и господствующею страстію?

Спустя немного времени по прибытіи этихъ несчастныхъ въ Гухамъ, ужаснѣйшее происшествіе навело страхъ на жителей, которые до-сихъ поръ еще разсказываютъ объ этомъ, дрожа отъ ужаса и указывая пальцемъ на злодѣя, играющаго тутъ такую кровавую роль.

Между женщинами Сандвичевыхъ острововъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ Аганьянѣ и перевезенныхъ въ Аганью, находилась одна молодая дѣвушка, отличавшаяся отъ прочихъ кротостію нрава и красотою. Во-время отсутствія губернатора, объѣзжавшаго тогда островъ, проклятый слуга его, этотъ

Евстафій, о которомъ я уже говорилъ вамъ, бросивъ жадный взоръ на бѣдную невольницу, овладѣлъ ею, и никто изъ высшихъ начальниковъ колоніи не осмѣлился возстать на него за это : до такой степени любовь господина покровительствовала подлостямъ его слуги.

По возвращеніи своемъ, г. Медиинлла, услышавъ о красотѣ молодой дѣвушки, пожелалъ видѣть ее и Евстафій долженъ былъ покориться. Итакъ онъ свелъ свою новую побѣду во дворецъ, гдѣ приняли ее весьма-радушно, и гдѣ она оставалась въ ожиданіи возврата Евстафія, котораго г. Медиинлла отправилъ въ Гухамъ, съ какими-то приказаніями. Во время его отсутствія, продолжавшагося до глубокой ночи, прелестная Сандвичанка оставалась во дворцѣ, и губернаторъ подарилъ ей платье для прикрытія ея наготы, и для защиты отъ нескромныхъ взоровъ и вліянія воздуха.

На другой день послѣ такого пріема, который непремѣнно возбудилъ-бы тщеславіе въ невольницѣ, если-бы она знала, что такое тщеславіе, Евстафій снова овладѣлъ своей добычей, ввѣренной его попеченіямъ, и удалился въ свое жилище, гдѣ кроткая дикарка, думая доставить ему удовольствіе, разсказала ему со всѣми подробностями о ласкахъ, какими такъ нѣжно осыпали ее. Евстафій былъ столько-же самолюбивъ, сколько ревнивъ и золъ; быть-можетъ, въ самомъ-дѣлѣ былъ онъ ревнивъ и влюбленъ (вѣдь и тигры любятъ и ревнуютъ!) и потому-то тайны, которыя она повѣрила ему, привели его въ такую ярость, что онъ, въ первомъ порывѣ гнѣва, хотѣлъ схватить *пашетъ* (ножъ) и зарѣзать дѣвушку; но кровь оставляетъ пятна, а преступленіе иногда бываетъ благоразумно обдуманно. Утромъ многіе видѣли, какъ онъ сидѣлъ у дверей, и очень прилежно выглаживалъ и напитывалъ жиромъ веревку изъ кокосовыхъ мочалъ; видѣли, какъ онъ связывалъ ее, развязывалъ, пробовалъ, мягка-ли она, хорошо-ли тянется, и какъ потомъ осторожно свернулъ ее и носилъ съ собою, въ теченіи цѣлаго дня всюду. Онъ былъ спокоенъ, хладнокровенъ, говорилъ улыбаясь и ходилъ какъ-будто честный человѣкъ; онъ очень хорошо пообѣдалъ остатками отъ губернаторскаго стола, славно поужиналъ; но на другой день по-утру, едва проснувшись, онъ сталъ на порогѣ своей двери, и говорилъ всякому прохожему, показывая самый спокойный видъ, какъ будто ни въ чомъ не бывало : «А вы не знаете, какую штуку сыграла со мной маленькая Сандвичанка? Пока я спалъ, эта глупенькая привязала веревку къ перегородкѣ моей комнаты, которой я прежде тамъ не замѣтилъ, и повѣсилась, не сказавъ мнѣ даже прости! Какая неблагодарная!»

Губернаторъ въ свою очередь узналъ о печальномъ произшествіи. Онъ призвалъ брата Киріако, заказалъ ему панихиду, слѣлалъ на свой счотъ гробъ для бѣдной, и приказалъ, чтобы ее похоронили въ священномъ мѣстѣ, противъ самой Аганьянской церкви.

Слугѣ Евстафію было приказано уѣхать въ Ротту, откуда черезъ мѣсяцъ вызвали его обратно, для занятія прежнихъ должностей.

При видѣ этого Евстафія, я чувствовалъ лихорадочную дрожь; когда я слышалъ, какъ милостиво разговаривалъ съ нимъ губернаторъ, то думалъ про себя: — вѣроятно, г. Медиинлла не знаетъ, что въ-тихомолку говорятъ объ этомъ подломъ Испанцѣ; ибо я могу увѣрить васъ, что г. Медиинлла человѣкъ съ благороднымъ характеромъ, человѣкъ твердый и прямой, не взирая на нѣкокорыя его слабости и странности.

Если я сегодня говорилъ вамъ долго объ этомъ демонѣ, бѣжавшемъ изъ ада

въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда сатана былъ въ бѣшенствѣ, то это потому, что я безпрестанно видѣлъ этого подлеца, во время танцевъ, которыя давались въ честь нашу по случаю праздника; потому-что я слышалъ безпрестанно голосъ его, оглушавшій меня: голосъ этотъ раздавалъ приказанія, чтобы сдѣлать занимательнѣе игры и церемоніи, которыми г. Меднилла думалъ заставить насъ забыть о Европѣ.

Вскорѣ мы опять отыщемъ Сандвичанъ; мы будемъ имѣть возможность изучить ихъ въ ихъ быту, въ ихъ селеніяхъ, хижинахъ, въ нѣдрѣ ихъ семействъ. Теперь возвратимся снова къ празднику, такъ хорошо устроенному г. Меднилой, и который еще долго не кончится, хотя прошла уже половина ночи: я забылъ сказать вамъ, что всѣ эти волшебства были исполнены при тускломъ мерцаніи множества факеловъ, отражавшихъ во всѣ стороны тысячи фантастическихъ тѣней.

Я не знаю хорошенько, откуда досталъ г. Меднилла различные костюмы для дѣйствовавшихъ лицъ въ этихъ послѣднихъ картинахъ; можетъ-быть, они въ-самомъ-дѣлѣ историческіе; можетъ-быть, нѣкоторые изъ карикатуристовъ Манильи или Лимы захотѣли подшутить надъ пѣхотнымъ лейтенантомъ инфантеріи, полномочнымъ правителемъ Маріанскихъ острововъ; а можетъ-быть онъ и самъ захотѣлъ испытать наше легковѣріе.

Какъ-бы то ни было, но дѣйствующія лица въ этихъ новыхъ играхъ, названныхъ *плясками Монтезумы*, были такъ смѣшно костюмированы, такъ глупо увѣшаны лентами и перьями, что главное изъ этихъ лицъ, представлявшее самого Монтезума, довольно вѣрно напомнило мнѣ смѣшнаго Оросмана въ Ріо-Жанейро, о которомъ я говорилъ вамъ въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. Увы! развѣ не во всѣхъ странахъ существуетъ сумазбродство?

Но были-ли эти костюмы привезены изъ Перу или нѣтъ, существуютъ-ли они со времени овладѣнія этой обширной Имперіей или были сдѣланы въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ, они необыкновенно великолѣпны. Шолковая ткань удивительной работы; краски, на нихъ разбросанные не совсѣмъ безъ вкуса, сохранились совершенно, а золотыя бахромы, которыми обшиты туники и мантіи, свидѣтельствуютъ о чистотѣ золота и о тонкомъ искусствѣ мастера, который ихъ дѣлалъ.

Насъ увѣряли, что эти пляски производились въ Перу и въ восточныхъ провинціяхъ Америки, во время всякаго религіознаго торжества и послѣ солнечнаго затмѣнія.

Опишемъ ихъ, но выкинемъ нѣсколько незначащихъ явленій этого рода драмы, которыхъ было отъ десяти до двадцати.

Сначала танцоры, числомъ до шестнадцати, стоя въ двѣ параллельныя линіи, на пять или шесть шаговъ разстоянія одинъ отъ другаго, затянули протяжную и однозвучную пѣсню; потомъ, съ торжественною важностію, пошли они или, лучше сказать, скользили другъ къ другу, колебля правой рукой вѣеръ, сдѣланный изъ перьевъ различныхъ птицъ, а лѣвой трясли пустой кокосъ, наполненный мѣлкими камешками. Подойдя къ одной общей линіи, танцоры остановились, запѣли быстрѣе какія-то слова, и поворотясь на пяткахъ, перемѣнили мѣста. Они готовы были начать тѣже самыя дѣйствія, при звукахъ довольно-согласной музыки, составленной изъ флейты въ два рожка, турецкаго барабана и тарелокъ, которыми ударяли одна о другую, какъ вдругъ герой, представляющій Монтезума, приблизился въ свою очередь, вознесъ свой огромный и великолѣпный вѣеръ и скипетръ съ золотымъ набалдашникомъ надъ головами

своихъ подданныхъ, и тогда они всѣ разошлись, чтобы приготовиться къ новымъ играмъ.

Второе явленіе было любопытнѣе, и наши хареографы, при всемъ ихъ искусствѣ, не могли-бы дойти съ помощію обручей и круговъ до половины тысячи фигуръ, разнообразныхъ, созданныхъ маріанскими танцорами, которые впрочемъ, со скромностію у насъ непонятною, называли себя только слабыми подражателями.

Монархъ, сидѣвшій на своемъ тронѣ, который замѣняли изломанныя кресла, всталъ опять, прошолъ по срединѣ фигуры, чрезвычайно-живописной, потомъ отправился опять на мѣсто и раздѣлилъ бойцовъ.

Третіе явленіе состояло изъ жаркой битвы; воины, вооруженные съ головы до ногъ, держа копье въ одной рукѣ и щитъ въ другой, наносили другъ другу удары, которые были-бы весьма опасны, если-бы ихъ не парировали съ удивительной ловкостью. Послѣ жаркой получасовой битвы, состоявшей то изъ поединковъ, то изъ общаго сраженія, Монтезума возвысилъ свой грозный голосъ, поднялъ скиптръ; оружіе выпало у всѣхъ изъ рукъ и воины обнялись съ любовію. Вы видите нравственную сторону пьесы.

Я чуть было не позабылъ сказать вамъ, что во-время этихъ важныхъ и торжественныхъ игръ, два паяца, одѣтые въ лохмотья и съ отвратительными масками на лицѣ, скакали, около главныхъ актеровъ, дѣлали тысячи прыжковъ, тысячи глупыхъ штукъ и оглашали воздухъ пронзительными криками и свистками. Это были главные шуты труппы. Когда уже всѣ пляски Монтезумы кончились, когда всякой изъ актеровъ облобызалъ руки монарха, возстановившаго миръ и согласіе между ними, насъ пригласили на прекраснѣйшій дивертисементъ, какой только можно себѣ представить. Его называютъ здѣсь: *танцемъ украшеннаго шеста*.

Это есть гладкая мачта, вышиною въ двадцать пять футовъ, съ вершины которой ниспадаютъ до земли привязанныя ленты различныхъ цвѣтовъ. Сначала актеры кружатся около мачты, не дотрогиваясь до лентъ, потомъ каждый беретъ ту ленту, какую подадутъ ему; стоящій въ головѣ рядовъ пускается бѣжать съ быстротою, второй слѣдуетъ за нимъ, потомъ третій, потомъ четвертый. Первый обращается назадъ и сталкивается съ прочими, пятой и шестой пускаются въ свою очередь и наконецъ всѣ, окружая мачту, посредствомъ лентъ составляютъ очень оригинальныя фигуры; это нѣчто въ родѣ калейдоскопа. Наши парижскіе театры сдѣлали-бы очень умно, если-бы вздумали показывать ихъ на сценѣ, равно какъ и танцы съ палками добрыхъ Каролинцевъ, живые, одушевленные, живописные и игры съ обручами въ танцахъ Монтезумы, о которыхъ одинъ только вѣрно снятый рисунокъ можетъ дать довольно-ясное понятіе.

XXXVI.

ОСТРОВА МАРІАНСКІЕ.

Небольшая повѣсть. — Болѣзни. — Подробности. — Нравы.

Выключая лѣни и воровства, которое есть логическое слѣдствіе лѣни, Маріанцы не могутъ упрекнуть себя въ большихъ недостаткахъ; распутство не считается между ними порокомъ, потому, что никто не потрудился объяснить имъ, какъ много въ немъ унизительнаго, и что тѣ самые люди, которые были-бы обязаны искоренять зло и наказывать его, прежде всѣхъ пользуются этимъ, обращаютъ его въ выгоду для своихъ удовольствій, для своей безнравственности. Сверхъ-того, такъ-какъ Европейцы очень-рѣдко посѣщаютъ эти архипелаги, то и случаи для паденія молодыхъ дѣвушекъ представляются черезъ весьма длинные промежутки времени, и надобно сказать правду, что Чаморры между-собою не слишкомъ-то любезничаютъ.

Маріанцы болѣе всего любятъ въ иностранцахъ ихъ радушіе, доброту и дружество. Войдите въ ихъ жилище съ словами: *Ave Maria*, подайте руку хозяину, потрепите по щекамъ его ребятишекъ, поцѣлуйте хозяйку одинъ разъ (но только одинъ разъ), расцѣлуйте въ прахъ ея дочерей, кузинъ, сестеръ, молодыхъ посѣтительницъ, говорите всѣмъ ты, и будьте увѣрены, что васъ примутъ какъ брата, какъ друга, какъ побѣдителя. Не церемоньтесь; тамъ лежатъ сикасовыя лепешки: покушайте ихъ; тамъ есть также мягкая койка: довѣрьте ей ваши усталые члены; женская рука будетъ качать васъ съ такою правильностію, что вы не замедлите заснуть; если не хотите спать, курите прекрасную сигару, предложенную съ радушіемъ, и слушайте латинскія кантики или еще чаще однозвучный старинный *романсъ*, напѣваемый въ носъ, но всегда занимательный по своей оригинальности. За все это на васъ лежитъ одна только обязанность — вотъ какая: общее правило, коль-скоро вы получили подарокъ, то непремѣнно обязаны отдарить въ свою очередь, если не хотите, чтобы васъ сочли за дикаго и за дурнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ, будьте увѣрены, что на вашу скупость станутъ вамъ намекать сперва обиняками, намеками, разными изворотами, на которые такъ богаты Чаморры. Потомъ начнутся импровизированные припѣвы; ихъ поютъ, а васъ просятъ прислушаться къ нимъ внимательнѣе; если-же вы упорно не хотите понимать ихъ, вамъ говорятъ уже на прямикъ, въ глаза, васъ учатъ — такъ какъ вы этого еще не знаете, — что тотъ, кто получаетъ что-нибудь отъ бѣднаго, долженъ дать ему въ свою очередь; что вы, какъ иностранецъ и посѣтитель, непремѣнно должны быть богаты; а когда вы богаты, то не должны пользоваться богатствомъ лишь для самого себя, и если вы получили сигару и выкурили ее, то можете забыть въ этомъ домѣ вашъ платокъ, потому что для всякой молодой дѣвушки

надобенъ платокъ, когда она идетъ къ обѣднѣ.

Я предупреждаю васъ объ этомъ для вашей-же пользы; можетъ-быть, мои разсказы возбудятъ въ васъ охоту странствовать по свѣту. За лепешки или кокосовый орѣхъ, подарите платокъ; за горсть банановъ — платокъ и чотки; за арбузъ или дыню — рубашку, вообще, въ десять и двадцать разъ болѣе цѣны вещи, которую вы получили: таково правило.

Маріанцы не имѣютъ въ себѣ ничего европейскаго.

Впрочемъ, есть вѣрное средство избавиться отъ этого тяжолаго обычая, господствующаго во всѣхъ семействахъ въ Аганьѣ; я долженъ указать вамъ это средство, чтобы вы всегда держали себя на-сторожѣ, когда пріѣдете туда. При входѣ въ домъ, говорите отцу и матери *ты*, подарите поцѣлуемъ ихъ молодую, хорошенькую дочь, разговаривайте, заставьте плясать ребятишекъ, но не принимайте ничего въ подарокъ. Не принять ничего — значитъ объявить, что вы не хотите ничего дать; васъ поймутъ, вы разстаетесь добрыми друзьями, и туземцы на васъ не въ-претензіи. Но если вы, предупреждая всякой подарокъ, щедро расточаете, съ своей стороны, чотки, перстни, образа и платки, то будьте увѣрены, все семейство переполошится и употребитъ всѣ усилія, чтобы доказать вамъ, какъ признательно принимаетъ оно благородство вашихъ поступковъ; вы драгоцѣннѣйшій гость въ домѣ, вы принадлежите къ семейству, вы тоже, что́ братъ, вы даже болѣе чѣмъ братъ, если того хотите.

О Марикитта! я вспоминаю всегда твою нѣжную признательность...

Со мною случилось происшествіе, очень-любопытное для всякаго наблюдателя, и которое, кажется, доказываетъ, что обычай — не принимать ничего даромъ, есть, можетъ-быть, одно изъ главныхъ постановленій древней религіи Чаморровъ. Кажется, что я могу сдѣлать это заключеніе.

Измученный продолжительной охотой, прибылъ я вечеромъ очень-поздно въ Аганью, и остановился въ одномъ красивомъ домикѣ, гдѣ я наканунѣ замѣтилъ молоденькую дѣвочку, лѣтъ тринадцати или четырнадцати, чистенькую, живую, очаровательную по своимъ крошечнымъ ножкамъ, нѣжности рукъ, граціозной походкѣ, а болѣе всего по быстротѣ взгляда, доходившей даже до дерзости.

— Ave, Maria, сказалъ я при входѣ.

— Gratia plena, синьйоръ.

— Ты здѣсь одна?

— Отецъ поѣхалъ на рыбную ловлю.

— Позволишь мнѣ присѣсть?

— Позволяю лечь въ мою койку, и если хотите, я буду васъ укачивать.

— У тебя такія хорошенькія ручки... я боюсь, чтобы онѣ не устали.

— А развѣ вы больше любите грязныя и толстыя руки?

— Нѣтъ; но мнѣ хочется посидѣть возлѣ тебя на этой скамейкѣ. Хочешь-ли поболтать со мною?

— Я не могу много разговаривать съ вами: я ничего не знаю. Однакожъ, да... мнѣ извѣстно, что вы знакомы съ Марикиттой, которая живетъ тамъ, подлѣ дворца.

— Кто тебѣ сказалъ это?

— Я сама знаю.

— И ты сердишься на меня за это?

— За что́-же?

— Она такъ хороша!

— И такъ добра!

— Это правда; всѣ въ Аганьѣ любятъ ее.

— И она такъ счастлива... у нея есть прекрасные платки, славный камзолъ, чудесныя юбки и чотки, освященныя нашимъ святымъ отцомъ Папою.

— Такъ ты была-бы очень-счастлива, если-бы у тебя было все это?

— Разумѣется. У меня одна только юбка, и та ужъ очень-стара; я хожу безъ камзола; тѣло мое голо; у меня нѣтъ освященныхъ чотокъ...

— Все это можешь ты достать себѣ.

— Какимъ образомъ?

— Что-бы ты сдѣлала, чтобъ имѣть ихъ?

— О! все, что-бы захотѣли, выключая худаго.

— Что ты разумѣешь подъ словомъ «худое»?

— Не брать въ церкви святой воды, не молиться, вставая и ложась спать, и не любить отца и мать.

— И это все?

— Все.

— Если я попрошу у тебя поцѣлуй?

— Я вамъ дамъ, пожалуй, сотню.

— Милая малютка, я дамъ тебѣ все, чего ты желаешь, не требуя отъ тебя ничего. Смотри, сказалъ я ей, открывая дорожный мѣшокъ: вотъ четыре большіе платка, которые, вмѣстѣ сшитые, составятъ для тебя прекрасную новую юбку; вотъ еще рубашка, которую ты можешь разрѣзать на камзолъ; образъ Богоматери Семи-горестей, чотки и священный нарамникъ. Я даю тебѣ все это съ величайшимъ удовольствіемъ. Довольна-ли ты?

— Вы видите, какъ я плачу отъ радости и признательности. Ночуйте здѣсь.

— Твой отецъ забранитъ тебя, воротясь домой.

— Онъ возвратится не прежде завтрашняго дня. Притомъ-же, будьте увѣрены, онъ не забранитъ меня.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, очень-заманчивой для Европейца, я увидѣлъ на дворцовой площади маленькую Чаморру, которая шла ко мнѣ; глаза ея распухли отъ слезъ, грудь сильно волновалась; она несла въ платкѣ всѣ вещи, которыя я подарилъ ей.

— Вотъ, синьйоръ, я возвращаю вамъ всѣ ваши подарки; возьмите ихъ назадъ, у меня нѣтъ ничего, что-бы я могла предложить вамъ въ-замѣнъ.

— Но я и безъ того, дитя мое, вполнѣ вознагражденъ твоимъ поцѣлуемъ и тѣмъ, что провелъ ночь въ твоей койкѣ; оставь у себя эти бездѣлки; онѣ принадлежатъ тебѣ; я не возьму ихъ назадъ.

И это существо молодое, прелестное, на слѣдующее воскресенье выступало важно въ церкви и по улицамъ. Ея подруги поздравляли ее; одна Марикитта смотрѣла на нее съ горестію: сердце такъ угадчиво!

Обычай мѣновой торговли, довольно-прибыльной для жителей, принятъ здѣсь вообще во всѣхъ классахъ *общества;* и выключая губернатора, который во всѣхъ своихъ поступкахъ выказывалъ благородство и великодушіе, и дона-Луи де-Торреса, всѣ Маріанцы, въ томъ числѣ даже и весь главный штабъ г. Мединиллы, свято исполняютъ сей обычай. Вы видите, это язва, но самая безопасная въ колоніи язва, отъ которой есть еще средство избавиться.

Въ Аганьѣ не было ни одного примѣра оспы, и прививаніе ея вовсе тамъ неизвѣстно. Доктора наши пробовали предупредить жестокія послѣдствія этой ужасной болѣзни, но ихъ прививная оспа была слишкомъ стара и слаба. Однакожъ г. Мединиллa, присутствовавшій при многихъ операціяхъ, далъ себѣ слово выписать оспенную матерію изъ Манильи, и воспользоваться нашими совѣтами, и горькой опытностію, пріобрѣтенною имъ на Филиппинскихъ островахъ. Впрочемъ нѣкотораго рода госпиталь, гдѣ Гг. Куаї (Quoy) и Гемаръ (Gaimard) основали свое жилище, былъ ежедневно осаждаемъ безчисленнымъ множествомъ посѣтителей, приходившихъ не для того, чтобъ лечиться, но непремѣнно вылечиться, какъ будто-бы

европейская медицина и въ-самомъ-дѣлѣ объ этомъ только и заботилась.

Мы видѣли добрыхъ и славныхъ Чаморровъ, которые приходили въ нашъ госпиталь, и умоляли докторовъ нашихъ приставить имъ вмѣсто ноги, которой у нихъ не было, другую ногу изъ тѣла, мяса и костей; нѣкоторые просили вылечить ихъ отъ несчастной любви; одна беременная женщина умоляла дать ей вѣрное лекарство, чтобы у ней родился мальчикъ, а не дѣвочка, а другая, сосѣдка ея, у которой не родились дѣти, умоляла дать ей лекарство отъ безплодія. Цѣлый день продолжались безпрестанныя посѣщенія; куча нелѣпыхъ просьбъ, смѣшныхъ требованій, и ниодного больнаго проказою, который осмѣлился-бы явиться туда! Тутъ было несчастіе, которое заглушало мольбу въ глубинѣ души!

Однимъ утромъ, крестьянинъ, желая наказать своего упрямаго лошака (потому-что лошаки въ Аганьѣ не измѣнили своей натуры и обладаютъ тѣми-же качествами, какія имѣютъ и въ Европѣ) убилъ его ударомъ топора по головѣ; лошакъ былъ очень-дорогой цѣны. Что-же вы думаете? отчаянный Чаморръ прибѣгнулъ къ г. Куаю, умоляя его дать ему лекарство для излеченія его бѣднаго животнаго!

— Что у него? спросилъ докторъ.

— Не знаю.

— Гдѣ у него болитъ?

— Не болитъ нигдѣ.

— Такъ чего-жъ ты хочешь?

— Чтобы вы его вылечили: онъ умеръ.

— Когда ужъ онъ умеръ, такъ никакое лекарство не поможетъ.

— Все-таки попробуйте.

— Поди вонъ, и оставь меня въ покоѣ.

— Богъ накажетъ васъ за это, сеньйоръ.

— Это ужъ мое дѣло.

— А я отомщу вамъ.

— О! это другое дѣло, а такъ-какъ я желаю жить со всѣми въ мирѣ и согласіи, то знай, что мое ремесло совсѣмъ не въ томъ, чтобы лечить скотовъ.

— Такъ какого-же чорта лечите вы во Франціи? возразилъ Чаморръ, уходя съ разстроеннымъ видомъ.

Это наивное возраженіе, которое мы могли принять за эпиграмму, заставило насъ смѣяться нѣсколько часовъ.

Что касается до ужасной болѣзни, привезенной, какъ говорятъ, солдатами Колумба изъ Америки, и сдѣлавшей столько несчастныхъ жертвъ въ Европѣ, гдѣ наука вотще старалась такъ долго преодолѣть ее, болѣзнь эта неизвѣстна на Маріанскихъ островахъ, и хотя она и опустошала, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Филиппинскіе острова, Тиморъ, Зундскіе острова и почти всѣ Молукскіе острова, но ни малѣйшаго признака ея не видно было ни въ Гухамѣ, ни въ Роттѣ, гдѣ однакожъ знаютъ ее. Прибавлю здѣсь мимоходомъ, что счастливые Каролинцы равномѣрно были пощажены этимъ грознымъ бичомъ, который, когда начнетъ свирѣпствовать, становится на-ряду съ чумою и проказою.

Весьма-любопытно и достойно вниманія, что въ нашъ госпиталь приходили люди, болѣе страдавшіе моральными, нежели физическими болѣзнями. Такимъ-образомъ у насъ спрашивали лекарства отъ гнѣва, декоктъ отъ любви, успокоительное средство отъ жажды къ богатству; этотъ просилъ, чтобы ему дали средство открыть вора, котораго онъ сдѣлался жертвою; тотъ требовалъ секрета помѣшать безпрестанно спать одной молодой дѣвушкѣ; третій — порошковъ, чтобы бросить въ глаза своей женѣ и сдѣлать тѣмъ ее умнѣе. Словомъ, изъ нашихъ докторовъ дѣлали колдуновъ, а не медиковъ. Увы! имъ приписывали могущество Бога. Бѣдные Маріанцы!

Какой страшный мракъ покрываетъ еще вашъ богатый архипелагъ! И не одна только медицина неизвѣстна Маріанцамъ: у нихъ никто не покровительствуетъ художествамъ, а науки были-бы тамъ роскошью. Надобно сказать правду, что народъ понятливъ и уменъ; но его умъ направленъ худо, а его понятливость не выходитъ изъ круга обыкновенныхъ заботъ объ удобствахъ жизни. Если въ Гухамѣ всѣ погрязли въ невѣжество, то это оттого, что никто не захотѣлъ никому объяснить всѣхъ выгодъ, какія происходятъ отъ ученья. Новые дома, выстроенные рядомъ съ старыми, нисколько не красивѣе и не хуже послѣднихъ; мебель и утвари нисколько не отличаются отъ тѣхъ, которыя нашли Испанцы въ то время, когда они овладѣли этими островами; земледѣльческія орудія не измѣнились, и если внутренняя часть острова не обработана, то это потому именно, что все необходимое можно найдти у дверей всякаго дома, и что никто изъ Маріанцевъ не дѣлается ни торговцомъ, ни промышленникомъ и мѣновщикомъ, иначе, какъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда европейское судно броситъ якорь у острова. Сказавъ вамъ, что у жителей Маріанскихъ острововъ не было страстей, я ошибался: есть одна страсть, которая ими владѣетъ, господствуетъ надъ ними, составляетъ ихъ жизнь, и которая, въ тоже время, есть разительная противуположность, такъ-сказать, съ ихъ однообразнымъ существованіемъ, столь рѣзко ихъ оттѣняющимъ: я говорю о музыкѣ.

Маріанецъ музыкантъ скорѣе по природѣ, чѣмъ по истинкту; онъ поетъ вставая, поетъ работая, поетъ въ водѣ, и когда сонъ овладѣваетъ имъ, онъ все-таки поетъ. Его языкъ почти тоже, что̀ музыка; выраженія его можно положить на ноты, и эта мелодія, которую онъ почерпнулъ изъ гармоніи водъ, горъ, лѣсовъ и неба страны его, эта мелодія робкая, слабая, монотонная, усыпительная, вліянію которой вы поддаетесь такъ, какъ поддаетесь заунывному напѣву кормилицы. Конечно вы услышите тамъ-и-сямъ испанское болеро или кастильскую сегадилью; но это исключеніе: тутъ кипитъ кровь вопреки столько увлекательному *farniente*, и вы услышите подобныя пѣсни только изъ устъ дѣтей, которыхъ еще не успѣли подавить палящіе лучи тропическаго солнца.

Если въ Гухамѣ иногда и бываютъ танцы, такъ это только въ большія торжества, назначаемыя губернаторомъ; но и тогда предаются имъ только мужчины и женщины пожилые; дѣти вымещаютъ, такъ сказать, живостію своихъ игръ и рѣзвыми скачками, эту холодную работу, взваленную на тамошнихъ *ветерановъ*.

Каждый вечеръ, по окончаніи работъ, увидите вы, какъ эти крошки, мальчики и дѣвочки, совершенно голые, за исключеніемъ белръ и поясницы, становятся каждый у своихъ дверей, сначала важные, какъ маркизы старыхъ временъ, потомъ топающіе ногами отъ нетерпѣнія, въ ожиданіи присутствія какого-нибудь важнаго лица, чтобы начать игры свои, истощающія ихъ силы до упадка.

На землю ставятъ шляпу, посреди круга въ четыре или пять шаговъ въ діаметрѣ; около этого круга обведенъ гораздо-бо̀льшій кругъ, обозначающій пространство, которое должны обѣжать дѣйствующія лица, обязанныя не удаляться ни на-шагъ отъ этого мѣста. И вотъ дѣвочка начинаетъ нападеніе небольшими минами, легкими гримасами, показывающими, что ея сердце бьется сильнѣе обыкновеннаго; вѣжливый кавалеръ слѣдуетъ за нею издалека, и высказываетъ ей такими-же минами, что онъ раздѣляетъ ея чувства. Видя это, она прыгаетъ на мѣстѣ отъ ра-

дости, между-тѣмъ какъ влюбленный вертится на-право и на-лѣво, прежде чѣмъ пустится, подобно стрѣлѣ, въ быстрый бѣгъ, который долженъ доставить ему побѣду. Наконецъ онъ отправляется, съ жестами нѣжности, съ совершенно свободными движеніями туловища; кокетка убѣгаетъ отъ волокиты, она мучитъ его, сердится на него, улыбается ему, позволяетъ ему легонько дотронуться до себя рукою; онъ уже почти поймалъ ее, она опять летитъ впередъ, увертывается, умоляетъ, грозитъ, бранитъ и вмѣстѣ прощаетъ; наконецъ, побѣжденная, она падаетъ на колѣна, дрожитъ; вспархиваетъ, встаетъ, нагибается, простираетъ руки, позволяетъ поцѣловать себя въ плечо, потомъ въ розовыя щочки, потомъ въ огненные глазки... и драма кончается. Какъ это похоже на *шику* на островѣ Иль-де-Франсѣ! но опять какая-же и разница между той и другой! Тамъ оргія, здѣсь праздникъ; тамъ грязь и ревъ, здѣсь цвѣты, вздохи, гармонія, трогающая душу! Что нужды въ томъ: обѣ эти шики все-таки родныя между собою.

Послѣ такихъ веселыхъ танцевъ, на которыхъ мы всякой день присутствовали съ удовольствіемъ и ободряли дѣйствующихъ лицъ какими-нибуль бездѣлушками, которыя могли одушевить ихъ, любимѣйшая игра въ колоніи есть пѣтушиная драка. Драка эта бываетъ въ особенности по-воскресеньямъ, противъ губернаторскаго дворца; самъ г. Медиинлла былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и отчаянныхъ закладчиковъ.

Для этой битвы воспитываютъ неустрашимаго бойца довольно-страннымъ образомъ: привязавъ его правой ногой къ какой-нибудь колодѣ, показываютъ ему издали кормъ; напряженія, какія онъ безпрестанно дѣлаетъ, чтобъ достать кормъ, придаютъ ногѣ его чрезвычайную силу. Потому-то, когда пѣтухъ остается побѣдителемъ во многихъ бояхъ, соглашаются на битву съ нимъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ былъ вооруженъ острымъ желѣзомъ только на лѣвой лапѣ. Смерть одного изъ бойцовъ, а часто и обоихъ, бываетъ обыкновеннымъ результатомъ битвы, которой, какъ начало, предшествуетъ обыкновенно то, что каждый изъ закладчиковъ держитъ въ рукахъ своего пѣтуха, и заставляетъ его раза четыре или пять клюнуть соперника въ голову.

Здѣсь этотъ бой называется *королевскою игрой*...

Гухамъ имѣетъ въ окружности сорокъ миль; сѣверная часть, почти совсѣмъ пустая, состоитъ изъ коралловаго известняка, котораго крутые берега около моря обрывисты и возвышенны. По-среди этой массы, на мѣстѣ названномъ *Св. Розы*, выросла, около двухъ лѣтъ назадъ, небольшая сопка, которой волканическія изверженія начинаютъ быть чувствительны въ окрестностяхъ. Известняковые бугорки окружаютъ почти весь островъ, защищенный скорѣе своею безполезностію, чѣмъ природой и зодателями, которыя воздвигнули Испанцы, и которыя сопряжены съ большими издержками.

Южная сторона острова представляетъ весьма-странное зрѣлище: сначала идутъ возвышенные конусы съ развертыми вершинами, изъ конхъ по-временамъ вылетаетъ сѣрный запахъ и пламя синекрасноватаго цвѣта; на скатѣ этихъ крутыхъ скалъ—базальтъ, странные слои лавы, изверженной частыми воспламененіями, такъ правильно одинъ на другомъ лежащіе, что весьма-легко сосчитать, по количеству этихъ слоевъ, число грозныхъ изверженій подземныхъ огней.

Но лишь только приближаетесь вы къ берегу, почва теряетъ свою дикость

и рисуется въ малыхъ возвышенностяхъ, нисходящихъ до горизонта водъ, гдѣ онѣ почти незамѣтно исчезаютъ. Мой лихой Пёти, все относящій къ морской службѣ, и котораго живописный образъ выраженія такъ инстинктивно находитъ всегда *названіе вещи*,— его любимая фраза, когда онъ хочетъ корчить ученаго —, сказалъ мнѣ :

— Знаете-ли вы, господинъ Арагò, что приливъ воды дошолъ даже сюда.

— Чтó ты подъ этимъ разумѣешь ?

— Это очень-легко понять ; посмотрите, какъ дрожитъ земля : подъ нею есть вода.

— Тò, чтò ты называешь водой, есть огонь.

— Чтò нужды въ томъ, когда дѣйствіе одно и тоже ? Божусь вамъ, что у насъ подъ ногами что-то кипитъ, и когда это вскипитъ хорошенько, крышка взлетитъ на воздухъ и мы сваримся, какъ добрые люди.

— Это легко можетъ быть.

— Послушайте меня : поройте землю саблей своей ; я увѣренъ, что вы дороетесь до огненнаго источника.

Мы попробовали сдѣлать это, но кора была слишкомъ тверда, и не подавалась ; мы напрасно употребляли всѣ усилія. Къ тому-же это подземное пламя, эти жестокія потрясенія, такъ часто повторявшіяся, эти безпрестанныя истощенія земли, неимѣющей отдыха, еще не могли совершенно уничтожить могущественной растительности, украшающей островъ огромнымъ букетомъ зелени, и нѣкоторыя части внутри острова, довольно-приблизительно напоминаютъ вамъ непроницаемый хаосъ бразильскихъ лѣсовъ.

Здѣсь, впрочемъ, нѣтъ пресмыкающихся, которыя ползали-бы и шипѣли подъ кустарниками и сухими листьями, нѣтъ чудовищныхъ ящерицъ, утомляющихъ васъ крикомъ своимъ, нѣтъ зловѣщаго рычанія ягуаровъ (американскихъ тигровъ) ; все безмолвно на поверхности Гухама, въ то время, когда все кипитъ и бушуетъ въ нѣдрахъ его. Можно сказать, что внутреннія ужасы стараются не нарушать покоя живыхъ существъ, вдыхающихъ въ себя на поверхности чистый и благорастворенный воздухъ. Увы ! можетъ-быть, не далекъ день разрушенія, и волканы, рука-объ-руку съ язвою, раздѣлятъ между собою островъ : намъ землю, тебѣ людей !

Лѣса и горы Гухамскіе представляютъ для естествоиспытателя предметы достойные любопытства и изученія. Множество птицъ съ самыми богатѣйшими отливами порхаютъ съ вѣтки на вѣтку, и весьма-часто попадаются въ сѣти охотничьи. Лучшая изъ нихъ есть, безспорно, *красноногая горлица*, (la tourterelle à callote purpurine), которой цвѣта удивительно нѣжны, а формы необыкновенно прелестны. За тѣмъ слѣдуютъ *зимородки* (les martins-pêcheurs) ; изъ нихъ есть превосходные ; но вообще птицы этого полушарія, блестящія перьями, поютъ весьма-монотонно и кричатъ очень-непріятно.

Море еще богаче земли ; въ немъ плаваютъ рыбы всякаго рода, испещренныя тысячами цвѣтовъ. Коллекція нашихъ докторовъ была предорогая, и они привезли-бы въ Европу множество неизвѣстныхъ еще намъ породъ, но гибельное крушеніе нашего судна у Малуинскихъ острововъ поглотило ихъ. Здѣшніе жители ведутъ упорную войну съ обитателями морей, съ помощію небольшой рыбки, которой названія я не упомню, и которую берегутъ тщательно въ огромномъ резервуарѣ и кормятъ отлично. Лишь только найдутъ, что она достаточно научилась ремеслу, которое преподаютъ ей, ее пускаютъ въ воду, и рыболовъ, сильными ударами по лодкѣ, заставляетъ ее, вмѣстѣ съ прочими рыбами, возвратиться назадъ, гдѣ его лов-

кій ученикъ искусно заманиваетъ друзей своихъ въ сѣти.

На всемъ островѣ считается тридцать-пять рѣкъ, изъ коихъ нѣкоторыя въ-теченіи своемъ приносятъ желѣзные и мѣдные блестяки. Главнѣйшія изъ нихъ суть : *Тарофофо*, *Илигъ* и *Пага;* всѣ три впадаютъ въ море; по первой можно плыть вверхъ, на небольшомъ суднѣ, на довольно-длинное разстояніе. Хотя вся страна очень-гориста, но онѣ текутъ чрезвычайно-тихо; а та, которая протекаетъ у Аганья, на-примѣръ, пробѣгаетъ въ часъ только треть мили. Рыбы въ нихъ мало.

Кокосовое дерево, которое смѣло могу я назвать царемъ деревьевъ, при воззрѣніи на его роскошные листья, и которое я называю драгоцѣннѣйшимъ, при мысли о той пользѣ, какую оно приноситъ, растетъ на стволѣ въ два фута въ діаметрѣ, возвышающемся величественно до ста футовъ и развѣвающемъ въ воздухѣ свою зеленую главу; листья его, состоящіе изъ широкаго и гибкаго стебля, окаймленаго мелкими листочками, покорны самому малѣйшему вѣтерку, и, граціозно качаясь въ воздухѣ, представляютъ удивленному взору нѣжныя волненія поля, засѣяннаго рожью, по которому пробѣжитъ вѣтерокъ. Они сталкиваются съ легкимъ ропотомъ, сплетаются нѣжно, величественно распускаются и ниспадаютъ, нисколько не разстроиваясь. Чѣмъ моложе дерево, тѣмъ они шире и толще; чѣмъ болѣе оно старѣетъ, тѣмъ они становятся рѣже и слабѣе; можно сказать, что они составляютъ всю жизнь дерева, какъ волоса Самсона составляли его силу. Лишонный этого украшенія, обнаженный сѣроватый стволъ кажется удрученнымъ подъ огромною тяжестію плодовъ его, растущихъ на верху и собранныхъ кистями. Эти плоды составляютъ только часть его богатства. Такіе-же большіе, какъ наши дыни, они заключаютъ въ своей двойной корѣ воду, гораздо-прозрачнѣе той, которая падаетъ съ прелестныхъ каскадъ Пиринейскихъ горъ; она сладка и освѣжительна; но чрезмѣрное употребленіе ея вредно, равно какъ и употребленіе превосходныхъ густыхъ сливокъ, облегающихъ внутреннюю сторону первой оболочки.

Чтобы достигнуть вершины дерева, негры и дикіе жители Маріанскихъ острововъ, употребляютъ почти однѣ и тѣже средства : они дѣлаютъ небольшія зарубки на пнѣ, или, еще чаще, изъ самыхъ стеблей листьевъ, которые они связываютъ между собою перпендикулярно къ землѣ, составляютъ родъ лѣстницы, способной выдержать самыя тяжолыя ноши. Впрочемъ, только для дѣтей употребляютъ подобныя средства; но достигнувъ юношескихъ лѣтъ и укрѣпившись, туземцы взлѣзаютъ на самыя толстыя деревья съ удивительною легкостію, подобно кошкамъ и обезьянамъ; я видѣлъ такихъ, которые смѣялись надъ трудностями, и которые нарочно выдумывали ихъ, чтобы показать намъ свое искусство.

Не считая вкусной и натуральной пищи, какую извлекаютъ изъ этихъ плодовъ, бросьте взглядъ на слѣдующее описаніе, и тогда судите сами, не есть-ли это дерево настоящее благодѣяніе для всѣхъ обитателей южнаго моря, а въ особенности для жителей этого уединеннаго архипелага?

Изъ плода или изъ жидкости, истекающей изъ вѣтвей, нарочно обрубленныхъ, получаются :

Прекрасныя варенья и конфекты,
Превосходная водка,
Уксусъ,
Медъ,
Масло.

Изъ оболочки и коры :

Сосуды,
Небольшая утварь.

Изъ стебля и листьевъ :

Весьма-крѣпкія веревки,
Одежда,
Нитки,
Крыши.

Прибавьте еще къ этому описанію, не совсѣмъ полному, множество чудесныхъ вещей, какъ-то: корзины, рогожки, крѣпкіе заборы, непроницаемыя перегородки, и тогда вы сами увидите и поймете, какъ надобно цѣнить здѣсь кокосовое дерево: за то оно только и составляетъ величайшее богатство страны.

Если-бы я серьёзно занимался ботаникой, то сказалъ-бы вамъ нѣчто о *деревѣ путешественника (urania speciosa)*, самое имя котораго выражаетъ благодѣяніе; о *римѣ* или *хлѣбномъ деревѣ* (artocarpus incisa), почти столькоже необходимомъ, какъ и кокосовое, но растущемъ въ меньшемъ количествѣ; о латановомъ деревѣ (latanier), которое такъ походитъ на красивую вазу, изъ коей расходятся, какъ лучи, листья прелестнаго зеленаго цвѣта; о *масляничной арекѣ* (areca oleracea); о *вакои* (pandanus), и объ этой огромной *смоковницѣ пагодовѣ* (ficus religiosa), которая одна сама по-себѣ составляетъ цѣлый лѣсъ. Но я пишу только путевыя записки; путь еще дологъ, и я не хочу останавливать на каждомъ шагу моихъ читателей. Не кажется-ли это вамъ скорѣе отступленіемъ, нежели извиненіемъ?

XXXVII.

МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА.

Общая Исторія. — Перечень.

Нѣтъ пустяковъ, нѣтъ вздоровъ, которыхъ не писали-бы испанскіе историки, первые, познакомившіе Европу съ Маріанскими островами и ихъ жителями. Они говорили, будто-бы жители Маріанскихъ острововъ ходятъ задомъ, что большая часть изъ нихъ держится согнувшись на четверенькахъ, какъ животныя, не дотрогиваясь однакожъ руками до земли; они прибавляли еще, что огонь былъ неизвѣстенъ на архипелагѣ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ.

Природой и устройствомъ человѣка явно опровергаются первыя сказки, а что̀ касается до послѣднихъ, то грозы, посѣщающія по-временамъ экваторіальные климаты, а еще болѣе волканы, вѣнчающіе почти всѣ Маріанскіе острова, явно показываютъ, сколько въ этихъ разсказахъ нелѣпаго и баснословнаго. Но что̀ кажется правдоподобнымъ, что̀, по-видимому, неопровержимо доказано, хотя сказали это и прежде насъ историки временъ завоеванія, такъ это то̀, что тогдашнія женщины во всѣхъ случаяхъ имѣли преимущество передъ мужчинами, что онѣ на всѣхъ народныхъ преніяхъ предсѣдательствовали, и что всѣ законы были начертаны ими.

Испанское владычество, подавивъ силою своего деспотизма весь этотъ блестящій и разнообразный архипелагъ, не имѣло однакожъ достаточной

силы уничтожить этотъ обычай, совершенно коренной (я сужу по своему), вросшій, такъ сказать, въ первобытные нравы.

Женщина, даже и понынѣ, никогда не принимаетъ имени мужа; ей первой подаютъ за столомъ, не изъ вѣжливости, но по обязанности, по уваженію; ей-же прежде всѣхъ подаютъ послѣ стола первую сигару, которая курится въ домѣ, и она-же кушаетъ первую лепешку, снятую съ аспидной доски, на которой ее озолотили. О, парижскія дамы! Скорѣе, скорѣе, создайте въ вашу пользу маріанскій законъ, и мы готовы подтвердить его, мы согласны носить ваше иго!

Въ Гухамѣ и Роттѣ споры мужчины съ мужчиной рѣшаются всегда женщиной, а споры между женщинами—никогда мужчиной.

По-смерти мужчины трауръ носится два мѣсяца, по смерти женщины — шесть; потеря, значитъ, втрое болѣе. Женщины, въ свою очередь, отличаются вѣжливостью. Мы здѣсь побѣждены наружными знаками, но сердце разрушаетъ или, лучше сказать, возвышаетъ насъ.

Когда жена избираетъ себѣ мужа, котораго богатство менѣе ея собственнаго, то послѣдній, въ хозяйственномъ быту, обязанъ работать за жену, и переносить неимовѣрные труды.

Когда приданое обоихъ супруговъ почти равно, или даже когда жена не имѣетъ ничего, работы раздѣлены пополамъ; но раздѣлившись одинъ разъ и утвердивъ раздѣлъ, жена выбираетъ первая и мужъ не въ-правѣ на это жаловаться.

Если братъ или отецъ молодой дѣвушки спасетъ отъ неминуемой опасности кого-нибудь, кто обладаетъ значительнымъ состояніемъ, то этотъ послѣдній, если только онъ понравится, обязанъ жениться на сестрѣ или дочери избавителя. Правду сказать, опираясь на испанскій законъ, утвердившійся со времени побѣды надъ архипелагомъ, можно было-бы избавиться отъ этой насильной дани, но уваженіе туземцовъ къ своимъ древнимъ обычаямъ такъ велико, что въ Гухамѣ нѣтъ примѣра, чтобы получившій благодѣяніе когда-нибудь воспротивился этому. Въ семъ случаѣ, при свадебномъ договорѣ, мужъ не имѣетъ права требовать нималѣйшаго приданаго отъ жены.

Родные и друзья собираются у изголовья усопшаго, и, по совершеніи нѣсколькихъ краткихъ молитвъ, всѣ стараются заглушить горесть частыми глотками опьяняющаго напитка, называемаго *туба* (tcuba), который не замедлитъ никогда пріобщить живыхъ къ мертвому. Оргія, чтобы утишить горесть!

Подробности толпятся въ моей памяти, и если я не передаю ихъ здѣсь вполнѣ, то это потому, что и другіе архипелаги имѣютъ право на вниманіе посѣтителя. Но прежде, чѣмъ я скажу послѣднее прости Маріанскимъ островамъ, я почитаю не лишнимъ разсказать въ нѣсколькихъ словахъ исторію ихъ открытія и побѣды ихъ надъ Чаморрами.

Одною изъ эпохъ, изобилующихъ великими мужами, безъ сомнѣнія, можно назвать ту, которая послѣдовала вскорѣ послѣ успѣшнаго предпріятія Колумба. Въ его школѣ образовалось множество благородныхъ смѣльчаковъ, жаждавшихъ опасностей, славы и чудесъ; они стекались со всѣхъ концовъ Европы, чтобы объѣхать и изучить раздвинувшійся міръ, и я спѣшу прибавить, что Португаллія болѣе другихъ вписала славныя имена на прекраснѣйшихъ страницахъ исторіи народовъ. Изгнанникъ изъ Лиссабона, своего отечества, неумѣвшаго воспользоваться его услугами, Магелланъ, по примѣру Колумба, предложилъ Ис-

паніи въ помощь свое знаніе и опытность, и она поручила ему прекрасное судно, для открытія земель на западѣ, потому-что мысъ Доброй-Надежды былъ уже обогнутъ, и всякой день путешествующіе корабли прибывали въ Европу, обогативъ мореходную науку, или небольшимъ островкомъ, скалою или даже большою землею.

Магелланъ проплылъ атлантическій океанъ, прошолъ вдоль восточнаго берега Бразиліи, Парагвая и Патагонской земли; онъ, можетъ-быть, обогнулъ-бы даже мысъ Горнъ, но жестокая буря бросила его въ славный проливъ, носящій его имя. Я уже описалъ вамъ его восторгъ при видѣ безпредѣльнаго Тихаго Океана, развернувшаго предъ нимъ свое мощное величіе и грозную массу его валовъ, разбивающихся о западные берега Новаго-Свѣта. Отважный, подобно всѣмъ капитанамъ этихъ чудесныхъ временъ, но въ тоже время болѣе терпѣливый, нежели прочіе, Португалецъ смѣло ринулся на западъ, открылъ Маріанскіе острова, названные имъ островами Разбойниковъ (Ladrones), и приплылъ къ Филиппинскимъ островамъ, гдѣ и погибъ жертвою своего мужества.

Надо замѣтить, что повсюду, гдѣ были установлены трибуналы инквизиціи, останавливалась жажда къ открытіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи наукъ и художествъ; по этому-то всюду, гдѣ Испанцы и Португальцы основали свою власть, ихъ преслѣдованія содѣлали множество рабовъ, но ни одного союзника. Всякое завоеваніе Португаліи и Испаніи были начато во имя Христа; мечъ былъ только вспомогательнымъ оружіемъ. Что-же касается до убѣжденія, то эти двѣ націи никогда не хотѣли употребить его, какъ вѣрнѣйшее оружіе, и вы поймете, почему успѣхи были медленны и трудны: потому, что всѣ высокія истины нашей религіи, худо истолкованныя, поражали только невѣрующихъ; а руки согласуются съ умомъ на всѣ возмущенія.

Каролинскіе и Маріанскіе острова были уже открыты; эти плодоносные острова были населены людьми достаточно-понятливыми, характеръ которыхъ, по-видимому, былъ добрый и довѣрчивый. Манилья начинала уже дѣлаться цвѣтущей колоніей, и оттуда-то отправились суда, рѣшившіяся завоевать этотъ архипелагъ. Іосифъ де-Квирога былъ первый Испанецъ, который старался покорить ихъ. Онъ былъ нрава живаго, пылкаго, неукротимаго; ему незнакомо было ни одно изъ тѣхъ великодушныхъ чувствъ, которыя, гораздо-сильнѣе, чѣмъ оружіе, овладѣваютъ умами и покоряютъ сердца. Столько-же жестокій къ самому-себѣ, какъ и къ своимъ подчиненнымъ, онъ предавался тѣмъ-же опасностямъ, пренебрегалъ тѣми-же нуждами; онъ наказывалъ своею немилостію трусость, и непокоренныхъ предавалъ жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ. Много разъ приходилось ему усмирять мятежи, и повсюду онъ выходилъ побѣдителемъ, благодаря своему присутствію духа и неукротимому мужеству. Непокорность туземцевъ казалась оскорбленіемъ для его пылкой души; онъ открылъ себѣ повсюду путь грабежами и убійствами; народъ побѣжденный, но не покоренный, не будучи въ состояніи снести налагаемаго на него ига, удалился на пустынную скалу въ Агиньянъ, гдѣ и думалъ укрыться отъ преслѣдованій и тиранства. Но его преслѣдовали и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ, и тѣ, которые избѣгнули меча, были уведены въ Гухамъ и обречены на рабство.

Среди этихъ сценъ убійства и грабежей, пріятно остановить взоры на зрѣлищѣ, нѣсколько облегчающимъ эти ужасы. Религія, вооруженная мечомъ, часто дѣлала прозелитовъ; но какъ-скоро уничтожалась сила, никто уже не держался вѣры, предписанной на-

сильственнымъ образомъ и принятой по невозможности сопротивленія. Имя отца Санъ-Викториса должно-быть драгоцѣнно для жителей сего архипелага, столько-же, какъ было драгоцѣнно имя Ласъ-Казаса для дикихъ ордъ Америки. Онъ одинъ осмѣливался противиться жестокостямъ Квирогп, и, таковъ былъ духъ побѣдителей шестнадцатаго вѣка, что они боялись найти что-либо предосудительнымъ въ дѣйствіяхъ проповѣдника религіи, тогда-какъ тоже самое почли-бы за непростительную дерзость въ солдатѣ.

Въ самую ту минуту, когда факелъ вражды озарялъ гибельнымъ свѣтомъ всѣ части Гухама, отецъ Санъ-Викторесъ, смѣлый, какъ и всѣ мученики вѣры, обходилъ селенія подъ прикрытіемъ единаго Христова знамени, покорялъ сердца жителей словами міра и кротости, и тѣмъ уменьшалъ ихъ ненависть къ имени Испанцевъ. Изъ недръ убѣжищъ, еще неоткрытыхъ, посылалъ онъ строгія приказанія, уважаемыя даже неукротимымъ Квирогой. Но увы! ревность набожнаго миссіонера не могла долго бороться съ невѣжествомъ туземцевъ и варварствомъ побѣдителей.

Одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которыхъ каждая нація порождаетъ для того, чтобъ они руководствовали другими, неустрашимый по природѣ, свирѣпый по разсчоту, и столько-же чуждый прошедшихъ несчастій, сколько равнодушный къ будущимъ; словомъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ все существованіе никогда не переходитъ за предѣлы настоящаго, на Маріанскихъ островахъ воспротивился испанскому оружію, и запершись внутри острова, съ большимъ числомъ партизановъ, явно роптадъ противъ хваленій, какія воздавали бѣглецы Санъ-Викторесу, и видѣлъ только коварство въ поведеніи и благочестивыхъ поученіяхъ католическаго героя. Этотъ опасный человѣкъ назывался Матапангомъ: я говорилъ уже вамъ объ немъ, по-случаю приписываемаго ему чуда, достовѣрность котораго я *подтвердилъ* прежде. Онъ оставилъ своихъ двухъ дѣтей у жены, а она, тронутая добродѣтелью и кротостію Санъ-Викториса, вручила ихъ ему, прося сдѣлать ихъ христіанами. Матапангу достаточно было этого, чтобы исполнить звѣрское намѣреніе, давно уже имъ замышленное. У людей, такъ мало владѣющихъ своими первыми впечатлѣніями, собственный интересъ всегда сильнѣе общаго блага. Матапангъ собралъ товарищей, произнесъ къ нимъ рѣчь съ жаромъ оскорбленнаго негодованія, пробудилъ въ ихъ душѣ чувство мщенія, и далъ имъ ловко замѣтить, что отъ одной смерти отца Санъ-Викториса зависѣло впредь спасеніе отечества и бѣгство Испанцевъ. Рѣчь его воодушевила даже самыхъ робкихъ; каждый рѣшился ставить сѣти ревностному миссіонеру и погубить его въ одномъ изъ тѣхъ христіанскихъ путешествій, которыя онъ возобновлялъ часто и иногда съ большою неосторожностію.

Случай не замедлилъ представиться. Матапангъ умѣлъ завлечь его въ убѣжище, имъ избранное; сначала онъ благодарилъ его за попеченіе о его дѣтяхъ, и умолялъ его именемъ всего, что было для него драгоцѣнно, спасти ихъ. Но чтобъ убѣдиться въ его добротѣ, онъ попросилъ окрестить овцу, которую онъ очень любилъ. Можете сами судить объ отвѣтѣ Божія посланника! Такъ-какъ онъ рѣшительно не хотѣлъ исполнить того, о чомъ его просили, Матапангъ, съ двумя соучастниками, бросился на него, и повергъ его къ ногамъ деревяннымъ топоромъ, который, вмѣстѣ съ пращою, былъ единственнымъ оружіемъ тогдашнихъ обитателей Маріанскихъ острововъ.

Не извѣстно хорошенько, былъ-ли Квирога опечаленъ этимъ злодѣяніемъ; но вѣрно то̀, что мщеніе было предлогомъ, если не причиной ужасовъ, какихъ надѣлали солдаты его. Воображеніе содрогается при воспоминаніи о столькихъ злодѣйствахъ; достаточно сказать, чтобы дать объ этомъ понятіе, что при первомъ вторженіи испанскаго оружія, Маріанцы считали болѣе сорока тысячь жителей, а два года спустя, нашли ихъ только до пяти тысячь.

Съ этой эпохи считается первое водвореніе. Туземцевъ подчинили законамъ весьма-строгимъ, которыхъ избѣгнуть они не были въ состояніи. Они склонили выю подъ деспотизмомъ угнѣтателей, и эта ненависть, рождающаяся при мысли о безсиліи противъ тиранніи, вкоренилась глубоко и живетъ вопреки времени и новымъ законамъ, менѣе строгимъ и жестокимъ.

Я сказалъ уже вамъ, что Магелланъ прозвалъ Маріанскіе острова *Ladrones*, (Разбойничьими), потому-что онъ сдѣлался тамъ жертвою своей довѣрчивости; и въ наши времена не было-бы несправедливо оставить имъ это горькое названіе, потому-что жители чрезвычайно преданы пріятной страсти присвоивать себѣ чужую собственность.

Лишь только испанское владычество установилось тамъ, на основаніяхъ, по правдѣ сказать, довольно-шаткихъ, первою заботою побѣдителей было поддержать свой духъ и дать почувствовать свое преимущество. Квирога возвратился въ Манилью; отецъ Санъ-Викторесъ погибъ жертвою своего религіознаго мужества, а тотъ, кто наслѣдовалъ власть начальника экспедиціи, занимался только открытіями, которыя могли дать его отечеству высокое понятіе о странѣ, ему подвластной, и попеченіями, менѣе великодушными — быстро увеличить свое богатство. Онъ отправилъ прошеніе къ генералъ-губернатору Филиппинскихъ острововъ, опасаясь, чтобы Квирога не уѣхалъ въ Испанію; но судьба покровительствовала ему скорѣе, нежели онъ могъ на то̀ надѣяться. Каролинскіе острова обратили на себя взоры Мадритскаго Двора, въ то-же самое время, какъ занимало его завоеваніе Маріанскихъ острововъ. Девять небольшихъ судовъ, отплывшихъ изъ Люсона, везли многихъ миссіонеровъ, которыхъ рвеніе къ религіи удаляло изъ мирнаго и спокойнаго убѣжища. Сначала дули противные вѣтры, и ужасная буря удалила ихъ отъ настоящаго пути; восемь изъ этихъ судовъ погибли у береговъ Гухама, между-тѣмъ-какъ девятому посчастливилось войти въ рукавъ, гдѣ оно и укрылось отъ бури. Единственный спасшійся монахъ оставался нѣсколько лѣтъ на Маріанскихъ островахъ, проповѣдовалъ тамъ съ тѣмъ же рвеніемъ и успѣхомъ, какъ и Санъ-Викторесъ, но съ бо́льшимъ счастіемъ. Достойно замѣчанія, что вскорѣ знатнѣйшіе изъ тамошнихъ жителей стали упорно защищать религію своихъ преслѣдователей, и требовали, чтобы у низшаго класса людей отнято было право, котораго они сами домогались, пользоваться будущими благами, имъ обѣщанными.

Древніе обычаи Маріанцевъ подробно описаны въ книгѣ, вышедшей въ Манильѣ, въ 1790, и сочиненной отцомъ Іоанномъ, изъ монастыря Зачатія, Францисканцемъ секты босоногихъ; я пробѣгалъ эту книгу и убѣдился въ томъ, что это огромное твореніе было написано невѣжествомъ и суевѣріемъ. Разсказы о чудесахъ, какія были на однихъ Маріанскихъ островахъ, занимаютъ собою пять или шесть томовъ; нелѣпо было-бы вѣрить такому множеству забавныхъ анекдотовъ о волшебникахъ, будто-бы вмѣшавшихся въ завоеваніе этого архипелага.

Переведемъ одну страницу :

«Лишь только Квирога прибылъ на «Маріанскіе острова, и объявилъ жи«телямъ о новой вѣрѣ, имъ привезен«ной, море отхлынуло отъ береговъ, «какъ-бы для того, чтобы предупре«дить его, что онъ не долженъ возвра«щаться въ отечество прежде благопо«лучнаго окончанія своего предпріятія. «На другой день послѣ его прибытія, «земля потряслась съ необыкновен«нымъ шумомъ, и Квирога увидѣлъ «изъ сего предсказаніе о трудахъ и за«ботахъ, предстоявшихъ ему при за«воеваніи Гухама. На третій день ясное «солнце оживило природу, и Испанцы «увѣрились въ успѣхѣ. На четвертый «день, сильный вѣтеръ предупреждалъ «ихъ объ упорствѣ Матапанга, а на «пятый, деревья были вырваны съ «корнемъ этимъ ураганомъ, а потому «никто не могъ усумниться въ смерти «Санъ-Викторесa и въ ужасномъ крово«пролитіи, коего колонія сдѣлается по«зорищемъ. Все случилось по предска«заніямъ природы; Санъ-Викторесъ «сдѣлался жертвою ярости Матапанга. «Квирога, побуждаемый *законнымъ* «*мщеніемъ*, истребилъ большую часть «туземцевъ, и знамя креста развѣва«лось только для малаго числа правед«ныхъ».

Разъ.

«Едва отецъ Санъ-Викторесъ палъ, «пораженный смертельнымъ ударомъ «Матапанга, какъ его душа, пробѣгая «разстоянія и несомая на крыльяхъ «вѣтровъ, прилетѣла въ свое отечество «и объявила о семъ бѣдствіи. Церкви «во всей Испаніи были обтянуты чор«нымъ; колокола звонили сами по се«бѣ; Дворъ одѣлся въ трауръ: были «всеобщая горесть и уныніе. Черезъ «восемь или десять мѣсяцевъ, Гухамъ «былъ колебленъ двумя или тремя «землетрясеніями, и причина сему бы«ла извѣстна. Злодѣянія Матапанга на«добно было искупить.»

Два.

«Въ одно изъ своихъ путешествій «въ Тиніанъ, отецъ Санъ-Викторесъ «присоединилъ подъ знамя Христово «упорнѣйшаго невѣрующаго изъ та«мошнихъ жителей, котораго онъ тще«тно увѣщевалъ разными способами, «какъ вдругъ тотъ, подумавъ немного, «и направя путь къ своему загородно«му дому, согласно съ учиненнымъ имъ «поступкомъ, увидѣлъ идущихъ къ себѣ «шесть женщинъ, весьма-хорошо одѣ«тыхъ, которыя глотали огонь; одна «изъ нихъ была въ чорномъ платьѣ, «прочія были изпещрены тысячами «цвѣтовъ. Онъ поклонился имъ и при«вѣтствовалъ ихъ по-испански; но эти «воздушныя женщины отвѣчали ему «по-индѣйски и угрожали великими бѣд«ствіями, въ-случаѣ его отказа — пока«риться новымъ законамъ, ему пред«писаннымъ. Убѣжденный невѣрующій «обѣщалъ повиноваться и, объявивъ «всенародно о видѣніи имъ явле«ніи, ревностно поддерживалъ Санъ«Викторесa.

Три...

Но я долго-бы не кончилъ, если-бы вздумалъ передать здѣсь хотя десятую долю смѣшныхъ сказокъ, изъ какихъ составлена эта мнимая исторія; меня удивила болѣе всего одна вещь, что посреди пустословія, составляющаго эти четырнадцать томовъ, есть много страницъ, посвященныхъ Каролинскимъ островамъ: онѣ болѣе любопытны, правильнѣе другихъ написаны, а, главное, лучше обсужены; нельзя сказать, чтобы одна и таже рука водила однимъ и тѣмъ-же перомъ, но одинъ и тотъ-же духъ сочинялъ ихъ. Нѣтъ ни одного повѣствованія о чудесахъ, все просто, все порядочно; а для успѣха своей книги, авторъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ чудесному.

Я изучилъ Маріанскіе острова въ малѣйшихъ ихъ подробностяхъ; я видѣлъ побочную цивилизацію въ борьбѣ

постоянной съ первобытными нравами сего архипелага. Кто останется побѣдителемъ? Про то знаетъ Богъ, а не люди: люди не хотятъ смотрѣть въ будущее, которое не рѣдко можетъ-быть видимо въ настоящемъ. Здѣсь настоящее безъ надежды, и съ моей стороны не будетъ дерзко сказано, что эта группа острововъ, столько веселыхъ, такъ правильно расположенныхъ отъ сѣвера къ югу, сдѣлается тѣмъ-же, чѣмъ было она до завоеванія.

Впрочемъ прошло уже болѣе трехъ вѣковъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Испанія водрузила свой флагъ на этомъ архипелагѣ.

Есть такіе плоды, которые падаютъ и умираютъ, не достигнувъ зрѣлости.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

УЧОНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I.

ПАССАТНЫЕ ВѢТРЫ.

(Смотри стран. 23).

Во всѣхъ почти странахъ, лежащихъ близъ экватора, встрѣчаются постоянные западные вѣтры, которымъ дано названіе пассатныхъ (alizés). Столь правильный феноменъ долженъ былъ имѣть постоянныя причины, и причины эти состоятъ въ теплотворномъ дѣйствіи солнца и въ круговращеніи земли.

Чтобъ понять перемѣщеніе этихъ массъ воздуха, происходящее отъ этого совокупнаго вліянія, надобно во-первыхъ вспомнить, что воздухъ, при сообщеніи съ сильно-нагрѣтымъ тѣломъ, самъ нагрѣвается, что отъ этого нагрѣванія онъ становится легче и что отъ этого, поверхъ-нагрѣтаго тѣла, образуется восходящее движеніе; что наконецъ, это движеніе безпрестанно поддерживается холоднымъ воздухомъ, который со всѣхъ сторонъ стекается къ основанію движенія и тоже поднимается въ свою очередь, расширяясь отъ теплоты.

Слѣдственно, вотъ уже отъ присутствія одного нагрѣтаго тѣла, первое движеніе дано, теченіе воздуха уже существуетъ; предположимъ теперь, что на нѣкоторой высотѣ нагрѣтый воздухъ встрѣчаетъ холодную поверхность, — онъ тотчасъ-же остынетъ, и сдѣлавшись гуще, опадетъ. Отъ этого, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ восходящаго тока, образуется другой въ противуположномъ направленіи, то-есть, сверху внизъ. Приведенный въ нижніе слои къ теплотворному дѣйствователю, къ центру выдыханія, онъ тамъ опять снова нагрѣется, и такимъ-образомъ будетъ безпрестанно двигаться по закрытой дугѣ, которую однажды уже прошолъ.

Всѣ обстоятельства, въ которыхъ образуется передъ нашими глазами кругообразное движеніе воздуха, безпрерывно и въ закрытомъ пространствѣ, имѣютъ своихъ дѣйствователей на поверхности земнаго шара, но на этотъ разъ дѣйствіе происходитъ въ огромныхъ размѣрахъ.

Нагрѣтое тѣло, которое сообщеніемъ своимъ съ нижними слоями атмосферы производитъ восходящее теченіе, составляетъ экваторіальная полоса, образующая широкій поясъ земли, нагрѣваемый во всѣ времена года одинаковою силою солнца.

Холодная поверхность, которая принуждаетъ это теченіе, охладившись, перемѣнить направленіе, то-есть, отъ тропиковъ къ поясу умѣренныхъ климатовъ,—это верхніе слои атмосферы, въ которыхъ, даже подъ экваторомъ, царствуетъ вѣчный холодъ.

Но по мѣрѣ того, какъ между тропиками образуется восходящее теченіе воздуха, нагрѣтаго почвою большихъ материковъ, холодный воздухъ умѣренныхъ климатовъ вторгается при самой поверхности земли въ произведенную пустоту, чтобъ замѣнить тотъ воздухъ, который поднялся.

А воздухъ, перешедшій изъ умѣреннаго пояса, замѣняется въ свою очередь, возвращеніемъ остывшихъ слоевъ въ верхнемъ пространствѣ атмосферы.

Такимъ-образомъ, съ обѣихъ сторонъ экватора образуется постоянное кругообращеніе возлуха.

При первомъ взглядѣ, отъ этого теченія воздуха долженъ былъ-бы произойти *одинъ* вѣтеръ, а именно—отъ полюсовъ къ экватору, въ сѣверномъ полушаріи сѣверный, а въ южномъ южный.

И однако-же, это теченіе отъ полюсовъ къ

экватору почти незамѣтно : другое быстрѣйшее теченіе отъ востока къ западу оказывается въ экваторіальныхъ странахъ.

Какъ же себѣ отдать отчотъ въ подобныхъ теченіяхъ, несогласующихся съ данными, которыя мы сей-часъ только утвердили?

Дополнительное объясненіе надобно трѣбовать отъ суточнаго обращенія земли на своей оси, и отъ быстраго ея поступательнаго движенія.

Обращаясь около своей оси, земля увлекаетъ и атмосферу, которая ее окружаетъ и со всѣхъ сторонъ давитъ. Каждая частица воздуха, смежная съ почвою земли, пріобрѣтаетъ туже самую скорость, какъ и она, и если въ первую минуту воздухъ не успѣваетъ за этою быстротою, то въ продолженіе нѣкотораго времи получаетъ эту способность.

Но быстрота круговращенія поверхности земли чрезвычайно-различна, смотря по градусамъ широты.

Вообразите себѣ шаръ, вертящійся на одномъ изъ своихъ діаметровъ. Оконечности этой діаметральной оси будутъ неподвижны, а точки большаго круга, перпендикулярнаго къ оси, получатъ наибольшую скорость. Такъ и на землѣ. Каждая точка экватора дѣлаетъ семь миль въ минуту. Въ Парижѣ дѣлаютъ только пять миль. Полюсы остаются неподвижны.

То, что мы сказали о точкахъ земной поверхности, относится равномѣрно и до воздуха, смежнаго съ ними.

Слѣдственно, воздухъ Парижа, или вообще воздухъ умѣренныхъ странъ, движется двумя милями въ минуту тише, нежели воздухъ экваторіальной полосы.

Но если, переходя къ экватору отъ кругообращенія, производимаго теплотворомъ солнца, воздухъ умѣренныхъ поясовъ сохранитъ ту медленность въ движеніи, то онъ между тропиками будетъ уже отставать на двѣ мили въ минуту, по направленію движенія земли, то-есть, съ запада на востокъ. Каждая точка поверхности земли была-бы поражена этимъ вѣтромъ, и сама-бы поражала его, какъ-будто напильнѣйшій вѣтеръ двигался по противуположному направленію, то есть съ востока на западъ, какъ дѣйствительно дуютъ пассатные вѣтры.

Такъ точно, когда мы ѣдемъ въ каретѣ по направленію слабаго вѣтра, и быстротою ѣзды обгоняемъ его, то намъ кажется, что дуетъ противный вѣтеръ.

И вотъ объясненіе пассатнаго вѣтра.

Только вмѣсто этой ужасной быстроты, двухъ миль въ минуту, пассатный вѣтеръ движется самымъ умѣреннымъ образомъ. Это очень-понятно, когда вспомнишь, что воздухъ умѣренныхъ поясовъ достигаетъ до экватора очень-медленно, потому-что при переходѣ этомъ треніе воздуха о поверхность земли уменьшаетъ быстроту его на каждомъ шагу, кромѣ ежеминутнаго измѣненія быстроты отъ различія широтъ.

Это убѣждаетъ насъ, что верхнее теченіе воздуха, возвращающее экваторіальную атмосферу къ поверхности почвы нашихъ умѣренныхъ климатовъ, должно производить всегдашніе западные вѣтры. Дѣйствительно, они всего чаще у насъ случаются. Но множество случайныхъ причинъ, несуществующихъ близъ экватора, измѣняютъ у насъ правильность этого феномена.

Послѣ этого удивятся, если мы скажемъ, что теорія пассатныхъ вѣтровъ все еще требуетъ наблюденій и дополненій. Но тамъ, гдѣ практика мореходства довольствуется вседневными фактами, тамъ наука требуетъ важныхъ подтвержденій. Такимъ-образомъ, всеобщій законъ, что будто на сѣверѣ отъ экватора постоянно дуютъ сѣверо-восточные вѣтры, а на югѣ юго-восточные, несправедливъ. Феномены не одинаковы въ обѣихъ полушаріяхъ. Во всякомъ мѣстѣ, съ перемѣною времени года, измѣняются и вѣтры. Для метеорологіи было-бы очень-важное пріобрѣтеніе, если-бъ дѣлали ежедневныя наблюденія надъ дѣйствительнымъ направленіемъ, а особливо надъ силою восточныхъ вѣтровъ, царствующихъ въ экваторіальныхъ странахъ.

Близость материковъ, въ особенности-же западныхъ береговъ, измѣняетъ силу и направленіе пассатныхъ вѣтровъ. Даже случается иногда, что западный вѣтеръ замѣняетъ ихъ. Вездѣ, гдѣ это превратное измѣненіе случится, надобно записывать эпоху событія, мѣстоположеніе страны, пространство, на которомъ его ощущали и вообще всѣ подробности. Чтобъ понять всю пользу этихъ наблюденій, довольно сказать, что песчаная страна скорѣе имъ подвержена, нежели лѣсистая или покрытая другою растительностію.

На морѣ, омывающемъ западные берега Мексики и Панамы до полуострова Калифорніи, между 8-ми и 22° сѣверной широты, встрѣчаемъ мы, по удостовѣренію капитана Базиль-Галля, почти постоянный западный вѣтеръ, тогда-какъ мы въ-правѣ ожидать восточнаго въ экваторіальной полосѣ. Въ этой полосѣ любопытно записывать, на какое именно разстояніе отъ берега дѣйствуетъ эта аномалія, и на какой долготѣ пассатный вѣтеръ воспринимаетъ свои права.

Изъ всеобще-принятаго истолкованія пассатныхъ вѣтровъ оказывается еще, что между тропиками существуетъ *верхній вѣтеръ*, ду-

ющій въ совершенно-противную сторону, нежели при поверхности земли. Уже много собрано доказательствъ въ дѣйствительномъ существованіи этого противу-теченія. Постоянныя наблюденія надъ верхнимъ слоемъ облаковъ, которыя мы обыкновенно называемъ *барашками*, принесли чрезвычайную пользу для метеорологіи.

Однимъ словомъ, эпоха, сила и пространство *муссоновъ*, составляютъ предметъ изученія, въ которомъ, не-смотря уже на многія открытія, много еще есть перѣшонныхъ вопросовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ II.

ОБЪ УРАГАНАХЪ.

(Смотри стран. 81).

Я разсказалъ нѣсколько метеорологическихъ явленій, за которыми наблюдалъ на Иль-де-Франсѣ въ минуту ужаснаго урагана, опустошившаго эту колонію. Я привелъ факты точные, ясные, утвержденные многими собственными именами. Я умолчалъ о многихъ событіяхъ столь чрезвычайныхъ, что разсудокъ отвергалъ ихъ, — и однакоже, я узналъ, что меня обвиняютъ въ преувеличеніи. Что на это отвѣчать? Право, не знаю. Но, какъ мнѣ хочется, чтобъ мнѣ вѣрили, какъ все то, что правда для меня, должно быть правдою и для другихъ, какъ моей откровенности и правдолюбія не за что подозрѣвать, то вотъ новые документы, которые я досталъ и противу которыхъ нельзя спорить. Самая лучшая логика — логика фактовъ.

Я разскажу здѣсь подробности самыя неоспоримыя объ ураганѣ, опустошившемъ Гваделупну 26 іюля 1826 года.

Этотъ ураганъ опрокинулъ въ низменной части острова (*Basseterre*) множество домовъ, самымъ прочнымъ образомъ построенныхъ.

Онъ съ такою силою и быстротою срывалъ черепицы, что многія изъ нихъ пробивали толстыя двери.

Еловая доска, въ одинъ метръ длины, въ два съ половиною дециметра ширины и двадцать-три миллиметра толщины, летѣла съ такою силою по воздуху, что перерѣзала пальмовый стволъ въ сорокъ-пять сантиметровъ поперечника.

Деревянный брусъ, въ двадцать сантиметровъ квадратныхъ и въ четыре или пять метровъ длины, брошенъ былъ вѣтромъ на убитую и проѣздную дорогу, съ такою силою, что вошолъ въ землю на глубину одного метра.

Прекрасная желѣзная рѣшотка, стоявшая передъ домомъ губернатора, была совершенно изломана.

Три 24-хъ-фунтовыя пушки сброшены были до эполемента баттареи.

Оффиціальная реляція, написанная черезъ нѣсколько дней послѣ событія, говоритъ еще слѣдующее:

«Въ минуту величайшей своей жестокости вѣтеръ казался свѣтящимся; серебристое пламя разсыпалось по желѣзнымъ частямъ стѣнъ, по замкамъ и скважинамъ. Въ темнотѣ домовъ можно было подумать, что все небо въ огнѣ.»

Вотъ обзоръ различныхъ мнѣній на счотъ урагановъ.

Г. Эспи думаетъ, что вѣтры дуютъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ къ центру урагана. Онъ дошолъ до этого заключенія по многимъ наблюденіямъ, собраннымъ на берегахъ Соединенныхъ-Штатовъ. Дѣйствія *торнадо*, свирѣпствовавшаго въ іюнѣ 1838 года въ Нью-Джерсеѣ, совершенно согласовались съ этою теоріею. Докторъ Башъ, проходя по слѣдамъ этого метеора съ помощію компаса, нашолъ, что всѣ предметы были опрокинуты къ одному общему центру.

Теорія Эспи совершенно не согласна съ теоріею полковника Каппера, служившаго въ Остъ-Индской компаніи, которую онъ предложилъ въ 1801 году. Г. Редфильдъ, изъ Нью-Іорка, поддерживалъ ее и усовершенствовалъ. Подполковникъ Ридъ, изъ Нью Кестля, представилъ объ ней глубокомысленную диссертацію въ Британское Общество.

По этой теоріи большіе ураганы Антильскихъ острововъ, тропическихъ странъ и восточнаго берега Соединенныхъ-Штатовъ, состоятъ изъ *огромныхъ смерчей*. Г. Ридъ нашолъ, что единовременное направленіе вѣтровъ во-время урагановъ согласуется съ его гипотезою. Мореходные журналы, которые онъ разсматривалъ, — на-примѣръ на разныхъ корабляхъ эскадры адмирала Родней, въ 1780, и съ большаго купеческаго каравана, который провожалъ корабль *Куллоденъ* въ 1808 году и который былъ совершенно почти уничтоженъ близъ Иль-де-Франса, — также доказываютъ, что внѣшняя граница *торнадо*, вмѣсто того, чтобъ имѣть *нормальные* вѣтры, составляли *тангенсы* къ урагану.

А какъ съ одной стороны теорія Эспи и Баша, а съ другой Редфильда и Рида, основаны на наблюденіяхъ, то согласить ихъ иначе нельзя, какъ предположивъ, что ураганы и *торнадо* бываютъ разныхъ свойствъ.

Еслибъ слѣдовать теоріи двухъ послѣднихъ метеорологистовъ, то надобно предположить, что *смерчи — ураганы* имѣютъ иногда основаніе въ семьсотъ или восемьсотъ миль въ поперечникѣ; что быстрота *поступательнаго* движенія вѣтра составляетъ иногда по восьми миль въ часъ, а сила кругообращенія воздуха отъ окружности къ центру, или, лучше-сказать, быстрота *вѣтровъ — тангенсовъ* простирается иногда до сорока миль въ часъ.

Странное наблюденіе Франклина, что сильные вѣтры происходятъ иногда именно изъ той точки, по направленію къ которой дуютъ, совершенно сходно съ теоріею Редфильда. Разскажемъ-же наблюденіе знаменитаго американскаго физика.

Въ 1740 году, въ семь часовъ вечера, разразилась надъ Филадельфіею ужасная буря съ сѣверо-востока, которую ощутили въ Бостонѣ только черезъ четыре часа, хотя этотъ городъ и лежитъ къ сѣверо-востоку отъ перваго. Изъ сравненія нѣсколькихъ донесеній, тѣмъболѣе вѣрныхъ, что въ этотъ день наблюдали лунное затмѣніе на разныхъ обсерваторіяхъ, открывается, что ураганъ, вездѣ дувшій съ сѣверо-запада, приближался съ юго-востока къ сѣверо-востоку съ быстротою шестнадцати миліаметровъ въ часъ.

Подобная-же буря съ сѣверо-востока была снова наблюдаема на Американскомъ берегу въ 1802 году. Она началась въ Чарльсъ-Тоунѣ, въ два часа по полудни, и дошла до Вашингтона только въ пять часовъ. Въ Нью-Іоркѣ, который лежитъ сѣвернѣе первыхъ двухъ городовъ, буря началась въ десять часовъ вечера, а въ Албани достигла только на другой день къ разсвѣту. На всемъ этомъ пространствѣ быстрота ея была въ шестнадцать миліаметровъ.

Я полагаю, что всякому пріятно будетъ видѣть таблицу разныхъ скоростей вѣтровъ, опредѣленныхъ наблюденіями физиковъ.

быстрота въ секунду. *метры.*	быстрота въ часъ. *метры.*	
0,5	1,800	— едва ощутительный вѣтеръ.
1	3,600	— ощутительный вѣтеръ.
2	7,200	— умѣренный вѣтеръ.
5,5	19,800	— довольно-сильный вѣтеръ.
10,0	36,000	— сильный вѣтеръ.
20,0	72,000	— очень-сильный вѣтеръ.
22,5	81,000	— буря.
27,0	97,200	— сильная буря.
36,»	104,400	— ураганъ.
45,»	162,000	— ураганъ, опрокидывающій дома и вырывающій деревья.

ПРИМѢЧАНІЕ III.

СМЕРЧИ.

(Смотри стран. 96).

До-сихъ-поръ смерчи объяснены еще самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Теоретикамъ нужны точныя и подробныя описанія этого феномена. Всего нужнѣе было-бы узнать: соленая-ли вода, или нѣтъ, въ томъ дождѣ, который изливается изъ смерча во всѣ стороны. Что-же касается до пушечныхъ выстрѣловъ, которыми стараются разбивать смер-

чи, то я сообщу любопытную записку капитана Напье (Napier) объ этомъ предметѣ.

«Когда (6 сентября 1814 года) смерчъ снова подался и двинулся, то движеніе его было направлено съ юга къ сѣверу, то-есть, въ противную сторону направленія вѣтра. Какъ это движеніе шло прямо на корабль, то капитанъ прибѣгнулъ къ средству, которое рекомендовано всѣми мораками, то-есть, онъ приказалъ произвесть нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ водяной столбъ. Ядро пересѣкло его на разстояніи одной трети отъ основанія. Столбъ разорвался на двѣ половины, горизонтально разсѣченныя, и каждый изъ сегментовъ носился нѣсколько времени въ воздухѣ, въ какой-то нерѣшимости, какъ-будто движимые разными противуположными вѣтрами. Черезъ минуту обѣ половины опять соединились, но не надолго: столбъ исчезъ, а огромное черное облако, замѣнившее его, разразилось проливнымъ дождемъ.

Когда смерчъ былъ перерѣзанъ ядромъ, разстояніе его отъ корабля было около полумили. Основаніе его, называя основаніемъ ту часть морской поверхности, которая кипѣла, имѣло до трехъ-сотъ футовъ въ діаметрѣ. Горло столба, то-есть, секторъ, образующійся восходящею трубою изъ облака, находилось въ эту минуту, по измѣреніямъ г. Напье, въ 40° по угломеру.

Принявъ двѣ тысячи пять-сотъ футовъ, или не много болѣе одной трети мили за горизонтальное разстояніе смерча отъ точки наблюденія съ корабля, найдемъ, что перпендикулярная высота столба, то-есть, восходящей трубы между моремъ и облакомъ, была въ тысячу семьсотъ-двадцать футовъ. Это опредѣленіе очень нужно, потому-что доказываетъ, что вода не поднимается во внутренней трубѣ столба посредствомъ одного давленія воздуха.

ПРИМѢЧАНІЕ IV.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Слѣдующая записка, извлеченная изъ инструкцій, составленныхъ братомъ моимъ въ 1838 году, для кругосвѣтнаго плаванія корвета *Ла-Бонитъ*, объяснитъ читателю все, что̀ мы до-сихъ-поръ знаемъ на-счотъ феномена *падающихъ звѣздъ*.

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ начали наблюдать явленія падающихъ звѣздъ, узнали, сколько этотъ феноменъ, такъ долго пренебрегаемый, сколько эти мнимые атмосферическіе метеоры, эти мнимыя воспламененія водороднаго газа, заслуживаютъ вниманія. Измѣреніе ихъ параллакса поставило ихъ уже гораздо-выше, нежели видимыя границы нашей атмосферы могутъ допустить, по теоріямъ, до-сихъ-поръ признаннымъ *). Отыскивая видимое направленіе, по которому *обыкновенно* движутся падающія звѣзды, узнали, что если они и воспламеняются въ нашей атмосферѣ, то все-таки не въ ней зарождаются, а приходятъ извнѣ. Это направленіе, *наиболѣе обыкновенное*, кажется *діаметрально – противуположнымъ поступательному движенію земли по своей орбитѣ*.

Желательно было-бы, чтобъ этотъ результатъ былъ подтвержденъ изслѣдованіемъ большаго количества наблюденій. А потому мы думаемъ, что во все продолженіе плаванія *Бониты*, всѣ вахтенные офицеры должны за-

*) Сравнительныя наблюденія, дѣланныя въ 1823 году въ Бреславлѣ, въ Дрезденѣ, въ Лейденѣ, въ Бригѣ, Глейвицѣ и въ другихъ мѣстахъ, Профессоромъ Брандесомъ и нѣсколькими учениками его, дали до пяти-сотъ англійскихъ миль для высоты нѣкоторыхъ падающихъ звѣздъ. Видимая быстрота этихъ метеоровъ оказалась до тридцати-шести миль въ секунду. Это почти вдвое противу поступательнаго движенія земли около солнца. Если принять хотя половину этой быстроты за оптическій обманъ, происходящій отъ движенія земли по своей орбитѣ, все-таки останется восемнадцать англійскихъ миль въ секунду. Это гораздо-быстрѣе всѣхъ верхнихъ планетъ, исключая земли.

писывать появленія каждой падающей звѣзды, уголъ ея высоты надъ горизонтомъ, а болѣе всего *направленіе ея движенія*. Примѣнясь къ положенію главныхъ созвѣздій, чрезъ которыя онѣ проходятъ, можно съ одного взгляда рѣшить всѣ эти вопросы. Эти изысканія не будутъ утомительны. Нашихъ молодыхъ соотечественниковъ должно полстрекнуть уже одно то, что они явленіемъ падающихъ звѣздъ докажутъ, что земля наша такая-же планета, какъ и другія. Мы прибавимъ еще, что нѣтъ другаго способа доказать удивительное явленіе падающихъ звѣздъ, которое наблюдали съ 12 на 13 ноября 1833 года въ Сѣверной-Америкѣ, какъ предположивъ, что кромѣ большихъ планетъ, вращаются еще около солнца милліоны маленькихъ тѣлъ, которыя дѣлаются видимы только въ ту минуту, когда, проникнувъ въ нашу атмосферу, воспламеняются въ ней; что эти *астероиды* (какъ Гершель назвалъ нѣкогда Цереру, Палладу, Юнону и Весту) движутся группами; что онѣ существуютъ однакоже и отдѣльно, и что бдительное наблюденіе падающихъ звѣздъ рѣшитъ навсегда этотъ любопытный вопросъ.

Мы упомянули о наблюденіи падающихъ звѣздъ въ 1833 году въ Сѣверной-Америкѣ. Появленіе ихъ такъ быстро слѣдовало одно за другимъ, что не было никакой возможности ихъ счесть. Самыя умѣренныя исчисленія даютъ въ результатѣ нѣсколько сотъ тысячъ *).

Онѣ видимы были вдоль восточнаго берега Америки, отъ Мексиканскаго залива до Галифакса, съ 9 часовъ вечера до восхода солнца, а въ иныхъ мѣстахъ онѣ видны были даже днемъ, въ восемь часовъ по-утру. *Всѣ эти метеоры появлялись изъ одной точки неба*, находящейся близъ звѣзды γ созвѣздія Льва, не-смотря на положеніе этой звѣзды въ-продолженіе этого времени отъ суточнаго движенія земли. Самый странный результатъ. И вотъ однакоже другой, не менѣе странный.

Мы уже сказали, что этотъ дождь звѣздъ былъ съ 12 на 13 ноября 1833 года.

Въ 1799 году Гумбольдтъ наблюдалъ такоеже явленіе въ Америкѣ; братья Моравы — въ Гренландіи; разныя другія особы въ Германіи.

Мѣсяцъ и число наблюденій все тоже — съ 12 на 13 ноября.

Это сходство чиселъ заставляетъ насъ просить молодыхъ нашихъ моряковъ тщательно наблюдать за всѣмъ, что на небѣ случится съ 10 по 15 ноября. Это тѣмъ-болѣе нужно, что нѣкоторые наблюдатели, которые могли пользоваться ясною атмосферою, въ 1834 году, открыли слѣды того-же явленія въ ночи съ 12 на 13 ноября *).

---

*) Падающія звѣзды были такъ многочисленны; онѣ появлялись вдругъ изъ столь-различныхъ мѣстъ видимаго горизонта, что исчисленіе ихъ могло-бы-быть только примѣрнымъ. Бостонскій наблюдатель сравнивалъ ихъ, въ минуту наибольшаго появленія, съ половиннымъ количествомъ снѣжинокъ, падающихъ во-время сильнаго снѣга. Когда феноменъ значительно ослабѣлъ, онъ насчиталъ *шесть-сотъ-пятьдесятъ* звѣздъ въ четверть часа, хотя исчисленіе его и простиралось только на полосу видимаго горизонта, которая была менѣе нежели десятая часть онаго. Онъ полагалъ, что это число только двѣ трети настоящаго, то-есть, что ихъ было *восемь-сотъ-шестьдесятъ-шесть*, а со всего горизонта *восемь-тысячъ-шесть-сотъ-шестьдесятъ*. Эта послѣдняя цифра дастъ 34,640 звѣздъ въ часъ. А какъ феноменъ продолжался болѣе семи часовъ, то число это простиралось въ Бостонѣ свыше 240,000, потому-что наблюденіе производилось тогда, какъ уже феноменъ начиналъ видимо ослабѣвать.

*) Г. Бераръ, командиръ брига *Луаре*, сообщилъ мнѣ выписку изъ своего журнала, слѣдующаго содержанія.

«13 ноября 1831 года, въ четыре часа утра, небо было совершенно чисто, пало много росы, и мы вдругъ увидѣли большое множество падающихъ звѣздъ и свѣтящихся метеоровъ большаго размѣра. Въ-продолженіе болѣе трехъ часовъ онѣ являлись, среднимъ числомъ, по двѣ въ минуту. Одинъ изъ этихъ метеоровъ, явившійся въ зенитѣ, прошолъ большое пространство съ востока на западъ и оставилъ послѣ себя широкую свѣтящуюся полосу (около полупоперечника луны), въ которой ясно были видны нѣкоторыя изъ радужныхъ цвѣтовъ. Эта полоса была видима больше шести минутъ.

ПРИМѢЧАНІЕ V.

ГРОМЪ.

Диссертація о громѣ, написанная моимъ братомъ, снабдила меня двумя примѣчаніями, тѣсно-связанными съ содержаніемъ моей книги. Въ первомъ примѣчаніи разсмотрѣнъ будетъ вопросъ:

«Такъ-ли часто бываетъ громъ въ открытомъ морѣ, какъ на материкахъ?»

Второе — будетъ относиться до задачи:

«Въ какое время года чаще случаются *поражающіе* удары?»

I.

Такъ-ли часто бываетъ громъ въ открытомъ морѣ, какъ на материкахъ?

Многіе утверждали — безъ малѣйшаго доказательства, — что на морѣ рѣже бываетъ громъ, нежели на материкахъ. Я хочу разсмотрѣть этотъ вопросъ. До-сихъ-поръ, всѣ мои изслѣдованія подтверждали эту гипотезу. Если отмѣчать на картѣ долготу и широту мѣстъ, въ которыхъ мореходцы были настигнуты грозою, то будетъ очевидно, что число этихъ пунктовъ уменьшается по мѣрѣ отдаленія отъ земли. Я даже начинаю думать, что перейдя за извѣстное разстояніе отъ материковъ, *уже никогда не бываетъ грома*. Я однако-же выдаю это мнѣніе со всевозможною осторожностію, потому-что, завтра-же, можетъ-быть, какой-нибудь путешественникъ докажетъ мнѣ, что я слишкомъ поторопился въ своемъ заключеніи. Впрочемъ, чтобъ вполнѣ удостовѣриться на этотъ счотъ, я не нашолъ лучшаго средства, какъ прибѣгнуть къ мореходной учености Капитана Дюперрэ (Duperrey). Когда я получу отъ него окончательное рѣшеніе этого вопроса, то буду вполнѣ убѣжденъ. Теперь боюсь преждевременно увѣрять всѣхъ. Но я могу однако-же рѣшительно утверждать, что по-мѣрѣ удаленія отъ материковъ, уменьшаются и грозы на морѣ. На-примѣръ, въ занимательномъ путешествіи *Бугенвиля* (Bougainville) я найду доказательство этого уменьшенія.

Фрегатъ *Ѳемида*, командуемый этимъ капитаномъ, оставилъ Туранскую рейду (Кохинхина) въ половинѣ февраля 1825 года, и поплылъ въ Сурабаію, къ юго-восточной оконечности острова Явы. Во-время этого переѣзда едва-ли одинъ разъ испыталъ онъ грозу съ громомъ. Пріѣхавъ туда, во все пребываніе корабля на рейдѣ (съ 19-го марта по 30-е апрѣля) громъ гремѣлъ каждый день послѣ обѣда. 1-го маія *Ѳемида* отправилась въ Портъ-Джаконсъ. Нѣсколько дней плыла она по параллели Сурабаіи. Но только-что она потеряла изъ вида Яву, какъ громъ пересталъ гремѣть. Однимъ словомъ, *прежде* достиженія своего до Сурабаіи метеорологисты Ѳемиды не записали ни одного громоваго удара; *во-время* пребыванія своего на рейдѣ, до самаго отплытія — громъ гремитъ всякой день; *послѣ* отплытія — уже ничего не слышно. Испытаніе вѣрно. Повторимъ однако-же, что выведенное нами слѣдствіе доказано наблюденіями, собранными во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Такимъ-образомъ атмосфера океановъ менѣе способна къ зарожденію грозы, нежели атмосфера материковъ и острововъ.

II.

Въ какое время года чаще случаются поражающіе удары?

Хоть я и далекъ отъ того, чтобъ считать пословицы и народныя поговорки за *мудрость народовъ*, но думаю, что и гг. естествоиспытатели не правы, пренебрегая ими въ предметахъ, относящихся до феноменовъ природы. Принимать ихъ безъ изслѣдованія было-бы большою ошибкою, но и отвергать безъ малѣйшаго вниманія — не меньшее заблужденіе. Руководствуясь ими, мнѣ часто удавалось доходить до важныхъ истинъ тамъ, гдѣ до тѣхъ-

норъ считали все дѣло плодомъ предразсудковъ. И теперь, не-смотря на всю странность деревенскаго афоризма и въ противность общепринятыхъ идей, я скажу: «что самая опасная гроза бываетъ въ холодное время года».

Я въ этомъ руководствовался фактами и наблюденіями, — и вотъ какимъ образомъ:

Я собралъ свѣдѣнія о *всѣхъ поражающихъ* ударахъ по числамъ и записямъ мореходныхъ журналовъ. Разумѣется, надобно было ограничиться *однимъ* полушаріемъ, потому-что къ сѣверу и къ югу отъ экватора — одни и тѣже мѣсяцы соотвѣтствуютъ совершенно-противуположнымъ временамъ года; я не касался тоже тропическихъ странъ, потому-что во весь годъ очень тамъ мало разницы въ температурѣ. Однимъ-словомъ, я ограничилъ себя пространствомъ отъ береговъ Англіи до Средиземнаго моря.

Вотъ результатъ собранныхъ свѣдѣній:

Январь.

1749 года. *Дувръ*, англійскій купеческій корабль, — 9-го числа, при 47°, 30′ сѣверной широты и 22°, 15′ западной долготы.

1762 — *Беллона*, англійскій 74-хъ пушечный корабль.

1784 — *Тисбея*, военный англійскій корабль, — 3-го числа у береговъ Ирландіи.

1814 — *Мильфордъ*, англійскій военный корабль — въ Плимутской гавани.

1830 — *Этна*, *Мадагаскаръ*, *Москито*, англійскіе военные корабли, — въ каналѣ, близъ Корфу.

Февраль.

1799 — *Камбріанъ*, англійскій военный корабль, 22-го числа, близъ Плимута.

1799 — *Террибль*, англійскій линейный корабль, 23-го числа у береговъ Англіи.

1809 — *Варренъ-Гастингсъ*, англійскій линейный корабль, — 14-го числа, въ Портсмутѣ.

1812 — *Три* линейные корабля, 23-го числа въ Лоріанѣ.

Мартъ.

1824 — *Лидія*, 23-го числа, во-время переѣзда изъ Ливерпуля въ Мирамикье.

Апрѣль.

1811 — *Энфатигабль*, *Варлей*, *Персеверансъ*, *Варренъ-Гастингсъ*, англійскіе корабли, служившіе конвоемъ, — 20-го числа, на 46°, 46′ сѣверной широты, 11° 39′ долготы.

1823 — *Аннибалъ* — изъ Бостона, 22-го числа, на 44° сѣверной широты, и 40° западной долготы.

1824 — *Гопевель* — купеческій англійскій корабль, — 22-го числа, на 44° 30′ сѣверной широты.

1824 — *Пенелопа* — изъ Ливерпуля, 22-го числа, на 46° сѣверной широты и 39° западной долготы.

1827 — *Нью-Іоркъ*, пакетботъ въ 500 тоннъ, 19-го числа, на 38° 9′ сѣверной широты, 61° 17′ западной долготы, во-время переѣзда изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль.

Май.

Не было.

Іюнь.

Не было.

Іюль.

1681 — *Альбемарль*, англійскій корабль, у мыса Кодъ на 42° сѣверной широты.

1830 — *Глочестеръ* и *Мельвиль*, Англійскіе линейные корабли, близъ Мальты.

Августъ.

1808 — *Султанъ*, англійскій линейный корабль, 12-го числа, въ Магонѣ.

Сентябрь.

1813 — Изъ числа тринадцати линейныхъ кораблей Лорда Эксмута, *пять* были поражены молніею 2-го числа, у устья Роны.

1822 — *Амфіонъ*, изъ Нью-Іорка, 21-го числа, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Нью-Іорка.

Октябрь.

1798 — *Руссель*, англійскій линейный корабль, 5-го числа, близъ Бель-Иля.

1813 — *Барфлёръ*, англійскій 98-ми-пушечный, въ Средиземномъ морѣ.

Ноябрь.

1696 — *Трумбуль*, — англійская галера, 26-го числа, на Смирнской рейдѣ.

1811 — *Бель Иль* — бригъ изъ Ливерпуля, близь Бидефорда.

1823 — *Лейпцигъ* — австрійскій фрегатъ, 12-го числа при въѣздѣ въ Кефалонискій каналъ.

1832 — *Сутгамптонъ*, англійскій, линейный корабль, 6-го числа, близь Дюнъ.

Декабрь.

1778 — *Атласъ* — корабль Остъ-индской компаніи, 31-го, въ Темзѣ, на якорѣ.

1820 — *Коквенъ*—Французское судно, 25-го числа на рейдѣ Неаполя.

1828 — *Ребокъ*, Англійскій каттеръ, въ Портсмутѣ.

1832 — *Логанъ*, изъ Нью-Іорка, 19-го числа, при переѣздѣ изъ Саванны въ Ливерпуль.

Пробѣжавъ это исчисленіе, когда вспомнишь сравнительно, сколько лѣтомъ бываетъ грозъ и какъ мало ихъ случается зимою, мудрено не убѣдиться, что, по-крайней-мѣрѣ, на открытомъ морѣ, грозы жаркихъ мѣсяцевъ не такъ опасны, какъ зимнія и осеннія. Хотя результатъ и неоспоримъ, но я-бы желалъ имѣть полную статистику этихъ случаевъ. Больше документовъ я не могъ достать. Не отъ меня зависѣло получить больше свѣдѣній отъ Французскаго Адмиралтейства, и представить подробнѣйшее исчисленіе Французскихъ кораблей. Объ англійскихъ кораблях я собралъ свѣдѣнія изъ превосходнаго сочиненія *Гарриса* о громовыхъ отводахъ.

ПРИМѢЧАНІЕ VI.

МИРАЖЪ.

(Смотри стран. 165).

Ученыя записки, съ множествомъ алгебраическихъ выводовъ, которыми повѣйшее состояніе науки обязано разнымъ геометрамъ, не убавили цѣны превосходной диссертаціи, помѣщенной нѣкогда *Монжемъ* въ *Египетской Декадѣ*. Нынѣ рѣдко можно достать эту статью, и я рѣшаюсь выписать трудъ этого знаменитаго основателя Политехнической школы.

Во-время похода Французской арміи черезъ пустыню, отъ Александріи до Тапра, всякой день наблюдали удивительный феноменъ, который былъ непостижимъ для бо́льшей части парижскихъ жителей. Чтобъ произвести этотъ феноменъ, надобно, чтобъ зритель находился въ большой долинѣ, почти въ уровень съ землею, и чтобъ долина эта, простираясь до края горизонта, получила возвышеннѣйшую противу воздуха температуру отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Эти три обстоятельства могли-бы быть соединены и въ песчаныхъ Бордосскихъ Ландахъ, потому-что тамошняя песчаная долина, подобно Нижне-Египетской, почти горизонтальна; она не ограничивается никакими горами, по-крайней-мѣрѣ, въ направленіи съ востока на западъ, и вѣроятно, что въ длинные лѣтніе дни эта песчаная почва пріобрѣтаетъ достаточную температуру. Слѣдственно, жителямъ Ландовъ этотъ феноменъ можетъ быть извѣстенъ. Мореходцы очень-хорошо его знаютъ, наблюдая часто въ открытомъ морѣ. Они ему дали названіе *миража*.

Конечно, причина миража на морѣ можетъ-быть вовсе другая, нежели на сухомъ пути; но дѣйствіе въ обоихъ случаяхъ одно и тоже. По этому я и не употреблялъ другаго названія для этого явленія.

Я опишу феноменъ; потомъ постараюсь объяснить его.

Почва нижняго Египта представляетъ почти горизонтальную равнину, которая, какъ поверхность моря, теряется при сліяніи небес-

наго свода съ землею. Однообразіе этихъ долинъ нарушается немногими возвышеніями, естественными, или искусственными, на которыхъ стоятъ деревни. Черезъ это онѣ выше черты наводненія Нила, а возвышенія, дѣлаясь рѣже къ пустынѣ, а чаще къ Дельтѣ, принимаютъ темный оттѣнокъ при сильно-освѣщенномъ небѣ; фиговыя и смоковничныя деревья еще ярче оттѣняютъ ихъ близь деревень.

Поутру и ввечеру видъ почвы не представляетъ ничего особеннаго, и между самимъ собою и деревнями зритель ничего не видитъ, кромѣ земли; но какъ-скоро почва достаточно разогрѣта лучами солнца, то, до той самой минуты, какъ она ввечеру начнетъ прохлаждаться, видъ почвы измѣняется, и въ отдаленіи на французскую милю, представляетъ уже какое-то всеобщее наводненіе. Деревни, стоящія за этимъ пространствомъ, кажутся островами, находящимися посреди озера, отъ котораго зритель отдаленъ небольшимъ разстояніемъ. У подножья каждой деревни зритель видитъ себя въ опрокинутомъ положеніи, точно какъ-будто дѣйствительно тутъ былабы масса прозрачной воды. Но какъ отраженіе это далеко отъ васъ, то вы и видите одну общую картину, а не подробности. Притомъже самое опрокинутое изображеніе нѣсколько не ясно, какъ будто-бы это было въ водѣ, когда она въ небольшомъ движеніи.

По-мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, которая кажется окруженою водою, края мнимой воды удаляются; проливъ, отдѣляющій васъ отъ деревень, съуживается, и наконецъ совершенно исчезаетъ; явленіе, прекращаясь для той деревни, къ которой вы подошли, возобновляется тутъ-же для слѣдующей, которую вы открываете въ нѣкоторомъ разстояніи.

Такимъ образомъ все содѣйствуетъ обману, который иногда очень-жестокъ, потому-что представляетъ вамъ изображеніе воды, въ ту минуту, какъ она вамъ болѣе всего нужна.

Объясненіе миража, которое я хочу представить, основано на нѣкоторыхъ основныхъ правилахъ оптики, которыя, вѣроятно, всѣмъ извѣстны, но которыя нужно однако упомянуть здѣсь.

Если лучъ свѣта проходитъ изъ прозрачнаго тѣла въ болѣе плотное, и направленіе этого луча перпендикулярно къ плоскости, раздѣляющей оба тѣла, то направленіе это не подвергается никакому измѣненію, то есть, что прямая линія луча во второмъ тѣлѣ есть только продолженіе той прямой, которая вышла изъ перваго; но если направленіе луча образуетъ уголъ съ перпендикуляромъ плоскости, то: 1-е, лучъ преломляется при переходѣ такимъ образомъ, что уголъ, составляемый имъ во второмъ тѣлѣ менѣе; 2-е, какъ-бы ни великъ былъ уголъ, дѣлаемый лучомъ съ перпендикуляромъ плоскости, синусъ какъ этого угла, такъ и отраженнаго луча, всегда пропорціальны.

Синусы большихъ угловъ не возрастаютъ однако такъ быстро, какъ синусы малыхъ угловъ. Слѣдственно, если уголъ, составляемый падающимъ лучомъ и перпендикуляромъ, возрастетъ, то синусъ угла, составленнаго преломленнымъ лучомъ возрастаетъ пропорціонально съ синусомъ перваго, и возрастаніе самаго угла гораздо-менѣе, нежели возрастаніе падающаго угла. Такимъ-образомъ, по мѣрѣ увеличенія угла паденія, уголъ преломленнаго луча тоже увеличивается, но все менѣе и менѣе, такъ что, когда уголъ паденія самой большой поверхности, — то-есть, когда онъ до безконечности близокъ къ 90°, — преломленной уголъ въ менѣе 90°; это *maximum* закона, то-есть, что лучъ изъ перваго тѣла не можетъ перейти во второе подъ большимъ угломъ.

Если-же, напротивъ, лучъ свѣта, пройдя плотнѣйшее тѣло, войдетъ въ другое прозрачнѣйшее, то: 1-е, лучъ находится между перпендикуляромъ и направленіемъ преломленнаго луча, который дѣлаетъ уголъ *maximum*, то лучъ этотъ входитъ въ средину менѣе плотнаго тѣла; 2-е, если лучъ направляется изъ преломленнаго луча въ уголъ *maximum*, то выходитъ, дѣлая съ перпендикуляромъ, уголъ въ 90°, или оставаясь въ площади касательной поверхности (тангенсъ). Но ежели уголъ, дѣлаемый лучомъ съ перпендикуляромъ болѣе нежели *maximum* угла рефракціи, — или что все равно, — ежели уголъ находится между поверхностью и преломленнымъ лучомъ угла *maximum*, то онъ не выходитъ изъ плотной средины; онъ отражается на поверхности и возвращается внутрь той-же средины, дѣлая уголъ отраженія равный углу паденія, потому-что эти углы на одной площади, перпендикулярной поверхности.

На этомъ послѣднемъ законѣ основано объясненіе *миража*.

Прозрачность атмосферы, то-есть, способность ея свободно пропускать лучи свѣта, не позволяетъ ей пріобрѣсть высокую температуру отъ нагрѣванія солнцемъ; но когда солнечные лучи, пройдя атмосферу, ударятся о песчаную почву, которая составляетъ дурной проводникъ тепла, и сильно нагрѣется отъ нихъ, то нижній слой атмосферы, прилегающій

въ этой разогрѣтой почвѣ, достигаетъ высокой температуры.

Этотъ разогрѣтый слой воздуха расширяется; удѣльный вѣсъ его уменьшается, и, по законамъ гидростатики, поднимается лотѣхъ-поръ, пока, охладясь, встрѣтитъ воздухъ равной плотности. Поднявшійся слой воздуха замѣняется ближайшимъ слоемъ, сквозь который онъ проходитъ, и вскорѣ самъ подвергается тому-же процессу. Отъ этого происходитъ безпрерывное движеніе разрѣженнаго воздуха, поднимающагося сквозь плотный, который опускается, — и это движеніе обнаруживается струями, которыя колеблятъ и измѣняютъ изображеніе постоянныхъ предметовъ, находящихся за этимъ передвиженіемъ.

Въ нашихъ европейскихъ климатахъ мы видимъ иногда тоже подобныя струи и отъ тѣхъ-же причинъ; но онѣ не такъ часты и не имѣютъ той восходящей быстроты, какъ въ пустынѣ Египта, гдѣ высота солнца и сухость почвы, не производя никакого испаренія, не даютъ теплотвору никакой другой цѣли.

Слѣдственно, около полудня и во время сильнѣйшаго дневнаго жара, слой атмосферы, ближайшій къ почвѣ, дѣлается рѣже тѣхъ слоевъ, которые выше и непосредственно надъ нимъ находятся.

Блескъ неба производится лучами свѣта, отраженными по всѣмъ направленіямъ освѣщенными частицами атмосферы. Тѣ лучи, которые спускаются съ высокихъ частей неба и которые падаютъ на землю подъ большимъ угломъ съ горизонтомъ, преломляются, входя въ нижній разрѣженный слой и уже падаютъ на почву подъ меньшимъ угломъ. Но тѣ, которые падаютъ съ нижнихъ частей неба и образуютъ съ горизонтомъ малые углы, не могутъ уже выходить изъ плотнаго слоя въ ту минуту, когда они падаютъ на поверхность, отдѣляющую нижній, разрѣженный слой атмосферы отъ плотнѣйшаго. По вышеизложенному закону оптики, они отражаются къ верху, дѣлая уголъ отраженія равный углу паденія, какъ-будто поверхность, раздѣляющая оба слоя, составляетъ зеркало. Отразясь, они представляютъ глазу зрителя, находящемуся въ плотномъ слоѣ, опрокинутое изображеніе нижнихъ частей неба, видимыхъ подъ горизонтомъ.

Въ этомъ случаѣ, если вы не предупреждены въ этомъ оптическомъ обманѣ, часть неба, видимая посредствомъ отраженія, почти также освѣщена, какъ и непосредственно видимая; вамъ кажется небо ниже и границы горизонта ближе и ниже настоящаго. Если это явленіе происходило-бы на морѣ, то высота солнца, снятая инструментомъ, измѣнилась-бы и представилась ниже дѣйствительнаго. Но если на сухомъ пути нѣкоторые предметы, какъ-то: деревни, деревья, или холмы, обнаруживаютъ вамъ, что границы горизонта отдаленнѣе и что небо не спускается такъ низко,—то, какъ поверхность воды обыкновенно видима подъ небольшимъ угломъ только посредствомъ отраженія небеснаго свода, вы, видя отраженіе этого неба, воображаете, что видите поверхность воды, отражающей лучи свѣта.

Селенія и деревья, находящіяся въ приличномъ отдаленіи, перехватывая часть лучей, падающихъ съ нижнихъ частей неба, производятъ тѣни въ отраженномъ изображеніи небеснаго свода. Эти тѣни составлены изъ самыхъ этихъ предметовъ въ опрокинутомъ положеніи, потому-что лучи, исходящіе отъ нихъ и дѣлающіе съ горизонтомъ углы равные перехваченнымъ лучамъ, отражаются точно такимъ-же образомъ, какъ и сіи послѣдніе. Но какъ отражающая поверхность, раздѣляющая два слоя воздуха различной плотности, ни совершенно гладка, ни совершенно неподвижна, то отраженные предметы кажутся неяснымъ и волнующимися у краевъ, какъ будто-бы это вода, которой поверхность тихо колышется.

Теперь ясно, почему феноменъ сей не можетъ произойти, когда горизонтъ ограниченъ цѣпью горъ. Горы перехватываютъ лучи, исходящіе изъ нижнихъ частей неба, и пропускаютъ надъ собою только тѣ лучи, которые съ разрѣженною поверхностію составляютъ довольно-большіе углы, недопускающіе отраженія.

Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, то-есть, предположивъ, что плотность и густота слоя разрѣженнаго воздуха всегда одинаковы и что температура верхняго слоя неизмѣнна,—самый большой уголъ, подъ которымъ лучи свѣта могутъ быть отражены, опредѣляется постояннымъ образомъ синусами угловъ паденія и отраженія для обѣихъ срединъ. А какъ, изъ всѣхъ отраженныхъ лучей, тѣ, которые составляютъ самый большой уголъ съ горизонтомъ, кажутся выходящими изъ самой близкой точки къ началу феномена, то, въ обыкновенномъ порядкѣ, эта точка и была-бы въ постоянномъ отдаленіи отъ наблюдателя: такъ-что если наблюдатель движется впередъ, то и точка, въ которой начинается мнимое наводненіе, должна двигаться съ тою-же скоростію и потому-же направленію. Такимъ-образомъ, если наблюдатель идетъ къ деревнѣ, которая кажется окруженною наводненіемъ, то

берега видимой воды должны нечувствительно приближаться къ этой деревнѣ, сравняться съ нею и вскорѣ перейти за нее.

Когда солнце близь горизонта, при своемъ восхожденіи, то земля еще не успѣла нагрѣться; при закатѣ, она уже довольно охладилась, и не можетъ произвести явленія миража. Слѣдственно, очень-трудно, чтобы кромѣ истиннаго изображенія солнца, можно было видѣть второе, отраженное возвышенною температурою нижняго слоя атмосферы. Однако-же во второй части луны, когда она встаетъ вскорѣ по-полудни, обстоятельства очень-удобны для миража, и тогда, если блескъ солнца и чистота атмосферы позволяютъ видѣть луну при ея восходѣ, то видно два изображенія луны, одно надъ другимъ, по одной вертикальной линіи. Этотъ феноменъ извѣстенъ подъ названіемъ *параселена*.

Прозрачность морской воды позволяетъ солнечнымъ лучамъ проникать въ ея внутренность до значительной глубины. Поверхность ея не такъ нагрѣвается, какъ песчаная почва земли; она не сообщаетъ ближайшему къ ней слою атмосферы возвышенной температуры, и потому *миражъ* не можетъ такъ часто случаться на морѣ, какъ на сушѣ. Но возвышенность температуры не одна причина, которая постояннымъ давленіемъ разрѣжаетъ нижній слой температуры. Дѣйствительно, воздухъ распускаетъ въ себѣ воду, не теряя своей прозрачности, и Соссюръ доказалъ, что удѣльный вѣсъ воздуха уменьшается по мѣрѣ содержащихся въ немъ водяныхъ частицъ. Слѣдственно, когда вѣтеръ, дующій въ морѣ, принесетъ слой воздуха, ненасыщеннаго водою, то нижній слой атмосферы, который въ соприкосновеніи съ поверхностію моря, распускаетъ вновь воду и расширяется. Эта причина, при небольшомъ возвышеніи температуры, можетъ произвесть обстоятельства, выгодныя для миража, и порождаетъ явленіе, которое мореходы часто наблюдаютъ.

Эта послѣдняя причина, то-есть, разрѣженіе нижняго слоя атмосферы, произведенное раствореніемъ въ воздухѣ большаго количества воды, можетъ случиться во всякое время дня, хотя-бы солнце было на горизонтѣ, или на меридіанѣ. Слѣдственно, очень-легко, чтобы эта-же причина произвела двойныя солнца, которыя иногда видимы бываютъ при восхожденіи или захожденіи сего свѣтила подъ видимымъ горизонтомъ. Но я никогда не имѣлъ случая видѣть этого феномена, который впрочемъ рѣдко случается, и не могъ наблюдать обстоятельствъ, сопровождающихъ это явленіе.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Послѣ чтенія этой диссертаціи, мнѣ часто случалось наблюдать миражъ на сухомъ пути, при разныхъ обстоятельствахъ и въ разное время года. Результатъ былъ совершенно сходенъ съ даннымъ мною объясненіемъ, до малѣйшей подробности, такъ-что и теперь не сомнѣваюсь въ достовѣрности всего сказаннаго. Изъ всѣхъ моихъ наблюденій я полагаю нужнымъ сообщить только одно.

Я былъ съ генераломъ Бонапарте въ Суэзской долинѣ, когда онъ объѣзжалъ русло прежняго канала, соединявшаго Красное-море со Средиземнымъ. Долина эта, въ нѣсколько миль ширины, ограничивается на востокѣ цѣпью горъ, простирающихся отъ Сиріи до Синая, а на западѣ горами Египта. Горы эти съ обѣихъ сторонъ довольно-высоки, и преграждаютъ лучи свѣта, идущіе изъ нижнихъ частей неба, а тѣ лучи, которые онѣ не перехватываютъ, падаютъ на землю подъ слишкомъ большимъ угломъ, и не могутъ быть отраженными нижнимъ и разрѣженнымъ слоемъ атмосферы. И потому въ самые жаркіе часы дня не видно на поверхности земли ни одной части отраженнаго неба и ни съ которой стороны не замѣтно признака наводненія. Но дѣйствія миража все-таки существуютъ. Предметы, стоящіе въ полу-оборотѣ, сходственно съ нижними частями неба, отражаются отдѣльно, но очень-неясно, по малому своему объему и темному цвѣту противу неба. Кромѣ изображенія, произведеннаго непосредственными лучами солнца, лучи, исходящіе изъ самыхъ этихъ предметовъ и падающіе на землю, отражаются въ нижнемъ слоѣ атмосферы, какъ-бы лучи, упавшіе съ нижнихъ частей неба и порождаютъ двойное изображеніе, опрокинутое и стоящее вертикально надъ первымъ.

Эта двойственность изображеній производитъ оптическій обманъ, противу котораго надобно быть приготовленнымъ въ степи, занятой непріятелемъ, гдѣ никто не можетъ объяснить вамъ видимые предметы, которыхъ явленіе безпокоитъ васъ.

ПРИМѢЧАНІЕ VII.

О ВЫСОТѢ ВОЛНЪ.

(Смотри стран. 290).

Какъ высоки бываютъ волны во-время сильнѣйшихъ бурь? Какъ великъ ихъ продольный объемъ? Какъ велика быстрота ихъ движенія? Эти три вопроса еще не разрѣшены.

Высота волнъ всегда говорится примѣрно. Но чтобъ показать, какъ *приближенно* исчисленіе ошибочно, какъ воображеніе участвуетъ въ немъ, стоитъ только сказать, что мореходцы, заслуживающіе всякую довѣренность, утверждаютъ — одни, что величайшія волны поднимаются на *пять* метровъ, другіе-же говорятъ, что на *тридцать-три*. Слѣдственно, наука требуетъ не примѣрнаго показанія, но настоящихъ мѣръ, которыя можно было-бы провѣрить математически.

Мы знаемъ, что это трудно, но препятствія не непреодолимы, и во всякомъ случаѣ вопросъ такъ занимателенъ, что стоитъ употребить нѣкоторыя усилія для разрѣшенія его. Впрочемъ, нѣсколько краткихъ размышленій могутъ повести къ поясненію задачи.

Предположимъ на-минуту, что волны океана неподвижны, окаменѣли. Что-бы сдѣлали на кораблѣ, внезапно остановившемся въ выемѣ волны, для измѣренія дѣйствительной высоты этой волны, для показанія вертикальнаго разстоянія между вершиною и основаніемъ? Наблюдатель началъ-бы всходить на мачту, и, глядя на высоту волны, остановился-бы на той точкѣ, гдѣ горизонтальная линія, выходящая изъ его глаза, казалось-бы ему *касательною* къ вершинѣ волны: высота перпендикуляра отъ глаза до *ватер-линіи* корабля, стоящаго въ выемѣ, была-бы найденною высотою волны. Ну, такъ эту-же самую операцію надобно дѣлать при всѣхъ движеніяхъ, при всѣхъ безпорядкахъ морской бури.

Когда корабль на мѣстѣ и наблюдатель неподвиженъ, высота его глаза надъ поверхностію моря легко можетъ быть исчислена. Но во-время бури волны и вѣтеръ наклоняютъ корабль и мачты, то на одну, то на другую сторону. Слѣдственно, высота съ каждаго пункта, на-примѣръ съ *марсъ-стеньги*, измѣнялась-бы безпрестанно, и офицеръ, выбравшій это мѣсто для наблюденій, не иначе можетъ исчислить высоты вертикальной *координаты*, какъ съ помощію другаго офицера, стоящаго на палубѣ и слѣдующаго за всякимъ движеніемъ корабля и мачтъ. Когда ограничиваются отысканіемъ этой координаты до ошибки около одной трети метра, то задачу очень-легко рѣшить, особливо если для наблюденій избираютъ ту минуту, когда корабль находится въ натуральномъ своемъ положеніи, слѣдственно, то мгновеніе, когда онъ въ глубинѣ выема волны.

Остается найдти средство, чтобъ удостовѣриться, что линія, исходящая изъ глаза, составляетъ прямую, горизонтальную съ высотою волны.

Высоты двухъ ближайшихъ волнъ надъ выемомъ находятся на одной горизонтальной линіи. Положимъ, что горизонтальная линія зрѣнія, исходя изъ глаза наблюдателя въ ту минуту, какъ корабль находится въ выемѣ волны, пройдетъ черезъ вершину приближающейся волны. Если продолжить эту линію въ противу-положную сторону, то она пройдетъ и черезъ вершину задней волны. Это условіе необходимо,—и тогда, съ помощію инструмента, извѣстнаго подъ названіемъ *deep-sector*, или съ обыкновенными кругами, снабженными зеркаломъ, можно видѣть въ одно и тоже время точку впереди и позади лежащую. Секторъ покажетъ наблюдателю, поднимающемуся постепенно на мачту, ту минуту, когда его глазъ придетъ на горизонтальную площадь, составляющую тангенсъ двухъ ближайшихъ волнъ. Это именно рѣшеніе нашего вопроса.

При этомъ мы полагали, что захотятъ наблюдать всю точность, свойственную морскимъ инструментамъ. Гораздо-проще и почти достаточно было-бы простыми глазами найти точку на мачтѣ, гдѣ зритель, будучи въ выемѣ волны, видѣлъ-бы только вершины ближайшей и прошедшей волнъ. Это всякой могъ-бы сдѣлать и во-время величайшихъ бурь, когда употребленіе отражательныхъ инструментовъ было-бы затруднительно, и когда, кромѣ матроса, никто не рѣшится лѣзть на мачту.

Продольную величину волнъ узнаютъ по сравненію съ длиною корабля, — а быстроту измѣряютъ извѣстными способами. И потому, оканчивая эту статью, мы поставляемъ на видъ всѣмъ морскимъ офицерамъ королевскаго флота, совершающимъ путешествія вокругъ свѣта, эти вопросы, заслуживающіе особеннаго вниманія.

ПРИМѢЧАНІЕ VIII.

О ТЕМПЕРАТУРѢ ЗЕМЛИ.

(Смотри стран. 297).

Земля, въ отношеніи температуры, достигла-ли до постоянной точки?

Рѣшеніе этого важнаго вопроса не требуетъ, кажется, болѣе ничего, какъ вѣрнаго и непосредственнаго наблюденія среднихъ температуръ *одного и того-же мѣста*, собранныхъ въ разныя отдаленныя эпохи. Но размысливъ хорошенько о мѣстныхъ обстоятельствахъ и видя, сколько близость озера, лѣса, голой или лѣсистой горы, песчаной долины или луга, можетъ измѣнять температуру, всякой пойметъ, что однихъ термометрическихъ данныхъ недостаточно, и что надобно удостовѣриться, что какъ самое мѣсто наблюденія, такъ и окружающія страны, не подверглись никакому измѣненію въ физическомъ и земледѣльческомъ отношеніяхъ. Очевидно, что эти обстоятельства дѣлаютъ вопросъ слишкомъ-сложнымъ. Къ прямымъ цыфрамъ наблюденій, присоединяются гадательныя наблюденія, которымъ положительный умъ никогда не довѣряетъ.

Нѣтъ-ли средствъ разрѣшить недоумѣніе? Есть - и не трудное. Это то, чтобъ наблюдать температуру *въ открытомъ морѣ, далеко отъ материковъ*. Прибавимъ еще, что если изберутъ экваторіальныя страны, то вовсе не надобно цѣлаго года наблюденій: достаточно только двухъ, трехъ переѣздовъ черезъ линію. Дѣйствительно, въ Атлантическомъ-океанѣ всѣ наблюденія путешественниковъ крайнихъ температуръ дали выводъ 27° и 29° стоградуснаго термометра. Допустивъ необходимыя ошибки, всякой пойметъ, что съ хорошимъ инструментомъ невѣрность одного наблюденія высшей температуры въ Атлантическомъ-океанѣ, на экваторѣ, не можетъ простираться болѣе одного градуса, и что можно считать на вѣрность средняго числа, извлеченнаго изъ четырехъ наблюденій, съ погрѣшностью какой-нибудь дроби градуса. Слѣдственно, вотъ результатъ легкій и непосредственно связанный съ причинами теплотвора и охлажденія земли, безъ малѣйшаго вліянія мѣстныхъ сбстоятельствъ, какъ на сушѣ. Вотъ метеорологическая *данная*, которую каждое столѣтіе должно передавать слѣдующему.

Между метеорологистами были сильные споры на-счотъ теплотворнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, какое они производятъ посредствомъ поглощенія ихъ атмосферою въ разныхъ странахъ. Одни приводятъ въ примѣръ наблюденія, сдѣланныя у полярнаго круга и изъ которыхъ кажется странное заключеніе, что: *солнце сильнѣе нагрѣваетъ въ высокихъ широтахъ, нежели въ низкихъ*. Другіе отвергаютъ этотъ выводъ, или, по-крайней мѣрѣ, говорятъ, что онъ не доказанъ. Экваторіальныя наблюденія, взятыя для сравненія, кажутся имъ также недостаточными, или что они были сдѣланы не при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Слѣдственно, эти наблюденія должно поручить всѣмъ мореплавателямъ. Имъ нужно для этого два термометра, которыхъ реципіенты съ одной стороны не равномѣрно

поглощаютъ солнечные лучи, а съ другой не были-бы слишкомъ чувствительны къ охлаждающимъ теченіямъ воздуха. Можно удовлетворить этимъ условіямъ, взявъ два обыкновенные и ровные термометра и покрывъ ртутной шаръ одного бѣлою шерстью, а другаго — чорною. Эти термометры, поставленные другъ подлѣ друга на солнцѣ, никогда не покажутъ одинаковаго числа градусовъ: чорный термометръ будетъ всегда выше. Теперь вопросъ только въ томъ, чтобъ опредѣлить разность обоихъ показаній: меньше-ли она у экватора, нежели у мыса Горна?

Разумѣется, что сравнительныя наблюденія должны быть дѣлаемы при одинакой высотѣ солнца и въ самую ясную погоду. Небольшая разность въ высотѣ не помѣшаетъ впрочемъ счисленію наблюденій, если только приняли на себя трудъ, опредѣлить, на различныхъ широтахъ, по какой прогрессіи съ восхода солнца до полудня, и съ полудня до заката, разность обоихъ инструментовъ возрастаетъ и упадаетъ. Въ тѣ дни, когда сильный вѣтеръ, не надобно дѣлать наблюденій, хотя-бы было и ясно.

Много было-бы аналогіи и съ другимъ подобнымъ наблюденіемъ, а именно: надобно опредѣлить *maximum* температуры, какую солнце можетъ придать песчаной почвѣ въ экваторіальныхъ мѣстахъ. Въ Парижѣ, въ августѣ 1826-го года, въ ясную погоду, нашли мы, что термометръ, положенный горизонтально и прикрытый на миллиметръ толщины растительною землею, показывалъ $+54^0$. Тотъ-же инструментъ, прикрытый рѣчнымъ пескомъ на два миллиметра, показывалъ только $+46^0$.

Опыты, которые мы предлагаемъ, могутъ, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, дать мѣру прозрачности атмосферы. Эта прозрачность можетъ быть наблюдаема въ обратномъ и любопытномъ отношеніи, а именно посредствомъ лучистости ночей (rayonnement nocturne). Мы рекомендуемъ и это обстоятельство вниманію мореходцевъ.

Уже болѣе пятидесяти лѣтъ извѣстно, что термометръ, поставленный въ ясную погоду на траву луга, показываетъ 6^0, 7^0 и даже до 8^0 *менѣе*, нежели такой-же термометръ, повѣшенный на воздухѣ. Только съ 1817 года, съ помощію важныхъ и разнообразныхъ опытовъ, Веллсъ доказалъ, что эта неровность температуры происходитъ отъ того, что *ясное небо имѣетъ очень-слабую способность лучистости.*

Экранъ, положенный между твердыми тѣлами и небомъ, будетъ препятствовать ихъ охлажденію, потому-что этотъ экранъ препятствуетъ лучистости этихъ тѣлъ сообщаться съ ледяными слоями небесной тверди. Облака дѣйствуютъ такимъ-же образомъ; они замѣняютъ экранъ. Но если мы назовемъ *облакомъ* всякое испареніе, препятствующее солнечнымъ лучамъ проникать внизъ, или теплотворнымъ лучамъ идти снизу вверхъ, то нельзя никогда назвать атмосферу чистою. Все будетъ разница.

Эта разность, какая-бы она ни была, можетъ быть исчислена степенью ночнаго охлажденія твердыхъ тѣлъ, съ тою замѣчательною особенностію, что прозрачность, такимъ образомъ измѣряемая, есть *средняя прозрачность* всего горизонта, а не одной отдѣльной полосы.

Чтобъ дѣлать эти наблюденія съ наиболѣе выгодными обстоятельствами, надобно избирать тѣла, которыя наиболѣе охлаждаются лучистостію. По изслѣдованіямъ Веллса, *лебяжій пухъ* всего лучше. Термометръ, *котораго ртутный шаръ окруженъ этимъ пухомъ*, долженъ быть поставленъ въ такомъ мѣстѣ, изъ котораго весь горизонтъ былъ-бы виденъ, на деревянномъ столѣ съ отдѣльными ножками. Другой термометръ, съ обнаженнымъ шаромъ, долженъ быть повѣшенъ въ воздухѣ, на нѣкоторой высотѣ отъ земли. Надъ нимъ устроить экранъ, *который-бы мѣшалъ всякому излученію лучей въ пространство.* Результатомъ показаній этихъ двухъ термометровъ, Веллсъ получилъ въ Англіи до 8^0 $3'$ разности. Странно было-бы въ экваторіальныхъ странахъ, столь знаменитыхъ своею чистотою воздуха, находить всегда меньшій результатъ. Безъ-сомнѣнія, намъ не нужно напоминать, сколько-бы могли принести пользы подобные опыты, если-бъ они были повторены на высокихъ горахъ Мовна-Роа, или Мовна-Каа, на Сандвичевыхъ островахъ.

Температура воздушныхъ слоевъ тѣмъ ниже, чѣмъ возвышеннѣе эти слои. Исключеніе изъ этого правила случается *ночью, въ ясную и тихую погоду.* Тогда до нѣкоторой высоты замѣчаютъ возрастающую прогрессію. Тогда, по опытамъ Пикте (Pictet), которому обязаны открытіемъ этой аномаліи, термометръ, повѣшенный въ двухъ метрахъ отъ земли, будетъ всю ночь показывать 2^0—3^0 *менѣе*, нежели такой-же термометръ, повѣшенный въ двадцати метрахъ *выше.*

Если вспомнить, что твердыя тѣла, находящіяся на поверхности земли, перехолятъ, посредствомъ лучистости, при ясномъ небѣ, въ холоднѣйшую температуру, нежели окружающій ихъ воздухъ, то всякому будетъ ясно, что этотъ самый воздухъ, отъ сообщенія съ охлаждающимися твердыми тѣлами, долженъ

тѣмъ болѣе охлаждаться, чѣмъ ближе онъ будетъ къ землѣ. Это очень-хорошо объясняетъ любопытный фактъ, представленный знаменитымъ женевскимъ физикомъ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ ему послужить повтореніе опыта Пикте въ открытомъ морѣ, сравненіемъ, ночью, при ясной и тихой погодѣ, термометра, поставленнаго на палубѣ, съ другимъ, повѣшеннымъ на верху мачты : хотя верхній слой воздуха надъ океаномъ тоже подвергается дѣйствію ночной лучистости, какъ пухъ, шерсть, трава и проч., но какъ-скоро температура упала, этотъ слой опускается, сдѣлавшись гуще, нежели нижніе слои. По этому нельзя слѣдовать теоріи Вильса, предполагающаго столь значительное мѣстное охлажденіе въ иныхъ тѣлахъ на поверхности земли, и аномальное охлажденіе нижнихъ слоевъ воздуха. Все заставляетъ думать, что возрастающая прогрессія атмосферической температуры, не имѣетъ мѣста въ открытомъ морѣ; что тамъ термометръ палубы и мачты дадутъ почти одинаковой результатъ. И все-таки опыты очень-любопытны. Въ глазахъ осторожнаго физика догадка и опытъ чрезвычайно-далеки другъ отъ друга.

Въ нашихъ климатахъ, слой земли, неиспытывающій никакихъ перемѣнъ въ дневной температурѣ и въ годовыхъ измѣненіяхъ, находится очень-далеко отъ поверхности земли. Въ экваторіальныхъ странахъ со всѣмъ иначе. Тамъ, по наблюденіямъ Буссенго, достаточно опустить термометръ на треть метра, чтобъ онъ постоянно показывалъ одну и туже температуру, развѣ съ разницею одной или двухъ десятыхъ градуса. А потому путешественники очень-легко могутъ опредѣлить съ точностію среднюю температуру всѣхъ мѣстъ между тропиками, гдѣ-бы они ни находились, на горахъ, или въ долинахъ. Если они будутъ снабжены рудокопнымъ буравомъ, то стоитъ только просверлить дыру въ одну треть метра и опустить термометръ.

Надобно замѣтить однако, что дѣйствіе бурава въ твердой почвѣ, и даже въ простой землѣ, производитъ теплоту, слѣдственно, надобно подождать, пока этотъ жаръ пройдетъ, прежде нежели начинать опытъ. Надобно также, чтобъ во все продолженіе воздухъ не возобновлялся въ отверстіи. Мягкое тѣло, какъ напримѣръ картонъ, прикрытый камнемъ, достаточно преградитъ входъ воздуха. Термометръ булетъ снабженъ снуркомъ, посредствомъ котораго его вытащатъ.

Наблюденія Г. Буссенго, — на основаніи которыхъ мы рекомендовали бураваніе земли на одну треть метра, чтобъ узнать среднюю температуру на всемъ между-тропическомъ пространствѣ, — произведены имъ были въ закрытыхъ мѣстахъ, въ нижнихъ жильяхъ, въ хижинахъ Индѣйцевъ, или въ простыхъ сараяхъ. Тамъ почва находится огражденною отъ непосредственнаго нагрѣванія чрезъ поглощеніе солнечныхъ лучей, отъ ночной лучистости и отъ прониканія дождей. Слѣдственно, надобно поставить себя въ тѣже условія, потому-что, безъ сомнѣнія, на открытомъ воздухѣ, въ мѣстахъ незагражденныхъ, надобно-бы было спуститься ниже, нежели на одну треть метра, чтобъ достигнуть слоя, постоянно показывающаго одну температуру.

Наблюденіе за температурою колодезной воды на посредственной глубинѣ можетъ также, какъ извѣстно, дать вѣрно и безъ затрудненія выводъ *средней температуры* поверхности почвы. Мы не *должны* забыть, что сама Академія рекомендовала этотъ способъ.

Мы будемъ тоже настаивать на наблюденія температуры *теплыхъ минеральныхъ источниковъ*. Если температура ихъ, — какъ и полагать надо, — происходитъ отъ значительной глубины, изъ которой они истекаютъ, то не надо удивляться, что *горячихъ* источниковъ такъ мало. — И однакоже, неудивительно-ли, что не находили еще ни *одного*, котораго-бы теплота приближалась къ степени кипѣнія менѣе двадцати градусовъ стоградуснаго термометра? *) — Если свѣдѣнія, примѣрнымъ образомъ собранныя на Филиппинскихъ островахъ и на островѣ Люсонѣ, не обманываютъ насъ, то тамошніе источники достигаютъ этой степени. И тамъ, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ есть подобные источники, нужно собрать *данныя* на вопросъ: измѣняется-ли съ вѣками температура ихъ? и дѣйствительно-ли эта выникающая вода проходитъ изъ весьма-глубокихъ слоевъ земли?

На Сандвичевыхъ островахъ нужно было-бы измѣрить барометрическимъ образомъ гору Мовна-Роа. Термометрическія наблюденія, сдѣланныя на вершинѣ этой уединенной горы и сравненныя съ наблюденіями на берегу моря, дадутъ результаты о упадкѣ атмосферической температуры и о границѣ вѣчныхъ снѣговъ, которые будутъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что составятся далеко отъ материковъ.

При всходѣ на Мовна-Роа не надобно забыть записать на каждомъ привалѣ — *направленіе вѣтра*.

---

*) Мы не причисляемъ къ этой категоріи Гейзеровъ Исландіи и другихъ подобныхъ явленій, которыя очевидно зависятъ отъ дѣйствія вулкановъ. Самый теплый источникъ, который мы знаемъ, это *Шодъ-Эгъ* (Chaudes-Aigues) въ Овернѣ, котораго вода + 80° стоградуснаго термометра.

ПРИМѢЧАНІЕ IX.

ПОДВОДНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ МОРѢ.

(Смотри стран. 299).

Океанъ пресѣкается множествомъ теченій. Астрономическія наблюденія, дѣлаемыя на корабляхъ во-время морскихъ путешествій, служатъ къ опредѣленію ихъ направленія и быстроты. Не менѣе того любопытно однако наслѣдовать: откуда они происходятъ? и въ какой полосѣ земнаго шара они берутъ начало? Термометръ можетъ вести къ этому открытію.

Всѣ знаютъ труды Франклина, Благдена, Іонаѳана Виллемса, Гумбольдта, Капитана Сабина о *Гульфъ-Стримѣ* (Gulph-Streem). Никто теперь не сомнѣвается, чтобъ *Гульфъ-Стримъ* не былъ равноленственнымъ теченіемъ, которое, отразясь въ Мексиканскомъ заливѣ и вылившись изъ Багамскаго пролива, течетъ отъ юга къ сѣверу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Сѣверо-американскихъ береговъ, сохраняя, какъ рѣка теплой воды, часть той температуры, которую имѣла подъ тропиками. Это теченіе раздвоивается. Одна вѣтвь идетъ, — какъ говорятъ, — умѣрять климатъ Ирландіи, Оркадскихъ, Шетландскихъ острововъ и Норвегіи. Другая постепенно склоняется, возвращается назадъ, переходитъ Атлантику съ *сѣвера на югъ*, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ Испаніи и Португаллія,— и, послѣ большаго обхода, опять возвращается въ экваторіальное теченіе, изъ котораго вышла.

Вдоль береговъ Америки, положеніе, широта и температура Гульфъ-Стрима были довольнохорошо опредѣлены подъ каждою параллелью, чтобъ, безъ малѣйшаго шарлатанства, можно издать книгу подъ названіемъ *Термометрическаго морскаго путешествія* (Thermometrical Navigation), для руководства мореходцевъ, посѣщающихъ эти воды. — Обратная вѣтвь теченія гораздо-менѣе извѣстна. Высокая ея температура уже почти исчезла, когда она достигаетъ до Гибралтара, и едва-ли наблюденія откроютъ тутъ скоро что-нибудь. Только морскіе офицеры могутъ содѣйствовать въ этомъ наслѣдованіи, если, начиная отъ Кадикскаго мередіана до самаго восточнаго изъ Канарскихъ острововъ, будутъ опредѣлять чрезъ *каждые полчаса пути* температуру океана, съ вѣрностію десятичной части градуса.

Говорятъ о теченіи *теплой воды*. Напротивъ мореходцы встрѣтятъ вдоль береговъ Хили и Перу, теченіе *холодной* воды. Начиная съ параллели Хилое, оно быстро идетъ отъ юга къ сѣверу, и несетъ до параллели Бѣлаго мыса (Cap-Blanc) холодную струю, пришедшую изъ Австральнаго круга. Гумбольдтъ первый открылъ ее, и во-время путешествія корабля *Ла-Кокиль* (*La Coquille*), она была въ-подробности изучена. Частыя наблюденія температуры океана, которыя, вѣроятно, всѣ мореходцы будутъ дѣлать между экваторомъ и мысомъ Горномъ, будутъ служить къ усовершенствованію и развитію прежнихъ результатовъ, и въ особенности доставленныхъ капитаномъ Дюперре.

Маіоръ Римель (Reamel) опредѣлилъ съ подробною точностію теченіе, которое идетъ вдоль юго-восточнаго берега Африки, вдоль отмели *Агуллясъ*. По наблюденіямъ Джона Деви, оно имѣетъ температуру въ 4^0 и 5^0 стоградусника выше, нежели ближайшія моря. Эта высокая температура тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія мореходцевъ, что полагаютъ въ ней причину паровъ, называемыхъ *салфеткою* (la nappe) и одѣвающихъ всегда, при юго-восточномъ вѣтрѣ, *Столовую гору*.

Но какъ въ расчоты мореходца должны входить не только нѣсколько часовъ, но и дней совершеннаго штиля, особливо если онъ часто обязанъ переѣзжать черезъ линію, мы думаемъ, что новѣйшія экспедиціи должны запасаться термометрографами и аппаратами для бросанія лота, чтобъ въ свободное время измѣрять глубину океана въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Теперь почти нѣтъ сомнѣнія, что холодныя струи нижнихъ водъ въ экваторіальныхъ странахъ, происходитъ отъ *подводныхъ теченій* съ полюсовъ. Если-бъ наблю-

девія и рѣшили утвердительно этотъ вопросъ *теоріи*, то мы все-таки рекомендуемъ продолжать ихъ для пользы науки. Кто, напримѣръ, не видитъ, что глубина, на которой будетъ найдена самая низшая точка тепла, зависитъ, подъ каждою параллелью, непосредственно отъ общей глубины океана, — и, слѣдственно, можно надѣяться, что послѣднее мы въ состояніи будемъ узнавать отъ термометрическаго измѣренія глубины?

Іонаванъ Виллемсъ открылъ, что вода холоднѣе на отмеляхъ, нежели въ открытомъ морѣ. Гумбольдтъ и Джонъ Деви приписывали это любопытное явленіе не подводнымъ теченіямъ, которыя, будучи остановлены, поднимаются вдоль крутаго берега и скользятъ потомъ по поверхности, — но лучистости. Когда небо ясно, то отъ этой лучистости вышніе слои океана должны очень охлаждаться. Но всякое охлажденіе, кромѣ полярныхъ странъ, гдѣ море на 0° температуры, производитъ сгущеніе слоя и охлажденіе его волнъ. Предположите, что въ океанѣ нѣтъ дна; эти слои упадутъ на большое разстояніе отъ поверхности и очень-мало уменшатъ температуру; но на отмели, когда по тѣмъ-же причинамъ совершаются тѣже дѣйствія, охладѣвшіе слои накопляются и вліяніе ихъ дѣлается очень-чувствительнымъ.

Каково-бы ни было это объясненіе, но всякой почувствуетъ, что наука мореходства много выиграетъ, если фактъ Іонаѳана Виллемса подтвердится. Метеорологисты примутъ также съ большою благодарностію сравнительныя таблицы температуры верхнихъ водъ на открытомъ морѣ и на отмеляхъ. Какъ, въ особенности, нужно имъ знать посредствомъ термометрографа температуру волнаго слоя, *которой непосредственно лежитъ* на почвѣ отмелей!

ПРИМѢЧАНІЕ X.

ДОЖДЬ НА МОРѢ.

(Смотри стран. 305).

Мореплаватели говорятъ иногда о дождяхъ, случавшихся во-время переѣзда ихъ черезъ экваторіальную полосу, такимъ образомъ, что заставляютъ думать, будто бы въ открытомъ морѣ сноснѣе дожди, нежели на материкахъ. Но до-сихъ-поръ это еще одни предположенія. Рѣдко принимали на себя трудъ изыскивать эти вещи точными опытами. Эти опыты однакоже не трудны. Мы, напримѣръ, видимъ, что капитанъ Тукей (Tuckey) производилъ ихъ множество во-время несчастной своей экспедиціи по рѣкѣ *Конго*. И потому просимъ всѣхъ, командующихъ кораблями, вѣшать *удометры* на заднюю часть корабля, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бы дождь, стекающій съ парусовъ и снастей, не вливался въ нихъ.

Очень любопытно было-бы, еслибъ при этомъ наблюденіи опредѣлили температуру дождя и высоту, съ которой онъ падаетъ.

Чтобъ узнать съ нѣкоторою достовѣрностію температуру дождя, надобно, чтобъ масса воды была значительна въ сравненіи съ сосудомъ, принимающимъ его. Металлическій удометръ неудовлетворилъ-бы этому требованію. Гораздо-лучше принимать дождевую воду воронкою, сдѣланною изъ тонкой и плотной ткани, откуда сливается она въ стаканъ тонкаго стекла, въ которомъ стоитъ маленькой термометръ. Это для узнанія температуры. Возвышенность-же тучь, гдѣ образуется дождь, узнается только во-время грозы. Тогда, число секундъ между блеснувшею молніею и трескомъ грома, умноженное на 337 метровъ (быстрота звука) даетъ длину гипотенузы такого прямоугольнаго треугольника, котораго вертикальная сторона составляетъ именно ту высоту, которую вы ищете. Эта высота можетъ быть изчислена математически, если посредствомъ

инструмента съ отраженіемъ смѣрить уголъ, образуемый горизонтомъ и линіею, которая, исходя изъ глаза наблюдателя, кончается на томъ мѣстѣ, гдѣ блеснула молнія.

Положимъ на минуту, что на корабль падаетъ дождь гораздо-холоднѣе, нежели должны быть облака по высотѣ своей и быстротѣ атмосферическаго охлажденія. Всякой поймете, какъ подобный результатъ былъ-бы важенъ въ метеорологіи.

Съ другой стороны предположимъ, что во время *града* (потому-что въ открытомъ морѣ идетъ градъ), таже система наблюденій доказала-бы, что градины образовались въ такой полосѣ, гдѣ температура атмосферы гораздо выше точки замерзанія, — и наука будетъ обогащена фактомъ, за который *будущая теорія града* будетъ благодарна. Мы бы прибавили и еще много причинъ, по которымъ подобныя наблюденія были-бы нужны, — но довольно и первыхъ двухъ.

Есть чрезвычайные феномены, о которыхъ наука имѣетъ мало наблюденій по той причинѣ, что тѣ, кому удалось ихъ видѣть, не говорятъ объ этомъ, боясь попасть въ число мечтателей, или невѣждъ. Къ числу этихъ феноменъ мы относимъ нѣкоторые дожди экваторіальныхъ странъ.

Иногда между тропиками идетъ дождь при самой чистой атмосферѣ, при самомъ ясномъ небѣ. Капли этого дождя не очень часты и плотны, но величиною своею превосходятъ самыя большія дождевыя капли нашихъ климатовъ. Это вѣрный фактъ. Свидѣтелемъ Гумбольдтъ, который наблюдалъ его во внутренности материка, а потомъ Бекей (Beechey), въ открытомъ морѣ. О причинахъ-же, низвергающихъ сверху такимъ страннымъ образомъ эту массу воды, мы не знаемъ. Въ Европѣ видно иногда зимою, въ самую ясную погоду и въ полдень, какъ тихо падаютъ маленькіе кристаллы льда, которыхъ объемъ увеличивается всею сыростію, какая можетъ пристать къ нимъ во время паденія. Это сходство не наведетъ-ли на открытіе истины? Большія капли дождя не были-ли первоначально въ высшихъ слояхъ атмосферы маленькими частицами льда, чрезвычайно-холодными? не много пониже превратились онѣ отъ накопленія такихъ-же частей въ большіе куски льда; еще ниже, — и онѣ распустились водою. Разумѣется, что это одни предположенія, чтобъ показать только, съ какой точки зрѣнія феноменъ можетъ быть изученъ, и чтобъ мореходцы, которые будутъ свидѣтелями столь-страннаго дождя, наблюдали: не видать-ли на небѣ, откуда дождь падаетъ, какого-нибудь признака круга около солнца. Если этотъ признакъ будетъ открытъ, то существованіе льдяныхъ кристалловъ въ верхнихъ слояхъ неба, не будетъ подвержено никакому сомнѣнію.

Теперь во всякой странѣ есть метеорологисты; — но надобно признаться, что они производятъ наблюденія въ разные часы, безъ разбора и невѣрными или дурно-расположенными инструментами. По ежедневнымъ наблюденіямъ въ одинъ и тотъ-же часъ, не мудрено было-бы отыскать среднюю температуру. Впрочемъ всякія метеорологическія таблицы будутъ полезны, по какимъ-бы часамъ ни были собраны, лишь-бы наблюденія производимы были образцовыми термометрами и барометрами.

Вездѣ, гдѣ произведены будутъ подобныя сравненія, мѣстныя метеорологическія наблюденія будутъ имѣть свою цѣну. Вмѣсто копій, которыя трудно было-бы получить, достаточно собрать газеты.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ. V

МЫСЛИ АВТОРА. XV

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА. XVII

I. ТУЛОНЪ. — Острова Балеарскіе. — Гибралтаръ. 1

II. ТЕНЕРИФЪ. — Древняя атлантида Платонова. — Гуанчи. — Нравы. — Шквалъ. 9

III. ОТЪ ОСТРОВОВЪ КАНАРСКИХЪ ДО ЭКВАТОРА. — Пойманный *шаркъ* (аккула). — Обрядъ перехода черезъ равноденственную черту. 16

IV. МОРЕ. — Пёти. — Маршэ. 23

V. ОТЪ ЭКВАТОРА ДО БРАЗИЛІИ. — Захожденіе солнца. — Ріо-Жанейро . 29

VI. РІО-ЖАНЕЙРО. — Корковадо. — Продавецъ негровъ. 38

VII. РІО-ЖАНЕЙРО. — Библіотека. — Невольники. — Подробности. . . . 48

VIII. РІО-ЖАНЕЙРО. — Вильеганьйонъ. — Бриліантовой жезлъ. — Дуэль между Паулистомъ и Наполеоновскимъ полковникомъ. 59

IX. БРАЗИЛІЯ. — Пёти и Маршэ. — Ссора. — Дикари. — Смерть Лаборда. — Мысъ Доброй-Надежды. 70

X. МЫСЪ ДОБРОЙ-НАДЕЖДЫ. — Львиная охота. — Подробности. . . . 85

XI. ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСЪ. — Пожаръ. — Ураганъ. — Подробности. — Замбала. — Качуча. — Плиски. — Празднества чорныхъ. — Овальный столъ. . . 95

XII. БУРБОНЪ. — Сенъ-Дени. — Китъ и пила рыба. — Сенъ-Поль. — Волканы. — Наке и Табега. 121

XIII. БУРБОНЪ. — Пёти. — Гюгъ. — Невольники. 127

XIV. НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ. — Дикіе людоѣды. — Отъѣздъ. 133

XV. ТИМОРЪ. — Охота на крокодиловъ. — Китайцы. — Малайцы. 143

XVI. ТИМОРЪ. — Китайцы. — Райи. — Императоръ Петръ. — Нравы. . . . 153

XVII. МОРЕ. 164

XVIII. ОМБАЙ. — Людоѣды. — Фокусникъ. — Драма. 172

XIX. ТИМОРЪ. — Діэли. — Короткое объясненіе. — Г. Пинто. — Подробности. — Нравы. — Боа. 181

XX. ТИМОРЪ. — Боа (продолженіе). — Двое Раійевъ. — Подробности. — Болѣзнь. — Отъѣздъ. 191

XXI. МОЛУКСКІЕ ОСТРОВА. — Ночное нападеніе. — Король Гебейскій. . . 198

XXII. РАВАККЪ. — Дикіе. — Змѣи. — Ящерицы. — Опять Пёти. — Ошибка. 205

Стран.

XXIII. РАВАККЪ. — Рыбная ловля. — Король Гебейскій и Цёти. — Молодая дѣвица. — Отплытіе. — Смерть Лабиша. — Различные архипелаги. — Каролинскіе острова. 214

XXIV. ВЗГЛЯДЪ НА ПРОШЕДШЕЕ. 223

XXV. НА МОРѢ. — Ловля китовъ. 227

XXVI. ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ. 239

XXVII. ПРОДОЛЖЕНІЕ ОБЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЯХЪ. 244

XXVIII. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Гухамъ. — Хумата. — Проказа 251

XXIX. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Обозрѣніе внутренности. — Долорида. . . . 256

XXX. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Гухамъ. — Аганья. — Праздники. — Подробности. 263

XXXI. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Гухамъ. — Нравы. — Подробности. — Марикита и я. 271

XXXII. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Гухамъ. — Марикита (продолженіе). — Анжело и Доминго 278

XXXIII. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Путешествіе въ Тиніанъ. — Каролинскіе острова. — Таморъ спасаетъ мнѣ жизнь. 286

XXXIV. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Ротта. — Развалины. — Тиніанъ. — Домъ древностей. 293

XXXV. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Возвращеніе въ Аганью. — Плаваніе Каролинцевъ. — Праздники, данные губернаторомъ. 302

XXXVI. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Небольшая повѣсть. — Болѣзни. — Подробности. — Нравы. 312

XXXVII. МАРІАНСКІЕ ОСТРОВА. — Общая исторія. — Перечень. 320

УЧОНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ. 327

Пассатные вѣтры. . . . . —

Объ ураганахъ. 329

Смерчи. 330

Падающія звѣзды. 331

Громъ. 333

Миражъ. 335

О высотѣ волнъ. 339

О температурѣ земли. 340

Подводныя теченія въ морѣ. 343

Дождь на морѣ. 344

Z-3.5122

ЛЕНИНГРАДТОРГ
45 -
Малая
Инв. 11140